

Александр Дюма Робин Гуд

Перевод: Г. Берсенева

Часть первая. Король разбойников

ПРЕДИСЛОВИЕ

История полной приключений жизни Робин Гуда, которого в Англии называли outlaw («стоящий вне закона», «изгнанник»), Передавалась из поколения в поколение и стала широко распространенной в народе легендой. Тем не менее историку часто недостает документов, чтобы изложить странное существование знаменитого разбойника. В то же время большое число преданий, относящихся к Робин Гуду, носят печать подлинности и бросают яркий свет на нравы и жизненный уклад его времени.

В отношении происхождения нашего героя его биографы не сходятся между собой: одни считают, что он был знатного рода, другие же оспаривают, что он носил титул графа Хантингдона. Но как бы то ни было, Робин Гуд был последний сакс, пытавшийся противостоять норманнскому владычеству.

Весьма возможно, что большинство событий истории, которую мы собираемся поведать читателю, при всей их кажущейся правдоподобности относятся к области вымысла, поскольку нет никаких предметных доказательств их достоверности. И все же повсеместная популярность Робин Гуда дошла до нас во всей своей первоначальной живости и яркости. Нет такого английского автора, который не посвятил бы ему несколько добрых слов. Кордан, церковный писатель четырнадцатого века, называет его *ille famosissimus sicarius* («знаменитейший разбойник»); Мейджор дает ему титул «человеколюбивейшего короля разбойников». Автор одной прелюбопытнейшей латинской поэмы, датированной 1304 годом, сравнивает его с Уильямом Уоллесом, шотландским героем. А знаменитый Гэмден, говоря о нем, замечает: «Робин Гуд – благороднейший из разбойников». И наконец, великий Шекспир в комедии «Как вам это понравится», желая описать образ жизни Герцога и дать представление о его счастье, выражается так:

«Говорят, что он уже в Арденнском лесу, а с ним вместе много веселых людей и что там они живут, как прославленный Робин Гуд Английский. Говорят, что с каждым днем к нему прибывает много молодых дворян и что они проводят время беззаботно, как это делали в золотом веке».

Если бы нам вздумалось перечислять здесь имена всех авторов, высказавших лестное мнение о Робин Гуде, мы бы злоупотребили терпением читателя, и нам достаточно будет сказать, что во всех бесчисленных легендах, песнях, балладах, хрониках, где о нем упоминается, он предстает человеком глубокого ума и беспримерной отваги и мужества. Великодушный, терпеливый и добрый Робин Гуд был горячо любим не только своими товарищами (ни один из них ни разу не предал и не покинул его), но и всеми жителями графства Ноттингем.

Робин Гуд являет собой единственный пример человека, который, не будучи канонизирован, все же имел свой день поминовения. Вплоть до конца шестнадцатого века простой народ, короли, князья, городские власти как в Шотландии, так и в Англии отмечали этот день играми, учрежденными в его честь.

«Всеобщая биография» сообщает, что во Франции Робин Гуд стал известен благодаря прекрасному роману сэра Вальтера Скотта «Айвенго». Однако, чтобы лучше понять историю этой знаменитой шайки разбойников, следует вспомнить, что со времен завоевания Англии Вильгельмом норманнские законы об охоте наказывали браконьеров ослеплением и кастрацией. Такая двойная кара, которая была хуже, чем смерть, вынуждала тех, кому она грозила, укрываться в лесах. И средства к существованию давало им лишь то самое ремесло, которое ставило их вне закона. Большую часть браконьеров составляли саксы, которых норманнское завоевание лишило имущества. Поэтому для них ограбить богатого норманнского сеньора было почти то же самое,

что вернуть себе достояние отцов. Именно это обстоятельство, прекрасно разъясненное в эпическом романе «Айвенго» и в предлагаемом далее вниманию читателя повествовании о приключениях Робин Гуда, и не позволяет смешивать знаменитых outlaws с обыкновенными ворами.

I

То было в царствование Генриха II, в год 1162-й от Рождества Христова: два путника, грязная одежда которых свидетельствовала о пройденном ими долгом пути, а утомленные лица – об их крайней усталости, ехали вечером по узким тропам Шервудского леса в графстве Ноттингем.

Воздух был холоден; деревья с едва пробивающейся мартовской зеленью вздрагивали под порывами ветра, в котором еще чувствовалось дыхание зимы, и, по мере того как гасли последние лучи солнца, окрашивая в пурпур облака на горизонте, на землю ложился густой туман. Вскоре небо совсем потемнело, и пронесшийся над лесом шквалистый ветер дал знать, что ночью будет буря.

– Ритсон, – сказал старший из путешественников, укутываясь в плащ, – ветер стал совсем свирепым; вы не боитесь, что буря застанет нас в дороге, да и правильно ли мы едем?

– Прямо к цели, милорд, – ответил Ритсон, – и если мне не изменяет память, и часа не пройдет, как мы постучимся в дверь дома лесника.

Три четверти часа они ехали молча, потом тот, кого его спутник величал милордом, воскликнул в нетерпении:

– Скоро мы приедем, наконец?

– Через десять минут, милорд.

– Хорошо; но этот лесник, этот человек, кого ты называешь Хэдом, заслуживает моего доверия?

– Да, безусловно заслуживает, милорд; мой зять Хэд – человек суровый, прямой и честный; он почтительно выслушает историю, придуманную вашей милостью, и поверит в нее; он не знает, что такое ложь, и даже недоверие ему неведомо. Смотрите, милорд, – радостно воскликнул Ритсон, прервав похвальное слово леснику, – видите там отблески света на деревьях? Так вот, их отбрасывают окна дома Гилберта Хэда. Сколько раз в молодости я благословлял как путевую звезду свет этого очага, когда вечером мы возвращались усталые с охоты! И Ритсон застыл, мечтательно и умиленно глядя на мерцающий огонек, пробудивший в нем воспоминания прошлого.

– А ребенок спит? – спросил дворянин, которого волнение слуги совсем не тронуло.

– Да, милорд, – ответил Ритсон, и лицо его тотчас приняло выражение полнейшего безразличия, – крепко спит, но, клянусь спасением души, я не понимаю, зачем вашей милости нужно прилагать такие усилия, чтобы сохранить жизнь маленькому существу, которое так вредит вашим интересам? И если вы хотите навсегда отделаться от этого ребенка, не всадить ли ему в сердце клинок на два дюйма? Я к вашим услугам, только прикажите. Обещайте лишь в награду упомянуть мое имя в вашем завещании, и наш маленький соня больше не проснется.

– Замолчи, – резко оборвал его дворянин, – я не желаю смерти этого невинного создания! Я боюсь, что в будущем все может обнаружиться, но предпочитаю мучиться страхом, а не угрызаться совестью из-за преступления. Впрочем, я смею надеяться, и более того, даже верить, что тайна, окутывающая рождение этого ребенка, никогда не откроется. Если же случится иначе, то это может быть только твоя работа, Ритсон, и клянусь тебе, что отныне я буду пристально следить за всеми твоими шагами и поступками. Воспитанный как крестьянин, он не будет страдать от заурядности своего положения; он построит себе счастье в соответствии со своими вкусами и привычками, и об имени и состоянии, которые он, не ведая того, сегодня теряет, сожалеть не будет.

– Да свершится ваша воля, милорд! – холодно отозвался Ритсон. – Но, по правде сказать, жизнь такого малыша не стоит даже тягот пути из Хантингдоншира в Ноттингемшир.

Тем временем путники, наконец, спешили перед хорошеньким домиком, запрятанным в лесной чаще, как птичье гнездышко.

– Эй! Сосед Хэд, – закричал Ритсон веселым и зычным голосом, – отоприте побыстрее, дождь так и хлещет, а отсюда видно, что у вас пылает очаг. Отпирайте, приятель, отпирайте, это ваш родственник просит у вас гостеприимства.

В доме послышалось глухое ворчание собак, а осторожный лесник начал с того, что спросил:

– Кто там стучит?

– Друг.

– Какой друг?

– Роланд Ритсон, твой шурин. Открой же, мой добрый Гилберт.

– Ты Роланд Ритсон из Мансфилда?

– Да, да, я самый, брат Маргарет. Да ты откроешь, наконец? – закричал в нетерпении Ритсон. – За столом поговорим.

Дверь наконец отворилась, и путники вошли в дом. Гилберт Хэд сердечно пожал руку шурина и, вежливо поклонившись дворянину, сказал:

– Добро пожаловать, сэр рыцарь, и не обвиняйте меня в нарушении законов гостеприимства, хоть я несколько минут и держал перед вами дверь на запоре и не приглашал вас к очагу. Жилище мое стоит уединенно, а по лесу бродят разбойники, и это понуждает меня к осторожности, потому что недостаточно быть только смелым и сильным, чтобы избежать опасности. Так что примите мои извинения, благородный путник, и сообразоволяйте считать мой дом своим. Садитесь к огню и обсушите свое платье, а вашими лошадьми сейчас займусь. Эй, Линкольн! – крикнул Гилберт, приоткрывая дверь в соседнюю комнату. – Поставь лошадей этих путников под навес, потому что наша конюшня для них слишком мала, и дай им всего вдоволь: полную кормушку сена и соломы по брюхо.

Тотчас же появился крепкий крестьянин в одежде лесника; он пересек большую комнату и вышел, не полюбопытствовав даже взглянуть на пришедших; вслед за ним появилась хорошенькая женщина, не старше тридцати лет, и кинулась обнимать Ритсона, подставляя лоб его поцелуям.

– Дорогая Маргарет, сестричка! – воскликнул Ритсон, крепко целуя ее и разглядывая с простодушным восхищением, к которому примешивалось удивление, – да ты совсем не изменилась: и лоб такой же чистый, и глаза блестят, а губы и щеки розовые и свежие, как в те времена, когда наш добрый Гилберт ухаживал за тобой.

– Это потому, что я счастлива, – ответила Маргарет, бросая на мужа нежный взгляд.

– Ты могла бы сказать: «Мы счастливы», Мэгги, – добавил честный лесник. – У тебя такой чудесный характер, что у нас в доме не было еще ни обид, ни ссор. Но хватит об этом, позаботимся лучше о гостях... Друг мой шурин, снимайте плащ, вы же, сэр рыцарь, отряхните капли дождя, а то с вас течет, как утренняя роса с листьев. Ну а затем сядем ужинать. Скорее, Мэгги, положи охапку хвороста в очаг, а еще лучше – две; все лучшее, что есть в доме, ставь на стол, а кровать застели самыми белыми простынями, да поторопись.

Молодая женщина с живостью повиновалась мужу, Ритсон же в это время откинул назад полы плаща, и стало видно, что на руках у него красивый ребенок, завернутый в голубое шерстяное покрывало. Ею круглое, свежее и румяное личико свидетельствовало о том, что этот малыш, от силы пятнадцатимесячный, крепок и совершенно здоров.

Старательно расправив помятый чепчик на его головке, Ритсон положил ребенка так, чтобы его хорошенькое личико было получше освещено, и тихо позвал сестру.

Маргарет подбежала к нему.

– Мэгги, – сказал он, – у меня для тебя есть подарок, и тебе не придется упрекать меня в том, что, не видя тебя восемь лет, я вернулся с пустыми руками... Погляди, что я тебе принес.

– Пресвятая Дева! – воскликнула женщина, молитвенно сложив руки. – Пресвятая Дева, ребенок! Это твой ангелочек, Роланд? Гилберт, Гилберт, ты только погляди, какой хорошенький ребенок!

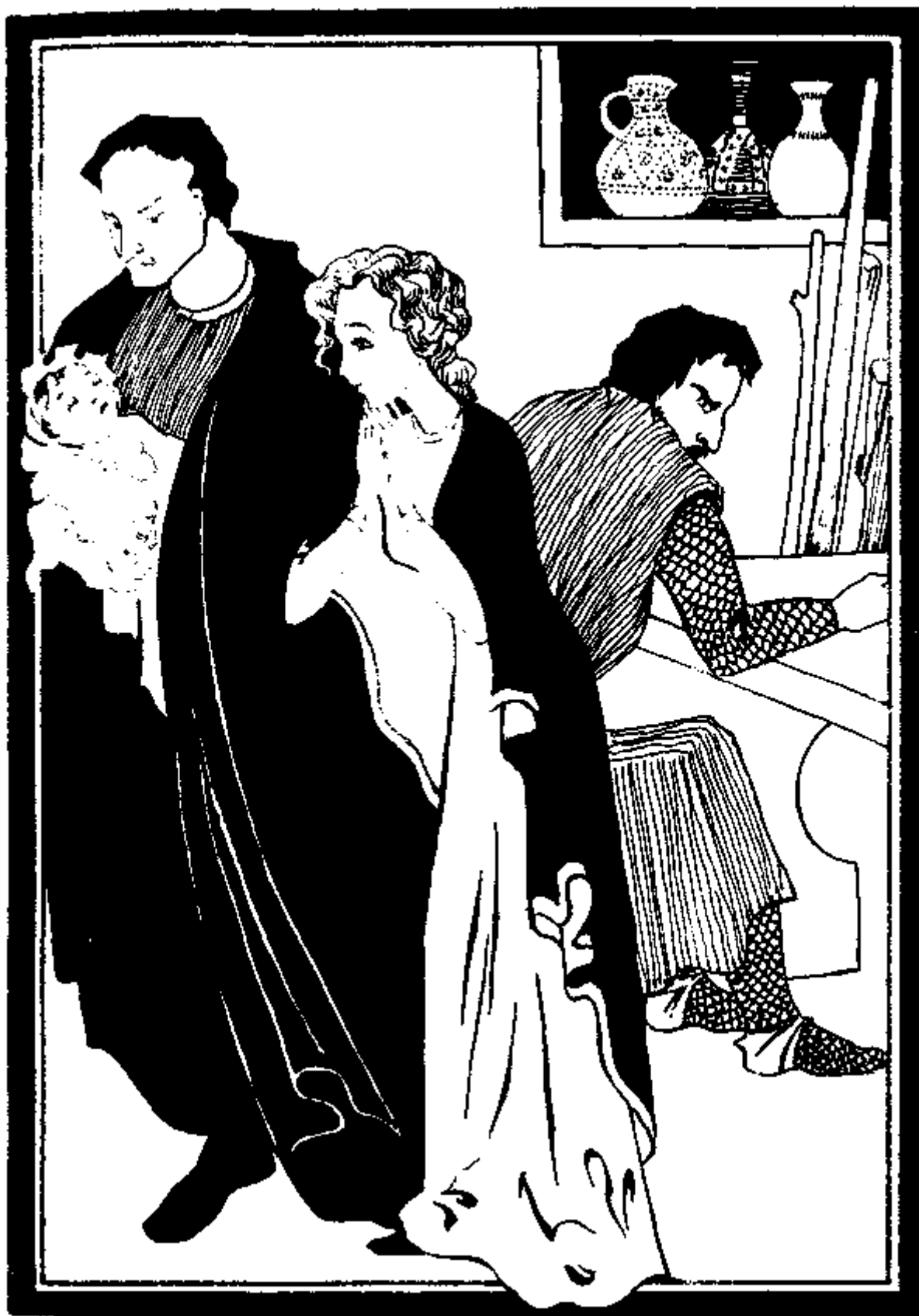
– Ребенок? У Ритсона на руках ребенок? – Гилберт, казалось, отнюдь не разделял восторга жены и строго глядел на своего шурина. – Брат, – серьезным тоном спросил лесник, – вы что,

оставив солдатское ремесло, в кормилицы записались? И что за причуда у вас появилась бродить по глухомани с дитятей под плащом? Что все это значит? Почему вы с ним явились сюда и что это за малыш? Давайте же рассказывайте все честно, я хочу все знать!

– Этот ребенок ко мне отношения не имеет, мой славный Гилберт; он сирота, а вот этот дворянин – его опекун. Его светлость знает, из какой семьи этот ангелочек, и он расскажет вам, зачем мы сюда явились. А пока, добрая моя Мэгги, займись этой драгоценной ношей, которую я несу на руках уже два дня... то есть два часа. Я уже устал играть роль кормилицы.

Маргарет живо схватила на руки спящего малыша, унесла его к себе в комнату, положила на свою кровать, осыпая поцелуями его ручки и шейку, плотно закутала в свою праздничную шаль и вернулась к гостям.

За ужином было достаточно весело, а когда он подошел к концу, дворянин сказал леснику:

– Интерес, который ваша прелестная женушка проявила к этому малышу, заставил меня решиться сделать вам одно предложение касательно его благополучия в будущем. Но прежде позвольте мне рассказать кое-какие подробности о семье, обстоятельствах рождения и нынешнем положении бедного сиротки, чьим единственным покровителем являюсь я. Его отец, мой товарищ по оружию в дни нашей молодости, проведенной в походах, был моим самым лучшим и

самым близким другом. Начало царствования нашего славного короля Генриха Второго мы вместе с ним пропели по Франции – то в Нормандии, то и Пуату, то в Аквитании, а потом расстались на несколько лет и встретились снова в Уэльсе. Мой друг, перед тем как покинуть Францию, безумно влюбился в одну девушку, женился на ней и привез ее в Англию к своим родным. К сожалению, семья эта была надменна и горда, поскольку состояла в родстве с королевским домом, и, полная глупых предрассудков, отказалась принять в свое лоно молодую женщину, ибо она была бедна и все ее благородство состояло лишь в благородстве чувств. Нанесенное ей оскорбление потрясло ее до глубины души, и она умерла через неделю после того как произвела на свет ребенка, которого мы хотим сейчас препоручить вашим заботам, ибо у него нет больше отца: мой бедный друг был смертельно ранен в одном сражении в Нормандии – тому скоро будет десять месяцев. Последние мысли моего умирающего друга были о сыне: он призвал меня к себе, поспешно сообщил мне имя и место жительства кормилицы и во имя нашей давней дружбы заставил меня поклясться, что я стану защитой и опорой этого сироты. Я поклялся и сдержал бы слово, но мне очень трудно это сделать, добрый Гилберт. Я ведь все еще солдат, жизнь моя проходит в гарнизонной службе или на полях сражений, и я не имею возможности лично заботиться об этом слабом создании. С другой стороны, у меня нет родственников и друзей, которым я мог бы без опасений доверить столь драгоценное существо. Я уже и вовсе не знал, какому святому молиться, когда мне пришла в голову мысль посоветоваться с вашим шурином Роландом Ритсоном, а он тут же вспомнил о вас; он рассказал, что вы уже восемь лет женаты на очаровательной и добродетельной женщине, но так и не стали отцом, и вам, вероятно, было бы приятно, не бесплатно разумеется, принять под свой кров бедного сиротку, сына храброго солдата. Если Бог пошлет этому ребенку жизнь и здоровье, он станет опорой моей старости; я поведаю ему славную и печальную историю того, кто дал ему жизнь, и мы с ним пройдем теми дорогами, которыми в молодости прошли его доблестный отец и я. А пока вы будете воспитывать его так, как если бы он был вашим собственным сыном, и вы будете это делать отнюдь не бесплатно, клянусь вам. Так ответьте же, добрый Гилберт, принимаете ли вы мое предложение?

Дворянин с беспокойством ждал ответа, а лесник вопросительно смотрел на жену, но хорошенькая Маргарет, отвернувшись от стола и наклонив голову к двери, ведущей в соседнюю комнату, с улыбкой прислушивалась к слабому дыханию спящего ребенка.

Ритсон, украдкой следивший за выражением лиц обоих супругов, понял, что, несмотря на сомнения Гилберта, его сестра хотела бы оставить мальчика себе, и сказал как можно убедительнее:

– Смех этого ангелочка, добрая моя Маргарет, сделает жизнь в вашем доме еще радостнее, и, клянусь святым Петром, не меньшую радость доставит тебе звон гиней, которые будет тебе ежегодно отсчитывать его милость. Ах, так и вижу тебя богатой и всегда счастливой; на местные праздники ты приводишь за руку хорошенького малыша, который зовет тебя матушкой: он одет, как принц, и сияет, как солнышко, а ты так и светишься от удовольствия и гордости!

Маргарет ничего не ответила, но посмотрела с улыбкой на Гилберта, чье молчание было превратно истолковано дворянином.

– Вы колеблетесь, добрый Гилберт? – спросил он, нахмутив брови. – Мое предложение вам не по душе?

– Простите, сэр, ваше предложение меня устраивает, и если моя дорогая Мэгги ничего не имеет против, мы оставим ребенка у себя. Ну же, жена, скажи, что ты об этом думаешь: как ты решишь, так и будет.

– Этот храбрый воин прав, – ответила молодая женщина, – ему растить этого ребенка невозможно.

– Ну так что же?

– Ну так я стану ему матерью, – промолвила Маргарет и, обращаясь к дворянину, добавила: – Если однажды вам придет в голову забрать обратно вашего приемного сына, мы вам его вернем с нелегким сердцем, но нас при этом будет утешать то, что у вас он будет счастливее, чем в убогом доме лесника.

– Слова моей жены означают, что мы беремся за это дело, – заявил Гилберт, – и я со своей

стороны клянусь беречь этого ребенка и быть ему отцом. А вот, господин рыцарь, и залог моего слова.

Он вытащил из-за пояса одну из своих перчаток и бросил ее на стол.

– Слово за слово, перчатка за перчатку, – произнес дворянин и тоже бросил на стол одну из своих перчаток. – Теперь остается только договориться о размере денежного содержания ребенка. Вот, добрый человек, держите, и каждый год вы будете получать столько же.

Вытащив из-под камзола кожаный мешочек, полный золотых монет, он попытался вручить его леснику. Но тот отказался.

– Спрячьте ваше золото, сэр; нежность и хлеб в этом доме не продаются.

Кожаный мешочек долго переходил из рук Гилберта в руки дворянина и обратно. Наконец, после переговоров, по предложению Маргарет решили, что деньги, которые рыцарь собирался ежегодно выделять на содержание мальчика, будут храниться в надежном месте и что их вручат ему, когда он достигнет совершеннолетия.

Уладив это дело ко всеобщему удовлетворению, все пошли спать. На следующее утро Гилберт поднялся чуть свет и с завистью разглядывал лошадей своих гостей, которых как раз чистил его слуга.

– Какие прекрасные кони, Линкольн! – сказал ему Гилберт. – Даже не верится, что они проделали двухдневный путь, такими бодрыми они выглядят. Клянусь святой мессой! На таких прекрасных скакунах могут ездить только принцы. Они, должно быть, стоят столько серебра, сколько весят мои лошадки. Да, кстати, я о них бедных и забыл совсем, а у них, должно быть, кормушки совсем пустые.

И Гилберт пошел в свою конюшню. Конюшня была пуста.

– Смотри-ка, а их тут и нет. Эй, Линкольн, ты что, уже выпустил лошадей пастись?

– Нет, хозяин.

– Вот еще странности какие, – прошептал Гилберт. Его вдруг охватило предчувствие, и он бросился в комнату Ритсона. Ритсона там не было.

«Может быть, он пошел будить рыцаря?» – сказал себе Гилберт, направляясь в комнату, где ночевал дворянин.

Но там тоже никого не было. В это время появилась Маргарет с ребенком на руках.

– Жена! – закричал Гилберт. – Наши лошади исчезли!

– Да быть этого не может!

– Гости уехали на наших лошадях, а нам оставили своих.

– Но почему же они уехали вот так?

– Подумай сама, Мэгги, я не знаю.

– Может, они хотели скрыть от нас, куда они поехали?

– Значит, им было в чем себя упрекнуть?

– Они просто не захотели нас предупредить, что вместо своих усталых лошадей берут наших.

– Нет, наверное, не поэтому; их лошади сейчас выглядят так, словно они и не проделали недельный путь, они резвы и крепки.

– Эй! Да не будем думать об этом! Погляди какой красивый ребенок! А улыбается-то как! Поцелуй его.

– Может быть, этот господин хотел нас отблагодарить, оставив нам дорогих лошадей вместо наших коняг?

– Может быть, а боясь, что мы откажемся, он уехал, пока мы спали.

– Ну, что же! Если так, я благодарен ему от чистого сердца, но шурином Ритсоном я недоволен, мог бы и попрощаться с нами.

– Ах, разве ты не знаешь, что, с тех пор как умерла твоя бедная сестрица Энни, его невеста, Ритсон избегает бывать в наших местах. Может быть, наше семейное счастье пробудило в нем горестные воспоминания!

– Ты права, жена, – ответил Гилберт и тяжело вздохнул. – Бедная Энни!

– Самое досадное в этой истории, – продолжала Маргарет, – что мы не знаем ни имени, ни

места жительства опекуна этого ребенка. Если он заболит, кому мы должны об этом сообщить? Да и как нам называть его?

– Выбери ему имя, Маргарет.

– Лучше ты сам выбери, Гилберт, он же мальчик, и, стало быть, это твое дело.

– Тогда назовем его именем моего любимого брата. Я не могу подумать об Энни, чтобы не вспомнить о несчастном Робине.

– Ну вот мы его и окрестили, вот наш милый Робин! – воскликнула Маргарет, осыпая поцелуями личико ребенка, который уже улыбался ей как своей матери.

Итак, сына назвали Робин Хэд. Позже, никто не знает почему, Хэд стало звучать, как Худ, или Гуд, и под именем Робин Гуд и стал знаменит маленький незнакомец.

II

Со времени этих событий истекло пятнадцать лет; под кровом лесника не переставало царить спокойствие и счастье, и сирота ни на минуту не усомнился в том, что он любимый сын Маргарет и Гилберта Хэда.

В одно прекрасное июньское утро какой-то пожилой человек, одетый как состоятельный крестьянин, ехал, сидя верхом на крепком пони, через Шервудский лес по дороге, которая вела в живописную деревеньку Мансфилд-Вудхауз.

Небо было чистое; восходящее солнце освещало безлюдную местность; ветер был пропитан терпким и сильным запахом дубовой листвы и тысячами ароматов полевых цветов; на мхах и траве россыпями алмазов сверкали капли росы; в ветвях порхали и пели птицы; из лесных чащ слышались крики ланей – одним словом, природа повсюду просыпалась и только кое-где еще виднелись клочья ночного тумана.

Лицо нашего путника прояснилось под лучами утреннего солнца, грудь его расправилась, легкие наполнились снежим воздухом, и он запел сильным и звонким голосом старую саксонскую песнь, в которой проклинались все тираны.

Вдруг мимо его уха просвистела стрела и вонзилась в ветвь дуба, стоявшего на обочине дороги.

Крестьянин, скорее удивленный, нежели испуганный, соскочил с лошади, спрятался за дерево, натянул тетиву лука и приготовился к обороне. Но напрасно он всматривался вдаль, разглядывал тропу, обшаривал взглядом окружающие заросли и вслушивался в малейшие лесные шорохи – он ничего не увидел, ничего не услышал и не знал, что и думать об этом внезапном нападении.

Может быть, безобидный путник просто оказался на пути стрелы какого-нибудь неумелого охотника? Но тогда он услышал бы его шаги, лай собаки, тогда он увидел бы лань, которая, убегая, пересекла бы тропу.

А может быть, это был один из разбойников, изгнанник, каких в графстве было немало; эти люди жили лишь тем, что убивали, грабили и целыми днями подстерегали путников. Но все эти бродяги знали его, они знали, что он небогат, но никогда не отказывал в куске хлеба и кружке эля никому из них, когда им случалось постучать в его дверь.

Может быть, он оскорбил кого-нибудь, и этот человек хочет ему отомстить? Нет, на двадцать миль в округе у него не было врагов.

Какая же невидимая рука пожелала его убить?

Именно убить, потому что стрела пролетела у самого его виска, так что даже волосы на голове у него зашевелились.

Размышляя обо всем этом, путник думал: «Непосредственная опасность мне не грозит, потому что моей лошади инстинкт ничего не подсказывает. Напротив, она стоит спокойно, как у себя в стойле, и тянется к листве, как к своей кормушке. Но если она будет здесь стоять, то укажет тому, кто меня преследует, место, где я прячусь».

– Эй, пони, рысью! – крикнул он.

Это приказание было подкреплено негромким свистом, и послушное животное, привыкшее

за долгие годы к этому приему охотника, который хочет остаться в засаде один, насторожило уши, поглядело своими огненными глазами на дерево, за которым прятался его хозяин, и, ответив ему коротким ржанием, ускакало рысью. Крестьянин еще с четверть часа, оставаясь настороже, напрасно ждал нового нападения.

«Ну что же, – сказал он себе, – раз терпение ничего не дало, попробуем действовать хитростью».

И, определив по тому, как было направлено оперение стрелы, то место, где мог засесть его враг, он выпустил в эту сторону свою стрелу в надежде или испугать злоумышленника, или заставить его обнаружить себя. Стрела просвистела в воздухе и вонзилась в кору дерева, но на вызов никто не ответил. Может быть, второй выстрел будет удачнее? Зазвенела тетива, но вторая стрела была остановлена на лету. Другая стрела, выпущенная из невидимого лука, почти под прямым углом вонзилась в нее над тропой, и, кружась в воздухе, обе они упали на землю. Выстрел последовал так быстро и неожиданно и свидетельствовал о такой ловкости и меткости, что крестьянин в восхищении забыл об опасности и выпрыгнул из укрытия.

– Ну и выстрел! Замечательный выстрел! – вскричал он, выскакивая на опушку чащи и пытаясь отыскать таинственного лучника.

В ответ на его крики раздался радостный смех, и серебристый и нежный, как у женщины, голос пропел:

В лесах резвятся лани, в лесах цветут цветы,
Но что мне лани и цветы, когда со мною ты?
Оставь добычу и цветы, оставь прозрачный пруд,
И вместе в лес пойдем со мной, мой милый Робин Гуд.
Мы в чаще спрячемся с тобой подальше от дорог,
И из цветов себе сплету я праздничный венок.

– Ох! Так это Робин, бесстыдник Робин Гуд поет. Иди сюда, мальчик. Как? Ты посмел стрелять из лука в своего отца? Клянусь святым Дунстаном, я уже решил, что это разбойники решили меня прикончить! Ну и злой же ты мальчишка, если избрал себе мишенью мою седую голову! Ах, вот и он сам, – добавил добрый старик, – вот он и сам, безобразник! И поет ту песенку, которую я сочинил, когда мой брат Робин был влюблен... я тогда еще песни сочинял, а мой бедный брат ухаживал за прекрасной Мэй, своей невестой.

– Ну что, отец, разве моя стрела ранила вас, а не просто пощекотала вам ухо? – слышался голос с другой стороны зарослей, снова запевший:

Над лесом бледный свет струит печальная луна,
И где-то колокол звенит; в долине тишина.
В Шервудский лес пойдем скорей, где старый дуб растет,
Он слышал клятвы юных дней, и нас там счастье ждет.

Лесное эхо еще повторяло последние строки, когда молодой человек лет двадцати на вид, хотя на самом деле ему было только шестнадцать, вышел и остановился перед старым крестьянином, в котором читатель, без сомнения, узнал сланного Гилберта Хэда, знакомого ему из первой главы нашей книги.

Юноша улыбался старику, почтительно держа в руке зеленую шляпу, украшенную пером цапли. Густые, слегка вьющиеся черные волосы обрамляли его широкий лоб, белый как слоно-вая кость. Слегка прищуренные глаза, затененные длинными ресницами, бросавшими тень на розовощекое лицо с выступающими скулами, метали темно-синие искры. Взгляд его чистых глаз, казалось, тонул и расплавленной глазури, и мысли, убеждения, чувства чистосердечной юности отражались в нем как в зеркале; в лице его сквозили мужество и энергия; изысканно-красивые черты не имели в себе ничего женственного, а когда он улыбался, обнажая жемчужные зубы, было видно, что это уже почти взрослый, уверенный в себе человек; губы у него были ярко-коралловые, и их соединяла с тонким прямым носом, крылья которого просвечивали розовым, изящная ложбинка.

Он загорел, но там, где одежда открывала шею и запястья, было видно, что кожа у него атласно-белая.

На нем была шляпа с пером цапли, перетянутая в талии куртка из зеленого линкольнского сукна, замшевые короткие штаны из оленьей кожи и обувь, называвшаяся un-hege sceo («саксонские сапоги») и крепившаяся к щиколоткам прочными ремнями; на перевязи, украшенной стальными бляшками, висел колчан со стрелами и небольшой рог, а у пояса – охотничий нож; в руке он держал лук. Вся одежда и снаряжение Робин Гуда, исполненные своеобразия, отнюдь не вредили его юношеской красоте.

– А что если вместо того чтобы пощекотать мое ухо, ты бы пробил мне голову? – с напускной строгостью спросил добрый старик, повторив последние слова своего сына. – Поосторожней с такой щекоткой, сэр Робин, ведь так не рассмешить, а скорее убить можно!

– Простите меня, отец. Я совсем не хотел вас ранить.

– Вполне верю тебе, но, дорогой мой мальчик, так вполне могло случиться: лошадь ли ускорила бы шаг или чуть отклонилась бы влево или вправо, я бы тряхнул головой, твоя рука дрогнула бы или ты бы неточно прицелился, да любой пустяк, в конце концов, и твои игры могли бы окончиться моей смертью.

– Но рука у меня не дрогнула, и прицеливаюсь я всегда точно. Не упрекайте же меня, отец, и простите мне мою шалость.

– Прощаю от всего сердца, но, как говорится у Эзопа, чьи басни тебе рассказывает капеллан, разве человек имеет право развлекаться такими играми, которые могут повлечь за собой смерть другого человека?

– Ваша правда, – ответил Робин, и в голосе его прозвучало глубокое раскаяние. – Умоляю вас, забудьте мое легкомыслие, вернее, мою вину; этот поступок меня заставила совершить гордыня.

– Гордыня?

– Да, гордыня. Разве вчера вечером, после ужина, вы мне не сказали, что я еще не стал таким хорошим стрелком, чтобы испугать лань, задев шерстинки на ее ухе, но не убив ее? Ну вот... я и хотел доказать вам обратное.

– Хорошенький способ проявлять свое мастерство! Но оставим это, мальчик; конечно, я прощаю тебя и больше не сержусь, но обещай мне никогда не обращаться со мной как с оленем.

– Не бойся, отец, не бойся, – с нежностью сказал юноша, – как бы я ни был проказлив и легкомыслен, как бы я ни любил пошутить, мне никогда не забыть, какую любовь и уважение ты заслужил у меня, и за весь Шервудский лес я не отдам и волоска с твоей головы!

Старик взволнованно схватил руку, протянутую ему юношей, и с любовью пожал ее, сказав:

– Да благословит Бог твое доброе сердце и да ниспошлет он тебе благоразумие! – добавил он с наивной гордостью, которую до тех пор вне всякого сомнения скрывал, чтобы выбранный неосторожного лучника: – Подумать только, ведь это мой ученик! И это я, Гилберт Хэд, был первым, кто научил его натягивать тетиву и пускать стрелу! Ученик достоин учителя, и если так дело пойдет, лучшего стрелка не будет во всем графстве, а может, и во всей Англии.

– Пусть у меня правая рука отсохнет и ни одна моя стрела не попадет в цель, если я забуду вашу любовь ко мне, отец!

– Дитя, ты же знаешь теперь, что я не отец тебе, и мы связаны только узами сердца.

– О, не говорите мне, что у вас нет на меня прав: если вам их не дала природа, то дала пятнадцатилетняя любовь и забота!

– Напротив, давай-ка поговорим об этом, – сказал Гилберт и пошел пешком по тропинке, ведя на поводу пони, прибежавшего на громкий свист хозяина. – Есть у меня тайное предчувствие, что в скором времени нам угрожают большие беды!

– Что за вздорная мысль, отец!

– Ты уже взрослый, смелый, и, благодарение Господу, сил у тебя хватает, но тебя ждет совсем не то будущее, на какое я рассчитывал, когда ты, тогда малое дитя, сидел на коленях у Маргарет и то плакал, то смеялся.

– Да что там! У меня одно желание: чтобы завтрашний день походил на сегодняшний и вчерашний!

– Мы с Маргарет старились бы теперь без сожалений, если б только приоткрылась тайна твоего рождения.

– Так вы больше никогда и не видели того храброго солдата, что препоручил меня вашим заботам?

– Видеть я его больше никогда не видел, а известие от него получил только один раз.

– Может быть, он погиб на войне?

– Может быть. Через год после того как тебя к нам привезли, неизвестный посланец вручил мне мешок серебра и запечатанный пергамент, но герба на восковой печати не было. Я отнес этот пергамент своему духовнику; он развернул его и прочел слово в слово вот что:

«Гилберт Хэд, год тому назад я поручил твоим заботам ребенка и взял на себя обязательство ежегодно платить тебе за твои труды; я посылаю тебе причитающуюся за этот год сумму; ныне я покидаю Англию и не знаю, когда вернусь. Поэтому я принял меры к тому, чтобы ты ежегодно получал обещанные деньги. Итак, когда придет срок платежа, тебе следует явиться в канцелярию шерифа Ноттингема, и тебе заплатят. Воспитавай мальчика как своего сына, по приезде я явлюсь за ним».

Подписи и даты не было, откуда пришло это письмо, я не знаю. Посланец уехал, не пожелав удовлетворить мое любопытство. Я часто повторял тебе то, что неизвестный рыцарь рассказывал нам о твоём рождении и о смерти твоих родителей. Больше я ничего о твоём происхождении не знаю, и шериф, который выдает мне деньги для тебя, неизменно отвечает на мои вопросы, что ни имени, ни местопребывания того, кто поручил ему ежегодно выплачивать мне эти гинеи, он не ведаёт. Если ныне твой покровитель потребовал бы тебя к себе, моя милая Маргарет и я утешились бы в разлуке тем, что ты получишь почести и богатство, причитающиеся тебе по праву рождения, но, если мы умрем прежде, чем этот незнакомец объявится, наши последние часы будут отравлены великой печалью.

– Какой печалью, отец?

– Печалью знать, что ты один остаешься на свете, предоставленный своим страстям как раз в том возрасте, когда мальчик становится мужчиной.

– Вы с матерью еще долго проживете.

– Одному Богу это известно.

– Бог продлит ваши дни.

– Да будет воля его! В любом случае, если нас разлучит скорая смерть, знай, дитя мое, что ты наш единственный наследник; хижина, в которой ты вырос, – твоя, пашня, которая расчищена вокруг нее, – твоя, и если ты будешь вести себя разумно, то с деньгами на твое содержание, накопленными за пятнадцать лет, ты можешь не бояться нищеты и жить счастливо. Уже при твоём рождении тебя постигло несчастье, но твои приемные родители сделали что могли, чтобы возместить тебе эту потерю, и если ты будешь изредка вспоминать их, то другой награды им не надо.

Юноша растрогался, на глаза его навернулись слезы, но он постарался сдержаться, чтобы еще больше не расстраивать старика, отвернулся, вытер слезы тыльной стороной ладони и сказал почти веселым тоном:

– Не касайтесь больше таких печальных вещей, отец; мысль о разлуке, чем бы она ни была вызвана, делает меня слабым, как женщина, а слабость не пристала мужчине. (Он полагал, что уже стал мужчиной.) Без сомнения, в один прекрасный день я все узнаю о себе, а не узнаю – так это не мешает мне ни спокойно спать, ни просыпаться с радостью. Черт побери! Пусть мне и не известно мое настоящее имя, благородное оно или нет, но зато я знаю, кем хочу быть: я хочу быть лучшим стрелком, который когда-либо выпускал стрелу по лани в Шервудском лесу.

– А вы уже и есть лучший стрелок, сэр Робин, – с гордостью отвечал Гилберт. – Разве не я ваш учитель? Ну, трогай, Джип, мой славный пони, – добавил старик, садясь в седло, – мне нужно поскорее съездить в Мансфилд-Вудхауз и вернуться, а то у Мэгги от беспокойства лицо вытянется и станет подобным самой длинной из моих стрел. А ты пока, мальчик, упражняйся и станешь таким же метким, каким был Гилберт Хэд в свои лучшие годы... До свидания.

Некоторое время Робин развлекался тем, что простреливал листья на вершинах самых вы-

соких деревьев, потом ему это занятие надоело, он улегся на полянке в тени и мысленно восстановил слово за словом весь разговор с приемным отцом. Робин совершенно не знал окружающего мира, и его желания не выходили за пределы того, что могла ему дать жизнь под крышей лесника; наивысшим счастьем для него было свободно охотиться в Шервудском лесу, полном дичи; что могло для него значить, кем он будет: знатным человеком или простолюдином?

Где-то рядом послышался шорох листьев и треск ветвей, и это вывело юного охотника из задумчивости; он поднял голову и увидел, что из кустов выскочила лань, промелькнула на поляне и тотчас скрылась в чаше леса.

Первым движением Робина было броситься за ланью, натяну» тетиву, но, прежде чем кинуться в погоню, он случайно, а может быть, влекомый инстинктом охотника, посмотрел в ту сторону, откуда появилось животное, и увидел, что в нескольких туазах от него, за пригорком, возвышающимся над дорогой, притаился человек; оставаясь невидимым, он мог наблюдать за всем, что происходило на дороге; он настороженно вглядывался вдаль, держа наготове стрелу.

По одежде он походил на простого лесника, который хорошо знает повадки диких зверей и мирно охотится, поджидая добычу в засаде. Но если это на самом деле охота, причем охота на ланей, отчего же он не преследует поспешно свою добычу? Зачем же он спрятался в засаде? Быть может, это убийца и караулит он путников?

Робин почувствовал, что тут замышляется преступление; надеясь предотвратить его, он спрятался за купой буков и стал внимательно следить за всеми движениями незнакомца. Тот по-прежнему сидел на корточках за пригорком спиной к Робину и находился, следовательно, между ним и тропой.

Внезапно этот человек, то ли разбойник, то ли охотник, выпустил стрелу в сторону тропы и приподнялся, будто собирался прыгнуть к намеченной им цели, но внезапно он остановился, крепко выругался и, снова наложив стрелу на лук, спрятался в засаде.

Вторая стрела вылетела, сопровождаемая еще более отвратительным проклятием.

«Кому же все это предназначается? – подумал Робин. – Может, он хочет причесать кого-нибудь из своих друзей, как я это сделал со старым Гилбертом этим утром? Это игра не из легких. Но там, куда он целит, я никого не вижу, а он, наверное, видит, потому что приготовил третью стрелу».

Робин уже собирался выйти из своего убежища и познакомиться с этим незадачливым стрелком, как вдруг, нечаянно раздвинув ветви бука, увидел на том месте, где дорога в Мансфилд-Вудхауз делает поворот и от нее отходит тропа, всадников: какого-то дворянина, а с ним молодую даму, которые явно пребывали в нерешительности – продолжать ли им путь, пренебрегая опасностью, или же повернуть обратно. Лошади храпели, а дворянин оглядывался по сторонам, чтобы высмотреть врага и оказать ему сопротивление, и одновременно пытался успокоить свою спутницу.

Внезапно женщина издала пронзительный крик и упала почти без чувств; в луку ее седла вонзилась стрела.

Сомнений больше не было: человек в засаде был подлым убийцей.

Охваченный благородным негодованием, Робин выбрал в своем колчане самую острую стрелу и натянул тетиву. Выстрел пригвоздил левую руку убийцы к луку как раз тогда, когда тот снова собирался выстрелить в всадника и его спутницу.

Взвыв от боли и гнева, разбойник повернул голову и попытался разглядеть, кто столь неожиданно напал на него, но тонкая фигура позволяла Робину целиком скрыться за стволом бука, а цвет куртки делал юношу невидимым среди листвы.

Робин мог бы убить разбойника, но он удовлетворился тем, что наказал его, и пустил еще одну стрелу, сбив с него шляпу, отлетевшую шагов на двадцать.

Вне себя от боли и страха, раненый выпрямился, придерживая простреленную руку здоровой, завыл, завертелся на месте, испуганно вглядываясь в окружающую лесную чащу, и убежал с криком:

– Это дьявол! Дьявол! Дьявол!

Робин проводил его веселым смехом и пожертвовал еще одну стрелу, которая, подстегнув

бег убийцы, должна была надолго лишиться его возможности сидеть.

Увидев, что опасность миновала, Робин вышел из укрытия и прислонился в небрежной позе к стволу дуба, стоявшего у самой тропы; он хотел приветствовать путников; но едва они заметили его, как дама громко закричала, а всадник бросился к нему, обнажив меч.

– Эй! Сэр рыцарь, – воскликнул Робин, – удержи свою руку и умерь свой пыл! Стрелы, летевшие в вас, были не из моего колчана!

– Вот ты где, негодяй! Вот ты где! – повторял рыцарь во власти страшного гнева.

– Я не убийца, совсем напротив, это я спас вам жизнь.

– А где же тогда убийца? Говори или я расколю тебе голову!

– Выслушайте меня, и вы все узнаете, – холодно ответил Робин. – А что до того, чтобы расколоть мне голову, об этом и не думайте, милорд, и позвольте вам заметить, что эта стрела, острие которой смотрит на вас, пробьет вам сердце прежде, чем ваш меч хотя бы оцарапает меня. Считайте, что я предупредил вас, и выслушайте меня спокойно: я расскажу вам все, как оно было.

– Слушаю, – ответил всадник, как бы зачарованный хладнокровием Робина.

– Я спокойно лежал на траве там, за этими буками; мимо меня пробежала лань, и я хотел броситься вслед за ней, но тут увидел человека, пускавшего стрелы по какой-то цели, которую я не мог рассмотреть. Я сразу забыл о лани и стал следить за этим человеком, потому что он был мне подозрителен; вскоре я обнаружил, что он избрал своей мишенью эту благородную даму. Говорят, что я самый меткий лучник в Шервудском лесу, и я воспользовался случаем, чтобы доказать самому себе, что обо мне говорят правду. С первого же выстрела я пригвоздил руку убийцы к его луку, второй стрелой сбил с него шляпу – мы можем с вами легко ее найти, – наконец, третий выстрел обратил его в бегство; наверное, он и сейчас еще бежит... Вот и все.

Всадник все еще держал меч поднятым: он сомневался.

– Ну же, милорд, – продолжал Робин, – взгляните мне в лицо, и вы сами увидите, что я не похож на убийцу.

– Да, да, мой мальчик, признаюсь, что на разбойника ты не похож, – сказал незнакомец, внимательно разглядывая Робина: чистый лоб, искреннее лицо, светящееся в глазах мужество, улыбка законной гордости на губах – вся благородная внешность подростка невольно внушала доверие тому, кто смотрел на него.

– Скажи мне, кто ты, и прошу тебя, отведи нас туда, где наших лошадей могут покормить и где они отдохнут, – добавил всадник.

– С удовольствием. Следуйте за мной.

– Но прежде возьми мой кошелек, а потом и Господь отблагодарит тебя.

– Оставьте себе ваше золото, сэр рыцарь, мне оно ни к чему, у меня нет в нем нужды. Меня зовут Робин Гуд, и я живу с отцом и матерью в двух милях отсюда, на опушке леса; пойдёмте, и вы найдёте в нашем доме сердечный прием.

Молодая женщина, до того державшаяся в отдалении, подъехала к ним, и Робин увидел, что из-под шелкового капюшона, который прикрывал ее голову от утренней свежести, блестят огромные черные глаза; он заметил также, что она божественно хороша собой, и, пожирая ее взглядом, вежливо поклонился ей.

– По-вашему, нам следует верить словам этого юноши? – спросила дама у рыцаря.

Робин гордо поднял голову и, не дав рыцарю времени ответить, воскликнул:

– А что, на земле уже совсем не верят честным людям?

Путники улыбнулись: они больше не сомневались.

III

Маленький караван сначала двигался в полном молчании: рыцарь и девушка все еще думали об опасности, какой им удалось избежать, а в голове юного лучника роились неведомые ему

дотоле мысли – он первый раз в жизни был восхищен красотой женщины.

Робин был горд по врожденному благородству и не хотел показаться ниже тех, кто был обязан ему жизнью, а потому шел впереди них с видом надменным и суровым; он догадывался, что эти люди, скромно одетые и путешествующие без свиты, принадлежат к знати, но он полагал, что в Шервудском лесу он им ровня, а перед лицом убийц даже превосходит их.

Заветной мечтой Робина было прослыть метким лучником и смелым лесником; первый титул он заслужил, а второй – еще нет, потому что выглядел совсем зеленым юнцом.

Помимо всех своих замечательных качеств, Робин обладал еще и прекрасным певучим голосом; он сам это знал и пел при каждом удобном случае, а потому и сейчас ему захотелось показать путешественникам свои способности. Он запел какую-то веселую балладу, но странное волнение сжало его горло, а губы его задрожали; он попробовал снова запеть, но тяжело вздохнул и умолк; затем попытался запеть еще раз, но с тем же успехом.

Простодушный мальчик не понимал, какое чувство делает его робким: перед его мысленным взором все время стоял образ прекрасной незнакомки, ехавшей за ним следом, и, грезя о ее прекрасных черных глазах, он забыл слова своей песни.

Но в конце концов, поняв причину своего волнения, он снова обрел присущее ему хладнокровие и подумал:

«Терпение, я скоро увижу ее без капюшона!»

Рыцарь стал доброжелательно расспрашивать Робина о его вкусах, привычках и занятиях, но тот отвечал холодно и изменил тон лишь тогда, когда разговор задел его самолюбие.

– Так ты не боишься, – спросил незнакомец, – что этот негодяй попытается отомстить тебе за свою неудачу? Не боишься, что рука тебе изменит?

– Черт возьми, нет, милорд, такое опасение мне и в голову прийти не может!

– И в голову прийти не может?!

– Да, я привык легко попадать в цель в куда более сложных случаях.

В словах Робина было столько гордости, благородства и поры в свои силы, что незнакомец воздержался от насмешек и спросил:

– Так ты достаточно меткий стрелок, чтобы попасть с пятидесяти шагов в ту же цель, и которую попадаешь с пятнадцати?

– Конечно; но надеюсь, милорд, – добавил мальчик насмешливо, – что вы не сочтете урок, который я преподаю этому разбойнику, образцом меткости.

– Почему же?

– Да потому, что подобный пустяк ничего не доказывает.

– А ты что, можешь дать мне лучшее доказательство?

– Пусть только случай представится, и вы сами увидите.

Снова на несколько минут воцарилось молчание; маленький караван достиг небольшой поляны, пересеченной наискось тропой. И в ту же минуту в воздух поднялась крупная хищная птица, а из соседних зарослей, испуганный топотом конских копыт, выскочил олененок и кинулся через поляну, чтобы снова скрыться в лесу.

– Внимание! – воскликнул Робин, наложив одну стрелу на лук, а другую беря в зубы. – Какую дичь вы предпочитаете, в шерсти или в перьях?

И не успел рыцарь ответить, как олененок замертво свалился на траву, а птица, кружась в воздухе, упала на поляну.

– Ну, раз вы не хотели выбирать, когда они были живыми, выберете вечером, когда их изжарят.

– Превосходно! – воскликнул рыцарь.

– Чудесно! – прошептала девушка.

– Вашим милостям нужно только идти прямо по этой дороге, и за вот тем лесом будет дом моего отца. Поклон вам! Я пойду вперед, чтобы предупредить мать о вашем приезде и послать за убитой дичью нашего старого слугу.

И, сказав это, Робин убежал.

– Благородный ребенок, не правда ли, Марианна? – спросил рыцарь свою спутницу. – Оча-

ровательный мальчик, и самый красивый лесник, какого я когда-либо встречал в Англии.

– Он еще совсем юн, – ответила незнакомка.

– И может быть, еще моложе, чем кажется благодаря своему росту и крепости. Вы и поверить не можете, Марианна, насколько жизнь на свежем воздухе благоприятствует развитию силы и укрепляет здоровье; в удушающей атмосфере городов все не так, – добавил, вздохнув, всадник.

– Мне кажется, сэр Аллан Клер, – ответила дама, лукаво улыбаясь, – что вы вздыхаете не столько по зеленым деревьям Шервудского леса, сколько по их очаровательной ленной владелинице, благородной дочери барона Ноттингема.

– Вы трапы, милая сестрица Марианна, и признаюсь, что если бы это зависело от моего выбора, то я предпочел бы бродить по этим лесам, имея жилищем хижину какого-нибудь йомена и будучи мужем Кристабель, чем сидеть на троне.

– Братец мысль ваша прекрасна, но несколько романтична. А впрочем, сами вы уверены, что Кристабель согласится поменять свою жизнь принцессы на жалкое существование, о котором вы говорите? Ах, дорогой Аллан, не питайте безумных надежд: я очень сомневаюсь в том, что барон когда-нибудь согласится отдать вам руку своей дочери.

Молодой человек нахмурился, но согнал со своего лица облачко печали и спокойно ответил сестре:

– Мне казалось, что вы с восторгом говорили о прелестях деревенской жизни.

– Это правда, Аллан. Признаюсь, у меня вкусы странные, но не думаю, что Кристабель их разделяет.

– Если Кристабель меня действительно любит, ей в моем жилище будет хорошо, каким бы оно ни было. О, вы предчувствуете, что барон мне откажет? Но если я захочу, мне стоит только слово сказать, одно слово, и гордый, вспыльчивый Фиц-Олвин примет мое предложение из страха, что он станет изгнанником, а его ноттингемский замок сровняют с землей.

– Тише! Вот и хижина, – сказала Марианна, прерывая брата. – И мать юноши уже ждет нас на пороге. Сказать по правде, внешность у этой женщины очень приятная.

– Да и мальчик ей под стать, – ответил, улыбаясь молодой человек.

– О, это уже не мальчик, – прошептала Марианна, и на ее лице проступил румянец.

Тут девушка спешила с помощью брата, капюшон упал с ее головы, и стали видны черты ее лица нежно-розового цвета, который пришел на смену румянцу. Робин стоял около матери и в полном изумлении смотрел на женщину, впервые заставившую сильно забиться его сердце. Волнение его было так велико и искренне, что, не отдавая себе отчета, он воскликнул:

– Ах, я был уверен, что такие прекрасные глаза могут озарять только прекрасное лицо!

Маргарет, удивленная смелостью сына, повернулась к нему и довольно резким тоном сделала ему замечание. Аллан засмеялся, а прекрасная Марианна покраснела почти так же сильно, как и дерзкий Робин, который, чтобы скрыть смущение и стыд, повис на шее у матери; но уголком глаза простодушный проказник при этом подглядывал за девушкой. На лице Марианны не было и следов какого-либо гнева, напротив, на губах ее Робин увидел благожелательную улыбку, которую девушка тщетно пыталась от него скрыть, и тогда юноша, уверенный в том, что он прошен, осмелился поднять глаза на это божество.

Через час домой вернулся Гилберт Хэд; позади него на крупе лошади находился раненый, подобранный лесником на дороге; Гилберт с величайшей осторожностью снял незнакомца с неудобного сиденья и внес на руках в большую комнату, а потом позвал Маргарет, в эту минуту готовившую гостям постели в комнатах на втором этаже.

Маргарет прибежала на зов Гилберта.

– Иди сюда, жена, этому бедняге срочно нужна твоя помощь. Какой-то злой человек сыграл с ним скверную шутку, пригвоздив стрелой кисть его руки к луку как раз тогда, когда сам он целился в оленя. Давай поскорее, моя дорогая Мэгги, а то он очень ослабел от потери крови. Ну, как ты, приятель? – добавил старик, обращаясь к раненому. – Ну-ну, держись, ты поправишься. Да подними голову, не поддавайся унынию, приободришься немного, черт возьми! Никто еще не умирал оттого, что ему продырявили руку.

Раненый сидел согнувшись и втянув голову в плечи; лицо он все время отворачивал от хо-

заяв, как будто не хотел, чтобы его видели.

В эту минуту в дом вошел Робин и подбежал к отцу, чтобы помочь раненому, но, лишь взглянув на него, он тут же отошел в сторону и сделал знак Гилберту, что хочет поговорить с ним.

– Отец, – сказал шепотом юноша, – постарайтесь скрыть от тех путников, которые сейчас наверху, что этот человек находится в нашем доме. Позже узнаете, зачем это надо. Будьте осторожны.

– Ах, Боже, да что, кроме сочувствия может вызвать у наших гостей этот истекающий кровью бедняга-лесник?

– Вечером вы все узнаете, отец, а пока сделайте то, о чем я вас прошу.

– Узнаю вечером, узнаю вечером, – недовольно проворчал Гилберт. – Ну вот что, я хочу знать все немедленно, поскольку мне кажется весьма странным, что такой ребенок, как ты, позволяет себе давать мне советы по поводу осторожности. Говори сейчас же, что общего между этим человеком и их светлостями?

– Подождите немного: вечером, когда мы останемся одни, я вам все расскажу, клянусь вам.

Старик отошел от Робина и вернулся к раненому. Через минуту Робин услышал, как тот громко закричал от боли.

– Ах, вот оно в чем дело, господин Робин, силе одна твоя проделка! – воскликнул Гилберт, подбегая к сыну и хватая его за рукав в ту минуту, когда тот уже был на пороге. – Я же запретил тебе сегодня утром упражняться в меткости на себе подобных, и вот как ты меня послушался – несчастный лесник тому свидетель!

– В чем дело? – ответил юноша, исполненный почтительного негодования. – Вы что, думаете...

– Да, я думаю, что это ты пригвоздил руку этого человека к его луку. Во всем лесу только у тебя достанет на это меткости. Посмотри, наконечник стрелы тебя выдал: на нем наше клеймо... Ну, теперь-то ты, я надеюсь, не станешь отрицать свою вину?

И Гилберт показал ему наконечник стрелы, извлеченный им из раны.

– Ну и что же?! Да, это я ранил этого человека, отец, – холодно ответил Робин.

Лицо старого Гилберта посуровело.

– Это омерзительно и преступно, сын; неужели тебе не стыдно из пустого бахвальства опасно ранить человека, не сделавшего тебе никакого зла?

– Я не испытываю за этот поступок ни стыда, ни раскаяния, – твердым голосом ответил Робин. – Пусть стыд и раскаяние испытывает тот, кто подкарауливал ни в чем неповинных и беззащитных путников.

– Кто же повинен в таком коварстве?

– Человек, которого вы столь великодушно подобрали в лесу.

И Робин рассказал отцу во всех подробностях о происшедшем.

– Этот негодяй тебя видел? – спросил Гилберт с беспокойством.

– Нет, он убежал, почти обезумев и крича о вмешательстве дьявола.

– Прости меня, я был к тебе несправедлив, – сказал старик, сжимая руки мальчика. – Я восхищен твоей меткостью. Впредь нужно будет внимательно следить за подступами к дому. Этот мерзавец скоро поправится от раны и окажется способным в благодарность за мои заботы и гостеприимство явиться сюда с себе подобными и учинить поджог и убийство. Сдается мне, – добавил Гилберт после некоторого раздумья, – что лицо этого человека не вовсе незнакомо мне, но, сколько ни ищу в памяти, имени его припомнить не могу: должно быть, внешне он сильно изменился. В те времена, когда я знавал его, черты его еще не были постыдно искажены распутством и злодеяниями.

Их беседа была прервана появлением Аллана и Марианны, которых хозяин сердечно приветствовал.

В этот день, вечером, в доме лесника царил необычный настрой. И Гилберт, и Маргарет, и Линкольн, и Робин (а он особенно) тут же почувствовали, что гости нарушили их мирное существование и внесли в него перемены. Хозяин дома внимательно следил за раненым, хозяйка

готовила ужин; Линкольн, как всегда, занимался лошадьми, но посматривал вокруг дома и был начеку; один только Робин ничего не делал, но грудилось его сердце. Красота Марианны пробуждала в нем чувства, дотоле ему неведомые: неподвижно, в немом восхищении следил он за тем, как девушка ступает, говорит, обводит вокруг себя взглядом, и то бледнел, то краснел, то вздрагивал.

Никогда ни на одном празднике в Мансфилд-Вудхаузе он не видел такой красавицы; он танцевал, смеялся, разговаривал с местными девушками и даже уже нашептывал на ушко той или другой пустые, общепринятые любовные словечки, но на следующее утро, охотясь в лесу, не помнил об этом; сегодня же он скорее бы умер от страха, чем осмелился бы сказать хоть одно слово благородной всаднице, которой спас жизнь, и чувствовал, что никогда ее не забудет.

Он перестал быть ребенком.

Пока Робин, сидя в уголке гостиной, молча восхищался Марианной, Аллан расхваливал Гилберту храбрость и меткость юного лучника и поздравлял его с таким сыном, но Гилберт, всегда надеявшийся узнать что-нибудь в самый неожиданный момент о происхождении Робина, никогда не упускал случая признаться, что мальчик не его сын, а потому рассказал дворянину, когда и как некий незнакомец оставил у него этого ребенка.

Аллан с удивлением узнал, что Робин вовсе не сын Гилберта, и поскольку лесник добавил, что неизвестный покровитель сироты, по-видимому, приехал из Хантингдона, поскольку именно хантингдонский шериф платил ежегодно деньги на содержание мальчика, то молодой дворянин сказал;

– Мы родом из Хантингдона и всего несколько дней, как оттуда. История Робина, славный лесник, может быть правдой, но я в этом сомневаюсь. Ни один хантингдонский дворянин не умер в Нормандии в те времена, когда родился этот ребенок, и я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из мужчин благородных семейств нашего графства когда-либо вступал в неравный брак с бедной простолюдинкой-французенкой. И потом, зачем было увозить этого ребенка так далеко от Хантингдона? Вы говорите, что для его же блага, как вам сказал Ритсон, ваш родственник, вспомнивший о вас и поручившийся за ваше добросердечие. А может быть, это было сделано потому, что нужно было скрыть рождение этого младенца и ею хотели убрать, но не осмелились убить? Мои подозрения подтверждаются еще и тем, что с той поры вы больше так и не видели шурина. Вернувшись в Хантингдон, я спрошу всех самым тщательным образом и постараюсь разыскать семью Робина; мы с сестрой обязаны ему жизнью, и да поможет нам Небо заплатить ему наш долг вечной признательностью!

Понемногу дружеское обращение Аллана и ласковые слова Марианны вернули Робину его обычную жизнерадостность и спокойствие и в доме лесника воцарилось непринужденное и радужное веселье.

– Мы заблудились в Шервудском лесу по дороге в Ноттингем, – сказал Аллан Клер, – и я рассчитываю завтра утром продолжить путь. Не хотите ли быть моим проводником, дорогой Робин? Сестру я оставляю здесь, препоручив ее заботам вашей матушки, а мы вернемся завтра же вечером. Отсюда далеко до Ноттингема?

– Около двенадцати миль, – ответил Гилберт, – на хорошей лошади можно доехать меньше чем за два часа. Мне все равно давно нужно было зайти к шерифу, так как я уже год не был у него, и я вас провожу, сэр Аллан.

– Тем лучше, поедem втроем! – воскликнул Робин.

– Нет, нет! – возразила Маргарет и, наклонившись к мужу, прошептала ему на ухо:

– И не думайте даже! Разве можно оставлять двух женщин с этим разбойником?

– Одних?! – переспросил со смехом Гилберт. – А нашего старого Линкольна, дорогая Мэгги, вы уже совсем ни во что не ставите? Да и мой верный, храбрый Ланс горло перегрызет любому, кто посмеет только руку на вас поднять!

Маргарет бросила на юную гостью умоляющий взгляд, и Марианна решительно заявила, что если Гилберт не откажется от предполагаемого путешествия, то она тоже поедет вместе с братом.

Гилберт уступил, и было решено, что Аллан с Робинот отправятся в путь с первыми луча-

ми солнца.

Стемнело; дверь дома заперли, и все сели за стол, воздавая должное кулинарным талантам доброй Маргарет. Главным блюдом был большой кусок зажаренного олененка; Робин сиял – ведь это он убил олененка, а Марианна соблаговолила заметить, что мясо его очень нежное на вкус.

Очаровательные юноша и девушка сидели рядом друг с другом и беседовали как старые знакомые; Аллан с удовольствием слушал, как Гилберт рассказывает разные лесные истории, а Мэгги следила за тем, чтобы на столе всего было вдоволь. И нее жилище лесника и этот вечер могло бы служить моделью для одной из картин голландской школы, в которых художник поэтизирует сцены домашней жизни.

Вдруг из комнаты больного, расположенной на втором этаже, раздался протяжный свист. Все сидевшие за столом устремили взгляды на лестницу, ведущую наверх. Едва он умолк, как из леса ему ответил другой свист, похожий на первый. Сотрапезники вздрогнули, снаружи беспокойно завyla одна из сторожевых собак, потом все стихло и в лесу и в доме снова воцарилась полная тишина.

– Происходит что-то необычное, – сказал Гилберт, – и я не особенно удивлюсь, если по лесу бродит тот, кто без стеснения роется в чужих карманах как в своих.

– Вы в самом деле боитесь, что сюда заявятся разбойники? – спросил Аллан.

– Все может быть.

– А я думал, что они оставят в покое жилище честного лесника, ведь лесники обычно народ небогатый, и у разбойников хватает здравого смысла нападать только на богатых людей.

– Богатые люди в лесу не часты, а господам разбойникам приходится и хлеб есть, когда мяса нет, да и уверяю вас, что эти воры не побрезгуют вырвать кусок хлеба из рук бедного человека. И все же моему дому, мне самому и моим домашним они могли бы оказать уважение, ведь не раз и не два голодной зимой они и грелись у моего очага, и ели за этим столом.

– Разбойники, видно, не знают, что такое признательность!

– И до такой степени, что не раз пытались силой ворваться в дом.

При этих словах Марианна вздрогнула от страха и невольно придвинулась к Робину. Юноша хотел было успокоить ее, но волнение сжало ему горло, а Гилберт, заметивший испуг девушки, с улыбкой сказал:

– Успокойтесь, благородная леди, наши храбрые сердца и меткие луки сослужат вам службу, и, если разбойники осмелятся сюда явиться, они убегут, как уже не раз убегали, не получив иной поживы, кроме стрелы пониже спины.

– Спасибо, – ответила Марианна, а потом, бросив на брата многозначительный взгляд, она добавила: – Значит, жизнь лесника не так уж легка и безопасна?

Робин неправильно истолковал ее слова, приняв их на свой счет; он не понял, что девушка намекает на мнимое пристрастие Аллана к деревенской жизни, а потому воскликнул с возбуждением:

– А я считаю, что она полна радости и счастья. Мне часто приходится проводить целый день в какой-нибудь из соседних деревень, и я всегда с невыразимой радостью возвращаюсь в свой прекрасный лес и говорю себе, что предпочел бы смерть муче жить запертым в городских стенах.

Робин уже собирался продолжить свои речи в том же духе, как в двери дома застучали с такой силой, что задрожали стены, а собаки, мирно спавшие у очага, вскочили с громким лаем; Гилберт, Аллан и Робин бросились к дверям, а Марианна прижалась к груди Маргарет.

– Эй! – закричал лесник. – Что за наглый гость осмелился вышибать мою дверь?

В ответ послышался еще более сильный удар; Гилберт повторил вопрос, но из-за неистового лая собак сначала вообще ничего не было слышно, а потом за дверью послышался зычный голос, перекрывающий этот шум и повторяющий обычное:

– Откройте, ради Бога!

– Кто вы?

– Два монаха из ордена святого Бенедикта.

– Откуда и куда вы идете?

– Идем мы из нашего аббатства, аббатства в Линтоне, а направляемся в Мансфилд-Вудхауз.

– Что вам надо?

– Ночлег и пищу; мы заблудились в лесу и умираем от солода.

– Твой голос на голос умирающего мало похож; как мне убедиться, что ты говоришь правду?

– О черт! Да отворив дверь и поглядев на нас, – ответил монах, и нетерпение заставило его говорить куда менее смиренно. – Ну, упрямый лесник, отопрешь ты, наконец? Под нами ноги подгибаются, и в животе урчит от голода.

Гилберт посоветовался с гостями; он все еще колебался, но тут вмешался еще один голос, голос старика, и произнес робко и с мольбой:

– Ради Бога! Откройте, добрый лесник; клянусь вам мощами нашего святого покровителя, что мой брат сказал правду!

– Ну, в конце концов, – сказал Гилберт так громко, чтобы его было слышно снаружи, – нас здесь четверо мужчин и с помощью наших собак мы справимся с этими пришельцами, кто бы они ни были. Я отопру. Робин, Линкольн, придержите пока собак, а если на нас нападут, вы их спустите.

IV

Едва только дверь повернулась на петлях, как человек, буквально навалившись на нее снаружи, чтобы не дать ее закрыть, тут же шагнул через порог. Человек этот был молод, могуч, огромного роста, на нем была длинная черная ряса, с капюшоном и широкими рукавами, подпоясан он был веревкой, на боку у него висели огромные четки, а опирался он на толстую и узловатую кизилковую палку.

За этим красавцем-монахом смиренно шел следом старик точно в таком же одеянии.

После обычных приветствий все опять сели за стол вместе со вновь прибывшими, и в доме снова воцарилось оживление и душевное спокойствие. Однако хозяева дома не забыли свистков с верхнего этажа и из леса, но, чтобы не тревожить гостей, они скрывали свои опасения.

– Славный и добрый лесник, прими мои поздравления: стол накрыт прекрасно! – воскликнул великан-монах, пожирая ломоть дичи. – Если я сел к столу, не дождавшись твоего приглашения, то только потому, что меня подтолкнуло к этому чувство голода, такое же острое, как лезвие ножа.

По правде говоря, этого бесцеремонного субъекта по речам и манерам можно было скорее принять за бывшего солдата, чем за монаха. Но в те времена монахов ничто не стесняло, их было много, а искреннее благочестие и добродетели большинства из них вызывали уважение и ко всем остальным.

– Добрый лесник, да благословит Пресвятая Богоматерь твой дом и пошлет ему мир и счастье! – сказал, отламывая кусок хлеба, старый монах, в то время как его товарищ изо всех сил работал челюстями и поглощал одну кружку эля за другой.

– Простите меня, добрые отцы, – сказал Гилберт, – что я медлил отворить вам дверь, но осторожность...

– Да конечно... осторожность теперь кстати, – ответил молодой монах, переводя дух между двумя кусками. – В округе бродит шайка свирепых разбойников, и часу не прошло, как двое этих негодяев напали на нас, вбив себе в голову, несмотря на наши возражения, что в наших котомках завелся презренный металл, именуемый серебром. Клянусь святым Бенедиктом! Они весьма удачно к нам обратились, и я чуть уже было не отзвонил молебен палкой по их спинам, но тут раздался протяжный свист, на который они ответили, дав сигнал к отступлению.

Сотрапезники с беспокойством переглянулись: один только монах казался совершенно спокойным и философски предавался гастрономическим изысканиям.

– Всеблагое Провидение! – продолжал он, помолчав минуту. – Если бы этот свист не раз-

будил ваших собак и они бы не залаяли, мы бы не нашли вашего дома, а поскольку тут и дождь начался, то нам пришлось бы подкрепиться лишь чистой водичкой, как то и предписывают правила нашего, ордена.

Произнеся это, монах снова наполнил кружку и опустошил ее.

– Славная собака, – добавил он, наклонившись, чтобы погладить старого Ланса, который как раз улегся у его ног, – благородное животное!

Но Ланс, не отвечая на ласку монаха, встал, потянулся, понюхал воздух и глухо заворчал.

– Ну же, ну же! Что тебя беспокоит, мой добрый пес? – спросил Гилберт, трепля собаку по шее.

Животное, словно в ответ, одним прыжком очутилось у двери и, не издав ни звука, снова стало принюхиваться, прислушиваться, а потом повернуло голову к хозяину и, казалось, стало просить его пылающим гневом взглядом, чтобы ему отворили дверь.

– Робин, подай мне палку и возьми свою, – негромко сказал Гилберт.

– У меня, – столь же тихо сказал монах, – рука железная, кулак стальной, а палка кизиловая, и, если на нас нападут, все это в вашем распоряжении.

– Спасибо, – ответил лесник, – а я думал, что правила твоего ордена запрещают тебе употреблять твою силу подобным образом.

– Прежде всего правила моего ордена предписывают мне оказывать помощь и поддержку моим ближним.

– Терпение, чада мои, – сказал старый монах, – первыми не нападайте!

– Мы последуем вашему совету, отец мой; прежде всего... Но тут Гилберта прервал крик ужаса, который издала Маргарет, и он не окончил изложение своего плана обороны. На верхней площадке лестницы бедная женщина увидела раненого, которого считала лежащим при смерти в постели, и онемев от ужаса, она протянула руку, указывая на этот зловещий призрак. Все разом взглянули туда, но на лестнице уже никого не было.

– Ну же, милая Мэгги, – сказал Гилберт прежде чем продолжить изложение своего плана обороны, – не дрожи ты так; бедняга, что наверху, с постели не вставал, он слишком слаб, и его надо пожалеть, а не бояться, потому что, если на него нападут, он и защититься не сможет. Тебе просто померещилось, Мэгги.

Говоря так, славный лесник пытался скрыть свои опасения, потому что только он и Робин знали, что за человек этот раненый. Без сомнения, этот разбойник был и сговоре с теми, что находились в лесу, но следовало, не спуская с него глаз, и виду не показывать, что его присутствие в доме опасно, иначе женщины совсем бы обезумели от страха; поэтому лесник многозначительно взглянул на Робина, и тот незаметно для всех, как кошка на ночных обходах, поднялся по лестнице.

Дверь комнаты была полуоткрыта, в нее падал отблеск света из зала, и с первого же взгляда Робин увидел, что раненый, вместо того чтобы лежать в кровати, наполовину высунулся из раскрытого окна и тихо разговаривает с каким-то человеком, стоящим внизу.

Наш герой, распластавшись на полу, дополз до самых ног разбойника и стал прислушиваться к разговору.

– Юная дама и рыцарь здесь, – сказал раненый, – я сам только что видел их.

– Возможно ли это? – воскликнул его собеседник.

– Да, я бы расквитался с ними сегодня утром, да сам дьявол их защитил: неизвестно откуда вылетела стрела, искалечила мне руку, и они от меня ускользнули.

– Проклятие!

– Они заблудились, и случай привел их переночевать в дом того же славного человека, кто подобрал меня, когда я истекал кровью.

– Тем лучше, теперь они от нас не уйдут.

– Сколько вас, ребята?

– Семеро.

– А их только четверо.

– Самое трудное – войти; на вид засовы у двери прочные, и мне чудится, что там целая

свора собак.

– А к чему нам дверь? Пусть лучше она останется закрытой во время драки, а то красавица с братцем от нас опять смогут улизнуть.

– Тогда что вы рассчитываете делать?

– А, черт побери, я помогу вам влезть в окно. Одна рука, правая, у меня действует, я сейчас привяжу к этой перекладине простыни и одеяла. А вы пока готовьтесь подняться по лестнице.

– Вот как? – воскликнул Робин и, схватив разбойника за ноги, попытался выкинуть его в окно.

Негодование, гнев, пламенное желание отвратить опасность, угрожавшую жизни его родителей и свободе прекрасной Марианны, стократно увеличили силы юноши. Напрасно разбойник пытался сопротивляться, – толчок был так внезапен, что он потерял равновесие, вылетел из окна и упал, но не землю, а в чан с водой, стоявший внизу.

Тс, кто был снаружи, испуганные неожиданным падением своего товарища, разбежались и спрятались в лесу. Робин спустился и рассказал о своем приключении. Вначале все посмеялись, а потом призадумались. Гилберт высказал утверждение, что злоумышленники, опомнившись, опять попытаются напасть на дом. Мужчины стали готовиться к отражению нового нападения, а старый монах, отец Элдред, предложил помолиться всем вместе и попросить помощи Всевышнего.

Молодой монах, чей аппетит наконец притупился, не стал препятствовать этому намерению, а напротив, затянул зычным голосом псалом «Exaudi nos».¹ Однако Гилберт попросил его помолчать; сотрапезники преклонили колени, и отец Элдред тихим голосом произнес горячую молитву.

Еще звучали слова молитвы, как снаружи послышались стоны и прерывистый свист. Это разбойник, жертва Робина, упавший в чан, пришел в себя и стал звать сообщников на помощь. Тем стало стыдно, что они испугались и убежали; вернувшись, они бесшумно подкрались к дому, помогли раненому выбраться из чана, положили его, почти умирающего, под навес, а затем стали обсуждать новый план нападения на дом.

– Нам нужно завладеть Алланом Клером и его сестрой, живыми или мертвыми, – заявил главарь шайки головорезов, – потому что это приказ барона Фиц-Олвина, а я предпочту бросить вызов черту или быть укушенным бешеным волком, чем вернуться к барону с пустыми руками. Если бы этот болван Тайфер не допустил такого промаха, мы бы уже вернулись в замок.

Читатели могут отсюда понять, что негодяя, с кем так бесцеремонно обошелся Робин, звали Тайфер. Что же касается барона Фиц-Олвина, то с ним мы читателей скоро познакомим, а пока им достаточно знать, что этот мстительный человек поклялся убить Аллана: во-первых, потому что Аллан любил леди Кристабель Фиц-Олвин, его дочь, и она отвечала ему взаимностью, в то время как барон предназначал ее в жены одному богатому вельможе из Лондона, а во-вторых, потому что этому самому Аллану были известны некоторые политические тайны, раскрытие которых повлекло бы за собой разорение и гибель барона. В те феодальные времена барон Фиц-Олвин, сеньор Ноттингема, обладал правом вершить высший и низший суд во всем графстве, а потому мог свободно использовать стражу для своей личной мести. Да и что это была за стража, великий Боже, если Тайфер был ее лучшим представителем!

– Вперед, ребята, за мной! Пусть каждый возьмет в руки кинжал и, если они будут сопротивляться, не щадите никого... Но сначала попробуем добром.

Обратившись таким образом к семерым негодяям, состоявшим на службе у лорда Фиц-Олвина, их предводитель с силой ударил несколько раз в двери дома рукоятью меча и закричал:

– Именем барона Ноттингема, нашего благородного и могущественного повелителя, приказываю тебе отпереть и выдать нам... (Тут яростный лай собак перекрыл его голос и конец фразы едва можно было слышать.) Я приказываю тебе выдать нам рыцаря и юную даму, что скрываются в твоём доме!

Гилберт тут же повернулся к Аллану и, казалось, взглядом спросил его, виновен ли тот в

¹ Услышь нас (, Господи) (лат.).

чем-нибудь.

– Вы думаете, что я виновен?! – воскликнул Аллан. – О нет, клянусь вам, славный лесник, я не виновен ни в каком преступлении, ни в чем, порочащем меня и подлежащем каре, и моя единственная вина вам известна...

– Хорошо. Вы по-прежнему мой гость, а потому мы обязаны оказать вам помощь и защиту в меру наших сил.

– Отпирай же, наконец, чертов мятежник! – закричал предводитель отряда.

– Нет, не отопру.

– Ну, это мы посмотрим!

И главарь нанес несколько ударов палицей по двери, которая не устояла бы, если бы изнутри она не была укреплена железной перекладиной.

Гилберт старался выиграть время и подготовиться к защите; он понимал, что дверь устоит лишь несколько секунд, и готовился к тому, чтобы, когда ее выбьют, врагам была бы обеспечена достойная встреча.

Он походил на коменданта крепости, которую вот-вот возьмут штурмом: распределял роли, каждому указывал его место, проверял оружие и советовал всем прежде всего сохранять хладнокровие и осторожность. О храбрости он даже и не говорил, потому что все, кто окружал его, уже не раз доказали ее.

– Да, а ты, моя дорогая Мэгги, – сказал Гилберт жене, – поднимись с этой благородной девицей в комнату наверху; от женщин здесь толку нет.

Маргарет и Марианна неохотно повиновались.

– А ты, Робин, пойди скажи старому Линкольну, что здесь для него есть работенка, а сам встань у окна на втором этаже и следи за этими разбойниками.

– Уж наблюдением я не ограничусь, – ответил юноша, потрясая своим луком и поднимаясь по лестнице. – Хоть и темно, а в цель я попаду.

– У нас есть меч, сэр Аллан, а у нас, отец мой, палка, и, поскольку правилами вашего ордена это не запрещено, вы ее пустите в ход.

– Я хочу сам отпереть дверь, – сказал молодой монах. – Может, моя палка и образумит первого вошедшего.

– Хорошо. Тогда распределимся так, – начал давать распоряжения Гилберт, – я встану в этом углу и отсюда буду осыпать стрелами ворвавшихся, вы, сэр Аллан, встанете вот здесь и будьте готовы прийти любому из нас на помощь, а ты, Линкольн...

В эту минуту в комнату вошел огромного роста старик, держа в руках палку под стать ему.

–...а ты, Линкольн, встанешь с другой стороны двери, напротив святого отца, и ваши палки поработают вместе; только сначала отодвинь в сторону стол и скамьи, чтобы поле битвы было свободно. Погасим светильники, и от пылающего очага света хватит. Ну а вы, славные мои собачки, – добавил лесник, глядя бульдогов, – и ты, Ланс, дорогой мой, вы ведь знаете, кого надо кусать и за какое место. Приготовьтесь! Отец Элдред сейчас молится за нас, а скоро ему придется молиться за покалеченных и убитых!

Отец Элдред и в самом деле стоял на коленях в углу спиной к остальным и горячо молился.

Пока участники этой сцены готовились отразить нападение, осаждавшие, которым надоело напрасно колотить в дверь, решили прибегнуть к другому средству, и хижина лесника оказалась в большой опасности. Но, к счастью, Робин был бдителен и все видел со своего наблюдательного поста.

– Отец! – негромко окликнул он Гилберта с верхней площадки лестницы. – Отец, эти негодяи складывают перед дверью дрова и собираются их поджечь; нападающих всего семеро, не считая раненого, а тот, видно, полумертв.

– Клянусь мессой! – воскликнул Гилберт. – Надо не дать им времени разжечь хворост; дрова у меня сухие, и дом займется в мгновение ока, как костер в ночь на святого Иоанна. Живо отворяйте, отец-бенедиктинец, отворяйте! И всем приготовиться!

Отступив в сторону, монах протянул руку, поднял железную перекладину, отодвинул засовы, и через приоткрывшуюся дверь в комнату повалился хворост.

– Ура! – закричал главарь разбойников, первым просунув в щель голову. – Ура!

Но не успел он сделать и шага, как в горло ему вцепился Ланс, а палки Линкольна и монаха обрушились на его затылок, и он рухнул у порога.

Та же участь постигла и следующего за ним бандита.

С третьим удалось разделаться точно так же, но четверо оставшихся сумели вступить в борьбу, и они не были остановлены, как их предшественники, собаками, все еще не выпускавшими своих жертв; завязалась настоящая драка; Гилберт и Робин, заняв позиции, безусловно могли бы ее быстро прекратить и добиться победы, расстреляв противника стрелами из своих колчанов, потому что нападавшие, были вооружены только копьями; но Гилберт не хотел кровопролития и предпочел предоставить монаху-бенедиктинцу и Линкольну обстоятельно поколотить палками подручных барона Фиц-Олвина, а потому и он и Аллан Клер только отражали удары копий.

До сих пор кровь пролилась лишь от укусов собак, но тут Робину стало стыдно, что он бездействует, к тому же ему захотелось показать свое умение; поскольку Линкольн научил его владеть палкой не хуже, чем Гилберт – луком, он схватил древко алебарды, и его мулине присоединилось к устрашающим ударам его товарищей.

Не успел Робин подойти к дерущимся, как один из разбойников, огромный, как Геркулес, свирепо и насмешливо ухмыляясь, отступил на шаг перед Линкольном и монахом, обернулся к юноше и сделал выпад. Но Робин не потерял хладнокровия и, отразив удар копья, который мог бы проткнуть его насквозь, ответил на него прямым горизонтальным ударом в грудь, заставившим бандита отлететь к стене и сползти по ней.

– Bravo, Робин! – закричал Линкольн.

– Тысяча смертей! – бормотал разбойник, отплевываясь сгустками крови; казалось, он был близок к смерти, но внезапно встал, выпрямился, притворно шатаясь, и вдруг, словно обезумев от ярости, кинулся на Робина с копьем наперевес.

Вот тут бы Робину и пришел конец, потому что вне себя от радости он забыл прикрыться палкой и копье мгновенно пронзило бы его, если бы старый Линкольн, внимательно следивший за всем происходящим, не уложил убийцу ударом палки по голове.

– Ну вот и четверо! – со смехом воскликнул он.

И правда, четверо бандитов уже валялись на полу; на ногах остались только трое, да и те скорее расположены были убежать, чем продолжать драку, потому что монах-бенедиктинец не переставал наносить им удар за ударом своей огромной кизиловой палкой.

До чего же он был великолепен, этот святой отец: капюшон его был откинут, рукава засучены до локтя, подол подоткнут выше колен, а на лице пылал румянец праведного гнева!

Сам архангел Гавриил, сражающийся с дьяволом, не был более грозен!

Пока герой-монах, рядом с которым находился восхищенный Линкольн, продолжал битву, Гилберте помощью Робина и Аллана надежно связал руки и ноги тем из побежденных, кто еще подавал признаки жизни. Двое запросили пощады, третий был мертв, главарь, на котором Ланс так и висел, вцепившись ему в горло, страшно хрипел и время от времени вопил, обращаясь к своим товарищам:

– Убейте, убейте, убейте собаку!

Но те его не слышали, а если бы и слышали, то не смогли бы прийти на помощь, потому что сами вынуждены были защищаться.

И все же один человек, о котором все уже забыли, попытался ему помочь. Тайфер, чуть не захлебнувшийся в чане и почти бездыханный положенный своими товарищами на землю под навес, придя в себя и услышав шум битвы, ползком добрался до места схватки и уже хотел ударить храброго Ланса ножом, но тут Робин заметил его, схватил за плечи, бросил навзничь, отнял у него кинжал, прижал коленом к полу и держал так, пока Гилберт и Аллан не связали ему руки и ноги.

Эта попытка Тайфера помочь главарю только ускорила его гибель: Ланс, как любая собака, у которой хотят отнять кость, впал в дикую ярость, его страшные клыки еще глубже вонзились в горло жертвы, разодрав сонную артерию и яремные вены, и злодей стал истекать кровью.

Злоумышленники увидели, что случилось с их главарем, но продолжали сопротивляться, хотя и недолго, к тому же старый Линкольн преградил им путь к отступлению, закрыв дверь и заложив засовы, и разбойники оказались в мышеловке.

– Пощады! – закричал один из них, оглушенный и измученный ударами кизиловой палки монаха.

– Нет тебе пощады! – крикнул в ответ монах. – Хотели, чтобы вас приласкали, так получайте!

– Пощады, Бога ради!

– Не будет никому из вас пощады!

И кизиловая палка беспрестанно опускалась, поднимаясь лишь затем, чтобы снова опуститься.

– Пощады, пощады! – наконец закричали все разбойники вместе.

– Сначала бросьте копья! Они бросили копья на землю.

– Теперь на колени! Разбойники опустили на колени.

– Прекрасно! Осталось только вытереть палку.

«Вытереть палку» для веселого монаха значило хорошенько пройтись ею последний раз по спинам злодеев. Потом он скрестил на груди руки, и, опершись на палку, застыл в позе Геракла-победителя.

– Ну а теперь пусть вашу судьбу решает хозяин дома, – сказал он.

Гилберт Хэд волен был над жизнью и смертью этих негодяев; согласно нравам и обычаям того времени, когда каждый сам вершил правосудие, лесник мог предать их смерти, но он терпеть не мог проливать кровь, кроме как в случае законной самозащиты, а потому принял другое решение.

Шестерых раненых подняли, привели кое-как в чувство, стянули им за спиной руки и привязали к одной веревке, как галерных рабов. Потом Линкольн с помощью молодого монаха отвел их за несколько миль от дома в самую чащу леса и оставил там размышлять над своей судьбой.

Тайфера среди них не было. В ту минуту, когда Линкольн хотел привязать его к общей цепи, он неожиданно сказал:

– Гилберт Хэд, прикажи перенести меня на постель. Я должен тебе кое-что сказать перед смертью, Гилберт Хэд.

– Ну нет, неблагодарная ты собака; тебя скорее следовало бы повесить на первом попавшемся суку.

– Смилуйся, выслушай меня!

– Нет, ты пойдешь с другими.

– Выслушай меня, мне надо тебе рассказать нечто очень важное.

Гилберт хотел опять ответить отказом, но тут ему показалось, что губы Тайфера произнесли имя, пробудившее в нем множество горьких воспоминаний.

– Энни, он произнес имя Энни! – прошептал Гилберт, тотчас же склоняясь над раненым.

– Да, я произнес имя Энни, – слабым голосом прошептал умирающий.

– Ну так говори скорее, что ты о ней знаешь.

– Не здесь – наверху, когда мы останемся одни.

– Мы и так одни.

Гилберт и в самом деле так думал, потому что Робин и Аллан пошли рыть могилу неподалеку от дома, чтобы похоронить умершего, а Маргарет и Марианна еще не вышли из своего убежища.

– Нет, мы не одни, – сказал Тайфер, показывая на старого монаха, молившегося над трупом разбойника.

И, схватив Гилберта за руку, Тайфер попытался приподняться с земли, но тот поспешно оттолкнул его со словами:

– Не касайся меня, негодяй!

Несчастный упал на спину, но Гилберт, невольно поддавшийся чувству жалости, осторожно поднял его: одно имя Энни умерило его гнев.

– Гилберт, – заговорил снова Тайфер, и голос его становился все слабее и слабее, – я сделал тебе много зла, но я попытаюсь его искупить.

– А я не прошу тебя его искупить, я просто слушаю, что ты скажешь.

– Ах, Гилберт, умиلسердись, не дай мне умереть... я задыхаюсь... верни меня к жизни, хоть ненадолго, я тебе все расскажу там, наверху!

Гилберт хотел было выйти и позвать Робина и Аллана, чтобы они помогли ему перенести умирающего на постель, но тот подумал, что лесник решил его оставить одного, сделал усилие, приподнялся и воскликнул:

– Ты что, не узнаешь меня, Гилберт?

– А как же, узнаю: ты проклятый убийца и предатель! – ответил Гилберт уже с порога.

– Я еще хуже, чем ты думаешь, Гилберт: я Ритсон, Роланд Ритсон, брат твоей жены.

– Ритсон! Ритсон! О Пресвятая Дева, Матерь Божья! Разве это возможно?

И Гилберт опустился на колени рядом с умирающим: тот бился в последних приступах агонии.

V

За столь бурным вечером наступила тихая и спокойная ночь. Молодой монах и Линкольн

вернулись из лесу и занялись погребением убитого; Марианна и Маргарет спали, но и во сне им слышался шум битвы; Аллан, Робин, старый монах и присоединившиеся к ним молодой монах и Линкольн спали глубоко, как люди, нуждающиеся в восстановлении сил, и только Гилберт Хэд бодрствовал.

Он склонился над постелью Ритсона, который по-прежнему был без сознания, и в волнении ожидал, когда тот откроет глаза; он сомневался... сомневался в том, что этот человек с мертвенно-бледным лицом, постаревшим не столько от возраста, сколько от распутства и несущим печать порока в каждой своей черте, и есть тот красавец и весельчак Ритсон прежних лет, любимый брат Маргарет и жених несчастной Энни.

И, молитвенно сложив руки, Гилберт воскликнул:

– О Боже, сделай так, чтобы он еще не умер! Господь услышал его молитвы, и, когда взошло солнце и залило всю комнату светом, Ритсон, словно пробудившись от смертного сна, вздрогнул, покаянно вздохнул и, схватив руку Гилберта, поднес ее к губам и прошептал:

– Ты прощаешь меня?

– Сначала все расскажи мне, – ответил Гилберт, которому не терпелось прояснить обстоятельства смерти своей сестры Энни и узнать что-нибудь о происхождении Робина, – а уж потом я тебя прощу.

– И тогда я умру спокойно.

Ритсон собирался начать свой рассказ, но тут снизу донеслись молодые жизнерадостные голоса.

– Отец, ты спишь? – спросил Робин, стоя на нижней ступеньке лестницы.

– Нам пора отправляться в Ноттингем, если мы хотим вернуться сегодня вечером, – добавил Аллан Клер.

– Если вы, господа, ничего против не имеете, – громовым голосом произнес молодой монах-великан, – я составлю вам компанию, потому что меня призывает в Ноттингемский замок одно богоугодное дело.

– Так спуститесь, отец, мы хотим с вами попрощаться.

Гилберт спустился, но с некоторым сожалением: он боялся, что умирающий вот-вот испустит дух, и потому постарался поскорее подняться к нему снова и сделать так, чтобы его больше не беспокоили, ибо надеялся, что из торжественных признаний Ритсона несомненно почерпнет много важных для себя сведений.

Вот почему он тут же отпустил Робина, Аллана и монаха; Марианна и Маргарет отправились немного проводить их, чтобы развлечься утренней прогулкой по лесу; Линкольна Гилберт под каким-то предлогом послал в Мансфилд-Вуд-хауз, а отец Элдред воспользовался случаем посетить деревню. К концу дня все должны были собраться у лесника.

– Теперь мы одни, говори, я слушаю, – сказал Гилберт, садясь у изголовья постели Ритсона.

– Я не стану, братец, рассказывать вам обо всех преступлениях и чудовищных деяниях, какими я себя запятнал. Это был бы слишком долгий рассказ. Да и к чему вам знать все это? Ведь вы хотите знать всего лишь об Энни и о Робине, не так ли?

– Да. Но сначала расскажи о Робине, – ответил Гилберт, опасавшийся, что умирающий не успеет поведать ему обо всем.

– Вы знаете, что я покинул Мансфилд-Вудхауз двадцать три года тому назад, чтобы поступить на службу Филиппу Фиц-Уту, барону Бизенту. Этот титул мой хозяин получил от короля Генриха в благодарность за заслуги во время войны во Франции. Филипп Фиц-Ут был младший сын старого графа Хантингдона, который умер задолго до того, как я попал в их дом; состояние и титул он оставил своему старшему сыну Роберту Фиц-Уту.

Вскоре после того как Роберт получил это наследство, умерла родами его жена, и он сосредоточил всю свою любовь на наследнике, которого она оставила; это был слабый и болезненный ребенок, требовавший неусыпных забот и внимания, с трудом поддерживавших его жизнь. Граф Роберт, так и не утешившийся после смерти жены и отчаявшийся в будущем ребенка, позволил горю одолеть себя и скончался, препоручив брату Филиппу заботы о единственном наследнике

рода.

Отныне над бароном Бизентом, Филиппом Фиц-Утом, тяготел великий долг. Но барон был преисполнен честолюбия; страстное желание приобрести новые титулы и огромное состояние заставили его забыть просьбы брата, и, поколебавшись несколько дней, он решил отделаться от ребенка, однако вскоре вынужден был отказаться от этого замысла: юный Роберт жил в окружении многочисленной челяди, лакеев, стражи; жители графства были ему преданы и не преминули бы возражать или даже взбунтоваться, если бы Филипп Фиц-Ут попробовал открыто лишить ребенка его прав.

Тогда он решил отложить это дело и возложить надежды на слабое здоровье наследника, которое, по мнению врачей, не выдержало бы, если бы юноше привили вкус к разгулу и тяжелым телесным упражнениям.

Вот с этой целью Филипп Фиц-Ут и взял меня к себе на службу. Граф Роберт приближался к своим шестнадцати годам; по подлым замыслам его дяди, я должен был подтолкнуть его к гибели всеми доступными способами – неосторожным падением, несчастным случаем, болезнью, – одним словом, сделать все, чтобы он как можно скорее умер, но не идти на убийство.

К стыду своему, должен признаться, славный мой Гилберт, что я, став совратителем и убийцей, ревностно исполнял поручение барона Бизента, хотя он и не мог следить, как я справлялся с этим делом, потому что король Генрих отправил его командовать войсками во Францию. Да простит мне Бог, я должен был бы воспользоваться его отсутствием, чтобы разрушить его злодейский замысел, но я, напротив, изо всех сил старался получить награду, которую барон обещал выдан, мне в тот день, когда он ушаст о смерти Роберта.

Но, подрастая, Роберт становился все сильнее и сильнее. Усталости он не знал; напрасно мы день и ночь проводили в разъездах, причем в любую погоду, по лесам и полям, заглядывая во все кабаки и прочие злачные места: часто я первый готов был просить пощады. Самолюбие мое от этого страдало, и, если бы барон написал мне хоть одно-единственное двусмысленное слово, прояви!! удивление по поводу столь прекрасного и несокрушимою здоровья племянника, я не задумываясь отравил бы Роберта каким-нибудь медленнодействующим ядом, чтобы выполнить свою задачу.

А задача эта становилась день ото дня все труднее, и я понапрасну ломал голову в поисках какого-нибудь естественного способа поколебать удивительную выносливость моего воспитанника; мои собственные силы подходили к концу, и я готов был уже расторгнуть сделку с бароном Бизентом, как вдруг мне показалось, что в поведении и в лице юного графа появились кое-какие изменения; сначала они были едва приметны, но потом стали отчетливо видны, существенны и значительны. Он потерял обычную живость и жизнерадостность, целыми часами сидел печальный и задумчивый, а то внезапно останавливал коня, прервав погоню, или прогуливался где-нибудь в одиночестве как раз тогда, когда собаки брали зверя; он перестал есть, пить, спать, избегал женщин, а со мной заговаривал не чаще одного-двух раз в день.

Не надеясь на его откровенность, я хотел проследить за ним, чтобы узнать причину такой разительной перемены, но это было нелегко, потому что он постоянно отыскивал предлоги удалить меня от себя.

Однажды во время охоты, преследуя оленя, мы оказались на опушке хантингдонского леса; там граф остановился и, отдохнув минуту, отрывисто сказал мне:

«Роланд, подождите меня здесь под дубом, я вернусь через несколько часов».

«Хорошо, милорд», – ответил я ему.

И граф углубился в лесную чащу. Я тут же привязал собак к дереву и кинулся за ним, идя по его следу в кустарниках, но, как я ни спешил, он успел уйти, а я долго бродил по лесу, так что в конце концов заблудился.

Сильно раздосадованный тем, что упустил случай приоткрыть завесу таинственности, которой окружил себя Роберт, я пытался отыскать дерево, под которым должен был его ждать, как вдруг неподалеку, за купой невысоких деревьев, услышал нежный девичий голос... Я остановился, осторожно раздвинул ветки и увидел, что мой хозяин сидит рядом с красивой девушкой лет шестнадцати-семнадцати: они улыбались и разговаривали, а руки их сплелись.

«Ага! – сказал я себе. – Вот новость, которой господин барон Бизент никак не ожидает! Роберт влюблен, – вот откуда бессонница, печаль, отсутствие аппетита и, самое главное, прогулки в одиночестве».

Я прислушался к тому, о чем говорили влюбленные, надеясь узнать какую-нибудь тайну, но не уловил ничего, кроме того, что обычно говорится в подобных обстоятельствах.

День клонился к вечеру; Роберт встал, взял девушку под руку и проводил ее до опушки, на которой ее ждал слуга с двумя лошадьми; я следил за ними издали, но там они расстались, и мой хозяин поспешил к месту, где он оставил меня.

Я успел вернуться туда раньше него; когда он появился, собаки были отвязаны и я во всю силу своих легких трубил в рог.

«Почему ты так громко трубишь?» – спросил он.

«Солнце село, господин граф, – ответил я, – и мне стало страшно, как бы вы не заблудились в лесу».

«И вовсе я не заблудился, – холодно ответил он. – Возвращаемся в замок».

Свидания Роберта с его возлюбленной повторялись в течение долгого времени. Чтобы их облегчить, Роберт доверил мне свою тайну, а я рассказал об этом барону Бизенту, но только после того, как выяснил все о девушке. Мисс Лора принадлежала к менее знатной фамилии, чем Роберт, но все равно такой союз был достойный.

Барон велел мне во что бы то ни стало помешать женитьбе Роберта на этой самой мисс Лоре, вплоть до того, что, если потребуется, я должен был принести ее в жертву.

Приказ показался мне очень жестоким, очень опасным, а главное – трудноисполнимым; я хотел было отказаться от него, но как я мог это сделать, если я запродавался барону Бизенту душой и телом?

Я уже и не знал, ни на что мне решиться, ни у какого дьявола просить совета, как вдруг Роберт, доверчивый и нескрывтый, как всякий счастливый человек, рассказал мне, что, желая быть любимым ради себя самого, он скрыл от мисс Лоры, кто он есть.

Мисс Лора думала, что он сын лесника, но, несмотря на его низкое происхождение, согласилась отдать ему свою руку.

Роберт снял небольшой домик в маленьком городке Лукейс, в Ноттингемшире; там он со своей молодой женой собирался укрыться от нескромных взглядов, а чтобы никто ни о чем не догадался, он, уезжая из Хантингдонского замка, объявил, что едет на несколько месяцев в Нормандию к своему дяде барону Бизенту.

Планы его исполнились великолепно: некий священник тайно обвенчал влюбленных; единственным свидетелем их венчания был я, и мы все отправились жить в Лукейс, в снятый графом домик.

И потекли дни, полные счастья, вопреки настойчивым приказам барона, которого я держал в курсе всех событий и который угрожал мне своим гневом за то, что я не воспрепятствовал этому союзу... Ныне я благодарю Господа за то, что не смог этого сделать.

Прошел год безоблачного счастья, и Лора родила сына, но это стоило ей жизни.

– И этот сын, – с беспокойством спросил Гилберт, – это и есть?..

– Да, это ребенок, которого мы отдали вам на попечение пятнадцать лет тому назад.

– Значит, Робин должен носить имя графа Хантингдон?

– Да, Робин – граф, Робин...

И Ритсон, возбуждение и столь долгую речь которого поддерживали угрызения совести, казалось был готов, как только Гилберт прервал его, вот-вот испустить последний вздох.

– Ах, так мой приемный сын – граф, – с гордостью повторял старый Гилберт Хэд, – граф Хантингдон! Досказывай же, брат, досказывай мне историю моего Робина.

Ритсон, собрав последние силы, продолжал:

– Роберт, обезумев от горя, остался глух ко всем утешениям, потерял мужество и серьезно заболел.

Барон Бизент, недовольный тем, как я выполняю свои обязанности, сообщил о том, что он скоро вернется; я думал угодить ему и приказал похоронить графиню Лору в монастыре по со-

седству, не открывая никому, что она была супругой графа Роберта, а ребенка отдал кормилице, в семью одной знакомой фермерши. Пока я занимался всем этим, в Англию вернулся барон Бизент; полагая благоприятным для осуществления своих замыслов не разоблачать выдумку о поездке Роберта во Францию, он велел перевезти графа в замок под предлогом, что тот заболел в пути.

Судьба благоволила барону Бизенту; он, наконец, достиг желанной цели и видел себя уже наследником титула и состояния графов Хантингдонов, потому что Роберт умирал... За несколько минут до своей кончины несчастный молодой человек призвал барона к своему изголовью, рассказал ему о своей женитьбе на Лоре и заставил его поклясться на Евангелии, что он воспитает сироту. Дядя поклялся... Но не успело еще остыть тело бедного Роберта, как барон позвал меня в ту комнату, где лежал покойный, и и свою очередь заставил поклясться на Евангелии, что до конца его дней я никому не расскажу ни о женитьбе Роберта, ни о рождении его сына, ни об обстоятельствах его смерти.

Сердце мое разрывалось; вспоминая своего хозяина, а вернее, воспитанника и товарища, такого мягкого, доброго и щедрого и ко мне, и ко всем окружающим, я плакал, но вынужден был повиноваться барону Бизенту.

И я поклялся, после чего мы привезли к вам лишенного наследства сироту.

– А где же этот барон Бизент, незаконно присвоивший себе титул графа Хантингдона? – спросил Гилберт.

– Он утонул во время кораблекрушения у берегов Франции; я сопровождал его тогда, как и при поездке к вам, и привез в Англию известие о его гибели.

– И кто же ему наследовал?

– Богатый аббат Рамсей, Уильям Фиц-Ут.

– Как? Значит наследство моего сына Робина присвоил какой-то аббат?

– Да, и этот аббат взял меня к себе на службу, а несколько дней тому назад я поссорился с одним из его слуг и он без всяких оснований прогнал меня. В душе моей закипела ярость, и, уходя от него, я поклялся ему отомстить... И хотя смерть не даст мне сделать это самому, я все же буду отомщен, потому что, насколько я знаю Гилберта Хэда, он не позволит, чтобы Робин так и оставался лишенным наследства.

– Да, он не останется лишенным наследства, – заявил Гилберт, – или я сложу на этом голову. А кто его родные со стороны матери? Ведь в их интересах, чтобы Робина признали графом Хантингдоном?

– Сэр Гай Гэмвелл-Холл – отец графини Лоры.

– Как?! Тот самый старый сэр Гай Гэмвелл-Холл, который живет со своими шестью могучими сыновьями, силачами-охотниками, на другом краю Шервудского леса?

– Да, брат.

– Ну что ж! С его помощью у меня достанет силы выдворить из Хантингдонского замка господина аббата, хотя он и зовется аббатом Рамсеем, богатым и могущественным бароном Бротоном.

– Брат, значит, я умру отомщенным? – спросил Ритсон, едва шевеля языком.

– Клянусь моей головой и правой рукой, что, если Господь даст мне жизни, Робин будет графом Хантингдоном, наперекор всем аббатам Англии... хотя их тут и немало.

– Спасибо! Этим я искуплю хоть часть своей вины.

Ритсон был и агонии, но время от времени силы возвращались к нему и он делал новые признания. Он еще не все рассказал – то ли потому, что ему было стыдно, то ли потому, что предсмертные муки затемняли его память. Он долго хрипел, а потом сказал:

– Ах, я забыл рассказать еще что-то важное... очень важное...

– Говори, – сказал Гилберт, поддерживая его голову, – говори!

– Этот рыцарь и молодая дама, которых ты приютил...

– Так что?

– Я хотел их убить. Вчера... барон Фиц-Олвин заплатил мне за это, а из опасений, что я упущу их, послал еще людей, моих сообщников, которых вы поколотили вчера вечером. Я не

знаю, почему барон покушается на жизнь этих двоих... но предупреди их от моего имени, чтобы они поостереглись приближаться к Ноттингемскому замку.

Гилберт вздрогнул, подумав о том, что Аллан и Робин отправились в Ноттингем, но было уже поздно предупредить их от опасности.

– Ритсон, – сказал он, – тут неподалеку есть монах-бенедиктинец; хочешь, я пойду за ним, и он примирит тебя с Богом?

– Нет, я проклят, проклят, да он и не успеет, я умираю.

– Мужайся, брат.

– Я умираю, Гилберт, и, если ты меня простил, обещаю похоронить меня между дубом и буком, которые растут на том месте, где дорога сворачивает к Мансфилд-Вудхаузу; вырой мне могилу там, обещаешь?

– Обещаю.

– Спасибо, добрый Гилберт...

Затем Ритсон, ломая в отчаянии руки, добавил:

– Ах, ты еще не обо всех моих преступлениях знаешь! Мне нужно признаться во всем... но, если я признаюсь во всем, ты все равно обещаешь похоронить меня там, где я просил?

– Все равно обещаю.

– Гилберт Хэд! У тебя была сестра! Ты помнишь об этом?

– О! – воскликнул Гилберт, побледнев и судорожно сжав руки. – Помню ли я? Что ты можешь рассказать о моей бедной сестре, пропавшей в лесу: ее или похитили разбойники или растерзали волки. Ох, Энни, нежная, прекрасная моя Энни!

По телу Ритсона пробежала предсмертная судорога, и он еле слышно заговорил:

– Ты, Гилберт, любил Маргарет, мою сестру, а я любил твою, я любил ее безумно, исступленно; никто из нас и подумать не мог, что я так ее любил. И вот однажды я встретил ее в лесу и забыл о том, что честный человек обязан уважать девушку, на которой хочет жениться. Энни с презрением оттолкнула меня и поклялась, что никогда мне не простит мою вину... Я умолял ее о прощении, валялся перед ней на коленях, грозился умереть... Она сжалилась, и там, где я просил тебя похоронить меня, под теми деревьями, мы дали клятву любить друг друга вечно... А несколько дней спустя я недостойно и низко обманул ее... один из моих друзей, переодевшись священником, тайно обвенчал нас.

– О, исчадие ада! – вне себя от ярости прорычал Гилберт, вцепившись в спинку кровати, чтобы не задушить негодяя.

– Да, я заслуживаю смерти, и я сейчас умру... Не убивай меня, Гилберт, я еще не все тебе рассказал... Итак, Энни считала, что она моя жена; она была слишком чиста, слишком невинна, чтобы заподозрить мое вероломство, и доверяла тем доводам, которые я приводил, объясняя, почему нельзя сообщать о нашем браке ее семье; я все оттягивал это признание, но тут она стала матерью. Она не могла больше жить в доме своего отца. Вы женились в ту пору на моей сестре, значит, мы могли все открыть, и она стала умолять меня это сделать; но я больше не любил ее и мечтал покинуть наши края, не предупредив ее об отъезде. Однажды вечером Энни ждала меня под дубом, под которым я поклялся когда-то любить ее вечно; я пришел на свидание, но в моей голове роились зловещие мысли: я холодно выслушал ее мольбы и упреки, перемежавшиеся слезами и рыданиями. О, почему я не остался глух и равнодушен, когда, упав к моим ногам и прижавшись грудью к моим коленям, она стала просить меня уж лучше заколоть ее кинжалом, чем покидать. Не успели сорваться с ее уст слова: «Убей меня!», как дьявол, да, сам дьявол заставил меня схватить кинжал и нанести ей удар, а потом второй и третий... Мы были одни, ночь была темна, и я стоял неподвижно; я даже не осознал, что совершил преступление, забыл, что ударил ее кинжалом, и, кажется, ни о чем не думал... как вдруг я почувствовал, как по ногам моим струится что-то теплое: это была кровь Энни!.. Я очнулся от забытья и понял, какое преступление совершено мною, хотел бежать, но она обвила руками мои ноги и нежным своим голосом прошептала: «О, благодарю тебя, мой Роланд!» О, видно, Господь решил, что я должен буду нести кару за это всю жизнь, потому что и эту минуту, когда я осознал всю глубину моего падения, он не дал мне сил заколоть себя над телом бедной Энни.

– Негодяй, презренный негодяй, убивший мою сестру! – повторял Гилберт всякий раз, когда Ритсон замолкал, чтобы перевести дыхание. – Что ты сделал с ее телом убийца, подлый убийца?

– Когда она говорила мне слова благодарности, луч луны, проникнув сквозь листву, осветил ее бледное лицо, и я прочел в ее глазах, что она меня прощает... Потом она протянула мне руку и, прошептав: «Спасибо, Роланд, спасибо, потому что лучше смерть, чем жизнь без твоей любви! Я хочу, чтобы никто не знал, что со мной случилось... похорони мое тело под этим деревом» – испустила последний вздох. Не знаю, сколько времени лежал я без сознания как громом пораженный около тела несчастной Энни; пришел я в себя от чувства острой боли, мне казалось, что в руку мне вонзились острые клыки; я не ошибся: это был волк; привлеченный запахом крови, он прибежал за добычей... Пока я боролся со зверем, хладнокровие вернулось ко мне; я понял, что, если не зарюю тотчас же тело своей жертвы, преступление мое будет тут же обнаружено, вырыл могилу между буком и дубом – об этом месте ты уже знаешь, – закопал тело несчастной Энни и, гонимый угрызениями совести, до рассвета блуждал по лесу... Вот тогда-то вы и нашли меня распростертого на земле, всего искусанного и истекающего кровью... волки преследовали меня по пятам, они бы разорвали меня, и, если бы не вы, мне бы уже воздалось за мое злодеяние!.. На следующий день, когда обнаружилось исчезновение Энни, я и не подумал признаться в преступлении, а даже стал помогать вам в ее поисках и позволил всем решить, что ее похитил какой-нибудь разбойник или сожрали дикие звери...

Гилберт больше не слушал Ритсона. Он рыдал, опершись о подоконник. Напрасно негодяй кричал: «Умираю... умираю... не забудь про дуб!» Лесник долго стоял неподвижно, погрузившись в свое горе, а когда подошел снова к кровати, Ритсон был уже мертв.

Пока Роланд Ритсон корчился в агонии в доме лесника, трое мужчин, отправившихся в Ноттингем, – Аллан, Робин и монах (тот самый монах с волчьим аппетитом, храбрым сердцем и сильными руками), шли быстрым шагом по тропинкам огромного Шервудского леса. Они разговаривали, смеялись и пели: то монах-великан рассказывал о каком-то забавном приключении, то Робин своим серебристым голосом затягивал балладу, то Аллан привлекал внимание спутников своими интересными рассуждениями.

– Господин Аллан, – вдруг скачал Робин, – солнце уже показывает полдень, и в желудке моем пусто, будто и не завтракал утром. Если вы соблаговолите довериться мне, мы дойдем до ручейка, который течет в нескольких шагах отсюда, у меня в котомке есть еда, мы поедим и заодно отдохнем.

– То, что ты предлагаешь, сын мой, исполнено здравомыслия, – отозвался монах, – всем сердцем, точнее, всем желудком, присоединяюсь к тебе.

– Я не против, дорогой Робин, – заявил Аллан, – однако позволь заметить тебе, что мне непременно нужно быть в Ноттингемском замке до захода солнца, и если твое предложение нам в этом помешает, то я предпочел бы не останавливаться и продолжить путь.

– Как вам угодно, милорд, – сказал Робин, – как вы решите, так мы и сделаем.

– К ручью! К ручью! – закричал монах. – Мы от Ноттингема всего в трех милях и десять раз успеем туда дойти до темноты, а часок отдыха и хорошая еда нам уж точно никак в этом не помешают!

Успокоенный словами монаха, Аллан согласился сделать остановку, и они уселись в тени большого дуба в прелестной долинке, где среди берегов, поросших сочной травой и цветами, по руслу, устланному розовыми и белыми камешками, протекал прозрачный и чистый ручеек.

– Какое красивое место! – воскликнул Аллан, обежав глазами прелестный уголок. – Но мне кажется, дорогой Робин, что этот земной рай расположен довольно далеко от вашего дома, и ты, наверное, не часто приходил сюда отдохнуть.

– Ваша правда, милорд, мы приходим сюда редко, только раз в год, причем не тогда, когда все зеленеет и цветет, как сейчас, а зимой, когда все пусто и голо вокруг и только ветер гуляет среди деревьев, раскачивая их ветви, покрытые инеем, и сердце наше заполнено печалью, как небо над нами заполнено облаками, и природа носит траур вместе с нами.

– По кому же такой траур, Робин?

– А видите вон там бук, который возвышается над кустами шиповника? Под этим буком находится могила, могила брата моего отца, Робин Гуда, чье имя я ношу. Это было незадолго до моего рождения: два лесника возвращались с охоты, и тут на них напала шайка разбойников; они храбро защищались, но – увы! – мой дядя Робин получил стрелу в грудь и упал, чтобы уже никогда не подняться; Гилберт отомстил за его смерть, и воздвиг ему эту скромную гробницу, на которую мы приходим каждую годовщину его гибели помолиться и поплакать.

– Нет такого места во вселенной, пусть даже самого прекрасного, которое бы человек не осквернил, – нравоучительно изрек монах.

А потом, сменив тон, он в радостном нетерпении добавил:

– Эй, Робин, оставь мертвых спать вечным сном и подумай лучше о своих спутниках; мертвые голода не знают, а мы умираем, так хотим есть. Открой мешок, – ты же сказал, что там полно еды.

Они уселись на траву у ручья и основательно закусили теми припасами, которые предусмотрительно уложила в котомку добрая Маргарет; затем объемистую флягу, наполненную старым французским вином, стали так часто подносить к губам и пускать по кругу, что все сверх меры развеселились и отдых их сильно затянулся, чего они не заметили. Робин без умолку пел. Аллан, казалось, был на седьмом небе и в пышных выражениях превозносил красоту и душевные совершенства леди Кристабель. Монах вообще болтал не умолкая и кричал, что зовут его Джилл Шербаун, что он из честной крестьянской семьи и что вольная и полная трудов жизнь в лесу ему больше по душе, чем монастырская, и он купил, и за немалую цену, у магистра своего ордена право жить так, как ему заблагорассудится, и биться на палках.

– Меня прозвали «брат Тук», – добавил он, – из-за моего мастерства в палочном бою и еще потому, что я имею привычку подтыкать рясу до колен. С добрыми я добр, со злыми – зол, друзьям помогаю, а врагов побеждаю, пою смешные баллады и застольные песни тем, кто любит посмеяться и пображничать, с набожными я молюсь, со святошами запеваю «Oremus»,² а тем, кто не жалуется псалмы, рассказываю веселые сказки. Вот таков брат Тук! А вы, сэра Аллан, скажите нам, кто вы такой?

– Охотно скажу, если вы дадите мне хоть слово вставить, – ответил Аллан.

Робин держал флягу в руках, и, поскольку она не совсем еще опорожнилась, брат Тук потянулся к ней.

– Хоп! Минуточку! – воскликнул юноша. – Я дам тебе флягу, брат Тук, если ты не будешь прерывать сэра Аллана.

– Давай, я не буду его прерывать.

– Вот когда рыцарь окончит рассказ, тогда и посмотрим.

– Злой ты, Робин! Меня жажда замучила!

– Ну, так залей ее водой.

Монах изобразил на лице досаду и растянулся на траве, будто хотел поспать, вместо того чтобы слушать историю сэра Аллана Клера.

– По происхождению я сакс, – начал рыцарь. – Отец мой был близким другом Томаса Беке-та, первого министра Генриха Второго, и эта дружба принесла ему несчастье, потому что после гибели министра отец был изгнан.

Робин уже совсем собирался последовать примеру монаха, потому что хвалы, которые рыцарь произносил в честь своих предков и семьи, интересовали его мало, но как только тот произнес имя Марианны, равнодушие мгновенно покинуло его и с бьющимся сердцем он стал слушать... и слушал настолько внимательно, что не заметил, как отец Тук приподнялся и выхватил у него флягу из рук. Как только Аллан переставал говорить о красавице Марианне, Робин старался вернуть разговор к прежней теме, однако ему пришлось все же выслушать пространный рассказ о любви рыцаря к прекрасной Кристабель, дочери барона Ноттингема, и о ее несравненных качествах. А потом рыцарь, которого французское вино сделало весьма общительным, рассказал о своей ненависти к барону.

² Помолимся (лат.)

– Пока семья моя была осыпана милостями двора, – сказал он, – барон Ноттингем относился благосклонно к нашей любви и называл меня сыном, но, как только счастье переменилось, он закрыл передо мной дверь и поклялся, что Кристабель никогда не будет моей женой; я же в свою очередь поклялся, что сломя его волю и стану мужем его дочери, и с тех пор непрестанно борюсь, чтобы достичь своей цели, в чем, надеюсь, и преуспел... Сегодня же вечером, да, сегодня вечером, он отдаст мне руку Кристабель или будет наказан за бахвальство. Благодаря счастливой случайности я узнал одну тайну и, если открою ее, это повлечет за собой его разорение и смерть, и потому я иду, чтобы прямо в лицо сказать ему: «Барон Ноттингем, предлагаю тебе соглашение: меняю свое молчание на твою дочь».

Аллан еще долго говорил все в том же духе, а Робин, сравнивавший про себя Кристабель с Марианной, даже и не подумал бы его прервать, но тут он заметил, что солнце клонится к горизонту.

– В путь, – сказал Аллан.

– В путь, брат Тук, – добавил Робин.

Но брат Тук, повернувшись на бок, крепко спал, прижимая к сердцу пустую флягу.

Робин предоставил рыцарю будить монаха, а сам побежал преклонить колени на могиле брата своего отца; он счел бы, что совершил кощунство, если бы ушел с этого места, не исполнив долга благочестия.

Он произнес короткую молитву и осенил себя крестным знамением, как вдруг услышал сильный шум, крики, брань и смех: это сражались рыцарь и монах – точнее, монах вертел своей грозной палкой над головой Аллана, а тот пытался отвести удары копьем и смеялся, смеялся во все горло, тогда как монах извергал проклятия.

– Эй! Господа, какая муха вас укусила? – воскликнул Робин.

– Если твое копьё хорошо колет, то моя палка хорошо бьет, прекрасный рыцарь! – приговаривал разгневанный монах.

Аллан со смехом отбивал атаки монаха, однако, увидев кровь, капающую из-под его рясы и обгагрившую траву, он понял, что тот вправе гневаться, и тут же попросил своего противника прощения. Монах, глухо ворча, опустил палку, на лице его появилась гримаса боли, и, потирая место пониже спины, он ответил юному лучнику, спрашивающему о причине спора:

– Да вот они, эти причины: стыдно и преступно прерывать благочестивые размышления такого святого человека, как я, и колоть его острием копья в то место, где и костей-то нет.

Аллану пришлось в голову разбудить монаха, пощекотав ему бедро копьем; он, безусловно, хотел пошутить, а не ранить до крови бедного Тука, и потому по всей форме принес ему свои извинения; они помирились, и маленький отряд двинулся по дороге в Ноттингем. Менее чем через час они добрались до города и поднялись на холм, на вершине которого высился феодальный замок.

– Мне откроют ворота замка, когда я скажу, что пришел поговорить с бароном, – сказал Аллан, – ну а вы, друзья мои, какую найдете причину, чтобы вас пропустили вместе со мной?

– Об этом вы, милорд, не беспокойтесь, – ответил монах. – В замке живет одна девушка, а я ее исповедник и духовный наставник, и эта девушка распоряжается как ей угодно стражей подъемного моста; благодаря ей я могу войти в замок и днем и ночью; но остерегитесь, прекрасный рыцарь, обращаться с бароном так грубо, как со мной, иначе вы испортите себе все дело, ведь это настоящий лев, которого вы собираетесь потревожить в его логове, так что постарайтесь быть помягче, не то – горе вам, сын мой.

– Я буду мягок и тверд одновременно.

– Да наставит вас Бог! Но вот мы и пришли, глядите. И мощным голосом монах воскликнул:

– Да будет с тобой благословение моего высокочтимого покровителя, великого святого Бенедикта, и да ниспошлет он всяческие блага тебе и твоим домочадцам, Герберт Линдсей, страж порот замка Ноттингем! Позволь нам войти: я пришел с двумя друзьями: один хочет переговорить с твоим хозяином о весьма важных делах, второму надо подкрепиться и отдохнуть, а я, если ты позволишь, дам твоей дочери духовные наставления, в которых она нуждается.

– Как, это вы, веселый и честный брат Тук, перл монахов Линтонского аббатства? – сердечно приветствовали его изнутри замка. – Добро пожаловать вам и вашим друзьям, дорогой мой господин.

И тут же подъемный мост опустился и путники вошли в замок.

– Барон уже удалился в свои покои, – сказал привратник Герберт Линдсей Аллану, который хотел, чтобы его немедленно провели к барону, – и, если вы явились к нему не с мирными речами, я посоветовал бы вам отложить свидание на завтра, потому что сегодня вечером барон пребывает в великом гневе.

– Он, должно быть, болен? – спросил монах.

– У него подагра в плече, и он претерпевает муки ада; оставшись один, он скрипит зубами и требует помощи, а если к нему подходят, впадает в бешенство и грозит убить всякого, кто осмелится сказать ему хоть слово утешения. Ах, друзья мои, – грустно добавил Герберт, – с тех пор как в Святой земле под Иерусалимом барон был ранен сарацинской кривой саблей в голову, он потерял и терпение, и здравый смысл.

– Его ярость меня мало беспокоит, – ответил Аллан, – я хочу немедленно говорить с ним.

– Как вам угодно будет, сударь. Эй! Тристан! – окликнул сторож проходившего по двору слугу. – Скажи-ка мне, в каком настроении его светлость?

– А все в том же, буйствует и рычит, как тигр, потому что лекарь сделал лишнюю складку на его повязке. Представьте себе только, господа, барон пинками выгнал бедного лекаря, а потом схватил кинжал и принудил меня вместо доктора делать ему перевязку, при этом угрожая мне, что при малейшей моей оплошности он мне нос отрежет!

– Заклинаю вас, сэр рыцарь, – печально сказал Герберт, – не ходите сегодня к барону, обождите.

– Ни минуты, ни секунды не стану ждать, проводите меня в его покои.

– Вы требуете этого?

– Требую.

– Ну, да хранит вас Господь! – сказал старый Линдсей и перекрестился. – Тристан, проводите этого господина.

Тристан побледнел от страха и весь затрясся; он уже радовался тому, что целым и невредимым ускользнул из когтей этого свирепого зверя, и коксе не собирался лезть снова к его логову, справедливо опасаясь, что гнев барона может поразить и гостя, и его провожатого.

– Его светлость, без сомнения, предупрежден о визите этого господина? – несколько смущенно спросил он.

– Нет, друг мой.

– Не позволите ли вы мне тогда предупредить его светлость?

– Нет, я пойду с вами, ведите меня.

– Ах, – горестно воскликнул бедняга, – я погиб!

И он ушел в сопровождении Аллана, а старый ключник, смеясь, сказал:

– Бедный Тристан поднимается по лестнице в спальню барона с таким видом, будто идет на эшафот. Клянусь святой мессой, сердце у него, должно быть, гак и стучит! Но я здесь прохлаждаюсь, храбрецы мои, а мне нужно проверить часовых на крепостных стенах. Брат Тук, мою дочь ты найдешь в буфетной, отправляйся туда, и, если Богу угодно будет, я туда тоже через часок приду.

– Благодарю тебя, – ответил монах.

И в сопровождении Робин Гуда он углубился в лабиринт переходов, коридоров и лестниц, где Робин уже тысячу раз заблудился бы. Брат Тук же, наоборот, отлично знал здесь все: он чувствовал себя в Ноттингемском замке не менее привычно, чем к Линтонском аббатстве, и не без некоторого самодовольства, уверенно и спокойно, как человек, давно приобретший определенные права, постучал в конце концов в дверь буфетной.

– Войдите, – послышался свежий девичий голос.

Они вошли; увидев великана-монаха, хорошенькая девушка лет шестнадцати-семнадцати, вместо того чтобы испугаться, стремительно подбежала к ним, кокетливо и благожелательно

улыбаясь.

«Ага! – сказал себе Робин. – А вот и невинное духовное чадо святого отца! Честью клянусь, красивая девочка: глазки искрятся весельем, губы яркие и улыбаются – одним словом, самая хорошенькая христианка, какую я когда-либо видел».

Робин не сумел скрыть, что красота любезной девушки произвела на него большое впечатление, и поэтому, когда прелестная Мод протянула ему обе свои маленькие ручки, чтобы приветствовать его приход, добрый брат Тук воскликнул:

– Не довольствуйся руками, мой мальчик, а целуй ее прямо в губки, в алые губки, оставь скромность – это добродетель дураков.

– Фи! – сказала девушка, насмешливо качая головой. – Фи, как вы смеее такое говорить, отец мой?

– «Отец мой, отец мой!» – с фатоватым видом повторил монах.

Робин последовал его совету, хотя девушка все же слабо сопротивлялась; Тук вслед за ним наделил свою духовную дочь сначала поцелуем прощения, потом поцелуем примирения... одним словом, нужно признать откровенно, что Мод к нему относилась скорее как к поклоннику, нежели как к наставнику, а манеры монаха весьма мало соответствовали его сану.

Робин заметил это и, пока они пили и закусывали за столом, который накрыла для них Мод, самым невинным тоном заявил, что монах не очень-то похож на грозного и почитаемого духовника.

– В некотором оттенке близости и приязни в отношениях родственников нет ничего предосудительного, – ответил монах.

– Ах, так вы родственники? А я и не знал!

– И близкие, мой юный друг, очень близкие, но не до такой степени, когда запрещено вступление в брак: мой дед был сыном одного из племянников двоюродного брата двоюродной бабушки Мод.

– Ну, теперь с родством все ясно.

Мод покраснела и взглянула на Робина так, будто просила пощадить ее. Бутылки опустошались, кружки стучали по столу, в буфетной звенел смех и слышался звук поцелуев, сорванных с губок Мод.

И тут, в самый разгар веселья, дверь буфетной внезапно отворилась и на пороге появился сержант в сопровождении шести солдат.

Сержант галантно поклонился девушке и, строго взглянув на сотрапезников, спросил:

– Вы спутники чужестранца, явившегося посетить нашего господина, лорда Фиц-Олвина, барона Ноттингема?

– Да, – спокойно подтвердил Робин.

– Ну, и дальше что? – дерзко спросил брат Тук.

– Следуйте за мной в покои милорда.

– А зачем? – снова спросил Тук.

– Не знаю. Такой приказ. Повинуйтесь.

– Но перед уходом выпейте глоточек, – сказала красotka Мод, подавая солдату кружку эля, – это вам не повредит.

– Охотно.

И, осушив кружку, сержант вторично приказал сотрапезникам Мод следовать за ним.

Робин и Тук подчинились, с сожалением осипши хорошенькую Мод в буфетной одну и в печали.

Пройдя по огромным галереям, а потом через оружейный зал, отряд оказался перед тяжелой дубовой дверью, и сержант трижды громко постучал в нее.

– Входите! – грубым голосом крикнули из-за двери.

– Следуйте за мной, – сказал сержант Робину и Туку.

– Входите, да входите же, разбойники, негодяи, висельники! Входите, – громовым голосом повторял старый барон. – Входите, Симон.

Наконец сержант отворил дверь.

– Ага! Вот и вы, мошенники! Где ты пропадал столько времени, я ведь тебя за ними давно послал? – произнес барон, бросая на командира маленького отряда испепеляющий взгляд.

– Да будет вашей светлости известно, я...

– Лжешь, собака! Как ты смеешь оправдываться, заставив меня прождать три часа?!

– Три часа? Милорд ошибается, и пяти минут не прошло, как вы приказали мне привести сюда этих людей.

– Наглый раб! Он смеет уличать меня, да еще глядя мне в глаза! А вы, плуты, – добавил он, обращаясь к ошеломленным солдатам, – не смейте больше повиноваться этому изменнику; обезоружить его, связать – и в камеру! А если только он посмеет сопротивляться, бросьте его в каменный мешок – нечего его жалеть! Живо! Действуйте!

Солдаты переглянулись, стараясь приободрить друг друга, и направились к своему командиру, чтобы обезоружить его; сержант был ни жив ни мертв, но не произнес ни слова.

– Ах вы мошенники! – закричал барон. – Да как вы смее трогать этого человека, ведь он еще не ответил на вопросы, которые я ему собираюсь задать!

Солдаты отступили.

– А теперь, предатель, теперь, когда я доказал тебе свою доброту, помешав этим скотам отнять у тебя оружие, ты по-прежнему не знаешь, отвечать ли на мои вопросы? Говори: собаки, которых ты привел, действительно спутники этого закоренелого безбожника, осмелившегося бросить мне в лицо ужасные оскорбления?

– Да, милорд.

– А откуда ты это знаешь, болван? Как тебе это стало известно? Почему ты в этом уверен?

– Да они сами мне в этом признались, милорд.

– Ты осмелился допрашивать их без моего разрешения?

– Милорд, они мне это сказали, когда я приказал им следовать за мной, чтобы предстать перед вами.

– «Сказали, сказали», – повторил барон, передразнивая дрожащий голос бедняги-сержанта, – это что, доказательство? Ты так всему и веришь, что тебе скажет первый встречный?

– Милорд, я думал...

– Молчи, бездельник! Хватит, убирайся отсюда! Сержант скомандовал своим людям: «Кругом!»

– Подождите!

Сержант дал команду «Стой!».

– Да нет, убирайтесь, убирайтесь! Сержант снова сделал солдатам знак выйти.

– Куда это вы, мерзавцы?!

Сержант во второй раз остановил своих людей.

– Да убирайтесь же, говорю вам, псы неповоротливые, улитки проклятые!

На этот раз отряд все же вышел из комнаты и вернулся на свой пост, но старый барон продолжал браниться.

Робин внимательно следил за развитием интереснейшего разговора Фиц-Олвина с сержантом; он был совершенно ошеломлен и смотрел на необузданного и диковинного владельца Ноттингемского замка скорее с удивлением, чем со страхом.

Барону было около пятидесяти лет; средний рост, маленькие, но живые глаза, орлиный нос, длинные усы, густые брови, черты волевые, лицо багровое, словно налитое кровью, и во всех действиях что-то странное и дикое – такова была его внешность; он носил чешуйчатые доспехи, а поверх – широкий плащ из белого сукна, на котором выделялся красный крест рыцарей из Святой земли. Малейшее слово противоречия вызывало ужасный взрыв ярости у этого в высшей степени вспыльчивого и злобного человека; из-за взгляда, слова или жеста, которые ему не понравились, он мог стать человеку непримиримым врагом, помышляющим только о жестокой мести.

Допрос, который хозяин замка собирался учинить двум нашим друзьям, обещал на вечер новые бури; началось с того, что барон с жестокой насмешкой в голосе язвительно воскликнул:

– А ну, подойди-ка поближе, шервудский волчонок! И ты, бродяга-монах, червь монастыр-

ский, тоже подойди! Отвечайте без притворства и лукавства, как вы осмелились проникнуть в мой замок и какой разбой вы задумали здесь учинить, явившись сюда: один из своих зарослей, а другой – из своего логова? Отвечайте поскорее, причем правду, а то я знаю один прекрасный способ развязать языки даже немой, и, клянусь святым Иоанном Акрским, я его испытаю на вашей шкуре, неверные собаки!

Робин бросил на барона презрительный взгляд и не удостоил его ответом; монах тоже хранил молчание, судорожно сжимая в руках свою боевую палку, уже знакомую читателю кизилую дубину, на которую он, чтобы придать себе более внушительный вид, опирался и на ходу, и когда останавливался.

– Ах, так! Не отвечаете?! Гневаться изволите, господа? – воскликнул барон. – Думаете, я сам не знаю, чему я обязан честью вашего посещения? Прекрасная парочка, просто чудесная – воровской ублюдок и грязный попрошайка!

– Ты лжешь, барон, – ответил Робин, – я не ублюдок, а монах не попрошайка, ты лжешь!

– Подлые рабы!

– И опять ты лжешь: я не твой раб, и вообще ничей, а если монах и протянул бы к тебе руку, то отнюдь не за тем, чтобы просить подавания.

Тук любовно погладил свою палку.

– А-а! Этот лесной пес еще осмеливается огрызаться и оскорблять меня! – закричал барон, захлебываясь яростью. – Эй! Уши у него длинные, так вот прибейте его уши гвоздями к воротам замка и всыпьте ему сто ударов розгами!

Робин побледнел от негодования, но хладнокровие не изменило ему; он молча и пристально смотрел на грозного барона Фиц-Олвина, вытягивая рукой стрелу из колчана. Барон вздрогнул, но сделал вид, что не понял намерения юноши. Помолчав секунду, он заговорил уже спокойнее:

– Твоя юность внушает мне сочувствие, и, хотя ты и дерзок, я не прикажу тут же бросить тебя в темницу; но на мои вопросы ты должен ответить, и при этом помнить, что я сохранил тебе жизнь только по доброте душевной.

– Я не так уж целиком в вашей власти, благородный рыцарь, как вам это кажется, – ответил спокойно и презрительно Робин, – и в доказательство этого воздержусь от ответа на все ваши вопросы.

Привыкший к полному и смиренному послушанию своих слуг и вообще людей более слабых, чем он, барон, пораженный, застыл с раскрытым ртом; потом смутные мысли, роившиеся в его голове, породили бессвязную и полную брани и угроз речь.

– Ах, вот оно что! – закричал он, скрипуче смеясь. – Ах, вот оно что! Ты не в моей власти, недолизанный медвежонок? Ах, так ты хочешь молчать, обезьяний выродок, ведьмино отродье? Да одним движением руки, одним взглядом я тебя свергну в адскую бездну. Да я тебя – вот постой-ка! – своим поясом сейчас удушю!

Робин, по-прежнему невозмутимый, наложил стрелу и натянул тетиву, держа барона на прицеле, но тут вмешался Тук и произнес почти вкрадчиво:

– Надеюсь, наша светлость не приведет свои угрозы в исполнение?

Слона монаха послужили отвлекающим моментом: Фиц-Олвин кинулся на него, как разъяренный волк на новую добычу.

– Попридержи свое гадючье жало, чертов монах! – завопил он, смерив Тука взглядом с головы до ног, и добавил, чтобы тот не ошибся в значении этого презрительного взгляда: – Вот еще образчик этих жадных обжор, которых называют нищенствующей братией!

– Я не разделяю вашего мнения, милорд, – невозмутимо ответил брат Тук, – и позвольте мне сказать вам со всем уважением, которое должно питать к столь знатной особе, что ваш взгляд на вещи совершенно искажен и свидетельствует о полном отсутствии здравого смысла. Может быть, это из-за жестокого приступа подагры вы повредились в рассудке, милорд, а может быть, вы его на дне бутылки с джином оставили.

Робин громко расхохотался.

Разъяренный барон схватил молитвенник и с такой силой бросил его в голову монаха, что

бедный Тук пошатнулся от удара; но он тут же пришел в себя и, поскольку был не из тех, кто принимает подобные подарки, не выразив немедленно своей признательности, то, потрясая своей грозной палкой, подскочил к барону и обрушил ее на его подагрическое плечо.

Благородный лорд подпрыгнул, зарычал, заревел, как получивший первую рану бык на арене, и кинулся снимать со стены свой огромный меч крестоносца, но Тук не дал ему на это времени и, продолжая наступать, обрушил мощные удары палки на высокородного, знатного и могущественного барона Ноттингема, и тот, забыв о своих тяжелых доспехах и своей подагре, бегал кругом по комнате, не щадя ног, и пытался хоть куда-нибудь скрыться от беспощадных ударов.

При этом он немалое время звал на помощь, пока сержант, арестовавший Робина и Тука, не приоткрыл дверь и, протиснув в щель голову, безучастно спросил, не нужен ли он кому-нибудь.

Бедный сержант! Вместо того чтобы принять его как избавителя, как ангела-хранителя, его хозяин, бессильный в своей ярости перед монахом, бросился на вошедшего и стал бить его кулаками и ногами.

Наконец, устав бить беззащитного человека, не смевшего даже сопротивляться, потому что в те времена всякий благородный господин был для своего вассала снято неприкосновенен, барон перевел дух и отдал сержанту приказ схватить Робина и монаха и бросить их в тюрьму.

Сержант, вырвавшись из когтей своего господина, опрометью выскочил из комнаты, крича: «К оружию, к оружию!» – и тотчас же вернулся в сопровождении дюжины солдат.

Увидев это подкрепление, монах схватил со стола распятие из слоновой кости, встал перед Робинсом, собравшимся уже выпустить из лука несколько стрел, и закричал:

– Во имя Пресвятой Девы и ее Сына, умершего за вас, приказываю вам пропустить меня. Горе тому, кто осмелится меня задержать, – я отлучу его!

Эти слова, произнесенные громовым голосом, заставили солдат застыть на месте, и монах беспрепятственно вышел из комнаты. Робин собирался последовать за своим другом, но тут по знаку барона солдаты набросились на него, отняли лук и стрелы и втолкнули обратно в комнату.

Барон не держался на ногах от усталости и полученных ударов, а потому рухнул в кресло.

– Нас теперь двое, – сказал он, когда, отдышавшись, смог, наконец, что-то выдать из себя, – посмотрим чья возьмет.

Все события этой истории происходили в те времена, когда на служителей Церкви было лучше не нападать, и в этом, к своему несчастью, мог убедиться Генрих II, поссорившийся с Томасом Бекетом. Поэтому барон вынужден был позволить монаху уйти, но он решил отыграться на Робине.

– Вы сопровождали сюда Аллана Клера? – спросил он с насмешливым спокойствием. – Не могли бы вы сказать, какие причины привели его ко мне?

Всякий другой, кроме Робин Гуда, счел бы, что он погиб, погиб безвозвратно, оказавшись во власти такого жестокого человека, как старый Фиц-Олвин, но доблестный юный лучник из Шервуда был из тех, кто ничего не боится, даже перед лицом неминуемой и страшной смерти, и потому с великолепным хладнокровием он ответил:

– Я сопровождал сюда сэра Аллана Клера, но зачем он пришел, не знаю.

– Вы лжете!

Робин презрительно улыбнулся, и притворное спокойствие лорда тут же сменилось взрывом бешеного гнева, но, чем больше барон бесновался, тем лучезарнее становилась улыбка Робина.

– Как давно вы знаете Аллана Клера? – возобновил барон свой допрос.

– Сутки.

– Ты лжешь, лжешь! – прорычал барон. Разгневанный непрерывными оскорблениями, Робин холодно возразил:

– Это я лгу?! Это ты отрицаешь истину, несносный старик! Ну что ж, раз, по-твоему, я лгу, больше ты не услышишь от меня ни слова!

– Безумный мальчишка, ты что, хочешь, чтобы тебя бросили в ров со стены замка, как сбросят через час твоего сообщника Аллана Клера сразу после исповеди? Я задам тебе еще один

вопрос, но, если ты не ответишь, считай, что ты мертв. На вас кто-нибудь нападал, когда вы шли сюда?

Робин не ответил. Тогда, не надеясь больше услышать что-нибудь, Фиц-Олвин, чьи силы поддерживала ярость, встал с кресла и взял в руки свой огромный меч. Робин пристально смотрел на барона: он ждал. Но, наверное, убийство все же совершилось бы, если бы не отворилась дверь, пропустив двух людей. Их головы были обмотаны окровавленным тряпьем, и они передвигались с большим трудом. Одежда их была порвана и испачкана грязью; казалось, они с кем-то подрались, но вряд ли вышли из этой драки победителями. Увидев Робина, они оба удивленно вскрикнули, а Робин, удивленный не менее их, узнал в них оставшихся в живых членов шайки, которая прошлой ночью напала на жилище Гилберта Хэда. Гнев барона дошел до предела, когда они рассказали ему о своей неудаче и о том, что Робин был одним из самых грозных противников, и потому, не дождавшись конца повествования, он с яростью воскликнул:

– Схватить этого негодяя и бросить в темницу! И там он останется до тех пор, пока не расскажет нам все, что знает об Аллане Клере, и на коленях не попросит у нас прощения за свою наглость!.. И не давать ему ни хлеба, ни воды, пусть умрет с голоду!

– Прощайте, барон Фиц-Олвин, – промолвил Робин, – прощайте. Если я должен выйти из тюрьмы, только выполнив эти два условия, то мы больше никогда не увидимся. Так что прощайте навек!

Солдаты начали подталкивать Робина к двери, но он, сопротивляясь, задержался еще немного и, обращаясь к барону, добавил:

– Может, ты будешь настолько добр, благородный господин, что предупредишь Гилберта Хэда, честного и храброго лесника из Шервудского леса, о твоём намерении предоставить мне на некоторое время жилище, но не давать при этом еды?.. Ты мне этим доставил бы большое удовольствие, и я обращаюсь к тебе с этой просьбой, милорд, ведь ты тоже отец и должен понимать треногу отца, не ведающего, что случилось с его сыном или дочерью.

– Тысяча чертей! Заберете вы отсюда этого болтуна?

– О! Не воображай себе, пожалуйста, что я хочу и дальше оставаться в твоём обществе, достославный барон Ноттингем. Наше желание расстаться обоюдно.

Выйдя из покоев барона, Робин во всю силу затянул песню, и его молодой серебристый голос еще звенел под мрачными сводами галерей замка, когда дверь темницы захлопнулась за ним.

VI

Некоторое время пленник прислушивался к шуму, смутно доносившемуся снаружи, и, когда в галереях стихли шаги солдат, он сел и задумался над тем, насколько серьезно его положение.

Гнев и угрозы всевластного владельца замка его не привели в трепет, и благородный юноша думал только о том, что Гилберт и Маргарет будут напрасно ожидать его вечером и на следующий день, а может быть, и дольше, будут беспокоиться и страдать.

Эти грустные мысли разбудили в Робине неодолимое желание обрести свободу, и он стал беспрестанно ходить по тюремной камере, как попавший в неволю львенок; при этом он простукивал пол и стены, оценивал высоту слухового окна и прикидывал, сможет ли он силой, хитростью или ловкостью разбить или отворить окованную железом дверь, ключ от которой, должно быть, находился в руках свирепого стража.

Камера была маленькая, и в стенах ее было всего три отверстия: дверь, маленькое оконце над ней, а напротив – слуховое окно побольше; это окно находилось футами в десяти над полом и было забрано толстой решеткой; вся обстановка состояла из стола, скамейки и охапки соломы.

«Очевидно, барон не столь жесток, как несправедлив, – подумал Робин, – ведь руки и ноги у меня не связаны, воспользуемся этим и поглядим, что там происходит наверху».

И, поставив на стол скамейку вертикально и прислонив ее к стене, Робин добрался до слухового окна.

О счастье! Ухватившись руками за один из прутьев решетки, он понял, что она но желез-

ная, а дубовая, и дерево уже источено червями. Он легко расшатал ее, сломать ее тоже будет не трудно, но даже если она и не поддастся, то прутья в ней расположены редко, и голова его свободно проходит между ними, а он хорошо знал: где голова проходит, тело пройдет обязательно.

Придя в восторг от такого открытия, наш герой счел полезным выяснить, что делается с другой стороны двери и может помешать его побегу: вдруг в коридоре затаился часовой и он явится при малейшем подозрительном шуме?

Поэтому сообразительный узник поставил скамью к двери и заглянул в окошечко над ней. Но он не простоял и доли секунды, поскольку увидел, что вдоль стены галереи к двери крадется солдат, видимо, с целью заглянуть в замочную скважину и проследить, чем занят пленник.

Робин тут же запел самую веселую балладу, и в промежутке между двумя куплетами услышал, как шаги по коридору удаляются, потом осторожно возвращаются, потом снова удаляются и снова возвращаются. Так продолжалось добрых пятнадцать минут.

«Если этот малый, – подумал Робин, – будет вот так гулять взад-вперед всю ночь, то я рискую и до рассвета отсюда не выбраться, ибо не смогу вылезть в окно, чтобы он меня не услышал».

Уже несколько мгновений в галерее царила полная тишина, как будто часовой перестал подглядывать, но Робин, сам опытный охотник, знал все хитрости и рассудил, что в подобном случае лучше доверять глазам, чем ушам, а потому отважился снова заглянуть в оконце над дверью.

И хорошо сделал, потому что вместо одного подглядывающего он увидел двоих, стоявших лицом к лицу и приложивших уши к двери.

В ту же минуту в конце галереи появилась красotka Мод; в одной руке она держала свечильник, а в другой несла еще что-то; увидев, как лицо Робина проступает в окошке над головами тюремщиков, она неожиданно вскрикнула.

Легко, как падающий с дерева лист, Робин опустился на пол, с тревогой прислушиваясь к тому, что произойдет в коридоре; к счастью, голос Мод заглушил шум его падения, и он услышал, как девушка за что-то распекает солдат и по-женски многословно объясняет, почему она испугалась и вскрикнула.

Робин поспешил поставить стол и скамью на место, при этом он как можно громче пел, одновременно ломая себе голову над вопросом, зачем это Мод среди ночи бродит по замку. Однако Мод, красotka Мод, вскоре разрешила все его вопросы, потому что, примирительно поговорив с тюремщиками, она, радостно улыбаясь, пошла и камеру и, поставив на стол еду и питье, потребовала, чтобы ее оставили наедине с пленником, ибо ей нужно сказать ему несколько слов.

– Ну, что же, юный лесник, – сказала девушка, как только солдаты закрыл дверь, – в хорошенькое положение вы попали; сидите тут, как соловей в клетке, и, боюсь, не скоро вылетите, ибо барон в страшном гневе: буйствует, бранится и клянется, что расправится с вами так, как он поступал с нечестивцами-маврами в Святой земле.

– Если вы станете моим товарищем по заключению, прелестная Мод, – ответил Робин, обнимая девушку, – то я о свободе не пожалею.

– Ну, поумерьте пыл, сударь, – воскликнула девушка, высвобождаясь из его рук, – так учтивые кавалеры не поступают!

– Простите, но вы так хороши... Ну, давайте поговорим серьезно. Садитесь и позвольте мне взять вас за руки; вот так, спасибо. А теперь скажите: знаете ли вы, что случилось с Алланом Клером, моим спутником, с которым я и ваш дядюшка Тук пришли вместе в замок?

– Увы! Он сидит в еще более темной и ужасной камере, чем вы; он осмелился сказать его светлости: «Подлый негодяй, я все равно женюсь на леди Кристабель». В ту минуту, когда ваш неосторожный друг произносил эти слова, я вместе с молодой хозяйкой вошла в комнату барона. Увидев миледи, сэр Аллан Клер забылся до такой степени, что бросился к ней, обнял ее и поцеловал, воскликнув: «Кристабель, дорогая моя, любимая Кристабель!» Миледи лишилась чувств, а я уволокла ее из комнаты, подальше от его светлости. Потом, по ее приказанию, я узнала, что случилось с сэром Алланом; как я вам уже сказала, он, как и вы, пленник. Джилл, веселый монах, сообщил мне о вашей судьбе, и я пришла...

—... чтобы помочь мне бежать, не так ли, дорогая Мод? О, благодарю, благодарю вас, да, я скоро буду свободен – если Господь поможет, и часу не пройдет.

– Свободны, вы?! Да как же вы отсюда выйдете? У двери двое часовых.

– Да хоть бы и тысяча!

– Вы что, колдун, прекрасный лесник?

– Нет, но по деревьям лазаю, как белка, а через рвы прыгаю, как заяц.

Юноша взглядом показал на зарешеченное слуховое окно и, наклонившись к девушке и приблизив губы к ее ушку настолько, что Мод покраснела, сказал:

– Прутья не железные.

Мод поняла, и на лице ее появилась радостная улыбка.

– А теперь мне нужно знать, – добавил Робин, – где я могу найти брата Тука?

– В... буфетной, – ответила, слегка смутившись, Мод, – если миледи понадобится его помощь, чтобы освободить сэра Аллана, то мы условились, что она пошлет за ним в буфетную.

– Как мне туда попасть?

– Как выйдете отсюда, пойдете налево вдоль вала, пока не увидите отпертую дверь. Эта дверь ведет на лестницу, лестница – на галерею, а галерея – в коридор, в конце которого находится буфетная. Дверь будет закрыта; если вы не услышите за ней никакого шума, входите; если Тука там не будет, значит, миледи призвала его к себе; тогда спрячьтесь в один из шкафов и ждите, пока я приду и постараюсь вывести вас из замка.

– Тысячу благодарностей вам, прекрасная Мод, никогда не забуду вашей доброты! – радостно воскликнул Робин.

Его взгляд встретился со взглядом девушки: словно искра пробежала между этими юными и прекрасными созданиями; они подумали и почувствовали одно и то же, и губы их слились в нежном и пламенном поцелуе.

– Прекрасно! Просто чудесно, мои голубочки! Вот это называется шепнуть пару слов! – воскликнул один из тюремщиков, внезапно открывая двери камеры. – А, черт, милая барышня, ну и напиток вы принесли узнику! С чем вас и поздравляю; вы так хорошо умеете утешать, что я и сам не прочь бы очутиться в клетке.

При этом внезапном появлении Мод покраснела и с минуту стояла молча, дрожа всем телом, но тут солдат подошел к ней поближе, чтобы выпроводить ее из камеры, и девушка, обретая обычную уверенность в себе, подняла свою белую ручку, ударила солдата наотмашь по одной его обветренной щеке, потом по другой и убежала, как безумная хохоча над своей проделкой.

– Гм-гм, – проворчал тюремщик, потирая щеки и бросая на Робина отнюдь не ласковый взгляд, – кажется, этому юнцу и мне платят разной монетой.

И он вышел, нарочито громко задвинув засовы и несколько раз повернув ключ в замке.

А пленник ел,пил и смеялся от всего сердца.

Вскоре тюремщика сменил на посту вооруженный до зубов часовой, и Робин, чтобы не показаться грустным и озабоченным, запел снова во всю силу своих легких.

Часовой, и без того недовольный тем, что ему приходится стоять на посту, грубо приказал ему замолчать. Робин повиновался, потому что это входило в его планы, и насмешливо пожелал солдату доброй ночи и счастливых сновидений.

Час спустя луна уже стояла в зените, показывая Робину, что настало время бежать; юноша, постаравшись унять бешеное биение сердца, воспользовался скамьей вместо лестницы и без труда добрался до слухового окна, быстро расшатал одну совершенно источенную червями перекладину и вылез наружу; присев на край подоконника, он с беспокойством измерил на глаз расстояние до земли, и, поскольку оно показалось ему на несколько футов больше, чем он предполагал, ему пришла в голову мысль привязать конец своего пояса к одной из самых крепких перекладин.

Все эти приготовления заняли у него не более минуты, и он уже собирался начать спуск, как «друг в нескольких шагах от себя на террасе заметил солдата; тот стоял к нему спиной и, опершись на копьё, смотрел вдаль, в долину.

«О! – сказал себе Робин. – Я чуть было не угодил прямо волку в пасть! Нужно быть внимательнее!»

К счастью, в эту минуту луну прикрыло облаком, терраса оказалась в тени, а долину заливал свет. Солдат, для которого эта долина была, быть может, родиной, по-прежнему стоял неподвижно, погружившись в созерцание.

– Ну, храни меня Бог! – прошептал Робин и, истово перекрестившись, скользнул вдоль стены, держась за пояс.

На беду, пояс был слишком короток, и, повиснув на его конце, Робин не почувствовал земли под ногами, а он боялся, что шум его падения привлечет часового. Что было делать? Подняться обратно в камеру? Но прутья могли не выдержать усилий, необходимых для такого подъема; уж лучше было продолжать начатое; а потому, отдав себя на волю Провидения и постаравшись собраться для прыжка, юноша выпустил ремень из рук.

Раздался ужасный грохот, будто упала крышка погребя; этот страшный шум вывел часового из задумчивости в тот самый миг, когда наш герой коснулся земли.

Часовой тревожно вскрикнул и, выставив перед собой копье, двинулся к тому месту, откуда послышался этот непонятный звук; но он ничего не увидел, ничего не услышал и, даже не поинтересовавшись, что произвело этот грохот, вернулся на место, где стоял, и снова устремил взгляд на свою любимую долину.

Робин, чувствуя, что он цел и невредим, воспользовался задумчивостью часовой, чтобы уйти подальше, и притом тоже не поинтересовался причиной грохота. А между тем он избежал ужасной опасности: одна из отдушин подземелья находилась прямо под окном его камеры и люк не был закрыт; падая, Робин случайно задел его ногой, и крышка захлопнулась; не случись этого, он исчез бы навеки в подземелье. Счастливым обстоятельством оказалось и то, что крышка не была закрыта: если бы он спрыгнул на нее, то она выдала бы его гулким звучанием и ему не удалось бы ускользнуть от часовой.

Счастье ему не изменило, и он быстро и бесшумно пошел по пути, который описала ему Мод.

Как ему объяснила девушка, налево от него оказалась отворенная дверь, он вошел в нее, поднялся по лестнице и оказался в галерее, а пройдя ее, – в длиннейшем коридоре.

Дойдя до того места, где коридор разветвлялся, Робин, осторожно нащупав ногой путь и проведя рукой по стене, чтобы не заблудиться, вдруг услышал чей-то шепот:

– Кто тут? Что вы здесь делаете?

Робин прижался к стене, задержав дыхание. Незнакомец тоже остановился и, шаря вокруг себя мечом, пытался понять, откуда исходит шум, который он услышал.

– Наверное, дверь скрипнула, – произнес любитель ночных прогулок и продолжил свой путь.

Справедливо решив, что с помощью вожатого ему будет проще выбраться из лабиринта, где он блуждает уже дольше четверти часа, Робин на почтительном расстоянии последовал за незнакомцем.

Вскоре этот человек исчез за какой-то дверью.

Дверь вела в часовню.

Робин, ускорив шаг, проскользнул за неизвестным и бесшумно притаился за одной из колонн.

Луна бросала пятна белого света сквозь окна на пол, и было видно, что у одного из надгробий молится женщина, скрытая вуалью; незнакомец в монашеском платье с беспокойством оглядел все помещение; увидев женщину под вуалью, он едва сдержался чтобы не вскрикнуть от радости, прошел через неф и, молитвенно сложив руки, подошел к ней. Услышав его шаги, женщина подняла голову и посмотрела на него, дрожа то от страха, то от волнения.

– Кристabelle! – тихо окликнул ее монах.

Девушка встала, румянец залил ее щеки, и, бросившись в объятия, раскрытые молодым человеком, она воскликнула с невыразимой радостью: – Аллан! Аллан! О дорогой мой Аллан!

VII

Гилберт рассказал Маргарет историю Роланда Ритсона, но о самых страшных его преступлениях умолчал, а о любви и страшном конце своей сестры Энни едва упомянул.

– Будем просить Господа простить этому безумцу его грехи, – сказала Маргарет.

И она постаралась скрыть слезы, чтобы еще больше не огорчать мужа.

Старик-монах остался около умершего и читал заупокойные молитвы; время от времени к нему присоединялись Гилберт и Маргарет, а Линкольну было велено вырыть могилу между буком и дубом, о которых говорил презренный Ритсон, и все стали ожидать возвращения из Ноттингема путешественников, чтобы похоронить умершего.

Марианна, предоставленная сама себе, утомилась от бесцельного хождения возле дома и решила пойти навстречу брату. Ланс спал, растянувшись на пороге дома; она позвала его, погладила своей белой ручкой и отправилась с ним, не предупредив Гилберта.

Она долго шла, задумавшись о будущем брата, а потом села под деревом, обхватила голову

руками и заплакала. Почему? Она и сама не знала. Мрачные предчувствия теснили ей грудь, тысячи смутных образов роились в голове, и среди них лица дорогою Аллана и юного лесника, истинного графа Хантингдона.

Ланс, верный пес, лежал у ее ног и принюхивался к ветру; уставив на нее огромные круглые глаза, в которых светилось понимание, он, казалось, разделял ее печаль и, подобно ей, испытывал мрачные предчувствия, потому что не спал, а сторожил ее.

Солнце уже скользило по вершинам высоких деревьев, и по лесной поросли начал стелиться туман, когда Ланс вдруг встал и, виляя хвостом, негромко и жалобно залаял.

Его лай заставил Марианну очнуться от мечтаний, и она пожалела о том, что допоздна задержалась в лесу; Ланс радостно запрыгал вокруг нее, она тотчас встала и направилась к дому лесника, все еще надеясь на скорое возвращение Аллана.

Ланс теперь шел не позади Марианны, как утром, а наоборот, бежал впереди, вынюхивая тропинку, и время от времени поворачивал морду, чтобы посмотреть, идет ли девушка за ним.

И хотя Марианна была уверена, что, доверившись чутью такого проводника, она не заблудится, ей пришлось ускорить шаги, потому что темнело очень быстро и в небе блеснули первые звезды.

Внезапно Лапе остановился, весь напрягся, шерсть у него на загривке встала дыбом, уши поднялись, он принюхался к ветру, обнажил клыки и неистово, яростно залаял.

Марианна задрожала и застыла на месте, пытаясь понять, отчего лает пес.

«Может быть, он почуял приближение Аллана», – подумала девушка, внимательно прислушиваясь.

Но вокруг все было тихо. Собака тоже перестала лаять, и Марианна успокоилась. Но, когда она уже собралась, посмеиваясь над своим испугом, пойти дальше, рядом в кустах она услышала чьи-то быстрые шаги и Ланс залаял еще яростнее и громче, чем прежде.

Страх попасть в руки разбойников придал девушке крылья, и она бросилась бежать по тропинке, но вскоре силы оставили ее, она вынуждена была остановиться и чуть не потеряла сознание, услышав грубый и повелительный оклик:

– Уберите вашу собаку!

Ланс, прикрывавший сзади бегство Марианны, бросился на человека, преследовавшего ее, стараясь вцепиться ему в горло.

– Уберите вашу собаку, – снова крикнул незнакомец, – я не собираюсь причинять вам зла!

– Откуда мне знать, что вы говорите правду? – почти твердым голосом спросила Марианна.

– Если бы я был злоумышленником, я бы давно послал стрелу вам в сердце; еще раз говорю – уберите вашу собаку!

Клыки Ланса уже разодрали на нем одежду и вцепились в его тело.

Но при первом же слове Марианны собака разжала челюсти, встала перед девушкой и оскалила зубы, неотступно следя взглядом за неизвестным.

Это был, совершенно очевидно, один из тех стоящих вне закона бродяг, у которых нет ни кола, ни двора и которые грабят лесников, если утех поменьше мужества, чем у Гилберта, и убивают беззащитных путников. На лице этого мерзавца было написано, что он преступник; одет он был в кафтан и короткие штаны из козьей шкуры, а на голове его сидела большая, грязная и рваная войлочная шляпа, едва прикрывавшая длинные, до плеч, космы. Его густая борода была вымазана собачьей слюной. На боку у него висел кинжал, в одной руке он держал лук, в другой – стрелы.

Марианну обуял ужас, но она старалась казаться спокойной.

– Не подходите ко мне! – сказала девушка, повелительно глядя на бродягу.

Тог остановился, увидев, что собака готова снова вцепиться в него.

– Чего вы хотите? Говорите, я слушаю вас, – добавила Марианна.

– Я скажу, но для начала вы пойдете со мной.

– Куда?

– Какая вам разница? В лес. Следуйте за мной.

– Нет, я с вами не пойду.

– Ах вот как, вы отказываетесь, прекрасная девица! – воскликнул негодяй и дико захохотал. – Вы ломаетесь и капризничаете!

– Я с вами не пойду, – твердо повторила Марианна.

– Значит, мне придется применить серьезные средства, а они, предупреждаю вас, по вкусу вам не придутся.

– А я предупреждаю вас, что вы будете жестоко наказаны, если осмелитесь применить ко мне насилие.

Марианна больше не дрожала; перед лицом опасности к ней вернулось мужество, и последние слова она произнесла уверенным голосом, протянув руку, как бы говоря бродяге: «Убейтесь!»

Но тот снова разразился угрожающим смехом; Ланс заворчал и щелкнул челюстями.

– Я и в самом деле, прекрасная девица, – помолчав, заговорил разбойник, – восхищен вашим мужеством и смелыми словами, но это восхищение не заставит меня изменить мои планы; я знаю, кто вы, я знаю, что вчера вы остановились у лесника Гилберта Хэда вместе с вашим братом Алланом, а сегодня утром ваш брат Аллан отправился в Ноттингем, но я знаю и то, чего вы не знаете, а именно: ворота замка Фиц-Олвина, отворившиеся, чтобы впустить сэра Аллана, никогда не откроются, чтобы выпустить его обратно.

– Что вы говорите? – воскликнула Марианна, охваченная новым страхом.

– Я говорю, что сэр Аллан Клер – пленник барона Ноттингема.

– Боже мой! Боже мой! – горестно прошептала девушка.

– А мне вашего почтенного братца совсем не жалко. Зачем он сам сунулся в пасть льву? А старый Фиц-Олвин – настоящий лев. Мы вместе воевали в Палестине, и его вкусы мне известны. Ему нужны и брат и сестра. Вчера вы от его людей ускользнули, и сегодня...

Марианна в отчаянии закричала.

– Ох, да успокойтесь, я хотел сказать, что и сегодня вы от него тоже ускользнете.

Марианна подняла на разбойника взгляд, в котором сквозила почти признательность.

– Да, от нею вы ускользнете, но от меня – нет; ему – братец, а мне – сестрица, и да здравствует моя доля! Ну-ну, не нужно плакать, прекрасная девица! У барона вы стали бы рабыней, а со мной вы будете свободны, вы будете королевой в этом старом лесу, и не одна девушка из тех, кого я знаю, темненькая ли, светленькая ли, позавидовала бы вам. Ну, в дорогу, невестушка моя, там, в моей пещере, нас ждет ужин из дичины и ложе из сухих листьев.

– О, заклинаю вас, расскажите мне о моем брате, о моем дорогом Аллане! – воскликнула Марианна, не обратив никакого внимания на нелепые предложения негодяя.

– Черт побери, – ответил тот, не заметив такого безразличия к себе Марианны, – если ваш брат вырвется из когтей этого зверя, он будет жить с нами, но не думаю, что нам придется когда-нибудь вместе охотиться, потому что старый Фиц-Олвин не гноит пленников в темнице, а живо спроваживает их на тот свет.

– Но как вы узнали, что мой брат в плену у барона?

– К черту такие вопросы, красавица! Речь идет о сделанном тебе предложении быть моей королевой, а не о веревке, которой удавят твоего брата. Клянусь святым Дунстаном, хочется тебе этого или нет, но ты со мной пойдешь.

И он шагнул к Марианне, но та стремительно отпрянула от него и закричала:

– Взять его, Ланс, взять его!

Храброе животное ждало только приказа и сразу вцепилось в горло разбойника; но тот, видимо, привык обороняться от хищных зверей; он схватил собаку за передние лапы и, оторвав ее от себя, с силой отбросил шагов на двадцать; пес не испугался, снова кинулся на бродягу и, обманув бдительность врага, напал на него не спереди, а сбоку, вцепившись в космы волос, торчавших из-под шляпы; он так глубоко вонзил клыки, что оторвал ухо и оно осталось у него в пасти.

Из раны хлынула кровь; бродяга прислонился к дереву, рыча, как зверь, и извергая богохульства, а Ланс, разочарованный тем, что ему не удалось ухватить кусок добычи, снова кинулся на врага.

Но это нападение, третье по счету, стало для него роковым: бродяга, хотя и обессиленный потерей крови, с такой силой ударил его кинжалом плашмя по голове, что пес безжизненной грудой рухнул к ногам Марианны.

– Ну, теперь держитесь! – воскликнул бродяга, удовлетворенно взглянув на упавшего пса. – Держитесь, красотка!.. Сто тысяч дьяволов! – тут же зарычал он, оглядываясь вокруг. – Сбежала! Улизнула! Клянусь всеми чертями ада, она от меня не ускользнет!

И он бросился за Марианной вдогонку. Бедная девушка долю бежала не разбирая дороги, даже не зная, приведет ли ее эта тропинка к дому Гилберта. Единственной ее надеждой, оставшейся ей после того, как ее защитник был выведен из строя, было скрыться от разбойника под покровом темноты, а потому она прилагала немыслимые усилия, чтобы выиграть расстояние, рассчитывая на милость Провидения. Задыхаясь, Марианна остановилась на поляне, где скрещивалось несколько дорог, и, не слыша за собой ничьих шагов, чуть-чуть успокоилась, но тут ее опять охватила тревога: какой путь ей следует выбрать? Долго размышлять было некогда, нужно было на что-то решаться, и решаться быстро, иначе бродяга догонит ее. Несчастная признала на помощь Пресвятую Деву, закрыла глаза, повернулась два-три раза вокруг своей оси и, вытянув руку, наугад ткнула в тропинку, по которой и побежала дальше. Не успела она скрыться среди деревьев, как на поляну выскочил разбойник и тоже замешкался, пытаясь сообразить, по какой дороге ускользнула от него беглянка. К несчастью, в это мгновение из-за туч выглянула луна, которая в этот самый час своим светом помогла Робину бежать, но бегущую Марианну в ее белом платье она своим светом выдала.

– Наконец-то, – воскликнул бродяга, – теперь она у меня в руках!

Марианна услышала ужасные слова «она у меня в руках!» и, легче лани, стрелой понеслась вперед, но вскоре стала задыхаться, ноги ее подкосились, из последних сил она закричала:

– Аллан, Аллан! Робин! На помощь, на помощь! – и, потеряв сознание, рухнула на землю.

Видя перед собой белое платье, бродяга побежал еще скорее; он уже наклонился и протянул руки к своей добыче, как вдруг какой-то человек, по-видимому лесник, карауливший в засаде охотников за королевской дичью, вышел из укрытия и громко крикнул:

– Эй ты, жалкий бродяга! Не смей дотрагиваться до этой женщины или я тебя убью на месте!

Разбойник, казалось, не слышал его и уже собирался приподнять девушку за плечи с земли, но тут лесник закричал громовым голосом:

– Ах, так! Ты как будто туг на ухо?! Ну, так получай! И он изо всех сил ударил бродягу древком копья.

– Эта женщина принадлежит мне, – сказал, поднимаясь, разбойник.

– Лжешь! Ты же гнался за ней, как волк за олененком! Жалкий мошенник! Прочь или я тебя заколю!

Разбойник попятился, потому что острие копья упиралось ему в живот.

– Бросай стрелы! Бросай лук! Кинжал бросай! – продолжал лесник, не опуская копья.

Разбойник бросил оружие на землю.

– Прекрасно. Теперь кругом – и беги, беги со всех ног, не то я подгоню тебя стрелой!

Бродяге пришлось повиноваться – какое уж сопротивление без оружия! И он убежал, причем с его уст срывались потоком проклятия и угрозы рано или поздно отомстить за себя.

Лесник же тотчас стал приводить в чувство бедную Марианну; девушка недвижно лежала на траве, похожая на сброшенную с пьедестала мраморную статую, и струившийся с неба бледный свет луны усиливал такое впечатление.

Неподалеку от того места бежал извилистый ручеек, и лесник перенес девушку туда; он брызнул ей на виски и лоб холодную воду, она открыла глаза, словно пробудившись от долгого сна, и воскликнула:

– Где я?

– В Шервудском лесу, – просто ответил лесник. Услышав незнакомый голос, Марианна попыталась вскочить и снова пуститься в бегство, но силы изменили ей, и, умоляюще сложив руки, она жалобно произнесла:

– Не причиняйте мне зла, жальтесь надо мной!

– Успокойтесь, барышня: негодяй, посмеивший напасть на вас, уже далеко, а если он пожелает приняться за старое, то даже до складки на вашем платье не дотронется, как ему уже придется иметь дело со мной.

Марианна все еще дрожала и со страхом озиралась вокруг, но голос, который она слышала, казался ей дружественным.

– Не угодно ли вам, барышня, пойти со мной в нашу усадьбу? Я ручаюсь, что вам там окажут хороший прием. В усадьбе есть юные девушки, которые будут к вашим услугам и успокоят вас, сильные и крепкие молодые парни, которые вас защитят, и старик, который заменит вам отца. Пойдемте в усадьбу, пойдемте.

В его предложении было столько сердечности и искренности, что Марианна невольно встала и, ничего не говоря, пошла за ним. Воздух и движение привели ее окончательно в чувство, она стала яснее все понимать, к ней вернулось хладнокровие; она постаралась повнимательнее разглядеть в свете луны своего спасителя; какое-то смутное предчувствие, что этот незнакомец – друг Гилберта Хэда, заставило ее спросить:

– А куда мы идем, сударь? Не полет ли эта дорога к дому Гилберта Хэда?

– Как?! Вы знаете Гилберта Хэда? Вы, случайно, не его дочь? Вот уж и выбрано я старому хитреца за то, что он скрывал от нас свое сокровище. Простите и не обижайтесь на меня, но я давно знаю доброго Хэда и его сына Робин Гуда и не думал, что они такие скрытные люди.

– Вы ошибаетесь, сударь, я вовсе не дочь Гилберта, но я его друг, его гость со вчерашнего дня.

И Марианна поведала ему все, что с ней случилось с той минуты, как она вышла из дома Гилберта; затем она стала горячо благодарить его за спасение.

Но не успела она закончить, как лесник, покраснев, прервал ее:

– Не следует и помышлять о том, чтобы сегодня же вернуться к Гилберту; дом его далеко отсюда, а усадьба моего дяди всего в двух шагах; здесь вы будете в безопасности, мисс, а чтобы ваши хозяева не беспокоились, я сам пойду известить их о вас.

– Тысячу раз благодарю вас, сударь, и принимаю ваши предложения, потому что падаю от усталости.

– Не стоит благодарности, мисс, я просто исполняю свой долг.

Марианна и в самом деле падала с ног, ее качало из стороны в сторону; лесник заметил это и предложил ей опереться на его руку, но девушка так задумалась, что не заметила протянутой руки и продолжала идти.

– Мисс, вы что, не доверяете мне? – грустно спросил молодой человек, снова предлагая ей руку. – Вы боитесь опереться...

– Я полностью доверяю вам, сударь, – ответила Марианна, тотчас беря своего спутника под руку, – ведь вы неспособны обмануть женщину?

– Это уж точно, мисс, неспособен... Маленький Джон на это неспособен... Ну, обопритесь крепче на руку Маленького Джона; да я вас и на руки возьму, если понадобится, и мне не тяжелее будет вас нести, чем горлинке прутик.

– Маленький Джон?! Маленький Джон?! – изумленно прошептала девушка, поднимая голову, чтобы измерить глазами огромный рост своего кавалера. – Маленький Джон!

– Да, Маленький Джон; так меня называют, потому что росту во мне шесть футов и шесть дюймов, и плечи по ширине соответствуют росту, потому что я ударом кулака укладываю быка, а ноги мои могут без усталости прошагать сорок английских миль, и нет ни танцора, ни бегуна, ни борца, ни охотника, который бы меня одолел, и шестеро моих двоюродных братьев, моих товарищей, сыновей сэра Гая Гэмвелла, все меньше меня ростом; вот потому-то, мисс, того, кто имеет честь вести вас под руку, люди, знающие его, называют Маленьким Джоном; разбойник, напавший на вас, хорошо меня знает и оттого-то и не стал сопротивляться, когда Пресвятая Дева, которая всех нас хранит, вывела вас на меня. Позвольте еще добавить, мисс, что я не только крепок, но и добр, а зовут меня по-настоящему Джон Нейлор, я племянник сэра Гая Гэмвелла, лесник я по рождению, лучник по склонности, служу егерем, и месяц тому назад мне сравнялось

двадцать четыре года. Беседуя и смеясь, Марианна и ее спутник шли к усадьбе Гэмвеллов; вскоре они дошли до опушки леса и перед ними открылось великолепное зрелище; девушка, несмотря на крайнюю усталость, не могла налюбоваться чудной картиной. Впереди расстилалось пространство в несколько квадратных миль, окаймленное темно-зеленой кромкой лесов, в разных местах виднелись очаровательные селения, расположенные то на опушке, то на холме, то в долине; призрачно белели домики, стоявшие поодиночке или группами вокруг церкви, с колокольни которой доносился сигнал тушить огни.

– Вон там, правее деревни и церкви, – сказал Маленький Джон своей спутнице, – видите большое строение, в окнах которого, полуприкрытых ставнями, блестит яркий свет? Видите, мисс? Так вот, это усадьба Гэмвеллов, дом моего дяди. Во всем нашем графстве вряд ли сыщется жилище удобнее, а уголка, красивее этого, нет во всей Англии. Что скажете, мисс?

В ответ на восторги племянника сэра Гая Гэмвелла Марианна улыбнулась.

– Поспешим же, мисс, – продолжал молодой человек, – ночная роса обильная, и, перестав дрожать от страха, вы задрожите от холода, а мне бы этого не хотелось.

Вскоре на Маленького Джона и его спутницу с лаем налетела свора спущенных сторожевых псов. Молодой человек грубовато-ласково утихомирил их, а нескольких самых восторженных собак раза два ударил палкой; потом они прошли мимо нескольких слуг, с удивлением смотревших на них и почтительно кланявшихся, и вошли в большой зал как раз в ту минуту, когда вся семья собиралась сесть за стол ужинать.

– Мой добрый дядюшка! – воскликнул молодой человек, подводя Марианну за руку к креслу, на котором восседал почтенный сэр Гай Гэмвелл. – Прошу вас оказать гостеприимство этой прекрасной и благородной девушке.

Провидению угодно было избран, меня, недостойного, своим орудием, чтобы спасти ее от рук подлого разбойника.

Марианна во время своего бегства потеряла в лесу бархатную повязку, которая обычно поддерживала ее длинные волосы, и, чтобы не мерзнуть, согласилась накинуть на себя плед Маленького Джона, покрывающий ее голову и связанный концами на груди; ее нежное лицо едва виднелось из-под него. Чувствуя себя неловко в таком головном уборе, или, быть может, несколько смущенная тем, что ей пришлось показаться людям в вещи, составляющей предмет мужского наряда, девушка быстро скинула с себя плед и предстала перед семейством Гэмвелл во всем блеске своей красоты.

Все шестеро двоюродных братьев Маленького Джона с изумлением смотрели на Марианну, а обе дочери сэра Гая подбежали к гостье и со всем изяществом приветствовали ее.

– Славно, – сказал хозяин усадьбы, – славно, Маленький Джон! Ты Расскажи нам, как тебе удалось ночью, в лесу, подойти к юной девице, не испугав ее, и внушить ей такое доверие, что она решилась, не зная тебя, пойти с тобой и оказать нам честь своим пребыванием под нашей крышей? Благородная и прекрасная девица, сдается мне, что вы устали и плохо себя чувствуете. Садитесь сюда, между мной и моей женой, глоток доброго вина вернет вам силы, а потом наши дочери отведут вас с собой и уложат на удобную постель.

Подождав, пока Марианна удалится в отведенную ей комнату, хозяин подробно расспросил Маленького Джона о событиях прошедшего вечера; Маленький Джон все рассказал и закончил заявлением, что он собирается сейчас же отправиться к Гилберту Хэду.

– Прекрасно! – воскликнул Уильям, младший из шести сыновей Гэмвелла. – Раз эта девушка – друг славного Гилберта Хэда и моего приятеля Робина, то я пойду с вами, братец Маленький Джон.

– Не сегодня, Уилл, – сказал старый баронет, – сейчас уже слишком поздно, и, пока вы пересечете лес, Робин ляжет спать. Пойдете к нему в гости завтра, мой мальчик.

– Но, дорогой отец, – возразил Уильям, – Гилберт, должно быть, очень беспокоится о девушке, и готов спорить, что Робин ее повсюду разыскивает.

– Ты прав, сынок, поступай как знаешь. Маленький Джон и Уильям тут же встали из-за стола и направились к лесу.

VIII

Мы оставили Робина в часовне; он прятался за колонной и спрашивал себя, благодаря какому счастливому стечению обстоятельств Аллан смог обрести свободу.

«Сомнений нет, – думал Робин, – что это Мод, милая Мод, играет такие шутки с бароном, и ей-Богу, если она так и будет отворять нам все двери в замке, я обещаю ей миллион поцелуев».

– Еще раз, дорогая Кристабель, – говорил Аллан, целуя руки девушки, – мне улыбнулось счастье, и после двух лет разлуки я могу забыть рядом с вами, как я страдал.

– Вы страдали, дорогой Аллан? – спросила Кристабель, и в голосе ее прозвучало легкое недоверие.

– А вы в этом сомневаетесь? О да, страдал, и с того самого дня как ваш отец выгнал меня из своего замка, жизнь для меня превратилась в ад. В тот день я покинул Ноттингем и шел, пытаясь, до тех пор, пока мог различить вдали развевающиеся складки шарфа, которым вы махали мне с вала в знак прощания. Тогда я думал, что мы прощаемся навечно, поскольку чувствовал, что умираю от горя. Но Бог сжалился надо мной: я зарыдал, как ребенок, потерявший мать, и слезы позволили мне выжить.

– Аллан, Небо мне свидетель, если бы в моей власти было подарить вам счастье, вы были бы счастливы.

– Значит, в один прекрасный день я буду счастлив, – с воодушевлением воскликнул Аллан, – ибо, чего хотите вы, того хочет Бог!

– Вы были мне верны? – с простодушным кокетством спросила Кристабель. – И всегда будете верны?

– В мыслях, в словах и в делах был и всегда буду верен.

– Благодарю вас, Аллан! Вера в вас поддерживает меня в моем одиночестве; я обязана повиноваться прихотям отца, но одной из них я никогда не подчинюсь: он может нас разлучить, как он уже и сделал, но принудить меня полюбить кого-нибудь другого, кроме вас, ему никогда не удастся.

Робин первый раз в своей жизни слышал разговор влюбленных; он смутно понимал его, счастливо вздрагивая при каждом слове, и, вздыхая, говорил себе:

«О, если бы прекрасная Марианна так говорила со мной!»

– Дорогая Кристабель, – снова заговорил Аллан, – как вы узнали, в какой камере я нахожусь? Кто открыл мне дверь? Кто раздобыл мне одеяние монаха? В темноте я не сумел разглядеть своего спасителя. Мне кто-то шепнул: «Идите в часовню».

– В замке есть только один человек, которому я могу довериться: это девушка по имени Мод, моя горничная, и она столь же добра, сколь и ловка; именно ей вы обязаны своим побегом.

«Ну, так я и знал», – прошептал про себя Робин.

– Когда мой отец так грубо нас разлучил и бросил вас и темницу, Мод, тронутая моим отчаянием, сказала: «Утешьтесь, миледи, вы скоро увидите сэра Аллана». И малышка Мод свое слово сдержала: несколько минут тому назад она сообщила мне, чтобы я ждала вас здесь. Кажется, тюремщик, который вас сторожил, поддался на ухищрения Мод. Когда она принесла ему выпить и спела пару баллад, он, опьянев от вина и нежных взглядов, уснул как сурок, бедняга, и тогда эта хитрюга стащила у него ключи. По счастливой случайности в замке находился духовник Мод; святой отец не побоялся одолжить вам свою рясю. Я незнакома с этим достойным служителем Божьим, но хочу познакомиться с ним и поблагодарить его за отеческие заботы о Мод.

«Да уж, действительно, отеческие заботы», – сказал себе Робин, по-прежнему прячась за колонной.

– Этого монаха, случайно, не зовут ли братом Туком? – спросил Аллан.

– Да, мой друг. Вы его знаете?

– Немного, – ответил, улыбаясь, молодой человек.

– Он добрый старик, я уверена, – добавила Кристабель, – но чему вы смеетесь, Аллан? Разве этот добрый монах не заслуживает всяческого уважения?

– Ничего не имею против, дорогая Кристабель.

– Но чему вы смеетесь, друг мой? Я хочу знать.

– Да так, пустяки, дорогая. Дело в том, что этот добрый старик вовсе не так стар, как вы думаете.

– Удивляюсь, что это вас так веселит. Старый он или молодой, мне этот монах нравится, и Мод, как мне кажется, он тоже нравится.

– О, тут мне возразить нечего. Но если он будет нравиться вам так, как он нравится Мод, я буду в отчаянии.

– Что вы хотите сказать? – спросила Кристабель сердито.

– Простите, любовь моя, это просто шутка; позже, когда мы будем благодарить монаха за услугу, вы все поймете.

– Хорошо. Но вы ничего не сказали мне о моей подруге Марианне, вашей сестре. Ах, ну ее-то вы мне ведь позволяете любить?

– Марианна ждет нас у одного честного шервудского лесника; она уехала вместе со мной из Хантингдона, намереваясь жить с нами: ведь я думал, что ваш отец отдаст мне вашу руку; однако, раз он не только отказал мне, но и лишил меня свободы, чтобы потом, без сомнения, ли-тии» и жизни, у нас осталась единственная надежда на счастье – бегство...

– О нет, Аллан, нет, я никогда не покину отца!

– Но гнев его падет на вас, как он пал на меня. Марианна и мы будем счастливы и вдали от света, там, где ты согласишься жить, в городе или в лесу, – везде, Кристабель. О, идем, идем со мной, Кристабель, я не хочу без тебя уходить из этого ада.

Но обезумевшая Кристабель только рыдала, закрывая лицо руками, и на все просьбы Аллана бежать твердила только: «Нет, нет!»

Ах, если бы в эту минуту Аллан Клер оказался среди людей, он уличил бы барона Фиц-Олвина в совершенных им преступлениях и уничтожил бы этого гордого и жестокого человека!

Пока юный дворянин и Кристабель, прижавшись друг к другу, делились своими горестями и надеждами, Робин, впервые видевший настоящую любовную сцену, чувствовал, что он погружается в какой-то иной мир.

В это время дверь, через которую пленники вошли в часовню, тихо приоткрылась и в часовне появилась с факелом в руке Мод в сопровождении брата Тука без рясы.

– Ах, дорогая моя хозяйка! – рыдая, воскликнула Мод. – Все погибло! Мы все умрем, это какое-то всеобщее побоище, ах!

– Что вы говорите, Мод?! – в ужасе вскричала Кристабель.

– Говорю, что пришла наша смерть: барон все предает огню и мечу, он никого не пощадит – ни вас, ни меня! Ах, умереть такой молодой просто ужасно! Нет, тысячу раз нет, миледи, я не хочу умирать!

Она дрожала и в самом деле плакала, прелестная Мод, но видно было, что она готова через мгновение улыбнуться.

– Что за странные речи, что за рыдания? – строго спросил Аллан. – Вы что, с ума сошли?! Может быть, вы объясните мне, что происходит, брат Тук?

– Не могу, сэр рыцарь, – ответил монах, и в голосе его послышалась ухмылка, – ибо я знаю только, что я сидел... нет, кажется, стоял на коленях...

– Сидел, – прервала его Мод.

– Нет, стоял на коленях, – возразил монах.

– Сидел, – повторила Мод.

– Говорю вам, стоял на коленях! Стоял на коленях... и читал молитвы...

– Нет, вы пили эль, – вновь презрительно оборвала его Мод, – и выпили его очень даже много.

– Кротость и вежливость – замечательные качества, прекрасная Мод, и, кажется мне, сегодня вы склонны забывать об этом.

– Оставьте поучения и споры оставьте тоже, – повелительно произнес Аллан. – Расскажите просто, что заставило вас так неожиданно явиться сюда и какая опасность нам угрожает.

– Спросите преподобного отца, – ответила Мод, строптиво качая хорошенькой головкой, –

вы же к нему обратились, сэр рыцарь; справедливо будет, если он вам и ответит.

– Не смейтесь так жестоко над моими страхами, Мод, – промолвила Кристабель, – скажите, чего нам опасаться; говорите, умоляю вас, приказываю вам.

Молоденькая горничная, смутившись и покраснев, подошла к хозяйке и наконец рассказала следующее:

– Вот в чем дело, миледи. Вы знаете, что я заставила тюремщика Эгберта выпить лишнее, ну, он и уснул. Но пока он беспробудно спал пьяным сном, его позвал к себе милорд – милорд хотел нанести визит вашему... сэру Аллану, – и бедный тюремщик, отуманенный винными парами, явился к нему и, забыв о том, что он стоит перед его светлостью, упер руки в боки и очень нелюбезно спросил милорда, какое право тот имеет беспокоить храброго и честного малого и будить его посреди ночи. Господин барон так изумился, услышав этот странный вопрос, что некоторое время глядел на Эгберта, не удостоивая его ответом. Ободренный его молчанием, тюремщик подошел к милорду и, опершись на плечо господина барона, весело воскликнул: «Ну так, скажи-ка мне, старая палестинская развалина, как твое драгоценное здоровье? Надеюсь, подагра хоть сегодня ночью даст тебе поспать!..» Вы же знаете, миледи, что его светлость и так был в неважном настроении, судите сами теперь, в какой гнев он пришел от слов и ухваток Эгберта. Ах, если бы вы видели нашего господина, миледи, вы бы тоже задрожали со страха и испугались бы, что дело кончится великой кровью: господин барон просто взбесился, он ревел, как раненый лев, топал ногами так, что стены тряслись, и искал, что бы ему сломать; вдруг он схватил связку ключей с пояса Эгберта и стал искать ключ от камеры вашего... сэра рыцаря. Ключа в связке не было. «Что ты с ним сделал?» – вскричал барон громовым голосом. Услышав этот вопрос, Эгберт внезапно протрезвел и побледнел как смерть. У господина барона не было сил кричать, его трясла крупная дрожь, и видно было, что он собирается отомстить. Он вызвал отряд солдат и приказал, чтобы его отвели в камеру рыцаря; при этом он заявил, что, если пленника там нет, Эгберт будет повешен... Сэр рыцарь, – добавила Мод, повернувшись к Аллану, – надо немедленно бежать; бежать, пока мой отец, узнав обо всем, что произошло, не запрет порога замка и не поднимет мост.

– Бегите, бегите, милый Аллан! – воскликнула Кристабель. – Если отец нас застанет вместе, нам придется расстаться навсегда!

– Но вы, вы, Кристабель! – в отчаянии произнес Аллан.

– Я... я остаюсь... я усмирю ярость отца...

– Тогда я остаюсь гоже...

– Нет, нет, бегите во имя Неба! Если вы меня любите, бегите!.. Мы еще увидимся!

– Увидимся?! Вы клянетесь, Кристабель?

– Клянусь.

– Хорошо, Кристабель, я повинуюсь.

– Прощайте, до скорого свидания!

– Вы пойдете за мной, сэр рыцарь, и преподобный отец тоже.

– Но вы уверены, Мод, что ваш отец нас выпустит из замка? – спросил брат Тук.

– Да, особенно если он еще не знает о том, что произошло ночью. Скорее идемте, нельзя терять время.

– Но в замок мы вошли втроем, – сказал монах.

– И то правда, – ответил Аллан. – Что случилось с Робинотом?

– Я здесь! – воскликнул юный лесник, выходя из своего укрытия.

Кристабель негромко и испуганно вскрикнула, а Мод так поспешно и изящно поклонилась Робину, что монах нахмурился.

– Ловкий парень! – с улыбкой сказала Мод, касаясь руки Робина. – Сумел убежать из камеры, которую стерегли двое тюремщиков!

– Так вас тоже в тюрьму бросили? – воскликнул Аллан.

– О своих приключениях я расскажу, когда мы отсюда выберемся, – ответил юный лесник. – Бежим скорее... Идемте же, идемте, сэр рыцарь, мне кажется, что вы должны дорожить жизнью... и больше, чем я, – грустно добавил юноша, – ведь вас будут оплакивать и ваша сестра,

и другие люди, а меня... Но быстрее, быстрее! Воспользуемся помощью Мод! Бежим! Стены Ноттингемского замка давят на меня! Бежим отсюда!

При этих последних словах Мод как-то странно взглянула на молодого человека.

Вдруг и проходе, ведущем в часовню, раздались крики.

– Смилуйся над нами, Боже! – воскликнула Мод. – Вот и барон. Бегите во имя Неба!

В одно мгновение скинув рясу и передав ее Туку, Аллан бросился к Кристabelle, чтобы последний раз попрощаться с ней.

– Сюда, рыцарь! – повелительно воскликнула Мод, открыв одну из дверей.

Аллан запечатлел на губах Кристabelle пламенный поцелуй и кинулся на зов Мод.

– Да сохранил тебя святой Бенедикт, нежная моя подружка! – произнес монах, пытаясь поцеловать Мод.

– Нахал! – вскричала девушка. – Да бегите же вы, бегите!

Робин, уже обучившийся учтивости, поклонился Кристabelle и, почтительно поцеловав ей руку, сказал:

– Да будет Святая Дева вам поддержкой, опорой и советчицей во всех ваших делах!

– Благодарю, – ответила Кристabelle, удивленная благородством манер простого лесника.

– Пока мы будем убегать, миледи, – сказала Мод, – станьте на колени, молитесь и изображайте полное неведение, чтобы барон и не заподозрил, что вы знаете причину его гнева.

Не успела за беглецами затвориться дверь, как в часовню ворвался барон во главе отряда вооруженных слуг.

Мы присоединимся к ним позднее, а пока последуем за тремя друзьями, для которых любезная Мод стала ангелом-хранителем.

Маленькая группа шла по длинной и узкой галерее и двигалась в таком порядке: впереди – Мод с факелом в руке, сразу за ней – Робин, почти рядом ним брат Тук, а замыкал шествие Аллан.

Мод все ускоряла шаги как для того, чтобы сохранить некоторое расстояние между собой и Робин, так и для того, чтобы как можно скорее дойти до ворот замка; она не смеялась, хранила полное молчание и время от времени отводила свободной рукой от себя руку Робина, напрасно пытавшегося на ходу схватить ее за платье.

– Вы что, сердитесь на меня? – спросил юноша умоляющим голосом.

– Да, – кратко ответила Мод.

– А что я такого сделал, чтобы вас рассердить?

– Ничего вы не сделали.

– Тогда, наверное, что-то сказал?

– Не спрашивайте меня об этом, сударь, это вам не может, да и не должно быть интересно.

– Но меня это огорчает.

– Велика важность, вы скоро утешитесь. Ведь скоро вы будете далеко от Ноттингемского замка, стены которого так на вас давят.

«Ага! Теперь я понял», – сказал себе Робин и вслух добавил:

– На меня тяжело подействовал барон, стены его замка и засовы темницы, но не ваше прелестное личико или ваша улыбка и любезные речи, милая Мод.

– Правда? – спросила Мод, слегка повернув к нему голову.

– Конечно, истинная правда, милая Мод.

– Ну, тогда мир...

И Мод позволила юному леснику поцеловать ее.

Эта заминка несколько замедлила бегство, поэтому монах, с неудовольствием услышавший звук поцелуя, ворчливо сказал:

– Эй! Давайте побыстрее... По какой дороге пойдем? Они пришли к тому месту, где коридор разветвлялся.

– Направо, – ответила Мод.

Через шагов двадцать они дошли до поста привратника. Девушка окликнула отца.

– Как?! – воскликнул старый Линдсей, к счастью еще не знавший о происшедших событи-

ях. – Как, вы уже от нас уходите, да еще ночью? По правде говоря, брат Тук, я-то думал, что перед сном выпью с вами чарочку; разве вам так уж нужно идти сегодня ночью?

– Да, сын мой, – ответил Тук.

– Прощайте тогда, веселый Джилл! До свидания, славные господа.

Подъемный мост опустился; Аллан выскочил из ворот первым, за ним после пререканий с девушкой, не захотевший на этот раз принять то, что он называл благословением, то есть поцелуй, вышел брат Тук, а Мод, воспользовавшись тем, что монах на минуту отвлекся, прижалась пылающими губами к руке Робина.

Молодой человек вздрогнул всем телом; поцелуй этот его глубоко огорчил.

– Мы ведь скоро увидимся, правда? – тихо спросила Мод.

– Надеюсь, что так, – ответил Робин, – а пока, до моего возвращения, милое дитя, будьте так любезны, заберите из комнаты барона мой лук со стрелами и отдайте их тому, кто придет за ними от моего имени.

– Приходите сами.

– Хорошо, я приду сам, Мод. Прощайте, Мод.

– Прощайте, Робин, прощайте!

Рыдания как душили бедную девушку, что нельзя было разобрать, попрощалась ли она с Алланом и Туком.

Беглецы поспешно спустились с холма, прошли, не останавливаясь, через город и замедлили шаги только тогда, когда оказались под спасительной сенью Шервудского леса.

IX

Около десяти часов вечера Гилберт, с нетерпением ожидавший возвращения путешественников, оставил отца Элдреда в комнате Ритсона и спустился к Маргарет, хлопотавшей по хозяйству; он хотел узнать, не обеспокоена ли мисс Марианна столь долгим отсутствием брата.

– Мисс Марианна? – воскликнула Маргарет; целиком захваченная мрачными мыслями, она и не заметила, что девушка отсутствует. – Мисс Марианна? Она, наверное, у себя в комнате.

Гилберт побежал туда: комната была пуста.

– Уже десять часов, Мэгги, десять часов, а девушки дома нет.

– Да она только что гуляла с Лансом по просеке напротив дома.

– Она, наверное, потеряла дом из виду и заблудилась. Ах, Мэгги, я боюсь, не случилось ли с ней несчастье. Ведь уже десять часов пробило! В это время по лесу только волки и разбойники бродят.

Гилберт взял лук и стрелы, острый широкий нож и бросился в лес на поиски Марианны; он знал все глухие заросли, овраги, кустарники, все поляны и хотел обыскать эти места, столь знакомые ему и столь опасные для женщины. «Я должен найти эту девушку, – говорил он себе, – клянусь святым Петром, я должен ее найти!»

Ведомый инстинктом или, точнее, тем странным чутьем, что вырабатывается у лесников от постоянного пребывания в лесу, Гилберт направился точно по тому пути, по которому шла Марианна, до того места, где она села отдохнуть. Добравшись до него, лесник услышал что-то вроде стоны, доносившегося с тропки, укрытой густой листвой от света луны: он прислушался и понял, что это не стоны, а жалобные подвывания раненого животного. Тьма была полная, и Гилберт ощупью двинулся к тому месту, откуда доносились эти звуки; по мере приближения к нему они становились все отчетливее, и вскоре лесник споткнулся о неподвижное тело, распростертое на земле; он наклонился, протянул руку и коснулся липкого от холодного нота меха какого-то животного. Как будто ожившее под его рукой, оно слабо шевельнулось и несколько раз тихонько и признательно тявкнуло.

– Ланс, мой бедный Ланс! – вскричал Гилберт. Ланс попытался встать, но усилие так утомило его, что он, застонав, упал снова.

«Должно быть, с бедной девушкой произошло какое-то ужасное несчастье, – сказал себе Гилберт, – и Ланс, защищая ее, пал в борьбе».

– Ох, – прошептал лесник, ласково глядя верного пса, – и куда же ты ранена, бедная моя старая собака? В брюхо? Нет. В спину? В лапу? Нет. А, в голову!.. Этот негодяй хотел разбить тебе голову! Ага! Тихо! Я не дам тебе умереть. Крови ты потерял много, но кое-что еще осталось... Сердце бьется, да, я слышу, что бьется, и останавливаться не собирается.

Гилберт, как и все сельские жители, знал целебные свойства некоторых растений; он пошел поискать их на соседних полянах, где с тьмой боролись первые лучи лунного света, нашел, растер между двумя камнями, приложил к ране Ланса и соорудил компресс из лоскута, оторвав его от своего козлового кафтана.

– Придется пока оставить тебя одного, бедняга, но будь спокоен, я за тобой вернусь; пока же я устрою тебе подстилку из опавших листьев, а другими листьями тебя укрою, чтобы ты не продрог, добрый мой Ланс!

И разговаривая со своей собакой как с человеком, старый лесник взял ее на руки, отнес в чащу, еще раз погладил бедное животное и пошел искать Марианну.

– Клянусь святым Петром, – шептал Гилберт, осматривая своим острым взглядом поляны и лощины, – если Господь в доброте своей выведет меня на это чертово отродье, которое продырявило шкуру бедного Ланса, он у меня побегаает кругами, уж я его погоняю кинжалом и заставлю поплясать, как он еще сроду не плясал. Ах негодяй, ах разбойник!

Гилберт передвигался по той же тропинке, по которой убежала Марианна, когда ее преследователь ранил собаку, и дошел до поляны, где Маленький Джон спас беглянку. Гилберт собрался обойти ее кругом и осмотреть, как вдруг в косых лучах луны увидел на земле какую-то огромную тень; сначала он решил, что ее отбрасывает большое дерево, и не стал присматривать-

ся к ней, но инстинкт подсказал ему, что в ней есть что-то странное; он внимательно пригляделся и понял, что она принадлежит живому существу – скорее всего человеку.

Шагах и двадцати от места, где он находился, Гилберт! увидел этого человека: тот стоял к нему спиной, привалившись к дереву, и делал какие-то странные движения руками вокруг головы, будто повязывал тюрбан.

Ни минуты не колеблясь, лесник опустил свою мощную руку на плечо этого человека, которого он считал разбойником и, возможно, убийцей мисс Марианны.

– Кто ты? – спросил он громовым голосом. Человек от слабости и испуга покачнулся и скользнул по стволу дерева к ногам Гилберта.

– Кто ты? – повторил Гилберт, резко поднимая его.

– А вам какое дело? – проворчал тот, когда, встав на ноги, он увидел, что Гилберт был один. – Какое вам...

– Мне есть до этого дело. Я лесник, и в этом качестве обязан охранять Шервудский лес, а ты похож на разбойника, как полная луна этого месяца похожа на полную луну прошлого месяца, и я догадываюсь, на какую дичь ты обычно охотишься. И все же я тебя отпущу, если ты мне честно и без утайки ответишь на вопросы, которые я хочу тебе задать. Но если ты откажешься отвечать, то, клянусь святым Дунстаном, я тебя отдам на попечение шерифа.

– Спрашивайте, а я посмотрю, нужно ли мне на них отвечать.

– Ты встретил сегодня вечером в лесу девушку в белом платье?

На губах разбойника мелькнула мерзкая улыбка.

– Понимаю, ты ее встретил. Но что я вижу? Ты ранен в голову? Да? Или это укусы собаки? Ах ты презренный! Сейчас я посмотрю, так ли это.

Гилберт быстро сорвал с головы человека окровавленную повязку и увидел, что кожа на его шее висит клочьями; тот, не подумав, что сам себя выдает, обезумев от боли, закричал:

– Откуда ты знаешь, что это была собака? Мы ведь были одни!

– А где девушка? Говори, презренный, или я тебя убью! Гилберт ждал ответа, держа руку на рукоятке кинжала, но разбойник незаметно поднял арбалет и ударил лесника по голове. Старик, однако, устоял на ногах, пришел в себя, вытащил кинжал из ножен и осыпал негодяя градом ударов плашмя; он бил его по спине, по плечам, по рукам, по бокам до тех пор, пока тот не рухнул на землю, полумертвый и недвижимый.

– Не знаю, почему я тебя не убиваю, мерзавец! – кричал лесник. – Раз ты не говоришь, где она, я тебя брошу на произвол судьбы, и подымай тут как дикий зверь.

И Гилберт отправился дальше искать Марианну.

– Ну, я еще не умер, подлый палач! – прошептал разбойник и стал подниматься на локте, как только он увидел, что Гилберт уходит. – Я еще не умер, и я тебе это докажу! Ага! Тебе хотелось бы знать, где она сейчас, эта девица?! Дурак я был бы, если бы успокоил тебя и рассказал, что один из Гэмвеллов увел ее в усадьбу. Ой, как больно! Кости переломаны, руки и ноги перебиты, но я не умер, Гилберт Хэд, нет, я не умер!

И, подтягиваясь на руках, он заполз в чащу, чтобы спрятаться там и отдохнуть.

Старик все рыскал по лесу в крайней тревоге; он уже потерял всякую надежду разыскать девушку, по крайней мере живой, как вдруг он услышал, что неподалеку от него чей-то звонкий голос поет веселую балладу, одну из тех, которую он сам когда-то сочинил в честь своего брата Робина.

Невидимый певец шел прямо навстречу леснику по той же самой тропинке; Гилберт прислушался, и самолюбие поэта заставило его на минуту забыть свое беспокойство.

– Чтобы пунцовая рожа этого дурня Уилла, так удачно прозванного Красным, туда-сюда качалась, когда его на дубовом суку повесят, – раздраженно прошептал Гилберт, – у него мотив совсем со словами не вяжется. Эй, брат Гэмвелл, эй, Уильям Гэмвелл, – закричал он, – не надо так коверкать музыку и стихи! И какого черта вы здесь, в лесу, в этот час?

– Эй! – откликнулся юный джентльмен. – Кто осмеливается прервать песню Уильяма Гэмвелла, если Уильям Гэмвелл еще даже не успел с ним поздороваться?

– Кто хоть раз, один только раз, слышал голос Красного Уилла, тот уже никогда его не за-

будет, и ему не нужен ни свет солнца, ни свет луны, ни даже свет звезд, чтобы по голосу узнать Уилла.

– Браво! Прекрасный ответ! – произнес чей-то жизнерадостный голос.

– Подойди поближе, остроумный незнакомец, – вызывающим тоном промолвил Уилл, – и мы посмотрим, не удастся ли нам преподать тебе урок вежливости.

И Уилл начал крутить над головой палкой, но тут вмешался Маленький Джон.

– Ты с ума сошел, братец, ты что, не узнаешь старого Гилберта, к которому мы идем?

– И правда, это Гилберт!

– Ну ясно – Гилберт.

– А, тогда дело другое, – сказал юноша и бросился навстречу леснику, крича на бегу: – Добрые новости, старина, добрые новости! Молодая дама и безопасности у нас в усадьбе, и мисс Барбара и мисс Уинфред всячески заботятся о ней; Маленький Джон встретил ее в лесу, как раз когда на нее напал разбойник. А вы один, Гилберт? А где же Робин, мой дорогой Робин Гуд, где он?

– Тихо, Уилл, тихо! Пощади свою глотку и наши уши. Робин утром ушел в Ноттингем и, когда я уходил из дому, еще не вернулся.

– Ах, нехорошо с его стороны отправиться без меня в Ноттингем, мы ведь договорились провести вместе недельку в городе. Там так весело!

– Но вы что-то очень бледны, Гилберт, – сказал Маленький Джон. – Что с вами? Вы не больны?

– Нет, у меня разные неприятности: сегодня умер мой шурин, и я узнал... да ладно, не будем об этом. Слава Богу, мисс Марианна в безопасности. Ведь это ее я искал в лесу; сами судите, как я беспокоился, особенно после того как нашел лучшего своего пса, бедного Ланса, при последнем издыхании.

– Ланса? Такая хорошая, такая добрая собака!..

– Да, Ланса. Таких собак уже больше нет, эта порода вымерла.

– Кто же это сделал с ним? Кто пошел на такое преступление? Скажите, где он, этот негодяй, и я ему бока наломаю. Где, где он? – настойчиво спрашивал рыжеволосый молодой человек.

– Будьте спокойны, сын мой, я за старину Ланса отомстил.

– Все равно, я хочу за него отомстить сам; скажите, где этот мерзавец, трус, способный убить собаку? Я его приласкаю палкой. Это разбойник, конечно?

– Да, я его там бросил... вон в той стороне... почти мертвым, отколотив кинжалом.

– Если это тот самый человек, что осмелился напасть на мисс Марианну, то мой долг отвести его в Ноттингем, к шерифу, – сказал Маленький Джон. – Покажите мне, где вы его бросили, Гилберт.

– Сюда, сюда, ребята!

Старый лесник легко отыскал место, где разбойник упал под его ударами, но его там уже не было.

– Вот досада! – воскликнул Уилл. – Посмотри, а мы как раз назначаем здесь место встречи, когда отправляемся из усадьбы на охоту, вот тут, на перекрестке дорог, между дубом и буком.

– Между дубом и буком... – повторил Гилберт, вздрагивая всем телом.

– Да, между этими двумя деревьями. Но что с вами, старина? – воскликнул Уилл. – Вы дрожите как осиновый лист!

– Да это потому... Ах, да, впрочем, ничего, – ответил Гилберт, справившись с волнением, – просто вспомнил кое-что.

– Да ну! Вы что, привидений боитесь, вы, такой храбрец?! – воскликнул Маленький Джон, ничего не знавший о причинах волнения Гилберта. – А я-то думал, что вы, старейшина лесников, вообще в них не верите. Правда, это место и в самом деле пользуется дурной славой: говорят, что здесь, под этими большими деревьями, бродит каждую ночь неприкаянная душа юной девушки, убитой разбойниками; сам я этого никогда не видел, хотя бываю в лесу и днем и ночью, но многие люди из Мансфилда, из Ноттингема, из усадьбы и из соседних деревень клятвенно утверждают, что видели привидение на этом перекрестке.

Пока Маленький Джон говорил, волнение Гилберта все возрастало; на лбу его выступил холодный пот, зубы стучали, глаза блуждали; протянув руку к буку, он указывал спутникам на какой-то невидимый предмет.

В эту минуту ветер усилился, порыв его поднял из-под дерева сухие листья, и в этом желтом вихре возникла человеческая фигура.

– Энни, Энни, сестра моя! – воскликнул Гилберт, падая на колени и молитвенно складывая руки. – Чего ты хочешь, Энни? Что ты велишь?

Как бы ни были неустрашимы Уилл и Маленький Джон, они вздрогнули и набожно перекрестились, потому что Гилберт не стал жертвой галлюцинации; они тоже видели длинную белую фигуру, стоявшую между двумя деревьями; призрак, казалось, хотел подойти к ним поближе, но порыв ветра стал еще сильнее, и фигура, как бы гонимая вихрем, отступила во тьму, где косые лучи лунного света терялись в гуще листьев.

– Это она! Она! Она осталась без погребения!

И, сказав это, Гилберт потерял сознание. Спутники его долго оставались безмолвными и недвижимыми, словно изваяния; призрака они больше не видели, но им казалось, что ветер доносит до них какие-то смутные шорохи и стоны.

Понемногу приходя в себя от испуга, молодые люди постарались оказать помощь Гилберту; тот все еще был без сознания; напрасно они хлопали его по рукам, пытались влить ему в рот несколько капель виски, которое берет с собой в дорогу каждый лесник, напрасно шептали ему на ухо все утешительные слова, которые только были им известны, – старик не приходил в себя, и, если бы не еле слышный пульс, его можно было бы принять за мертвого.

– Что делить, братец? – спросил Уилл.

– Отнести его к нему домой, и как можно скорее, – ответил Маленький Джон.

– Конечно, ты его и на спине унесешь, но ему там будет неудобно, и вряд ли удобнее будет, если ты его возьмешь за плечи, а я – за ноги.

– Держи, вот мой топор, Уилл, пойдешь, выбери в зарослях то, из чего можно было бы соорудить носилки, а я останусь тут, может быть, мне удастся все же привести его в чувство.

Уильям больше не распевал веселых баллад Гилберта: состояние старого шервудского поэта его искренне огорчало; в поисках подходящих деревьев он дошел до того темного края поляны, где исчез призрак, и к чести юноши нужно сказать, что при этом он испытал не больший страх, чем гуляя в полночь один по саду в усадьбе Гэмвеллов.

Внезапно Уильям споткнулся о какой-то объемистый предмет, лежавший на земле, и упал; у него чуть было не вырвалось крепкое словцо по поводу злосчастного препятствия, но тут он заметил, что этот предмет был не куском дерева, как ему показалось, а существом, способным двигаться и к тому же разразившимся отчаянной бранью,

– Ну-ка же! – воскликнул храбрый Уилл, хватая за горло человека, на которого он повалился. – Ко мне, брат, ко мне! Я его держу!

– Ну, так подруби его под корень, – ответил Маленький Джон, не отходя от Гилберта.

– Да я не дерево держу, а этого разбойника, который Ланса убил, ко мне, брат!

– Отпусти же меня, я задыхаюсь! – хрипел человек. – Ах, вы двое на одного, – добавил он, увидев, что подбегает Маленький Джон. – Не стоит труда, я и так умираю!.. Воздуха, воздуха!

Уильям поднялся.

– Ах ты черт, да это недавний призрак, на нем одежда из белого козьего меха! – воскликнул Маленький Джон. – Это ты там лежал на куче листьев между двумя деревьями?

– Да.

– Это ты гнался за девушкой? – спросил Маленький Джон.

– Это ты убил храбрую собаку? – спросил Уилл.

– Нет, нет, господа мои! Сжальтесь, помогите, я умираю!

– А ты, – продолжал Уилл. – только что убил человека, который принял тебя за призрак, призрак некой Энни...

– Энни? Энни? Да, я помню Энни... Ее Ритсон убил; я еще тогда священником переоделся и обвенчал их.

– Да он бредит! – решили двоюродные братья, не понявшие смысла его последних слов.

– Сжальтесь, господа мои, заберите меня отсюда! Лежать на земле так жестко!

– Скажи сначала, кто тебя так отделал.

– Волки, – ответил негодяй, даже в агонии сохранявший ясный ум, – волки, господа мои; они мне обгрызли голову, искушали руки и ноги; я заблудился в лесу, два дня ничего не ел, и у меня неостало сил защититься. Сжальтесь, сжальтесь надо мной, молодые господа!

– Это разбойник, – сказал Маленький Джон на ухо Уиллу, – это он преследовал мисс Марианну и разбил голову Лансу, это его нещадно избил Гилберт. Я так думаю, что он далеко не уйдет, и мы его на рассвете тут и найдем; если он до того времени не умрет, я отведу его к шерифу.

И не обращая больше внимания на стоны негодяя, братья вернулись к Гилберту.

Гилберт мало-помалу приходил в себя; он сказал, что в состоянии дойти до дому на своих ногах, и, поддерживаемый с обеих сторон молодыми людьми, двинулся в путь.

В нескольких шагах от дома он остановился, прислушиваясь к какому-то странному зловещему шуму, который доносил до них ветер, и сказал:

– Это Ланс; может, это его последний вздох.

– Мужайтесь, добрый Гилберт, мы уже добрались; вот и госпожа Маргарет, она со светильником ждет нас на пороге дома, мужайтесь!

Ветер снова донес до них вой собаки, и Гилберт опять упал бы без чувств, если бы Маргарет не бросилась к нему и, поддерживая, не ввела его в дом.

Час спустя Гилберт, уже почти успокоившись, тихо говорил своим юным друзьям:

– Дети, может быть, позднее у меня и найдутся силы рассказать вам историю той неприкаянной души, что встретила нас в лесу.

– Неприкаянная душа! – воскликнул Уилл, громко смеясь. – Знаем мы эту неприкаянную душу!

– Помолчи, братец! – строго оборвал его Маленький Джон.

– Нет, вы не можете ее знать, вы слишком молоды, – продолжал Гилберт.

– Я хотел сказать, что мы встретили негодяя, которого вы так хорошо отделили кинжалом.

– Встретили?

– Да, он был полумертв.

– Прости его, Боже!

– Да пусть его черти заберут! – воскликнул Уилл.

– Молчи, брат!

– Прежде чем вы вернетесь в усадьбу, дети, вы можете мне оказать важную услугу, – продолжал Гилберт.

– Говорите, хозяин.

– В моем доме есть покойник, помогите нам его похоронить.

– Мы к вашим услугам, добрый Гилберт, – ответил Уильям. – Руки у нас сильные, и мы не боимся ни мертвых, ни живых, ни призраков.

– Да помолчи ты, братец!

– Хорошо, я буду молчать, – сердито пробормотал Уилл. Он не мог понять, в отличие от Маленького Джона, что все намеки на привидение усиливали печаль и тревогу старого лесника.

Около полуночи из дома лесника вышла траурная процессия; шла она в таком порядке: впереди – отец Элдред, читавший молитвы, за ним – Маленький Джон и Линкольн, несшие на носилках тело, за ними – Маргарет и Гилберт, причем Гилберт старался сдерживать рыдания, чтобы еще больше не расстраивать Маргарет, а она тихо плакала, прикрыв лицо капюшоном своего плаща; замыкал шествие Красный Уилл; они направлялись к перекрестку у двух деревьев, под которыми просил похоронить его, оказав ему последнюю милость, возлюбленный Энни, он же ее убийца.

И пока крепкие руки Линкольна и Маленького Джона рыли могилу, Гилберт и его жена молились, стоя на коленях.

Могилу уже была наполовину вырыта, когда Уилл, с натянутым луком и кинжалом в руках

стороживший своих друзей, подошел и сказал на ухо своему двоюродному брату:

– Не худо было бы сделать яму побольше и похоронить в ней за компанию еще одного человека.

– Что это значит, братец?

– Человек, который утверждал, что на него волки напали, и которого мы оставили в плохом состоянии в нескольких шагах отсюда, умер; подойдите, пните его ногой, и вы увидите, что он не застонет.

Оба разбойника были уже похоронены, оставалось еще немного забросать могилу землей, когда в третий раз над лесом пронесся жалобный вой собаки.

– Ланс, бедный мой Ланс, теперь я займусь тобой! – воскликнул лесник. – Не оказав тебе помощи, я домой не вернусь.

Как и сказала Мод, разъяренный барон в сопровождении шести солдат явился в камеру Аллана Клера. Пленника в ней не было!

– А-а! – сказал барон, разражаясь тигриным смехом (если только тигры умеют смеяться). – Вот как здесь выполняют мои приказы! Я просто в восторге! К чему мне тогда каменная башня, к чему тюремщики? Клянусь святой Гризельдой, отныне я буду осуществлять свое правосудие без их помощи, а пленников буду запираить в клетку, где моя дочь держит птиц... Эгберт Ланнер, тюремщик, где ты?

– Вот он, ваша светлость, – ответил один из солдат, – я крепко держу его, а не то он бы уже давно убежал.

– Если бы он убежал, я бы повесил тебя вместо него... Подойди ко мне, Эгберт. Видишь дверь? Она заперта. Видишь оконце этой камеры? Оно очень узкое. Так вот, объясни мне, каким образом пленник, не такой худой, чтобы пролезть в это оконце, и не бесплотный, как воздух, чтобы улетучиться сквозь замочную скважину, каким образом, объясни мне, он отсюда исчез?

Эгберт молчал: он был ни жив ни мертв.

– Ответь мне, какая подлая корысть тебя заставила помочь бежать этому преступнику? Я спрашиваю тебя без гнева, и ответь мне без страха. Я добр и справедлив, и, быть может, если ты признаешь свою вину, я прощу тебя.

Напрасно барон разыгрывал добродушие. Эгберт по опыту знал, что верить в его искренность не следует, и, по-прежнему полумертвый от страха, продолжал молчать.

– А! Глупые рабы! – неожиданно воскликнул Фиц-Олвин. – Спорю, что ни одному из вас и в голову не пришло предупредить привратника о том, что произошло! Живо, живо, пусть кто-нибудь из вас передаст Герберту Линдсею от моего имени приказ поднять мост и запереть все ворота.

Один из солдат тотчас же побежал передавать приказ, но заблудился в темных переходах тюрьмы и свалился вниз головой в открытый люк подземелья; он разбился насмерть, но этого несчастного случая никто не заметил, и поэтому беглецы спокойно вышли из замка.

– Милорд, – сказал один из солдат, – когда мы сюда шли, мне показалось, что в конце галереи, ведущей в часовню, я видел свет факела.

– И ты до сих пор ничего мне не говорил! – вскричал барон. – Ох, эти негодяи поклялись изжарить меня на медленном огне! Но они умрут раньше меня, – добавил он, задыхаясь от гнева, – да, вы умрете раньше меня, и я придумаю для вас ужасную казнь, если не поймаю этого нечестивца, вместо которого для начала будет повешен Эгберт.

Произнеся это, Фиц-Олвин вырвал факел из рук одного из солдат и бросился в часовню. Кристabelle стояла перед могилой матери и, казалось, целиком была погружена в молитву.

– Общайте все углы и закоулки и приведите его живым или мертвым! – закричал барон.

Солдаты повиновались.

– А вы что здесь делаете, дочь моя?

– Молюсь, отец.

– И конечно, молитесь за этого нечестивца, заслуживающего виселицы?!

– Я молюсь за вас у могилы матери, разве вы не видите?

– Где ваш сообщник?

- Какой сообщник?
- Этот предатель, Аллан.
- Не знаю.
- Вы меня обманываете, он здесь.
- Я никогда вас не обманывала, отец.

Барон внимательно всмотрелся в бледное лицо дочери.

- Ни того ни другого не нашли, – сказал подошедший солдат.
- Ни того ни другого? – повторил Фиц-Олвин, начавший догадываться о бегстве Робина.
- Ну да, милорд, ни того ни другого. А разве не о двух убежавших пленниках шла речь?

Придя в полное отчаяние оттого, что от него ускользнул Робин, наглый Робин, который осмелился перечить ему и от которого он надеялся пытками вырвать достоверные сведения об Аллане, барон опустил свою широкую ладонь на плечо проговорившегося солдата и сказал:

- Ни того ни другого? Объясни мне, что значат эти слова?

Солдат задрожал под страшной тяжестью этой руки, не зная, что ответить.

- Для начала, кто ты есть?

- Если вашей светлости угодно, меня зовут Гаспар Стейнкоф; я стоял на часах на валу и...

– Презренный! Так это ты стоял на часах у двери камеры этого шервудского волчонка? Не говори мне, что это не ты его упустил, или я заколю тебя кинжалом!

Мы воздержимся от дальнейших описаний различных оттенков гнева барона: нашим читателям достаточно знать, что гнев стал для него привычкой, потребностью и, перестав гневаться, он перестал бы дышать.

– Итак, ты признаешься, что он бежал, когда ты стоял на часах на восточном валу? – помолчал, продолжал барон. – Ну, отвечай!

- Милорд, вы же угрожали заколоть меня, если я в этом признаюсь, – отвечал бедняга.

- И исполню свою угрозу.

- Тогда я буду молчать.

Барон занес над несчастным кинжал, но леди Кристabelle удержала его руку, воскликнув:

– О, заклинаю вас, отец, не пятняйте кровью эту могилу! Мольба была услышана; барон резко оттолкнул Гаспара, вложил кинжал в ножны и строго сказал девушке:

– Ступайте в свою комнату, миледи, а вы все садитесь на лошадей и скачите в Мансфилд-Вудхауз; пленники, должно быть, бежали в этом направлении, и вы легко их перехватите, они мне нужны, нужны во что бы то ни стало, понимаете? Нужны!

Солдаты повиновались, Кристabelle направилась к себе, но тут в часовне появилась Мод, подбежала к хозяйке и, приложив палец к губам, еле слышно сказала:

- Спасены! Спасены!

Молодая леди молитвенно сложила руки, чтобы возблагодарить Бога и в сопровождении Мод направилась к выходу.

– Стойте! – закричал барон, услышав шепот горничной. – Мисс Герберт Линдсей, мне нужно с вами минуту побеседовать. Ну-ка, подойдите поближе, да не бойтесь, не съем же я вас.

– Не знаю, – ответила испуганная Мод, – но вы мне кажетесь таким сердитым, таким разгневанным, милорд, что я не решаюсь.

– Мисс Герберт Линдсей, ваша хитрость всем известна, равно как и то, что нахмуренными бровями вас не устрасишь. И все же, если я захочу, вы будете в самом деле трепетать от страха, и берегитесь, чтобы я этого не захотел... Итак, кто же это спасен? Я слышал ваши слова, наглая красотка!

– А я и не сказала, что кто-то спасен, милорд, – ответила Мод, с самым невинным видом теребя длинный рукав платья.

– Ах, вы не сказали что кто-то спасен, прелестная притворщица! Вы, наверное, сказали: «Спасены», во множественном числе.

Горничная отрицательно покачала головой.

– О, вы лгуныя, лгуныя, и я поймал вас с поличным! Мод уставилась на барона, изобразив на своем лице крайнюю глупость; она словно не понимала странных слов, «поймать с полич-

НЫМ».

– Меня ты своей приторной глупостью не обманешь, продолжал барон. – Я знаю, что ты помогла моим пленникам бежать, но победу праздновать еще рано, они не так далеко ушли от замка, чтобы мои люди не могли их догнать, и посмотрим, помешаешь ли ты мне через час связать их спиной к спине и сбросить со стены в ров.

– Чтобы связать их спиной к спине, милорд, их надо сначала сюда привести, – возразила Мод, по-прежнему изображая из себя невинную дурочку, хотя в глазах ее искрилось лукавство.

– Но прежде чем их сбросят в ров, их исповедуют, и если выяснится, что вы помогли им бежать, мы найдем способ заставить вас дрожать от страха, мисс Герберт Линдсей.

– Как вам будет угодно, милорд.

– Посмотрим, как вам это понравится, посмотрим.

– Клянусь святым Валентином, милорд, мне бы очень хотелось заранее знать о ваших планах в отношении меня, чтобы у меня достало времени приготовиться, – добавила Мод, приседая перед бароном.

– Дерзкая девчонка!

– Миледи, – продолжала совершенно спокойно горничная, подходя к своей хозяйке, напоминая статую Скорби, – миледи, не желает ли ваша светлость пойти к себе в комнату, ночь становится прохладной... Конечно, у вашей светлости подагры нет, но...

В крайнем раздражении барон, окончательно выведенный из себя насмешливым хладнокровием горничной, еще раз спросил у нее, что она хотела сказать своим возгласом «Спасены! Спасены!»?

В его вопросе гнева уже не было слышно, и Мод поняла, что на него пора так или иначе ответить, а потому воскликнула, как бы уступая настойчивости барона:

– Я скажу, милорд, раз вы требуете. Да, я сказала: «Он спасен», сказала шепотом, чтобы ваши солдаты не увидели, как я волнуюсь. Но от вас трудно что-нибудь скрыть, милорд. Я действительно сказала миледи: «Он спасен», и сказала это о бедном Эгберте, которого вы собирались повесить, милорд, но которого, слава Богу, не повесили! – произнесла Мод и разразилась слезами.

– Ну, это уж чересчур! – воскликнул барон. – Вы что, слабоумным меня считаете, Мод? Ах, что за глупости, вы моим терпением злоупотребляете! Эгберт будет повешен, а раз вы в него влюблены, то и вас повесят вместе с ним.

– Большое спасибо, милорд, – расхохотавшись, ответила горничная, еще раз присела, повернулась на каблучках и побежала догонять Кристабель, вышедшую из часовни.

Лорд Фиц-Олвин пошел вслед за ней, произнося длинную речь, наполненную проклятиями женской хитрости. Дерзкая насмешливость Мод до крайности обострила жестокость барона, и он все искал, на кого бы излить свой гнев; он бы отдал половину своего состояния тому, кто доставил бы ему немедленно Аллана и Робина, и, чтобы скоротать время до возвращения солдат, посланных вдогонку за беглецами, решил пойти к леди Кристабель и выплеснуть на нее свое дурное настроение.

Мод почувствовала, что барон идет следом за ней, и, опасаясь его ярости, убежала как можно скорее, унеся факел и оставив благородного лорда в полной темноте; он шел, призывая проклятия на голову горничной и вообще всех на свете.

«Буйствуйте, буйствуйте, барон!» – убегая, шептала про себя Мод; но, подумав о том, что она бросила больного старика одного в темных переходах, девушка почувствовала угрызения совести, потому что она была скорее озорной, чем злой; и тут ей послышались отчаянные крики.

– На помощь! На помощь! – кричал кто-то приглушенным и прерывающимся голосом.

– Мне кажется, я узнаю голос барона, – воскликнула Мод, храбро возвращаясь назад. – Где вы, милорд? – спросила девушка.

– Здесь, плутовка, здесь! – ответил Фиц-Олвин. (Его голос, казалось, доносился из-под земли.)

– Господи, Боже мой! Как вы туда угодили? – воскликнула Мод, остановившись на верху лестницы; посветив факелом, девушка увидела, что барон растянулся на ступеньках и не падает

с них только потому, что дорогу ему преградил какой-то предмет.

В ярости барон пошел в ту же сторону, в какую до него ушел тот несчастный солдат, что отправился с приказом запереть ворота замка, упал и разбился насмерть; однако, поскольку под камзолом барон всегда носил панцирь, он не расшибся, скатываясь по ступенькам, а тело солдата удержало его от дальнейшего падения.

Это происшествие несколько притупило ярость владельца замка, как ливень ослабляет сильный ветер.

– Мод, – сказал он, опираясь на руку горничной и с трудом поднимаясь, – Мод, Господь накажет вас за то, что вы проявили ко мне непочтение и бросили меня без света в темноте.

– Простите меня, милорд, я спешила вслед за миледи и думала, что с вами идет один из солдат с факелом. Слава Богу, вы живы и здоровы. Провидение не позволило, чтобы мы лишились нашего доброго хозяина!.. Обопритесь на мою руку, милорд.

– Мод, – сказал барон, сдерживая свое бешенство, потому что в эту минуту ему была необходима помощь горничной, – Мод, ты мне напомнишь, что пьянице, уснувшему на лестнице в погреб, следует дать пятьдесят плетей, чтобы его разбудить.

– Будьте спокойны, милорд, я это не забуду.

Они оба и думать не могли, что этот пьяница давно уже мертв; пляшущее пламя факела давало слабый свет, а барон был слишком озабочен происшествием со своей драгоценной особой, чтобы разобраться, чем испачканы ступени лестницы – вином или кровью.

– Куда мы идем, милорд? – спросила Мод.

– К моей дочери.

«Ах, бедная миледи, – подумала горничная, – как только барон поудобнее усядется в кресле, он опять начнет ее мучить».

Кристабель сидела за маленьким столиком и в свете бронзовой лампы внимательно разглядывала какой-то предмет, лежавший на ее ладони, но спрятала его, услышав шаги барона.

– Что за безделушку вы так поспешно спрятали от моих глаз? – спросил ее барон, усаживаясь в самом мягком из стоящих в комнате кресел.

– Ну, вот и начинается – прошептала Мод.

– Что вы говорите, Мод?

– Говорю, что вы, наверное, очень страдаете, милорд. Подозрительный барон гневно взглянул на девушку.

– Отвечайте, дочь моя, что это за безделушка?

– Это не безделушка, отец.

– Ничем другим это быть не может.

– Ну, значит, наши мнения на сей счет не совпадают, – ответила Кристабель, сияясь улыбнуться.

– У хорошей дочери не должно быть мнений, отличных от мнения ее отца. Что это за безделушка?

– Клянусь вам, что это не безделушка.

– Дочь моя, – сказал барон на удивление спокойно, но крайне строго, – дочь моя, если предмет, который вы столь поспешно спрятали от моих глаз, не связан с каким-либо проступком и не служит напоминанием о предосудительных событиях, покажите его мне; я вам отец и поэтому должен следить за вашим поведением; если же, напротив, это какой-то талисман и вам следует краснеть за него, тем более я требую показать его мне; помимо прав, у меня есть обязанности, и одна из них – помешать вам свалиться в пропасть, по краю которой вы ходите, или вытаскивать нас, если вы туда уже упали. Еще раз, дочь моя, что за предмет вы спрятали у себя за корсажем?

– Это портрет, милорд, – ответила девушка, задрожав и покраснев от волнения.

– И чей же это портрет?.. Кристабель, не отвечая, опустила глаза.

– Не злоупотребляйте моим терпением... я сегодня терпелив, это правда, но все же... отвечайте, чей это портрет?

– Я не могу сказать вам это, отец.

В голосе Кристабель слышались слезы, но она взяла себя в руки и заговорила уже спокойнее:

– Да, отец, у вас есть право меня спрашивать, но я позволю себе взять право вам не отвечать, потому что мне не в чем себя упрекнуть, я не нанесла урона ни вашему, ни своему достоинству.

– Ну, ваша совесть спокойна, потому что она в согласии с вашими чувствами; то, что вы говорите, очень красиво и добродетельно, дочь моя.

– Соболаговолите поверить мне, отец, я никогда не опозорю вашего имени, слишком хорошо я помню свою бедную святую мать.

– Это значит, что я старый негодяй... Что ж, это давно уже всем известно, – прорычал барон, – но я не желаю, чтобы мне такое говорили в лицо.

– Но я этого и не сказала, отец.

– Так, значит, подумали. Ну, короче говоря, меня мало волнует, что за драгоценную реликвию вы от меня так упорно прячете; это портрет нечестивца, которого вы любите вопреки моей воле, и я уже на его чертову физиономию насмотрелся. А теперь послушайте и запомните, леди Кристабель: вы никогда не выйдете замуж за Аллана Клера; скорее, я убью вас обоих своей собственной рукой, чем соглашусь на такое. Я отдам вас замуж за сэра Тристрама Голдсборо... Он не очень молод, это правда, однако он несколькими годами младше меня, а я еще не стар; он не очень-то красив, и это тоже правда, но с каких это пор красота стала залогом счастья в супружестве? Я вот тоже не был красив, и, тем не менее, леди Фиц-Олвин не променяла меня на самого блестящего рыцаря двора Генриха Второго; к тому же уродство Тристрама Голдсборо – это залог вашего будущего спокойствия... он не будет вам изменять... Знайте также, что он очень богат и пользуется большим влиянием при дворе, – словом, этот человек мне... вам подходит во всех отношениях; завтра я извещу его о вашем согласии, через четыре дня он сам придет поблагодарить нас, и не пройдет и недели, как вы будете знатной замужней дамой, миледи.

– Никогда я не выйду замуж за этого человека, милорд, – воскликнула девушка, – никогда! Барон расхохотался.

– А никто и не просит вашего согласия, миледи, но я сумею заставить вас повиноваться.

Кристабель, которая до сих пор была бледна как смерть, покраснела, судорожно сжала руки и, по всей видимости, приняла окончательное решение.

– Оставляю вас и даю вам время на размышления, если вы считаете, что вам полезно поразмыслить. Но запомните хорошенько, дочь моя: я требую вашего полного, смиренного и безоговорочного послушания.

– Боже мой, Боже мой! Сжался надо мною! – горестно воскликнула Кристабель.

Барон вышел, пожав плечами.

Целый час Фиц-Олвин ходил взад и вперед по своей комнате, размышляя о событиях прошедшего вечера.

Угрозы Аллана Клера его утратили, а воля дочери казалась неукротимой.

«Я, может быть, поступил бы правильнее, – говорил он себе, – если бы заговорил об этой свадьбе поласковее. В конце концов, я эту девочку люблю: это моя дочь, моя кровь; мне совсем не хочется, чтобы она чувствовала себя моей жертвой; я хочу, чтобы она была счастлива, но я хочу также, чтоб она вышла замуж за моего старого друга Тристрама, моего старого товарища по оружию. Хорошо, попробую уговорить ее добром».

Когда барон опять подошел к дверям комнаты Кристабель, до него донеслись душераздирающие рыдания.

«Бедная малышка», – подумал он, едва слышно отворяя двери.

Девушка что-то писала.

«А-а! – сказал про себя барон, так до сих пор и не понявший, зачем его дочь научилась писать (этим умением в те времена владели только духовные лица). – Это, верно, болван Аллан Клер внушил ей, чтобы она научилась выводить каракули на бумаге».

Фиц-Олвин бесшумно подошел к столу.

– Кому же это вы пишете, сударыня? – крайне раздраженно спросил он.

Кристабель вскрикнула и хотела спрятать письмо там же, где она до этого спрятала столь дорогой для нее портрет; но барон оказался проворнее и завладел им. Растерявшись и забыв, что ее благородный родитель никогда не открыл ни одной книги и не взял в руки пера, а следовательно, читать не умеет, девушка хотела выскользнуть из комнаты, но барон схватил ее за руку и, приподняв, как перышко, притянул к себе. Кристабель потеряла сознание. Сверкающим от ярости взглядом барон попытался проникнуть в смысл знаков, начертанных рукой дочери, но, не преуспев в этом, он взглянул на побелевшее лицо девушки, безжизненно лежавшей у него на груди.

– Эй! Женщины, женщины! – громогласно закричал барон, перенеся Кристабель на постель.

Уложив дочь, Фиц-Олвин отворил дверь и громко позвал;

– Мод! Мод! Горничная прибежала.

– Разденьте вашу хозяйку, – приказал барон и с ворчанием вышел.

– Мы одни, миледи, – сказала Мод, приведя Кристабель в чувство, – не бойтесь ничего.

Кристабель открыла глаза и обвела комнату мутным взором, но увидев рядом с постелью только свою верную служанку, обхватила руками ее шею и воскликнула:

– О Мод, я погибла!

– Миледи, расскажите мне, что за несчастье с вами случилось?

– Мой отец забрал письмо, которое я писала Аллану.

– Но ведь он читать не умеет, ваш благородный отец» миледи.

– Он заставит своего духовника прочесть его.

– Да, если мы ему дадим на это время; быстро дайте мне другой листок бумаги, похожий по форме на тот, что он у вас взял.

– Вот тут отдельный листок, он немного похож...

– Будьте спокойны, миледи, вытрите ваши прекрасные глаза, а то от слез они потускнеют.

Отважная Мод вошла в комнату барона как раз в ту миг нуту, когда тот собрался слушать, как его почтенный духовник будет читать ему письмо Кристабель к Аллану, которое тот уже держал в руках.

– Милорд, – живо воскликнула Мод, – миледи послала меня взять обратно бумагу, которую вы, ваша светлость, забрали у нее со стола.

И с этими словами ловко, как кошка, Мод скользнула к духовнику.

– Клянусь святым Дунстаном, моя дочь с ума сошла! Она осмелилась дать тебе подобное поручение?

– Да, милорд, и я его выполняю! – воскликнула Мод, ловко выхватывая из рук монаха бумагу, которую тот уже поднес к самому носу, чтобы лучше разобрать почерк.

– Нахалка! – закричал барон и кинулся вдогонку за Мод.

Девушка ловче лани прыгнула к двери, но на пороге остановилась и позволила себя поймать.

– Отдай бумагу или я тебя удушу!

Мод опустила голову и, будто трясаясь от страха, дала барону возможность вытащить из кармана своего передника, куда она опустила руки, бумагу, в точности похожую на ту, которую собирался читать духовник.

– Стоило бы тебе вlepить пару пощечин, проклятая тупица! – воскликнул барон, одной рукой замахиваясь на Мод, а другой протягивая монаху письмо.

– Я только выполняла приказ миледи.

– Ну хорошо! Передай моей дочери, что она еще поплатится за твою наглость.

– Я почтительно приветствую милорда, – ответила Мод, сопровождая свои слова насмешливым поклоном.

В восторге от того, что ее хитрость удалась, девушка радостно вернулась к хозяйке.

– Ну что же, отец мой, нас оставили наконец-то в покое, – обратился барон к своему духовнику, – прочтите мне, что моя дочь пишет этому язычнику Аллану Клеру.

Монах начал читать гнусавым голосом:

Когда зима, смягчась, фиалкам позволяет цвести,
Когда цветы бутоны раскрывают и о весне подснежник говорит,
Когда душа твоя, томясь, уж нежных взоров ждет и нежных слов.
Когда улыбка на устах твоих играет – ты помнишь обо мне, моя любовь?

– Что вы такое читаете, отец мой? – воскликнул барон. – Это же чушь, разрази меня Господь!

– Я читаю слово в слово то, что написано на этом листке; вам угодно, чтобы я продолжал?

– Конечно, мой отец, но мне казалось, что моя дочь слишком взволнована, чтобы писать какую-то глупую песенку.

Монах продолжал:

Когда весна наряд из роз благоуханных на землю надевает, Когда смеется солнце в небесах, Когда жасмина цвет белеет под окном – Любви мечты ко мне ты посылаешь?

– К черту! – завопил барон. – Это, кажется, называется стихами; там еще много, отец мой?

– Еще несколько строк, и все.

– Посмотрите, что на обороте.

– «Когда осень...»

– Довольно! Будет! – зарычал Фиц-Олвин. – Тут, вероятно, о всех временах года говорится. И все же старик продолжал:

Когда листва упавшая лужайку покрывает, Когда закрыто небо пеленою туч, Когда кругом ложится иней и валит снег – Ты помнишь обо мне, любовь моя?

– «Любовь моя, любовь моя!» – повторил барон. – Это просто невозможно! Когда я ее за-

стал, Кристабель не писала стихов. Меня провели, и ловко провели, но, клянусь святым Петром, ненадолго. Отец мой, я хотел бы остаться один, прощайте и спокойной ночи.

– Да будет с вами мир, сын мой, – удаляясь, сказал монах.

Оставим барона строить планы мести и вернемся к Кристабель и хитроумной Мод.

Девушка писала Аллану, что она готова покинуть отчий дом, потому что планы барона выдать ее замуж за Тристрама Голдсборо вынудили ее принять это ужасное решение.

– Я берусь отправить письмо сэру Аллану, – сказала Мод, взяв послание; с этой целью девушка пошла и разыскала юношу лет шестнадцати-семнадцати, своего молочного брата.

– Хэлберт, – сказала она ему, – хочешь оказать мне, вернее леди Кристабель, большую услугу?

– С удовольствием, – ответил мальчик.

– Но я предупреждаю тебя, что это небезопасное поручение.

– Тем лучше, Мод.

– Значит, я могу тебе верить? – сказала Мод, обвивая рукой шею мальчика и пристально глядя на него своими прекрасными черными глазами.

– Как Господу Богу, – наивно и напыщенно ответил мальчик, – как Господу Богу, моя дорогая Мод.

– О, я знала, что могу на тебя рассчитывать, дорогой брат, спасибо тебе.

– А что нужно?

– Нужно встать, одеться и сесть на коня.

– Нет ничего легче.

– Но нужно взять на конюшне лучшего скакуна.

– И это тоже легко. Моя кобыла, которая названа в вашу честь, Мод, это лучшая рысистая лошадь в графстве.

– Я это знаю, милый мальчик. Поспеси и, как только будешь готов, приходи ко мне на тот двор, что перед подъемным мостом. Я тебя там буду ждать.

Через десять минут Хэлберт, держа на поводу лошадь, внимательно слушал распоряжения ловкой горничной.

– Значит, – говорила она, – ты проедешь через город и немного лесом и увидишь, несколько миль не доезжая до селения Мансфилд-Вудхауз, дом. В этом доме живет сторож-лесник по имени Гилберт Хэд. Ты ему отдашь записку и попросишь передать ее сэру Аллану Клеру, а сыну лесника, Робин Гуду, вернешь лук и стрелы, которые ему принадлежат. Вот такие поручения. Ты все хорошо понял?

– Отлично понял, прекрасная Мод, – ответил мальчик. – Других распоряжений у вас нет?

– Нет. Ах да, я совсем забыла... Ты скажешь Робин Гуду, владельцу этого лука и стрел, что ему постараются дать знать, когда он сможет прийти в замок, не подвергая себя опасности, потому что здесь кое-кто с нетерпением ждет его возвращения... Ты понял, Хэл?

– Да, конечно, понял.

– И постарайся избежать встречи с солдатами барона.

– А почему, Мод?

– Я тебе это объясню, когда ты вернешься, но если уж тебя судьба с ними сведет, придумай что-нибудь в оправдание своей ночной прогулки и ни в коем случае не говори о цели своей поездки. Ну, ступай, отважное сердце мое.

Хэлберт уже поставил ногу в стремя, как Мод вдруг добавила:

– Но если ты встретишь троих путников, и один из них будет монах...

– Отец Тук, да?

– Да. Тогда ты дальше не поедешь; его спутники и есть Аллан Клер и Робин Гуд; ты исполнишь поручение и немедленно вернешься обратно. Ну, в путь! И когда мой отец спросит тебя на выезде из замка, куда ты направляешься, не премини сказать ему, что ты едешь за доктором для леди Кристабель, поскольку она заболела. Прощай, Хэл, прощай! Я скажу Грейс Мэй, что ты самый любезный и храбрый из всех парней на всем белом свете.

– Правда, Мод, – спросил, садясь в седло, Хэлберт, – ты будешь так добра и скажешь все

это Грейс?

– Ну, конечно, и попрошу ее, чтобы она сама расплатилась с тобой поцелуями, которые я должна тебе за твою услугу.

– Ура! Ура! – воскликнул мальчик, прищипывая лошадь. – Ура Мод! Ура Грейс!

Подъемный мост опустился. Хэл галопом спустился с холма, и Мод легче ласточки вспорхнула и полетела сообщить леди Кристабель радостную весть о том, что посланный уехал.

Х

Ночь была ясная и спокойная, лес был залит лунным светом, и наши трое беглецов шли то по светлым полянам, то по темным зарослям.

Робин беззаботно оглашал лес любовными балладами; Аллан Клер, печальный и молчаливый, со слезами на глазах вспоминал свой неудачный визит в замок Ноттингем; монах же невесело размышлял о причинах равнодушия к нему Мод и о знаках внимания, оказанных ею молодому леснику.

– Клянусь святым псалмом, – негромко бормотал он, – мне-то казалось, что я мужчина видный, крепкий в чреслах и лицом недурен, и мне не раз и не два об этом говорили, почему же Мод изменила обо мне свое мнение? Ах, клянусь спасением души, если маленькая кокетка забыла меня ради жалкого и слащавого мальчишки, это доказывает, что у нее плохой вкус, и я не стану терять время на борьбу с таким ничтожным соперником, и пусть она любит его, мне-то что за дело!

И бедный монах тяжело вздыхал.

– О! – снова воскликнул он, и на лице его расцвела горделивая улыбка. – Это просто невозможно! Не может она любить этого недоноска, который только и умеет, что ворковать баллады, она просто хотела, чтобы я ее приревновал, хотела испытать мое доверие к ней и подхлестнуть мою любовь. Ах, женщины, женщины! Водном их волоске больше хитрости, чем во всей нашей мужской бороде!

Читателю, может быть, покажется странным, чтобы обитатель монастыря рассуждал подобным образом и был мужчиной, пользующимся успехом у женщин, и любителем мирских утех. Но если читатель вспомнит, в какое время разворачивается действие нашей истории, то он поймет, что мы отнюдь не имели намерения оклеветать монашеские ордена.

– Ну, веселый Джилл, как называет вас красотка Мод, – воскликнул Робин, – о чем это вы думаете? Мне кажется, вы печальны, как заукойная молитва.

– Баловни... баловни судьбы имеют право веселиться, друг Робин, – ответил монах, – но те, что стали жертвой ее прихотей, имеют право огорчаться.

– Если вы называете милостями судьбы приветливые взгляды, сияющие улыбки, нежные слова и сладкие поцелуи девицы, – ответил Робин, – то я могу похвалиться тем, что я очень богат; но вы, брат Тук, вы, принеший обет бедности, скажите мне, на каких основаниях вы жалуетесь, что эта своенравная богиня обошла вас?

– А ты делаешь вид, что не понимаешь этого, мой мальчик?

– Я и вправду этого не понимаю. Но я думаю, уж не Мод ли причина вашей печали? О нет, это невозможно, вы ее духовный отец, ее духовник, и не больше... ведь так?

– Покажи нам дорогу в ваш дом, – сердито ответил монах, – и перестань без толку трещать как сорока.

– Не будем сердиться, добрый Тук, – огорчившись, сказал Робин. – Если я вас обидел, то невольно, а если Мод тому причиной, то тоже против моей воли, поскольку, честью клянусь вам, я не люблю Мод и, прежде чем сегодня увидел ее, уже отдал сердце другой девушке...

Монах повернулся к юному леснику, горячо пожал ему руку и с улыбкой сказал:

– Ты ничем меня не обидел, милый Робин, я часто впадаю вдруг в печаль, и без всякого повода. Мод не имеет никакого влияния ни на мой нрав, ни на мое сердце; она веселая и очаровательная девочка, эта Мод; женись на ней, когда войдешь в возраст, и будешь счастлив... Но ты уверен, что твое сердце больше тебе не принадлежит?

– Уверен, совершенно уверен... я отдал его навеки. Монах снова улыбнулся.

– Если я веду вас к отцу не самой короткой дорогой, – снова заговорил Робин после нескольких минут молчания, – то это для того, чтобы не натолкнуться на солдат, которых барон не преминул послать за нами вслед, как только обнаружил наш побег.

– Ты мыслишь, как мудрец, и действуешь, как лиса, друг Робин, – сказал монах, – или я плохо знаю старого палестинского хвастуна, или и часу не пройдет, как он повиснет у нас на хвосте со своими дурацкими арбалетчиками.

Трое спутников, уже весьма уставших, собирались пройти широкий перекресток дорог, как вдруг в свете луны они увидели, что по крутому склону во весь опор спускается всадник.

– Спрячьтесь за деревьями, друзья, – живо сказал Робин, – а я пойду посмотрю, кто это.

Вооружившись палкой Тука, Робин встал таким образом, чтобы всадник обязательно его увидел, но тот, казалось, не заметил его и продолжал галопом скакать вперед.

– Стойте, стойте! – закричал Робин, увидев, что это едет мальчик.

– Стойте! – повторил монах зычным голосом. Всадник обернулся и крикнул:

– О, если у меня нее еще глаза, а не дна ореха, то передо мной отец Тук. Доброй ночи, отец Тук.

– Прекрасно сказано, сын мой, – ответил монах. – Доброй ночи, и скажи нам, кто ты.

– Как, отец мой, ваше преподобие не помнит Хэлберта, молочного брата Мод, дочери Герберта Линдсея, привратника Ноттингемского замка?!

– А, это вы, друг Хэл, теперь я узнал вас. А зачем, позвольте спросить, вы скачете на лошади так далеко за полночь по лесу?

– Могу сказать вам, потому что вы поможете мне справиться с поручением: я должен передать сэру Аллану Клеру записку, написанную прелестной ручкой леди Кристабель Фиц-Олвин.

– А мне отдать лук и стрелы, которые я вижу у вас за спиной, мой мальчик, – добавил Робин.

– А где записка? – живо спросил Аллан.

– О, – улыбнулся мальчик, – теперь мне не нужно спрашивать у этих джентльменов их имена. Мод, чтобы объяснить мне, как их различить, сказала: «Сэр Аллан самый высокий из них, а сэр Робин – самый молодой, сэр Аллан хорош собой, но сэр Робин еще красивее». Вижу, что Мод не ошиблась, вижу, хотя я не Бог весть какой судья мужской красоты; про женскую я не говорю, и Грейс Мэй тому свидетельница.

– Письмо, отдай мне письмо, болтун! – воскликнул Аллан.

Хэлберт бросил на молодого человека долгий удивленный взгляд и спокойно сказал:

– Держите, сэр Робин, вот ваш лук, вот ваши стрелы; сестра просит вас...

– Черт возьми, мальчик, – снова воскликнул Аллан, – дай мне письмо, или я вырву его у тебя силой!

– Как вам будет угодно, милорд, – спокойно ответил Хэлберт.

– Я нечаянно вышел из себя, мой мальчик, – уже мягче заговорил Аллан, – но это такое важное письмо...

– Не сомневаюсь в этом, милорд, потому что Мод настоятельно наказывала мне отдать его только в ваши собственные руки, если я встречу вас раньше, чем приеду к Гилберту Хэду.

Говоря это, Хэлберт рылся у себя в карманах, выворачивая их наизнанку; потом, минут пять притворно порывшись в них, лукавый мальчишка жалостно воскликнул:

– Я потерял письмо, Боже мой! Я потерял его! Аллан в отчаянии и ярости кинулся к Хэлу, выбил его из седла и бросил на землю. К счастью, мальчик не ушибся.

– Поищи у себя в поясе! – крикнул ему Робин.

– Ах, да, о поясе я и забыл, – сказал мальчик, смеясь и взглядом упрекая рыцаря за бессмысленную жестокость. – Ура! Ура! Клянусь моей возлюбленной Грейс Мэй! Вот записка леди Кристабель.

И Хэл с криком «Ура!» поднял руку с письмом. Сэр Аллан вынужден был подойти к нему и выхватить у него драгоценное послание.

– А весточку, которая была предназначена мне, вы тоже потеряли, друг? – спросил Робин.

– Нет, ее мне поручено передать устно.

– Ну, передавайте, я слушаю.

– Вот она, слово в слово: «Мой дорогой Хэл, – так сказала Мод, – ты скажешь сэру Робин Гуду, что ему постараются дать знать, когда он сможет прийти в замок, не подвергая себя опасности, потому что здесь кое-кто с нетерпением ждет его возвращения».

– А что она мне передала? – спросил монах.

– Ничего, преподобный отец.

– Ни слова?

– Ни слова.

– Спасибо.

И брат Тук в ярости посмотрел на Робина. Аллан же, не теряя ни минуты, сломал печать на письме и в свете луны прочел следующее:

«Дражайший Аллан!

Когда ты так нежно и убедительно умолял меня покинуть отчий дом, я не стала слушать и отвергла твои предложения, поскольку полагала, что мое присутствие необходимо отцу для его счастья, и мне казалось, что он не сможет без меня жить.

Но я жестоко ошиблась.

Меня как громом ударило, когда после твоего ухода он объявил мне, что в конце недели я должна стать супругой другого человека, а не моего дорогого Аллана.

Мои слезы и мольбы были бесполезны. Сэр Тристрам Голдсборо собирается приехать сюда через четыре дня.

Ну что же! Раз мой отец хочет со мной расстаться, раз мое присутствие для него тягостно, я его покидаю.

Дорогой Аллан, я отдала тебе свое сердце и предлагаю тебе свою руку. Мод все подготовит для моего побега и сообщит тебе, как ты должен действовать.

Твоя Кристабель.

P.S. Мальчик, которому поручено передать это письмо, устроит тебе встречу с Мод».

– Робин, – тут же сказал Аллан, – я возвращаюсь в Ноттингем.

– Вы что, серьезно?

– Кристабель ждет меня.

– Это другое дело.

– Барон Фиц-Олвин хочет выдать ее замуж за одного старого плута, своего приятеля. Она может избежать этого, только уйдя из дома, и она ждет меня, чтобы бежать... Вы согласны помочь мне в этом деле?

– От всего сердца, милорд.

– Ну что же, приходите завтра утром. Или Мод, или какой-нибудь ее посланец, может быть этот мальчик, будут ждать вас у ворот города.

– Я думаю, милорд, что разумнее сначала отправиться к вашей сестре, которую ваше долгое отсутствие, должно быть, изрядно беспокоит, а на рассвете мы все вместе отправимся в замок и прихватим с собой нескольких крепких парней, за чье мужество и преданность я вам ручаюсь. Но тихо! Я слышу, сюда скачут.

И Робин приложил ухо к земле.

– Скачут со стороны замка... это нас ищут солдаты барона. Милорд и вы, брат Тук, спрячьтесь в кустах, а ты, Хэл, докажи, что ты достойный брат Мод.

– И достойный возлюбленный Грейс Мэй, – добавил мальчик.

– Да, мой мальчик; садись опять в седло, забудь о том, что ты нас встретил, и постарайся убедить этих всадников, что барон приказывает им немедленно вернуться в замок; понял?

– Понял, будьте покойны, и пусть Грейс Мэй не подарит мне больше никогда ни одного ласкового взгляда, если я не сумею ловко выполнить ваше поручение!

Хэлберт пришпорил лошадь, но, едва он успел отъехать, как всадники преградили ему путь.

– Кто идет? – спросил командир отряда.

– Хэлберт, новый помощник конюшего в Ноттингемском замке.

– Что вы делаете в лесу в такое время, когда все люди, если они не при исполнении служебных обязанностей, должны спать?

– Да я именно вас и ищу; господин барон послал меня передать вам, чтобы вы немедленно возвращались: уже час он в нетерпении ждет вас.

– А милорд был в плохом настроении, когда вы с ним расстались?

– Конечно, ведь поручение, которое он вам дал, не требовало столько времени.

– Мы доехали до деревни Мансфилд-Вудхауз, так и не встретив беглецов. Но когда мы возвращались, нам повезло, и мы сумели одного захватить.

– Правда? И кого же?

– Некого Робин Гуда; вон он там, на лошади, крепко связанный, среди моих солдат.

Робин, стоявший за деревом в нескольких шагах оттого места, осторожно выглянул, чтобы рассмотреть человека, присвоившего себе его имя, но это ему не удалось.

– Позвольте мне посмотреть на пленника, – сказал Хэлберт, приблизившись к солдатам, – я видел Робин Гуда.

– Приведите пленника, – приказал командир. Настоящий Робин Гуд увидел юношу, одетого, как и он, в костюм лесника; ноги его были связаны под брюхом лошади, а руки – за спиной; в эту минуту луч луны осветил его лицо и Робин узнал младшего из сыновей сэра Гая Гэмвелла, веселого Уильяма, или, точнее, Красного Уилла.

– Но это же не Робин Гуд! – со смехом воскликнул Хэлберт.

– А кто же это? – в растерянности спросил командир.

– Как вы можете знать, что я не Робин Гуд? Вас глаза подводят, мой юный друг, – сказал Красный Уилл, – я Робин Гуд, понимаете?

– Пусть будет так, значит, в Шервудском лесу двое лучников носят это имя, – ответил Хэлберт. – А где вы его встретили, сержант?

– В нескольких шагах от дома, где живет человек по имени Гилберт Хэд.

– Он был один?

– Один.

– С ним должны были быть еще двое, потому что Робин убежал из замка с двумя другими пленниками; впрочем, у него не было ни оружия, ни лошади, он бежал пешком, и не мог уйти так далеко за такое малое время, если под ним не было рысака вроде наших.

– Будьте любезны, юный помощник конюшего, – сказал сержант Хэлберту, – объяснить мне, откуда вам известно, что беглецов было трое? И я снова требую, чтобы ты немедленно ответил мне, почему ты бродишь посреди ночи в глухом лесу? И еще скажи мне, как давно ты знаешь Робин Гуда?

– Сержант, сдается мне, вы хотите сменить солдатскую куртку на рясу исповедника.

– Без шуток, негодяй; отвечай категорично на мои вопросы.

– А я и не шучу, сержант, и в доказательство отвечу на наши вопросы кате... Как это? Ах, да! Категорично. Начну с последнего, вас это устроит, сержант?

– Начинай, – вскричал выведенный из себя сержант, – иначе я на тебя ручные кандалы надену!

– Хорошо, начинаю. Я знаю Робин Гуда, потому что видел его, когда он сегодня утром входил в замок.

– Дальше.

– А по лесу я еду, во-первых, по приказу барона Фиц-Олвина, нашего с вами господина, и этот приказ вы уже знаете, а во-вторых, еще и по приказу его нежно любимой дочери, леди Кристабель. Теперь вы удовлетворены, сержант?

– Дальше.

– Я знаю, что бежало трое пленников, потому что Герберт Линдсей, привратник замка и отец моей молочной сестры красавицы Мод, мне об этом рассказал; вы удовлетворены, сержант?

Насмешливое хладнокровие мальчика взбесило сержанта, и, не зная, что еще сказать, он закричал:

– Какой приказ дала тебе леди Кристабель?

– Ах, вот что! – смеясь, ответил мальчик. – Никак сержанту хочется проникнуть в тайны миледи?.. Ах, вот уж и правда, никогда бы в такое не поверил! Нет, нет, не стесняйтесь, сержант, прикажите мне во весь опор скакать обратно в замок, я расскажу миледи, что таково было ваше желание, и, несомненно, миледи тут же пошлет меня обратно, чтобы вы могли судить, правильные ли распоряжения она мне дала. Эх! Красавец-капитан, ты тут шлепаешь по топи и грязи, и я тебя поздравляю с поимкой Робин Гуда; барон Фиц-Олвин щедро тебя вознаградит, не сомневаюсь, когда ты ему представишь этого молодца в качестве подлинного Робин Гуда.

– Слушай, болтун, – в ярости закричал сержант, – если бы у меня было время, я бы тебя удушил!.. В путь, ребята!

– В путь! – воскликнул и пленник. – И ура Ноттингему!

Всадники развернулись, но тут перед лошадей сержанта неизвестно откуда возник Робин Гуд и громко закричал:

– Стой! Робин Гуд – это я.

Прежде чем принять такое решение, храбрый юноша прошептал на ухо Аллану Клеру:

– Если вам дорога жизнь Кристабель, милорд, стойте неподвижно, как стволы этих деревьев, и предоставьте мне свободу действий.

И Аллан дал Робину возможность говорить, хотя он и не понимал, что тот задумал.

– Ты меня выдал, Робин! – невольно воскликнул Красный Уилл.

В ту же секунду командир отряда протянул руку и, схватив Робина за шиворот, спросил у Хэла:

– Это и есть настоящий Робин?

Но Хэлберт был слишком хитер, чтобы дать однозначный ответ, поэтому он уклончиво сказал:

– С каких это пор вы меня считаете таким проницательным, сержант, что прибегаете к моим знаниям? Что я вам, охотничья собака, чтобы брать для вас след? Рысь, чтобы видеть в темноте? Или колдун, чтобы проникать в неведомое? И ведь у вас нет привычки поминутно спрашивать: «Хэл, это что? Хэл, это кто?»

– Не валяй дурака и говори, кто из этих двух мерзавцев Робин Гуд, иначе я все же надену на тебя ручные кандалы.

– Этот человек сам может вам ответить, спросите его.

– Я ведь уже сказал вам, что я Робин Гуд, настоящий Робин Гуд! – воскликнул приемный сын Гилберта. – Молодой человек, которого вы связанным везете на лошади, один из моих добрых друзей, но это мнимый Робин Гуд.

– Тогда вы поменяетесь ролями, – произнес сержант, – и для начала ты займешь место этого рыжего.

Уилл, которого развязали, тут же бросился к Робину; друзья пылко обнялись, и Уилл тотчас исчез в лесу, на прощание успев пожать руку Робину и шепнуть ему:

– Рассчитывай на меня.

Это, несомненно, был ответ на слова, которые Робин прошептал ему, пока они обнимались.

Солдаты привязали Робина к лошади, и отряд двинулся к замку.

А вот почему был арестован Уильям. Выйдя от Гилберта Хэда, Красный Уилл предоставил своему двоюродному брату Маленькому Джону одному возвращаться в усадьбу Гэмвеллов, а сам направился к Ноттингему, рассчитывая встретить Робина. После часа ходьбы он услышал стук копыт и, в глубоком убеждении, что это Робин и его друзья, во всю мочь своей глотки невероятно фальшиво пропел последнюю строку баллады Гилберта:

... И вместе в лес пойдем со мной, мой милый Робин Гуд!

Солдаты барона, услышав обращение к Робин Гуду, окружили Уилла и с криками «Победа, победа!» связали его.

Уилл понял, какая опасность угрожает Робину, и не назвал своего настоящего имени. Остальное читателю известно.

Когда отряд усакал, увозя Робина, Аллан и монах вышли из укрытия, и Уилл, вынырнув

из кустов, возник перед ними как призрак.

– Что вам сказал Робин? – спросил у него Аллан.

– Вот что, слово в слово, – ответил Уилл: – «Два моих товарища, рыцарь и монах, спрячутся тут неподалеку. Скажи им, чтобы они пришли на встречу со мной завтра на восходе солнца и долину Робин Гуда – они ее знают, – а ты с братьями приходи вместе с ними, потому что в этом предприятии мне понадобятся сильные руки и смелые сердца: нам нужно будет защитить женщин». Вот и все. Следовательно, сэр рыцарь, – добавил Уилл, – я советую вам тотчас же отправиться со мной в усадьбу Гэмвеллов, отсюда до нее не дальше, чем до дома Гилберта Хэда.

– Я хотел бы еще сегодня обнять сестру, а она у Гилберта.

– Простите, сэр, но дама, которая вчера в сопровождении дворянина остановилась у Гилберта, сейчас находится в усадьбе Гэмвеллов.

– В усадьбе Гэмвеллов? Но это невозможно!

– Простите, сэр, но мисс Марианна у моего отца, и по дороге я расскажу вам, как она туда попала.

– Значит, Робин сказал тебе, что завтра нам придется защищать женщин? – спросил монах.

– Да, отец мой.

– Вот счастливый плут, – проворчал монах, – он хочет похитить Мод. О женщины, женщины! Да, в одном их волоске хитрости больше, чем у мужчин во всей их бороде!

XI

Барон рассеянно слушал, как один из его управляющих читает ему счета, когда дверь открылась и в комнату ввели Робина: по бокам его шли два солдата, а впереди него шествовал сержант Лэмбик, чье имя мы забыли назвать раньше.

Свиристый барон тут же приказал чтецу умолкнуть и направился к этому небольшому отряду, бросая на него взгляды, не предвещающие ничего хорошего.

Сержант поднял глаза на господина и, увидев, что у того, дрожат и шевелятся приоткрытые губы, сился что-то произнести, счел долгом вежливости дать ему высказаться первому, но старый Фиц-Олвин был не из тех, кто терпеливо ждет доклада, а потому он влепил солдату увесистую пощечину, как бы давая ему знать, что он слушает.

– Я ждал... – пробормотал бедный Лэмбик.

– Я тоже ждал. И я тебя спрашиваю, кто из нас двоих обязан ждать? Ты что, дурень ты эдакий, не видишь, что я уже час готов тебя слушать!?! Но для начала знай, мой милый, что мне уже о твоих подвигах рассказали, и, тем не менее, я окажу тебе честь, выслушав этот рассказ повторно из твоих собственных уст.

– Это Хэлберт сказал вам, милорд, что...

– Мне кажется, ты задаешь мне вопросы?! Черт побери! Это что-то новенькое! Ему вопросы угодно задавать! Ну и ну!

Лэмбик, дрожа, рассказал об аресте Робина.

– Вы забыли об одном маленьком обстоятельстве, сударь. Вы не говорите, что отпустили, уже держа его в руках, плута, которого я особенно хотел задержать! Очень остроумно с вашей стороны, сударь!

– Вы заблуждаетесь, милорд.

– Я никогда не заблуждаюсь, сударь. Да, вы задержали молодого человека, назвавшегося Робин Гудом, и отпустили его, когда появился этот шервудский юноша.

– Это правда, милорд, – ответил Лэмбик, из осторожности опустивший этот эпизод в своем рассказе об экспедиции в лес.

– Ах, этот сержант Лэмбик – самый мудрый и проницательный, самый горячий из командиров моих отрядов! – презрительно воскликнул барон и добавил: – Ты что, не помнишь лиц тех людей, которых ты несколько часов назад поместил в тюрьму, ты, идиот из идиотов, летучая мышь, увечная улитка!

– Я не видел ни того ни другого пленника, милорд.

– Да неужели? Тебе глаза пластырем залепили, что ли?! Подойди сюда, Робин! – крикнул барон громовым голосом и упал в кресло.

Солдаты подтолкнули Робина к барону.

– Прекрасно, бульдожий щенок! Ты по-прежнему громко лаешь? Я скажу тебе то, что уже говорил: или ты честно ответишь на мои вопросы, или я прикажу своим людям прикончить тебя, понимаешь?

– Спрашивайте, – холодно ответил Робин.

– А-а, так-то лучше, ты больше не отказываешься говорить, браво!

– Спрашивайте, говорю вам, милорд. Смягчившийся было взгляд барона снова грозно обратился к Робину, но тот улыбался.

– Как ты бежал, волчонок?

– Выйдя из камеры.

– Об этом я и без тебя легко догадался. А кто тебе помог?

– Я сам.

– А еще кто?

– Никто.

– Это ложь! Ты же не мог пройти в замочную скважину. Тебе отперли дверь!

– Мне не отпирали дверь, и, если я недостаточно тонок, чтобы пролезть в замочную скважину, то уж во всяком случае не настолько толст, чтобы не пройти между прутьями решетки в слуховом окне; оттуда я прыгнул на вал, где нашел отпертую дверь, а через эту дверь попал на лестницу, прошел по ней, потом по галерее, по лужайке, дошел до подъемного моста... и очутился на свободе, милорд.

– А как бежал твой товарищ?

– Не знаю.

– И все же ты должен сказать.

– Невозможно. Мы были не вместе, мы встретились потом.

– И в каком же месте замка вы так удачно встретились?

– Я плохо знаю замок, и не могу указать это место.

– А где был тот плут, когда сержант Лэмбик тебя арестовал?

– Не знаю. Мы расстались незадолго до этого. Я один возвращался к отцу.

– Это его арестовали перед тобой?

– Нет, не его.

– Но где он? Что с ним случилось?

– О ком вы говорите, милорд?

– Ты прекрасно это знаешь, юный обманщик. Я говорю об Аллане Клере, твоём друге и сообщнике.

– Я увидел Аллана Клера в первый раз позавчера.

– Но какова наглость, великий Боже! Эти теперешние простолюдины осмеливаются лгать нам в лицо! Ни веры, ни почтения нет с тех пор, как детей стали учить читать всякую писанину и выводить на бумаге каракули! Даже моя дочь заразилась этим пороком: она общается с помощью дьявольских писемён с этим ничтожеством Алланом Клером. Прекрасно! Раз ты не знаешь, где прячется этот негодяй, помоги мне догадаться, где он может быть, и в награду я обещаю тебе свободу.

– Милорд, у меня нет привычки тратить время на отгадывание загадок.

– Ну что ж! Придется мне заставить тебя посвящать этому полезному занятию по несколько часов в день. Эй, Лэмбик, посади этого бульдога снова на цепь, и, если он опять убежит, пусть Бог спасет тебя от виселицы!

– Нет, от меня он не убежит, – ответил сержант, силясь улыбнуться.

– Ну, ступай, да не сбывай о персике!

Сержант пошел Робина по переходам и лестницам и привел к маленькой дверце, ведущей и узкий коридор; здесь он взял из рук посланного вперед слуги горящий факел и втолкнул Робина в чулан, вся обстановка которого состояла лишь из охапки соломы.

Наш юный лесник огляделся: более отвратительного места, чем эта камера, нельзя было себе представить; выход был только один – дверь из толстых досок, обитых железом, – как отсюда выбраться? Он искал в уме способ, который сделал бы тщетными все предосторожности, принятые его тюремщиком, и ничего не мог придумать, но неожиданно разглядел в темном коридоре, позади солдат, чистые и ясные глаза Хэлберта. Вид этого мальчика вселил в него надежду, и он уже не сомневался в том, что скоро освободится, раз о его спасении пекутся преданные сердца.

– Вот ваша спальня, – сказал Лэмбик, – входите, сударь, и оставьте печаль. Мы все должны однажды умереть, вы ведь знаете; а случится это сегодня, завтра или позже – какая разница? Да и каким образом – тоже все равно: умереть всегда значит умереть.

– Вы правы, сержант, – спокойно ответил Робин, – я понимаю, что вам все равно, как умереть: собакой вы жили, собакой и умрете.

Говоря это, Робин искоса поглядывал веще незатворенную дверь, пытаясь рассмотреть, где и как стоят солдаты. Слуга, отдавший Лэмбику факел, уже ушел, юный Хэлберт тоже; разбитые усталостью солдаты (их было четверо) стояли, небрежно опершись о стены и не прислушиваясь к тому, о чем их командир разговаривал с пленником.

Скорый на решения и их исполнение, шервудский волчонок воспользовался тем, что внимание солдат рассеяно, а Лэмбик относительно слаб, потому что движения его стесняет факел, который он держит в правой руке; Робин прыгнул вперед, как дикая кошка, выхватил факел, ткнул им Лэмбику в лицо, отчего факел погас, и бросился из камеры.

Несмотря на полную темноту и нестерпимую боль от ожога лица, Лэмбик со своими людьми кинулся в погоню за беглецом, но поднятый заяц не бежит быстрее, лиса, на хвосте у которой висит свора гончих, не петляет так, как это делал Робин, и напрасно ищейки барона обшаривали все углы и закоулки в бесконечных галереях: беглец исчез.

Молодой человек уже несколько мгновений продвигался вперед маленькими шажками, вытянув вперед руки, чтобы ощупывать препятствия на своем пути, потому что не знал, где он находится, как вдруг наткнулся на человека, который невольно вскрикнул от испуга.

– Кто вы? – раздался дрожащий голос. «Это голос Хэлберта», – подумал Робин.

– Это я, дорогой Хэл, – произнес юный лесник.

– Кто это, я?

– Я, Робин Гуд; я убежал, они меня ищут, спрячьте меня где-нибудь.

– Идите за мной, мой господин, – сказал храбрый мальчик, – дайте мне руку и идите рядом и, самое главное, ни слова.

Сделав в темноте тысячу поворотов и все время ведя беглеца за руку, Хэлберт остановился около какой-то двери, сквозь плохо пригнанные доски которой виднелся слабый свет, и постучал; нежный голос осведомился, как зовут ночного гостя.

– Это ваш брат Хэл. Дверь тотчас же отворилась.

– Какие новости, милый брат? – спросила Мод, сжимая руки мальчика.

– У меня есть нечто большее, чем новости, дорогая Мод, поверните голову и взгляните.

– Небо праведное! Это он! – воскликнула Мод, повисая на шее у Робина.

Удивленный и огорченный приемом, который свидетельствовал о страсти, отнюдь им не разделяемой, Робин хотел рассказать об обстоятельствах своего возвращения в замок и нового побега, но Мод не дала ему договорить.

– Спасен! Спасен! Спасен! – повторяла она как безумная, то плача, то смеясь, то целуя его. – Спасен, спасен!

– Странная вы девушка, Мод, – простодушно заметил молодой конюший, – я думал, что приведя к вам господина Робин Гуда, я доставлю вам удовольствие, а вы рыдаете, как Магдалина.

– Хэл прав, – сказал Робин, – не портите ваши красивые глазки, милая Мод, станьте такой же веселой, как утром.

– Это невозможно, – глубоко вздыхая, ответила девушка.

– Никогда в это не поверю, – ответил Робин, склонившись к головке Мод и целуя ее в во-

лосы надо лбом.

Мод, без сомнения, почувствовала в простых словах юного лесника «никогда в это не поверю» некоторую холодность и потому побледнела и горько зарыдала.

– Дорогая Мод, не плачьте, я же здесь, – беспрестанно повторял Робин, – объясните мне причину вашего горя.

– Не спрашивайте меня ни о чем... позже вы все узнаете... Леди Кристабель и я думали, как нас освободить... О, как она обрадуется, когда узнает, что вы уже на воле! Сэр Аллан Клер получил ее письмо? Какой ответ вы ей принесли?

– У сэра Аллана не было возможности ни написать, ни что-либо передать со мной, но его намерения мне известны, и я хочу, с Божьей помощью и при вашем содействии, дорогая Мод, похитить леди Кристабель из замка и отвести ее к жениху.

– Бегу предупредить миледи, – живо ответила Мод, – мое отсутствие продлится недолго. Подождите меня здесь; идем со мной, Хэл.

Оставшись один, Робин сел на край девичьей кровати и задумался. Мы уже говорили, что, несмотря на свою молодость, Робин говорил и действовал как зрелый мужчина. Столь ранней разумностью он был обязан заботам Гилберта о его воспитании. Гилберт научил его, что он должен думать сам и действовать сам, причем действовать хорошо, но он не объяснил ему, что иные чувства, кроме чувства дружбы, могут внезапно вспыхнуть и неодолимо разрастись в сердцах двух существ разного пола. С того самого времени, когда Мод, убегая из часовни, тайком поцеловала ему руку, поведение девушки немало удивляло Робина. Но, поразмыслив, он как бы интуитивно понял, что это, должно быть, любовь; он понял также, что она любит его, и он этим огорчился, потому что сам ничего к ней не испытывал, хотя и находил ее красивой, изящной, приветливой и верной.

Огорченный своим невольным равнодушием к Мод, он даже стал себя упрекать за него и задавать себе вопрос, не должен ли он, из опасения утратить честь, постараться ответить любовью за любовь. Простодушный юноша хотел подарить свое сердце, полагая, что оно еще свободно, но тут вдруг перед его глазами встал милый образ Марианны.

– О Марианна, Марианна! – восторженно воскликнул он.

И Мод проиграла навсегда.

Но за восторгом последовали сомнение и печаль. Марианна, как и Кристабель, принадлежала к благородной семье, и она, несомненно, пренебрежительно отнесется к любви неизвестного лесника. Может быть, она уже любит какого-нибудь прекрасного придворного кавалера. Конечно, Марианна одарила его нежными взглядами, но какие у него были доказательства, что эти ее взгляды не были внушены чистой признательностью?

По мере того как Робин задавал себе все эти вопросы, а также и другие (ответы на них были отнюдь не и его пользу), шансы Мод увеличивались.

Мод была красива, столь же красива, как Марианна и Кристабель, но не была благородной крови, среди ее поклонников не было дворян, и простой лесник вполне мог соперничать с любым из них; Мод тоже бросала на Робина нежные взгляды, и эти взгляды были вызваны не признательностью; напротив, это Робину следовало быть признательным Мод.

Так раздумывал Робин, испытывая незнакомые ему чувства и переходя в своих мечтах от счастья к тревогам, как вдруг он услышал в коридоре тяжелые шаги, ничем не похожие на легкую походку Мод; шаги приблизились к двери, и при первом громком стуке Робин сразу же погасил свет.

– Эй, Мод! – окликнул снаружи голос. – Почему вы гасите свет?

Робин предусмотрительно ничего не ответил и забился между кроватью и стеной.

– Мод, отвори!

Устав ожидать ответа, гость отворил дверь и вошел. Если бы было не так темно, Робин увидел бы, что вошедший – высокий, статный мужчина.

– Мод, Мод, скажи же что-нибудь. Я уверен, что ты здесь. Я видел свет сквозь щели в двери.

И человек, у которого был низкий хриплый голос, ощупью стал передвигаться по комнате.

Робин для большей надежности скользнул под кровать.

– Дурацкая мебель! – пробурчал пришедший, ударившись лбом о шкаф и налетев на стул. – Нет, истинное слово, уж лучше я поберегусь и сяду на пол.

Наступило долгое молчание. Робин старался затаить дыхание.

– Но где же она может быть? – снова заговорил незнакомец, протягивая руку и ощупывая кровать. – Она не ложилась; душой своей клянусь, похоже, что Гаспар Стейнкоф мне правду сказал, а я его за эту правду кулаком двинул; он сказал мне: «Твоей дочери, мастер Герберт Линдсей, кого-нибудь поцеловать, что мне кружку эля выпить». Негодяй этот Гаспар! Посметь мне сказать, что мое дитя, мое собственное, которому я отец родной, целует узников!.. Вот негодяй!.. И все же странно мне, что в такой поздний час Мод не у себя в комнате. Не может же она быть у леди Кристабель, где же тогда она? О Боже, у меня ад в голове! Где же моя маленькая Мод, где она? Пресвятая Матерь Божья! Если Мод оступится, я... Ба! Я такой же жалкий негодяй, как Гаспар Стейнкоф, я оскорбляю свою кровь, спою жизнь, снос сердце, снос дитя, мою любимую Мод. Ах я старый безумец! Я и забыл, что Хэлберт уехал из замка за врачом, так как миледи заболела и Мод около нее. Ох, как хорошо, как хорошо-то, что я это вспомнил. Меня колесовать стоило бы за то, что я дурно подумал о своей любимой дочери!

Робин под кроватью не шевелился, но и ему в голову сначала пришли дурные мысли, и он даже дрожал от ревности, пока не узнал в ночном госте привратника замка, Герберта Линдсея, почтенного отца Мод.

Речь Герберта прервали легкие торопливые шаги и шуршание платья; засветилась лампа, и Герберт встал на ноги.

При виде его Мод вскрикнула от ужаса и с беспокойством спросила:

– Почему вы здесь, отец?

– Чтобы поговорить с тобой, Мод.

– Завтра поговорим, отец; сейчас очень поздно, я устала, и мне нужно отдохнуть.

– Да мне нужно всего пару слов тебе сказать.

– И слушать ничего не хочу, отец, я вас поцелую и считайте, что я оглохла. Доброй ночи.

– У меня к тебе только один вопрос, ты ответишь, и я уйду.

– Говорю вам, я оглохла, а теперь я еще и онемела. Доброй ночи, доброй ночи, – добавила Мод, подставляя для поцелуя свой лоб старику.

– Мне не до доброй ночи, дочка, – серьезно сказал Герберт, – я хочу знать, откуда вы пришли и почему еще не спите.

– Я пришла из покоев миледи: она очень нездорова.

– Хорошо. Другой вопрос: почему вы так щедры на поцелуи некоторым узникам? Почему вы целуете чужого мужчину как родного брата? Нехорошо так поступать, Мод.

– Это я целовала чужих мужчин?! Я?! Да кто же меня так оклеветал?

– Гас пар Стейнкоф.

– Гаспар Стейнкоф вам солгал, отец; вот если бы он рассказал о своих попытках соблазнить меня и о том, как я возмутилась и разгневалась, тогда бы он не солгал.

– И он посмел! – в гневе прорычал Герберт.

– Посмел, посмел, – решительно подтвердила девушка. И, разразившись слезами, она добавила:

– Я сопротивлялась и убежала от него, и он пригрозил мне отомстить.

Герберт прижал дочь к своей груди и, помолчав, сказал спокойно, но в спокойствии его сквозило хладнокровие неумолимого гнева:

– Если Господь прощает Гаспару Стейнкофу, путь пошлет ему мир на Небесах, а у меня не будет мира на земле, пока я не накажу этого подлеца... Поцелуй меня, моя девочка, поцелуй старого отца, который тебя любит, верит тебе и просит Небо охранять твою честь.

И Герберт Линдсей ушел на свой пост.

– Робин, – тотчас же спросила девушка, – где вы?

– Здесь, Мод, – ответил Робин, уже успевший вылезти из укрытия.

– Если мой отец заметил, что вы здесь, я погибла.

– Нет, дорогая Мод, – ответил юноша с восхитительным чистосердечием, – нет, напротив, я бы засвидетельствовал вашу невинность. Но скажите, кто такой этот Гаспар Стейнкоф? Я его уже видел?

– Да, он сторожил вашу камеру, когда вы первый раз попали в тюрьму.

– Тот самый, который застал нас, когда мы... беседовали?

– Он самый, – ответила Мод, невольно покраснев.

– Я отомщу за вас; я помню его лицо, и если он встретится мне...

– Не тратьте силы на этого человека, он того не стоит, его следует презирать, как его презираю я... Леди Кристabelle желает видеть вас. Но, прежде чем отвести вас к ней, я хочу вам кое-что сказать, Робин... Я очень несчастна, и...

Тут Мод замолчала: ее душили рыдания.

– Опять слезы! – ласково воскликнул Робин. – Ну, не надо так плакать. Чем я могу быть вам полезен? Чем могу помочь вашему горю? Скажите, и душой и телом я готов вам служить; не бойтесь доверить мне свое горе; брат все должен сделать для своей сестры, а я ваш брат.

– Я плачу, Робин, потому что вынуждена жить в таком ужасном замке, где, кроме леди Кристabelle и меня, нет женщин, только кухарки и птичницы; я выросла вместе с миледи, и, несмотря на разницу в положении, мы любим друг друга как сестры. Я поверенная ее горестей, я делю с ней ее радости, но, невзирая на усилия моей доброй госпожи, я чувствую и понимаю, что я только ее служанка и не смею просить ее совета и утешения. Мой отец – человек добрый, честный и храбрый, но он может только издали охранять меня, а я, признаюсь, нуждаюсь в постоянной защите... Каждый день солдаты барона увиваются за мной и оскорбляют меня, неправильно истолковывая мой легкий от природы характер, веселость, смех и пение... Нет у меня больше сил терпеть это унижительное существование! Оно должно измениться, или я умру. Вот что я хотела вам сказать, Робин, и если леди Кристabelle покинет замок, я прошу вас забрать меня вместе с ней.

На нее это юный лесник мог ответить только удивленным восклицанием.

– Не отталкивайте меня, возьмите меня с собой, заклинаю вас! – снова страстно заговорила Мод. – Я умру, руки на себя наложу, да, наложу на себя руки, если вы без меня перейдете через ров по подъемному мосту!

– Вы забываете, Мод, что я сам еще ребенок и не имею права ввести вас в дом моего отца. А вдруг мой отец вас выгонит?

– Ребенок?! – презрительно воскликнула девушка. – Хорош ребенок, который еще сегодня утром пил за любовь!

– А еще вы забыли о своем старом отце... Он умрет от горя... Я только что слышал его: он благословил вас и поклялся отомстить клеветнику.

– Он простит мне, вспомнив, что я последовала за своей госпожой.

– Но ваша госпожа как раз может бежать! Ведь сэр Аллан – ее жених.

– Да, вы правы, Робин, а я бедная, всеми покинутая девушка.

– Но мне все же казалось, что брат Тук мог бы вас...

– О, это дурно, очень дурно с вашей стороны так говорить! – в негодовании воскликнула Мод. – Да, я смеялась, пела, болтала с монахом о разных глупостях, но я невинна, слышите, я невинна! Боже мой, Боже мой! Они все меня обвиняют, для всех я пропащая девушка! Ах, я чувствую, что с ума схожу!

И закрыв лицо руками, Мод со стоном опустилась на колени.

Робин был глубоко взволнован.

– Встань, – мягко сказал он. – Хорошо, ты бежишь вместе с миледи, ты пойдешь к моему отцу Гилберту и будешь ему дочерью, а мне – сестрой.

– Да благословит тебя Бог, благородное сердце! – ответила девушка, склонив голову на плечо Робина. – Я буду твоей служанкой, твоей рабой.

– Ты будешь мне сестрой. Ну, улыбнись же теперь, Мод, лучше твоя прекрасная улыбка, чем эти противные слезы!

Мод улыбнулась.

– Время не ждет, веди меня к леди Кристабель. Мод улыбалась, но не двигалась с места.

– Ну, что же ты еще ждешь, дорогая?

– Ничего, ничего; идем!

И она поцеловала покрасневшего Робина в обе щеки. Леди Кристабель с нетерпением ожидала посланца сэра Аллана.

– Я могу на вас рассчитывать, сударь? – спросила она, как только Робин появился у нее в комнате.

– Да, миледи.

– Да возблагодарит вас Бог, сударь, я готова.

– И я тоже, дорогая госпожа! – воскликнула Мод. – В путь! Нам нельзя терять ни минуты.

– Нам? – переспросила удивленно Кристабель.

– Да, миледи, нам, нам! – смеясь подтвердила горничная. – Вы же не думали, что Мод согласится жить вдали от своей госпожи?!

– Как? Ты согласна следовать за мной?

– Не только согласна, я просто умру от горя, если вы не согласитесь, госпожа моя.

– И я тоже отправлюсь с вами! – воскликнул Хэлберт, до этой минуты державшийся в тени. – Миледи берет меня к себе на службу. Сэр Робин, вот ваш лук и ваши стрелы, я взял их с собой, когда вас арестовали в лесу.

– Спасибо, Хэл, – сказал Робин. – С этой минуты мы друзья.

– На жизнь и на смерть, сэр Робин! – с наивной гордостью воскликнул мальчик.

– Тогда в путь! – подхватила Мод. – Хэл, ты иди впереди, а вы, миледи, дайте мне руку. Теперь сохраняйте полнейшее молчание: малейший шепот, самый слабый звук может нас выдать.

Ноттингемский замок сообщался с внешним миром посредством огромных подземных ходов, которые начинались в часовне и выходили в Шервудский лес. Хэл довольно хорошо их знал и мог служить проводником; пройти там можно было без особого труда, но вначале следовало добраться до часовни; дверь же в часовню не была открыта, как накануне вечером, потому что барон Фиц-Олвин поставил там часового; к счастью для беглецов, этот часовой решил, что можно нести службу и внутри и, сморенный усталостью, уснул на скамье, как каноник в церковном кресле.

Поэтому четверо молодых людей вошли в святое место, не разбудив солдата и даже не догадавшись о его присутствии, настолько кругом было темно; они уже почти добрались до входа в подземелье, как вдруг Хэлберт, шедший впереди, споткнулся о надгробие и с шумом упал.

– Стой, кто идет? – внезапно воскликнул часовой, решив, что его застали спящим на посту.

Ему ответило только эхо, которое, перекатываясь под сводами от колонны к колонне, заглушило голоса и шаги беглецов. Хэл притаился за надгробием, Робин и Кристабель – под лестницей, ведущей на кафедру проповедника, только одна Мод не успела спрятаться; вспыхнул факел, осветив часовню, и солдат воскликнул:

– Черт возьми, да это Мод, духовная дочь брата Тука! А знаешь ли ты, красotka, что у Гаспара Стейнкофа даже усы дыбом встали, потому что ты разбудила его так неожиданно, когда ему снились твои прелести? Клянусь телом Господним! Я уже было подумал, что старый иерусалимский вепрь, наш добрый господин, проверяет посты. Но вот радость-то! Старик храпит, а меня разбудила красавица.

Произнеся все это, солдат воткнул факел в подсвечник на аналое и подошел к Мод, раскрыв объятия, чтобы обхватить ее стан.

Мод холодно ответила:

– Да, я пришла помолиться за леди Кристабель, она очень нездорова, оставьте меня: я буду молиться, Гаспар Стейнкоф.

«Ага! – подумал Робин, накладывая стрелу на лук. – А вот и клеветник».

– Отложи пока молитвы, красавица моя, – сказал солдат, схватив девушку за талию, – не будь злокой и подари Гаспару поцелуй, два поцелуя, три поцелуя, много поцелуев!

– Назад, подлец и нахал! – отступая, воскликнула Мод. Но солдат снова шагнул к ней.

– Назад, клеветник, ты чуть не сделал так, чтобы мой отец проклял меня, ты хотел мне отомстить за то, что я с презрением отвергла твои омерзительные приставания! Назад, чудовище, не уважающее даже святость этого места! Назад!

– Да будь ты трижды проклята! – воскликнул Гаспар, впадая в бешенство и снова хватая девушку в объятия. – Я тебя накажу за наглость!

Мод отчаянно сопротивлялась, ни минуты не сомневаясь, что Робин и Хэлберт придут ей на помощь, но в то же время опасаясь шумом борьбы привлечь внимание солдат с соседнего поста; поэтому она старалась не кричать и возражала часовому:

– Это ты будешь наказан...

И тут стрела, пущенная рукой, которая еще ни разу не промахнулась, попала в голову Гаспара, и он замертво рухнул на каменные плиты. Хэл бросился, чтобы защитить свою сестру, но стрела его опередила, и Мод упала без сознания, успев прошептать:

– Спасибо, Робин, спасибо!

Пляшущее пламя факела освещало два неподвижных и безжизненных тела, лежавших одно возле другого, но первый из этих людей одиноко ушел в небытие, а возвращения к жизни второго ждали преданные сердца, и глаза друзей следили за малейшими его признаками. Робин зачерпнул ладонями освященную воду в чаше и смочил девушке виски, Хэл разминал ее руки в своих ладонях, Кристабель называла ее всеми ласковыми именами и призывала на помощь Святую Деву; каждый старался как мог привести девушку в чувство, и все они скорее отказались бы от бегства, чем оставили бы бедняжку в таком состоянии. Прежде чем Мод снова открыла глаза, прошло несколько минут, и эти минуты показались всем столетиями; но когда, наконец, она открыла глаза, то первый ее взгляд, взгляд любви и признательности, остановился на Робине; по ее побелевшим губам пробежала улыбка, на смертельно бледных щеках проступил румянец, грудь глубоко вздохнула, руки обхватили того, кто наклонился ее поднять и, страхнув с себя оцепенение, она первая воскликнула:

– Бежим!

Они шли подземными ходами больше часа.

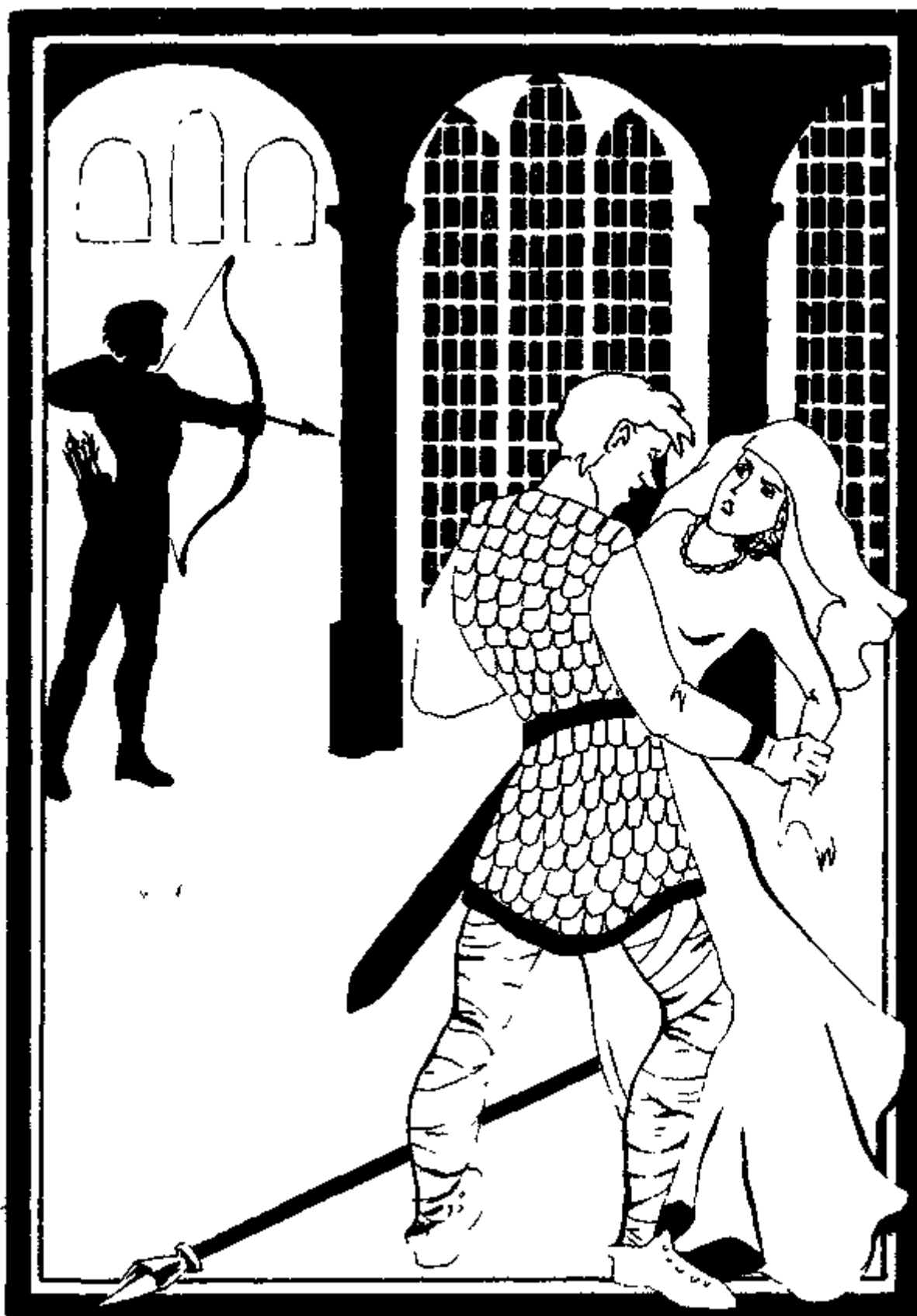
– Ну вот, наконец, мы и пришли, – сказал Хэл, – пригнитесь: дверца низкая; и будьте осторожны: снаружи вход прикрыт колючей изгородью; поверните налево – вот так, теперь идем по тропинке вдоль изгороди, а теперь тушите факел и да здравствует свет луны – мы свободны!

– Ну, теперь моя очередь вести вас, – сказал, сообразив, где они находятся, Робин, – здесь я у себя. Лес – мой дом. Не бойтесь ничего, сударыни, на рассвете мы встретимся с сэром Алланом Клером.

Несмотря на усталость обеих девушек, маленький отряд быстро продвигался вперед через лесные заросли и чащи. Осторожность заставляла их избегать хоженных троп и не пересекать освещенные поляны, потому что барон несомненно уже послал за беглецами погоню; приходилось, не щадя рук и ног и вырывая клочья из одежды, мчаться, как ланям, от чащи к чаще, от просеки к просеке. Уже несколько минут Робин о чем-то напряженно размышлял, и Мод робко осведомилась, о чем он думает.

– Милая сестрица, – сказал он, – мы должны еще до рассвета расстаться. Хэлберт проводит вас до дома моего отца, и вы объясните доброму старику, почему я еще не вернулся из Ноттингема; будет правильно и разумно предупредить его, что я должен без задержки доставить миледи к сэру Аллану Клеру.

Нежно распрощавшись, беглецы расстались, и Мод, идя вслед за Хэлбертом по тропинке, которую показал им Робин, старалась молча проглотить слезы и заглушить рыдания.

Леди же Кристабель и ее рыцарь (ибо отныне Робин стал настоящим рыцарем), быстро пошли в сторону большой дороги, ведущей из Ноттингема в Мансфилд-Вудхауз, но, прежде чем выйти на нее, Робин влез на высокое дерево и оглядел окрестности.

Сначала он не увидел ничего подозрительного; дорога казалась пустынной на всем протяжении, доступном взору; молодой человек уже решил, что судьба ему благоприятствует, и начал

спускаться, как вдруг заметил на вершине холма стремительно скачущего всадника.

– Укройтесь вот тут, миледи, вот в этой яме у подножия дерева, и, Господа Бога ради, ни двигайтесь, не издавайте ни звука, даже если испугаетесь.

– Есть какая-то опасность? Вы чего-то боитесь, сударь? – спросила Кристабель, видя, что Робин накладывает стрелу на лук и прячется за стволом дерева.

– Быстро, миледи, прячьтесь, к нам приближается всадник, и я не знаю, друг это или враг... Но даже если это враг, то он всего лишь человек, а хорошо пущенная стрела всегда остановит человека.

Робин не посмел добавить ничего больше из опасения напугать свою спутницу, потому что в свете занимающейся зари он разглядел цвета барона Фиц-Олвина на флажке копыта всадника. Кристабель догадывалась, что Робин питает по отношению к всаднику враждебные намерения, и ей хотелось крикнуть: «Не надо больше крови! Не надо смерти! Свобода и так уже обошлась нам слишком дорого!», но Робин, держа в одной руке лук, другой сделал властный жест, призывающий ее к молчанию; всадник тем временем летел во весь опор.

– Во имя Бога, спрячьтесь, миледи! – шепнул Робин сквозь стиснутые зубы и еще тише повторил: – Спрячьтесь!

Кристабель повиновалась и, накинув на голову плащ, мысленно возвала к Богоматери. Всадник все приближался и приближался, а Робин ждал, притаившись за деревом, с луком на изготове, держа стрелу у самого глаза. Всадник пронесся мимо как молния, но стрела летела быстрее; на лету задев круп лошади и скользнув наискось по ее боку вдоль седла, она до оперения вошла в брюхо коня, и животное вместе с седоком покатилося по пыли.

– Бежим, миледи! – воскликнул Робин. – Бежим, время не ждет!

Кристабель была ни жива ни мертва, она дрожала всем телом и шептала:

– Он его убил! Убил! Убил!

– Бежим, миледи, – повторил Робин, – бежим, время не ждет!

– Он ею убил! – как безумная стенала Кристабель.

– Да нет, я его не убил, миледи.

– Но он так жутко вскрикнул, это предсмертный стон!

– Да нет, он вскрикнул от удивления.

– Что вы говорите?

– Я говорю, что всадника этого послали на наши розыски, и, если бы я не попал в его лошадь, мы бы погибли. Идемте же, миледи, вы все поймете лучше, когда перестанете дрожать!

Кристабель немножко успокоилась и, быстро, как только могла, пошла вслед за Робинем. Пройдя сотню шагов, она спросила:

– Так всадник не ранен?

– И царапины не получил, миледи, но бедный конь его свое отбегал. У этого всадника были слишком большие преимущества перед нами: он мог доскакать из Мансфилд-Вудхауза в Ноттингем и обратно прежде, чем мы одолеем этот путь; следовательно, нужно было остудить его пыл. Теперь наши возможности равны. Да что я говорю? У нас их даже больше: он – пешком, и мы – пешком, но наши ноги проворнее и без лишней тяжести, а его – нет. Мужайтесь, миледи, мы уже будем далеко отсюда, когда этот седок сумеет выбраться из-под своей лошади и пойдет по дороге в своих тяжелых сапогах, а они отнюдь не семимильные! Мужайтесь, миледи, Аллан Клер уже близко!

ХII

Мало того что лоб, веки, все лицо Лэмбика было обожжено, когда Робин Гуд затушил об него факел, так сержант еще погнался за беглецом в совершенно другом направлении.

В то время, о котором мы ведем свой рассказ, Ноттингемский замок имел множество подземных ходов, прорытых в толще холма, на котором высились башни и зубчатые стены этой феодалской твердыни, и мало кто даже среди самых давних ее обитателей был хорошо знаком с планом этого сумрачного и таинственного лабиринта.

В результате Лэмбик и его люди блуждали там наугад и по злосчастной случайности настолько уклонились от правильного пути, что заблудились и потеряли друг друга, сами того не заметив.

Лэмбик, почти ослепший, пошел, как мы уже сказали, в направлении, противоположном тому, что выбрал Робин, люди его свернули направо, а сам он пришел к парадной лес шине замка, и ему показалось, что он слышит шаги своих людей на верхней площадке.

«Прекрасно, – сказал он себе, – должно быть, они схватили этого юного негодяя и ведут его к барону; мне нужно прийти вместе с ними, иначе они скажут милорду, что поймали преступника благодаря своей бдительности и поставят себе это в заслугу, они ведь такие скоты!»

Ворча себе под нос, храбрый сержант подошел к двери в покои барона и, по опыту зная, что следует быть осторожным, решил, прежде чем появиться, выяснить, как старый Фиц-Олвин принял возвращение солдат с пленником, а потому приложил ухо к замочной скважине и услышал следующий разговор.

– Значит, вы говорите, что письмо сообщает мне, будто сэр Тристрам Голдсборо не может приехать в Ноттингем?

– Да, милорд, он должен явиться ко двору.

– Досадная помеха!

– И он предупреждает, что будет ждать вас в Лондоне.

– Ну что же делать! А время свидания он назначил?

– Нет, милорд, он только просит вас отправиться в путь со всей возможной поспешностью.

– Прекрасно! Сегодня же утром и отправлюсь. Прикажите приготовить лошадей; я желаю, чтобы меня сопровождало шестеро солдат.

– Ваш приказ будет исполнен, милорд.

Лэмбик, сильно удивившись отсутствию здесь Робина, решил, что солдаты снова отвели его в тюрьму и побежал туда убедиться в этом собственными глазами, но дверь в тюрьму была открыта настежь, в камере никого не было, а на полу валялся еще дымящийся факел.

«Ну и ну! Пропал я! – подумал сержант. – Что же делать?»

И он снова вернулся к дверям в покои барона, все еще надеясь, что солдаты привели туда проклятого лесника. Бедный Лэмбик! Он уже чувствовал, как на его шее затягивается петля! Однако надежда, которая никогда полностью не покидает человека в несчастье, улыбнулась ему, ибо, снова приложив ухо к замочной скважине, он услышал, что в покоях барона все тихо и спокойно. И сержант рассудил следующим образом:

«Барон спит, а следовательно, не гневается; значит, он не знает, что лесник выскользнул у меня из рук как угорь; а раз он не знает о бегстве лесника, то и не собирается меня бранить, наказывать или вешать; значит, я могу предстать перед ним ничего не страшась и отчитаться в том, что я выполнил поручение так, как будто все вышло по его желанию; таким способом я выиграю время, смогу узнать, что сделалось с этим чертовым Робинем, засажу его обратно в камеру и буду стеречь там как следует, коль скоро моим солдатам, увальням и дуракам, посчастливилось его поймать. Значит, я могу без опасений войти в комнату барона... да, не боясь своего грозного и могущественного сеньора... Ну, войдем. Но он же спит, спит! Да, лучше было бы войти в клетку к голодному тигру и погладить его по спине. Не настолько я безумен, чтобы будить милорда. Ну, хорошо, – продолжал размышлять бедный Лэмбик, то дрожа от страха, то храбрясь, – а что если барон не спит? Ну тогда бы самое время было войти, это уж точно значило бы, что ему неизвестны мои злоключения. И вправду, если он не спит, то это просто чудо, что у него так тихо и спокойно. Поскребусь-ка я в дверь, и если он тут же разбудится, у меня еще будет время сбежать!»

Лэмбик слегка постучал ногтем в середину двери, в том месте, где звук получался особенно сильным, но в ответ ничего не последовало, и внутри по-прежнему царила полная тишина.

«Решительно, он спит, – снова подумал Лэмбик. – Да нет, ну я и дурень! Он вышел и, наверное, сейчас удочери, иначе бы я что-нибудь да услышал, тем более что он храпит во сне».

Подталкиваемый адским любопытством, сержант осторожно повернул ключ в замке, дверь беззвучно приоткрылась, и он смог просунуть голову внутрь, чтобы оглядеть помещение.

– Пощадите!

Этот крик ужаса слетел с губ Лэмбика, все в несчастном сержанте заледенело, и он так и остался стоять, просунув голову в щель, а барон, онемев от изумления, потрясенный такой наглостью, метал в его сторону испепеляющие взгляды.

Не везло бедному Лэмбику, не везло во всем, видно, какой-то злой дух преследовал его, и судьбе было угодно сделать так, что он отворил дверь как раз в ту минуту, когда старый грешник опустился на колени, чтобы перед поездкой в Лондон испросить у своего духовника отпущение грехов.

– Презренный! Оборванец! Подлый святотатец! Нарушитель тайны исповеди! Чертов прихвостень! Предатель, продавшийся дьяволу! Ты зачем сюда явился? – закричал барон, когда он наконец смог перевести дух и дать волю своей ярости. – Кто в этом замке господин, а кто слуга? Ты, что ли, господин? А я слуга? Веревку тебе, воронья сыть! Я не сяду на лошадь, пока ты не будешь на виселице!

– Успокойтесь, сын мой, – произнес старый духовник-монах, – Бог милосерден.

– Для таких святотатцев нет Бога! – снова закричал барон, поднимаясь с колен и шатаясь как пьяный от гнева. – Сюда, плут! – добавил он, пройдя несколько раз по комнате, как гиена в клетке. – На колени, встань на мое место и исповедуйся перед смертью.

Лэмбик так и стоял на пороге; он утратил всякую способность соображать, но все же надеялся, что барон на мгновение перестанет гневаться и тогда ему удастся сказать что-то в свое оправдание. Барон, у которого мысли и следовавшие за ними слова противоречили друг другу, невольно предоставил несчастному случай оправдаться.

– Чего же ты от меня хотел? – неожиданно произнес он. – Говори!

– Милорд, я несколько раз постучал в двери, – смиренно сказал сержант, – решил, что тут никого нет, и подумал...

– ... и подумал, что можешь воспользоваться моим отсутствием, чтобы меня обокрасть?

– О милорд!

– Да, да, обокрасть!

– Я солдат, милорд, – гордо произнес Лэмбик.

Обвинение в воровстве вернуло ему природное мужество, и он больше не испытывал страха перед тюрьмой, побоями и виселицей.

– Боже ты мой! Какое благородное негодование! – насмешливо промолвил барон.

– Да, милорд, я солдат и служу вашей светлости, а ваша светлость никогда на службе воров не держала.

– Если моей светлости угодно, я могу и хочу называть своих солдат ворами. Моя светлость не станет входить в рассмотрение их частных добродетелей, и у моей светлости слишком много здравого смысла, чтобы считать, будто в мое отсутствие, вы, Лэмбик, оказали мне честь, явившись сюда только с целью засвидетельствовать свою честность. Ну, короче, честный ты человек или вор, зачем ты сюда пришел? Заодно и отчитаешься мне, как у тебя под стражей содержится волчонок.

Лэмбик снова задрожал; приказ барона свидетельствовал о том, что о бегстве Робина тому еще ничего не было известно, и сержант опасался еще более бурного взрыва ярости, когда станут известны причины ожогов на его лице, а потому он глупо вытаращил глаза на своего ужасного властителя, открыв рот и держа руки по швам.

– Эге! Да откуда же ты такой появился? – воскликнул барон, разглядывая лицо Лэмбика. – Да я, пожалуй, был прав, когда сказал сейчас, что ты явился прямо из ада – так опалить морду можно только в гостях у черта!

– Меня обжег факел, милорд.

– Факел?!

– Простите, милорд, но ваша светлость еще не знает, что этот факел...

– Что ты мелешь? Давай покороче! Какой еще факел?!

– Который Робин держал...

– Опять Робин! – закричал барон громовым голосом и кинулся снимать со стены свой меч.

«Ну вот и все, вот я и готов к отправке на тот свет», – невольно отступая к двери, подумал Лэмбик, готовый убежать при первом взмахе этого меча.

– Снова Робин! Где этот Робин?! – вопил барон, рассекая мечом воздух. – Где он? Я вас обоих проткну заодно!

Лэмбик был уже наполовину за дверью и держался за нее, чтобы быстро захлопнуть ее за собой, если острое меча окажется от него в опасной близости.

– Сын мой, – произнес старик-монах, – удар должен был пасть на филистимлян, но они вознесли мольбы Господу, и меч был убран в ножны.

Фиц-Олвин швырнул меч на стол и бросился к Лэмбику, который не делал более вида, что он собирается от него бежать.

– Я все же спрашиваю, – закричал барон, хватая сержанта за шиворот и вытаскивая его на середину комнаты, – зачем ты сюда явился? Я желаю знать, какая связь между Робинотом, каким-то факелом и твоей омерзительной рожей? Отвечай четко и быстро, а то ведь это у меня не меч, и я из милосердия не спрячу его в ножны!

Произнося эти слова, Фиц-Олвин показал на стоявшую в углу тяжелую, совершенно необыкновенной толщины железную трость с золотым набалдашником; на нее он обычно опирался, прогуливаясь по валу.

– Милорд, – живо ответил сержант, придумавший уловку, как ему избежать прямого ответа, – я пришел спросить, что ваша светлость намеревается делать с этим Робин Гудом?

– Как, черт возьми, что? Я желаю, чтобы он оставался в камере, куда его поместили!

– Соблаговолите сказать, милорд, где эта камера, чтобы я мог как следует стеречь его.

– Ты не знаешь? И часа не прошло, как ты сам его туда отвел!

– Но там его нет, милорд. Я приказал солдатам привести его к вам и думал, что вы решили поместить его в какую-нибудь другую камеру... А в той камере, милорд, он и обжег мне лицо.

– Ну, это уж слишком! – прорычал Фиц-Олвин, шагнув в сторону трости с золотым набалдашником, и то время как Лэмбик, глядя через плечо, обеспокоенно прикидывал, достанет ли у него времени убежать, пока не грянул гром.

И удары посыпались бы градом, потому что барон, хотя и больной подагрой, руками все же владел, но тут Лэмбик, доведенный до крайности, забыв о неприкосновенности своего господина, прыгнул вперед, вырвал у него из рук палку, схватил его за руки повыше запястий и со всей почтительностью, которая возможна была при данных обстоятельствах, оттеснил и усадил его в огромное кресло для подагриков, а сам убежал со всех ног.

Старый Фиц-Олвин, которому возбуждение вернуло часть былой ловкости, кинулся за своим осмелевшим вассалом, но двое солдат, вернувшихся после поисков Робина, избавили его от труда; услышав его крики «Остановите его, остановите!», они преградили сержанту дорогу, и тот не успел выбежать из прихожей.

– Назад, – приказал сержант своим подчиненным, – назад!

Но тут Фиц-Олвин подбежал и запер входную дверь; сопротивление теперь стало бессмысленным, и бедный Лэмбик в мрачном оцепенении стал ждать, как будет угодно решить его судьбу благородному и могущественному сеньору.

Однако по совершенно необъяснимым причинам с тем произошло нечто странное, подобное в человеческой психике тому, что происходит в природе, когда слабый дождь заставляет утихнуть сильный ветер, – открытый мятеж, видимо, успокоил гнев барона.

– Проси у меня прощения, – уже спокойно произнес Фиц-Олвин, рухнув, на этот раз совершенно добровольно, в свое огромное кресло и едва переводя дыхание. – Ну, проси у меня прощения, мастер Лэмбик!

По всей вероятности, он выглядел успокоившимся и подобревшим лишь потому, что у него не было больше сил на свой обычный гнев, но это не могло тянуться долго: пока Лэмбик опасливо колебался, а дыхание старика выравнивалось, гнев его закипал снова, грозя неминуемым взрывом.

– Ах, так ты отказываешься просить прощения! Ну хорошо! – заявил Фиц-Олвин со злобой язвительностью. – Тогда покайся: это полезно перед смертью.

– Милорд, вот что произошло, и эти двое людей могут подтвердить правдивость моих слов.

– Они такие же негодяи, как ты!

– Я не так уж виноват, как вам кажется, милорд; я собирался запереть дверь камеры, но тут этот Робин Гуд...

Не будем повторять рассказ Лэмбика: он был достаточно многословен и перемежался уверениями сержанта в своей невиновности, и читатель не узнает из него ничего нового. Барон выслушал его, время от времени рыча от ярости, топая ногами и ерзая в кресле, как дьявол в кропильнице, а затем произнес краткую и устрашающую фразу:

– Если Робин из замка улизнул, то вы все от меня не улизнете! Если он останется на свободе – вы умрете!

Внезапно в дверь кто-то громко постучал.

– Войдите! – крикнул барон. Вошел солдат и доложил:

– Да простит меня высокочтимый лорд, что я позволил себе предстать перед его высокочтимой особой, не будучи вызван его высокочтимой светлостью, но произошло такое необычайное, такое ужасное происшествие, что я счел своим долгом немедленно сообщить об этом высокочтимому хозяину замка.

– Говори, да не тяни. Давай покороче.

– Вы, ваша высокочтимая светлость, будете довольны: история, которую я собираюсь рассказать, столь же коротка, сколь и ужасна; я знаю, что солдат должен побольше пускать в ход лук и поменьше – язык, и поскольку я...

– Короче, короче, болван! – закричал барон. Солдат учтиво поклонился и закончил:

–... и поскольку я считаю себя хорошим солдатом, то от этого правила никогда не отступаю.

– Чертов болтун! Или помолчи, если ты хочешь поговорить о своих достоинствах, или рассказывай, в чем дело.

Солдат снова поклонился и, как ни в чем не бывало, продолжал:

– Долг обязывал меня...

– Ты снова! – заорал Фиц-Олвин.

– Долг обязывал меня сменить постового в часовне... «Ну, наконец-то, дошли до сути», – подумал барон и стал внимательно слушать.

– Я и отправился туда пять или десять минут тому назад, как ваша высокочтимая светлость изволили мне приказать, но, дойдя до дверей святого места, часового я там не нашел, хотя, раз меня послали его сменить, он должен был там быть. «Значит, он тут, – подумал я, – нужно только хорошенько поискать; попробуем». Я искал, звал – никто не появился и не ответил. «Спит он, что ли, или пьян? Очень может быть, что так, – подумалось мне. – Пойду-ка я в караульную, попрошу помощи, чтобы захватить нарушителя на месте преступления, после чего он понесет примерное наказание, не считая наказания, которому его подвергнет наш командир». Пришел я в караульную и кричу: «Сержант, на выход!», а оттуда никто не выходит; вхожу – а там никого. «Ого», – подумал я...

– К черту то, что ты подумал! Болтун! Дело говори! – в нетерпении вскричал барон.

Солдат снова отдал ему по-военному честь и продолжал:

– «Ого, – подумал я, – похоже, что солдаты из гарнизона Ноттингемского замка своим долгом пренебрегают. Дисциплина упала, и последствия такого падения...»

– О боги! Ты так и будешь ходить вокруг да около, дурак болтливый! Собака тянущая! – завопил барон.

– Собака тянущая! – прошептал в сторону солдат, который приумолкнул, услышав этот эпитет. – Собака тянущая! Надо же, я такой завзятый охотник, а этой породы собак не знаю. Ну, все равно, продолжим. Итак, – произнес он громко, – последствия такого падения дисциплины могут оказаться роковыми; солдат из караульной я без труда нашел в трапезной за столом, и мы тут же тщательно и толково обследовали все подходы к часовне и всю ее внутри. В подходах мы ничего особенного не нашли, если не считать, что часовой по-прежнему отсутствовал; однако внутри этот самый часовой был, но в каком состоянии, великий Боже! Как павший на поле бит-

вы, то есть распростертый на земле без признаков жизни, в луже крови, с головой, пробитой стрелой...

– Великий Боже! – воскликнул барон. – Кто же мог совершить это преступление?

– Не знаю, я ведь при этом не присутствовал, но...

– А кто убитый?

– Гаспар Стейнкоф... отличный солдат.

– И ты не знаешь, кто убийца?

– Я уже имел честь доложить вашему высокочтимому сиятельству, что во время свершения убийства я там не присутствовал, но, чтобы облегчить милорду розыски, я сообразил прихватить ту стрелу, которой было совершено человекоубийство... вот она.

– Эта стрела не из моего арсенала, – сказал барон, внимательно ее осмотрев.

– Однако, при всем уважении к вашему высокочтимому сиятельству, – продолжал солдат, – я позволю себе заметить, что раз эта стрела не из вашего арсенала, то, значит, она из другого места, и, мне кажется, я подобные видел сегодня вечером в колчане, который нес один новичок-конюший.

– Что за новичок?

– Хэлберт. Колчан и лук, которые мы видели в руках этого парня, принадлежат одному из пленников вашего сиятельства, именуемому Робин Гудом.

– Быстро найти Хэлберта и привести сюда, – приказал барон.

– Я видел, – добавил тот же солдат, – как Хэл с час тому назад в обществе барышни Мод шел к покоям леди Кристабель.

– Зажгите факел – и за мной! – воскликнул барон.

В сопровождении Лэмбика и его солдат барон, забыв про свою подагру, быстро двинулся к покоям дочери. Подойдя к двери, он постучал, но, не получив ответа, распахнул ее и бросился внутрь. Полная темнота и глухая тишина. Напрасно барон обыскал кабинет и другие комнаты: повсюду было так же тихо и темно.

– Убежала! Она убежала! – горестно воскликнул барон и душераздирающим голосом позвал: – Кристабель, Кристабель!

Но Кристабель не отозвалась.

– Убежала! Убежала! – повторял барон, ломая руки и падая в кресло, в котором он ее застал, когда она писала Аллану Клеру. – Она убежала с ним! О дочь моя, Кристабель!

Однако надежда догнать беглянку в какой-то степени вернула несчастному отцу хладнокровие.

– К оружию! Все к оружию! – громовым голосом приказал он. – Разделитесь на два отряда: один пусть обыщет весь замок, вдоль и поперек, все закоулки, а другой сядет верхом и обшарит все заросли, кусты и кособоры в Шервудском лесу... Ступайте!..

Солдаты двинулись к выходу, но тут барон добавил:

– Пусть прикажут Герберту Линдсею, привратнику, явиться ко мне сюда. Этот побег замыслила его проклятая дочь, Мод Иезавель, и он за нее ответит. Прикажите также двадцати моим всадникам оседлать лошадей и быть готовыми выступить по первому приказу. Ну, ступайте же, ступайте, негодяи!

Солдаты поспешно вышли, а Лэмбик воспользовался этим, чтобы оказаться вне пределов досягаемости своего раздражительного господина.

Оставшись один, барон впал сначала в яростный гнев, а потом в полное отчаяние. Он искренне любил дочь, и стыд от того, что она бежала с чужим мужчиной, мучил его в меньшей степени, чем мысль о том, что он больше ее не увидит, не сможет обнять и снова тиранить.

Пока он так переходил от ярости к отчаянию, вошел старый Герберт Линдсей. К несчастью для себя, он появился как раз во время приступа гнева.

– Раз они не знают своего солдатского ремесла, я их всех уничтожу! – вопил барон. – И ни от одного из них на земле и тени не останется, иначе кто-нибудь из этих нечестивцев посмел бы сказать: «Я помог Кристабель обмануть отца!» Да, клянусь всеми снятыми апостолами и бородами моих предков, ни одного не пощажу! А-а, вот и ты, мастер Герберт Линдсей, привратник

Ноттингемского замка! Вот и ты!

– Ваша светлость спрашивали меня, – спокойно сказал старик.

Барон не ответил; он прыгнул на него, вцепился ему в горло, как дикий зверь, вытащил его на середину комнаты и, тряся его изо всех сил, закричал:

– Злодей! Где моя дочь? Отвечай, не то я тебя задушю!

– Ваша дочь, милорд? Да откуда же мне это знать?! – ответил Герберт, которого гнев барона скорее удивил, чем испугал.

– Обманщик!

Герберт высвободился из рук барона и холодно сказал:

– Милорд, окажите мне честь объяснить причину вашего странного вопроса, и я на него отвечу... Но знайте, милорд, что я человек бедный, честный, правдивый и искренний и за всю свою жизнь не совершал проступков, за которые мне надо было краснеть. Убейте меня на месте, пусть я умру без покаяния, но мне упрекнуть себя не в чем; вы мой хозяин и господин, спрашивайте, и я на все ваши вопросы отвечу, но не из страха, а из почтения...

– Кто выходил из замка за последние два часа?

– Не знаю, милорд. Два часа назад я передал ключи своему помощнику, Майклу Уолдену.

– Это правда?

– Такая же, как то, что вы мой хозяин и господин.

– А кто выходил, пока ты еще стоял на часах?

– Хэлберт, молодой конюший. Он мне сказал: «Миледи заболела, и мне приказано ехать за врачом».

– А-а, вот где был заговор! – воскликнул барон. – Он тебе солгал: Кристабель не была больна, Хэл выехал, чтобы подготовить побег.

– Как?! Миледи вас покинула, милорд?

– Да, неблагодарная покинула своего старого отца, и твоя дочь бежала с ней.

– Мод?! О нет, милорд, невозможно, я сейчас пойду за ней, она у себя в комнате.

В эту минуту в комнату влетел сержант Лэмбик, жаждавший показать свое рвение.

– Милорд, – воскликнул он, – всадники готовы. Хэлберта я напрасно искал по всему замку; он вошел в замок вместе со мной и Робинем и через главные ворота не выходил, Майкл Уолден в том готов поклясться: за последние два часа никто не прошел через подъемный мост.

– Да какая разница! – оборвал его барон. – Не просто же так убили Гаспара! Лэмбик! – немного помолчав, позвал сержанта Фиц-Олвин.

– Да, милорд?

– Ты сегодня ночью ездил к дому некоего Гилберта Хэда, неподалеку от Мансфилд-Вудхауза?

– Да, милорд.

– Так вот, этот чертов Робин Гуд живет там, и, вне всякого сомнения, именно там поджидает мою неблагодарную дочь этот проклятый нечестивец... Ладно, не будем об этом... Лэмбик, скажи со своими людьми к этому дому, захвати беглецов и не возвращайся, пока это разбойничье гнездо не сгорит дотла.

– Хорошо, милорд. И Лэмбик удалился.

Герберт Линдсей, вернувшийся в комнату барона несколько минут назад, стоял в стороне и, скрестив на груди руки, мрачно молчал.

– Старый мой слуга, – сказал ему Фиц-Олвин, – не хочу, чтобы гнев заставил меня забыть, что мы живем рядом уже много лет и ты всегда был мне верен; ты два раза спас мне жизнь; так забудь и прости мне гнев и грубость, мой старый товарищ по оружию, забудь оскорбления и несправедливость и, если ты любишь свою дочь, как я свою, приложи все свое мужество и опыт и помоги мне вернуть домой этих заблудших овец... Ведь Мод наверняка бежала вместе с Кристабель.

– Увы, милорд, ее комната пуста, – ответил старик и зарыдал.

Такое искреннее горе должно было бы убедить барона в том, что старик Герберт не был соучастником бегства девушек, но этот дворянин имел свои странности и был не только гневлив,

но еще и подозрителен, а потому свято верил: низший всегда обманывает высшего, крестьянин – сеньора, священник – прелата, солдат – офицера и так далее. А потому он решил поймать Герберта на слове и спросил его:

– А не ведет ли какой-нибудь из подземных ходов замка в Шервудский лес?

Барон прекрасно знал, что так оно и есть, но не знал, где именно находится выход; Герберт же и его дочь должны были это знать точно.

«О! – подумал барон, задав этот вопрос. – Если девица Мод провела мою дочь под землей, то я ей отплачу за это при солнечном свете».

Герберт был человек преданный и честный, как мы уже сказали, и полагал своим долгом помочь хозяину разыскать его дочь, к тому же он сам не меньше барона был заинтересован и помимке беглянок, а потому поспешно ответил:

– Да, милорд, один подземный ход ведет в лес, и я знаю все его повороты.

– И Мод их тоже знает?

– Нет, милорд, не думаю.

– А кто еще, кроме тебя, знает эту тайну?

– Еще трое, милорд: Майкл Уолден, Гаспар Стейнкоф и Хэлберт.

– Хэлберт! – воскликнул барон в новом приступе бешенства. – Хэлберт! Это он и провел их! Эй! Факел мне, много факелов, обобщем подземелье!

Герберт был вознагражден за свою искренность; барон больше не подозревал его, расточал ему ласковые слова и клялся в признательности.

– Мужайтесь, хозяин, – говорил старик, пока готовили факелы и собирали отряд, – мужайтесь, Бог нам их вернет!

Отчаяние стариков было душераздирающим. Их разделяло все – происхождение, сословные предрассудки, образ жизни, но общее несчастье сблизило их, ибо в горе они были равны.

Барон и Герберт в сопровождении шестерых солдат прошли через часовню, не остановившись у тела Гаспара, и спустились в подземелье. Едва они там оказались, как до ушей Фиц-Олвина донесся слабый звук чьих-то голосов.

– Ага! – закричал он. – Мы их поймали! Вперед, Герберт, вперед!

Герберт шел во главе отряда.

– Милорд, – ответил старик, – голоса, которые мы слышим, доносятся не из хода, ведущего в лес.

– Не важно, это они, вперед, идем же!

В этом месте ход разветвлялся, и они пошли на звук голосов. Шум стал сильнее, послышались крики.

– Ага, хорошо, они зовут на помощь. Вот и мы, дети, вот и мы!

– Значит, они заблудились, – сказал Герберт.

– Тем лучше, – ответил барон, отцовская нежность которого опять уступила место неистовой жажде мести, – тем лучше!

Герберт, шедший на несколько шагов впереди отряда, остановился и прислушался.

– Милорд, клянусь вам, это кричат не беглецы, мы только потеряем время и собьемся с правильного пути, пойдя в ту сторону.

– Иди со мной! – вскричал барон, бросая на привратника гневный взгляд, поскольку он снова стал подозревать его в сговоре с беглецами. – Иди со мной, а вы все ждите нас здесь!

– Повинуюсь, милорд, – ответил Герберт. Старики пошли на крик; с каждой минутой голоса становились все отчетливее.

– Душой клянусь, – шептал Герберт, – хозяин мой обезумел. Неужто он думает, что, когда пытаются скрыться, так шумят? Люди эти орут изо всех сил и, ей-Богу, двигаются нам навстречу!

И не успел он договорить, как перед глазами изумленного барона предстали двое солдат.

– А вы откуда, нехристи?

– Мы преследовали вашего пленника Робин Гуда, – ответили несчастные: они падали с ног от усталости и страха. – Мы заблудились, милорд, – добавили они, – и уж было думали, что со-

всем пропали, но Провидение послало ваше высокочтимое сиятельство нам на помощь; мы вас издалека услышали и побежали вам навстречу, чтобы вам лишнего не идти.

Фиц-Олвин не знал, какого дьявола поминать, настолько он был разочарован, а тут еще один из солдат принялся ему рассказывать подробности побега Робин Гуда.

– Довольно, довольно, дураlei! – воскликнул барон. – С тех пор как вы заблудились в подземелье – а хорошо было бы, чтобы вы тут с голоду сдохли, – вы какой-нибудь подозрительный шум здесь слышали?

– Совершенно ничего не слышали, милорд.

– Бежим, Герберт, бежим, надо наверстать упущенное время!

Но это время спасло беглецов; когда, четверть часа спустя, маленький отряд преследователей вышел в лес, не осталось никаких сомнений, что те воспользовались именно этой дорогой, – дверь подземелья, обычно запертая, была открыта настежь.

– Предчувствия меня не обманули! – воскликнул барон. – Солдаты, обыскать весь лес; тому, кто приведет в замок леди Кристabelle и мерзавцев, которые ее насильно увели с собой, я обещаю сто золотых!

Барон в сопровождении одного только Герберта вернулся назад и пошел в свои покои, но, вместо того чтобы отдохнуть, в чем он очень нуждался, он натянул кольчугу, опоясался мечом и, потрясая копьём, на котором пестрел флажок цветов его дома, вскочил на коня и во главе двадцати верховых поскакал по дороге в Мансфилд-Вудхауз.

ХІІІ

А действующие лица, которые уже не раз упоминались и этой истории, продолжали идти в это время по старому Шервудскому лесу.

Робин и Кристabelle двигались к тому месту, где их должен был ждать сэр Аллан Клер, то есть в направлении, прямо противоположном тому, в каком скакал сержант Лэмбик, получивший приказ сжечь дом приемного отца Робина.

В сопровождении двадцати копейщиков барон, помолодевший от неотступного гнева, бросился на поиски дочери; оставим его скакать во весь опор по зеленым лесным дорогам и присоединимся к сэру Аллану Клеру, который с Маленьким Джоном, братом Туком, Красным Уиллом и шестью другими сыновьями сэра Гая Гэмвелла спешит в долину Робин Гуда, в то время как Мод и Хэлберт направляются к дому старого лесника.

Мод уже не такая бодрая, неутомимая, отважная и веселая, как прежде; она грустно пытается припомнить все приметы, которые ей указал Робин, чтобы не заблудиться среди тысячи сходящихся и расходящихся лесных тропинок, и, хотя кавалер ее смел и неустрашим, напоминает несчастную брошенную девушку и вздыхает, вздыхает после этой долгой дороги.

– Мы еще далеко от дома Гилберта? – спросила она.

– Нет, Мод, – весело отвечал Хэл, – я думаю, милях в шести.

– В шести милях!

– Мужайся, Мод, мужайся, – промолвил Хэлберт, – мы ведь стараемся ради леди Кристabelle... Но посмотри туда: видишь всадника? Да, всадника, а с ним монаха и нескольких лесников? Это сэр Аллан и брат Тук. Привет вам, господа, нельзя было встретиться более кстати.

– А леди Кристabelle и Робин где? – живо спросил сэр Аллан, узнав Мод.

– Они должны ждать вас в долине, – ответила Мод.

– Да хранит нас Бог! – воскликнул Аллан, после того как он заставил Мод рассказать во всех подробностях об их бегстве из замка. – Храбрый Робин, я всем ему обязан, он спас и мою возлюбленную и мою сестру!

– Мы шли вместе рассказать его отцу, почему он не явился домой, – сказал Хэл.

– А вы не можете теперь пойти один, братец Хэл? – спросила юношу Мод, сгоравшая от желания встретиться с Робинoм. – Моя хозяйка, должно быть, очень нуждается в моих услугах.

Аллан не имел ничего против предложения Мол, и нее снова двинулись в путь.

Брат Тук, сначала молча стоявший в сторонке, тут же подошел к девушке; он постарался

быть любезным, улыбался, говорил не так резко, как обычно, был почти остроумен, но все усилия бедного монаха были приняты очень сдержанно.

Такая перемена в поведении Мод огорчила Тука и охладила весь его пыл; он снова отошел в сторону и двигался вперед, задумчиво поглядывая на девушку; та тоже пребывала в задумчивости.

А в нескольких шагах позади Тука шел еще один человек, по-видимому страстно желавший привлечь к себе взоры Мод; человек этот пытался привести себя в порядок, отряхивал рукава и полы куртки, прилаживал получше к шляпе перо цапли, которым она была украшена, приглаживал густые волосы – одним словом, занимался посреди леса тем невинным кокетством, к которому невольно прибегает любой делающий первые шаги влюбленный.

Этот человек был не кто иной, как наш старый знакомый Красный Уилл.

Мод воплощала его идеал красоты; он видел ее в первый раз, но она уже царила и в его мечтах, и в его сердце. Чуть выпуклый белый лоб, форму которого подчеркивали тонкие черные брови, черные глаза, затененные длинными шелковистыми ресницами, розовые бархатистые щеки, нос, как у античной статуи, рот, словно созданный для вздохов и слов любви, губы, в уголках которых таилась лукавая и нежная улыбка, подбородок с ямочкой, обещавший наслаждение, как росток семени обещает прекрасный цветок, лебединая линия шеи и плеч, гибкий стан, легкие движения и очаровательные ножки, ради которых стоило бы усыпать тропинки цветами, – такова была Мод, прекрасная дочь Герберта Линдсея.

Уильям был не настолько робок, чтобы удовольствоваться молчаливым восхищением; желание, чтобы девушка взглянула на него, заставило его вскоре подойти к ней поближе.

– Вы знаете Робин Гуда, барышня? – спросил Уилл.

– Да, сударь, – любезно ответила Мод.

Сам того не ведая, Уилл задел за чувствительную струну и заставил Мод обратить на него внимание.

– И он вам очень нравится?

Мод ничего не ответила, но щеки ее покраснели. Поистине, Уилл был новичком в делах любви, иначе бы он не стал вот так, без всякого стеснения, спрашивать женщину о ее сердечных тайнах; он действовал как слепой, смело идущий по краю пропасти, ибо он ее не пилит; сколько людей нот так же храбры по неведению!

– Я так люблю Робин Гуда, – снопа заговорил он, – что рассердился бы на вас, если бы он нам не нравился.

– Будьте спокойны, сударь, я признаю, что он очаровательный юноша. Вы его, конечно, давно знаете?

– Мы друзья детства, и я скорее готов правую руку отдать, чем потерять его дружбу: это если говорить о сердечной привязанности. А что касается уважения, так я Робина ценю за то, что во всем графстве нет равного ему стрелка из лука; характер же у него прямой, как его стрелы, он храбр, мягок, а скромность его может сравниться только с его храбростью и мягкостью; с ним я не побоялся бы встать против всего мира.

– Какие горячие похвалы, сударь! Вы уж слишком высоко его ставите!

– Они так же справедливы, мои похвалы, как то, что меня зовут Уильям Гэмвелл и я честный малый; я говорю правду, барышня, чистую правду.

– Мод, как вы думаете, – спросил Аллан, – барон уже обнаружил бегство леди Кристабель?

– Да, сэр рыцарь, потому что его светлость как раз сегодня утром собирался отправиться с миледи в Лондон.

– Тише! Тише! – произнес подбежавший к ним Маленький Джон: он шел впереди всех и разведывал путь. – Спрячьтесь здесь в чаще; я слышу, что скачет конный отряд; если эти люди нас обнаружат, мы внезапно нападем на них; наш боевой клич – имя Робин Гуда... быстро прячьтесь, – добавил он, сам скрываясь за стволом дерева.

И тут же показался всадник на лошади, которая неслась с фантастической скоростью, легко перепрыгивая через все препятствия – рвы, поваленные деревья, кусты и изгороди; за всадником, сидевшим на обезумевшей лошади как-то странно, – скорее на корточках, чем верхом, – едва по-

спевали еще четверо верховых; шляпу всадник потерял, его длинные растрепанные волосы развевались по ветру, придавая лицу, дышавшему ужасом, какой-то страшный, дьявольский вид; он пронесся совсем рядом с зарослями, где притаился маленький отряд, и Маленький Джон заметил, что в кроне лошади торчит стрела, напоминая веху землемера.

Всадник в сопровождении своих четырех спутников вскоре скрылся в чаще леса.

– Да хранит нас Небо! – воскликнула Мод. – Это барон!

– Это барон! – повторили Аллан и Хэлберт.

– Если я не ошибаюсь, – добавил Уилл, – стрела, которая торчит в кроне лошади, словно руль, вылетела из лука Робин Гуда. А вы что скажете, братец Маленький Джон?

– Я того же мнения, Уилл, и из этого делаю вывод, что Робин и молодая дама в опасности. Робин слишком осторожен, чтобы тратить стрелы, когда его к тому не принуждают; ускорим шаг.

Читателю будет бесполезно узнать, почему высокородный Фиц-Олвин, будучи отличным наездником, оказался в столь плачевном положении.

Поскакав в лес, барон приказал своему лучшему ездоку посмотреть, что делается на дороге из Ноттингема в Мансфилд-Вудхауз, и на одном из перекрестков встретиться с ним и доложить обстановку; мы знаем, что случилось с этим ездоком: Робин оставил его пешим; случай привел Робина и леди Кристabelle как раз на этот перекресток, где было назначено свидание, – они подошли с одной стороны, а барон с другой. Беглецам посчастливилось скрыться в чаще прежде чем их заметили, а барон со своими четырьмя конюшими остался на бугре посреди перекрестка ждать возвращения разведчика.

– Пошарьте вокруг: двое в одной стороне и двое в другой, – приказал барон.

«Мы погибли, – подумал Робин. – Что делать? Как убежать? Если мы выйдем из леса, всадники в два счета нас догонят, а если начнем продираться сквозь кусты, шум привлечет внимание этих ищеек. Что же делать?»

Размышляя таким образом, Робин натянул тетиву и вынул из колчана стрелу с самым острым железным наконечником. Как ни была испугана Кристabelle, она заметила эти приготовления; дочерняя любовь одержала в ней верх над желанием соединиться с Алланом, и она стала умолять юношу пощадить ее отца.

Робин улыбнулся и кивнул в знак согласия головой.

Он хотел сказать этим: «Я его пощажу». А улыбка означала: «Вспомните, как я спешил всадника».

Солдаты тщательно обыскивали опушку леса, но и сто золотых, обещанных за поимку беглецов, нюха им не прибавили. Тем не менее, положение Робина и Кристabelle становилось все более и более опасным, поскольку солдаты, шедшие попарно навстречу друг другу по опушке, все равно должны были бы их обнаружить.

Тем временем старый Фиц-Олвин, стоявший посередине перекрестка, как конный часовой на высоте, господствующей над вражеским лагерем, репетировал уничтожающую проповедь, рассчитывая произнести ее перед своей дочерью, когда она вернется под отчий кров. Барон также изобретал изощренные пытки для Робина, Мод и Хэла и прикидывал с точностью до дюйма высоту виселицы, на которой он повесит Аллана; этот превосходный дворянин уже представлял себе последние содрогания тела похитителя своей дочери и размышлял, сможет ли он оставить труп разлагаться на веревке все то время, пока должен был длиться медовый месяц; он даже улыбался при мысли о том, что на будущий год стараниями сэра Тристрама Голдсборо он уже будет дедушкой.

Но вдруг, посреди этих сладостных мечтаний, лошадь барона становится на дыбы, начинает припадать то на одну, то на другую ногу, по спине ее пробегает дрожь, она лягается и яростно пытается сбросить своего седока; старый иояка держится в седле и старается удержать коня на месте, укротив его, как он некогда укрощал необузданных арабских скакунов. Но все напрасно: человек и животное перестали понимать друг друга; Фиц-Олвин крепко сидит в седле, а в кроне лошади накрепко засела стрела, и тут животное закусывает удила, как барон в своих мечтах, и мчится по лесу не разбирая дороги; эта беспорядочная, безумная, фантастическая скачка выно-

сит барона к Аллану Клеру и влечет неведомо куда. Четверо конюших бросились на помощь своему хозяину, а меткий лучник, схватив свою спутницу за руку, быстро проскочил перекресток.

Что же случилось с бароном? Говоря по правде, мы бы даже не осмелились рассказать о событии, положившем конец этой скачке с препятствиями, настолько оно невероятно и чудесно, но хроники того времени единогласно утверждают, что все произошло именно так. Вот как это было.

Конюшие вскоре потеряли барона из виду, и, может быть, он бы так проскакал через всю Англию до самого океана, если бы конь не споткнулся об обломок дерева, валявшийся под дубом.

Наш барон не потерял присутствия духа; он попытался избежать падения, которое могло бы стать смертельным, и, бросив поводья, схватился обеими руками за ветвь дуба, к счастью росшую довольно низко; одновременно он старался удержать лошадь, сжимая коленями ее бока, но лошадь перевернулась через голову, так что Фиц-Олвин вылетел из седла и повис на дереве, а конь, лишившийся всадника, налегке понесся снова.

Барон был не слишком привычен к гимнастике, поэтому, прежде чем разжать руки, он с опаской измерил расстояние, отделявшее его от земли, но тут вдруг увидел прямо под ногами в сумеречном свете занимающегося дня две точки, похожие на раскаленные угли. И эти огненные точки принадлежали какой-то темной массе, которая двигалась, вертелась, а временами подпрыгивала до самых ног несчастного лорда. «„Ого! Да это же волк!“ – подумал барон, невольно за-

кричав от ужаса и попытавшись подтянуться и сесть на ветвь верхом; однако сделать это ему не удалось, и на лбу у него от ужаса выступил холодный пот, когда он почувствовал, как скользят по коже его сапог и клацают по шпорам зубы волка; зверь прыгал, вытягивал шею, высовывал язык и готов был вот-вот схватить добычу; руки старика онемели, он зацепился за ветвь подбодком и подтянул ноги к груди.

Но борьба была неравной: нить, на которой было подвешено лакомство лютого зверя, должна была вот-вот оборваться; у старого лорда больше не было сил, а потому, последний раз произнеся имя Кристабели препоручив свою душу Богу, он закрыл глаза, разжал руки и... упал.

Но Провидение сотворило чудо! Барон как камень свалился на голову волку, никак не ожидавшему такой тяжелой добычи, и всем весом своего тела и самой широкой его частью вывихнул зверю шейные позвонки и разрушил ему спинной мозг.

Поэтому, если бы конюшие прибыли на место происшествия, они нашли бы своего хозяина лежащим без сознания рядом с мертвым волком; но приводить в чувство благородного сеньора Ноттингема пришлось другим людям.

У подножия старого дуба, ветви которого склонялись к ручью, протекавшему по долине Робин Гуда, сидела леди Кристабель; в нескольких шагах от нее, опираясь на лук, стоял Робин; не без нетерпения они ожидали сэра Аллана Клера и его спутников.

Исчерпав все темы разговора о нынешнем своем положении, они заговорили о Марианне, и похвалы, которые Кристабель, не скупясь, расточала нежной и очаровательной сестре Аллана, Робин выслушивал со жгучим вниманием влюбленного.

Молодой человек хотел было задать Кристабель один вопрос, узнать у нее, не отдала ли уже сестра Аллана Клера сердце какому-нибудь прекрасному благородному юноше, как ее брат – девушке, но не осмелился это сделать. «Если это так, – думал он, – я погиб: как мне, бедному жителю лесов, бороться с таким соперником?»

– Миледи, – неожиданно сказал он, краснея, – я искренне жалею мисс Марианну, если ей пришлось покинуть своего сердечного друга, чтобы сопровождать брата в путешествии, преисполненном пусть не опасностями, но трудностями и тяготами.

– У Марианны, – ответила Кристабель, – к несчастью, а может быть к счастью, нет иного сердечного друга, кроме брата.

– Мне трудно в это поверить, миледи: такая красивая, очаровательная девушка, как мисс Марианна, должно быть, владеет тем, чем владеете вы, то есть кто-нибудь предан ей так же, как сэр Аллан – нам.

– Сколь ни странным нам это может показаться, сударь, – ответила, краснея, девушка, – я утверждаю, что Марианна не знает иной любви, кроме братской.

Ответ прозвучал достаточно холодно, и Робину пришлось переменить тему разговора.

Солнце уже золотило вершины деревьев, а Аллан все не появлялся. Робин старался скрыть беспокойство, чтобы не встревожить девушку, но в голову ему по поводу этой задержки приходили самые мрачные предположения.

Вдруг издали донесся чей-то громкий голос; Робин и Кристабель вздрогнули.

– Это зов наших друзей? – спросила девушка.

– Увы, нет! Уилл, мой друг детства и его двоюродный брат Маленький Джон, сопровождающие сэра Аллана, прекрасно знают это место, где мы их поджидаем, а наше предприятие требует такой осторожности, что вряд ли бы они стали развлекаться, будя лесное эхо.

Голос прозвучал ближе, и долину быстро пересек всадник с цветами Фиц-Олвина на флажке копыа.

– Уйдемте отсюда, миледи, здесь мы слишком близко к замку. Я воткну под этим дубом стрелу в землю, и, если наши друзья придут сюда в наше отсутствие, они поймут, увидев ее, что мы спрятались где-то поблизости.

– Поступайте как знаете, сударь, я полностью доверяюсь вашему покровительству.

Молодые люди прошли через заросли кустарника и стали искать подходящее место для отдыха, как вдруг у подножия дерева они увидели распростертое тело, неподвижное и без признаков жизни.

– О Боже! – воскликнула Кристабель. – Мой отец, мой бедный отец мертв!

Робин вздрогнул, почувствовав себя виновным в смерти барона. Не послужила ли рана лошади ее первопричиной?

– Богоматерь Пресвятая, – прошептал Робин, – сделай так, чтобы он был только без чувств!

И с этими словами юный лучник опустился рядом со стариком на колени, а Кристабель, вся во власти горя и раскаяния, жалобно стонала. Из небольшой раны на лбу барона выступило несколько капель крови.

– Посмотрите, да никак он сражался с волком? Ах, вот как, он его придушил! – радостно воскликнул Робин. – И он просто без сознания. Миледи, миледи, поверьте мне, у господина барона небольшая царапина, вот и все; встаньте, миледи! Вот горе! Вот горе! Она тоже потеряла сознание. Ах, Боже мой, Боже мой! Что делать? Я не могу ее здесь оставить!.. А старый лен уже приходит и себя, лапами шевелит, рычит! Ах, с ума сойти можно! Миледи, да ответьте же мне! Нет, недвижима, как ствол этого дерева! Ах, почему у меня нет стольких сил в руках и в поясице, как я чувствую в своем сердце? Я бы на руках ее отсюда унес, как нянька носит ребенка.

И Робин попытался поднять Кристабель.

Барон тем временем пришел в себя, но первая мысль была не о дочери, а о волке, поскольку это было единственное и последнее живое существо, которое он видел перед тем, как закрылись его глаза; поэтому он протянул руку, чтобы схватить зверя, который, по его мнению, в эту минуту должен был отгрызть его ногу или ляжку; хотя никакой боли и укусов старик не чувствовал, он уцепился за платье дочери и поклялся защищать свою жизнь до последнего вздоха.

– Мерзкое чудовище, – обратился барон к волку, растянувшемуся рядом с ним, – мерзкое чудовище, жаждущее моей плоти и алчущее моей крови, у меня, хоть я и стар; есть еще сила в руках, вот посмотришь... А, высунул язык, я тебя придушил!.. Да не ты первый!.. А-а! Пусть все волки Шервудского леса сюда сбегутся, пусть! А-а! Еще один, еще один волк! Пропал я! Боже мой, смилуйся надо мной! *Pater noster qui es in...*³

– Да он с ума сошел, совсем с ума сошел! – шептал Робин, оказавшись перед необходимостью выбирать между долгом и безопасностью; убежав, он бы покинул ту, которую поклялся доставить к Аллану, а оставшись, мог попасться в руки людей, прочесывающих лес и привлеченных криками безумца.

К счастью, приступ безумия у барона прошел; старик понял, что никакой зверь его не терзает, и, все еще не открывая глаз, хотел подняться; но Робин, стоявший на коленях за его головой, сильно надавил ему на плечи, крепко прижав его к земле.

– Клянусь святым Бенедиктом! – прошептал лорд. – У меня на плечах будто тяжесть в сто тысяч фунтов висит... Бог мой и ты, мой Небесный покровитель! Даю обет построить часовню у восточного вала крепости, если мне будет сохранена жизнь и у меня появятся силы вернуться в замок! *Libera nos, quaesumus, Domine!*⁴ Воззвав к Господу, он сделал еще одно усилие, но Робин, надеявшийся, что Кристабель все же придет в себя, по-прежнему прижимал его к земле.

– *Domino exaudi orationem meam!*⁵ – продолжал Фиц-Олвин, стуча кулаком в грудь; потом он начал пронзительно кричать.

Такое совершенно не устраивало Робина, поскольку эти крики угрожали безопасности беглецов; не зная, как их прекратить, он грубо приказал барону:

– Да замолчите вы!

При звуках человеческого голоса барон открыл глаза, и каково же было его удивление, когда он узнал в склонившемся над ним человеке Робин Гуда и увидел, что рядом с ним лежит на земле без чувств его дочь!

Это видение разом смело со вспыльчивого лорда безумие, лихорадку и забытие, и, точно

³ Отче наш, сущий на (небесах!) (лат.)

⁴ Избавь нас, молящих, Господи! (лат.)

⁵ Господи, услышь молитву мою! (лат.)

так же как если бы он был у себя в замке в окружении солдат и оставался хозяином положения, он чуть ли не с торжеством воскликнул:

– Наконец-то я тебя поймал, щенок бульдожий!

– Замолчите! – решительно и властно повторил Робин. – Замолчите! Хватит угроз и воплей, они сейчас совсем неуместны, это вы у меня в руках!

И Робин изо всех сил надавил на плечи барона.

– И в самом деле, – сказал Фиц-Олвин, с трудом вырываясь из рук юноши и выпрямляясь во весь рост, – ты начинаешь показывать зубы, щенок!

Кристабель по-прежнему была без чувств; в эти минуты она казалась трупом, лежавшим между двумя мужчинами, ибо Робин отскочил на несколько шагов назад и наложил стрелу на лук.

– Еще шаг, милорд, и вы мертвы! – заявил молодой человек, целясь барону в голову.

– Ах, вот как! – воскликнул, бледнея, Фиц-Олвин, медленно отступая, чтобы оказаться под прикрытием ствола дерева. – Вы так подлы, что можете убить беззащитного человека?

Робин улыбнулся.

– Милорд, – сказал он, все еще целясь ему в голову, – продолжайте отступать дальше. Ну вот, вы и спрятались за деревом. А теперь обратите внимание на то, что я вам приказываю, точнее, прошу вас сделать: не высовывайте из-за дерева даже носа, пусть ни слева, ни справа не покажется ни один ваш волосок, иначе – смерть!

Барон, видимо, не очень принял во внимание эти угрозы, потому что, по-прежнему держась за деревом, он высунул руку и погрозил юному лучнику указательным пальцем, но тут же жестоко раскаялся в этом, поскольку палец тотчас же был срезан стрелой.

– Убийца! Жалкий мошенник! Кровопийца! Раб! – попил раненый.

– Тише, барон, или я выстрелю вам в голову, ясно? Фиц-Олвин, прижавшись к дереву, вполголоса извергал потоки проклятий, но из-за укрытия никоим образом не показывался, потому что представлял себе, как в нескольких шагах от него Робин следит за его малейшим неосторожным жестом, прицелившись и натянув тетиву.

Но Робин снова перекинул лук через плечо, осторожно поднял Кристабель и исчез с ней в зарослях.

В ту же минуту послышалось конское ржание и около дерева, служившего укрытием несчастному барону, появилось четверо всадников.

– Ко мне, бездельники! – закричал он, поскольку эти четверо были эскортом, отставшим, когда его лошадь, получив в круп стрелу, понесла его. – Ко мне! Схватить этого нечестивца, который хочет убить меня и похитить мою дочь!

Солдаты ничего не поняли из этого приказа, ибо нигде поблизости не было видно ни разбойника, ни похищенной женщины.

– Да вон же, вон же, видите, он бежит! – продолжал барон, путаясь под ногами у лошадей.

И в самом деле, Робин был еще не настолько силен, чтобы за короткое время далеко отнести на себе такую тяжесть, и от врагов его отделяло всего несколько сотен шагов.

Всадники бросились за ним; Робин услышал крики барона и сразу же понял, что бегством ему не спастись.

Повернувшись лицом к преследователям, он встал на одно колено, на другое положил Кристабель и, снова прицелившись в Фиц-Олвина, крикнул:

– Стойте! Клянусь Небом, если вы сделаете еще хоть шаг ко мне, ваш господин будет мертв!

Не успел Робин произнести эти слова, как барон уже снова спрятался за дерево, служившее ему щитом, но продолжал кричать:

– Хватайте его! Убейте его! Он меня ранил!.. Вы не решаетесь? Трусы! Подлые наемники!

Гордое мужество неустрашимого лучника и в самом деле пугало солдат.

Но один из них осмелился отнестись к этому испугу с насмешкой.

– Хорошо поет петушок! – произнес он. – Но так или иначе сейчас он у меня станет кротким и послушным, вот увидите.

И солдат спешился и направился к Робину.

Робин держал одну стрелу на тетиве, а другая у него была в зубах, поэтому голос его звучал приглушенно, но повелительно:

– Я уже просил вас не подходить, теперь я вам это приказываю... И горе вам, если вы не позволите мне и миледи мирно следовать своим путем.

Солдат усмехнулся и сделал еще несколько шагов вперед.

– Считаю: раз, два, три. Стойте! Солдат продолжал смеяться и идти вперед.

– Тогда умри! – крикнул Робин.

Пропела стрела, и солдат упал с пронзенной грудью. Лишь один барон был в кольчуге, люди же его снарядились как на охоту.

– Хватайте его, собаки! – по-прежнему неистовствовал он. – Трусые вы, трусы! Испугались царапины.

– Его светлость называет это царапиной, – прошептал один из трех всадников, не обнаруживший ни малейшего намерения последовать примеру своего погибшего товарища.

– А вот и подмога пришла! – воскликнул другой всадник, приподнимаясь в стременах, чтобы ему было дальше видно. – Черт возьми! Это Лэмбик, милорд.

Действительно, Лэмбик и его отряд скакали во весь опор.

Сержант был в таком радостном возбуждении и так спешил сообщить барону о своих успехах, что он не заметил Робина и закричал во весь голос:

– Беглецов мы не встретили, милорд, зато в отместку сожгли дом!

– Прекрасно, – нетерпеливо ответил Фиц-Олвин, – а сейчас погляди-ка на этого медвежонка, на которого эти трусы не могут надеть намордник!

– Ого! – воскликнул Лэмбик, узнав дьявола с факелом, и презрительно рассмеялся. – Эй, ты, дикий жеребенок, наконец-то я тебя взнуздаю! Знаешь ли ты, необъезженный, что я как раз возвращаюсь из твоей конюшни? Я надеялся там тебя застать и, признаться, очень огорчился, что вышло иначе: ты бы увидел роскошный праздничный костер и задержался бы в пламени вместе с твоей миленькой мамашей. Но ты утешься: тебя там не было, а я хотел избавить бедную старушку от лишних страданий, и потому заранее всадил стрелу ей в...

Но Лэмбик не договорил: он страшно вскрикнул и, выпустив из рук поводья лошади, упал: стрела пронзила ему горло.

Невыразимый ужас приковал к месту свидетелей столь скорого возмездия. Робин воспользовался этим и, несмотря на горе, причиненное ему последними словами Лэмбика, взвалил Кристабель на плечо и исчез в чаще.

– За ним, за ним! – повторял барон в яростном исступлении. – Бегите за ним, мерзавцы! Если вы его не поймаете, я вас всех повешу, да, повешу!

Солдаты соскочили с лошадей и кинулись вслед за Робинем. Согнувшись под тяжестью, Робин чувствовал, что с каждой минутой расстояние, разделяющее их, сокращается; чем больше усилий он прилагал, тем бессмысленнее они оказывались; в довершение всех несчастий, девушка начала приходить в сознание, она дергалась и пронзительно кричала. Ее беспорядочные движения очень замедляли их бегство, и он боялся, что, если они спрячутся за кустами, ее крики наведут на них ищеек барона.

«Ну что же, – подумал Робин, – раз приходится умереть, умрем защищаясь».

И Робин стал искать глазами подходящее место, где он мог бы укрыть Кристабель, чтобы потом повернуться лицом к солдатам барона.

Рядом рос вяз в окружении кустов и молодых деревьев, и он показался юноше пригодным для того, чтобы укрыть там невесту Аллана; не открывая ей, какая опасность им угрожает, он опустил девушку к подножию вяза, лег рядом с ней, попросил ее не шевелиться и хранить молчание и стал ждать, в то время как перед его мысленным взором вставала ужасная картина: пылающий родной дом и задыхающиеся в огне Гилберт и Маргарет.

XIV

Тем временем солдаты приближались, но очень осторожно, на каждом шагу они останавливались, прячась за кустами, и выслушивали советы барона, запрещавшего им стрелять из лука, ибо он опасался, что они ранят его дочь.

Этот приказ солдатам вовсе не нравился, ибо они понимали, что вряд ли Робин подпустит их к себе на длину копья, никого не убив.

«Если они сообразят окружить меня, – подумал Робин, – я погиб».

Сквозь просвет в листве он вскоре разглядел Фиц-Олвина, и в сердце его запылала жажда мести.

– Робин, – прошептала девушка, – я пришла в себя. Что с моим отцом? Вы ведь не причинили ему никакого зла, правда?

– Никакого зла, миледи, – ответил Робин, содрогнувшись, – но...

Он провел пальцем по тетиве, и она зазвучала, как струна.

– Что «но»? – воскликнула Кристабель, испуганная зловещим жестом.

– Зато он причинил мне ало! Ах, если бы вы знали, миледи...

– Где мой отец, сударь?

– В нескольких шагах отсюда, – холодно ответил Робин, – и его светлость знает, что мы в нескольких шагах от него, но его солдаты не смеют на меня напасть, боясь моих стрел. Послушайте меня, миледи, – сказал Робин, поразмыслив минуту, – мы непременно попадем в их руки, если останемся здесь; у нас есть еще надежда на спасение – бегство, причем незаметное бегство, но, чтобы нам это удалось, нужно много смелости, хладнокровия, а особенно неколебимой веры в Божью милость. Послушайте меня хорошенько: если вы будете так дрожать, вам не понять всего, что я вам скажу; теперь ваша очередь действовать; закутайтесь в свой плащ: он темный и не очень заметен, и пробирайтесь под листвой, почти по земле, а если надо будет – ползком.

– Но у меня не хватит ни смелости, ни тем более сил, – плача, ответила несчастная Кристабель, – мне не пройти и двадцати шагов, как меня убьют. Спасайтесь, сударь, и не думайте больше обо мне; вы сделали все возможное, чтобы соединить меня с любимым, но, видно, Бог этого не хочет; да исполнится воля его и да будет с вами его святое благословение! Прощайте, сударь... бегите; вы скажете моему дорогому Аллану, что власть отца надо мной не продлится долго... тело мое разбито, как и сердце... и я скоро умру... Прощайте.

– Нет, миледи, – ответил храбрый юноша, – нет, я не побегу. Я дал обещание сэру Аллану и, чтобы выполнить это обещание, буду идти вперед, разве что смерть меня остановит... Мужайтесь. Аллан, может быть, уже в долине и, увидев мою стрелу, будет нас искать... Бог нас еще не покинул.

– Аллан, Аллан, дорогой Аллан, где же вы? – в отчаянии воскликнула Кристабель.

И вдруг, как бы в ответ на этот отчаянный призыв, над лесом повис протяжный волчий вой.

Кристабель, стоя на коленях, воздела руки к Небу, откуда ко всем нам приходит помощь, но Робин, порозовев от радости, сложил руки около рта и ответил таким же воем.

– К нам идут на помощь, – сказал он радостно, – уже идут, миледи; волчий вой – это условный сигнал лесников; я ответил на него, и сейчас появятся наши друзья. Видите, Бог не покинул нас. Я им сейчас сообщу, что нужно торопиться.

На этот раз Робин приложил ко рту одну руку и издал крик цапли, преследуемой ястребом.

– Это значит, миледи, что мы в опасности.

Где-то поблизости ему ответил такой же крик испуганной цапли.

– Это Уилл, дружище Уилл! – воскликнул Робин. – Мужайтесь, миледи, спрячьтесь под кустами, вы там будете в безопасности, ведь шальная стрела цели не выбирает.

Сердце готово было выпрыгнуть из груди девушки, но надежда вскоре увидеть Аллана придала ей сил; она повиновалась и скрылась в густых зарослях, гибкая, как змея.

Чтобы отвлечь от нее внимание, Робин громко крикнул, вышел из укрытия и спрятался за деревом.

В ствол этого дерева тут же вонзилась стрела; скорый на ответ, герой наш издевательски засмеялся и тоже выпустил стрелу излука, сразив наповал несчастного солдата.

– Вперед, болваны! Трусы, вперед! – вопил Фиц-Олвин. – Иначе он вас всех по одному пе-

рестреляет!

Барон всячески понуждал своих людей наступать, сам же прятался за каждым деревом, но тут дождь стрел возвестил о появлении на сцене семи братьев Гэмвеллов, Аллана Клера и брата Тука.

При виде этого доблестного отряда люди барона Ноттингема бросили оружие и запросили пощады. Один лишь барон не сдался: рыча от ярости, он скрылся в зарослях.

Увидев своих друзей, Робин бросился вслед за Кристабель; но девушка, вместо того чтобы остановиться поблизости, продолжала бежать то ли от страха, то ли потому, что забыла наставления Робина, то ли по роковому стечению обстоятельств.

Робин легко нашел ее следы, но напрасно он ее звал, на его призывы отвечало только эхо. Юный лучник уже упрекал себя в непредусмотрительности, но тут до его уха донесся крик отчаяния.

Он бросился в этом направлении и увидел, что один из всадников барона схватил Кристабель за пояс, поднял в седло и увозит.

Из лука вылетела еще одна стрела-мстительница: раненная в грудь лошадь встала на дыбы, и солдат с Кристабель покатились по земле.

Солдат бросил Кристабель, выхватил меч и стал искать глазами того, кому он должен отомстить за смерть своего коня, но рассмотреть противника не успел, потому что тут же сам бездыханным упал на траву, а Робин едва успел подхватить Кристабель, чтобы кровь из раны на голове новой жертвы не испачкала девушку.

Когда Кристабель открыла глаза и увидела благородное лицо склонившегося над ней лучника, она покраснела, протянула ему руку и произнесла едина пенное слово:

– Благодарю!

Но это единственное слово было произнесено с таким чувством, с таким выражением, что Робин тоже покраснел и поцеловал протянутую руку.

– Почему вы ушли так далеко, миледи, и как вас сумел схватить этот наемник? Остальные солдаты сложили оружие и попросили пощады у сэра Аллана.

– Аллан?! Но этот человек узнал меня и схватил с криком: «Сто золотых мои! Ура! Сто золотых!» Но вы говорите, что Аллан...

– Я говорю, что сэр Аллан ждет вас.

Девушка, которую, казалось, уже ноги не держали, полетела как на крыльях, но, увидев отряд, сопровождавший Аллана, застыла в полном изумлении.

Робин взял Кристабель за руку и заставил ее сделать несколько шагов вперед, но Аллан, едва увидев ее, не обращая внимания на присутствующих, бросился к ней не в силах вымолвить ни слова, прижал к своей груди и стал осыпать ее лицо поцелуями. Кристабель же, опьянев от восторга, трепетала от счастья в объятиях Аллана; она едва что-либо сознавала, и только по ее взгляду, дрожащим губам и бешено бьющемуся сердцу можно было понять, что она еще жива.

Наконец из глаз влюбленных хлынули слезы, слезы счастья и радости; молодые люди пришли в себя и обменялись долгими взглядами, как бы пытаясь передать друг другу свою любовь.

Свидетели, безмолвно созерцавшие сцену соединения любящих душ, испытывали огромное волнение. Мод, словно ощущая нечто вроде смутной зависти, подошла к Робину, взяла его за руки и хотела улыбнуться ему, но вместо этого по ее бархатистым щекам покатились одна за другой крупные частые слезы, подобные каплям росы на листьях.

– А моя мать, а Гилберт? – спросил молодой человек, сжимая руки Мод.

Мод, дрожа, поведала Робину, что она до его дома не дошла и что Хэлберт отправился туда один.

– Маленький Джон, – сказал Робин, – вы видели моего отца сегодня утром. С ним никакого несчастья не случилось?

– Несчастий никаких, дорогой друг, но нечто странное произошло, и тебе об этом будет рассказано; я оставил твоего отца в спокойствии и добром здравии и было это в два часа пополудни.

– Почему ты так тревожишься, Робин? – спросил Уилл, подходя к юному лучнику, чтобы быть поближе к Мод.

– У меня есть на то серьезные причины: один сержант барона Фиц-Олвина сказал мне, что сжег мой отчий дом и бросил мою мать в огонь.

– А ты что ему ответил? – возмущенно воскликнул Маленький Джон.

– Я ему ничего не ответил, я его убил... Но сказал он правду или солгал? Я хочу пойти туда и посмотреть, я хочу повидать отца и мать, – добавил Робин, и в голосе его зазвучали слезы, – пойдем, сестрица Мод...

– Так мисс Мод – твоя сестра? – воскликнул Уилл. – А еще неделю назад я и не знал, что ты такой счастливец!

– Неделю назад у меня еще и не было сестры, дорогой Уилл... а сегодня я счастливый брат, – ответил Робин, сияясь улыбнуться.

– Мне остается только пожелать моим собственным сестрам, чтобы они во всем походили на твою, – учтиво заключил Уилл.

Робин с любопытством взглянул на Мод. Девушка плакала.

– А где твой брат Хэлберт? – спросил Робин.

– Я же сказала вам, Робин, что он пошел к дому Гилберта.

– Душой клянусь, я, кажется, вижу его! – живо воскликнул брат Тук. – Смотрите...

И действительно, Хэл приближался во весь опор на одной из лучших лошадей из конюшни барона.

– Посмотрите, друзья, – с гордостью воскликнул мальчик, – посмотрите, хоть я и был один, без вас, я славно сражался и добыл лучшую лошадь в графстве! Ах, вы верите, что я сражался?! Так нет, я нашел лошадь в лесу без всадника: она мирно щипала траву.

Робин улыбнулся, узнав лошадь барона, послужившую ему мишенью.

Друзья посовещались.

В те времена, когда знатные феодалы были полновластными господами своих вассалов, воевали с соседями и занимались разбоем, грабежом и убийствами под предлогом осуществления правосудия, между замками или между деревнями происходили настоящие сражения, а когда они заканчивались, победители и побежденные расходились по домам, готовые при малейшем удобном случае все начать снова.

Так что барон Ноттингем, потерпевший поражение в эту богатую событиями ночь, мог попытаться в тот же день одержать победу. Его люди, сдавшиеся на милость победителя, уже вернулись в замок, у него оставалось еще немалое число копейщиков, не задействованных до сих пор, и обитатели поместья Гэмвеллов, единственные сторонники Аллана Клера и Робина, не были достаточно сильны, чтобы бороться с таким могущественным сеньором; значит, чтобы сохранить достигнутое преимущество, следовало недостаток численности восполнить не только мужеством, но и хитростью, осторожностью и умелыми действиями.

Вот почему, пока барон в сопровождении двух или трех слуг возвращался в поместье, наши друзья держали совет. Присутствие Кристабель не позволяло преследовать ее отца во время отступления.

Было решено, что сэр Аллан и Кристабель направятся кратчайшим путем в поместье Гэмвеллов, а Красный Уилл, его шесть братьев и Маленький Джон будут сопровождать их.

Робин, Мод, Тук и Хэлберт должны были отправиться к дому Гилберта Хэда. К вечеру друзья собирались обменяться посланиями и встретиться, если это будет нужно.

Уильям не одобрял этих планов и потому употребил все свое красноречие, чтобы убедить Мод в том, что ей необходимо сопровождать свою хозяйку в поместье Гэмвеллов.

Мод, принявшая близко к сердцу новые для нее обязанности сестры Робина, и слышать ничего не хотела, но Уилл постарался сделать так, чтобы Кристабель встала на его сторону, хотя она и не понимала, зачем это нужно, и принудила Мод пойти с ней.

– Робин Гуд, – сказал Аллан Клер, взяв руки юноши в свои, – вы дважды рисковали жизнью, спасая мою жизнь и жизнь леди Кристабель, и теперь вы мне больше чем друг, вы мой брат. А у братьев все общее, и значит, вам принадлежит мое сердце и кровь, мое состояние и все, чем

я владею, и моя признательность умрет только вместе со мной. Прощайте!

– Прощайте, сэра.

Молодые люди обнялись, и Робин почтительно поднес к губам белые пальчики прекрасной невесты рыцаря.

– Прощайте все! – крикнул Робин, последний раз кланяясь Гэмвеллам.

– Прощай! – ответили они, размахивая шапками.

– Прощай, – прошептал нежный голос, – прощай!

– До свидания, дорогая Мод, – промолвил Робин, – до свидания! Не забывайте вашего брата!

Аллан и Кристабель на лошади барона первыми отправились в путь.

– Да сохранит их Пресвятая Дева! – печально прошептала Мод.

– Главное, что лошадь идет отлично, – откликнулся Хэлберт.

– Какой он ребенок! – прошептала Мод, и из груди у нее невольно вырвался глубокий вздох.

Благородное животное, уносившее леди Кристабель и Аллана Клера к поместью Гэмвеллов, шло быстро, но мягко, с необычайной плавностью движений, как бы понимая, какую драгоценную ношу ему доверили; поводья висели на его изящно вытянутой шее, и оно не отрывало глаз от тропы, словно боясь неловким движением помешать беседе влюбленных.

Время от времени молодой человек оборачивался, и уста в уста обменивались несколькими словами с Кристабель, которая, чтобы удержаться в седле, крепко обхватывала Аллана руками.

Что могли они сказать друг другу после этой ужасной ночи? Все то, что внушает восторг любви: иногда сказать можно многое, а порою – ничего. Ведь у одних счастье бывает многословным, а у других – молчаливым.

Кристабель упрекала себя за свое отношение к отцу, ей казалось, что люди осудят ее за бегство с мужчиной и отвергнут ее; она даже спрашивала себя, не станет ли ее презирать сам Аллан. Однако все эти упреки, угрызения совести, страхи она высказывала вслух лишь для того, чтобы с удовольствием выслушивать, как их опровергают красноречивые возражения и убедительные доводы рыцаря.

– Что с нами станет, дорогой Аллан, если отцу удастся нас разлучить?

– Скоро он не сможет больше этого сделать, обожаемая Кристабель; скоро вы станете моей женой не только перед Господом, как ныне, но и перед людьми. У меня тоже будут солдаты, – с гордостью добавил молодой рыцарь, – и не хуже ноттингемских. Оставим печаль, дорогая Кристабель, и будем радоваться нашему счастью, поручив себя милости Господней.

– Сделай так, о Боже, чтобы мой отец нас простил!

– Если вы боитесь оставаться рядом с Ноттингемом, моя любимая, мы поедем жить на южные острова, где небо всегда голубое, солнце жаркое, а кругом цветы и плоды. Стоит вам только захотеть, и я найду для вас рай на земле.

– Вы правы, дорогой Аллан, там мы будем счастливее, чем в этой холодной Англии.

– Значит, вы покинете Англию без сожаления?

– Без сожаления?! Да чтобы быть с вами я покинула бы Небеса, – нежно ответила Кристабель.

– Прекрасно! Поженившись, мы отправимся на континент, а Марианна последует за нами.

– Тише! – воскликнула девушка. – Аллан, прислушайтесь: за нами погоня.

Рыцарь остановил лошадь. Кристабель не ошиблась: до них издали донесся стук копыт, и с каждой минутой, с каждой секундой он становился все слышнее.

– Злая судьба! Зачем мы поехали впереди наших друзей Гэмвеллов? – прошептал Аллан и ударил шпорами лошадь, чтобы съехать с дороги и углубиться в чашу.

В эту минуту сова, разбуженная шумом, со зловещим криком сорвалась с соседнего дерева и чуть не задела ноздрей лошади. Испуганная лошадь заметалась и, вместо того чтобы повиноваться всаднику, понеслась во весь опор по дороге.

– Мужайтесь, Кристабель! – закричал молодой человек, напрасно пытаясь обуздать обезумевшее животное. – Мужайтесь! Держитесь крепче! Поцелуйте меня, Кристабель, и да спасет

нас Господь!

Вдали показалась группа всадников, на копьях у них были флажки с цветами барона Ноттингема; они выстроились в ряд и перегородили дорогу.

Спасться бегством было невозможно. Единственной, хоть и маловероятной надеждой на спасение было пробиться сквозь их строй.

Аллан оценил опасность и пошел ей навстречу.

Яростно ударив шпорами коня, он ринулся в середину линии и проскочил сквозь нее... проскочил как молния сквозь тучи.

– Кругом! – крикнул командир отряда, пришедший в отчаяние от такой смелости. – Цельтесь в лошадь, – прорывал он, – и горе тому, кто ранит миледи!

Туча стрел упала рядом с Алланом, но благородный конь не замедлил своего бега, а Аллан не потерял мужества.

– Тысяча чертей! Они от нас уходят! – взвыл командир. – По ногам лошади стреляйте, по ногам!

Через несколько секунд всадники нагнали и окружили молодых людей, свалившихся на траву при смертельном падении бедной лошади.

– Сдавайтесь, рыцарь, – с насмешливой учивостью промолвил командир.

– Никогда, – ответил Аллан, вскакивая на ноги и выхватывая меч из ножен, – никогда; вы убили леди Фиц-Олвин, – добавил молодой человек, указывая на Кристабель, лежавшую без сознания у его ног, – ну что ж! Я умру, отомстив за нее.

Но неравная борьба была недолгой: израненный Аллан упал на землю, а солдаты повернули обратно и Ноттингем, увозя с собой Кристабель как уснувшее дитя.

Между тем Уилл, испытывая угрызения совести, решил сопровождать своего дорогого Робина; он думал, что сможет быть ему полезен, и собирался потом как можно быстрее вернуться в поместье, чтобы полностью предаться созерцанию прекрасных глаз мисс Герберт Л и идей.

Но Маленький Джон, любивший, чтобы все было как должно, остановил его.

– Тебе следует самому представить в поместье новых гостей, – сказал он. – А с Робинот пойдут я.

Уильям с этим согласился, да ему и в голову не пришло бы отказаться выполнить долг дружбы.

Как раз за то время, когда они разговаривали, леди Кристабель и Аллан опередили Гэмвеллов; Робин же, думая сократить дорогу, некоторое время шел вместе с молодыми людьми, пока он не увидел хорошо знакомую ему тропинку.

Хэл и Мод тоже опередили остальных, а брат Тук остановился, чтобы подождать остальных своих товарищей.

Продолжая беседовать, молодые люди дошли до перепутья, где Робин должен был их покинуть; неподалеку от этого места в расслабленной позе сидел на траве брат Тук: бедный монах мечтал о жестокосердной Мод!

Уже в сотый раз звучали слова прощания, как вдруг кто-то из братьев Гэмвеллов увидел неподалеку распростертое на земле окровавленное тело.

– Это солдат барона! – воскликнул один.

– Да, его подстрелил Робин! – уточнили другие.

– О Небо! Произошло ужасное несчастье! – воскликнул Робин, мгновенно узнавший Аллана Клера. – Ах, друзья, посмотрите: трава вся примята копытами лошадей. Здесь сражались... о Боже, Боже! Он, наверное, мертв!.. А где леди Кристабель, что с ней случилось?

Друзья окружили тело Аллана: жизнь, казалось, покинула его.

– Он не умер, успокойтесь! – воскликнул Тук.

– Благодарение Господу! – откликнулись остальные.

– Из раны на голове идет кровь, сердце бьется... Аллан, Аллан, сэр рыцарь, вокруг вас друзья, откройте глаза.

– Общитесь все кругом, – сказал Робин, – надо найти леди Кристабель.

Имя любимой, произнесенное Робинот, пробудило в Аллане едва теплившуюся жизнь.

– Кристабель! – прошептал он.

– Все в порядке, сэр рыцарь! – крикнул монах, собиравший целебные растения.

– Вы за него отвечаете? – спросил Робин у монаха.

– Отвечаю; нот перевяжем рану, сделаем носилки из ветвей и отнесем его в поместье.

– Тогда прощайте, сэр Аллан, – грустно сказал Робин, наклонившись над раненым, – мы еще увидимся.

Аллан только слабо улыбнулся в ответ.

Пока сильные руки братьев Гэмвеллов осторожно несли на носилках бедного Аллана в поместье, Робин, терзаемый страшным беспокойством, быстро шел к дому своего приемного отца. Несчастья Аллана и страх за близких тяжестью лежали на его сердце; он проклинал расстояние, пространство, ему хотелось бы пронестись над лесом быстрее ласточки и обнять Маргарет и Гилберта, убедившись, наконец, что они живы.

– Ну, вы прямо олень быстроногий, – заметил Маленький Джон.

– Станешь им, когда захочешь, – ответил Робин. Спустившись в поросшую ольхой долину, где стоял дом Гилберта, молодые люди с ужасом поняли, что Лэмбик сказал правду. По долине стелился, окутывая деревья, густой дым, и в воздухе остро пахло гарью.

Робин отчаянно закричал и вместе с Маленьким Джоном, опечаленным не меньше его, бегом кинулся по просеке.

В нескольких шагах от обугленных развалин, где еще вчера приветливо и радостно светились окна счастливого дома, стоял на коленях бедный Гилберт и судорожно сжимал в своих руках окоченевшие руки распростертой на земле Маргарет.

– Отец! Отец! – крикнул Робин.

Глухой стон вырвался из груди Гилберта; он сделал несколько шагов к Робину и, рыдая, упал в его объятия.

Но природная сила духа заставила старого лесника подавить рыдания и жалобы, и он произнес твердым голосом:

– Робин, ты законный наследник графа Хантингдона; не вздрагивай: это правда... Значит, рано или поздно ты станешь могущественным, и, пока в моем старом теле сохранится хоть искра жизни, я буду принадлежать тебе... так что у тебя будет и богатство, и моя преданность; посмотри, посмотри же на нее, она умерла, она убита негодяем, убита та, которая любила тебя так нежно и искренно, как любила бы сына от плоти своей.

– О да, она меня любила! – прошептал Робин, стоя на коленях у тела Маргарет.

– Они убили твою мать, они разрушили твой дом! Граф Хантингдон, ты отомстишь за мать?

– Я за нее отомщу!

И гордо выпрямившись, юноша добавил:

– Граф Хантингдон раздавит барона Ноттингема, и жилище благородного лорда погибнет в огне, как погибло жилище лесника!

– Я тоже клянусь, – сказал Маленький Джон, – не давать ни отдыха, ни покоя ни Фиц-Олвину, ни его людям, ни его ленникам.

На следующий день тело Маргарет, перенесенное Линкольном и Маленьким Джоном в поместье, было с благоговением погребено на кладбище деревни Гэмвеллов.

Эта страшная ночь соединила в одну семью героев нашей истории, не забывших кровавых событий и поклявшихся отомстить барону Фиц-Олвину.

XV

Через несколько дней после похорон бедной Маргарет Аллан Клер рассказал своим друзьям, как из-за стечения совершенно неожиданных обстоятельств у него снова была отнята его возлюбленная леди Кристабель.

Посланный в замок несчастным влюбленным, надежды которого были разбиты злой судьбой, Хэлберт вернулся с известием, что Фиц-Олвин с дочерью уехал в Лондон, а оттуда намере-

вался отправиться в Нормандию, поскольку неотложные дела требовали его присутствия там.

Известие об этом непредвиденном и внезапном отъезде ошеломило молодого человека и причинило ему столь глубокую, невыносимую боль, что все усилия нежных и преданных друзей – Марианны, Робина и сыновей сэра Гая – как-то утешить его оказались тщетны. И тогда Робин подал совет, поддержанный всеми членами семьи Гэмвеллов и засветивший в сердце Аллана проблеск надежды. Робин сказал:

– Аллан должен поехать вслед за Фиц-Олвином в Лондон, а оттуда в Нормандию и остановиться там, где остановится сам этот бешеный барон.

Мысль эта тут же превратилась в план, и план стал претворяться в жизнь. Аллан подготовился к отъезду, а Марианна, мягкая и уступчивая, по просьбе брата согласилась ждать его возвращения в очаровательном уединении поместья Гэмвеллов.

Оставим сэра Аллана следовать за его возлюбленной леди Кристабель из Лондона в Нормандию, а сами займемся Робин Гудом, или, лучше сказать, юным графом Хантингдоном.

Прежде чем предпринять законным порядком какие-либо шаги и столь трудном деле, как иск о восстановлении в правах наследования своего приемного сына, Гилберт счел необходимым расспросить сэра Гая и поставить его в известность во всех мельчайших подробностях о странной истории, рассказанной умирающим Ритсоном. Когда старик окончил свой рассказ о том, посредством каких отвратительных действий Робин был лишен своих прав, сэр Гай в свою очередь поведал Гилберту, что мать Робина была дочь его брата Гая Ковентри. Таким образом, Робин был внучатым племянником баронета, а не его внуком, как Гилберт вначале понял из слов Ритсона. К сожалению, сэр Гай Ковентри уже умер, а его сын, единственный отпрыск этой младшей ветви Гэмвеллов, был в крестовом походе.

– Но, – добавил милейший баронет, – отсутствие этих двух родственников никак не должно препятствовать задуманному вами, славный Гилберт; мое сердце, рука, состояние и мои дети – в распоряжении Робина. Я страстно хочу быть ему полезным, я хочу увидеть, как он станет в глазах людей владельцем состояния, которое уже принадлежит ему в глазах Господа.

Итак, справедливый иск Робина был представлен в суд, и началось судебное разбирательство. Аббат Рамсей, ответчик по этому делу, богатый и могущественный церковник, решительно отверг иск, обвинив Гилберта во лжи, выдумках и незаконных посягательствах. В суд был вызван шериф, которому лорд Бизент поручил выплачивать ежегодно деньги леснику на содержание своего племянника, но этот человек, продавшийся душой и телом тому, кто теперь владел именьями графов Хантингдонов, отрицал само существование оставленных ему сумм и отказался признать свое знакомство с Гилбертом.

Таким образом, единственным свидетелем молодого человека, его единственным защитником, к которому относились как к безумцу и фантазеру, был его приемный отец. Согласимся, что это была слабая опора в борьбе со столь высокопоставленным соперником, как аббат Рамсей. Правда, сэр Гай Гэмвелл клятвенно подтвердил, что дочь его брата исчезла из Хантингдона именно в то время, о котором говорил Ритсон, но других фактических данных в показаниях старика не было. И если Робину удалось заинтересовать судей, если ему удалось к тому же не оставить в их душах никаких сомнений в законности своих прав, то преодолеть материальные препятствия, вставшие на пути к успеху его дела, было чрезвычайно трудно, лучше сказать – невозможно.

Отдаленность Хантингдона от Гэмвелла, отсутствие вооруженной поддержки не позволяли Робину восстановить свои права силой, что в те времена было позволительно или, во всяком случае, допустимо; поэтому ему приходилось терпеливо сносить дерзкие выпады своего врага и искать способ мирным и законным путем вступить во владение своим достоянием, поскольку суд еще не вынес окончательного решения. Сэр Гай решил, что лучшим способом в данном случае будет обратиться непосредственно к правосудию короля Генриха II, что Робин и сделал по совету старика. Отправив прошение, Робин стал ждать благоприятного решения его королевского величества и не предпринимал более никаких новых действий.

Так прошло шесть лет; судебное разбирательство то возобновлялось, то затухало по прихоти судей и адвокатов, и эти шесть лет ожиданий и тревог пролетели для обитателей поместья

Гэмвеллов как один день.

Робин и Гилберт так и остались жить под гостеприимным кровом сэра Гая, но, несмотря на всю любовь и нежные заботы своего сына, прежний веселый Гилберт превратился в свою собственную тень. Маргарет унесла с собой его душу и жизнерадостность.

Марианна также осталась жить у Гэмвеллов. Двадцатая весна сделала привлекательную девушку еще красивее, чем она была в тот день, когда Робин, впервые увидев ее, так простодушно восхищался прелестью ее лица. Мужчины относились к ней с почтительной любовью, женщины – с самоотверженной нежностью, и для счастья Марианны не хватало только присутствия брата. Аллан жил во Франции и в своих редких письмах ничего не сообщал ни о том, счастлив ли он, ни о том, собирается ли он вернуться.

Больше и сильнее, чем кто-либо другой в поместье, Марианной восхищался Робин, обожал ее и ценил в ней душевные и физические совершенства, но это доходившее до идолопоклонства обожание не отражалось у него ни во взоре, ни в словах, ни в жестах. Одиночество девушки внушало Робину такие почтительные чувства, какие внушило бы присутствие матери; кроме того, неуверенность в своем собственном будущем и порядочность не позволяли ему признаться в любви, потому что настоящее его не позволяло скрепить ее святыми узами брака.

Разве могла благородная сестра Аллана Клера опуститься до Робин Гуда?

Даже самый внимательный наблюдатель не смог бы ничего сказать о чувствах девушки; ни в поступках Марианны, ни в ее словах, ни в ее взоре нельзя было прочесть, ни того, какое место занимал Робин в ее сердце, ни даже того, понимала ли она, как пылко, молчаливо и преданно он любит ее.

Нежный и мелодичный голос Марианны звучал одинаково, к кому бы она ни обращалась. Отсутствие Робина не заставляло ее бледнеть и не придавало задумчивости ее глазам, а неожиданное его появление не вызывало румянца на ее лице; она ни разу не беседовала с ним наедине, не встречалась как бы случайно. Неизменно печальная, но не унылая, она, казалось, жила воспоминаниями о брате и надеждой на то, что Аллан сможет наконец когда-нибудь перед всем миром открыто, радостно и гордо признать, что леди Кристabelle любит его.

Остальные обитатели поместья Гэмвелл казались не столько обществом, в котором жила Марианна, сколько двором коронованной особы; не будучи ни с кем ни холодной, ни надменной, ни высокомерной, девушка невольно поставила себя выше своего окружения. Сестра Аллана Клера казалась королевой поместья. Она была королевой по праву красоты, но можно было бы сказать, что права на этот титул ей давало нечто другое, более основательное, и это нечто было превосходством, причем неоспоримым и всеми признанным. Аристократические манеры девушки, ее остроумный и серьезный разговор столь очевидно ставили ее выше хозяев усадьбы, что в своем прямотушии, искренности и сельской простоте они первые признали ее достоинства.

Мод Линдсей, чей отец умер лет пять назад, не могла ни вернуться в замок, ни поехать во Францию к своей госпоже, а потому жила в усадьбе Гэмвеллов, стараясь быть полезной по мере своих сил.

Молочный брат Мод, славный малыш Хэл, занимал в замке должность сторожа. Поспешим заметить, что он не раз испытывал искушение послать ко всем чертям службу у барона, но его приковывал к замку серьезный довод, коренившийся в его сердце и пересиливавший все остальное, и этим доводом была Грейс Мэй, прекрасные глаза которой как звезды сверкали рядом с Ноттингемом и сводили на нет храбрые планы освобождения, замышлявшиеся молодым человеком. Влюбленный Хэл переносил это рабство с чувством, в котором смешивались радость и печаль, и, чтобы утешиться, время от времени подолгу гостил у Гэмвеллов. Веселые сыновья сэра Гая заметили, что первыми словами Хэла по приезде неизменно были:

– Дорогая сестрица Мод, я привез вам поцелуй от моей прелестной Грейс.

Мод соглашалась принять поцелуй. За играми, смехом, болтовней и едой незаметно проходил день, и уже на пороге Хэл снова говорил тем же тоном, что и по приезде:

– Дорогая сестрица Мод, подарите мне поцелуй для Грейс Мэй.

Мод дарила ему прощальный поцелуй, и Хэл уезжал довольный.

Он так любил свою невесту, этот честный и добрый юноша!

Наш друг Джилл Шербаун, веселый монах Тук, наконец понял, что сердце Мод к нему равнодушно, ибо девушка была с ним всегда вежливо-холодна. В первые дни после того как его постигло это разочарование, бедный Тук без конца жаловался на непостоянство всех женщин вообще, и Мод в частности. Когда жалобы, стенания и сожаления притушили остроту боли, Тук поклялся навсегда отречься от любви, поклялся, что отныне он будет любить только выпивку, радости застолья и добрые удары палки, добавив в душе, что всегда предпочитает раздавать их, а не получать. Свою клятву Тук подкрепил обильным завтраком, запив его немислимым количеством эля, а потом еще полудюжиной стаканов старого вина. С честью закончив эту обильную трапезу, Тук вышел из гостеприимной залы, не соизволив даже взглянуть на Мод, стоявшую в задумчивости у окна, а затем, забыв пожать руки хлебосольным хозяевам, закутался в свою решимость, как в плащ, и величественно удалился из поместья Гэмвеллов.

Ну а Мод любила, Мод продолжала любить Робин Гуда. Однако, когда бедная девушка познакомилась с Марианной, а время и ежедневное общение дали ей возможность оценить редкие качества сестры Аллана Клера, она поняла эту верность Робина и простила его равнодушие и пренебрежение к ней самой. И не только простила; будучи девушкой доброй и преданной, она признала превосходство Марианны, приняла его и примирилась без всякой задней мысли, без всякой надежды на будущее, хотя и не без сожалений, с ролью сестры Робина. С тонкостью и проникательностью истинно влюбленной женщины Мод догадалась о тайне Марианны. Эта тайна, в которую не мог проникнуть даже тот, для кого она представляла наибольший интерес, недолго была скрыта от Мод; в спокойном и внешне равнодушном взоре Марианны она прочла то, что составило бы счастье молодого человека:

«Я люблю Робина».

Мод постаралась похоронить свои мечты о счастье под невыносимой тяжестью этого открытия и прогнать из своего сердца милый образ Робина; она старалась казаться всем веселой и беззаботной, но, желая забыть, она могла лишь вспоминать и плакать. Эта непрерывная внутренняя борьба между сердцем и рассудком изменила внешность Мод. Свежая и веселая дочь старого Линдсея вскоре стала походить на свой собственный полустертый портрет, в котором с трудом угадывалось ее милое улыбочное личико; постоянное внутреннее страдание заставило побледнеть розовые щечки, вид у нее стал болезненный, и все приписали это горю от потери отца.

В числе тех, кто старался развеять печаль Мод и был к ней добр и внимателен, был некий любезный, живой и веселый молодой человек, ласковый и услужливый, который один приложил столько сил к тому, чтобы оживить девушку, сколько не приложил бы хозяин дома, если бы ему нужно было занять шестьдесят гостей. Целыми днями он сновал из дома в сад, из сада в поля, из полей в лес, и при этом единственной целью его неусыпных забот было найти для Мод что-то новое и интересное, доставить ей удовольствие, вызвать ее удивление. Этим нежным, преданным и неизменно веселым и любезным другом был наш старый знакомый – добрый Красный Уилл.

Раз в неделю, с постоянством и настойчивостью, заслуживающими лучшей участи, Уилл объяснялся Мод в любви. И с той же настойчивостью и с тем же постоянством Мод каждый раз отвергала его признание.

Ничуть не приходя в отчаяние и не лишаясь смелости из-за упорных отказов девушки, Уилл продолжал любить ее молча с понедельника до воскресенья, но в воскресенье его любовь, безмолвная целую неделю, приходила в состояние восторга. Спокойный отказ Мод выливал на это обжигающее пламя порцию холодной воды, и Уилл опять умолкал до следующего воскресенья, когда очередной день отдыха снова позволял ему предаться сердечным излияниям.

Юный Гэмвелл не понимал утонченной деликатности, не позволявшей Робину признаться в любви Марианне. Уильяму такая утонченность казалась глупой, он вовсе не собирался подражать подобной сдержанности, а напротив, ловил каждый удобный случай, чтобы сделать еще одно признание, еще раз доверительно сказать Мод, что ее любит, нежно любит Уильям Гэмвелл.

Мод была для Уильяма как бы магнитом, единственной женщиной, которую вообще воз-

можно было любить. Мод была его воздухом, его радостью, его счастьем, его утехой, его мечтой и надеждой. Ее именем Уильям назвал свою любимую охотничью собаку; его оружие тоже носило ее имя: лук он звал «Мод», копье – «белая Мод», стрелы – «тонкие Мод». Его любовь к имени любимой была ненасытной: он вознамерился приобрести лошадь возлюбленного Грейс Мэй только потому, что эта лошадь носила имя его богини. Но Хэл наотрез отказался от баснословно щедрых предложений Уильяма, и тогда тот немедленно помчался в Мансфилд, купил великолепную кобылу и дал ей имя «Несравненная Мод». Скоро имя мисс Линдсей знали все соседи Гэмвеллов, потому что оно не сходило с губ Уилла; он произносил его по двадцать раз и день и каждый раз нее нежнее и нежнее. Не удовлетвоваввшись тем, что именем своей любимой он назвал все предметы, которыми ему приходилось постоянно пользоваться, Уильям стал им называть вообще все вещи, которые ему нравились.

Этот чистосердечный юноша в душе настолько идеализировал Мод, что она стала представляться ему не в облике женщины, а в образе ангела, богини, существа, во всем превосходящего других, стоящего ближе к Небу, чем к земле, – одним словом, мисс Линдсей была кумиром Уилла.

Если мы вынуждены признать, что сын баронета Гэмвелла любил Мод с дикарской прямо-той и откровенностью, то нам следует также заметить, что эта любовь, сколь бы странно она ни выражалась, не оставила сердце мисс Линдсей совершенно равнодушным.

Женщины редко испытывают неприязнь к мужчинам, которые их любят, и, когда им встречается истинно преданное сердце, они все же в какой-то мере отвечают ему взаимностью. Каждый день Уилл проявлял к Мод предупредительность, нежность и внимание, и единственной его целью и наградой была ее радость. В конце концов эта бурная нежность, смешанная со страстью, уважением и чистой любовью, породила в сердце девушки чувство глубокой благодарности. Если проявления любви Уильяма не были так тонки по форме, как это совершенно обязательно должно быть по мнению чувствительных людей, то только потому, что природная резкость его характера не позволяла ему даже предположить, как можно думать и действовать иначе.

Мод знала бурный и вспыльчивый нрав Уилла. Однако, какая женщина тут же не догадается о силе и величии доброты, источник которой лежит в сердце?

Из признательности, а может быть, из великодушия, Мод стала стараться заслужить благодарность Уилла. Чтобы добиться этого, Мод не кокетничала с юношей и не обольщала его тщетными надеждами. Нет, такой обман был бы ее недостойн; она по матерински заботилась о Уилле, оказывала ему дружеские знаки внимания, была к нему предупредительна, как сестра. К несчастью, все знаки внимания Мод неверно истолковывались Уиллом; при малейшем ласковом слове, при одном только дружеском взгляде юноша впадал в восторги, обожание, в исступление безрассудной любви.

Поклявшись в вечной любви, предложив в который раз свое имя, сердце и состояние, Уилл неизменно заканчивал свои страстные признания одним и тем же наивным вопросом:

– Вы скоро полюбите меня, Мод? Вы ведь когда-нибудь полюбите меня?

Не желая ни внушать юноше напрасных надежд, ни заставлять его сомневаться в грядущих переменах, Мод делала вид, что она не слышит вопроса.

Поведение мисс Линдсей не было продиктовано, как мы уже сказали, кокетством, и еще менее того желанием, весьма часто подогреваемым женским тщеславием, сохранить поклонника. Мод знала, что Уилл страстно любит ее, и, имея в виду присущие его характеру безрассудство и вспыльчивость, не без оснований опасалась последствий окончательного решительного отказа: в первые мгновения Уилл мог испытать жестокие страдания. Впрочем, нужно со всей откровенностью признать, что мысль получить безоговорочный отказ никогда не приходила ему в голову и не смущала его сердце. Бедный юноша твердо верил, что если сегодня Мод отвергла его любовь, то завтра она ее примет. Триста раз он спросил девушку, скоро ли она его полюбит, шестьсот раз сказал ей, что он боготворит ее, и триста раз его мягко, но решительно отвергли. Но это не имело значения: он собирался еще триста раз все повторить сначала.

А сердце Мод совсем не требовало такой длительной осады, потому что оно было доброе, нежное и преданное. Уильям знал это и надеялся, что в одно прекрасное утро в ответ на его ты-

сячное признание в любви Мод протянет ему свою белую ручку, подставит для поцелуя чистый лоб и скажет наконец: «Я люблю вас, Уильям».

Мы забыли взглянуть на Уильяма глазами Мод и описать, каким девушка видела своего страстного поклонника, когда с нежной признательностью она смотрела на него. В плане физическом, как и в плане моральном, наш друг не обладал совершенствами, какие приписываются героям современных романов, но это были не те недостатки, которые должны или могут воспрепятствовать любви. Уилл был высок и хорошо сложен, лицо у него было овальное, с тонкими чертами, и яркий юношеский румянец, подчеркнутый цветом огненно-рыжих волос, вовсе не портил его. Волосы его, правда, имели несколько странный оттенок, из-за которого он и был прозван Красным Уиллом, и мы вынуждены признать, что это был недостаток, и весьма существенный. Но к этому следует добавить, что волосы Уильяма вились от природы и удивительно изящно падали ему на плечи. Мать Уилла, глядя его в младенчестве по голове, надеялась втайне, что эти волосы со временем потемнеют, но, вопреки ожиданиям доброй женщины, они с возрастом становились все ярче, и Уильям превратился в точную копию Вильгельма Рыжего.

Этот странный каприз природы вполне искупался внешними данными юноши и его чудесными душевными свойствами: у Уилла были голубые миндалевидные глаза, которые то светились нежностью, то искрились лукавством. А к мягкому взгляду этих прекрасных глаз добавлялось общее выражение искренности, добродушия, любезности и доброжелательности, что заставляло забыть о несколько ярких красках волос нашего героя.

Любимая всеми в семье Гэмвеллов, обожаемая Уиллом, желавшая всем нравиться, Мод в конце концов привязалась к молодому человеку; но она уже столько раз отвергала его любовь, что, почувствовав желание принять ее, не знала, как ей за это взяться.

Таково было положение героев нашей истории в 1182 году, шесть лет спустя после убийства несчастной Маргарет.

В один прекрасный вечер в первых числах июня Гилберт Хэд готовил ночную вылазку. Она имела целью захватить группу людей барона Фиц-Олвина и в случае удачи осуществить планы мести, от которой супруг Маргарет так и не отказался. Сведения, полученные Гилбертом о проходе этих людей через Шервудский лес, заставляли предположить, что они должны были сопровождать своего господина до замка Ноттингем, и в намерение лесника входило одеть свой отряд в форму солдат барона и таким образом проникнуть в замок. Именно там Гилберт рассчитывал отомстить, отплатив кровью за кровь, огнем за огонь.

Хэл, болтливый и неосторожный, ответил на все вопросы Гилберта. Простодушный мальчик и внимания не обратил на то, какие грозовые тучи пронеслись после его слов в глазах старика, внимательно и мрачно слушавшего его.

Робин и Маленький Джон поклялись когда-то Гилберту помочь ему покарать барона, и, верные клятве, оба они предоставили себя в его распоряжение. По просьбе Гилберта Маленький Джон собрал небольшой отряд из смелых до дерзости людей, вооружил их и присоединил к ним сыновей сэра Гая. Все эти люди были полны решимости победить, и старый лесник взял их под свое командование.

Гилберт хотел убить барона Фиц-Олвина собственными руками. Доведенный до крайности своим горем, он рассматривал это убийство как жертву, которую ему следовало принести драгоценному праху своей несчастной жены.

Робин смотрел на это несколько иначе, чем его приемный отец, и, вовсе не считая, что нарушит клятву, принесенную над телом Маргарет, хотел бы защитить барона от ярости старика.

Щитом, который охранял барона Фиц-Олвина от оружия Гилберта, была для Робина мысль о его любви.

«Боже мой, – молился про себя Робин, – даруй мне милость оградить этого человека от руки моего отца, ведь кроткое создание, ныне обретающееся в царствии твоём, вовсе не жаждет мести. Даруй мне милость тронуть сердце Фиц-Олвина и узнать от него о судьбе Аллана Клера, чтобы дать хоть крупицу счастья той, которую я люблю».

За несколько минут до времени, на которое был назначен поход, Робин пошел в комнату, соседствующую с той, что занимала Марианна, чтобы проститься с девушкой.

Бесшумно приотворив дверь, Робин увидел, что Марианна стоит, облокотившись о подоконник, и разговаривает сама с собой, как это порой бывает с теми, кто живет в одиночестве, заполненном мечтаниями.

Не зная как поступить, Робин смущенно застыл на пороге со шляпой в руках.

– Святая Матерь Божья, – шептала девушка прерывающимся голосом, – помоги мне, защити меня, дай мне сил перенести убийственное однообразие моего существования! Аллан, брат мой, мой единственный защитник, мой единственный друг, почему вы покинули меня? Ваши надежды на счастье были моей единственной радостью, Кристабель и вы были для меня всем в моей жизни! Вот уже шесть лет, как ты уехал, брат, и, как забытый цветок в саду брошенного дома, я выросла вдали от тебя. Люди, которым ты заботливо поручил меня, ко мне добры, даже слишком, их доброта тяготит меня, заставляя еще острее чувствовать мое одиночество, мою заброшенность. Я так несчастна, Аллан, так несчастна, и в довершение всех горестей во мне поселилась всепожирающая страсть, и сердце мое мне больше не принадлежит.

Произнеся эти горестные слова, Марианна закрыла лицо руками и горько заплакала.

«И сердце мое мне больше не принадлежит», – повторил про себя Робин, вздрагивая и краснея оттого, что стал невольным свидетелем слез девушки.

– Марианна, – живо проговорил он, входя в комнату, – не позволите ли вы мне поговорить с вами несколько минут?

Марианна негромко вскрикнула.

– Охотно, сударь, – мягко ответила она.

– Сударыня, – начал Робин, опустив глаза, и голос его задрожал, – я невольно только что совершил непростительный проступок. Прошу вас проявить ко мне предельную снисходительность и выслушать мое признание без гнева. Я несколько минут стоял на пороге этой комнаты и слышал ваши бесконечно печальные слова.

Марианна покраснела.

– Но я не подслушивал, сударыня, – поспешил добавить Робин, робко подходя к ней ближе. Губки прелестной девушки приоткрылись в нежной улыбке.

– Сударыня, – продолжал Робин, приободренный этой божественной улыбкой, – позвольте мне возразить на некоторые из ваших слов. Вы здесь без родных. Марианна, вдали от брата и почти одна на этом свете. Но разве в моей жизни нет тех же горестей? Разве я не сирота? Как и вы, миледи, я имею право жаловаться на судьбу, как и вы, могу оплакивать, и не отсутствующих, а ушедших от нас навеки. Но я не плачу, возложив надежды на будущее и на Бога. Мужайтесь, Марианна, верьте и надейтесь: Аллан вернется, а с ним вернется и благородная и прекрасная Кристабель. А в ожидании их несомненного скорого и счастливого возвращения даруйте мне милость быть вам за брата; не отказывайтесь, Марианна, и вы поймете вскоре, что доверились человеку, который готов отдать жизнь за то, чтобы вы были счастливы.

– Вы очень добры, Робин, – ответила девушка, и в голосе ее прозвучало глубокое волнение.

– Доверьтесь же мне, миледи. И главное, не считите, что я без размышлений предлагаю вам свое сердце, свою жизнь и свои заботы... Сами посудите, Марианна, – добавил юноша, и голос его почти перестал дрожать и обрел особую выразительность, – я скажу вам всю правду: я люблю вас с того дня, когда впервые вас встретил.

У Марианны вырвалось восклицание, в котором смешались радость и удивление.

– И если сегодня я признаюсь вам в этом, – продолжал взволнованно Робин, – если сегодня я решил открыть вам сердце, в котором ваш образ хранится уже шесть лет, то вовсе не в надежде обрести вашу любовь, но в надежде, что вы поймете, как я предан вам. Ваши слова, которые я нечаянно услышал, разбили мне сердце. Я не спрашиваю вас имя того, кого вы любите... если вы сочтете меня достойным заменить вам брата, вы сообразовите мне его назвать. И поверьте, Марианна, я сумею уважать вашего избранника, хотя он и достоин зависти... Вы ведь знаете меня уже шесть лет, и вам было легко – ведь так? – составить обо мне мнение по моим поступкам. Я заслужил священное право быть вашим защитником. Не плачьте, Марианна, дайте мне руку и скажите, что настанет день, когда я буду вашим другом, поверенным ваших тайн.

Марианна протянула дрожащие руки к склонившемуся перед ней молодому человеку.

– Я слушаю наши слова, Робин, – сказала девушка, – с таким восхищением, что не могу вам даже выразить, насколько я счастлива. Я знаю вас уже несколько лет и с каждым днем ценю все больше. В отсутствие Аллана вы исполняли обязанности лучшего из братьев, и все это незаметно, молча, не требуя благодарности. Я глубоко тронута, дорогой друг, тем великодушием, с каким вы готовы были пожертвовать своими чувствами в пользу моего неведомого избранника. Ну что ж! Мне было бы тяжело сознавать, что меня превзошли в великодушии, пусть даже и вы, Робин. Я хочу быть такой же искренней, как вы преданным.

Марианна густо покраснела и умолкла на несколько мгновений.

– Не подумайте дурно о моей женской скромности, – продолжала в волнении девушка, – но в благодарность за всю вашу доброту ко мне я всем сердцем принадлежу вам. Впрочем, я не думаю, что должна краснеть за это признание, потому что оно служит доказательством моей благодарности и верности.

Не будем повторять слова пламенных признаний, хлынувших потоком из уст влюбленных, ибо за шесть лет молчаливой любви они скопили сокровища нежности.

Держась за руки, плача и смеясь, они поклялись друг другу в верной и вечной любви, которая лишь в последний час их жизни вместе с последним вздохом улетит на Небеса.

XVI

– Мод, Мод, мисс Мод! – веселый голос летел вслед за девушкой, которая в одиночестве и задумчивости гуляла в саду поместья Гэмвеллов. – Мод, прекрасная Мод, – нетерпеливо и нежно повторил голос, – где вы?

– Я здесь, Уильям, я здесь, – ответила мисс Линдсей, поспешно подходя к молодому человеку с самым доброжелательным видом.

– Как же я счастлив видеть вас, Мод! – радостно воскликнул Уилл.

– И я рада нашей встрече, раз она вам доставляет удовольствие, – любезно ответила девушка.

– Конечно, она доставляет мне величайшее удовольствие, Мод. Какой чудесный вечер, не правда ли?

– Чудесный, Уильям, но вы ведь, наверное, хотели мне не только это сказать?

– Прошу прощения, Мод, у меня есть что вам сказать, – смеясь, ответил Уилл, – но восхитительное спокойствие этих сумерек наводит меня на мысль, что сейчас приятно было бы погулять в лесу.

– Так вы хотите пойти осмотреть место завтрашней охоты?

– Нет, Мод, мы идем завтра в лес не с такими мирными целями, мы идем... Ах, я забыл, что не должен никому об этом рассказывать. А ведь я иду на дело, которое может стоить мне покалеченной но... Ах, я глупости говорю, Мод, не слушайте меня. Я пришел пожелать вам доброй, спокойной ночи и попрощаться с вами...

– Прощаться, Уилл? Что это значит? Вы идете на опасное дело?

– Ну, так что же? Даже если это так, то с луком и палкой, крепко зажатой в твердой руке, нетрудно победить. Но тсс!.. Это все я просто так говорю, не придавайте этому значения.

– Вы обманываете меня, Уильям, вы хотите, чтобы ваш ночной поход остался для меня тайной.

– Этого требует осторожность, моя дорогая Мод, неосмотрительное слово может очень дорого обойтись. Солдаты... Ах, я совсем с ума сошел... сошел с ума от любви к вам, прелестная Мод. Вот вам вся правда: Маленький Джон, Робин и я собираемся в лес. И перед уходом я хотел попрощаться с вами, нежно попрощаться с вами, Мод, потому что, может быть, мне больше никогда не выпадет счастье... Я говорю как ребенок, Мод, да, как ребенок. Я пришел попрощаться с вами только потому, что не могу уйти из усадьбы, не пожалав вам ручки, и это правда, истинная правда, уверяю вас, Мод.

– Да, Уилл, это правда.

– А почему это я всегда прихожу к вам поздороваться и попрощаться, Мод?

– Не мне вам это объяснять, Уилл.

– Ах, и правда, Мод, – радостно воскликнул молодой человек, – не вам мне это объяснять! Вы, может быть, не знаете, дорогая Мод, вы, может быть, не знаете, что я люблю вас больше, чем отца, братьев, сестер и всех моих добрых друзей. Я могу уйти из усадьбы, собираясь отсутствовать несколько недель, и ни с кем не проститься, кроме матери, конечно, но я не могу расстаться с вами даже на несколько часов, чтобы не пожать ваши маленькие белые ручки и не унести с собой как благословение ваше нежное пожелание: «Доброго пути и скорого возвращения, Уилл». А вы, Мод, не любите меня, – грустно сказал бедный юноша, но в его прекрасных голубых глазах не долго стояла печаль, и он снова заговорил, уже веселее: – А я надеюсь, что вы все-таки, в конце концов, полюбите меня, Мод. Я надеюсь и терпеливо жду вашего благоволения; не торопитесь, не мучьте себя, не навязывайте своему сердцу чувство, которое для него неприемлемо. Это чувство само придет, Мод, и в один прекрасный день вы сами себе скажете: «А я, кажется, люблю Уильяма, немного... ну, совсем немного». А потом пройдут дни, недели, месяцы, и вы станете любить меня больше. И ваша любовь будет все расти и расти, пока не станет такой же огромной и страстной, как моя. Нет, Мод, такой, как моя, она не может стать, даже если вы захотите. Я так вас люблю, что не могу даже молить Бога о том, чтобы он вложил вам в сердце подобную любовь. Вы будете любить меня как вам удобно будет, как вам в голову придет, как вам захочется, и однажды скажете мне: «Я люблю вас, Уилл!» И тогда я вам отвечу... Ах, не знаю, что я отвечу вам, Мод, но я подпрыгну от радости, поцелую матушку и совсем с ума сойду от счастья. О Мод, попробуйте полюбить меня, начните с чувства легкого предпочтения и завтра вы уже будете немного любить меня, послезавтра – чуть больше, а через неделю уже скажете: «Я люблю вас, Уилл!»

– Так вы в самом деле любите меня, Уилл?

– Что нужно сделать, чтобы вам это доказать? – серьезно спросил юноша. – Что нужно сделать, скажите?... Я хочу, чтобы вы знали: я люблю вас всем сердцем, всей душой, всеми своими силами, я хочу, чтобы вы это знали, ведь вы еще этого не знаете!

– Ваши слова и дела тому свидетельство, дорогой Уилл, и других доказательств не нужно; я спросила это только потому, что хочу серьезно объясниться с вами, но я хочу поговорить не о ваших чувствах – они мне известны, – а о тех, что кроются в моем сердце. Вы любите меня, Уилл, искренно любите, но я привлекла ваше внимание, не желая того, я никогда не пыталась внушить вам любовь.

– Это правда, Мод, правда, и вы столь же скромны, сколь прекрасны; я вас люблю просто потому, что люблю, вот и все.

– Уилл, – продолжала девушка, взглянув на него с некоторым беспокойством, – Уилл, а вы никогда не думали о том, что, еще не зная вас, я могла кому-то отдать свое сердце?

Эта ужасная мысль, никогда дотоле не смущавшая Уильяма в его мечтах и не нарушавшая покоя его терпеливой любви, так тягостно поразила его в самое сердце, что он побледнел и вынужден был, чтобы не упасть, прислониться к дереву.

– Но вы ведь никому не отдали свое сердце, Мод? – спросил он умоляющим шепотом.

– Успокойтесь, дорогой Уилл, – мягко ответила девушка, – успокойтесь и выслушайте меня. Я верю в вашу любовь так же, как верю в Бога, и от всего сердца хотела бы отплатить вам, милый и добрый Уилл, таким же чувством.

– Не говорите, что не можете полюбить меня, Мод! – в неистовстве воскликнул молодой человек. – Не говорите мне этого, ибо по тому, как сжимается мое сердце, по тому, как горячая кровь пылающей лавой бежит по моим жилам, я чувствую, что не смогу этого вынести, не смогу выслушать вас.

– И все-таки вы должны меня выслушать, Уилл, и я прошу вас любезно уделить мне несколько минут внимания. Я знаю муки безнадежной любви, друг мой, я испытала их все одну за другой, и ничто на земле не сравнится с горечью отвергнутого чувства. Я всем сердцем хочу вас избавить от этих жестоких страданий, Уилл; прошу вас, выслушайте меня без горечи и без гнева. Еще не зная вас, еще до того, как я покинула Ноттингемский замок, я отдала свое сердце человеку, который не любит, никогда не любил и не полюбит меня.

Уилл вздрогнул.

– Мод, – сказал он дрожащим голосом, – если вы хотите, этот человек вас полюбит; он вас полюбит, Мод, – повторил бедный юноша, и на глаза у него навернулись слезы. – Клянусь святой мессой, он должен стать вашим рабом, или я его буду бить каждый день. И до тех пор буду бить, пока он вас не полюбит, Мод.

– Вы никого не будете бить, Уилл, – ответила Мод, невольно улыбаясь странному способу приворожить к ней кого-то, который желал пустить в ход молодой человек, – ведь любовь силой не навязывают, да еще таким свирепым способом; и тот, о ком вы говорите, никоим образом такого обращения не заслуживает. Вы должны понять, Уилл, что я не надеюсь и не жду, будто этот человек полюбит меня, а еще вы должны понять, что надо быть уж вовсе бессердечной и бездушной, чтобы остаться равнодушной к проявлениям вашей нежности. Так вот, Уилл, мой дорогой Уилл, я глубоко тронута великодушием ваших слов и хочу отблагодарить вас, отдав вам свою руку, в надежде на то, что полюблю вас и моей любви удастся сравняться с вашей.

– А теперь вы послушайте меня, Мод, – ответил Уилл дрожащим голосом. – Мне стыдно, что я питал надежду заслужить когда-нибудь вашу любовь, что не понял причин вашего равнодушия. Я прошу вас простить мне, что я силой вырвал признание из вашего сердца. Вы хотите, Мод, по доброте душевной принять имя бедного Уильяма и по доброте же душевной пожертвовать собой, чтобы он был счастлив. Но подумайте, Мод, что его счастье – это для вас потеря всех ваших надежд и, может быть, потеря покоя. Я не должен и не могу принимать подобную жертву. Я не только не чувствую себя достойным ее, но мне стыдно продолжать говорить вам о своей любви. Простите мне неприятности, которые я вам причинил, простите, что я любил вас и еще люблю, я клянусь отныне не говорить с вами о моих чувствах.

– Уильям, где вы, Уильям? – позвал внезапно звонкий и громкий голос.

– Меня зовут; прощайте, Мод. Да хранит вас Дева Мария, да оградит она вас от всякого зла! Будьте счастливы, Мод; но, если вы не увидите меня больше, если я не вернусь, вспоминайте иногда о бедном Уилле, который любит вас и будет любить вечно.

Последние слова молодой человек произнес едва слышно: слезы душили его; потом он обнял Мод, прижал трепещущую девушку к своему сердцу, страстно поцеловал ее и убежал, не оглядываясь, хотя нежный голосок и окликал его.

«Он не оставил мне времени недвусмысленно объяснить ему, что это признание я сделала из чувства порядочности, – подумала Мод, опечаленная внезапным уходом Уильяма. – Ну, ничего, я завтра скажу ему, что в моем сердце нет ни малейшего сожаления о прошлом: как же он обрадуется!»

Увы! Этого завтрашнего дня пришлось ждать долго!

Человек двадцать крепких мужчин-арендаторов, вооруженных копьями, мечами и луками со стрелами, окружили на почтительном расстоянии сыновей сэра Гая Гэмвелла, его племянника Маленького Джона и Гилберта Хэда.

– Я немало удивлен, что Робин заставляет себя ждать, – говорил старик своим молодым спутникам, – не в привычках моего сына лениться.

– Терпение, мастер Гилберт, – ответил Маленький Джон, выпрямляясь во весь гигантский рост, чтобы осмотреть даль пытливым взором, – не только Робина нет, мой кузен Уилл тоже куда-то запропастился. Готов поспорить, что не без причины они нас задерживают на пару минут.

– Да вот они! – воскликнул кто-то. Уилл и Робин подошли быстрым шагом.

– Вы забыли час нашей встречи, сын мой? – спросил Гилберт, протягивая руку молодым людям.

– Нет, отец, прошу прощения, что заставил себя ждать.

– В путь! – воскликнул Гилберт. – Маленький Джон, – добавил он, оборачиваясь к молодому человеку, – ваши друзья ясно представляют себе цель нашей вылазки?

– Да, Гилберт, и они поклялись смело идти за вами и верно вам служить.

– Значит, я могу полностью рассчитывать на их поддержку?

– Полностью.

– Прекрасно. Еще одно слово: чтобы попасть в Ноттингем кратчайшим путем, наши враги

пройдут через Мансфилд, потом двинутся по большой дороге, которая делит пополам Шервудский лес, и окажутся около перекрестка, где мы и будем ждать их в засаде... Дальше я могу не рассказывать. Маленький Джон, вам мои намерения известны?

– Известны, – ответил молодой человек. – Ребята! – воскликнул Маленький Джон по знаку старика. – Хватит у вас смелости вонзить свои саксонские зубы в тела норманнских волков? Хватит ли мужества победить или умереть?

Энергичное «Да!» было ответом молодому человеку.

– Ну что же, вперед, мои храбрецы!..

– Ура! Повоюем! – воскликнул Уилл, идя с Робинем за воинственно настроенным отрядом.

– Ура! Ура! – радостно закричали саксы. И эхо в темном лесу повторило:

– Ура! Ура! Ура!

– Что это с вами, друг мой Уилл? – спросил Робин, беря за руку молодого человека, шедшего рядом с ним в глубокой задумчивости. – Мне кажется, что ваше веселое лицо затуманилось облаком черной грусти. Крики наших соратников недостаточно приятны для ушей милого Уильяма или его пугает опасность нашего предприятия?

– Какой вы мне странный вопрос задали, Робин, – ответил Уильям, поднимая на друга грустный взгляд. – Спросите у гончей, нравится ли ей преследовать оленя, спросите у сокола, нравится ли ему камнем падать с высоты облаков на ничтожную птичку, но не спрашивайте меня, боюсь ли я чего-нибудь.

– Я спросил вас об этом лишь с целью отвлечь вас от мрачных мыслей, которые вас одолевают, дорогой Уилл, – ответил Робин, – от этих мыслей глаза ваши потускнели и лицо побледнело, что меня беспокоит. У вас горе, Уилл, и, видно, серьезное горе, так поделитесь им со мной, ведь я ваш друг.

– Нет у меня горя, Робин, я таков же, каким был вчера и каким буду завтра, и вы увидите, что в битве я буду как всегда впереди.

– Я ничуть не сомневаюсь и нашем мужестве, дорогой мой Уилл, но мне кажется, на душе у вас беспокойно: что-то печалит вас, я уверен в этом. Будьте же откровенны со мной, а вдруг я могу быть вам полезен, хотя бы для того, чтобы разделить груз ваших забот, ведь уже от этого становится легче. Если вы с кем-то поссорились, скажите мне, и я помогу вам.

– Причина моей печали не так серьезна и значительна, дорогой Робин, чтобы и дальше оставаться тайной. Если бы я хорошенько поразмыслил, то случившееся меня бы не удивило и не огорчило... Простите мои сомнения, но, вопреки моей воле, есть в моем сердце чувство, которое противится всякой откровенности. Гордость или робость это – сам не знаю. Но такой друг, как вы, – это мое второе я. Ваши вопросы требуют ответа, и дружба готова одолеть ложный стыд, я...

– Нет, нет, дорогой Уилл, – живо прервал его Робин, – храни свою тайну; у страданий есть право на скромность, и я прошу тебя извинить мою дружескую навязчивость.

– Это я должен просить прощения за то, что эгоистичен в своих страданиях, дорогой Робин! – воскликнул Уилл и отрывисто засмеялся, причем смех его звучал печальнее, чем плач. – Я страдаю, в самом деле страдаю, и я обнажу перед тобой раны своей души. Ты поделишь мое первое горе, как делил со мной первые игры, потому что дружба соединила нас теснее, чем узы крови, и пусть меня повесят, Робин, если я не люблю тебя так, как нежнейший из братьев.

– Ты говоришь правду, Уилл, привязанность сделала нас братьями. Ах, где наше светлое детство? Счастье, которым мы наслаждались, уже не вернется!

– Счастье вернется к вам, Робин, пусть другое, в других одеждах, под другим именем, но это все равно будет счастье. Ну а я ни на что больше не надеюсь, ничего не желаю, сердце мое разбито. Вы знаете, Робин, как я любил Мод Линдсей... я даже слов не найду, чтобы объяснить вам, что за неодолимую страсть я испытываю при одном упоминании ее имени. Ну вот, а теперь я знаю...

В сердце Робина закралось тягостное опасение.

– Ну, и что же вы знаете? – встревоженно спросил он.

– Когда вы пришли за мной в сад, – заговорил Уильям, – я был там с Мод, я пришел сказать

ей то, что уже давно повторяю ей изо дня в день; я говорил, что мечтаю, чтобы она стала дочерью моей матери и сестрой моим сестрам. Я спросил, не постарается ли она хоть немного меня полюбить, и Мод ответила, что еще до того, как она поселилась в усадьбе Гэмвеллов, она отдала свою любовь. И тут, Робин, рухнули нее мои надежды, что-то сломалось во мне: это разбилось мое сердце, Робин, мое сердце. Судите же сами, как я несчастен.

– Мод сообщила вам имя того, кого она любит? – с беспокойством спросил Робин.

– Нет, – ответил Уилл, – она только сказала, что этот человек не любит ее. Вы можете это понять, Робин? Есть на свете человек, который не любит Мод, а Мод его любит! Человек, которого ищет ее взгляд и который избегает этого взгляда! Неслыханный грубиян! Презренный негодяй! Я предложил Мод поймать его и принудить подарить ей свою любовь. Я предложил ей хорошенько побить его, а она отказалась! О, она его любит! Любит! А после этого печального и трудного признания, – продолжал Уильям, – бедная, великодушная Мод предложила мне свою руку. Я отверг ее. Разум, честь и верность заставляют мою любовь умолкнуть... Проститесь с веселым и смеющимся Уиллом, Робин, он умер, умер навсегда.

– Ну-ну, Уильям, мужайтесь, – мягко возразил Робин, – ваше сердце болит, его нужно лечить, его нужно исцелить, и первым врачом буду я. Я знаю Мод лучше, чем вы: в один прекрасный день она полюбит вас, если уже не любит. Уверяю вас, Уильям, вы просто плохо поняли девичью исповедь – она вызвана крайней деликатностью: Мод пыталась объяснить вам свою прежнюю суровость и заставить вас еще больше оценить предложение, которое вы столь необдуманно отвергли. Поверьте мне, Уильям, Мод – очаровательная девушка, честная и прекрасная, и, воистину, она достойна вашей любви.

– Ничуть не сомневаюсь! – воскликнул молодой человек.

– Не нужно приписывать горестям мисс Линдсей лишнюю глубину, друг мой, и мучить свою душу вздорными домыслами. Мод и сейчас вас очень любит, я в этом уверен, а полюбит еще больше.

– Вы так действительно думаете, Робин, мой дорогой Робин? – воскликнул Уилл, с жадностью ухватившись за тонкий луч надежды.

– Да, я так думаю, и позвольте мне сказать, не перебивайте меня: я повторяю вам, и буду повторять каждый раз, когда мужество вам изменит, что Мод вас любит и свою руку она вам предлагала не из преданности и не принося себя в жертву, а по велению сердца.

– Я верю вам, Робин, я верю вам! – воскликнул Уилл. – И завтра же спрошу у Мод, не желает ли она, чтобы у моей матери стало одним ребенком больше.

– Вы прекрасный парень, Уильям, мужайтесь, и давайте ускорим шаг, а то мы по крайней мере на четверть мили отстали от товарищей, и такая медлительность говорит не в пользу нашей храбрости.

– Вы правы, мой друг, мне кажется, я слышу, как наш главнокомандующий ворчит на нас.

Когда отряд дошел до места, где Гилберт собирался устроить засаду, старик расставил людей, кратко дал каждому новые разъяснения, приказал всем не издавать ни звука, а сам спрятался за деревом в нескольких шагах от Маленького Джона, уже напряженно вслушивавшегося в лесные звуки.

Сонную тишину ночи нарушал иногда лишь крик проснувшейся птицы, мелодичное пение соловья и шелест ветра в ветвях деревьев; но вскоре к этим смутным звукам присоединился отдаленный, едва слышный стук копыт, настолько слабый, что только чуткое ухо лесных обитателей могло его отличить от свиста ветра, птичьих голосов и шороха листьев.

– Кто-то едет верхом, – сказал вполголоса Робин, – мне кажется, я узнаю короткий и быстрый шаг наших местных пони.

– Вы совершенно правильно заметили, – так же осторожно прошептал Маленький Джон, – причем это едет друг или безобидный путник.

– И все-таки – внимание!

– Внимание! – пронеслось от одного к другому.

А человек, привлечший к себе внимание и возбудивший беспокойство маленького отряда, продолжал весело продвигаться вперед по дороге; он громко пел балладу, без сомнения сочи-

ненную им самим в свою собственную честь.

– Проклятие на твою голову! – внезапно воскликнул певец, обратившись с этими любезными словами к своей лошади. – Да как ты, скотина, лишенная всякого вкуса, смеешь не пребывать в молчаливом восхищении и восторге, когда из моих уст льется поток гармонических звуков? Вместо того чтобы поставить свои длинные уши торчком и слушать меня с подобающей серьезностью, ты вертишь головой по сторонам и присоединяешь к моему голосу свой – фальшивый, гортанный и неблагозвучный! Да, но ведь ты самка, а стало быть, по природе своей упряма, вздорна, любишь дразнить и противоречить. Если я хочу, чтобы ты шла в одну сторону, ты непременно пойдешь в другую, ты всегда делаешь то, что не надо, и никогда не делаешь то, что надо. Ты знаешь, что я тебя люблю, бесстыдница, и, поскольку ты уверена в этом, тебе захотелось сменить хозяина. Ты, как она, как все женщины, в конце концов, – капризна, непостоянна, своенравна и кокетлива.

– По какой такой причине ты уж так нападаешь на женщин, друг мой? – спросил Маленький Джон, внезапно появившись из укрытия и хватая лошадь под уздцы.

Ничуть не испугавшись, незнакомец произнес горделиво:

– Прежде чем ответить, я хотел бы узнать имя того, кто таким образом останавливает мирного и незащищенного человека, имя того, кто не только поступает как разбойник, но и имеет наглость именовать своим другом человека, стоящего много выше, чем он.

– Да будет вам ведомо, сэр причетник из Копменхерста, что имя ваше вы мне сообщили сами, пока орали песню, остановил же вас не разбойник, а человек, которого не легко испугать и который стоит настолько же выше вас, насколько вы выше его, сидя на лошади, – спокойно и холодно ответил племянник сэра Гая.

– Так знайте же, сэр лесной пес, ибо по грубости своих манер вы иного имени не заслуживаете, что вы задаете вопросы человеку, который наглцам отвечать не привык и сумеет вам сделать внушение, если вы сейчас же не отпустите поводья его лошади.

– Те, что много говорят, мало чего делают, – насмешливо ответил молодой человек, – и на ваши угрозы я вам отвечу тем, что позову молодого лесника, и он вас проучит вашей собственной палкой.

– Проучит моей собственной палкой?! – в ярости воскликнул незнакомец. – Случай редкий и скорее невероятный. Зовите сюда вашего приятеля, зовите немедленно!

И, проговорив последние слова, путник спешил.

– Ну, где же он, этот удалой боец? – продолжал незнакомец, бросая яростные взгляды на молодого человека. – Где он? Я хочу проломить ему череп, чтобы потом и вас проучить, длинноногий болван.

– Пойдите сюда, Робин, – сказал Гилберт, – скорее, время не ждет: дайте этому болтливому наглецу короткий и добрый урок.

Увидев незнакомца, Робин схватил Маленького Джона за руку и прошептал:

– Вы не узнаете этого путника? Это же веселый брат Тук!

– Ну? Да неужели?

– Да, но не говорите ничего, я давно уже хочу сразиться на палках с храбрым Джиллом и, поскольку в ночной темноте меня трудно узнать, воспользуюсь этой странной встречей.

Изящная и женственная фигура Робина вызвала у незнакомца насмешливую улыбку.

– Мой мальчик, – смеясь, воскликнул он, – а ты уверен, что череп у тебя крепкий и ты не умрешь, получив от меня за свою наглость по заслугам?

– Череп у меня крепкий, хоть и не такой толстый, как у вас, сэр чужестранец, – ответил юноша на йоркширском говоре, чтобы монах не узнал его голоса, – но ваши удары он выдержит, если они попадут в цель, в чем я позволю себе усомниться, хотя вы это и нахально утверждаете.

– Посмотрим, каков ты в деле, сорока ты наглая! Хватит слов, приступим к делу, а там посмотрим! Ну, становись!

И, желая испугать своего молодого противника, Тук яростно закрутил палкой и сделал вид, что хочет ударить его по ногам, но Робин был слишком опытен, чтобы поддаться на обманный маневр: он успел остановить палку монаха, прежде чем она опустилась ему на голову, и тут же

сам обрушил на плечи, бока и голову Тука град ударов, причем действовал он так быстро, сильно и размеренно, что монах запросил если не пощады, то хотя бы передышки.

– Вы неплохо управляетесь с палкой, мой юный друг, – задыхаясь, сказал он, стараясь не показать, что устал, – и я замечаю, что удары просто отскакивают от ваших рук и ног, не причиняя им вреда.

– Отскакивают, когда я их получаю, сударь, – весело ответил Робин, – но до сих пор ваша палка меня не коснулась ни разу.

– Это в вас гордость говорит, молодой человек, уж верно я не раз вас задел!

– Вы, значит, забыли, брат Тук, что та же гордость запрещает мне когда бы то ни было лгать? – спросил Робин своим обычным голосом.

– Да кто же вы? – воскликнул монах.

– Посмотрите мне в лицо.

– А, клянусь святым Бенедиктом, нашим небесным покровителем, да это же Робин Гуд, меткий лучник!

– Он самый, веселый брат Тук.

– Был я веселым до той поры, пока вы не похитили у меня мою возлюбленную, красотку Мод Линдсей!

Не успел он произнести эти слова, как железная рука обхватила, словно клещами, запястье Робина, и раздался глухой гневный шепот:

– Этот монах правду говорит?

Робин обернулся и увидел Уилла, бледное лицо которого искажил ужас, глаза наполнились кровью, а губы тряслись.

– Тише, Уильям, – спокойно сказал Робин, – сейчас я отвечу на ваш вопрос. Дорогой мой Тук, – продолжал он, – я не похищал у нас ту, которую вы так легкомысленно назвали своей возлюбленной. Мисс Мод, будучи честной и достойной девушкой, отвергла любовь, которую она не могла разделить. И Ноттингемский замок она покинула не по своей вине, а исполняя долг: она сопровождала свою госпожу, леди Кристабель Фиц-Олвин.

– Я не принес монашеского обета, Робин, – извиняющимся тоном произнес монах, – и мог бы дать свое имя мисс Линдсей. И если капризная девица отвергла мою любовь, то в этом я должен винить ваше смазливое лицо, или природное непостоянство женского сердца.

– Фу, брат Тук, – воскликнул Робин, – бесчестно клеветать на женщин! Ни слова более! Мисс Мод – сирота, мисс Мод несчастна, и все должны ее уважать!

– Герберт Л и идеей умер? – горестно воскликнул Тук. – Да примет Господь его душу!

– Да, он умер, Тук. Много странного случилось за это время, я как-нибудь потом вам все расскажу. А пока в ожидании этого поговорим о том, что привело к этой нашей встрече. Ваша помощь нам очень нужна.

– А чем я могу помочь? – спросил Джилл.

– Сейчас объясню как можно короче. Наемники Фиц-Олвина, как вы знаете, сожгли дом моего отца; мать моя была убита во время пожара, и Гилберт хочет отомстить за ее смерть. Мы здесь поджидаем барона: он приехал из-за границы и возвращается в Ноттингем. Мы хотим хитростью проникнуть вслед за ним в замок. Если вам хочется раздать несколько добрых ударов палкой, вот прекрасный случай.

– Чудно! Я от удовольствия никогда не отказываюсь. Но на победу я не надеюсь, если у вас всего войска вы, я да эти два славных парня.

– В двадцати шагах отсюда прячется в засаде мой отец с отрядом крепких лесников.

– Ну, тогда мы победим! – воскликнул монах, с воодушевлением вертя палкой над головой.

– Вы какой дорогой въехали в лес, преподобный отец? – спросил Маленький Джон.

– А той, что идет из Мансфилда в Ноттингем, мой дружок. Простить себе не могу, – добавил он, – как я мог так ослепнуть, чтобы вас не узнать; позвольте сердечно пожать вам руку, дорогой Маленький Джон.

Племянник сэра Гая любезно ответил на дружеское приветствие монаха.

– Не встретился ли вам по пути конный военный отряд? – спросил молодой человек.

– Какая-то компания людей, прибывших из Святой земли, отдыхала в трактире к Мансфилде; эти люди, хотя они и кажутся дисциплинированными, полумертвы от усталости, голода и лишений. Вы думаете, что это часть отряда, сопровождающего барона Фиц-Олвина?

– Да, потому что крестоносцы, которых ждут в Ноттингеме, это его люди. Значит, скоро мы увидим этих достопочтенных личностей. Спрячьтесь за деревом или в кустах, брат Тук.

– Охотно! Но куда деть эту упрямую кобылу? У нее недостатков не меньше, чем у жен... тьфу! Но все же я к ней привязан.

– Я отведу ее в надежное укрытие, доверьте ее мне, а сами спрячьтесь.

Маленький Джон привязал лошадь к дереву недалеко от дороги и вернулся к товарищам.

Уилл был в таком нервном возбуждении, что не мог дожидаться подходящего времени для разговора; он завладел Робинем, и молодой человек поневоле вынужден был изложить буйному другу историю своего побега из Ноттингемского замка во всех подробностях.

Робин был искренен, справедлив и, главное, великодушен в отношении Мод.

Уилл слушал его с бешено бьющимся сердцем, и, когда тот закончил рассказ, спросил:

– Это все?

– Все.

– Спасибо!

И друзья крепко обнялись.

– Я ей брат, – сказал Робин.

– А я буду ее мужем! – воскликнул Уилл и весело добавил: – Ну, а теперь пойдем сражаться!

Бедняга Уильям!

Лесникам пришлось ждать чуть не всю ночь, и только около трех часов утра они услышали, как где-то в лесу заржала лошадь. Кобыла Тука ответила ей веселым ржанием.

– Моя девочка кокетничает, – сказал Тук. – Она крепко привязана, Маленький Джон?

– Надеюсь, – ответил тот.

– Тише! – сказал Робин. – Я слышу стук копыт. Спустя несколько минут отряд появился на перекрестке: люди вовсе и не думали таиться, они устали гораздо меньше, чем рассудил Тук, а потому смеялись, пели и переговаривались.

В то же мгновение лошадка Тука пронеслась через заросли, пролетела стрелой мимо хозяина и с непринужденным видом поскакала впереди солдат.

Монах хотел кинуться вслед за беглянкой, но Маленький Джон схватил его за руку и прошептал:

– Вы, что, с ума сошли? Еще шаг – и вы умрете!

– Но они уведут у меня пони, – проворчал Тук, – пустите, я...

– Тише, несчастный! Ты же нас всех выдашь! Пони не редкость, мой дядя даст тебе другого.

– Да, но тот не получил благословения аббата нашего монастыря, как моя милая Мэри; пустите меня сейчас же! Почему вы учиняете надо мною насилие, вы, вышка сторожевая? Мне нужна моя лошадь, нужна, слышите?

– Ну что же, беги за ней! – воскликнул Маленький Джон, толкая монаха. – Беги, глупый хвостун, башка безмозглая!

Тук побагровел, в глазах его блеснула молния, и он дрожащим от гнева голосом произнес:

– Послушай ты, башня, колокольня ходячая, столб бродячий, после битвы я тебя как следует поколочу!

– Или, скорее, я тебя, – ответил Маленький Джон.

Тук бросился на дорогу и побежал за солдатами; его кобылка брыкалась, становилась на дыбы, поднимала целые тучи пыли и все время уворачивалась от тех, кто пытался ее обуздать.

Один солдат достал пони копьём, но Тук вернул ему этот удар сполна, так что бедняга с воплем свалился с лошади.

– Мэри, тпру, Мэри, девочка моя, – кричал Тук, – ко мне, милая, ко мне!

Услышав знакомый голос, лошадь насторожила уши, потом радостно заржала и рванулась

к хозяину.

– Как, негодяй! – закричал грозно командир отряда. – Ты моих людей убиваешь!

– Отнеситесь почтительно к служителю Церкви, – ответил Тук, ударив палкой по голове лошадь, на которой сидел командир.

Лошадь сделала резкий скачок назад, командир пошатнулся в седле и потерял стремя.

– Ты разве не видишь, что я в рясе? – крикнул Тук, стараясь придать себе важность.

– Нет, – прорычал командир, – рясы я не вижу, но вижу твою неслыханную дерзость и сейчас без всякого уважения к одной и без всякого снисхождения к другой пробью тебе голову.

Тут он достал Тука копьем; добрый монах, обезумев от боли, закричал громовым голосом:

– Ко мне, Гуды! Ко мне!

Но крики Тука командира не испугали. Его отряд состоял из сорока человек, которые могли в любую минуту по первому знаку прийти ему на помощь, а потому монах, хотя он и был ловок и силен, не был для него серьезным противником.

– Назад, негодяй! – закричал он страшным голосом. – Назад! – и, оттолкнув Тука копьем, бросил лошадь прямо на него.

Но бенедиктинец ловко отскочил и страшным ударом палки расколол командиру череп.

В то же мгновение на неустрашимого монаха поднялись двадцать мечей и в него нацелились двадцать копий.

– На помощь, Гуды! На помощь! – во весь голос закричал Тук, прислоняясь, как лев, к стволу дерева.

– Ура! Ура, Гуды! Ура! – яростно откликнулись лесники. – Ура! Ура!

И все они как один, ведомые Гилбертом, бросились на помощь монаху.

Видя, что к ним приближается вооруженный отряд с явно враждебными намерениями, солдаты по команде построились, перегородив дорогу во всю ширину, собираясь растоптать пешего врага копытами своих коней.

Но нападавшие натянули тетивы луков, и туча стрел помешала развернуть оборону, смертельно ранив человек шесть солдат.

Увидев, что врагов много больше, чем людей в его маленьком отряде, Гилберт приказал всем отойти на обочину дороги, где можно было укрыться за деревьями в спасительной темноте.

Этот ловкий маневр делал из солдат легкую мишень, потому что лесники, привычные к обращению с луком, стреляли быстро и без промаха.

– Всем спешиться! – закричал солдат, самочинно принявший на себя командование отрядом.

Крестоносцы повиновались, и люди Гилберта храбро бросились на них. Началась рукопашная схватка, смертельная схватка, в которой побеждал сильнейший.

– Гуд! Гуд! – кричали лесники. – Месть, месть!

– Не давать им пощады! Бей саксонских собак! Бей их! – ревели солдаты.

– Берегись, у этих собак острые зубы, – крикнул Уилл, и его стрела пронзила грудь крестоносца, только что призывавшего убивать саксов.

Маленький Джон, Робин и Гилберт сражались рядом; братья Гэмвелл проявляли чудеса храбрости и ловкости; что же касается силача-монаха, то каждый удар его огромной палки валил кого-нибудь замертво.

Уильям носился, как олень, успевая повсюду, то сшибая с ног одного солдата, то проламывая голову другому, но больше всего оберегая своих друзей, особенно Робина, которого он уже дважды спасал от неминуемой смерти.

Но, несмотря на все эти усилия, на мужество каждого в отдельности и общую стойкость, победа явно клонилась на сторону солдат барона. Отряд был дисциплинирован и закален в битвах, к тому же численностью вдвое превосходил лесников, а потому он быстро восстановил те преимущества, которые потерял было в начале стычки. Маленький Джон одним взглядом оценил отчаянное положение, в которое он попал со своими людьми, и понял, что пора приостановить сражение, пока оно не перешло в бессмысленное кровопролитие. Но, не решившись отдать приказ без Гилберта, молодой человек бросился его разыскивать.

Подвиги Уильяма привлекли к нему внимание четырех солдат, решивших взять в плен одного из вожakov саксов. Они сочли, что воздыхатель прекрасной Мод им вполне подходит, и, несмотря на отчаянное сопротивление Уильяма, повалили его на землю. Робин увидел это, и не соображая ни с чем, кроме как с зовом сердца, кинулся Уильяму на помощь; он проткнул копьем одного солдата, подхватил мощной рукой своего друга, и вдвоем им уже почти удалось добежать до остальных своих товарищей, которых собрал Маленький Джон.

Опасность, нависшая над Уиллом, таким образом почти миновала, и, все еще поддерживаемый другом, он уже собирался укрыться позади товарищей, образовавших заслон солдатам, как вдруг отчаянный крик Робина заставил молодого человека упустить из вида солдат, уцелевших в сражении.

– Мой отец! Отец! – кричал Робин. – Они убьют моего отца!

Молодой лучник кинулся на помощь Гилберту, а солдаты снова схватили Уильяма и потащили за собой, и он уже не видел, как Робин упал на колени перед Гилбертом, череп которого был расколот топором.

Увидев, что старик убит, Робин тут же отомстил за него, нанеся убийце смертельный удар; саксы подняли страшный шум, и в этом переполохе никто не заметил похищения Уилла.

Битва, притихшая было на мгновение, вспыхнула с новой силой. Робин и Тук разили насмерть всех, кто к ним приближался, а Маленький Джон воспользовался отчаянной яростью Робина, чтобы вынести из боя тело Гилберта.

Через четверть часа после того как его товарищи отступили, унося тело старика, Робин крикнул во весь голос:

– В лес, друзья!

Лесники рассеялись, как стая испуганных птиц, а солдаты бросились их преследовать с криком:

– Победа! Победа! Погоним этих собак! Убьем их!

– Собаки еще покусают вас перед смертью! – крикнул Робин, и в солдат полетели острые стрелы.

Преследование становилось опасным и безнадежным, и у солдат хватило здравого смысла понять это.

В отряде Маленького Джона не хватало шести человек; Гилберт Хэд погиб, а Уильям вошел в число пропавших.

– Я Уильяма не оставляю, – сказал Робин, останавливая отряд, – вы, мои храбрецы, идите дальше, а я пойду его искать: раненого, мертвого или пленного, я должен его найти.

– И я с вами, – тут же сказал Маленький Джон. Остальные пошли дальше, а друзья поспешно вернулись на то место, откуда они отступили.

Но там, где они бились, не было никаких следов сражения. Убитые – и солдаты, и лесники – исчезли. Трава, примята во многих местах, указывала, что здесь побывал большой конный отряд, но больше ничего не было: даже обломки копий и стрел крестоносцы подобрали и унесли с собой.

И только одно живое существо бродило у развилки дорог и обеспокоенно поглядывало по сторонам, словно кого-то искало: это была лошадь монаха.

При виде молодых людей пони бросился было к ним, но узнав того, кто его привязал, заржал, встал на дыбы и скрылся.

– Кроткая Мэри почувствовала вкус свободы, – сказал Маленький Джон, – и теперь она, конечно, попадет в руки какого-нибудь разбойника.

– Попробуем ее поймать, – сказал Робин, – может быть, я на ней догоню солдат.

– Чтобы они вас убили, друг мой? – спросил благоразумный племянник сэра Гая. – Это будет, уверяю вас, как неосторожно, так и бессмысленно; вернемся в поместье, и завтра утром посмотрим.

– Да, вернемся в поместье, – ответил Робин. – Я должен сегодня же исполнить свой горестный долг.

Через день тело Гилберта, над которым брат Тук целые сутки читал молитвы, было завернуто в саван и готово занять место своего последнего упокоения.

По просьбе Робина его оставили одного у останков доброго старика, и он обратился к Богу с горячей молитвой о спасении души человека, который его так любил.

– Прощай навеки, любимый мой отец, – говорил он, – прощай; ты, кто принял в дом чужое, покинутое родными дитя; прощай, ты, кто со всем благородством своей души дал этому ребенку нежную мать, преданного отца, незапятнанное имя; прощай же, прощай, прощай!.. Смерть разделила наши тела, но не души. О мой отец! Ты вечно будешь жить в моем сердце, и я буду любить, уважать и почитать тебя как самого Господа Бога. И ни время, ни горести жизни, ни даже счастье не уменьшат моей сыновней любви. Ты часто говорил мне, о мой высокочтимый отец, что душа добрых людей и после их смерти хранит и защищает тех, кого они любили при жизни. Так храни же твоего сына, того, кому ты дал свое имя, которое он постарается сберечь во всей его чистоте. И клянусь тебе, отец, взяв тебя за руку и обратив глаза к Небу, клянусь тебе, что Робин Гуд никогда не совершит ни одного доброго дела, которое не направлялось бы тобой, и ни одного дурного, которое не умерялось бы воспоминаниями о твоей честности и справедливости.

Произнеся эти слова, юноша помолчал несколько минут, потом встал, позвал друзей, и с непокрытой головой, в сопровождении всех членов семьи Гэмвеллов проводил останки старика к могиле.

Позади этой грустной процессии шел Линкольн; он был бледнее смерти, а за ним шла хромая собака, несчастная собака, на которую никто не обратил внимания, о которой никто не подумал, бедная собака, которая осталась верной хозяину даже после его смерти.

Когда тело, завернутое в саван, было опущено в могилу и оружие Гилберта положили рядом с ним, старый Ланс подполз к краю ямы, жутко завыл и свалился на труп хозяина.

Робин хотел вытащить собаку из могилы.

– Оставьте слугу рядом с хозяином, сэр Робин, – грустно сказал Линкольн, – и хозяин, и пес мертвы.

Старик сказал правду: Ланс больше не дышал.

Могилу засыпали, и Робин остался один, поскольку в великой печали человек не нуждается

ни в утешении, ни в свидетелях.

Солнце село, только край неба еще розовел, блеснули первые звезды, бледная луна осветила лицо Робина, и тут в нескольких шагах от себя он увидел две белые тени.

На плечи его одновременно и легко опустились руки двух женщин, вырвав юношу из немного отчаяния, более страшного, чем рыдания и слезы.

Он поднял голову и увидел, что рядом с ним стоят заплаканная Мод и грустная Марианна.

– Вам остались надежда, воспоминания и моя любовь, Робин, – сказала Марианна, и в голосе ее прозвучало волнение. – Если Бог посылает горе, он дает и силы его перенести.

– Я усыплю могилу цветами, Робин, – сказала Мод, – и мы не раз вместе вспомним в разговорах того, кто ушел от нас.

– Спасибо, Марианна, спасибо Мод, – ответил Робин.

И, не найдя слов, чтобы выразить девушкам свою глубокую признательность, он встал, сжал руки Мод, поклонился Марианне и ушел быстрым шагом.

А девушки опустились на колени на то место, откуда он встал, и стали молча молиться.

XVII

На следующий день, с первыми лучами солнца Робин и Маленький Джон вошли в харчевню в городке Ноттингем, чтобы позавтракать. В харчевне было полно солдат, которые, судя по их одежде, служили у барона Фиц-Олвина. Молодые люди ели и прислушивались к их разговорам.

– Мы еще не знаем, – говорил один из людей барона, – какие такие враги напали на крестоносцев. Его светлость полагает, что это были или разбойники, или вассалы под предводительством какого-нибудь сеньора, его врага. К счастью для милорда, сам он отложил свой приезд в замок на несколько часов.

– А крестоносцы долго пробудут в замке, Джеффри? – спросил у говорившего хозяин заведения.

– Нет, завтра они уедут в Лондон и пленных с собой туда заберут.

Робин и Маленький Джон обменялись красноречивыми взглядами.

Солдаты еще немного поговорили о чем-то неинтересном для наших друзей, а потом снова стали пить и играть в кости.

– Уильям в замке, – едва слышно прошептал Робин, – нужно идти за ним туда или дожидаться, когда его выведут, а там силой ли, ловкостью ли, хитростью ли, но его нужно освободить.

– Я на все готов, – так же тихо ответил Маленький Джон.

Молодые люди встали, и Робин расплатился с хозяином.

В ту минуту, когда они проходили к двери через группу солдат, тот, что откликнулся на имя Джеффри, сказал, обращаясь к Маленькому Джону:

– Клянусь святым Павлом, мне кажется, мой друг, что голову твою так и тянет к потолочным балкам, и если гноя мать может поцеловать тебя в щеку, не поставив тебя на колени, то ей место в крестовом воинстве.

– Что, мой рост оскорбителен для твоего взгляда, сэр солдат? – примирительно спросил Маленький Джон.

– Нисколько, гордый незнакомец, но должен тебе со всей откровенностью сказать, что он меня очень удивляет. До сих пор я думал, что я самый сильный мужчина графства Ноттингем и лучше всех сложен.

– Счастлив, что могу предоставить тебе видимое доказательство противоположного, – любезно ответил Маленький Джон.

– Спорю на кувшин эля, – продолжал, обращаясь к присутствующим, Джеффри, – что этот чужак, хоть он и выглядит крепким, не сможет задеть меня палкой.

– Принимаю пари! – крикнул кто-то из солдат.

– Прекрасно, – ответил Джеффри.

– Ну, а меня даже не спрашивают, согласен ли я принять вызов?! – воскликнул Маленький Джон.

– Ты же не откажешь в пятнадцатиминутном развлечении человеку, который поставил на тебя, даже не будучи с тобой знаком? – сказал человек, принявший пари Джефффри.

– Прежде чем ответить на дружеское предложение, которое мне сделано, – ответил Маленький Джон, – я хотел бы сделать своему противнику одно небольшое предупреждение: я своей силой не горжусь, но должен сказать, что до сих пор меня никто не одолел, и могу к этому добавить, что бороться со мной – это наверняка потерпеть поражение, а иногда и навлечь на себя беду, и в любом случае – ранить свое самолюбие. Меня еще никто не побеждал.

Солдат громко рассмеялся.

– Ты самый большой хвастун, которого я когда-либо встречал, сэр чужак! – язвительно воскликнул он. – И, если ты не хочешь, чтобы вдобавок к этому я счел тебя еще и трусом, ты согласишься сразиться со мной.

– Ну, раз вам этого так хочется, согласен от всего сердца, мастер Джефффри. Но, прежде чем доказать вам свою силу, позвольте мне сказать несколько слов моему товарищу. Если я буду располагать временем, то надеюсь с пользой употребить его для того, чтобы избавить вас от самонадеянности.

– Но ты, по крайней мере, не убежишь? – насмешливо спросил Джефффри.

Присутствующие расхохотались.

Задетый за живое этим наглым предположением, Маленький Джон шагнул к солдату.

– Если бы я был норманном, – сказал он, и в голосе его зазвучал гиен, – я мог бы так поступить, но я сакс. Если я не сразу принял твой вызов, то это по своей доброте. Ну а раз ты насмехаешься над моей совестью, глупый болтун, и избавляешь меня от всякого сочувствия к себе, то зови хозяина, плати за выпитый тобою эль, да проси принести повязки, потому что они тебе скоро очень понадобятся, и это так же верно, как то, что пакостную шишку, которая болтается на твоих плечах, ты почему-то называешь головой. А вы, дорогой Робин, – сказал Маленький Джон, подходя к своему другу, стоявшему в нескольких шагах от харчевни, – подождите меня в доме у Грейс Мэй, там вы, вне всякого сомнения, и Хэла встретите. Для вас будет небезопасно, да и освобождению Уилла очень повредит, если кто-нибудь из служителей замка вас узнает. Мне придется принять наглый вызов этого солдата, но ответ он получит короткий и достойный, будьте покойны, так что идите и постарайтесь избежать какой-нибудь досадной встречи.

Робин неохотно последовал благоразумному совету Маленького Джона, потому что с большим удовольствием он посмотрел бы на борьбу, в которой его друг, без сомнения, должен был легко одержать верх.

Как только Робин ушел, Джон вернулся в харчевню. Посетителей за это время значительно прибавилось, поскольку весь городок обежала весть о том, что сейчас будут биться Джефффри Силач и какой-то чужак, который не уступает ему ни в силе, ни в смелости, и все любители такого рода боев сбежались в харчевню.

Равнодушно и спокойно оглядев толпу, Маленький Джон подошел к противнику.

– К твоим услугам, сэр норманн, – сказал он.

– А я – к твоим, – ответил Джефффри.

– Прежде чем начать борьбу, – прибавил Маленький Джон, – я хотел бы отплатить вежливостью тому великодушному другу, который, не зная меня, поставил на мою ловкость и был готов проиграть пари. Поэтому, в ответ на его учтивое доверие, я хочу поставить пять шиллингов на то, что я не только заставлю тебя растянуться на земле во весь твой рост, но и огрею тебя палкой по голове. А тот, кто эти пять шиллингов выиграет, угостит на них выпивкой все благородное собрание.

– Согласен, – весело согласился Джефффри, – и готов поставить вдвое, если тебе удастся меня уложить или ранить.

– Ура! – закричали зрители, которые от такого поворота событий только выигрывали и ровно ничего не теряли.

Сопровождаемые шумной толпой, противники вышли из трактира и встали в позицию друг против друга посередине широкой лужайки, покрытой густой травой, что весьма подходило для поединка.

Зрители окружили соперников широким кольцом; все утихло, и воцарилось глубокое молчание.

Маленький Джон ничего не изменил в своей одежде, он только освободился от оружия и снял перчатки, но Джеффри куда более тщательно подготовился к бою. Он снял с себя самые тяжелые части своего наряда и остался в темном камзоле, тесно перетянута в талии.

Секунду мужчины пристально рассматривали друг друга. Лицо Маленького Джона было спокойно, и он улыбался, на лице же Джеффри невольно отражалось смутное беспокойство.

– Я жду, – сказал молодой человек, салютуя солдату.

– К вашим услугам, – так же вежливо отозвался Джеффри.

Мужчины одновременно протянули друг другу руки и на мгновение сердечно обнялись.

Началась борьба. Мы не будем ее описывать, скажем только, что она была недолгой. Хотя Джеффри и совершал отчаянные усилия и яростно сопротивлялся, он потерял равновесие, после чего Маленький Джон с невиданной силой и беспримерной ловкостью оторвал соперника от земли, перекинул его через голову, и тот, пролетев шагов двадцать, упал плашмя.

Солдат, глубоко пристыженный таким полным поражением, встал под крики зрителей, кидавших вверх шапки:

– Ура! Ура удалому леснику!

– Первую часть нашего пари я честно выиграл, сэр солдат, – сказал Маленький Джон, – и готов приступить ко второй.

Побагровев от гнева, Джеффри кивнул в знак согласия.

После того как были измерены палки противников, бой возобновился с еще большей яростью, ожесточением и пылом.

Джеффри был еще раз побежден.

Доблестную победу Джона толпа приветствовала восторженными возгласами, и в честь удалого лесника эль лился рекой.

– И давай без зла друг на друга, храбрый солдат, – сказал Джон, протягивая сопернику руку.

Но Джеффри не ответил на этот дружеский жест и горько произнес:

– Не нуждаюсь я ни и вашей руке, ни и нашей дружбе, сэр лесник, и прошу вас так уж не кичиться. Не такой я человек, чтобы спокойно перенести позор поражения, и, если бы обязанности службы не призывали меня возвратиться в Ноттингемский замок, я бы заплатил вам ударом за удар.

– Послушай меня, мой храбрый друг, – ответил Джон, оценивший по достоинству храбрость солдата, – не надо тебе выказывать ни зависти, ни злобы. Ты уступил силе, превосходящей твою: невелика беда, и я уверен, что у тебя будет случай восстановить свою славу человека сильного, ловкого и хладнокровного. Я с удовольствием готов признать, что ты не только умело владеешь палкой, но к тому же и такой силач, что положить тебя на лопатки может только мечтатель человек с храбрым сердцем и крепкими руками. А потому давай без всякой задней мысли пожмем друг другу руки; я тебе свою подаю искренне и от всего сердца.

Слова эти, произнесенные с неподдельной доброжелательностью, казалось, тронули сердце обиженного норманна.

– Вот тебе моя рука, – сказал он, в свою очередь подавая руку Маленькому Джону, – и я по-дружески хочу обменяться с тобой рукопожатием. А теперь, славный молодой человек, – приветливо добавил Джеффри, – окажи мне милость и назови имя моего победителя.

– Сейчас я не могу этого сделать, мастер Джеффри, но попозже мы познакомимся ближе.

– Хорошо, как тебе будет угодно, незнакомец, я подожду; но, прежде чем ты уйдешь из харчевни, я думаю, что должен тебе сообщить: считая меня норманном, ты ошибаешься, я сакс.

– Даю слово, – весело отозвался Маленький Джон, – я в восторге, что ты принадлежишь к самому благородному племени на английской земле, это удваивает мое к тебе уважение и распо-

ложение. Мы скоро свидимся, и тогда я буду с тобой откровеннее и доверчивее. А пока до свидания: дела, которые привели меня в Ноттингем, теперь требуют моего ухода.

– Как, ты уже думаешь покинуть меня, благородный лесник? Я этого не позволю, я провожу тебя туда, куда тебе нужно.

– Прошу вас, сэр солдат, позвольте мне пойти к моему товарищу, я и так потерял драгоценное время.

Новость об уходе Маленького Джона пробежала по толпе и вызвала настоящий шум. Голосов двадцать закричало:

– Незнакомец, мы пойдем с тобой, мы хотим повсюду прославить твою доблесть и великодушие.

Маленькому Джону вовсе не хотелось получить грозное свидетельство своей неожиданной славы, к тому же он не без опасений видел, что приближается час его встречи с Робинем, и он обратился к Джеффри:

– Не окажешь ли мне услугу?

– От всего сердца.

– Прекрасно! Помоги мне без лишнего шума отделаться от этих пьяных крикунов: мне хотелось бы уйти, не привлекая внимания.

– Охотно, – ответил Джеффри и, поразмыслив минуту, добавил: – Я вижу к тому лишь один способ.

– Какой?

– А вот какой: пойдем со мной в Ноттингемский замок, никто из них не посмеет перейти вслед за нами подъемный мост. А уж из замка я выведу тебя на пустынную тропку, и ты обходным путем попадешь к городским воротам.

– Как?! – воскликнул Маленький Джон. – А другого способа отделаться от этих дуралеев никак не найти?

– По крайней мере, я другого не вижу. Ты еще не знаешь, приятель, насколько тщеславны эти глупые болтуны – они пойдут тебя провожать толпой, и не ради тебя самого, а для того, чтобы их увидели в твоём обществе, и они потом смогли сказать своим родственникам и знакомым: «Я провел два часа с тем храбрым парнем, который побил Джеффри Силача; это один из моих друзей, мы несколько минут тому назад вместе вошли в город; а впрочем, вы, вероятно, и сами видели, я шел слева или справа от него, и так далее, и тому подобное».

Маленькому Джону пришлось последовать совету Джеффри, хотя ему этого очень не хотелось.

– Я принимаю твоё предложение, – сказал он, – уйдем отсюда поскорее.

– Через секунду я буду к вашим услугам. Друзья мои, – крикнул Джеффри, – мне нужно вернуться в замок, а этот достойный лесник пойдет со мной. И я прошу вас разрешить мне спокойно уйти, а если кто-нибудь из вас позволит себе последовать за нами, пусть даже на расстоянии двадцати шагов, я буду расценивать это как наглый вызов и, клянусь святым Павлом, заставлю его в том жестоко раскаяться.

– Но, – несмело возразил кто-то, – я живу в той стороне, и мне надо вернуться домой.

– Пойдешь минут через десять, – ответил Джеффри. – Итак, всем привет и каждому мои наилучшие пожелания.

С этими словами Джеффри вышел из харчевни, посетители которой проводили Маленького Джона до самого порога громким «ура».

Вот так Маленький Джон и проник в господский дом барона Фиц-Олвина.

Робин же, расставшись с Маленьким Джоном, направился к дому Грейс Мэй. Робин знал хорошенькую невесту Хэла только со слов ее восхищенного воздыхателя и, следует добавить, испытывал по отношению к ней живейшее любопытство.

Он долго стучал в дверь, не получая никакого ответа; устав ждать, он вполголоса замурлыкал слова романса, которому его когда-то научил отец.

При первых же звуках этой печальной песни сонную тишину старого дома нарушили чьи-то легкие и быстрые шаги, потом дверь резко отворилась и на пороге появилась молодая девуш-

ка, которая, не успев даже взглянуть на гостя, радостно воскликнула:

– Я прекрасно знала, милый Хэл, что вы придете сегодня утром, и сказала матушке... Ой, простите, сударь, – прервала сама себя девушка (то была Грейс Мэй собственной персоной), – тысячу раз простите!

Произнеся эти слова, Грейс покраснела до корней волос, и было отчего, потому что с опрометчивой резвостью движений она уже повисла на шее у Робина.

– Это я должен у вас просить прощения, мисс, – самым ласковым голосом ответил молодой человек, – за то, что оказался не тем, кого вы ждали.

Немало смутившись, Грейс Мэй спросила:

– Могу я узнать, сударь, чему я обязана честью видеть вас?

– Мисс, – ответил Робин, – я один из друзей Хэлберта Линдсея и хотел бы повидать его. У меня есть серьезные причины, чтобы не идти на поиски Хэла в замок, излагать их было бы слишком долго, и я был бы вам очень благодарен, если бы вы мне позволили подождать здесь его прихода.

– Охотно, сударь; друзья Хэла – всегда желанные гости в доме моей матери; входите, прошу вас.

Робин любезно поклонился Грейс и вошел вместе с ней в большую залу на первом этаже.

– Вы завтракали, сударь? – спросила девушка.

– Да, мисс, благодарю вас.

– Позвольте предложить вам кружку эля, он у нас превосходный.

– С удовольствием выпью за счастье моего удачливого друга Хэла, – учтиво сказал Робин.

Глаза красотишки Грейс заискрились весельем.

– А вы любезны, сударь, – сказала она.

– Я просто искренний почитатель красоты, мисс. Девушка покраснела.

– Вы пришли издалека? – спросила она, как бы желая поддержать разговор.

– Да, мисс, из маленькой деревушки в окрестности Мансфилда.

– Из деревни Гэмвелл? – живо спросила Грейс.

– Да, точно. Вы ее знаете? – поинтересовался Робин.

– Да, сударь, – улыбаясь, ответила девушка, – очень хорошо знаю, хотя никогда там не была.

– Как же это вышло?..

– О, очень просто: молочная сестра Хэлберта, мисс Мод Линдсей, живет в усадьбе сэра Гая. Хэлберт часто навещает сестру, а вернувшись, рассказывает мне о ней, привозит всякие новости из округи; он поведал мне также о гостях сэра Гая и научил меня их любить, – учтиво добавила девушка. – Об одном из них Хэл говорит с особенно теплым чувством.

– О ком? – смеясь, спросил молодой человек.

– Да о вас, сударь, потому что, если память мне не изменяет, я могу с уверенностью сказать, что вы и есть Робин Гуд. Хэл так точно мне описал вас, что ошибиться невозможно. Он рассказывал мне, – продолжала словоохотливая девушка, – что Робин Гуд высок ростом, хорошо сложен, у него большие черные глаза, прекрасные волосы и благородная внешность.

Увидев, что Робин улыбается, Грейс Мэй прервала это выразительное описание, умолкла и опустила глаза.

– Хэл так высоко меня ценит по своей доброте сердечной, мисс, но по отношению к вам он был более строг, и я нахожу, что он сказал мне о вас не всю правду.

– Я думаю, что он ничего обидного для меня не сказал, – возразила Грейс с великолепной доверчивостью разделенной любви.

– Нет, он сказал мне, что вы одна из самых очаровательных особ во всем графстве Ноттингем.

– А вы не поверили?

– Простите мне, но сейчас я вижу, что совершенно напрасно ему поверил.

– Вот это хорошо! – весело воскликнула девушка. – Я счастлива услышать от вас столь откровенные слова.

– Самые откровенные, мисс; я вам только что сказал, что Хэл был очень строг по отношению к вам, и добавлю, что назвав вас одной из самых очаровательных женщин графства, он был не прав.

– Конечно, сударь; но любящему сердцу нужно прощать преувеличение.

– Нет, это не преувеличение, это ослепление, мисс, потому что вы не одна из красивейших женщин, а самая красивая.

Грейс расхохоталась.

– Позвольте мне, – возразила она, – расценить ваши слова как чистую любезность, и я уверена, сочти я их за правду, вы бы решили, что я просто дурочка. Мод Линдсей настоящая красавица, а в усадьбе Гэмвеллов есть еще одна молодая дама, которую вы, конечно, считаете в сто раз более красивой, чем Мод, и в тысячу раз более красивой, чем я; просто вы, сударь, столь же скромны, сколь и любезны и не посмеете открыто сказать то, что думаете.

– Я никогда не боялся говорить откровенно, мисс, – ответил Робин, – и говорю правду, утверждая, что вы в своем роде превосходите красотой всех девушек Ноттингема. Молодая дама, на которую вы намекаете, точно как и вы, имеет право считаться первой в своем типе красоты. Но мне кажется, – добавил Робин, – что разговор наш начинает превращаться в лесть, а мне бы не хотелось, чтобы мой друг Хэл смог меня обвинить в том, что я делаю вам комплименты.

– Вы правы, сударь, давайте побеседуем как друзья.

– Именно так. Так вот, мисс Грейс, отвечайте откровенно на вопрос, который я вам задам. Как случилось, что, даже не успев взглянуть мне в лицо, вы бросились в мои объятия?

– Ваш вопрос ставит меня в затруднительное положение, сэр Робин, – сказала Грейс, – но все же я вам на него отвечу. Вы напевали песенку, которую всегда мурлычет Хэл, и, естественно, мне показалось, что я узнаю его голос. С Хэлом мы дружны с детства, можно сказать, что мы оба выросли на руках моей матери, и я с ним обращаюсь как сестра, мы видимся каждый день. Это вам объяснит, почему я так опрометчиво поступила. Простите меня, прошу вас.

– Да что вы, мисс Грейс, вам не за что просить у меня прощения. Теперь, когда я имею удовольствие видеть вас, я готов позавидовать счастью Хэла и вполне понимаю, что он считает себя самым счастливым парнем на земле.

– Сэр Робин, – весело возразила девушка, – я опять могу уличить вас во лжи. На счастье, которому вы так завидуете, вы источник всех своих надежд не поменяете.

– Прелестная Грейс, – спокойно ответил Робин, – если случится мужчине или женщине привязаться к человеку с благородным сердцем, они никогда и ни на кого его не променяют, и я уверен, что, захоти я вытеснить Хэлберта из вашей души, вы меня отвергнете.

– Конечно, – простодушно подтвердила Грейс, – но, – добавила она смеясь, – я не хотела бы, чтобы Хэлберт узнал мои мысли, а то он бы слишком возгордился.

Эта веселая беседа длилась уже час, как вдруг Робин сказал:

– Мне кажется, что Хэл заставляет себя ждать. Ведь влюбленные нетерпеливы и обычно приходят раньше назначенного времени.

– И это очень естественно, не правда ли, сударь? – сказала Грейс.

– Совершенно естественно.

Наконец, в дверь постучали; послышалась мелодия, которую до того пел Робин; Грейс, бросив на него взгляд, казалось, говоривший: «Видите, моя ошибка вполне простительна», бросилась навстречу пришедшему.

Присутствие Робина не помешало бойкой девушке выбрать Хэла за то, что он так поздно пришел, и поцеловать его с несколько обиженным видом.

– Как?! Вы здесь, Робин? – воскликнул Хэл. – А Мод, как там моя дорогая сестрица Мод? Как ее здоровье?

– Она немного прихворнула.

– Я поеду проведать ее. Надеюсь, ничего серьезного?

– Ничего.

– Я надеялся вас здесь встретить, – продолжал Хэл. – Я узнал, вернее, догадался, что вы пришли в Ноттингем, и вот каким образом. Придя в город с поручением из замка, я услышал, что

Джеффри Силач – вы знаете его, Грейс? – собирается драться на палках с одним лесником. Мне пришлось в голову доставить себе маленькое удовольствие и пойти посмотреть на это.

– А я вас в это время ждала, сударь, – капризно заметила Грейс, надув свои хорошенькие розовые губки.

– Я собирался посмотреть на это зрелище всего лишь минуту. И пришел туда как раз в тот миг, когда Маленький Джон кинул через голову Джеффри, Джеффри Силача, Джеффри Великана, как мы его называем в замке, – вы только подумайте, Грейс, какой замечательный бросок! Я хотел узнать у Джона, как вы поживаете, но не смог пробиться к нему. Я обошел весь город и, исчерпав все возможные средства для моих скрытых поисков, отправился разузнать о вас в замок.

– В замок?! – воскликнул Робин. – И вы там спрашивали меня по имени?

– Нет, нет, успокойтесь. Барон вчера возвратился и, если бы я имел глупость сообщить, что вы сейчас в его владениях, он стал бы вас травить как дикого зверя.

– Дорогой Хэл, я знаю, что мой страх – пустое ребячество, вы осторожны и умеете хранить тайну. Я пришел сюда, во-первых, с целью встретиться с вами, а во-вторых, узнать у вас о пленниках, которые находятся в замке. Вы ведь наверняка знаете, что случилось прошлой ночью в Шервудском лесу?

– Да, знаю. Барон в ярости.

– Тем хуже для него. Но вернемся к пленным; среди них есть один парень, которого я хочу во что бы то ни стало спасти, – это Красный Уильям.

– Уильям! – воскликнул Хэл. – А как же он оказался среди разбойников, которые напали на крестоносцев?

– Дорогой Хэл! – сказал Робин. – Никакого нападения разбойников не было; нападали честные парни, и их вина в том, что они не распознали, на кого нападают, и думали, что это барон Фиц-Олвин со своими солдатами, а не крестоносцы.

– Так это были вы?! – охваченный изумлением, воскликнул бедный Хэл.

Робин утвердительно кивнул.

– Теперь я все понял: когда крестоносцы рассказывали о необычайной меткости одного из нападавших, посылавшего смерть каждой своей стрелой, они говорили о вас. Ах, бедный Робин, исход этой битвы очень печален для вас!

– Да, Хэл, очень печален, – грустно подтвердил Робин, – потому что мой бедный отец убит.

– Убит, достойный Гилберт убит! – в голосе Хэла зазвучали слезы. – О Боже мой!

Мгновение молодые люди молчали, погрузившись в глубокую печаль. Грейс больше не улыбалась: скорбь Хэла и отчаяние Робина разрывали ей сердце.

– И наш дорогой Уилл попал в руки солдат барона? – спросил Хэл, стараясь вернуть мысли Робина к судьбе друга.

– Да, – ответил Робин, – и я пришел искать вас, дорогой Хэл, в надежде, что вы поможете мне проникнуть в замок. Не освободив Уилла, я из Ноттингема не уйду.

– Можете рассчитывать на меня, Робин, – живо отозвался Хэл, – я сделаю все от меня зависящее, чтобы быть вам полезным в этих горестных обстоятельствах. Мы сейчас вместе пойдем в замок, мне легко туда вас провести, но попав туда, вам следует быть бдительным, запастись терпением и проявлять осторожность. С тех пор как барон возвратился, жизнь для нас всех превратилась в настоящий ад: он кричит, бранится, ходит взад-вперед, и всячески изводит нас своим присутствием.

– Леди Кристабель вернулась вместе с ним?

– Нет, он привез только своего духовника; солдаты, прибывшие с ним, все чужестранцы.

– О судьбе Аллана Клера вы ничего не знаете?

– Ни слона, и спросить и замке не у кою. Леди Кристабель и Нормандии, причем, похоже, в монастыре. Остается предполагать, что и сэр Аллан где-то там неподалеку.

– Да, наверное так, – ответил Робин, – бедный Аллан! Надеюсь, он будет вознагражден за свою верную любовь.

– Да, – заметила Грейс, – у влюбленных свое Провидение.

– Я вверяю себя доброте этого благого Провидения! – воскликнул Хэлберт, бросая нежный взгляд на свою невесту.

– И я тоже, – сказал Робин, и сердце его замерло при воспоминании о Марианне.

– Дорогой Робин, – продолжал Хэл, – если мы сможем что-то предпринять для спасения Уильяма, это нужно делать сегодня же вечером, потому что ночью пленных увезут в Лондон, где их будут судить по воле короля.

– Тогда поспешим; я обещал Маленькому Джону ждать его при входе на подъемный мост замка.

– Грейс, дорогая моя, – робко сказал Хэл, – вы не будете бранить меня завтра за то, что я сегодня так быстро от вас ушел?

– Нет, нет, Хэл, можете быть спокойны. Смело помогайте друг другу и обо мне не думайте, а я буду молить Небо поддержать вас.

– Вы лучшая, вы самая любимая из женщин, дорогая Грейс, – сказал Хэл, целуя румяные щечки своей невесты.

Робин учтиво поклонился девушке, и молодые люди быстрым шагом двинулись в сторону замка.

– А и правда, – сказал Робин, – это действительно Маленький Джон. Что значит эта показная близость?

– Голову свою готов заложить, – ответил Хэл, – что Джеффри воспылал к Маленькому Джону внезапной дружбой и ведет его в замок с целью напоить его. Джеффри прекрасный малый, но уж очень он неосторожен. Он совсем недавно у барона на службе, и будет большой шум, если окажется, что он любитель опустошать бутылки.

– Ну, остается положиться на присущую Маленькому Джону умеренность, – ответил Робин, – он удержит своего приятеля от излишеств.

– Внимание, Робин, – живо оборвал его Хэл, – Маленький Джон нас заметил, вот он делает нам знак.

Робин посмотрел в сторону друга.

– Он делает мне знак подождать его, – ответил Робин Хэлу, – он идет в замок; я же сейчас дам ему понять, что буду вас сопровождать, и мы встретимся на каком-нибудь из замковых дворов.

– Хорошо. Пойдемте со мной в буфетную, я скажу, что вы мой друг. Там мы попробуем из болтовни солдат выяснить, в какой части главной башни заперты пленные, и имя того, кому поручено их сторожить; если нам удастся выкрасть ключи, мы освободим Уильяма; но, чтобы выйти из замка, нам обязательно придется опять пробираться подземным ходом. А уж когда мы будем в лесу...

– Ну, тогда пусть пойдут и попробуют нас догнать! – весело воскликнул Робин.

Хэл окликнул сторожа, подъемный мост опустился, и Робин оказался в Ноттингемском замке.

Ну а Маленький Джон, которому пришлось войти вместе с Джеффри, решил воспользоваться внезапным расположением, которым к нему проникся норманнский солдат, и помочь своему двоюродному брату.

Леснику было очень легко навести разговор на ночные события: Джеффри весьма охотно удовлетворил любопытство своего нового друга и даже сообщил ему, что стережет трех пленных.

– А среди них, – добавил он, – есть очень видный парень с поистине замечательной внешностью.

– Вот как? – равнодушным тоном спросил Маленький Джон.

– Да, за всю вашу жизнь вы скорее всего не встретите волос такого странного цвета: они почти красные. Но, несмотря на это, он очень хорош собой; глаза у него просто удивительные, правда, сейчас, можно сказать, они горят от гнева адским пламенем. Милорд был в камере этого бедняги, когда я стоял на часах, но он ни слова от него не добился и поклялся, что и суток не пройдет, как его повесят.

«Бедный Уилл!» – подумал Маленький Джон, а вслух спросил:

– Вы думаете, этот несчастный ранен?

– Да нет, он здоровее нас с вами, – ответил Джеффри. – Просто он в плохом настроении.

– А у вас, что, камеры находятся на крепостных валах? – спросил Маленький Джон. – Такое ведь редко бывает!

– Ошибаетесь, сэр чужак; в Англии такое есть во многих замках.

– А где они расположены, на углах?

– Чаще всего да, но не во всех можно держать людей; вот та, например, где поместили парня, о котором я вам рассказывал, находится в западном углу, и она еще ничего, там человек может жить, не испытывая особых неудобств.

Да вы отсюда можете увидеть, где она находится, – добавил Джеффри, – смотрите на этот барбакан, видите?

– Да.

– Ну вот, смотрите, там наверху есть довольно большое отверстие для света и воздуха, а ниже – маленькая дверца.

– Вижу. И что же, этот рыжий там?

– Там, к его несчастью.

– Бедный парень! Невесело это, правда же, мастер Джеффри?

– Да уж, веселого мало, сэр чужак!

– И подумать только, – продолжал Маленький Джон как бы просто рассуждая сам с собой, – что там сидит в четырех стенах за запертой на засов дверью молодой, сильный и здоровый человек, который, в конце концов, ничего особенно плохого не сделал и, наверное, исчерпал все свои силы, понапрасну пытаюсь вырваться! Часовые с него, наверное, глаз не сводят?

– Да нет, он там совсем один, и будь у него друзья, убежать ему было бы совсем нетрудно. Дверь заложена на засов снаружи, стоит лишь отодвинуть его, и – трах! – она повернется на петлях; только вот с западной стороны невозможно перебраться через вал.

– Почему?

– А там все время солдаты спуют, но вот с восточной стороны почти никого нет, и там дорога надежная.

– Что, и сторожа нет?

– Нет, с той стороны совершенно пусто; говорят, там привидения бродят, и поэтому туда из страха никто не ходит.

– Черт возьми, – сказал Маленький Джон, – я не стал бы советовать пленному такой ненадежный способ бегства; ну, выйдет он из камеры, а как через стены перебраться в такой крепости?

– Конечно, человек чужой, тайных проходов не знающий, и десяти шагов не сделает, сразу попадетсЯ; а я, например, если бы хотел убежать, забрался бы в пустую комнату на восточном валу, окно которой выходит на ров; рядом с окном, стоит руку протянуть, есть старый аркбутан, на него можно встать ногой, а оттуда спуститься на деревянный плот – он плавает во рву: наверное, люди барона им пользуются как плавучим мостом, когда им случается возвращаться в замок после сигнала тушить огни. А уж перебравшись через ров, остается только на свои ноги надеяться.

– Да, пленному нужен был бы сообразительный друг, – сказал Маленький Джон.

– Но у него такого друга нет.

– Такого друга нет, – как эхо, повторил Джеффри.

– Добрый лесник, – заговорил снова Джеффри, – позвольте мне вас на несколько минут оставить, у меня есть кое-какие дела; если вам хочется прогуляться по замку, вам это разрешается, а если вас окликнут, отзовитесь так: «Охотно и честно» – и тогда будет понятно, что это идет друг.

– Благодарю вас, мастер Джеффри, – с признательностью произнес Маленький Джон.

– Подожди, скоро ты еще не так меня поблагодаришь, саксонская собака! – проворчал Джеффри, выходя из комнаты. – Да и то сказать, этот крестьянин принимает меня за такого же,

как он сам, а я норманн, настоящий норманн, и я докажу ему, что нельзя безнаказанно побить Джеффри Силача. А-а, проклятый лесник, ты заставил склонить голову человека, плеч которого до этого ни разу не коснулась палка противника, и уж будь спокоен, ты в своей наглости раскрасешься; ну, попался ты в ловушку, – расхохотался Джеффри, – могучий лесник, ты ведь наверняка сюда явился, чтобы спасти напавших на крестоносцев друзей, таких же негодяев, как ты сам. Хорошо же, придется тебе попутешествовать на службе его величества, если только я тебе в сердце нож не всажу. А как он легко наживку проглотил! Жизнь готов прозакладывать, что я найду его на восточном валу, и мне представится прекрасный случай разом отплатить ему за все.

Ворча таким образом, Джеффри подумывал о том, как бы поставить свою бдительность себе в заслугу перед бароном и в то же время отомстить Маленькому Джону.

Маленький Джон, оставшись один, тоже стал размышлять.

«Может быть, этот Джеффри и настоящий мужчина, – думал племянник сэра Гая, – и намерения у него хорошие, но я что-то не верю ни в его честность, ни в его доброжелательность. Такому ничтожному человеку вряд ли могут быть свойственны великодушие, умение прощать, да еще и заинтересованность в судьбе одержавшего верх соперника; следовательно, Джеффри меня обманывает, и я, видно, попался в сеть; нужно отсюда выбираться и постараться спасти Уильяма».

Маленький Джон вышел из комнаты и совершенно наугад двинулся в сторону широкой галереи, надеясь, что она выведет его к восточному валу.

Около получаса он шел по совершенно пустынным коридорам и переходам и в конце концов очутился перед какой-то дверью. Маленький Джон открыл ее и увидел старика: наклонившись над окованным железом сундуком, он бережно укладывал мешочки, наполненные золотыми монетами. Он старательно считал их, а потому не сразу заметил, что и комнате есть кто-то еще.

Маленький Джон и сам не знал, что он ответит старику, когда тот поднимет голову и непременно спросит своего гостя-великана, кто он такой. Лицо старика искажил ужас; он уронил один мешочек, и золото рассыпалось по полу с тихим звоном, заставившим беднягу вздрогнуть.

– Кто вы? – дрожащим голосом спросил он. – Я запретил всем входить в мои покои. Что вам от меня надо?

– Я приятель Джеффри. Я хотел попасть на западный вал, но по дороге заблудился.

– А-а! – воскликнул старик, и как-то странно усмехнулся. – Так вы друг Джеффри Силача, храброго Джеффри? Послушайте, красавец-лесник, потому что вы и вправду самый красивый парень, которого я видел за всю свою жизнь, не хотите ли вы сменить крестьянский кафтан на солдатскую форму? Я барон Фиц-Олвин.

– Ах, так вы барон Фиц-Олвин? – воскликнул Маленький Джон.

– Да, и в один прекрасный день вы поздравите себя с тем, что у вас хватило ума принять мое предложение и что вам вообще повезло, раз вы меня встретили.

– Какое предложение? – спросил Маленький Джон.

– Предложение поступить ко мне на службу.

– Прежде чем ответить вам, позвольте мне задать вам несколько вопросов, – продолжал Маленький Джон, с невозмутимым видом подходя к двери и поворачивая дважды ключ в замке.

– Что вы делаете, красавец-лесник? – спросил барон, охваченный внезапным ужасом.

– Предупреждаю нескромность людей и пытаюсь воспрепятствовать посещениям, которые могли бы быть стеснительны, – совершенно спокойно ответил молодой человек.

В серых глазках барона блеснула ярость.

– Это вы видите? – спросил лесник, показывая его светлости широкий ремень из оленьей кожи.

Старик, задыхаясь от гнева, вместо ответа на этот встревоживший вопрос, утвердительно кивнул.

– Выслушайте меня внимательно, – продолжал молодой человек, – я хочу попросить вас об одной милости, и если вы, под каким бы то ни было, предлогом откажете мне, я без всякого сожаления повешу вас на карнизе большого шкафа, который вон там стоит. На ваш крик никто не

придет по самой простой причине: я не дам вам кричать. Я вооружен, воля у меня железная, мужество ей не уступает, а сил достаточно, чтобы защищать от двадцати солдат вход в комнату. Так или иначе, поймите хорошенько: если вы откажетесь мне повиноваться, то можете считать себя мертвым. «Презренный негодяй! – думал барон. – Только бы ускользнуть из твоей власти, и я прикажу избить тебя до бесчувствия».

– Ну и что же вам угодно, храбрый лесник? – спросил он слащавым голосом.

– Я хочу, чтобы вы освободили...

В этот миг в коридоре раздались быстрые шаги и дверь в комнату затряслась от мощного удара. Маленький Джон вытащил из-за пояса тонкий и острый нож, схватил старика и угрожающим шепотом произнес:

– Если вы вскрикните или скажете хоть слово, угрожающее моей безопасности, я убью вас.

Спросите, кто там стучит.

Испуганный барон тут же повиновался:

– Кто там?

– Это я, милорд.

– «Кто это ты, болван?» – подсказал Маленький Джон.

– Кто это ты, болван? – повторил барон.

– Джеффри.

– Что вам нужно, Джеффри?

– Милорд, я должен сообщить вам важную новость.

– Какую?

– Я держу в руках предводителя тех негодяев, которые напали на вассалов вашей светлости.

– «Вот как!» – насмешливо прошептал Маленький Джон.

– Вот как! – повторил несчастный барон.

– Да, милорд, и если ваша светлость мне позволит, я расскажу, с помощью какой хитрости мне удалось завладеть этим разбойником.

– Я сейчас занят и не могу вас принять, вернитесь через полчаса, – повторил барон слова, подсказанные Маленьким Джоном.

– Через полчаса будет поздно, – ответил Джеффри, совершенно огорченный таким ответом.

– Повинуйтесь, негодяй! Убирайтесь! Еще раз повторяю, я очень занят!

Барон, вне себя от ярости, отдал бы с радостью все мешки золота, спрятанные в сундуке, чтобы иметь возможность удержать Джеффри и позвать его к себе на помощь. К несчастью для него, Джеффри, привыкший безоговорочно повиноваться данным ему приказам, так же быстро удалился, как и пришел, и барон опять остался наедине со своим противником-великаном.

Когда шум шагов солдата затих в коридорах, Маленький Джон снова заткнул нож за пояс и сказал лорду Фиц-Олвину:

– Теперь, сэр барон, я объясню вам, чего я хочу. Прошлой ночью в Шервудском лесу была стычка между вашими солдатами, возвращавшимися из Святой земли, и отрядом храбрых саксов. Шестеро саксов попали в плен: я хочу, чтобы они получили свободу, и хочу также, чтобы их никто не сопровождал и не шел за ними по пятам, так как опасюсь, что их будут выслеживать, и

запрещаю это.

– Я рад бы угодить вам, храбрый лесник, но...

–... но вы не хотите... Послушайте, господин барон, у меня нет ни времени слушать ваши лживые слова, ни утомлять ими свой слух. Даруйте мне свободу этих бедных парней, иначе я не отвечаю за вашу жизнь уже в ближайшие четверть часа.

– Уж очень вы спешите, молодой человек. Ну что ж! Повинуюсь вам. Вот моя печать: пойдите, найдите часового на валу, предъявите ему печать и скажите ему, что я вам обещал освободить мерзавцев... пленников. Часовой приведет вас к тому, кто ими занимается, и вам откроют дверь зала, где они заперты, ведь они не в камерах сидят, ваши храбрые друзья.

– Ваши слова мне кажутся вполне искренними, сэр барон, – ответил Маленький Джон, – и все же я им не очень верю. Печать, часового, хождение туда-сюда из одного места в другое – все это слишком сложно для меня, и я с этим не справлюсь. А потому, по доброй воле или силой, но вам придется самому отвести меня к тому человеку, что стережет моих друзей; вы ему прикажете отпустить их и дадите нам возможность спокойно выйти из стен замка.

– Вы сомневаетесь в моем слове? – с обиженным видом промолвил барон.

– Очень сомневаюсь и хочу добавить, что если вы словом, жестом или знаком попытаете загнать меня в ловушку, то я в то же мгновение, не предупреждая, всажу вам нож в сердце.

Маленький Джон произнес эти угрозы так твердо, а лицо его выражало столь непоколебимую решимость, что не оставалось никаких сомнений: от слов он готов перейти к делу.

Барон был в очень опасном положении, причем по своей собственной вине. Обычно его безопасность охранял небольшой отряд или около покоев, или где-нибудь неподалеку, и его легко можно было позвать. Но в тот день, желая остаться один, чтобы тайне разобраться с огромным количеством золота, накопленного в его сундуках (банкиров и те времена еще не было), он удалил стражу и запретил под каким-либо видом входить к нему. Поэтому барон был уверен, что вокруг никого нет, и, будучи в отчаянии, все же не решался нарушить запрет Маленького Джона: как ни хотелось ему завопить от страха, он хранил молчание. Лорд Фиц-Олвин очень дорожил жизнью, и у него еще не появлялось желание присоединиться к своим предкам. Однако он был близок к тому, чтобы отправиться в это грустное путешествие, потому что в борьбе, затеянной им с Маленьким Джоном, ему трудно было рассчитывать на успех: обещанную свободу пленным, которую молодой сакс так решительно требовал, он дать не мог по той простой причине, что с первыми лучами солнца связанные друг с другом, под охраной двадцати солдат они были отправлены в Лондон.

Армия Генриха II в результате походов в Нормандию сильно поредела, и, хотя королевство ни с кем не воевало, король набирал в солдаты, насколько это было возможно, высоких и крепких здоровьем молодых людей.

Чтобы угодить королю, сеньоры отсылали в Лондон немалое число своих вассалов, и лорд Фиц-Олвин вернулся в Ноттингем только для того, чтобы отобрать там людей, достойных пополнить собою ряды королевских солдат. Высокий рост Маленького Джона, его гордый вид и геркулесова сила внезапно пробудили в бароне желание отправить его в Лондон. Так что именно с этим тайным намерением он и предложил молодому человеку поступить к нему на службу и надеть военный плащ.

Принужденный подчиниться новому приказу Маленького Джона, барон решил скрыть от него правду и, под предлогом, что там находятся пленные, повести его за собой в ту часть замка, где сразу же можно будет получить помощь.

– Я готов уступить вашему требованию, – сказал он, вставая со стула.

– Вы совершенно правы, уверяю вас, – ответил молодой человек, – и если вы пожелали отложить на более отдаленное время свой визит к Сатане, который вас давно уже ждет, поспешим уйти из этой комнаты. Ах, да, еще одно слово, – добавил Маленький Джон.

– Говорите, – простонал старик.

– Где ваша дочь?

– Моя дочь?! – в крайней степени удивления воскликнул Фиц-Олвин. – Моя дочь?!

– Да, ваша дочь, леди Кристабель?

- Поистине, господин лесник, странный вопрос вы мне задаете.
- Ну и что? Отвечайте честно.
- Леди Кристабель в Нормандии.
- А в какой части Нормандии?
- В Руане.
- Это правда?
- Совершенная правда; леди Кристабель живет там в монастыре.
- А что случилось с Алланом Клером?

Лицо барона внезапно покраснело, губы задрожали; он крепко стиснул зубы, чтобы заглушить крик ярости, и с невыразимым гневом уставился на молодого человека. Но Маленький Джон, нависая над слабым противником во весь свой рост, медленно повторил вопрос:

- Так что случилось с Алланом Клером?
- Не знаю.

– Это ложь! – воскликнул Маленький Джон. – Ложь! Вот уже шесть лет, как он уехал, чтобы отправиться за леди Кристабель, и я уверен, вам известно, что случилось с этим несчастным. Где он?

- Я этого не знаю.
- Вы видели его в течение этих шести лет?
- Видел, проклятый упрямец!..
- Давайте без оскорблений, господин барон. Где вы его видели?

– Первая наша встреча, – отвечал лорд Фиц-Олвин с горечью, – произошла в таком месте, где этому бесстыдному бродяге бывать было запрещено. Я нашел его в комнате моей дочери, у ног леди Кристабель. В тот же вечер моя дочь поступила в монастырь. На следующий день у него хватило дерзости прийти ко мне и попросить у меня ее руки. Я приказал моим людям выставить его за дверь, и с тех пор я его не видел, но недавно узнал, что он поступил на службу к французскому королю.

- По своей воле? – спросил Джон.
- Да, чтобы выполнить условия заключенного между нами договора.
- Договора? Что Аллан обязан сделать и что вы ему обещали?
- Он обязан восстановить свое состояние, снова стать владельцем своих земель, отобранных в казну из-за преданности его отца Томасу Бекету. Я обещал ему руку дочери, если он семь лет пробудет вдали от нее и не будет пытаться ее увидеть. Но если он нарушит слово, я волен распорядиться рукой леди Кристабель как захочу.

- И когда заключено соглашение?
- Три года назад.
- Прекрасно, теперь займемся пленными. Пойдем освободим их.

В груди барона бушевал настоящий вулкан, но зловещие замыслы, теснившиеся в его мозгу, не отразились на его бледном лице. Прежде чем пойти за Маленьким Джоном, он запер свой драгоценный сундук на два оборота ключа, убедился в том, что следов его сокровищ снаружи не осталось, и сказал блаженным тоном:

- Идем, храбрый сакс.

Маленький Джон был не таким человеком, чтобы слепо идти по пути, выбранному бароном, и он сразу заметил, что лорд Фиц-Олвин двигается в направлении, противоположном тому, которое вело к валам.

– Сэр барон, – сказал он, кладя свою могучую руку на плечо старика, – вы выбрали дорогу, которая уводит нас от цели.

- Почему вы так считаете? – спросил барон.
- Да потому, что пленные заперты в камерах на валу.
- Кто вам это сказал?
- Джеффри.
- Ах, негодяй!
- Да, действительно негодяй, потому что он не удовольствовался тем, что сообщил, где за-

перты пленные, но и указал, как устроить побег.

– Правда? – воскликнул барон. – Не забыть бы его наградить за добрую службу. Однако, предавая меня, он злоупотребил вашей доверчивостью: в этой части замка пленных нет.

– Возможно, но я хотел бы убедиться в этом сам вместе с вами.

Под галереей, где находились барон и Маленький Джон, в эту минуту раздались тяжелые шаги нескольких человек. От неожиданной помощи лорда Фиц-Олвина отделяла только лестница, поэтому, воспользовавшись тем, что лесник в эту минуту внимательно разглядывал, где кончается галерея, он, с необыкновенной для его возраста ловкостью, бросился к двери, выходящей на лестницу. Но когда он уже собирался опуститься по ней, перепрыгивая через несколько ступенек, в эту самую минуту на его плечо опустилась железная рука. Несчастный старик издал пронзительный вопль и стал прыгать со ступеньки на ступеньку. Невозмутимый Маленький Джон только увеличил шаг. Безумный спуск барона становился все стремительнее. Влекомый надеждой на спасение, старик продолжал свой отчаянный бег, кричал, звал на помощь, но его пронзительные крики терялись в огромных и пустынных галереях. Наконец, через четверть часа беспорядочного бегства, барону на его пути попала какая-то дверь, он толкнул ее с такой силой, что распахнулись обе створки, и почти без сознания рухнул на руки человека, выскочившего ему навстречу.

– Спасите! Спасите! Убивают! – закричал он. – Хватайте его! Убейте его!

И, перестав изрыгать проклятия, лорд Фиц-Олвин выскользнул из рук, пытавшихся удержать его на ногах, и растянулся во всю длину на полу.

– Назад! – крикнул Маленький Джон, стараясь оттолкнуть защитника барона. – Назад!

– Ну же, Маленький Джон, – прозвучал знакомый голос, – гнев вас так ослепил, что вы своих друзей не узнаете?

Маленький Джон удивленно воскликнул:

– Это вы, Робин!? Слава Богу! Какой счастливый случай для этого предателя! Иначе, клянусь вам, настал бы его смертный час!

– За кем же вы так гнались, мой храбрый Джон?

– Это барон Фиц-Олвин, – шепнул Робину Хэлберт, стараясь спрятаться за спиной молодого человека.

– Как, барон Фиц-Олвин?! – воскликнул Робин. – Я просто и восторге от этой встречи, потому что смогу задать ему очень важные вопросы о людях, которых я люблю.

– Вы можете не утруждать себя этими расспросами, – ответил Маленький Джон, – я узнал от его светлости все что нужно: и о судьбе Аллана Клера, и о положении наших друзей; они заперты где-то здесь, и он вел меня к ним в камеру, чтобы их освободить, вернее, этот предатель делал вид, что ведет к ним, а на самом деле пытался улучшить мгновение, когда мое внимание ослабеет, и убежать.

При этих словах у барона вырвался тяжкий вздох сожаления об упущенной возможности.

– Обещая вам освободить наших друзей, он вам лгал, мой храбрый Джон; наши парни уже держали путь в Лондон, когда мы завтракали в харчевне, – заметил Робин Гуд.

– Невозможно! – воскликнул Маленький Джон.

– И все же это так, – возразил ему Робин Гуд. – Хэл только что об этом узнал, и мы искали вас, чтобы вместе выбраться из логова льва.

Услышав имя Хэлберта, барон поднял голову, украдкой взглянул на молодого человека и, удостоверившись в неверности своего слуги, снова принял положение побежденного, вполголоса проклиная на все лады бедного Хэла.

Движение барона не ускользнуло от тревожного внимания Хэла.

– Робин, – заметил он, – милорд так на меня посмотрел, что я понял: за мои дружеские чувства к вам мне от него награды ждать не приходится.

– Уж конечно, – глухо проворчал лорд Фиц-Олвин, я твоего предательства не забуду.

– Ну что же, дорогой Хэл, – сказал Робин, – поскольку здесь вам находиться больше нельзя, а наше дальнейшее пребывание в замке бессмысленно, давайте выбираться отсюда вместе.

– Пойдите, – прервал его Маленький Джон, – мне кажется, я окажу большую услугу всему

графству, избавив его навеки от безудержной власти этого проклятого норманна. Я сейчас отправлю его прямо к Сатане.

Эта угроза заставила барона подпрыгнуть на его тощих ногах, и он на мгновение даже стал выше ростом. Хэл и Робин пошли запереть дверь.

– Добрый лесник, – пробормотал старик, – и ты, честный лучник, и ты, мой милый маленький Хэл, прошу вас, не будьте безжалостны. Я неповинен в несчастье, случившемся с вашими друзьями, они напали на моих людей, мои люди защищались – разве это не естественно? Те храбрые ребята попали мне в руки, но, вместо того чтобы их повесить, как долж... как они заслужили... я хотел сказать, как должно было ожидать, я их пощадил и отправил в Лондон. Я же не знал, что вы явитесь сегодня ко мне и потребуете их освободить; если бы меня предупредили, то, понятное дело, этим славным парням... сейчас ничего другого не надо было бы желать. Одумайтесь и, вместо того чтобы впадать в гнев, будьте судьями, а не палачами. Клянусь вам, что попрошу пощадить ваших друзей, клянусь также, что прощу Хэлу его невер... его легкомысленное поведение и сохраню за ним место, которое он занимал на службе у меня.

Продолжая говорить, барон прислушивался к малейшему шуму, напрасно надеясь на помощь.

– Барон Фиц-Олвин, – торжественно произнес Маленький Джон, – я должен действовать по закону, который действует в лесу: вы сейчас умрете.

– Нет, нет, – зарыдал барон.

– Послушайте, прошу вас, милорд. Я говорю без гнева. Шесть лет назад ваши люди сожгли дом этого молодого человека, а его мать была убита одним из ваших солдат; тогда, над телом этой несчастной мы поклялись отомстить ее убийце.

– Сжальтесь надо мной! – простонал старик.

– Маленький Джон, – сказал Робин, – пощадите этого человека ради ангельского создания, которое называет его отцом. Милорд, – добавил Робин, повернувшись к барону, обещайте мне отдать Аллану Клеру руку той, которую он любит, и мы сохраним вам жизнь.

– Обещаю вам, сэр лесник.

– Вы сдержите слово? – спросил Маленький Джон.

– Да.

– Оставьте ему жизнь, Джон; клятва, которую он нам принес, записана на Небесах, и, если он ее нарушит, он обречет свою душу на вечное проклятие.

– Думаю, что он уже успел это сделать, друг мой, – ответил Джон, – и никак не могу смириться с тем, что должен его помиловать.

– Да разве вы не видите, что он и так полумертв от страха?

– Да, конечно; но, стоит нам на сто шагов отойти от этого места, он всех своих людей бросит за нами в погоню. Надо как-то воспрепятствовать такому опасному развитию событий.

– Запрет его в этой комнате, – предложил Хэл. Лорд Фиц-Олвин с ненавистью взглянул на него.

– Да, так и сделаем, – решил Робин.

– А вопли, а шум, который он поднимет, как только мы уйдем? Об этом ны подумали?

– Тогда, – сказал Робин, – привяжите его к стулу лентой из оленьей кожи, которой обмотан ваш пояс, а рот заткните ему рукояткой его собственного кинжала.

Маленький Джон схватил барона, не смеявшего сопротивляться, и крепко привязал его к спинке стула.

Приняв эту предосторожность, молодые люди поспешили к подъемному мосту, и сторож, друг Хэла, тут же их выпустил.

Пока наши друзья быстрым шагом двигались к дому Грейс Мэй, Джеффри, изнывая от нетерпения, поднимался в покои барона.

Подойдя к дверям, он тихонько постучал, затем, не получив ответа, постучал сильнее; ему опять никто не ответил. Испуганный этим молчанием, Джеффри позвал барона, но ему ответило только эхо собственного голоса. Тогда он поднажал своим мощным плечом и высадил дверь.

Комната была пуста.

Джеффри обежал все залы, коридоры, переходы, галереи, крича во весь голос:

– Милорд! Где вы, милорд?

Наконец, после долгих поисков, Джеффри оказался лицом к лицу со своим господином.

– Милорд! Господин мой! Что случилось? – воскликнул Джеффри, развязывая барона.

Барон, задыхаясь от ярости, гневно закричал:

– Поднимите мост, никого не выпускайте, обыщите весь замок, найдите этого верзилу-лесника, свяжите мерзавца и притащите сюда; Хэла немедленно повесить! Ступайте же, болван, ступайте!

Барон, разбитый усталостью, еле дотащился до своей комнаты, а Джеффри, полный надежды поймать Маленького Джона, побежал исполнять многочисленные приказания, которые он получил.

Через час, когда люди барона поставили в замке все вверх дном, чтобы найти Маленького Джона, Хэл, успевший проститься с Грейс Мэй, вместе с друзьями шел по Шервудскому лесу в направлении Гэмвелла.

XVIII

Придя в себя от страха и усталости, барон Фиц-Олвин приказал своим людям произвести розыски в городе, чтобы обнаружить следы лесника. Само собой разумеется, что он обещал себе жестоко отомстить за неслыханное оскорбление, которое ему нанесли.

Джеффри рассказал барону о бегстве Хэлберта, и эта последняя новость довела владельца замка до белого каления.

– Презренный плут! – заявил он Джеффри. – Если ты оплошаешь и упустишь разбойника, представившегося мне твоим другом, я тебя повешу без всякого милосердия.

Стремясь вернуть себе уважение и доверие своего господина, могучий норманн искал лесника самым тщательным образом. Он обежал весь город и его окрестности, опросил всех трактирщиков в округе, и ему удалось узнать, что у первого лесничего Шервудского леса, сэра Гая Гэмвелла, есть племянник, чье описание полностью соответствовало внешности красавца-лесника. Джеффри узнал также, что молодой человек живет в доме своего дяди и, судя по описаниям главаря шайки, которые сделали крестоносцы, подвергшиеся ночному нападению, этот родственник сэра Гая и есть не кто иной, как противник барона и победитель Джеффри.

Человек, от которого Джеффри получил эти ценные сведения, добавил также, что молодого лучника, чья меткость, можно сказать, вошла в поговорку, зовут Робин Гудом и он тоже живет в поместье Гэмвелла.

Само собой разумеется, что Джеффри тут же побежал сообщить барону все, что ему удалось узнать.

Лорд Фиц-Олвин спокойно выслушал весьма многословное повествование своего слуги, что свидетельствовало о его немалом терпении, и вдруг его озарило. Он вспомнил, что Мол, или Иезавель, как обычно барон называл служанку своей дочери, нашла пристанище в поместье Гэмвеллов, и там, наверное, живет Робин Гуд, главарь шайки, а также Маленький Джон и остальные люди, входившие в эту наглую компанию.

Известия, полученные из других источников, подтверждали правдивость рассказа Джеффри, и лорд Фиц-Олвин решил немедленно принести к подножию трона короля Генриха II жалобу на лесников.

Время для этого было выбрано удачно. В это время Генрих II деятельно занимался внутренними делами королевства, стараясь внушить своим подданным уважение к земельной собственности, а потому внимательно выслушивал все сообщения о кражах и разбое, которые ему приносили его осведомители.

По приказу короля те из виновных, кого удавалось схватить, сначала заключались под стражу, а затем из королевской тюрьмы их переводили или нижними чинами в армию или гребцами на галеры.

Лорд Фиц-Олвин добился того, чтобы Генрих II выслушал его дело, и изложил королю

причины, сильно их преувеличив, своей вражды с Робин Гудом. Имя Робина тотчас привлекло внимание государя, он потребовал рассказать ему все поподробнее и тут же выяснил, что это именно тот самый Робин Гуд, кто, объявив себя прямым потомком Уолтофа, которому графство Хантингдон пожаловано было Вильгельмом I, требовал вернуть ему титул и имения последнего представителя рода. Как мы уже знаем, иск Робин Гуда был отвергнут, и его противник, аббат Рамсей, продолжал владеть наследством молодого человека.

Обнаружив, что враг барона не кто иной, как самозванный граф Хантингдон, король пришел в великий гнев и приговорил Робин Гуда к изгнанию. Он также приказал, чтобы семья Гэмвелл, открыто покровительствовавшая Робин Гуду, была лишена всех прав состояния и земель.

Один друг сэра Гая, узнав о жестоком приговоре, вынесенном старику, поспешил известить его об этом. Ужасная новость повергла в оцепенение всех обитателей мирного поместья Гэмвеллов; крестьяне, узнав вскоре о несчастье, постигшем их господина, собрались вокруг замка и заявили, что они будут вместе с сэром Гаем защищать подступы к поместью и скорее умрут сражаясь, чем уступят хоть одну пядь земли. У сэра Гая, однако, была прекрасная усадьба в Йоркшире, Робин Гуд об этом знал, и по совету Маленького Джона он стал умолять сэра Гая оставить Гэмвелл и увезти семью в это надежное убежище.

– Меня мало заботит, сколько дней я еще проживу, – ответил баронет, вытирая дрожащей рукой слезы с покрасневших глаз. – Я похож на старый дуб в нашем лесу, с которого даже легкий ветерок срывает один за другим последние листья. Мои дети сегодня покинут этот разоренный дом, но у меня самого не хватит ни сил, ни мужества покинуть кров моих отцов. Здесь я родился, здесь умру. Не требуйте, чтобы я уехал, Робин Гуд; дом моих предков станет моей могилой; как и они, я умру на пороге дома, в котором я родился, и, как они, буду защищать его двери от незваных гостей. Увезите мою жену и дочерей... Мои сыновья, я в этом уверен, не захотят покинуть старого отца и вместе с ним будут защищать колыбель нашего рода.

Старик остался глух к просьбам Робин Гуда и мольбам Маленького Джона; пришлось отказаться от надежды заставить его покинуть Гэмвелл, и, поскольку обстоятельства требовали быстрых и решительных действий, молодые люди стали готовить отъезд женщин.

Леди Гэмвелл, ее дочери, Марианна, Мод и все служанки должны были под охраной отряда крестьян, верных сэру Гаю, с наступлением темноты покинуть усадьбу.

Когда все приготовления к этому горестному событию были закончены и вся семья собралась в большом зале, Робин Гуд, увидев, что Марианна отсутствует, поспешил в ее комнату.

– Робин! – вдруг окликнул его прерывающийся от рыданий голос.

Молодой человек повернул голову и увидел заплаканную Мод.

– Дорогой Робин, – сказала девушка, – я хотела поговорить с вами прежде чем уеду из поместья. Увы, Боже мой! Может быть, мы и не свидимся больше!

– Дорогая Мод, прошу вас, успокойтесь и не поддавайтесь таким грустным мыслям. Клянусь вам, мы скоро снова будем вместе.

– Хотела бы я вам верить, Робин, но, по правде говоря, это невозможно. Я знаю опасность, которая нам угрожает, и защита этой усадьбы – дело почти невыполнимое. Час отъезда приближается; позвольте мне, Робин, выразить вам глубокую благодарность за вашу неизменную доброту ко мне.

– Прошу вас, Мод, не нужно об этом говорить; какие благодарности, какая признательность могут быть между нами? Вы же помните, что мы с вами шесть лет назад заключили дружественный союз: я поклялся любить вас как брат, а вы – относиться ко мне с нежностью сестры. И я спешу добавить, что вы сдержали слово и были мне нежным другом и лучшей из сестер. И с каждым годом я любил нас нее больше.

– Вы меня действительно любите, Робин?

– Да, Мод, и по-родственному пекусь о вашем счастье.

– Вы всегда поступали так, чтобы я могла убедиться в вашей привязанности, дорогой Робин, и поэтому я верю в вашу преданность и могу вам сказать...

Тут девушка залилась слезами.

– Мод, Мод, что с вами? Да говорите же толком; глупышка, вот уж в самом деле, вы пугли-

вы, как молодая лань.

Но девушка, закрыв лицо руками, по-прежнему рыдала.

– Ну же, Мод, мужайтесь! Зачем так отчаиваться? Что вы хотели мне рассказать? Я слушаю, говорите, не бойтесь!

Мод отняла руки от лица, подняла глаза и, пытаясь улыбнуться, сказала:

– Я так страдаю! Я думаю об одном человеке, который был ко мне добр и внимателен, заботился обо мне...

– Вы думаете о Уильяме? – живо прервал ее Робин. Девушка покраснела.

– Ура! – закричал Робин. – Ах, милая моя крошка Мод, так вы, слава Господу, любите этого славного парня! Я бы все отдал, чтобы Уилл был здесь, у ваших ног. Он был бы так счастлив, если бы услышал ваше: «Я люблю вас, Уильям!»

Сначала Мод попробовала отрицать, что любит Уильяма так сильно, как это думает Робин, но все же вынуждена была признаться в своих чувствах: она так долго думала о нем, что постепенно привязалась к нему. После этого признания, которое ей трудно было сделать, особенно Робину, Мод спросила его, почему не видно Уильяма.

Робин ответил, что Уилл отсутствует по необходимости из-за некоего важного дела, что беспокоиться не стоит и что через несколько дней он вернется к родным.

Эта ложь во имя благой цели вернула Мод спокойствие и ясность души; она подставила Робину щеку, покрасневшую от слез, и, получив братский поцелуй, поспешила спуститься в зал.

А Робин пошел в покои Марианны.

– Дорогая Марианна, – сказал Робин, беря руки возлюбленной в свои, – мы должны сейчас расстаться и, может быть, надолго. Позвольте же мне перед разлукой поговорить с вами откровенно.

– Я слушаю вас, дорогой Робин, – ласково ответила девушка.

– Вы ведь знаете, конечно, Марианна, – продолжал дрожащим голосом молодой человек, – что я люблю вас всеми силами своей души.

– Ваши поступки доказывают мне это каждый день, друг мой.

– Вы же мне доверяете, правда? Вы ведь верите в искренность моей любви, ее полное бескорыстие?

– Да, безусловно, да; но по какой причине вы спрашиваете меня, верю ли я честному человеку, храброму сердцу и настоящему другу?

Вместо ответа на вопросы Марианны Робин грустно улыбнулся.

– Но вы и в самом деле меня пугаете, Робин; говорите, умоляю вас, говорите; ваша серьезность, озабоченный вид, странные вопросы, обращенные ко мне, заставляют меня опасаться несчастья еще более страшного, чем те, что уже давно преследуют меня.

– Успокойтесь, Марианна, – с нежностью сказал Робин, – благодарение Богу, я не собираюсь сообщать вам плохие новости. Я хочу поговорить с вами только о вас самой, и не надо на меня сердиться, если я на этом настаиваю. Сколько ни стараешься себя образумить, любовь эгоистична, а моя любовь подвергнется ныне трудному испытанию. Мы расстанемся, Марианна и, может быть, навсегда!

– Нет, Робин, нет! Надо верить в Божье милосердие!

– Увы, дорогая Марианна, все рушится вокруг меня, и сердце мое разбито. Посмотрите на это достойное и гостеприимное семейство: только за то, что оно дало мне кров, когда у меня не было пристанища и крыши над головой, его приговорили к изгнанию, у него отобрали имение, его выгоняют из дома. Мы будем защищать усадьбу, и, пока от деревни Гэмвелл будет цел хоть один камень, я буду стоять насмерть. Провидение, на которое вы уповаете, меня ни разу не покинуло в беде, и, как и вы, Марианна, я возлагаю свои надежды на него; я буду сражаться, и оно защитит меня. Но подумайте хорошенько, Марианна, указом короля я изгнан из королевства, меня могут вздернуть на первом попавшемся суку или отправить на виселицу: какой-нибудь соглядатай выдаст меня, потому что за мою голову назначена награда. Робин Гуд, граф Хантингдон, – гордо добавил молодой человек, – сегодня стал никем! Так вот, Марианна, вы дали мне слово и поклялись стать моей спутницей жизни?

– Да, да, Робин.

– А теперь, дорогая Марианна, я с корнем вырываю из сердца эту клятву, я предаю забвению ваше обещание. Марианна, обожаемая моя Марианна, я возвращаю вам свободу, я освобождаю вас от всяких обязательств по отношению ко мне.

– О Робин! – с упреком воскликнула девушка.

– Я был бы недостойн нашей любви, Марианна, – продолжал Робин, – если бы в своем теперешнем положении все еще надеялся назвать вас своей женой. Поэтому вы можете свободно распоряжаться своей судьбой, и я лишь прошу вас вспоминать иногда о бедном изгнаннике по-дружески.

– Плохо же вы думаете обо мне, Робин, – с обидой ответила девушка. – Как могли вы хоть на мгновение подумать, что та, которая любит вас, недостойна вашей любви? Как могли вы подумать, что мое чувство не выстоит в беде?

И, сказав это, Марианна расплакалась.

– Марианна, Марианна! – вне себя воскликнул Робин. – Будьте милостивы, выслушайте меня без гнева. Увы, я люблю вас так пылко, что мне стыдно обрекать вас на то, чтобы вы разделили мою несчастную долю. Неужели вы думаете, что я не чувствую глубокого унижения от бесчестия, которому подверглось мое имя, что мысль о разлуке с вами не повергает мою душу в бездну страданий! Но если бы я не любил вас, Марианна, я вонзил бы нож себе в сердце, потому что ваша любовь – это единственное, что привязывает меня к жизни. Вы привыкли к роскоши, дорогая Марианна, вы бы жестоко страдали от бедности, если бы вы стали женой Робин Гуда, и, клянусь вам, что я предпочел бы потерять вас навеки, чем видеть, как вы несчастливы со мной.

– Я ваша жена перед Богом, Робин, и ваша жизнь будет моей жизнью. А теперь, позвольте мне кое-что посоветовать вам. Всякий раз, как вам представится случай сообщить о себе, пошлите мне весточку и, если сможете навестить меня, приезжайте, я буду счастлива. Брат мой вернется к нам, я очень на это надеюсь, и с его помощью нам удастся отменить жестокий приговор, вынесенный вам.

Робин грустно улыбнулся.

– Дорогая Марианна, – сказал он, – не надо обольщать сердце несбыточными надеждами. Я ничего не жду от короля. Я избрал свой образ действий и твердо решил придерживаться его. Если вы услышите, что обо мне говорят плохо, Марианна, закройте уши от клеветы, потому что я клянусь вам Святой Девой всегда оставаться достойным вашего уважения и дружбы.

– Что плохого я могу услышать о вас, Робин, и что вы задумали?

– Не спрашивайте меня, дорогая Марианна, я считаю, что мои намерения честны, и если будущее покажет, что это не так, я первый признаю свою ошибку.

– Я знаю, что вы человек верный и честный, Робин, и буду просить Бога помочь вам во всех начинаниях.

– Спасибо, любимая моя Марианна, и прощайте, – сказал Робин, смахивая повисшую на его ресницах слезу.

Он крепко сжал девушку в своих объятиях, и она почувствовала, как при слове «прощайте» ее оставили последние силы. Она спрятала заплаканное лицо на плече Робина и горестно зарыдала.

Несколько минут молодые люди стояли молча, забыв обо всем на свете. И только голос, позвавший Марианну, заставил их разомкнуть руки.

Они спустились, и Марианна, уже одетая в костюм для верховой езды, села на предназначенную ей лошадь.

Леди Гэмвелл и ее дочери были в таком отчаянии, что едва держались в седлах.

Служанки, по большей части замужние, их дети и несколько стариков дополняли верховую группу. После душераздирающего прощания ворота усадьбы закрылись за беглецами, и в сопровождении вооруженного отряда они двинулись лесной дорогой.

Прошла неделя. И каждый день этой недели тревожного ожидания был использован для того, чтобы укрепить Гэмвелл. Жители деревни жили, если можно так выразиться, в муках страха, потому что они постоянно боялись завтрашнего дня. Вокруг усадьбы были выставлены часо-

вые и под руководством Робина были построены две линии заграждений, которые должны были если не остановить врага, то, во всяком случае, приостановить его продвижение и противопоставить ему серьезную защиту. Заграждения эти, в человеческий рост высотой, позволяли крестьянам укрыться от разящих стрел противника, одновременно давая возможность прицеливаться самим.

Сэр Гай, однако, отнюдь не питал иллюзий относительно успеха защиты, он знал, что предприятие это опасное и безнадежное, но этот благородный и доблестный сакс не хотел сдаваться без боя.

Робин был душой этой маленькой армии: он следил за работами, подбадривал крестьян, изготавливал оружие, успевал один повсюду. Деревня Гэмвелл, прежде такая спокойная, наполнилась шумом и движением, страх сменился воодушевлением, и мирные поселяне, казалось, были счастливы и горды вступить в открытую борьбу с норманнами.

Когда же все приготовления к сражению были окончены, жителями Гэмвелла овладело какое-то оцепенение, как будто покой, изгнанный отзвуками войны, вернулся к своим мирным хозяевам, но тишина эта напоминала ту, что воцаряется в природе за несколько минут перед бурей, когда люди с беспокойством ожидают первых раскатов грома.

Однако врагов пришлось ждать еще десять дней.

Наконец, дозорные, караулившие на вышках плесу, дали знать, что приближается конный отряд.

Новость стала передаваться из уст в уста; зазвонил набат, и все крестьяне тут же бросились на свои посты, распределенные заранее. Притаившись за возведенными ими укреплениями, они молча, держа наготове оружие, следили за быстрым приближением врага.

Не увидев никого и не услышав никакого шума, который предвещал бы вооруженное сопротивление, командир королевских солдат уже радостно потирал руки, уверенный, что он застанет жителей деревни врасплох. Зная характер саксов, на своем опыте убедившись, что эти мужественные люди прекрасно сражаются, он приготовился встретить препятствия на своем пути. Вот почему покой, которым была объята долина, его очень радовал, и он полагал, что застал своего врага не готовым к защите.

Норманнский отряд состоял из пятидесяти человек, а крестьян было около ста, и потому они были сильнее, к тому же у них была превосходная позиция.

По-прежнему считая, что он нападет на деревню, как ястреб на безобидную пташку, командир приказал своим людям ускорить аллюр лошадей. Они повиновались, и отряд рысью стал подниматься по склону холма.

Но не успели они достигнуть вершины, как их с головы до ног скрыли тучи стрел и дротиков и град камней. Удивление норманнов было столь велико, что они даже не сумели собраться, чтобы ответить, и их настигла новая туча стрел.

Несколько солдат упало, пораженных насмерть; среди норманнов раздались негодующие крики; увидев перед собой заграждения, они бросились на первую линию и яростно атаковали ее.

Но саксы, невидимые за своим укрытием, встретили их мужественно и оказали им достойный прием, поэтому солдаты поняли, что иного выхода, кроме как мужественно сражаться, у них нет. Им удалось завладеть первой линией заграждений, но за ней была вторая, а там и третья, и им пришлось остановиться. Они уже потеряли несколько человек убитыми, но у них не было уверенности в том, что они убили хотя бы одного сакса, и это переполняло их разочарованием. Саксы, по большей части очень меткие лучники, своей цели не упускали, и их стрелы пробили ощутимую брешь в рядах небольшого войска.

Солдаты, впав в отчаяние от того, что они не могли, встретиться лицом к лицу с врагом, начали роптать. Командир, уловив чутким ухом признаки недовольства, приказал своим людям временно отступить, чтобы выманить саксов из убежища. Эта военная хитрость была тут же осуществлена: норманны притворились, что отступают в боевом порядке, и уже успели отойти на некоторое расстояние от заграждений, когда громкий крик возвестил им появление вассалов сэра Гая.

Не останавливая отступления, командир обернулся.

Крестьяне беспорядочной толпой преследовали врагов.

– Ребята, не оборачивайтесь, – крикнул командир, – пусть они нас догонят. Мы их схватим. Внимание! Внимание!

Солдаты, воодушевленные надеждой на сокрушительную месть, продолжали отступать. Но неожиданно, к великому удивлению командира норманнов, саксы, вместо того чтобы догонять солдат, остановились у первого заграждения и с невообразимой ловкостью осыпали противника тучей стрел.

Командир отряда в полном отчаянии приказал своим людям повернуть обратно, а сам, прищпорив лошадь, стал во главе отряда. Но тут внезапно на него посыпалось множество стрел; несчастный норманн покачнувшись в седле и тяжело упал с лошади, даже не вскрикнув; его лошадь тоже была ранена, она кинулась в сторону и рухнула в нескольких шагах от тела своего хозяина.

И без того подавленные своими неудачами, солдаты перед лицом нового несчастья полностью пали духом. Они подняли тело командира и, не сосчитав убитых и не взяв с собой раненых, покинули поле битвы со всей скоростью, на которую были способны их мощные лошади.

Крестьяне, ликующими криками отметив бегство врага, не стали его преследовать, а подбирали раненых и похоронили мертвых. В бою погибло восемнадцать норманнов, включая командира, тело которого солдаты забрали с собой.

Обрадовавшись одержанной победе, поселяне уже подумывали вернуть своих жен в Гэмвелл, но Маленький Джон дал понять своим наивным товарищам, что месть короля не ограничится этой первой попыткой и следует готовиться к нападению более многочисленного отряда и суметь как следует его принять.

Преданные слуги сэра Гая прислушались к советам своего молодого командира, укрепили завалы и изготовили новое оружие. Заботами Маленького Джона дом сэра Гая был снабжен большим количеством съестных припасов и теперь мог выдержать длительную осаду. Человек тридцать крестьян, друзей и сподвижников Гэмвеллов, присоединились к отряду жителей деревни; вооруженные до зубов, постоянно начеку, готовые отразить любое нападение, храбрые саксы ожидали появления кровожадных норманнов.

Июль подходил к концу, а поселяне вот уже две недели ждали своих опасных гостей; они полагали, что на них нападут в самые ранние утренние часы, поскольку, по всей вероятности, норманны должны были устать от быстрого перехода по жаре и, чтобы отдохнуть, провести хотя бы ночь в Ноттингеме.

Как-то вечером двое деревенских жителей, вернувшихся из Мансфилда, куда они ходили за покупками, рассказали, что отряд, состоящий из трехсот солдат, только что прибыл в Ноттингем, где и собирается провести ночь, чтобы, не слишком утомляясь, утром дойти до Гэмвелла.

Эта новость вызвала большое волнение, быстро уступившее место неослабному рвению.

На следующий день, на рассвете, крестьяне собрались вокруг брата Тука и с благоговением прослушали мессу; Маленький Джон горячо молился вместе со своими людьми, потом вышел на середину и мягким и звучным голосом сказал следующее:

– Друзья мои, прежде чем мы разойдемся по местам, куда призывает нас долг, я хотел бы поговорить с вами, но я человек малообразованный, и красноречие мне неведомо. У всякого свой талант, мой – хорошо управляться с палкой и метко стрелять из лука. А потому простите мне, если я не очень красиво говорю, и выслушайте меня внимательно. Приближается враг, будьте осторожны и не выходите без крайней необходимости из укрытия. Если вам придется схватиться с врагом врукопашную, то старайтесь сохранять спокойствие и не спешить; помните, что если вы, по несчастью, потеряете хладнокровие, то забудете сделать самое необходимое для своей защиты. Помните, друзья мои, что, желая сделать что-нибудь хорошо, нельзя спешить. Защищайте каждую пядь земли, удары наносите без гнева и старайтесь не промахнуться, потому что вам придется жизнью заплатить за свою ошибку. Покажите врагу, что самый малый клочок нашей родной земли стоит жизни собаки-норманна. Еще раз повторяю вам, ребята, будьте спокойны, мужественны и тверды, и пусть преимущества, которые солдатам Генриха Второго дают превосходство в силе и численности, обойдутся им дорого. Ура Гэмвеллу и сердцам саксов!

– Ура! – радостно отозвались крестьяне; их крепкие руки сильнее стиснули оружие, а зоркие глаза пристально вглядывались вдаль, пытаясь различить приближающихся врагов.

– Друзья мои! – воскликнул Робин, занимая место Маленького Джона. – Вспомните, что вы сражаетесь за родные очаги, вы защищаете кров, под которым жили ваши жены и стояли колыбели ваших детей; вспомните, что норманны – наши угнетатели, что они шагают по нашим головам, издеваются над слабыми и протягивают свои руки лишь для того, чтобы убивать, поджигать и разрушать! Вспомните, что здесь жили ваши предки, и вы должны защищать подступы к своему дому. Сражайтесь мужественно, друзья, сражайтесь до последнего своего вдоха!

– Да, мы будем храбро сражаться! – в один голос ответили саксы.

Через три часа после восхода солнца звук рога возвестил о приближении врага. Дозорные из леса вернулись в Гэмвелл, и вскоре защитники поместья, как это было и в прошлый раз, сделались невидимыми.

Неприятельский отряд медленно продвигался вперед, и по тому, как он растянулся, было видно, что в нем действительно две или три сотни солдат.

Всадники собрались у подножия холма, на который нужно было подняться, чтобы увидеть Гэмвелл, и, посоветовавшись несколько минут, разделились на четыре отряда: первый галопом стал подниматься на холм, второй спешил и пошел следом за первым, третий обогнул холм слева, а четвертый – справа.

Но защитники предусмотрели возможность такого маневра, и потому у подножия деревьев, растущих на вершине холма, были построены укрепления; крестьяне так ловко использовали деревца и кустарник, переплели их ветвями, что норманнские солдаты радовались возможности отдохнуть в их тени, когда они взберутся наверх.

Но, подойдя поближе к этим зарослям, норманны, осыпанные тучей стрел, смешались; лошади их вставали на дыбы, раненые солдаты падали на землю, и норманны отступили еще быстрее, чем поднялись на холм.

Люди же, пытавшиеся обогнуть холм с двух сторон, встретили такой же губительный прием. Поэтому было решено отменить кавалерийскую атаку и идти на приступ пешим строем. Солдаты спешили и, прикрывшись щитами и разделившись по указанию командира на четыре группы, пошли в атаку с трех сторон, оставив четвертый отряд в резерве ждать, чем кончится первый штурм саксонских укреплений.

Норманны быстро дошли до заграждений. Они были футов семи в высоту, и в них были оставлены бойницы для лучников. Солдаты не стали терять драгоценное время, нанося удары укрывшемуся врагу, и полезли на укрепления.

Но крестьяне и не подумали оказывать им сопротивление, ибо оно было бесполезно: они просто отступили за вторую линию заграждений; норманны, возбужденные первым успехом, бросились в беспорядке преследовать их и яростно атаковали вторую линию; было мгновение, когда противники сошлись врукопашную и битва стала кровавой, но тут саксы по сигналу отступили за третью линию.

Тут норманны поняли, что противник с каждой минутой отходит все дальше.

Капитан подозвал к себе солдат, чтобы согласовать с ними новый план атаки; слушая их, он внимательно разглядывал окрестность.

Деревня Гэмвелл находилась в центре большой долины, и своеобразным прикрытием ей служил холм, по которому было невозможно проехать конному и опасно пройти пешему.

Капитан спросил у своих людей, нет ли среди них кого-нибудь, кто бы хорошо знал эту местность.

Вопрос был передан по рядам, и перед капитаном предстал крестьянин, утверждавший, что он знает деревню, потому что у него там живет родственник.

– Ты сакс, плут? – нахмурясь, спросил командир.

– Нет, капитан, я норманн.

– Так твой родственник примкнул к мятежникам?

– Нет, капитан, он сам сакс.

– Тогда каким это образом он тебе родственник?

– Он женат на моей свояченице.

– Ты знаешь деревню?

– Да, капитан.

– Ты можешь показать моим людям другую дорогу в Гэмвелл?

– Да, капитан. У подножия холма есть тропинка, ведущая прямо в дом сэра Гая.

– В дом сэра Гая? – переспросил капитан. – А где он?

– Вон там, слева от вас, капитан, вон то большое здание, окруженное деревьями. В нем и живет сэр Гай.

– Старый мятежник, против которого мы посланы? Черт побери, ну и задачу задал мне король Генрих – выгнать эту саксонскую собаку из конуры! Ну, а тебе, плут, я могу доверять?

– Да, капитан, и, если вы последуете моим словам, вы увидите, что я не лгу.

– Надеюсь, иначе быть тебе без ушей, – угрожающе предупредил капитан.

– Но я уже оказал вам услугу – привел нас сюда.

– Так-то оно так, но что ж ты сразу не показал мне эту дорогу?

– Саксы все равно бы увидели, куда двинулся отряд, и приняли бы меры, чтобы остановить его. Эту тропинку горстка храбрецов может защитить против тысячи солдат.

– Ты говоришь, она идет у подножия холма?

– Да, капитан, по опушке леса.

Капитан остался очень доволен разъяснениями и приказал части своих людей идти за проводником, другая же часть должна была предпринять новую атаку, чтобы отвлечь внимание саксов.

Но замысел капитана был разгадан.

Своjak проводника, защищавший с другими крестьянами деревню, узнал его и сказал Маленькому Джону, что тот, по его мнению, о чем-то переговаривается с командиром норманнов.

Маленький Джон тут же понял, что этот человек их предал. Он подозвал к себе тридцать человек и, поставив во главе их одного из сыновей сэра Гая, послал их защищать тропинку, по которой враги собирались проникнуть в поместье.

После этого Маленький Джон позвал Робин Гуда.

– Дорогой друг, – сказал он, – вы отсюда можете попасть из вашего лука в какой-нибудь предмет на холме?

– Думаю, да, – скромно ответил Робин Гуд.

– То есть, вы в этом уверены, – продолжал Маленький Джон. – Хорошо! Смотрите вон туда. Видите человека, который стоит слева от солдата, чей шлем украшен перьями? Так вот, дорогой друг, это вероломный изменник, и я убежден, что он объясняет командиру, как пройти в поместье лесной дорогой. Постарайтесь убить этого негодяя.

– Охотно.

Робин натянул тетиву, и мгновение спустя человек, на которого указал Маленький Джон, дернулся, вскрикнул от боли и замертво рухнул на землю.

Тогда командир норманнов поспешно собрал своих людей и решился штурмовать укрепления.

Саксы храбро защищались, но их было гораздо меньше, чем врагов, и они, не сумев устоять, в полном порядке отступили к Гэмвеллу.

Взяв заграждения, норманны вошли в деревню; крестьянами овладела паника, и они было побежали, но тут раздался громовой клич:

– Стойте, саксы! Кто храбр, за мной! Вперед! Вперед! Это был голос Маленького Джона, вернувшего мужество растерявшимся бойцам; они повернулись лицом к противнику и, удивившись проявленной ими минутной слабости, кинулись за своим предводителем.

Маленький Джон, как разъяренный лев, бросился к высокому солдату, который, по видимому, был помощником командира: его яростные удары сеяли ужас среди саксов.

При виде Маленького Джона, который продвигался прямо к нему, раскидывая, как тростинки, солдат, перекрывших ему дорогу, тот человек, о ком мы говорили, схватил топор и кинулся ему навстречу.

– А вот и ты, наконец, мастер лесник! – воскликнул солдат (это был не кто иной, как Джеффри). – Сейчас я разом расквитаюсь с тобой за все зло, что ты мне причинил!

Маленький Джон презрительно улыбнулся, и, когда Джеффри, вертевший топор у себя над головой, попробовал нанести ему удар, он мгновенным движением вырвал у него из рук оружие и отбросил его шагов на двадцать.

– Ты презренный негодяй, – сказал Маленький Джон, – и заслуживаешь смерти, но я еще раз сжалюсь над тобой; защищайся!

И противники-великаны (читатель, вероятно, помнит, что Джеффри Силач ростом не уступал Маленькому Джону) сошлись лицом к лицу в яростной схватке. Она была долгой, и исход ее был сомнителен, но тут Маленький Джон собрал все свои силы и нанес противнику страшный удар, разрубив его наискось от плеча до спинного хребта.

Побежденный рухнул, не издав ни звука, и противники с обеих сторон, молча и неподвижно наблюдавшие за необычным поединком, оцепенев от ужаса, увидели эту страшную рану, нанесенную смертельным ударом.

Но Маленький Джон не задержался у тела своего поверженного врага; потрясая окровавленным мечом, он кинулся крушить ряды норманнов, подобно богу войны, опустошения и смерти.

Добравшись до пригорка, он обернулся и увидел, что его сторонники сражаются мужественно, но норманны окружили их со всех сторон и лишили возможности защищаться.

Тотчас же молодой человек протрубил в рог, давая сигнал к отступлению, а потом снова бросился на врагов и проложил дорогу своим людям. Его меч, разивший налево и направо, несколько минут держал солдат на почтительном расстоянии от него, и саксы, содействуя намерениям своего командира, сумели вслед за ним пробиться во двор замка. Держась вместе и отчаянно сражаясь, они заперлись в доме, заранее укрепленном и способном выдержать осаду.

Норманны кинулись с топорами на двери, но двери были дубовые, толстые, и они устояли. Тогда солдаты принялись бродить вокруг огромного здания, надеясь найти менее защищенный вход, но эти поиски были не только бесполезны, но и опасны, потому что из окон саксы осыпали их огромными камнями и одолевали стрелами.

Капитан, увидев, какие опустошения произвели в рядах его солдат метательные снаряды

осажденных, отозвал норманнов и, оставив сотню человек стеречь дом, отступил с остальными в деревню. Дома в селении, как читателю известно, были покинуты жителями; по распоряжению командира, солдаты обыскали их, но, к великой досаде своей, не нашли не только жителей, но и ничего, чем можно было поживиться или хотя бы утолить голод.

Поскольку норманны рассчитывали на быструю победу, съестных припасов они с собой не взяли, а потому оказались в большом затруднении. Солдаты стали роптать, и командир отправил в лес дюжину человек, слывших хорошими охотниками, и велел им добыть несколько оленей. Охота оказалась удачной; солдаты насытились, и капитан, устроивший лагерь в деревне, приказал половине отряда расположиться на отдых, а другой – готовиться к ночному штурму здания, где укрепились саксы.

Крестьяне оказались удачливее своих противников: они сытно поужинали после того как подобрали убитых и перевязали раненых, а затем легли спать.

Когда стемнело, саксы увидели, что их враги подожгли деревню.

– Смотрите, Маленький Джон, – сказал Робин Гуд, показывая другу на зловещее зарево, – эти негодяи жгут без всякой жалости дома наших крестьян.

– Они и усадьбу подожгут, мой друг, – грустно ответил Маленький Джон, – надо и к этому несчастью быть готовыми. Старый дом окружен деревьями, он загорится, как скирда соломы.

– Как вы спокойно это говорите! – воскликнул Робин. – Разве мы ничего не сможем сделать, чтобы предотвратить этот гнусный замысел?

– Мы сделаем все что сможем, дорогой Робин, но не нужно обольщаться: огонь – это враг, которого трудно одолеть.

– Смотрите, Джон, вот еще одна хижина горит; они, что, всю деревню решили сжечь?

– А вы в этом хоть на минуту усомнились, бедный мой Робин? Да, они сожгут наш дорогой Гэмвелл, а покончив с этим дьявольским занятием, явятся сюда поджигать замок.

Крестьяне в отчаянии наблюдали это зрелище; в толпе раздавались крики негодования; многие хотели выйти из замка и удовлетворить жажду мести, терзавшую им сердце, но Маленький Джон (его позвал один из двоюродных братьев) сказал им взволнованным голосом:

– Я понимаю вашу ярость, ребята, но, умоляю вас, подождите! Если мы продержимся до рассвета, мы победим. Подождите, подождите, через четверть часа негодяи будут здесь.

– Да вот они! – воскликнул Робин.

И правда, норманны двигались к усадьбе, испуская воинственные кличи и неся в руках пылающие головни.

– По местам, ребята, все по местам! – вскричал племянник сэра Гая. – Старательно целтесь, не потеряйте ни одной стрелы впустую. Что касается вас, Робин, останьтесь подле меня. Я покажу вам, кого следует отправить на тот свет.

Норманны подошли к замку и, стараясь держаться подальше от окон и барбаканов, стали швырять горящие факелы в двери, но крестьяне поливали их со стен водой, и они потухли, не причинив никакого вреда.

Огонь был остановлен, но тут радостные крики солдат заставили Маленького Джона и Робина подойти к окну.

Около дюжины солдат под предводительством капитана тянули какое-то орудие, предназначенное, по всей видимости, для того, чтобы выбить двери. В ту минуту, когда норманны уже собирались установить его по указаниям капитана, Маленький Джон сказал Робину:

– Постарайтесь всадить стрелу в этого чертова капитана.

– Я и рад бы, но убить его вряд ли удастся, потому что на нем кольчуга и надо попасть в голову.

– Внимание, – прервал его Джон, – готовьтесь... Стреляйте, Робин, стреляйте, пока факел светит ему в лицо! Его смерть нас спасет!

Робин, внимательно следивший за каждым движением капитана, тут же спустил тетиву. Стрела пропела и вонзилась норманну в переносье; он упал навзничь. Солдаты растерянно сгруппировались вокруг командира, и в их рядах началось смятение.

– А теперь, саксы, – воскликнул Джон, и голос его задрожал от радости, – не жалейте

стрел, чтобы поражать поджигателей!

И в норманнов снова полетели тучи стрел; оставшиеся в живых почувствовали, что их ждет неизбежная гибель. Они собирались уже обратиться в бегство, когда один из них, добровольно взявший на себя командование, предложил последнее средство, чтобы заставить крестьян уйти из крепости. Напротив внутреннего фасада замка, то есть со стороны сада, росла большая купа деревьев, по большей части сосен. Под предводительством своего нового начальника норманны подожгли те верхние ветви деревьев, что были ближе всего к крыше здания, а затем подпилили стволы. Маленький Джон, с тревогой наблюдавший за их действиями, вскрикнул от ярости, а потом, обратившись к Робину, сказал:

– Они нашли способ заставить нас выйти из дома; деревья подожгут крышу, и скоро займется весь замок. Робин, подстрелите тех, у кого факелы, а вы, друзья, не жалейте стрел. Смерть норманнским волкам! Смерть!

Деревья загорелись мгновенно и со страшным шумом рухнули на крышу; вскоре багровое пламя увенчало свод замка.

Маленький Джон собрал своих людей в большом зале и разделил их на три отряда; во главе первого он встал сам вместе с Робин Гудом, командование вторым поручил брату Туку, а третий доверил старому Линкольну; все три отряда должны были попытаться выйти из дома через разные двери.

Сэр Гай безучастно смотрел на эти приготовления, но когда племянник подошел к нему, чтобы увести его с собой, старый баронет воскликнул:

– Я хочу умереть на развалинах моего дома! Напрасно Маленький Джон, Робин и молодые Гэмвеллы умоляли старика, напрасно обращали его внимание на багровое пламя, бросавшее в зал кровавые отблески, напрасно говорили ему о жене и дочерях – старый сакс оставался глух к их просьбам и нечувствителен к их слезам.

– Берегитесь! – вдруг закричал Робин Гуд. – Сейчас рухнет кровля!

Маленький Джон обхватил руками своего дядю и, несмотря на причитания и жалобы старика, вынес его из зала.

И не успели саксы выскочить из дому, как раздался страшный грохот: рухнула крыша, за ней – одно из других – межэтажные перекрытия, и изо всех дверей и окон старого замка повалили клубы дыма и языки пламени.

Маленький Джон поручил сэра Гая нескольким смелым саксам, приказав им без промедления отправляться в Йоркшир.

Немного успокоившись в отношении дяди, неукротимый Маленький Джон снопой выхватил из ножен меч и бросился на врага, крича:

– Победа! Победа! Сдавайтесь! Просите пощады! Появление на поле битвы брата Тука в его монашеской рясе привело норманнов в панический ужас: ни один из них не осмелился оказать сопротивление служителю Церкви; преследуемые саксами, они в страхе бросились к тому месту, где были оставлены их лошади, проворно вскочили в седла и умчались во весь опор. Из трехсот норманнов, подошедших к деревне утром, осталось едва ли семьдесят. Крестьяне, опьянев от своей победы, сгрудились вокруг Маленького Джона; молодой человек приказал подобрать убитых и раненых и обратился к своим товарищам с такой речью:

– Саксы! Вы доказали сегодня, что достойны носить это благородное имя, но, увы, несмотря на вашу доблесть, норманны достигли своей цели: они сожгли ваши жилища и вы стали нищими изгнанниками. Остаться здесь вам больше невозможно – на эти развалины явится новый отряд солдат, следовательно, вам нужно отсюда уходить. У нас есть еще путь к спасению: нас укроет лес. Кто из вас, дети мои, не спал на мягком мху под зеленым пологом листвы?

– Да, идем в лес, идем в лес! – воскликнуло сразу несколько голосов.

– Да, идем в лес, – повторил Маленький Джон, – мы будем там жить вместе и трудиться друг для друга; но, чтобы жить спокойно, мирно и счастливо, нам нужно выбрать предводителя.

– Предводителя? Тогда пусть это будете вы, Маленький Джон!

– Да здравствует Маленький Джон! – единодушно закричали саксы.

– Друзья мои, – произнес в ответ молодой человек, – от всей души благодарю вас за честь,

которую вы хотите мне оказать, но принять ваше предложение я не могу. Позвольте же мне немедленно представить вам того, кто достоин стать во главе вас.

– Где он? Где?

– Вот он, – ответил Маленький Джон, положив руку на плечо Робин Гуда. – Робин Гуд, дети мои, истинный сакс, к тому же он храбр. А скромностью и рассудительностью он может потягаться с любым стариком. Вы видите перед собой графа Хантингдона, потомка Уолтофа, любимейшего из сынов Англии. Норманны, отнявшие у него богатство, оспаривают и его титулы; король Генрих приговорил Робин Гуда к изгнанию. А теперь, ребята, отвечайте: хотите ли вы видеть своим главой племянника сэра Гая Гэмвелла, благородного Робин Гуда?

– Да, да! – закричали крестьяне, польщенные тем, что ими будет командовать граф Хантингдон.

Сердце Робин Гуда было переполнено радостью: его тайные надежды сбылись. Он гордился нелегкой должностью, которая досталась ему благодаря преданности друга, и, скажем прямо, чувствовал себя вполне достойным ее. Обведя саксов взглядом, в котором светилась радость, он снял шапку, и опершись на плечо Джона, взволнованно сказал:

– Я счастлив, друзья мои, что вы согласны выбрать меня своим предводителем, и от всего сердца благодарю вас. Будьте уверены, что я сделаю все от меня зависящее, чтобы заслужить вашу привязанность и ваше уважение. Моя молодость могла бы внушить вам вполне обоснованные опасения, но должен сказать вам, что я мыслю, чувствую и поступаю как человек, который много страдал, а следовательно, давно уже повзрослел. Во мне вы найдете брата, товарища, друга, а когда это будет крайне необходимо – командира. Я знаю лес, наше будущее обиталище, и обещаюсь найти вам надежное укрытие, где жить нам будет спокойно и приятно. Тайну этого убежища никто никогда не должен узнать; мы сами должны охранять себя, и нам нужно быть осторожными и скрытными. Готовьтесь к отходу, я поведу вас в укрытие, недоступное нашим врагам. Еще раз благодарю вас, дорогие мои братья-саксы, за доверие; я оправдаю его и буду с вами и в радости и в горе.

Люди собрались быстро, потому что и собирать им было нечего: норманны ничего не оставили несчастным изгнанникам.

Спустя три часа Робин Гуд, Маленький Джон и жители деревни дошли до большого подземелья в самой середине леса. Там было совершенно сухо, а большие отдушины вверху давали свободный доступ воздуху и свету.

– Сказать по правде, Робин, – заметил Маленький Джон, – я ведь знаю лес не хуже вас, но и я поражен вашим открытием: откуда в Шервудском лесу взялось такое убежище?

– Скорее всего, – ответил Робин Гуд, – его построили саксы-беглецы при Вильгельме Первом.

Два дня спустя после того как наши герои обосновались в Шервудском лесу, двое из них пошли в Мансфилд за покупками и, вернувшись оттуда, сообщили Робин Гуду, что отряд норманнов в пятьсот человек, не придумав ничего лучшего, снес до основания стены гостеприимного дома Гэмвеллов.

XIX

Прошло пять лет.

Шайка Робин Гуда, устроившись со всеми удобствами в лесу, жила там в полной безопасности, хотя норманны, исконные враги саксов, прекрасно знали о ее существовании. Сначала изгнанники кормились охотой, но со временем добычи могло бы не хватить на всех, и это заставило Робин Гуда изыскать для своих людей какой-нибудь более надежный источник существования.

Поэтому он поставил заставы на всех дорогах, пересекавших Шервудский лес, и стал брать с путников пошлину за проезд. Пошлина эта была огромна, если проезжим, захваченным врасплох шайкой, был знатный сеньор, и чрезвычайно мала, если это был бедняк. Впрочем, эти ежедневные взимания налогов мало походили на кражу, потому что производились они со всей воз-

можной любезностью и учтивостью.

Вот как люди Робин Гуда останавливали путников.

– Сэр чужестранец, – говорили они, вежливо снимая с себя шапку, – наш главварь Робин Гуд ожидает вашу светлость, чтобы начать трапезу.

От такого приглашения отказаться было невозможно, а потому путник принимал его, изображая признательность.

С той же отменной учтивостью путешественника вели к Робин Гуду, там он садился вместе с хозяином за стол, вкусно ел, пил и того лучше, а в конце трапезы узнавал, сколько было потрачено в его честь. Само собой разумеется, что названная сумма соответствовала состоятельности незнакомца. Если денег при нем было много, он платил сразу, если же их не доставало, он говорил, где живет его семья, и за него брали большой выкуп. В последнем случае путник оставался пленником, но обращались с ним так хорошо, что он не выказывал ни малейшего недовольства, ожидая освобождения. Удовольствие отобедать с Робин Гудом норманнам обходилось очень дорого, однако никто никогда не жаловался, что его к этому принудили.

Два или три раза против лесных жителей посылались военные отряды, но, потерпев позорное поражение, они объявляли, что шайка Робин Гуда непобедима. И если богатых господ разбойники основательно обирали, то бедный человек, будь он сакс или норманн, всегда находил у них сердечный прием. Когда брат Тук отсутствовал, лесники иногда позволяли себе остановить монаха, но если тот добровольно соглашался отслужить для них обедню, его щедро награждали.

Наш старый друг Тук чувствовал себя таким счастливым в этом обществе, что ему в голову и на минуту не приходила мысль с ним расстаться. Ему построили большую келью неподалеку от подземелья, и он жил привольно, пробавляясь лучшими дарами леса. Этот достойный монах по-прежнему с удовольствием пил вино, когда ему выпадало счастье раздобыть несколько бутылок; если не было вина, он пил крепкий эль, а если уж судьба в своем непостоянстве лишала его и этого – пил чистую воду. Но уж тогда, само собой разумеется, бедный Джилл корчил гримасы и заявлял, что вода из чистого ручья дурно пахнет и омерзительна на вкус. Время не изменило характер храброго монаха. Это был все тот же крикун, краснобай, хвостун, всегда готовый с кем-нибудь сцепиться. Он совершал с шайкой дальние походы по лесу, и одно удовольствие было посмотреть на него и этих веселых ребят-балагуров, которые и путешественников-то останавливали любезно. Они все казались такими счастливыми, им так нравилась жизнь, которую они вели, что в народе их любовно называли «веселыми лесными братьями».

Уже пять лет никто ничего не слышал ни об Аллане Клере, ни о леди Кристабель; было только известно, что барон Фиц-Олвин последовал за королем Генрихом II в Нормандию.

Что же до бедняги Красного Уилла, то его записали в полк.

Хэл, женившийся на Грейс Мэй, жил со своей женой в городке Ноттингем, и уже был отцом очаровательной трехлетней девчушки.

Мод, красotka Мод, как называл ее славный Уильям, по-прежнему жила с Гэмвеллами, которые, как мы уже сказали, тайно перебрались в свое имение в Йоркшире.

Старый баронет нашел в жене и детях утешение, силы его восстановились, и крепкое здоровье обещало ему долгую жизнь.

Сыновья сэра Гая стали товарищами Робин Гуда и жили вместе с ним в лесу.

В нашем герое тоже произошли большие перемены: он стал выше ростом, руки и ноги его стали мускулисты, и нежная красота его лица, не потерявшего пленительной изысканности, уступила место зрелой мужественности. В двадцать пять лет Робин Гуд казался тридцатилетним, большие черные глаза светились отвагой, мягкие кудри обрамляли чистый лоб, чуть тронутый загаром; рисунок рта и черные, как смоль, усы делали лицо серьезным, и, хотя в облике его и сквозила некоторая строгость, характер у него был дружелюбный и веселый. Он весьма нравился женщинам, однако, по-видимому, не испытывал от этого гордости и это ему не льстило, ибо сердце его принадлежало Марианне. Он ее любил так же нежно, как и раньше, и часто навещал ее в замке сэра Гая. Вся семья Гэмвеллов знала о любви молодых людей, и было решено сыграть их свадьбу, как только вернется Аллан или станет известно о его смерти.

В числе гостей, которых любезно принимали в Барнсдейле (так называлось имение саксон-

ского баронета) был один молодой человек, которому Марианна очень нравилась. Этот молодой человек, ближайший сосед сэра Гая (парк его замка граничил с Барнсдейлом), всего несколько месяцев назад вернулся из Иерусалима, куда он попал, участвуя в крестовом походе, так как принадлежал к ордену тамплиеров.

Сэр Хьюберт де Буасси был рыцарем-храмовником и, следовательно, принял обет безбрачия.

Однажды утром, возвращаясь с прогулки верхом по окрестностям, сэр Хьюберт увидел Марианну в окне замка своего соседа. Он нашел, что она хороша собой, возжелал увидеть ее снова и осведомился, кто она такая. Ему все объяснили. Тотчас же он явился к баронету, представился ему как добрый сосед, предложил старику дружбу и попытался войти к нему в доверие. Это было нелегко; старый сакс, ненавидевший норманнов, держался очень сдержанно и встретил эти первые шаги сеньора де Буасси крайне холодно. Но совершенно не растерявшись от неудачи, рыцарь предпринял новые попытки сблизиться. Вняв голосу благоразумия, на этот раз сэр Гай проявил большую любезность. Несколько дней спустя после своего второго посещения сэр Хьюберт нанес визит дамам Гэмвелл и, став гостем семьи, проявил такую искренность, теплоту и любезность, что сэр Гай, которому он рассказывал разные чудесные истории, почувствовал, что недоверие, которое возникало у него к любому норманну с первого взгляда, мало-помалу тает.

Посещения Хьюберта становились все чаще, и вел он себя так ловко, что полностью завоевал если не доверие, то уважение и дружбу старика и стал для него чрезвычайно приятным собеседником. С девушками он был любезен без вольности, и одинаково всем оказывал знаки внимания. Жаловаться на его навязчивость было просто невозможно, казалось, она проистекала из дружеских чувств; Марианна, очевидно, именно так и подумала, потому что ей и в голову не пришло рассказать об этом Робину. И все же девушка опасалась, что молодые люди могут случайно встретиться в гостиной замка и Робин Гуд при этом позволит себе какую-нибудь неосторожную выходку, потому что трудно было себе представить, чтобы пылкий молодой человек спокойно взирал на дружбу сакса с врагом своего народа.

Хьюберт де Буасси был одним из тех мужчин, которые, будучи далеки от физического или морального совершенства, обладают талантом нравиться женщинам и быть любимыми. Мягкость характера сходилась в их глазах за сердечную доброту, и он одержал в свете несколько блестящих побед. Это неувловимое очарование сделало его очень самонадеянным и циничным до такой степени, что он и представить себе не мог на самом деле быть отвергнутым женщиной, которую он почтил своим вниманием.

Правила ордена, к которому принадлежал Хьюберт, запрещали ему брак и предписывали вести целомудренную жизнь, но, по правде сказать, большая часть тамплиеров вела себя так же, как Хьюберт; привыкнув к княжеской роскоши, он жил в свете как молодой человек, полностью свободный располагать своим сердцем, состоянием и временем.

Он полюбил невинную Марианну страстной любовью с первого взгляда, и эта страсть, тщательно скрываемая от всех и особенно от той, что ее внушила, стала его каждодневной мукой. Холодные манеры девушки, удерживающие ее на расстоянии, гордое презрение к захватчикам-норманнам, раздражающее его, превратили эту любовь в странную смесь желания и ненависти.

Рыцарь был достаточно опытен и тонок, чтобы понять, что, кроме доброго сэра Гая, все остальные в семье с трудом терпели его посещения. Ему и самому-то было не по себе в присутствии тех, кому, называя их друзьями, он вероломно замыслил жестоко отомстить.

Хотя старый баронет от природы был добр и великодушен, ему нередко случалось высказывать свое глубокое презрение к норманнам и раздражаться презрительной бранью в их адрес. Хьюберт сдерживал бешенство, в которое его приводили эти смертельные оскорбления, улыбался снисходительно, а иногда доходил в своем двуличии до того, что внешне разделял мнение хозяина, но все же предварительно выдвигая возражения, которые должны были внушить старику сочувствие и приязнь лично к нему.

Хьюберт был очень умен, а суждения он составлял быстро и точно, особенно когда интере-

сы его страстей требовали от него особой проницательности. Поэтому с первого дня знакомства с сэром Гаем он легко понял, что старик – человек добрый, простой, искренний и, следовательно, не способен предположить в других людях тех дурных качеств, которых он лишен сам.

Через два месяца после первого визита Хьюберта в замок к нему там, по крайней мере по видимости, относились как к настоящему другу.

Обе дочери баронета, Унифред и Барбара, были с норманном любезны и приветливы, но Марианна относилась к нему совершенно иначе, подсознательно опасаясь его напускного добродушия.

Хьюберт узнал, что Марианна должна скоро выйти замуж, но выведать имя ее будущего супруга ему не удалось.

Человек менее пылкого нрава, чем храмовник, отступил бы, натолкнувшись на ледяную сдержанность девушки, но на самом деле Хьюбертом скорее владело чувство мести, чем неодолимое влечение подлинной любви. Он ждал удобного случая, чтобы объясниться; он хотел неожиданно упасть к ногам Марианны и смиренным тоном объявить ей о своей пылкой страсти. Но терпеливо выжидая удобного случая остаться с Марианной наедине, Хьюберт старался узнать тайну ее любви, пообещав себе, если ему удастся, сокрушить своего опасного соперника.

Слуги Хьюберта пытались расспрашивать домочадцев сэра Гая о женихе Марианны, но те рассказывали им какие-то басни, называли вымышленное имя, и, несмотря на все хитрости и ловкие ходы, рыцарь остался на этот счет в полном неведении.

Но ему удалось все же разузнать, что будущий супруг Марианны – сакс, молодой и очень красивый; еще он узнал, что посещения женихом замка окружены глубокой тайной. Тогда рыцарь организовал засаду, чтобы подстеречь приход соперника и убить его, но это похвальное намерение ему осуществить не удалось, потому что тот так и не пришел.

Вот в таком состоянии были его дела, и Хьюберт ничем не обнаружил ни своей пылкой страсти к Марианне, ни ненависти ко всему семейству Гэмвеллов, когда все члены этого семейства отправились на праздник деревни, расположенной недалеко от замка. Хьюберт попросил разрешения сопровождать дам, и это разрешение было ему любезно дано.

Унифред, Мод, и Барбара надеялись развлечься в этой поездке; но Марианна ожидала Робин Гуда и, чтобы спокойно остаться одной в замке, сослалась на то, что у нее сильно болит голова.

Семья уехала, принарядившаяся, слуги тоже, и, кроме одного человека, который должен был охранять замок, и двух прислужниц, занятых по хозяйству, все обитатели покинули Барнсдейл.

Оставшись одна, Марианна поднялась к себе в комнату, красиво оделась и села у окна, откуда ей видны были дороги, сходящиеся к замку. Каждую минуту ей слышался мелодичный звук рога, условный сигнал, возвещавший приход ее любимого. Тогда ее прелестная головка высывалась из окна, в задумчивых глазах появлялся живой блеск, отвыкшие от улыбки губы шептали его имя, и она вздрагивала от радостного и беспокойного ожидания. Но звук рога не слышался, ничья тень не ложилась на золотистый песок дороги, глаза Марианны не видели никого, и она вновь погружалась в грезы.

Ждать пришлось долго, и понемногу ей стало грустно. Она внимательно вгляделась в горизонт, попыталась проникнуть взглядом в темные аллеи парка, вслушалась в шорохи и, чувствуя себя обманутой в своих пылких надеждах, горько заплакала.

Так она сидела в кресле, опершись головой на руку и предаваясь отчаянию, как вдруг слабый шорох заставил ее поднять глаза.

Перед ней стоял Хьюберт.

Марианна вскрикнула и хотела убежать.

– Почему вы так испугались, сударыня? Разве я похож на отродье Сатаны? Боже правый! Я-то думал, что мое присутствие в комнате женщины ее ничем испугать не может.

– Простите меня, сударь, – проговорила дрожащим голосом Марианна, – я не слышала, как вы открыли дверь. Я была одна, и...

– Мне кажется, вы страстно любите одиночество, прелестная Марианна, и если случится

другу нарушить его, на лице вашем отражается такая досада, как будто он неловко ворвался к вам во время любовного свидания.

Марианна, сначала несколько испуганная и растерянная, вскоре обрела спокойствие, свойственное ее уравновешенной натуре. Гордо подняв голову, она твердым шагом направилась к двери. Но рыцарь де Буасси остановил ее:

– Сударыня, мне хотелось бы побеседовать с вами; будьте любезны, доставьте мне удовольствие, уделив мне несколько минут. Честно говоря, я думал, что вы благосклоннее отнесетесь к моему визиту.

– Ваш визит, сударь, – презрительно ответила девушка, – столь же неприятен, сколь и неожидан.

– Неужели?! – воскликнул Хьюберт. – Меня это крайне огорчает, но что же делать, сударыня? С тем, чего нельзя избежать, следует смириться.

– Если вы дворянин, то обычаи света вам известны, сэр Хьюберт; достаточно того, что я прошу вас оставить меня одну.

– Я дворянин, прелестное дитя, – насмешливо ответил тамплиер, – но так люблю общество милых женщин, что не покину его только из-за вашей прихоти.

– Вы нарушаете все правила рыцарской учтивости, сударь, – ответила Марианна. – Позвольте мне поэтому оставить вас одного в этой комнате, куда вы пришли незванным и нежеланным гостем.

– Сударыня, – дерзко возразил Хьюберт, – я решил сегодня быть невежливым до конца, и если уж не хочу отсюда уходить, то и вас отсюда не выпущу. Я имел честь сказать вам, что хочу с вами поговорить, а поскольку случай остаться с вами наедине предоставляется мне не чаще, чем встречается красота, подобная вашей, то я поступил бы глупо, не воспользовавшись по вашему примеру притворным приступом мигрени, чтобы увидеться с вами. Соболаговолите же выслушать меня. Я уже давно люблю вас.

– Довольно, сударь, – прервала его Марианна. – Мне не пристало слушать вас более.

– Я вас люблю, – повторил Хьюберт.

– О, – воскликнула Марианна, – будь здесь баронет, вы не осмелились бы так со мной говорить!

– Конечно, – нагло отвечал молодой человек. (Мертвенная бледность покрыла щеки несчастной девушки.) – Вы умны и сообразительны, – продолжал Хьюберт. – И я не вижу смысла терять время, продолжая лстить вам без меры. Это неплохой способ произвести впечатление на пустую и тщеславную девчонку. Но по отношению к вам это бесполезно, да и было бы дурным тоном. Вы прекрасны, и я вас люблю. Видите, я иду прямо к цели. Хотите ли вы воздать моей страсти хоть малой толикой любви?

– Никогда, – твердо ответила Марианна.

– Вот слово, которое из осторожности не следует произносить девушке, когда она оказалась наедине с человеком, потерявшим голову от ее красоты.

– О Боже, Боже мой! – воскликнула Марианна, просяще сложив ладони.

– Хотите вы стать моей женой? Если вы согласитесь на это, то будете одной из самых знатных дам в Йоркшире.

– Презренный человек! – воскликнула девушка. – Вы бесстыдно нарушаете данные вами клятвы. Вы не можете предлагать мне руку – вы не свободны. Вы рыцарь ордена тамплиеров, и таинство брака для вас запрещено.

– Я могу освободиться от своего обета, – возразил рыцарь, – и, если вы согласитесь принять мое имя, нашему счастью ничто не сможет помешать. Клянусь бессмертием своей души, Марианна, вы будете счастливы, я люблю вас всем сердцем, стану вашим рабом и думать буду лишь о том, чтобы вы стали той женщиной, которой завидуют все.

Да не плачьте вы, Марианна, и отпетые мне, могу ли и надеяться на нашу любовь?

– Никогда! Никогда!

– Опять это слово, Марианна, – медовым голосом продолжал Хьюберт, – не поступайте легкомысленно, подумайте, прежде чем ответить. Я богат, у меня лучшие поместья во всей Нор-

мандии, у меня множество вассалов, и все они будут вашими слугами, они будут видеть в вас любимую жену своего сеньора, и вся округа будет на вас молиться. Я усыплю ваши волосы ослепительными жемчугами, преподнесу вам бесценные подарки. Клянусь вам, Марианна, вы будете счастливы со мной.

– Не клянитесь, милорд, потому что вы и эту клятву нарушите, как нарушили обеты Господу.

– Нет, Марианна, я сдержу ее.

– Я хотела бы верить вашим словам, сударь, – примирительно ответила девушка, – но не могу ответить желаниям, которые они выражают: сердце мое мне не принадлежит.

– Мне говорили об этом, но эта мысль настолько неприятна мне, что я не хотел верить этому. Неужели это правда?

– Да, сударь, это правда, – покраснев, ответила Марианна.

– Ну что ж! Пусть так! Я не буду выведывать тайну вашего сердца, если вы согласитесь хоть иногда сказать мне ласковое словечко, если вы позволите мне надеяться, что я смогу называться вашим другом. Я буду так нежно любить вас, Марианна, я буду так предан вам!

– Я не нуждаюсь в друге, сударь, и не буду поощрять чувства, которые не могу разделить. Тот, кто царит в моем сердце, обладает единственными сокровищами, которыми я хочу владеть: благородным сердцем, рыцарским духом и преданной душой. И я буду вечно верна ему, вечно предана ему.

– Марианна, не заставляйте меня отчаиваться, ибо я впаду в безумие. Я хочу сохранить спокойствие и не нарушить по отношению к вам того, что предписывает уважение. Но, если вы по-прежнему будете ко мне суровы, мне трудно будет удержать свой гнев. Послушайте меня, Марианна: этот человек, который может жить вдали от вас, любит вас не так страстно, как я. О, будьте моей, Марианна! Ну какую жизнь вы ведете? Одна в чужой семье. Сэр Гай вам не отец, Уинифред и Барбара – не сестры. В ваших жилах, я знаю, течет норманнская кровь, и только привязанность к этим саксам заставляет вас выказывать мне презрение. Идемте же со мной, прекрасная Марианна, идемте, и ваша жизнь будет наполнена роскошью, радостью и праздниками.

На губах Марианны появилась презрительная улыбка:

– Соболаговолите удалиться отсюда, сударь, ваши предложения даже не заслуживают вежливого отказа. Я уже имела честь вам сказать, что помолвлена с одним знатным саксом.

– Значит вы отталкиваете меня, вы отвергаете мои предложения, гордячка? – спросил Хьюберт прерывающимся голосом.

– Да, сударь.

– Вы сомневаетесь в искренности моих слов?

– Нет, сэр рыцарь, я благодарю вас за добрые намерения, но последний раз прошу вас оставить меня одну, потому что ваше присутствие в моих покоях чрезвычайно тягостно мне.

Ничего не ответив, рыцарь взял стул и поставил его рядом с тем, на котором сидела Марианна.

Девушка встала посреди комнаты и, спокойно опустив глаза, стала ждать, пока Хьюберт уйдет.

– Сядьте рядом со мной, – помолчав, сказал рыцарь, – я не хочу причинить вам зла, я хочу, чтобы вы дали мне обещание, которое позволит вам не нарушить слова, данного вами этому таинственному незнакомцу, столь горячо вами любимому, а мне даст силы пережить ваше пренебрежение мною. Я прошу, а ведь я имею право требовать, Марианна, – добавил Хьюберт, встал и двинулся к девушке; та же спокойно, не торопясь, но твердо направилась к двери. – Дверь закрыта, мисс Марианна, вы напрасно израните ваши прелестные ручки, пытаетесь ее отпереть. Я предусмотрителен, прекрасное дитя; в замке нет никого, и, если вам в голову придет фантазия звать на помощь, то мои люди, которых я расставил на постах неподалеку от Барнсдейла, примут ваши крики за сигнал подогнать к крыльцу оседланных лошадей, и эти быстрые кони, хотите вы того или нет, умчат вас далеко отсюда.

– Сударь, – сказала Марианна, и в голосе ее послышались рыдания, – сжальтесь надо мной; вы просите меня о том, на что я не могу согласиться, и насильем вы не завоюете мое сердце.

Позвольте мне удалиться: вы видите, я не кричу, никого не зову. Я достаточно уважаю вас, чтобы полагать, что вы можете всерьез угрожать мне похищением; вы человек чести, и вам и в голову не может прийти мысль совершить такой подлый поступок. Сэр Гай любит вас, сэр Гай уважает вас, ценит, так неужели вы осмелитесь так жестоко обмануть его в дружеских чувствах, которых вы сами же и добивались? Подумайте, ведь вся семья Гэмвеллов будет в отчаянии, а я... я наложу на себя руки, сэр рыцарь.

И Марианна разразилась слезами.

– Я поклялся, что вы будете моей.

– Вы поступили необдуманно, сударь, и если когда-нибудь в вашем сердце теплилась любовь хоть к одной женщине, подумайте, как было бы ей тяжело, когда бы вы ее любили, а другой мужчина попытался бы заставить ее предать эту любовь. Может быть, сударь, у вас есть сестра, подумайте о ней; у меня есть брат, и он не переживет моего бесчестия.

– Вы будете моей женой, Марианна, любимой и почитаемой; едемте со мной.

– Нет, сударь, никогда!

Хьюберт, потихоньку подошедший к Марианне, хотел обнять ее. Девушка выскользнула из этого невыносимого для нее объятия и, бросившись в угол комнаты, громко закричала:

– На помощь! На помощь!

Хьюберта мало испугали эти крики, поскольку он знал, что никакого действия они иметь не будут. На лице его появилась жестокая улыбка, и он схватил девушку за руки. Но пока он старался привлечь ее к себе, она мгновенно высвободила одну руку, выхватила кинжал, висевший у Хьюберта на поясе, и кинулась к открытому окну. Обезумев, бедняжка уже готова была или заколоться, или броситься вниз, как вдруг в тишине долины послышались мелодичные звуки рога. Марианна, уже перегнувшаяся через подоконник, вздрогнула, потом подняла голову и, не выпуская из рук кинжала, прислушалась; грудь ее часто вздымалась. Мелодия, вначале слабая и неотчетливая, становилась все слышнее и вдруг зазвенела громко и радостно. Хьюберт стоял, словно зачарованный этими неожиданными звуками, и не делал ни шага к Марианне, но когда рог умолк, он попытался оттащить ее от окна.

– На помощь, Робин, на помощь! – дрожащим голосом закричала Марианна. – На помощь, скорее, Робин, милый Робин, вас послало само Небо!

Хьюберт, пораженный этим грозным именем, попытался заставить девушку замолчать, но она отчаянно сопротивлялась.

Вдруг снаружи кто-то позвал Марианну по имени, вслед за тем послышались звуки борьбы, потом дверь комнаты, в которой находилась девушка, разлетелась на куски и на пороге появился Робин Гуд.

Не вскрикнув, не проронив ни звука, Робин Гуд прыгнул на рыцаря, схватил его за горло и бросил к ногам Марианны.

– Презренный! – произнес Робин, поставив колено на грудь Хьюберта. – Ты пытался обесчестить женщину!

Рыдая, Марианна упала на грудь жениха.

– Да благословит вас Бог, Робин, – прошептала она, – вы спасли больше, чем мою жизнь, вы спасли мою честь.

– Милая Марианна, – ответил молодой человек, – одного я прошу у Бога: пусть он дарует мне милость всегда быть рядом с вами в час опасности. Благословенно будь святое Провидение, приведшее меня сюда. Успокойтесь, вы сейчас мне расскажете все, что здесь произошло до моего прихода. А вы, наглец и негодяй, – продолжал Робин Гуд, повернувшись к рыцарю, уже успевшему подняться с пола, – убирайтесь отсюда; я слишком уважаю благородную девушку, которую вы осмелились оскорбить, чтобы драться в ее присутствии. Вон!..

Описать бешенство неудачливого соблазнителя просто невозможно; оно было близко к помешательству. Он бросил на влюбленных полный ненависти взгляд, произнес что-то невнятное и, пристыженный, униженный, обезоруженный и оскорбленный, вышел за дверь, шатаясь, спустился с лестницы и покинул замок, куда некоторое время тому назад явился полный радужных надежд.

Робин Гуд прижимал Марианну к груди, а она все плакала и плакала, хотя и пыталась показать своему спасителю, как она ему рада.

– Марианна, любимая моя Марианна, – нежно шептал Робин, – вам нечего больше бояться, ведь я с вами. Ну, поднимите ваше милое личико, я хочу, чтобы вы успокоились и улыбнулись.

Марианна пыталась сделать то, о чем так нежно просил ее возлюбленный, но не могла от волнения сказать ни слова.

– Кто этот молодой человек, друг мой? – спросил Робин после минуты молчания, усаживая рядом с собой все еще дрожавшую девушку.

– Один норманнский сеньор, чьи владения примыкают к Барнсдейлу, – робко ответила Марианна.

– Норманн?! – вскричал Робин. – Как же мой дядя принимает у себя в доме человека, принадлежащего к этому проклятому народу?

– Дорогой Робин, – ответила Марианна, – вы же знаете, что сэр Гай стар, осторожен и благоразумен. Не надо судить о его поведении под влиянием гнева, который вы испытываете в эту минуту. Если он принимает в доме рыцаря Хьюберта де Буасси, поверьте, что его к этому принудили серьезные причины. Как и вы, а может быть и больше, сэр Гай ненавидит норманнов. Помимо осторожности, которая заставила нашего дядю принимать рыцаря, тут сыграли свою роль хитрость, коварство и сладкоречивость этого человека, сумевшего обольстить всю семью. Сэр Хьюберт казался таким почтительным, учтивым и услужливым, что все пленились его добрым нравом.

– А вы, Марианна?

– А я, – ответила девушка, – вообще о нем не думала, но мне казалось, что во взгляде у него есть что-то лживое, не вызывающее доверия.

– А как он попал в комнату?

– Не знаю. Я плакала, потому что... – и девушка покраснев, опустила глаза.

–...потому что? – нежно переспросил Робин.

–...потому что вы все не шли, – ласково улыбаясь, ответила девушка.

– Милая моя!..

– Вдруг какой-то шорох привлек мое внимание, я подняла голову и увидела перед собой рыцаря. Он под каким-то предлогом покинул сэра Гая, удалил, вне всякого сомнения, служанок, а на подступах к дому расставил своих людей.

– Я это знаю, – прервал ее Робин, – двух, которые хотели помешать мне войти, я уложил.

– О дорогой Робин, вы меня спасли. Я бы умерла без вас: я уже занесла над собой кинжал, когда услышала, что вы трубите в рог.

– Где жилище этого негодяя? – спросил Робин, стискивая зубы.

– В нескольких шагах отсюда, – ответила девушка, подводя Робина к окну. – Подойдите сюда; видите здание – его крыша возвышается над деревьями? Это и есть замок сеньора де Буасси.

– Спасибо, дорогая Марианна. Не будем больше говорить об этом человеке, при одной мысли о том, что подлые руки могли коснуться ваших, я жестоко страдаю. Поговорим о нас, о наших друзьях, у меня есть для вас хорошие новости, которые принесут вам радость, дорогая Марианна.

– Увы, Робин, – грустно ответила девушка, – я так мало привыкла радоваться, что и надеяться не смею на счастливое событие.

– И вы не правы, милый друг. Ну, постарайтесь же забыть, что случилось, и попробуйте догадаться, какие у меня для вас новости.

– Дорогой Робин! Я предчувствую какую-то нечаянную радость. Вас помиловали, да? Вы свободны, и вам не надо больше прятаться от людских глаз?

– Нет, Марианна, нет, я по-прежнему бедный изгнанник; не о себе я хотел вам рассказать.

– Значит, о моем брате, о моем дорогом Аллане? Где он, Робин? Когда приедет повидаться со мной?

– Я надеюсь, что скоро, – ответил Робин. – Я узнал о нем от одного человека, который при-

соединился к нам. Этот человек попал в плен к норманнам в той роковой стычке между нами и крестоносцами в Шервудском лесу и был вынужден поступить на службу к барону Фиц-Олвину. Барон и леди Кристabelle вернулись вчера в Ноттингемский замок. Естественно, что и наш сакс с ними вернулся, и первой его мыслью было присоединиться к нам. Он-то и рассказал, что Аллан Клер занимает большую должность в армии короля Франции и что он должен вот-вот получить отпуск, чтобы провести несколько месяцев в Англии.

– Это и в самом деле хорошая новость, дорогой Робин, – воскликнула Марианна, – вы, как всегда, мой добрый ангел. Аллан и так вас очень любит, а теперь полюбит еще больше, когда я расскажу ему, как вы были добры и великодушны к той, которая без вашей нежности и заботы давно бы умерла от тоски, горя и беспокойства.

– Дорогая Марианна, – ответил молодой человек, – вы скажете Аллану, что я сделал все возможное, чтобы помочь вам пережить его отсутствие, и был вам нежным и преданным братом.

– Ах, больше чем братом, – тихо промолвила Марианна.

– Любимая моя, – прошептал Робин, прижимая ее к сердцу, – вы скажете ему, что я страстно вас люблю и вся моя жизнь принадлежит вам.

Долго длилась их нежная встреча, и если и случалось Робину чересчур страстно сжимать руки своей прекрасной невесты, то уважение к ней останавливало его любовный пыл.

На следующий день на рассвете Робин Гуд вскочил на коня и, никого не предупредив о своем поспешном отъезде, во весь опор поскакал в Шервудский лес. По его приказу полсотни человек под предводительством Маленького Джона отправились в Барнсдейл и, спрятавшись в окрестностях деревни, стали ждать дальнейших распоряжений своего молодого главаря.

В тот же вечер Робин Гуд привел своих людей в лесок, расположенный прямо напротив замка Хьюберта де Буасси, и в немногих словах рассказал им о подлых делах норманнского рыцаря.

– Я узнал, – добавил Робин, – что Хьюберт де Буасси готовится страшно отомстить за неудачу; он созвал своих вассалов, а их сорок человек, и сегодня ночью они собираются напасть на замок нашего друга и родственника сэра Гая Гэмвелла; здания они хотя и сжечь, мужчин убить, а женщин похитить. Но он не принял нас и расчет, ребята. Мы будем защищать подступы к Барнсдейлу и несомненно одержим победу. Будьте мужественны и удачливы – и вперед!

– Вперед! – закричали с воодушевлением веселые лесные братья.

Как только спустилась ночь, ворота замка Хьюберта открылись и из них вышел вооруженный отряд, в полной тишине двинувшийся по дороге в Барнсдейл. Но едва они пересекли границу имения норманнского рыцаря, как раздался боевой клич, от которого у него застыла кровь в жилах. Хьюберт, подбадривая своих людей словами и жестами, бросился в ту сторону, откуда раздавался этот грозный шум. И тут лесные братья вышли из-за деревьев и бросились на отряд.

Завязалась битва, она становилась все яростнее и кровавее, и наконец Робин Гуд сошелся лицом к лицу с рыцарем де Буасси.

Их поединок был ужасен. Хьюберт доблестно защищался, но гнев утроил силы Робин Гуда, он проявлял чудеса храбрости и в конце концов по рукоятку вонзил свой меч в грудь противника.

Вассалы норманнского рыцаря запросили пощады, и Робин проявил великодушие: поскольку враг его был мертв, он приказал прекратить сражение. Замок рыцаря де Буасси был предан огню, а самого владельца этого великолепного поместья повесили на придорожном дереве.

Марианна была отомщена.

Часть вторая. Изгнанник

I

Ранним утром ясного августовского дня Робин Гуд в прекрасном настроении, напевая, про-

гуливался в полном одиночестве по узкой тропинке в Шервудском лесу.

Вдруг чей-то сильный голос, своенравные звуки которого свидетельствовали о том, что его обладатель совершен но не в ладах с музыкой, принялся распевать любовную балладу.

– Клянусь Пречистой Девой! – прошептал молодой человек, внимательно прислушиваясь к голосу незнакомца. – Это мне кажется очень странным. Слова, которые этот человек пропел, сочинил я сам, причем еще в детстве, и никому никогда их не пел.

Рассуждая таким образом, Робин Гуд спрятался за деревом и стал ждать, когда путник пройдет мимо него.

Тот не замедлил появиться. Поравнявшись с дубом, за которым сидел Робин Гуд, он стал всматриваться в чащу леса.

– О! – произнес незнакомец, увидев сквозь заросли великолепное стадо оленей. – Вот и мои старые знакомые; посмотрим, не потерял ли я зоркость и меткость. Клянусь святым Павлом! Не могу отказать себе в удовольствии подстрелить вон того крепкого молодца, который идет так медленно и важно.

Произнеся это, незнакомец вынул из колчана стрелу, наложил на лук, прицелился и смертельно ранил оленя.

– Отлично! – раздался насмешливый голос. – Прекрасный выстрел!

Удивленный незнакомец резко обернулся.

– Вы находите, сударь? – спросил он, оглядывая Робин Гуда с головы до ног.

– Да, вы меткий стрелок.

– Да неужели? – презрительно переспросил незнакомец.

– Безусловно, и особенно для человека, не привыкшего стрелять в оленей.

– А вы откуда знаете, что для меня это непривычное занятие?

– Да по нашей манере держать лук. Бьюсь об заклад на что угодно, сэр чужестранец, что уложить человека на поле боя вам легче, чем оленя и чаще.

– Точно замечено, – смеясь, воскликнул незнакомец. – А позволено ли мне будет узнать имя человека столь проницательного, что он с первого взгляда замечает разницу между тем, как стреляет солдат и как стреляет лесник?

– Мое имя ничего вам не даст для обсуждения вопроса, который нас занимает, сэр чужестранец, но я назову вам свою должность. Я один из главных лесничих этого леса и не намерен позволять здесь кому бы то ни было испытывать меткость, стреляя в беззащитных оленей.

– Меня ваши намерения мало беспокоят, красавец-лесник, – дерзко ответил незнакомец, – и только попробуйте помешать мне стрелять в кого мне вздумается: и ланей буду убивать, и оленей, и вообще кого захочу.

– Не будь я против, вам легко было бы это сделать, поскольку вы прекрасный стрелок, – ответил Робин. – А потому я хочу вам сделать одно предложение. Послушайте: я главарь отряда отчаянных ребят, сметливых и умелых во всем, что касается их ремесла. Вы кажетесь мне славным малым, и, если у вас храброе сердце, а нрав спокойный и уживчивый, я счастлив буду принять вас в наш отряд. Если вы вступите к нам, вам позволено будет здесь охотиться, а если вы не захотите к нам присоединиться, я прошу вас уйти из леса.

– Поистине, господин лесничий, уж очень самоуверенно вы говорите. Ну что ж, теперь послушайте меня. Если вы быстренько не уберетесь отсюда, я без долгих слов преподам вам урок, который научит вас думать о том, что вы говорите, а состоять этот урок, мой птенчик, будет в нескольких умело нанесенных ударах палкой.

– Ты меня побьешь?! – презрительно воскликнул Робин Гуд.

– Да, я.

– Мой милый, – сказал Робин, – не вводи меня в гнев, ибо тебе сильно не поздоровится; если ты немедленно не подчинишься моему приказу и не уйдешь из лесу, то я тебя сначала крепко проучу, а потом мы посмотрим, выдержит ли сук какого-нибудь дерева повыше вес твоего тела.

Незнакомец засмеялся:

– Побить меня, а потом повесить? Любопытно было бы, да вряд ли выйдет. Ну, давай, приступай, я жду.

– Я не утруждаю себя лично дракой на палках со всеми встречными хвастунами, милый друг, – ответил Робин, – у меня достаточно людей, чтобы сделать это за меня. Сейчас я их позову, и ты будешь разбираться с ними.

Робин Гуд поднес рог к губам и хотел затрубить изо всех сил, но тут незнакомец мгновенно наложил стрелу на лук и с яростью крикнул:

– Стойте или я убью нас!

Робин опустил рог, схватил свой лук и, необычайно проворно подскочив к незнакомцу, закричал:

– Безумец! Ты что, не видишь, с кем решил состязаться? Да прежде чем ты бы спустил стрелу, моя уже была бы в тебе, и смерть, которой ты мне грозил, сразила бы тебя. Будь благодарен, ведь мы незнакомы, и у нас нет серьезных причин считать друг друга врагами. Лук – кровавое оружие; положи стрелу в колчан, и уж если ты желаешь сразиться на палках, пусть будет палка: я принимаю вызов.

– Хорошо, пусть будет палка, – согласился незнакомец, – и пусть тот, кто заденет голову другого, не только станет победителем, но и будет волен распоряжаться судьбой противника.

– Согласен, – ответил Робин, – но ты учел, к каким последствиям приведет твое предложение? Если я заставлю тебя просить пощады, то буду иметь право заставить тебя присоединиться к нам.

– Да.

– Прекрасно, и пусть победит сильнейший.

– Аминь! – отозвался незнакомец.

И началось состязание в ловкости. Противники щедро наносили удары, и вскоре незнакомец был весь в синяках, хотя сам не смог задеть Робина ни разу. Задышавшись, вне себя от злости, бедный малый бросил палку.

– Стойте, – сказал он, – я падаю от усталости.

– Признаете себя побежденным? – спросил Робин.

– Нет, но признаю, что вы сильнее меня; вы привыкли драться на палках, и это дает вам слишком большое преимущество, надо по возможности уравнивать шансы. Вы мечом владеете?

– Да, – ответил Робин.

– Так не угодно ли вам продолжить биться этим оружием?

– Конечно.

Они вынули мечи из ножен. Оба прекрасные бойцы, они сражались минут пятнадцать, но ни одному не удалось ранить другого.

– Стойте! – вдруг крикнул Робин.

– Устали? – спросил незнакомец, победно улыбаясь.

– Да, – искренне ответил Робин, – а кроме того, я нахожу, что поединок на мечах – штука малоприятная, палка куда лучше: удары ею чувствительны, но менее опасны; меч же вещь жестокая и грубая. И хоть я действительно устал, – добавил Робин, взглядываясь в лицо противника, наполовину скрытое надвинутой на глаза шапкой, – я запросил передышку не только поэтому. С тех пор как я тебя увидел, меня преследуют воспоминания детства, и во взгляде твоих больших голубых глаз мне чудится что-то знакомое. Твой голос напоминает мне голос одного моего друга, и сердце мое невольно потянулось к тебе; скажи мне свое имя: если ты тот, кого я люблю и жду как самого дорогого друга, тысячу раз благословен будь твой приход; но даже если ты чужестранец, я все равно тебе рад. Я буду любить тебя и ради тебя самого и ради вызванных тобою дорогих мне воспоминаний.

– Вы говорите со мной с подкупающей добротой, господин лесник, – ответил незнакомец, – но, к великому моему сожалению, я не могу выполнить вашу учтивую просьбу. Я человек не вольный и имя свое должен держать в тайне, которую из осторожности не могу открыть.

– Вам нечего меня бояться, – ответил Робин, – я и сам из тех, кого люди называют изгнанниками. Да и не способен я предать человека, доверившегося мне, и презираю тех, кто по низости души своей выдает тайну, пусть даже случайно ставшую ему известной. Так вы назовете мне свое имя?

Чужестранец, казалось, все еще колебался.

– Я буду вам другом, – с искренним видом заключил Робин.

– Согласен, – ответил незнакомец. – Меня зовут Уильям Гэмвелл.

Робин вскрикнул.

– Уилл! Уилл! Милый Красный Уилл!

– Да.

– А я, я – Робин Гуд!

– Робин! – закричал молодой человек, и они упали друг другу в объятия. – Ах, какое счастье!

Молодые люди поцеловались, а потом радостно и с трогательным удивлением стали рассматривать друг друга.

– А я еще угрожал тебе! – восклицал Уилл.

– А я и вовсе тебя не узнал! – добавлял Робин.

– А я хотел тебя убить! – улыбался Уилл.

– А я тебя побил! – со смехом продолжал Робин.

– Ба! Да я и забыл уже... Расскажи мне скорее о... Мод.

– Мод чувствует себя прекрасно.

– А она...

– Она по-прежнему очаровательна и любит тебя, Уилл, только тебя и любит; она бережет для тебя свое сердце и отдаст тебе руку. Славная девушка так тосковала из-за разлуки с тобой; ты много выстрадал, бедный мой Уилл, но если ты все еще любишь добрую и красивую Мод, ты будешь счастлив.

– Люблю ли я ее! Как ты можешь меня такое спрашивать, Робин? Да, я люблю ее, и да благословит ее Бог за то, что она меня еще не забыла! Я ни на минуту не переставал думать о ней, ее милый образ всегда был в моем сердце и придавал мне мужество и на поле битвы, и в темнице королевской тюрьмы. Она была для меня, милый Робин, моей мечтой, моей надеждой, моим будущим. Благодаря ей я сумел перенести самые жестокие лишения и самые ужасные тяготы. Бог вложил в мое сердце неистребимую веру в будущее; я был уверен, что снова увижу Мод, стану ее мужем и проведу с ней все годы, что мне еще предстоит жить.

– Ваши надежды близки к исполнению, дорогой Уилл, – сказал Робин.

– Да, я надеюсь, или, лучше сказать, питаю сладостную уверенность в этом. Чтобы доказать тебе, друг Робин, как много я думал о своей дорогой девочке, я поведаю тебе сон, который видел в Нормандии; я и сейчас его помню во всех подробностях, хотя прошел уже целый месяц. Я был в тюрьме, руки у меня были связаны, и на мне были тяжелые цепи, а Мод стояла в нескольких шагах от меня, бледная как смерть и вся в крови. Бедная девушка умоляюще протягивала ко мне руки, и ее посиневшие губы шептали какие-то жалобные слова; смысла их я уловить не мог, но понимал, что она ужасно страдает и зовет меня на помощь. Я уже сказал тебе, что на мне были оковы; я стал кататься по земле и от бессилия грызть железные цепи на руках – одним словом, прилагал нечеловеческие усилия, чтобы добраться до Мод. Вдруг сковавшие меня цепи распались, я вскочил на ноги, подбежал к Мод и, прижав ее окровавленное тело к своей груди, покрыл пламенными поцелуями ее мертвенно-бледные щеки, и мало-помалу кровь, остановившаяся было, заструилась в ее жилах – сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Губы Мод порозовели, она открыла прекрасные черные глаза и взглянула на меня так нежно и признательно, что взгляд ее проник до глубины моей души; сердце у меня затрепетало, и из пылающей груди вырвался глухой стон. Я и страдал, и в то же время был бесконечно счастлив. Тут я проснулся и соскочил с постели с твердым решением вернуться в Англию. Я хотел увидеть Мод, которая, должно быть, страдала и нуждалась в моей помощи. Тут же, немедля, я подошел к своему капитану; этот человек когда-то служил управляющим у моего отца, и я полагал, что могу рассчитывать на серьезную поддержку с его стороны. Я сказал ему, что хочу вернуться в Англию, но умолчал о причинах, потому что мое беспокойство могло вызвать у него только смех. Он довольно резко отказался дать мне отпуск, но неудача не остановила меня: мной овладело неодолимое желание увидеть Мод. Я стал умолять его, человека, которому раньше приказывал, и

заклинал его выполнить мою просьбу. Вы станете жалеть меня, Робин, – добавил, краснея, Уилл, – но это не имеет значения: я хочу рассказать вам все. Я встал перед ним на колени, но он только усмехнулся, увидев мою слабость, и пнул меня ногой так, что я упал навзничь. Тогда, Робин, я поднялся; меч был при мне, я вырвал его из ножен и, ни минуты не раздумывая и не колеблясь, убил негодяя. С тех пор меня разыскивают, и я не знаю, потеряли ли они мой след. Надеюсь, что так. Вот почему, дорогой Робин, приняв вас за чужака, я отказался назвать вам свое имя; да будет благословенно Небо, приведшее меня к вам. Но поговорим о Мод: она по-прежнему живет в усадьбе Гэмвеллов?

– В усадьбе Гэмвеллов, дорогой Уилл? – переспросил Робин. – Так вы не знаете, что произошло?

– Ничего не знаю. А что случилось? Вы меня пугаете!

– Успокойтесь; вашу семью постигло несчастье, но удалось кое-что исправить, а время покорность судьбе стерли все следы горестного события: и замок Гэмвеллов, и деревня разрушены.

– Разрушены! – воскликнул Уилл. – Пресвятая Богоматерь! А матушка, Робин, а мой дорогой отец, а мои бедные сестры?

– Успокойтесь, все чувствуют себя хорошо; ваша семья живет в Барнсдейле. Попозже я расскажу вам об этих роковых событиях во всех подробностях, а сегодня вам достаточно знать, что сделали это жестокое дело норманны и оно дорого им обошлось. Две трети отряда, посланного королем Генрихом, мы убили.

– Королем Генрихом? – переспросил Уильям. И с сомнением добавил: – Вы ведь сказали, Робин, что вы главный лесничий этого леса, и, естественно, жалование вам платит король?

– Не совсем так, белокурый мой братец, – смеясь, возразил молодой человек. – За мои труды мне платят норманны, точнее сказать богатые норманны, потому что с бедных я ничего не беру. Я действительно охраняю этот лес, но для себя и своих веселых братьев. Одним словом, Уильям, я сеньор Шервудского леса и готов отстаивать и защищать свои права и привилегии перед кем бы то ни было.

– Я не понимаю вас, Робин, – удивленно промолвил Уильям.

– Я объяснюсь яснее.

И, произнеся эти слова, Робин поднес рог к губам и трижды громко протрубил в него. И едва пронеслись над лесом эти резкие звуки, как из чащи и с поляны, слева от Уильяма и справа от него, появилась сотня человек: все они были одеты в нарядные зеленые куртки, и этот цвет очень шел к их мужественным лицам. Все они были вооружены луками, щитами и короткими мечами. Они молча стояли, окружив своего главаря. Уильям широко раскрыл глаза и с изумлением смотрел на Робина. Некоторое время Робин наслаждался удивлением и восхищением, которое вызвали у его двоюродного брата почтение, выражаемое ему прибежавшими на звук рог людьми, а потом, положив свою сильную руку на плечо Уильяма, сказал со смехом:

– Ребята, вот человек, который, сражаясь со мной на мечах, заставил меня просить пощады.

– Он?! – воскликнули разбойники, с любопытством глядя на Уильяма.

– Да, он победил меня, и я горжусь этим, ибо у него твердая рука и храброе сердце.

Маленький Джон, видимо, меньше был восхищен силой Уильяма, чем Робин. Он вышел на середину круга и сказал молодому человеку:

– Незнакомец, уж если ты самого доблестного Робин Гуда вынудил просить пощады, ты должен обладать редкостной силой, но да не будет сказано, что ты имел честь победить главаря веселых лесных братьев, а его заместитель не побил тебя немножко. Я весьма силен в драке на палках, хочешь помериться со мной силами? Если тебе удастся заставить меня крикнуть «Хватит!», я провозглашаю тебя самым сильным в нашем краю.

– Дорогой Маленький Джон, ставлю колчан со стрелами против тисового лука, что этот храбрый парень и на этот раз победит.

– Согласен на двойную ставку, хозяин, – сказал Джон, – и если незнакомец выиграет, то его можно будет назвать не только лучшим в веселой Англии фехтовальщиком, но и лучшим здесь бойцом на палках.

Услышав, как Робин Гуд называет Маленьким Джоном большого загорелого мужчину, стоявшего перед ним, Уилл почувствовал, что сердце его сжимается, но он и виду не подал. Он придал своему лицу грозное выражение, до бровей надвинул шляпу и, ответив улыбкой на знаки, которые ему делал Робин, с достоинством поклонился противнику, взял палку наизготовку и стал ждать нападения.

Но в ту минуту, когда противник был готов уже броситься на него, Уилл воскликнул:

– Как, Маленький Джон, вы хотите драться с Красным Уиллом, с вашим милым Уильямом, как вы обычно его называли?

– Боже мой! – воскликнул Маленький Джон, опуская палку. – Этот голос! Эти глаза!..

Он сделал несколько шагов, пошатнулся и оперся на плечо Робина.

– Ну да, это мой голос, братец Джон, – закричал Уилл и, сняв шляпу, бросил ее на траву, – посмотрите же на меня!

Длинные шелковистые рыжие локоны упали ему на плечи, и Маленький Джон в немом восторге устремил свой взгляд на смеющееся лицо Уилла, а потом бросился к своему двоюродному брату, обнял его и произнес с невыразимой нежностью:

– Добро пожаловать в веселую Англию, Уилл, дорогой Уилл, добро пожаловать в родительский дом, которому ты своим приездом вернул радость, счастье и покой. Завтра в Барнсдейле будет праздник, завтра его обитатели смогут обнять того, кого уже и не надеялись увидеть. Да будет благословен тот час, когда Небо вернуло тебя нам, любимый Уилл, я так счастлив... счастлив... видеть тебя. Если ты видишь слезы у меня на глазах, Уилл, то не подумай, что у меня слишком мягкое сердце; нет, Уилл, я не плачу, нет, я счастлив, я очень счастлив.

Бедный Джон не мог больше говорить; руки его, обнимавшие Уилла, вздрагивали, и он молча плакал.

Уилл был очень взволнован. Робин ненадолго оставил их одних, и двоюродные братья так и стояли обнявшись.

Когда они немного оправились от волнения, Маленький Джон как можно короче рассказал Уиллу о страшном несчастье, заставившем семью покинуть поместье Гэмвелл. Когда он окончил рассказ, Робин и Джон показали тайные убежища, которые веселые братья построили для себя в лесу, и Уилл попросил, чтобы его приняли в отряд в звании заместителя главаря, что ставило его в один ранг с Маленьким Джоном.

На следующее утро Уилл заявил, что хочет отправиться в Барнсдейл. Желание это было вполне естественным, и Робин тотчас же вознамерился сопровождать его вместе с Маленьким Джоном. Братья Уилла ушли в Барнсдейл еще два дня назад: там готовились отпраздновать день рождения сэра Гая. А возвращение Уилла должно было сделать этот праздник еще радостнее.

Сделав нужные распоряжения своим людям, Робин Гуд с двумя друзьями направились в Мансфилд, где они собирались взять лошадей. Шли они весело. Робин чистым и звучным голосом распевал свои самые лучшие баллады, а Уилл, обезумев от радости, прыгал рядом с ним и невпопад повторял припевы песен. Иногда и Маленький Джон что-нибудь фальшиво подхватывал, и тогда Уилл оглушительно смеялся, а Робин вместе с ним. Если бы какой-нибудь посторонний увидел их в это время, он бы несомненно решил, что это после обильной трапезы у щедрого хозяина возвращаются друзья, потому что, воистину, опьянение радостью может напоминать опьянение вином.

Они уже были недалеко от Мансфилда, когда их шумное веселье оборвалось мгновенно и сразу. Из лесу вышли трое в одежде лесников и с решительным видом загородили путникам дорогу.

Робин Гуд и его друзья остановились; Робин внимательно оглядел незнакомцев и спросил повелительным тоном:

– Кто вы и что вы здесь делаете?

– Я хотел о том же спросить вас, – ответил один из лесников, крепкий широкоплечий малый, вооруженный палкой и кривой сарацинской саблей и по виду вполне способный дать отпор кому угодно.

– Да неужели? – спросил Робин. – Ну, что же, я счастлив, что избавил вас от труда задавать

мне вопросы, потому что если бы вы себе позволили такую дерзость, то я, по всей вероятности, так вам ответил, что вы бы до конца жизни в ней раскаивались.

– Уж очень ты гордо говоришь, парень, – насмешливо сказал лесник.

– Но не так гордо, как если бы вы все же имели неосторожность задать мне вопрос: я не отвечаю, я спрашиваю. Итак, я вас последний раз спрашиваю: кто вы и что вы здесь делаете? Вот уж, воистину, глядя на ваш надменный вид, можно решить, что Шервудский лес – ваша собственность.

– Слава Богу, парень, язык у тебя хорошо подвешен. Итак, ты милостиво обещаешь мне взбучку, если я задам тебе тот же вопрос. Прекрасно! Теперь, веселый незнакомец, я, чтобы научить тебя вежливости, тебе отвечу. А потом покажу тебе, как я расправляюсь с дураками и наглецами.

– Идет, – весело ответил Робин, – быстренько назови мне свое имя и звание, а потом, если сможешь, поколоти меня, я согласен.

– Я лесничий в этой части леса и под моей охраной вся земля от Мансфилда до перекрестка больших дорог, который находится в семи милях отсюда. А эти люди – мои помощники. Я на службе у короля Генриха и по его приказу оберегаю оленей от разбойников вроде вас. Все понятно?

– Безусловно; но если вы здешний лесничий, то я и мои друзья кто такие? До сих пор я полагал, что я один имею право на этот титул. Правда, я его ношу не милостью короля Генриха, а по своей собственной воле, но здесь она кое-что значит, потому что называется правом сильного.

– Так ты смотритель Шервудского леса? – презрительно переспросил незнакомец. – Ты шутишь! Плут ты, и больше никто!

– Дорогой друг, – живо прервал его Робин, – это ты пытаешься обмануть меня, говоря о своем положении: ты не лесничий, хотя и пытаешься присвоить себе это звание. Я знаю человека, который занимает эту должность.

– А-а! – смеясь, воскликнул лесник. – И ты можешь назвать его имя?

– Конечно. Его зовут Джон Кекл, это толстый мельник из Мансфилда.

– А я его сын, и зовут меня Мач.

– Ты Мач? Я тебе не верю.

– Он говорит правду, – вмешался в разговор Маленький Джон, – я его знаю в лицо. Мне говорили, что он хорошо владеет палкой.

– Тебе не солгали, лесник, и если ты меня знаешь, то я тебя тоже знаю. У тебя фигура и лицо, которые невозможно забыть.

– Так ты знаешь мое имя?

– Знаю, мастер Джон.

– А я Робин Гуд, лесник Мач.

– Я догадался, приятель, и счастлив встретить тебя. Тому, кто тебя задержит, обещана большая награда. Я от природы честолобив, награда и вправду велика и очень мне пригодится. И раз уж сегодня у меня есть надежда схватить тебя, я упускать ее не хочу.

– И ты прав, поставщик виселицы, – презрительно ответил Робин. – Ну что же, снимай куртку – меч наголо! Я готов.

– Стойте! – воскликнул Маленький Джон. – Мач лучше владеет палкой, чем мечом, давайте будем биться трое на трое. Я беру Мача на себя, а Робин и ты, Уильям, поделите двух других, так что все будет справедливо.

– Согласен, – ответил Мач, – да не скажут люди, что Мач, сын мельника из Мансфилда, бежал от Робин Гуда и его веселых братьев.

– Прекрасный ответ! – воскликнул Робин Гуд. – Ну что же, Маленький Джон, берите на себя Мача, раз вы выбираете его себе в противники, а я возьму вот этого крепкого парня. Ты доволен тем, что будешь биться со мной? – спросил Робин парня, которого случай выбрал его противником.

– Чрезвычайно доволен, храбрый изгнанник.

– Тогда начнем, и пусть пресвятая Божья Матерь дарует победу тем, кто достоин ее помо-

щи!

– Аминь! – отозвался Маленький Джон. – Божья Матерь слабого в час беды не покидает.

– Она никого не покидает, – сказал Мач.

– Никого, – отозвался Робин и перекрестился. Когда все приготовления к битве были окончены, Маленький Джон прокричал во весь голос:

– Начинаем!

– Начинаем, – повторили Уилл и Робин.

Одна старая баллада, донесшая до нас память об этой битве, рассказывает о ней в таких словах:

То было знойным летом в час утренней зари, На тропке в Шервудском лесу сошлись богатыри. И был там славный Робин Гуд, и был там Красный Уилл, И Маленький был с ними Джон. Никто не отступил Перед противником своим. Смелы, крепки, ловки, Они не получили ран, лишь только синяки.

– Маленький Джон, – попросив пощады и задыхаясь, сказал Мач, – я и раньше знал, что ты ловок и смел, и хотел потягаться с тобой. Теперь желание мое исполнено; ты меня победил и этим преподавал поучительный урок скромности, что пойдет мне на пользу: я считал себя хорошим бойцом, а ты показал мне, что я всего лишь глупец.

– Ты прекрасный боец, друг Мач, – ответил Маленький Джон, пожимая руку, протянутую ему лесником, – и заслуженно слынешь храбрецом.

– Спасибо за похвалу, Маленький Джон, – отвечал Мач, – но думаю, что это скорее вежливость, чем искренность. Ты, может быть, думаешь, что это неожиданное поражение задело мою гордость? Ты ошибаешься: мне вовсе не стыдно, что меня одолел такой достойный противник.

– Славно сказано, храбрый сын мельника! – весело воскликнул Робин Гуд. – Ты доказал, что владеешь самым завидным из богатств: добрым сердцем и саксонской душой. Только честный человек весело и без малейшей злости принимает удар по самолюбию. Дай мне твою руку, Мач, и прости мне, что я тебя обидно задел, когда ты признался в своих честолюбивых замыслах. Я тебя не знал, и мое презрение вызвал не ты сам, а твои слова. Не выпьешь ли со мной чарку рейнского? И чокнемся за нашу счастливую встречу и будущую дружбу.

– Вот моя рука, Робин Гуд, и я протягиваю ее тебе от всего сердца. О тебе говорят с похвалой. Я знаю, что ты благородный разбойник и великодушно покровительствуешь беднякам. Тебя любят даже те, кто должен был бы тебя ненавидеть, – твои враги-норманны. Они говорят о тебе с уважением, и я никогда не слышал, чтобы тебя за что-нибудь серьезно порицали. Тебя лишили имущества, тебя изгнали; ты должен быть дорог честным людям, потому что в твой дом пришла беда.

– Спасибо на добром слове, друг Мач; я тебе этого не забуду и хотел бы, чтобы ты доставил мне удовольствие и проводил нас до Мансфилда.

– К твоим услугам, Робин, – ответил Мач.

– И я тоже, – сказал человек, который дрался с Робинсом.

– И я с вами, – добавил противник Уилла.

И взявшись под руки, они пошли к деревне, весело болтая и смеясь.

– Дорогой Мач, – спросил Робин, когда они вошли в Мансфилд, – а ваши друзья – люди осторожные?

– А почему вы спрашиваете?

– Потому что от их молчания зависит моя безопасность. Как вы сами понимаете, я пришел сюда тайно, и если кто-нибудь обмолвится хоть словом о том, что я сижу в харчевне в Мансфилде, дом тут же окружают солдаты и мне придется или бежать или сражаться. Сегодня мне нежелательно ни то ни другое: меня ждут в Йоркшире и мне не хотелось бы здесь задерживаться.

– Я за своих товарищей отвечаю. А во мне, думается, вы не сомневаетесь, но я полагаю, дорогой Робин, что вы преувеличиваете опасность. Единственное, чего следует вам бояться, так это любопытства здешних жителей: они бы бежали за вами следом, чтобы собственными глазами увидеть знаменитого Робин Гуда, героя баллад, которые распевают девушки.

– Бедного изгнанника, хотите вы сказать, мастер Мач, – с горечью возразил молодой чело-

век, – не бойтесь назвать меня так, потому что позор этого имени падет не на меня, а на того, кто вынес мне жестокий и несправедливый приговор.

– Хорошо, мой друг, но каким бы именем вас ни называли, его любят и уважают.

Робин Гуд пожал руку славного малого.

Не привлекая к себе внимания, они дошли до харчевни, расположенной на окраине города, весело расположились за столом, и хозяин вскоре поставил на него полдюжины бутылок с узким длинным горлом, полных добрым рейнским вином, которое развязывает язык и открывает сердце.

Бутылки быстро опорожнялись одна за другой, и беседа стала такой теплой и доверительной, что Мачу вообще не захотелось ее кончать. А потому он выразил желание присоединиться к людям Робин Гуда; приятели Мача, соблазненные рассказами о вольной жизни в старом Шервудском лесу, последовали его примеру и пообещали душой и телом служить Робин Гуду, на что тот согласился. Мач, желавший немедленно отправиться в лес, попросил у Робина разрешения проститься с семьей. Маленький Джон остался ждать троих приятелей, чтобы отвести их в лесное убежище, устроить там и потом отправиться в Барнсдейл, где он должен был встретиться с Робинсом и Уиллом.

Когда сотрапезники обо всем условились, они заговорили о другом.

За несколько минут до их ухода в зал, где они сидели, вошли двое мужчин. Один из них бросил беглый взгляд на Робин Гуда, потом посмотрел на Маленького Джона и, наконец, стал внимательно разглядывать Красного Уилла. Смотрел он так пристально и упорно, что молодой человек это заметил. Он уже хотел спросить вновь пришедшего о причинах его столь пристального внимания, но тут незнакомец заметил, что Уилл стал проявлять беспокойство, отвернулся, залпом выпил заказанное вино и вместе с товарищем вышел из харчевни.

Слишком поглощенный радостными переживаниями по поводу того, что он еще до вечера увидит Мод, Уилл не счел нужным сообщить друзьям об этом случае; не пришло ему в голову сказать об этом Робин Гуду и когда они вместе сели на лошадей. По дороге друзья придумывали, как они обставят прибытие Уилла в замок.

Робин хотел сначала появиться один и подготовить семью к появлению Уилла, но нетерпеливого молодого человека это не устраивало.

– Милый Робин, – говорил он, – не бросайте меня одного, я так волнуюсь, что не смогу спокойно выждать в нескольких шагах от отчего дома. Я так изменился, и жестокая жизнь оставила на моем лице столь очевидные следы, что вряд ли моя мать узнает меня с первого взгляда. Представьте меня как чужестранца, как друга Уилла, и таким образом я раньше увижу моих дорогих родителей, а скажу им, кто я, только когда они будут подготовлены.

Робин уступил его желаниям, и молодые люди вместе явились в замок Барнсдейл.

Вся семья была в зале. Робина приняли с распростертыми объятиями, и баронет обратился к тому, кого он принял за чужестранца, с теплыми словами самого сердечного гостеприимства.

Уинифред и Барбара сели рядом с Робинсом и засыпали его вопросами, потому что он обычно служил им источником свежих новостей.

Отсутствие Марианны и Мод дало Робину возможность осуществить задуманное. А потому, ответив на вопросы двоюродных сестер, он встал и, обращаясь к сэру Гаю, сказал:

– Дядюшка, у меня есть для вас хорошие новости, которые вас очень обрадуют.

– Ваш приезд, Робин Гуд, уже огромная радость для старика, – ответил сэр Гай.

– Робин Гуд – посланец Неба! – воскликнула красotka Барбара, с задорным видом встряхивая белокурыми локонами.

– В свой следующий приезд, Барби, – весело ответил Робин, – я явлюсь сюда посланцем любви и привезу вам мужа.

– Я с удовольствием приму его, Робин, – смеясь, ответила девушка.

– И прекрасно сделаете, сестрица, потому что он достоин ласкового приема. Не хочу вам его изображать, удовольствуюсь только тем, что скажу: как только ваши прелестные глазки остановятся на нем, вы скажете Уинифред: «Сестрица, этот человек подходит Барбаре Гэмвелл».

– А вы в этом уверены, Робин?

– Совершенно уверен, прелестная шалуня.

– Но, чтобы так думать, надо все сначала хорошо узнать, Робин. Хотя сразу этого и не скажешь, я очень привередлива, и чтобы понравиться мне, молодой человек должен быть очень мил.

– А что вы под этим понимаете?

– Он должен походить на вас, братец.

– Вы мне льстите.

– Я говорю то, что думаю, и если мои слова вам кажутся лестью, пусть будет так. И я хочу, чтобы мой будущий муж был не просто так же хорош собой, как вы, но и чтобы у него был такой же ум и было такое же сердце.

– Значит, я мог бы вам понравиться, Барбара?

– Да, конечно. Вы совершенно в моем вкусе.

– Я одновременно этим счастлив и огорчен, сестрица, но увы! Если вы втайне лелеете надежду завоевать меня, позвольте мне пожалеть вас, потому что это чистое безумие. Ведь я уже связан обещанием, Барбара, причем с двумя особами.

– Я их знаю, Робин.

– Правда, сестрица?

– Да, и если бы я хотела назвать их имена...

– Ах, прошу нас, не выдавайте моих тайн, мисс Барбара.

– Не беспокойтесь, я пощажу вашу скромность; но давайте вернемся ко мне, Робин; я согласна, если вы не против оказать мне эту милость, быть вашей третьей невестой и даже четвертой, потому что, сдается мне, по крайней мере три девушки ждут счастья носить ваше славное имя.

– Насмешница! – смеясь, сказал Робин. – Вы не заслуживаете дружеских чувств, которые я к вам питаю. Но я все же сдержу обещание и через несколько дней приведу вам очаровательного поклонника.

– Но, если ваш подопечный не молод, не умен и не красив, он мне не нужен, Робин, запомните это хорошенько.

– Он будет именно таким, какой вам нужен.

– Прекрасно. А теперь сообщите нам то, что вы собирались сказать отцу перед тем, как вам в голову пришло подыскать мне мужа.

– Мисс Барбара, я собирался сообщить дядюшке, тетушке, равно как и вам, дорогая Уинифред, что я кое-что слышал о человеке, который столь дорог нашим сердцам.

– О брате Уилле? – спросила Барбара.

– Да, сестрица.

– Ах, какое счастье! Так что же?

– А то, что этот молодой человек, который так смущенно смотрит на вас, потому что счастлив видеть столь очаровательную девушку, видел Уильяма всего несколько дней тому назад.

– Мой сын здоров? – дрожащим голосом спросил сэр Гай.

– Он счастлив? – спросила леди Гэмвелл, молитвенно сложив руки.

– Где он? – спросила Уинифред.

– Что удерживает его вдали от нас? – спросила Барбара и глазами, полными слез, посмотрела на спутника Робин Гуда.

Бедный Уильям не мог произнести ни звука: в горле у него пересохло, а сердце было готово разорваться в груди. Вслед за торопливыми вопросами наступила минута молчания. Барбара продолжала задумчиво смотреть на молодого человека; вдруг она всхлипнула, бросилась к нему, обхватила его руками и в слезах закричала:

– Это Уилл, это Уилл! Я его узнала; милый Уилл, как я счастлива видеть тебя!

И, припав к его плечу, она заплакала навзрыд.

Леди Гэмвелл, ее сыновья, Уинифред и Барбара окружили молодого человека, а сэр Гай, напрасно попытавшись сохранить спокойствие, упал в кресло и заплакал как ребенок.

Братья Уилла, казалось, опьянели от счастья. Они прокричали громкое «ура», подняли Уилла и стали передавать из рук в руки, грозя задушить его в своих объятиях.

Робин воспользовался тем, что о нем на время забыли, вышел из зала и направился к Мод. Мисс Линдсей была слабого здоровья, с ней следовало обращаться осторожно, и Робину представлялось опасным сообщать ей без подготовки новость о возвращении Уильяма.

Проходя через комнату, соседствующую со спальней Мод, Робин встретил Марианну.

– Что происходит в замке, дорогой Робин? – спросила девушка, после того как жених нежно поздоровался с ней. – Я слышу какие-то радостные возгласы.

– Так оно и есть, дорогая Марианна: обитатели замка приветствуют возвращение человека, которого они страстно желали видеть.

– Возвращение? – спросила девушка дрожащим голосом. – Вернулся мой брат?

– Увы, нет, дорогая Марианна, – ответил Робин, сжимая руки своей невесты, – Бог нам послал не Аллана, а Уилла; вы ведь помните Красного Уилла, нашего милого Уильяма?

– Конечно, и очень рада, что он вернулся цел и невредим. Где же он?

– В объятиях матери. Я вышел из зала в ту минуту, когда братья оттесняли друг друга, чтобы поцеловать его. Я иду искать Мод.

– Она у себя в комнате. Хотите, я велю позвать ее вниз?

– Нет, я хочу сам к ней явиться, ибо нужно ее подготовить к появлению Уильяма. Я взял на себя трудное поручение, – смеясь, добавил Робин, – потому что запутанные тропы Шервудского леса я знаю лучше, чем таинственные закоулки женского сердца.

– Не скромничайте, Робин, – живо возразила Марианна, – вы лучше других знаете, как проникнуть в сердце женщины.

– По правде говоря, я начинаю думать, Марианна, что мои двоюродные сестры, Мод и вы заключили соглашение и решили заставить меня возгордиться: вы все осыпаете меня самой явной лестью.

– Вне всякого сомнения, сэр Робин, – ответила Марианна, грозя молодому человеку пальчиком, – вы вдоволь любезничайте с Уинифред и Барбарой. О! Так вы заигрываете с вашими двоюродными сестрами; это прекрасно, я в восхищении, что об этом узнала: я в свою очередь попробую власть своих глаз над сердцем красавца Красного Уилла.

– Согласен, дорогая Марианна, но должен нас предупредить, что вам придется за него сражаться с опасной соперницей. Уилл пламенно любит Мод, она будет защищать свое счастье, и бедному Уиллу придется сильно краснеть, если ему нужно будет выбирать между двумя очаровательными женщинами.

– Если Уильям краснеет так же часто, как вы, Робин, то мне не стоит за него бояться.

– Ах вот как, мисс Марианна, вы утверждаете, что я не умею краснеть? – смеясь, спросил Робин.

– Ну, во всяком случае, сейчас уже разучились; один раз, я еще помню этот случай, ваше лицо было залито краской.

– И когда же произошло это примечательное событие?

– В тот день, когда мы впервые встретились в Шервудском лесу.

– Угодно ли вам, чтобы я вам сказал, почему я покраснел, Марианна?

– Придется мне ответить вам утвердительно, Робин, потому что в ваших глазах я читаю насмешку и улыбаетесь вы как-то хитро.

– Вы боитесь моего ответа, а сами его ждете не дожидаетесь, мисс Марианна.

– Ничуть не бывало.

– Ну что же, тем хуже; я хотел сделать вам приятное, открыв тайну того, почему я покраснел первый... и последний раз в жизни.

– Мне всегда приятно, когда вы мне рассказываете что-нибудь о себе, Робин, – с улыбкой сказала Марианна.

– В тот день, когда я имел счастье провожать вас в дом моего отца, мне очень хотелось увидеть ваше лицо, но оно было скрыто в складках широкого капюшона и разглядеть можно было только ясный свет ваших глаз. Скромно идя рядом с вами, я думал: «Если черты лица этой

девушки так же прекрасны, как ее глаза, я буду за ней ухаживать».

– Как, Робин, вы в шестнадцать лет уже мечтали завоевать любовь женщины?

– Боже мой! Да, и в ту минуту, когда я поклялся посвятить вам всю свою жизнь, капюшон, который скрывал ваше лицо, упал, и я увидел вашу сияющую красоту. Я так пристально глядел вам в глаза, что на ваших щеках появился легкий румянец. И внутренний голос сказал мне: «Эта девушка станет твоей женой». Кровь прихлынула к моему сердцу, потом бросилась в голову, и я почувствовал, что влюбился. Вот, Марианна, история того, как я покраснел первый и последний раз в жизни. И с того дня, – помолчав, взволнованно продолжал Робин, – надежда на счастливое будущее, которую мне подарило Небо, стала мне опорой и утешением. Я надеюсь и верю.

Из зала внизу доносился радостный шум, а молодые люди стояли, взявшись за руки, и вполголоса говорили друг другу нежные слова.

– Скорее, милый Робин, – сказала Марианна, подставляя ему для поцелуя свой чистый лоб, – поднимайтесь к Мод, а я пойду обниму Уилла и скажу ему, что вы у его дорогой невесты.

Робин поспешно направился в комнату Мод. Девушка была у себя.

– Я была почти уверена, – сказала она, усаживая Робина, – что эти радостные возгласы возвещают ваш приезд; извините, что я не спустилась в зал, но среди всеобщего веселья я чувствую себя неуютно и словно некстати.

– Почему, Мод?

– Потому что только мне одной вы ни разу не принесли счастливой вести.

– Настанет и ваш черед, дорогая Мод.

– Я уже устала надеяться, потеряла мужество, Робин, и чувствую только смертельную грусть. Я всем сердцем люблю вас, счастлива вас видеть, но я никак не выражаю своей привязанности, не подаю вида, как мне приятно ваше присутствие, и даже стараюсь вас избегать.

– Меня избегать? – удивленно переспросил Робин.

– Да, Робин, потому что, когда я слышу, как вы рассказываете сэру Гаю о его сыновьях, передаете Уинифред привет от Маленького Джона, а Барбаре – привет от братьев, я говорю себе: «А я опять забыта; для бедной Мод у Робина никогда ничего нет».

– Ничего, Мод?

– Ах, о ваших чудесных подарках я не говорю. Вы никогда не забываете своей щедростью вашу сестру Мод, надеясь возместить отсутствие новостей. По доброте сердечной вы всячески пытаетесь меня утешить, дорогой Робин, но – увы! – я безутешна.

– Ах, нехорошая вы девочка, мисс Мод, – насмешливо сказал Робин. – Как, сударыня, вы жалуетесь, что вам никто никогда не передает дружеских приветов, что о вас не помнят? Ах вы неблагодарная и гадкая, разве каждый свой приезд я не передаю вам привет из Ноттингема? А кто, по-вашему, с риском потерять голову, постоянно навещает вашего брата Хэла? И кто тот человек, что, рискуя еще большим – оставить там часть своего сердца, – храбро стоит под смертельным огнем прекрасных глаз? Чтобы быть вам приятным, Мод, я пренебрегаю опасностью свидания наедине с пленительной Грейс Мэй, бесстрашно гляжу на ее милую улыбку, терплю прикосновение ее прелестной ручки и даже целую ее и лобик; и ради кого, спрашиваю я вас, я подвергаю такой опасности покой своего сердца? Ради вас, Мод, только ради вас. Мод рассмеялась.

– Должно быть, я очень неблагодарная от природы, – ответила она, – потому что удовольствия слышать новости о Хэлберте и его жене мало моему сердцу.

– Прекрасно, сударыня; тогда я не скажу вам, что на прошлой неделе видел Хэла, и он поручил мне расцеловать вас в обе щеки, и не скажу, что Грейс любит вас от всего сердца, и что малютка Мод, настоящий ангелочек, желает всего доброго своей красивой крестной.

– Тысячу раз благодарю вас, Робин, за то, что вы так прекрасно умеете ничего мне не сказать. Я очень довольна тем, что так и не знаю, каковы же новости из Ноттингема. А кстати, Марианне вы тоже сообщили о внимании, которое вы оказываете очаровательной жене Хэлберта?

– Однако это коварный вопрос, мисс Мод! Ну что же, убедитесь, что совесть моя чиста: я частично поведал Марианне о своем восхищении совершенствами Грейс, но, поскольку я питаю слабость к ее прекрасным глазам, то поостерегся распространяться на столь щекотливую тему.

– Как?! Вы обманываете Марианну? Вы заслуживаете того, чтобы я немедленно изобличила вас перед ней в ваших преступлениях.

– Мы пойдем вместе рука об руку, но прежде чем идти к Марианне, я хотел бы побеседовать с вами.

– Что вы хотите мне сообщить, Робин?

– Прекрасные новости, и вам они доставят огромное удовольствие.

– Вы, значит, получили известия от... от... – и девушка, внезапно покраснев, вопросительно взглянула на Робина со смешанным выражением недоверия, надежды и радости.

– От кого, Мод?

– Ах, вы смеетесь надо мной, – грустно сказала девушка.

– Нет, милый мой дружок, я действительно принес вам радостные вести.

– Тогда говорите скорее.

– Что вы думаете о замужестве? – спросил Робин.

– О замужестве? Станный вопрос!

– Вовсе нет, если бы замуж надо было бы... выйти за...

–... Уилла?! Вы знаете что-нибудь о Уилле?! Ради Бога, Робин, пощадите мое сердце. Оно так неистово бьется, что причиняет мне боль. Я жду, Робин, говорите: мой дорогой Уилл здоров?

– Безусловно, потому что только и мечтает как можно скорее назначь нас своей любимой женой.

– Вы видели его? Где он? Когда приедет сюда?

– Я видел его, он скоро приедет.

– О Матерь Божья, благодарю тебя! – воскликнула Мод, сложив руки и поднимая к Небу полные слез глаза. – Как я буду счастлива снова увидеть его! – добавила она, но тут же завороченно стала смотреть на дверь, на пороге которой появился Уилл, и закричала: – Это он, он!

И с этими словами она бросилась к Уиллу и без чувств упала в его объятия.

– Бедняжка, моя любимая! – дрожащим голосом прошептал молодой человек. – Уж очень все это было для нее; неожиданно, она потеряла сознание. Робин, поддержите ее, я ослаб, как ребенок, меня ноги не держат.

Робин бережно освободил Мод из объятий Уилла и усадил ее на стул. Что касается бедного Уильяма, то он закрыл лицо руками и разрыдался. Мод пришла в себя, прежде всего подумала о Уилле и стала искать его глазами. Он стоял перед ней на коленях и, обнимая ее, нежно шептал любимое имя:

– Мод! Мод!

– Уильям! Дорогой Уильям!

– Мне нужно поговорить с Марианной, – смеясь, сказал Робин, – прощайте, оставляю вас вдвоем; не забудьте о тех, кто любит вас.

Мод протянула ему руку, а Уильям признательно взглянул на друга.

– Вот я и вернулся, милая Мод, – сказал Уилл, – рады ли вы нашему свиданию?

– Как вы можете задавать мне такие вопросы, Уильям? Да, рада, конечно же рада, и не просто рада, а счастлива, очень счастлива.

– Вы не хотите, чтобы я вас покинул снова?

– А разве я этого когда-нибудь хотела?

– Нет; но только от вас одной зависит, вернулся ли я насовсем или только приехал в гости.

– Что вы хотите этим сказать?

– Вы помните о нашем последнем разговоре?

– Да, дорогой Уильям.

– Я ушел от вас в тот день с тяжелым сердцем, милая Мод, я был просто в отчаянии. Робин заметил, что я очень печален, стал меня расспрашивать о причинах, и я все ему рассказал. И узнал имя того, кого вы раньше любили...

– Не стоит говорить о моих девичьих безумствах, – прервала его Мод, обвивая его шею руками, – прошлое принадлежит Богу.

– Да, Мод, только Богу, а настоящее – нам, ведь правда?

– Да, нам и Богу. Но может быть, вам будет спокойнее, дорогой Уильям, – добавила девушка, – если я вам точно, искренне и ясно объясню, какие отношения были у нас с Робин Гудом.

– Все, что мне нужно знать, я знаю, дорогая Мод, Робин рассказал мне, что произошло

между вами.

Девушка слегка покраснела.

– Если бы вы тогда не ушли так поспешно, – сказала Мод, пряча покрасневшее лицо на плече Уильяма, – вы бы узнали, что, глубоко тронутая вашей нежностью и терпеливой любовью, я готова была на нее ответить. Пока вас не было, я привыкла смотреть на Робина глазами сестры, и сегодня даже не знаю, Уилл, билось ли мое сердце когда-нибудь для другого, а не для вас.

– Значит, это правда, что вы меня немножко любите, Мод? – спросил со слезами на глазах Уилл, молитвенно сложив руки.

– Не немножко, нет, Уилл: очень люблю.

– О Мод, Мод, вы дарите мне такое счастье!.. Вот видите, я недаром надеялся, ждал, был терпелив и говорил так: в один прекрасный день она меня полюбит... Мы ведь поженимся, правда?

– Милый Уилл!

– Скажите «да» или лучше так: «Я хочу выйти замуж за моего доброго Уильяма».

– Я хочу выйти замуж за моего доброго Уильяма, – покорно повторила девушка.

– Дайте мне руку, дорогая Мод.

– Вот вам моя рука.

И Уильям страстно поцеловал маленькую ручку своей невесты.

– Когда мы поженимся, Мод? – спросил он.

– Не знаю, мой друг, на днях.

– Конечно, а точнее? Скажем, завтра?

– Ну что вы, Уильям, как можно!

– Почему же нет?

– Уж слишком внезапно, слишком быстро.

– Счастье никогда не приходит слишком быстро, милая Мод, и если бы мы могли пожениться прямо сейчас, я был бы счастливейшим из людей. Но уж если нужно подождать до завтра, покорюсь. Решено, завтра вы станете моей женой!

– Завтра?! – воскликнула девушка.

– Да, и по двум причинам: первая – та, что завтра мы будем праздновать день рождения моего отца, которому пойдет семьдесят шестой год. Вторая – та, что моя мать хочет отпраздновать мое возвращение. Значит, праздник будет еще радостнее, если к нему добавится свершение наших обоюдных желаний.

– Ваша семья, Уильям, не готова принять меня в свое лоно, и, может быть, ваш отец скажет...

– Мой отец, – прервал ее Уилл, – мой отец скажет, что вы ангел, что он любит вас и давно считает своей дочерью. Ах, Мод, вы плохо знаете доброту и нежность этого старика, если сомневаетесь. Он будет только рад счастьем сына.

– У вас такой большой дар убеждать, милый Уилл, что я теперь полностью разделяю ваше мнение.

– Значит, вы согласны, Мод?

– Придется согласиться, Уилл.

– Но я вас не принуждаю, сударыня.

– Поистине, Уилл, вам нелегко угодить! Конечно, вы хотели бы, чтобы я сказала: «От всего сердца согласна...»

– ... завтра выйти за вас замуж», – закончил Уилл.

– ... завтра выйти за вас замуж», – со смехом повторила Мод.

– Прекрасно, теперь я доволен. Идем, милая женушка, объявим нашим друзьям о предстоящей свадьбе.

Уильям взял Мод под руку и спустился с ней в зал, где по-прежнему находилась вся семья.

Леди Гэмвелл и ее муж благословили жениха и невесту, Барбара и Уинифред нежно называли ее сестрицей, а братья Уилла бросились восторженно ее целовать.

Приготовления к свадьбе целиком заняли женщин; задавшись целью сделать Уилла еще

счастливее, а Мод еще прекраснее, они тут же стали готовить для невесты прелестный наряд.

Завтра наступило совсем не быстро, как всегда наступает завтра, когда его нетерпеливо ждут. С утра во двор замка свезли невероятное число бочонков с элем; украшенные венками из листьев, они должны были смиренно ждать, когда их присутствие удостоит вниманием. Праздник обещал быть великолепным; во всех комнатах стояли охапки цветов, музыканты настраивали инструменты, а приглашенные толпами съезжались в замок.

Час, на который было назначено венчание мисс Линдсей и Уильяма Гэмвелла, приближался; Мод в прекрасном платье ждала Уильяма в зале, но Уильяма все не было.

Сэр Гай послал на поиски слугу.

Слуга обошел весь парк, все помещения замка, повсюду звал, но ему отвечало только эхо собственного голоса.

Робин Гуд и братья Уильяма сели на лошадей и обыскали нее окрестности, но не нашли никаких следов Уильяма и не сумели ни у кого ничего о нем узнать.

Гости разделились на группы и обыскали местность с другой стороны, но тоже напрасно.

К полуночи вся семья в слезах собралась вокруг Мод, уже целый час лежавшей без сознания.

Уильям исчез.

II

Как мы уже сказали, барон Фиц-Олвин привез в Ноттингемский замок свою красавицу-дочь леди Кристабель.

За несколько дней до исчезновения бедного Уилла барон Фиц-Олвин сидел в одной из комнат своих личных покоев, а напротив него расположился маленький старичок в роскошном платье, сплошь украшенном золотым шитьем.

Если бы богатство могло состоять в уродстве, то мы бы сказали, что гость барона был необычайно богат.

Судя по его лицу, этот щеголеватый старик был намного старше барона, но он, казалось, и не вспоминал о своем возрасте.

Похожие на старых морщинистых и гримасничающих обезьян, они вполголоса беседовали, и по тому, как каждый из них хитрил и льстил другому, было видно, что они пытаются прийти к соглашению по какому-то важному для них обоим вопросу.

– Вы уж очень суровы со мной, барон, – сказал уродливый старик, качая головой.

– Богом клянусь, нет, – живо возразил лорд Фиц-Олвин, – я стараюсь обеспечить счастье своей дочери, вот и все, и прошу вас верить, дорогой сэр Тристрам, что у меня нет никаких задних мыслей.

– Я знаю, что вы хороший отец, Фиц-Олвин, и что счастье леди Кристабель – единственная ваша забота... Так что же вы собираетесь дать в приданое вашей любимой, дочери?

– Я же вам уже сказал: пять тысяч золотых в день свадьбы и столько же немного позже.

– Надо уточнить дату, барон, надо уточнить дату, – проворчал старик.

– Ну, скажем, через пять лет.

– Срок большой, и потом вы даете дочери чересчур скромное приданое.

– Сор Тристрам, – сухо сказал барон, – вы уж слишком долго испытываете мое терпение. Прошу вас все-таки вспомнить, что дочь моя молода и красива, а вы этими достоинствами могли обладать лет пятьдесят тому назад.

– Ну-ну, не надо сердиться, Фиц-Олвин, я ведь с добрыми намерениями: я рядом с вашими десятью тысячами могу положить миллион золотых, – да что я говорю миллион? – два миллиона.

– Я знаю, что вы богаты, – прервал сэра Тристрама барон, – к сожалению, мне до вас далеко, но, тем не менее, я хочу, чтобы моя дочь стала одной из знатнейших дам Европы. Я хочу, чтобы положение, которое займет леди Кристабель, было не ниже, чем у королевы. Вы знаете о моих честолобивых отцовских замыслах и все же отказываетесь вручить мне сумму, которая

помогла бы их осуществить.

– Не могу понять, дорогой Фиц-Олвин, чем может повлиять на счастье вашей дочери то, останется в моих руках половина моего состояния или нет. Все доходы от миллиона, от двух миллионов я отпишу леди Кристабель, но сам капитал будет принадлежать мне. Вам не стоит беспокоиться, я обеспечу своей жене королевское существование.

– Это все выглядит прекрасно... на словах, дорогой Тристрам, но позвольте вам заметить, что, когда между супругами существует такая большая разница в возрасте, это часто ведет к непониманию в семье. Может случиться так, что прихоти молодой женщины станут вам невыносимы и вы заберете то, что дали. Если же половина вашего состояния будет в моих руках, я буду спокоен за счастье дочери, ей нечего будет бояться, а вы сможете ссориться с ней сколько вам будет угодно.

– Ссориться?! Вы шутите, дорогой барон, в жизни не случится с нами такого несчастья. Я так люблю вашу нежную голубку, что побоюсь ее огорчить. Я уже двенадцать лет надеюсь получить ее руку, а вы думаете, что я стану перечить ее прихотям! Да сколько бы их у нее ни было, она будет богата и сможет их все удовлетворить.

– Позвольте вам сказать, сэр Тристрам, что если вы еще раз откажетесь удовлетворить мою просьбу, я, не обинуясь, беру свое слово обратно.

– Вы уж очень спешите, барон, – проворчал старик, – давайте еще раз все хорошенько обсудим.

– Я сказал все, что должен был сказать; мое решение принято.

– Не упрямитесь, Фиц-Олвин. Ну, а если я вам дам пятьдесят тысяч золотых?

– Вы что, оскорбить меня хотите?

– Оскорбить?! Как вы плохо думаете обо мне, Фиц-Олвин!.. Ну, скажем, двести тысяч?..

– Хватит, сэр Тристрам. Я знаю размер вашего состояния, поэтому принимаю эти предложения как насмешку. Что мне ваши двести тысяч?

– Разве я сказал двести тысяч, барон? Я хотел сказать пятьсот тысяч – пятьсот, слышите? Очень приличная сумма, ведь вполне приличная?

– Приличная, – согласился барон, – но вы только что сами мне сказали, что могли бы положить два миллиона рядом со скромными десятью тысячами моей дочери. Так дайте мне миллион, и завтра же моя Кристабель станет вашей женой, если вы этого хотите, мой добрый Тристрам.

– Миллион? Вы хотите, чтобы я доверил вам миллион, Фиц-Олвин? Это и вовсе нелепо: не могу же я, будучи в здравом уме, вручить вам половину моего состояния!

– Вы что, сомневаетесь в моей честности и порядочности? – раздраженно воскликнул барон.

– Нисколько, дорогой друг, нисколько.

– Вы подозреваете меня в том, что у меня есть еще какой-либо интерес помимо счастья моей дочери?

– Я знаю, что вы любите леди Кристабель, но...

– Что «но»? – поспешно прервал его барон. – Решайтесь немедленно, или я навсегда отказываюсь от принятых мною обязательств!

– Вы даже не оставляете мне времени подумать. В это время в дверь осторожно постучал слуга.

– Войдите, – сказал барон.

– Милорд, – доложил лакей, – прибыл гонец от короля со срочными известиями; он ждет позволения вашей светлости, чтобы сообщить их.

– Проводите его сюда, наверх, – ответил барон. – Ну, а теперь, сэр Тристрам, вот вам мое последнее слово: если до прихода гонца, а он будет здесь через две минуты, вы не согласитесь исполнить мои желания, не видать вам леди Кристабель.

– Ради Бога, послушайте меня, Фиц-Олвин, умоляю, послушайте!

– Не хочу ничего слушать; моя дочь стоит миллион; а потом, вы же сами сказали мне, что любите ее.

– Нежно люблю, видит Бог, нежно люблю, – прошамкал безобразный старик.

– Так вот, вы будете очень несчастны, сэра Тристрам, потому что придется вам с ней расстаться навеки. Я знаю одного молодого сеньора, знатностью не уступающего королю, при этом богатого, очень богатого, и приятного лицом, который ждет только моего согласия, чтобы предложить моей дочери свое имя и состояние. Если вы еще будете хоть секунду колебаться, то завтра – понимаете, завтра! – та, кого вы любите, моя дочь, прекрасная и очаровательная Кристабель, станет женой вашего счастливого соперника.

– Вы безжалостны, Фиц-Олвин!

– Я слышу шаги гонца. Так да или нет?

– Но... Фиц-Олвин!

– Да или нет?

– Да, да, – прошептал старик.

– Сэр Тристрам, дорогой друг, подумайте, какое счастье нас ждет: моя дочь – сокровище изящества и красоты.

– Да уж, хороша, ничего не скажешь, – подтвердил влюбленный старик.

– И стоит миллион золотых, – с насмешкой заключил барон. – Сэр Тристрам, моя дочь – ваша.

Вот так барон Фиц-Олвин продал свою дочь, прекрасную Кристабель, сэру Тристраму Голдсборо за один миллион золотых.

Ввели гонца, и он сообщил барону, что следы одного солдата, который убил капитана своего полка, вели в Ноттингемшир. Король приказывал барону Фиц-Олвину схватить этого солдата и без всякой пощады повесить.

Отпустив гонца, лорд Фиц-Олвин сжал в своих руках трясущиеся руки будущего супруга своей дочери, извинился, что покидает его в такую счастливую минуту, но, как он сказал, приказ короля требовал немедленного исполнения.

Три дня спустя после недостойной сделки, заключенной между бароном и сэром Тристрамом, солдат, находившийся в розыске, был схвачен и посажен в одну из башен Ноттингемского замка.

А в это время Робин Гуд продолжал усердно разыскивать Уильяма, который – увы! – и был этим несчастным солдатом, схваченным стражниками барона.

Увидев, что все попытки напасть на след Уилла в Йоркшире напрасны, Робин Гуд вернулся в лес, надеясь, что его люди, постоянно наблюдавшие за дорогой из Мансфилда в Ноттингем, возможно, что-нибудь знают.

В миле от Мансфилда Робин Гуд встретил Мача, сына мельника; сидя, как и сам Робин, верхом на крепкой лошади, он во весь опор скакал в том направлении, откуда тот приехал.

Увидев Робин Гуда, Мач закричал от радости и остановил коня.

– Как я рад, что встретил вас, дорогой друг, – сказал он, – я еду и Барнсдейл с известием о молодом человеке, который во время нашей встречи был вместе с вами.

– Вы видели его? Мы ищем его уже три дня.

– Видел.

– Когда?

– Вчера вечером.

– Где?

– В Мансфилде, куда я вернулся, проведя двое суток со своими новыми товарищами. Когда я подходил к отцовскому дому, то заметил несколько лошадей. На одной из них сидел человек, чьи руки были крепко связаны. Я узнал вашего друга. Солдаты пошли выпить и положились на крепость веревок, поэтому его никто не стерег. Не привлекая их внимания, мне удалось сообщить бедному малому, что я немедленно еду в Барнсдейл рассказать вам о несчастье, которое с ним приключилось. Это вернуло ему мужество, и он поблагодарил меня выразительным взглядом. Не теряя ни минуты, я попросил дать мне лошадь и, уже сядя в седло, задал одному солдату несколько вопросов о том, какая участь уготована пленнику. Он ответил, что по приказу барона Фиц-Олвина молодого человека везут в Ноттингемский замок.

– Благодарю вас за то, что вы оказали мне услугу, да еще столь своевременно, дорогой Мач. Вы мне рассказали все, что я хотел знать, и нам крепко не повезет, если мы не сумеем расстроить жестокие планы норманнского сеньора. По седлам, дорогой Мач, и поспешим в лесное убежище, а там уж я сделаю все, чтобы с необходимыми мерами предосторожности предпринять вылазку.

– А где Маленький Джон? – спросил Мач.

– Пошел к убежищу по другой дороге. Мы разделились, надеясь собрать сведения с разных сторон. Мне повезло больше, потому что я имел радость встретить вас, мой храбрый Мач.

– Это мне повезло, атаман, – весело возразил Мач, – ваше желание для меня – закон, который направляет все мои действия.

Робин улыбнулся, наклонил голову и понесся галопом, а его спутник мчался следом за ним не отставая.

Когда Робин Гуд и Мач прискакали на место общего сбора разбойников, они увидели, что Маленький Джон уже там. Робин Гуд рассказал другу о том, что сообщил ему Мач, и приказал звать своих людей, рассеянных по лесу, составить из них отряд и вести его на опушку леса, подступавшего к Ноттингемскому замку. Там они должны были укрыться в тени деревьев, приготовиться к бою и ждать сигнала Робина. Отдав эти распоряжения, Робин и Мач снова сели на лошадей и с еще большей скоростью помчались по дороге и Ноттингем.

– Дорогой друг, – сказал Робин, когда они доехали до того места, где кончался лес, – вот мы и у цели. Я не должен появляться в Ноттингеме, потому что о моем присутствии в городе тут же узнают и поймут, зачем я тут, а мне бы этого не хотелось. Вы меня понимаете? Если враги Уильяма будут осведомлены о моем внезапном появлении, они насторожатся и нам будет гораздо труднее освободить его. Вы пойдете в город один и найдете один домик неподалеку от Ноттингема. В нем живет славный малый, один из моих друзей по имени Хэлберт Линдсей; если же его нет дома, прелестная женщина с нежным именем Грейс скажет вам, где ее муж, вы его найдете и приведете ко мне. Вы меня поняли?

– Прекрасно понял.

– Хорошо, тогда ступайте, а я сяду здесь, подожду вас и понаблюдаю за окрестностью.

Оставшись один, Робин спрятал лошадь в чаще, лег в тени дуба и стал думать, что следует сделать, чтобы освободить бедного Уилла. Призвав на помощь всю свою изобретательность, Робин размышлял, не забывая внимательно наблюдать за дорогой. Вскоре он увидел, что из Ноттингема к лесу едет по дороге всадник, молодой и очень богато одетый. «Богом клянусь, – сказал себе Робин, – этот выехавший прогуляться верхом щеголь явно норманн; какая удачная мысль пришла ему в голову – проехаться здесь и подышать лесными ароматами. Мне кажется, госпожа Фортуна к нему так благосклонна, что не грех взять с него цену стрел и луков, которые будут сломаны завтра в честь Уильяма. Платье на нем роскошное, вид у него надменный, так что этот милый господин весьма вовремя мне попался. Ну-ну, подъезжай поближе, дамский угодник, я сейчас несколько облегчу ношу твоего коня».

Робин быстро вскочил на ноги и загородил путнику дорогу.

Тот, видимо ожидая от Робина слов приветствия, вежливо остановился.

– Добро пожаловать, прекрасный кавалер, – сказал Робин, поднося руку к шляпе, – погода пасмурная, и я принял вас за вестника солнца. Ваша улыбка озаряет все вокруг, и если вы побудете еще несколько минут на краю этого старого леса, цветы в его тени примут вас за луч света.

Незнакомец весело рассмеялся.

– Вы не из отряда Робин Гуда? – спросил он.

– Вы судите по внешности, сударь, – ответил молодой человек, – и поскольку я в костюме лесника, вы полагаете, что я непременно принадлежу к людям Робин Гуда. Вы ошибаетесь, не все жители леса связали свою судьбу с этим изгнанником.

– Возможно, – с видимым нетерпением ответил незнакомец, – я думал, что встретил одного из веселых лесных братьев, значит, я ошибся.

Ответ разбудил любопытство Робина.

– Сударь, – сказал он, – ваше лицо дышит такой искренностью и сердечностью, что, не-

смотря на мою многолетнюю ненависть к норманнам...

– Я не норманн, сэр лесник, – прервал его всадник, – и по вашему примеру могу сказать, что вы судите по внешности: вас вводят в заблуждение мое платье и произношение. Я сакс, хотя в моих жилах и есть несколько капель норманнской крови.

– Всякий сакс мне брат, сударь, и я счастлив, что могу засвидетельствовать вам свое доверие и приязнь. Я действительно из людей Робин Гуда. Вам, конечно, известно, что с норманнскими путешественниками мы знакомимся не столь бескорыстно.

– Да, я знаю, это очень вежливый и доходный способ знакомства, – смеясь, ответил незнакомец, – и я много о нем слышал. Я как раз ехал в Шервуд с единственной целью – иметь удовольствие познакомиться с вашим предводителем.

– А если я скажу вам, сударь, что вы говорите с Робин Гудом?

– Я протяну ему руку, – живо ответил незнакомец, сопровождая дружеским жестом свои слова, – и спрошу: друг Робин, разве вы забыли брата Марианны?

– Аллан Клер! Вы Аллан Клер?! – радостно воскликнул Робин Гуд.

– Да, я Аллан Клер, и я так хорошо запомнил ваше выразительное лицо, дорогой Робин, что узнал вас с первого взгляда.

– Как я счастлив видеть вас, милый Аллан! – продолжал Робин Гуд, сжимая обеими руками протянутую ему руку. – Марианна даже не ждет уже счастья увидеть вас на родной земле!

– Бедная моя, милая моя сестра! – с глубокой нежностью сказал Аллан. – Она здорова? Счастлива ли хоть немного?

– Здоровье у нее прекрасное, дорогой Аллан, а горе только одно: вас нет рядом с ней.

– Я вернулся, и вернулся навсегда. Моя сестра скоро будет совсем счастлива. Вы знали, дорогой Робин, что я поступил на службу к французскому королю?

– Да, нам об этом говорил один из людей барона, да и сам Фиц-Олвин в приступе откровенности, вызванном страхом, рассказал нам, какое положение вы занимаете при короле Людовике.

– Благоприятное стечение обстоятельств позволило мне оказать королю Франции большую услугу, – продолжал рыцарь. – Желая отблагодарить меня, он соблаговолил проявить ко мне большой интерес и осведомиться, чего бы мне хотелось. Его доброта придала мне смелости: я поведал ему, в каком горестном состоянии находятся мои сердечные дела, рассказал, что мои поместья конфискованы, и умолял позволить мне вернуться в Англию. Король милостиво согласился удовлетворить мою просьбу, тотчас же дал мне письмо к Генриху Второму, и я, не теряя ни минуты, отправился в Лондон. По просьбе французского короля Генрих Второй вернул мне земли моего отца, а казначейство должно вернуть звонкой монетой весь доход от моих имений со дня их конфискации. Кроме того, я обладаю крупной суммой и, когда я вручу ее барону Фиц-Олвину, рассчитываю получить руку леди Кристабель.

– Я знаю о вашем соглашении, – сказал Робин, – семь лет, назначенные бароном, вот-вот истекут, если я не ошибаюсь?

– Да, завтра последний день.

– Прекрасно! Значит, вы должны поспешить к барону, час опоздания может вас погубить.

– Как вы узнали об этом соглашении и его условиях?

– От моего двоюродного брата Маленького Джона.

– Того великана – племянника сэра Гая Гэмвелла?

– Его самого, вы еще помните этого достойного малого?

– Конечно, помню.

– Ну, теперь он стал еще выше, а сила его просто непомерна. Вот через него я и узнал о вашем договоре с бароном.

– Лорд Фиц-Олвин сказал ему это в порыве откровенности? – улыбаясь, спросил Аллан.

– Да, Маленький Джон задавал вопросы его светлости, угрожая ему кинжалом.

– Тогда я понимаю, почему барон пошел на такое излияние чувств.

– Дорогой друг, – серьезным тоном прервал его Робин, – не доверяйте барону Фиц-Олвину; он вас не любит и если сможет нарушить свою клятву, то непременно это сделает.

- Если он вздумает отказать мне в руке леди Кристабель, клянусь, Робин, я заставлю его жестоко раскаяться в этом.
- А у вас есть какой-нибудь способ дать барону понять, что наши угрозы не шутка?
- Да, но, впрочем, если бы у меня его и не было, я готов скорее осадить Ноттингемский замок, чем отказаться от руки леди Кристабель.
- Если вы нуждаетесь в помощи, я целиком к вашим услугам, дорогой Аллан; я сию же минуту могу предоставить в ваше распоряжение две сотни молодцов с резвыми ногами и крепкими руками. Они одинаково хорошо владеют луком, мечом, копьем и щитом; скажите только слово, и они под моим командованием выстроятся вокруг вас.
- Тысячу раз спасибо, дорогой Робин, я меньшего и не ожидал от такого друга, как вы.
- И вы были правы; теперь позвольте мне узнать, как вам стало известно, что я живу в Шервудском лесу?
- Закончив дела в Лондоне, – ответил рыцарь, – я приехал в Ноттингем и узнал, что барон вернулся и леди Кристабель тоже находится в замке. Успокоившись относительно здоровья своей возлюбленной, я отправился в Гэмвелл. Сами судите, каково было мое отчаяние, когда, въехав в деревню, я увидел развалины жилища баронета. Я поспешно отправился в Мансфилд, и один из местных жителей рассказал мне о происшедшем. О вас он отзывался с большой похвалой; он же сообщил, что семейство Гэмвеллов тайно укрылось в своем имении в Йоркшире. А теперь поговорим о моей сестре Марианне, Робин; она очень изменилась?
- Да, дорогой Аллан, очень.
- Бедняжка моя!
- Она стала совершенной красавицей, – со смехом добавил Робин, – потому что хорошела с каждой весной.
- Она замужем? – спросил Аллан.
- Пока еще нет.
- Тем лучше. А вы не знаете, она отдала кому-нибудь свое сердце, обещала кому-нибудь руку?
- Марианна сама вам ответит на эти вопросы, – сказал Робин и слегка покраснел. – Как сегодня жарко! – добавил он, отирая пот со лба. – Прошу вас, отойдем в тень, под деревья; я жду одного из моих людей, и мне кажется, что его чересчур долго нет. Кстати, Аллан, вы помните одного из сыновей сэра Гая, Уильяма, которого прозвали Красным из-за несколько яркого цвета его волос?
- Такой красивый молодой человек с большими голубыми глазами?
- Да; барон Фиц-Олвин отправил этого бедного малого в Лондон, где его записали в полк, входивший в войско, которое до сих пор занимает Нормандию. В один прекрасный день Уильямом овладело неодолимое желание увидеть семью; он попросил отпуск, но капитан несколько раз подряд ему отказал, и тогда взбешенный Уилл убил его. Ему удалось добраться до Англии, мы встретились по счастливой случайности, и я отвез его в Барнсдейл, где живет его семья. На следующий день по приезде в доме был большой праздник; отмечали не только возвращение изгнанника, но и его свадьбу и день рождения сэра Гая.
- Уилл женится? А на ком?
- На одной очаровательной девушке, которую вы знали, – мисс Линдсей.
- Я не помню ее.
- Как, вы забыли верную служанку и подругу леди Кристабель?
- Ах, да, вспомнил, – воскликнул Аллан Клер, – вы говорите о веселой дочке привратника Ноттингемского замка, о шалунье Мод?
- Именно так; Мод и Уильям давно любили друг друга.
- Мод любила Красного Уилла? Что вы такое говорите, Робин? По-моему, сердце этой юной особы принадлежало вам.
- Нет, нет, вы ошибаетесь.
- Вовсе нет, я теперь припоминаю, что если она вас и не любила, – а я в этом сильно сомневаюсь, – то вы питали к ней глубокие и нежные чувства.

– Я тогда любил и теперь люблю ее как брат.

– Да неужели? – лукаво спросил рыцарь.

– Честью клянусь, это так, – ответил Робин, – но давайте вернемся к Уильяму. Вот что произошло. За час до венчания он исчез, и я лишь недавно узнал, что его похитили солдаты барона. Я собрал своих людей, скоро они уже будут близко и смогут меня услышать, и рассчитываю с их помощью и моей ловкостью освободить Уильяма.

– А где он?

– Наверное, в Ноттингемском замке; скоро узнаем точно.

– Не торопитесь с решением, дорогой Робин, подождите до завтра; я встречу с бароном и употреблю все возможное – и просьбы и угрозы, – чтобы освободить вашего двоюродного брата.

– Но если этот старый негодяй совершит какие-либо поспешные действия, не придется ли мне всю жизнь раскаиваться, что я потерял эти несколько часов?

– А у вас есть причины этого опасаться?

– Зачем вы задаете мне этот вопрос, дорогой Аллан, если вы лучше меня знаете, каков будет ответ? Вам хорошо известно, что у лорда Фиц-Олвина нет ни сердца, ни души, ни жалости. Если бы он посмел собственноручно повесить Уилла, уж будьте уверены, он бы это сделал. Я должен поторопиться вырвать Уилла из этих львиных когтей, если я не хочу потерять его навечно.

– Может быть, вы и правы, дорогой Робин, и моя осторожность в этом случае может быть опасной. Я сейчас же отправляюсь в замок и, оказавшись там, возможно буду вам чем-то полезен. Я расспрошу барона, а если он не ответит на мои вопросы, обращусь к солдатам; перед щедрым вознаграждением, я надеюсь, они не устоят; вы можете на меня рассчитывать; если же мои усилия не увенчаются успехом, я извещу вас, что вы должны действовать со всей возможной поспешностью.

– Решено, рыцарь. Смотрите, мой человек возвращается, а с ним Хэлберт, молочный брат Мод. Сейчас мы что-нибудь узнаем о том, что ждет бедного Уилла.

– Ну, так что? – спросил Робин, обняв своего молодого друга.

– Мне почти нечего вам сказать, – ответил Хэлберт, – я знаю только, что в Ноттингемский замок привезли пленника, а Мач мне сообщил, что этот несчастный – наш бедный друг Красный Уилл. Если вы хотите попытаться спасти его, Робин, это нужно делать немедленно. Один монах-пилигрим, проходивший через Ноттингем, был приглашен в замок, чтобы исповедать узника.

– Пресвятая Матерь Божья, сжался над нами! – дрожащим голосом воскликнул Робин. – Уиллу, моему бедному Уиллу угрожает смерть! Его нужно похитить из замка во что бы то ни стало! И больше вы ничего не знаете, Хэлберт? – добавил Робин.

– В отношении Уилла ничего; но я узнал, что леди Кристабель в конце недели должна выйти замуж.

– Леди Кристабель должна выйти замуж? – переспросил Аллан.

– Да, милорд, – ответил Хэлберт, удивленно глядя на рыцаря, – она выходит замуж за самого богатого норманна во всей Англии.

– Этого не может быть! – воскликнул Аллан Клер.

– Это правда, – продолжал Хэлберт, – и в замке готовятся широко отпраздновать это радостное событие.

– Радостное событие! – горько повторил Аллан. – И как же зовут негодяя, вознамерившегося жениться на леди Кристабель?

– Значит, вы чужой в наших краях, милорд, – сказал Хэлберт, – раз вы не знаете об огромной радости его светлости Фиц-Олвина. Его светлость был так ловок, что ему удалось заполучить огромное состояние, при надлежащее сэру Тристраму Голдсборо.

– Леди Кристабель станет женой этого отвратительного старика?! – в полном изумлении воскликнул рыцарь. – Да ведь это полутруп. Это чудовищный урод и гнусный скупец! Дочь барона Фиц-Олвина – моя невеста, и до последнего моего вздоха никто, кроме меня, не получит прав на ее сердце.

– Ваша невеста, милорд?! Кто же вы?

– Это рыцарь Аллан Клер, – ответил Робин.

– Брат леди Марианны? Тот, кого так нежно любит леди Кристabelle?

– Да, дорогой Хэл, – ответил Аллан.

– Ура! – закричал Хэлберт, подбрасывая в воздух шапку. – Как удачно вы приехали! Добро пожаловать в Англию, сударь; ваш приезд наконец-то осушит слезы вашей невесты, и на ее прекрасном лице расцветет улыбка. Торжества этого ужасного бракосочетания должны состояться в конце недели; если вы хотите ему воспрепятствовать, время терять нельзя.

– Я немедленно отправлюсь к барону, – ответил Аллан, – и если он полагает, что и теперь может поступать по отношению ко мне так, как ему вздумается, то он ошибается.

– Рассчитывайте на мою помощь, рыцарь, – сказал Робин. – Мы похитим леди Кристabelle. Я думаю, что мы все четверо отправимся к замку, но войдете туда вы один, а мы с Хэлбертом и Мачем будем ждать вашего возвращения.

Молодые люди вскоре подошли к самым стенам замка и в ту минуту, когда рыцарь уже направлялся к подъемному мосту, послышался скрежет цепей, мост опустился и из ворот вышел старик в одежде пилигрима.

– А вот и исповедник, которого барон пригласил к несчастному Уильяму, – сказал Хэлберт, – расспросите его, Робин, он нам расскажет, быть может, какая участь уготована нашему другу.

– Мне в голову пришла та же мысль, дорогой Хэлберт, и я считаю, что встреча с этим святым человеком – это помощь божественного Провидения. Да сохранит вас Дева Мария, святой отец! – сказал Робин, почтительно кланяясь старику.

– Да сбудется по молитве твоей, сын мой! – ответил пилигрим

– Вы издали идете, отец мой?

– Из Святой земли; я совершил долгое и трудное паломничество, чтобы искупить грехи молодости, а теперь, усталый и обессиленный, возвращаюсь, чтобы умереть под родным небом.

– Господь послал вам долгую жизнь, святой отец.

– Да, сын мой, мне уже скоро девяносто лет, и жизнь моя теперь кажется всего лишь сном.

– Молю Деву Марию ниспослать вам мир и покой в оставшиеся вам дни, святой отец.

– Да будет так, милое дитя с ласковым и благочестивым сердцем. И я в свою очередь призываю Господа излить на тебя всю Небесную благодать. Ты добрый юноша и верующий, так прояви милосердие и подумай о тех, кто страдает и должен скоро умереть.

– Объяснитесь, святой отец, я вас не понимаю, – с дрожью в голосе сказал Робин.

– Увы, увы! – воскликнул старик. – Одна душа должна скоро вернуться на Небо, в свою горную обитель, а телу, в котором она живет, нет и тридцати лет. Человек твоего, наверное, возраста должен умереть страшной смертью; молись за него, сын мой.

– Он исповедался вам перед смертью, святой отец?

– Да, и через несколько часов его жестоко разлучат с жизнью.

– Где же этот несчастный?

– В одной из темных камер этого замка.

– Он там один?

– Да, сын мой, один.

– И бедняга должен умереть? – спросил Робин.

– Да, завтра на рассвете.

– Вы уверены, святой отец, что осужденного не казнят еще до утра?

– Уверен. Увы! Ведь это так скоро! Твои слова огорчают меня, дитя мое. Ты что, желаешь смерти твоего брата?

– Нет, святой старец, нет, тысячу раз нет! Я отдал бы за него свою жизнь. Я знаю этого несчастного, отец мой, знаю и люблю. Вы не скажете, к какой казни его приговорили? И не знаете ли вы, где его казнят – в замке или за его стенами?

– Тюремщик мне сказал, что этого беднягу отведет на виселицу ноттингемский палач; приказано повесить его прилюдно на городской площади.

– Помоги нам, Боже! – прошептал Робин. – Святой отец, – добавил он, беря старика за ру-

ку, – не окажете ли вы мне услугу по доброте своей?

– Чего ты хочешь от меня, сын мой?

– Я хочу, я прошу вас, отец мой, чтобы вы вернулись в замок и попросили барона оказать вам милость и разрешить сопровождать пленника до подножия виселицы.

– Я уже добился этой милости, сын мой: я буду завтра утром рядом с вашим другом.

– Да благословит вас Бог, святой отец, да благословит вас Бог. Мне нужно сказать нечто очень важное тому, кто завтра идет на смерть, и я хотел попросить вас, добрый старец, передать это ему от моего имени. Завтра утром я буду здесь, под этими деревьями. Будьте так добры, прежде чем вы войдете в замок, выслушать мои слова.

– Я непременно встречу с тобой здесь завтра, сын мой.

– Спасибо, отец мой, до завтра.

– До завтра, и да будет мир с тобой!

Робин почтительно поклонился, и пилигрим, скрестив руки на груди и шепча молитвы, ушел.

– До завтра, – повторил Робин, – и посмотрим, будет ли Уилл повешен!

– Нужно будет, – заметил Хэл, внимательно слушавший разговор Робина с пилигримом, – разместить ваших людей поближе к месту казни.

– Они будут стоять так, чтобы им был слышен звук рога, – ответил Робин.

– А как вы их спрячете от солдат?

– Не беспокойтесь об этом, дорогой Хэлберт, – ответил Робин, – мои веселые лесные братья уже давно научились становиться невидимыми, даже на большой дороге, и, поверьте мне, они не станут ходить вокруг солдат барона, а появятся на сцене только по условному сигналу.

– Мне кажется, вы настолько верите в успех, дорогой Робин, – сказал Аллан, – что я хотел бы иметь хоть часть вашей нынешней уверенности в отношении своих собственных дел.

– Рыцарь, – ответил Робин, – позвольте мне только освободить Уильяма, доставить его в Барнсдейл, передать с рук на руки его дорогой женошке, и мы займемся леди Кристабель. Ведь венчание должно состояться еще через несколько дней, и у нас есть время подготовиться к серьезной борьбе с лордом Фиц-Олвином.

– Я хочу войти в замок, – сказал Аллан, – и так или иначе выяснить тайну этой комедии. Если барон счел возможным нарушить свои обязательства, пренебрегая честью и порядочностью, то я буду считать себя вправе пренебречь почтением, которое я ему обязан оказывать, и любым способом сделать так, чтобы леди Кристабель стала моей женой.

– Вы правы, милый друг, немедленно отправляйтесь к барону; он вас не ждет, а потому очень возможно, что от удивления выдаст себя. Говорите с ним дерзко и дайте ему понять, что вы не побоитесь применить силу, чтобы получить леди Кристабель. А пока вы будете беседовать на эту важную тему с лордом Фиц-Олвином, я соберу своих людей и подготовлю их к задуманному мной делу. Если я вам понадобится, пошлите нарочного на то место, где мы с вами только что встретились, и в любой час, днем и ночью он найдет там одного из моих храбрых товарищей. Если же вам нужно будет побеседовать с вашим верным союзником, вы велите отвести вас в наше убежище. А теперь скажите, вы не боитесь, что в замок вы войдете, но выйти из него не сможете?

– Лорд Фиц-Олвин не посмеет применить насилие к такому человеку, как я, – ответил Аллан, – это было бы уже слишком опасно для него; впрочем, если он действительно собирается выдать Кристабель за этого омерзительного Тристрама, то он будет так торопиться выпроводить меня, что уж скорее не примет меня, чем будет пытаться задержать. Итак, прощайте, вернее, до свидания, дорогой Робин, я скорее всего увижусь с вами до конца дня.

– Я буду ждать вас.

Аллан направился к воротам замка, а Робин, Хэлберт и Мач быстрым шагом добрались до города.

Рыцарь без малейших затруднений был проведен в покои лорда Фиц-Олвина, и вскоре он увидел грозного владельца замка.

Если бы барон увидел выходца с того света, и то он не испытал бы такого ужаса, как при

виде этого красивого молодого человека, стоящего перед ним в позе, исполненной достоинства и гордости.

Барон бросил на своего слугу такой испепеляющий взгляд, что тот со всех ног кинулся бежать из комнаты.

– Я не ожидал вас увидеть, – сказал лорд Фиц-Олвин, переводя гневный взор на рыцаря.

– Возможно, милорд, но я явился.

– Это я вижу. К счастью для меня, вы нарушили слово: срок, который я вам назначил, истек вчера.

– Ваша светлость ошибается, я явился на милостиво назначенное вами свидание точно в указанное время.

– Мне трудно поверить вам на слово.

– Очень жаль, но вы поставите меня перед необходимостью вас к этому принудить. Мы по доброй воле приняли по отношению друг к другу определенные обязательства, и я вправе требовать выполнения ваших обещаний.

– Вы выполнили все условия договора?

– Выполнил. Их было три: я должен был вернуть себе свои поместья, иметь сто тысяч золотых и явиться к вам через семь лет просить руки леди Кристabelle.

– И у вас действительно есть сто тысяч золотых? – с жадностью спросил барон.

– Да, милорд. Король Генрих вернул мне мои поместья и доходы от них со дня конфискации. Я богат и требую, чтобы завтра же вы отдали мне руку леди Кристabelle.

– Завтра! – воскликнул барон. – Завтра? А если бы вы завтра сюда не явились, – добавил он мрачно, – наше соглашение было бы расторгнуто?

– Да; но послушайте меня, лорд Фиц-Олвин, я прошу вас выбросить из головы дьявольские замыслы, которые в ней зреют: я явился в назначенный час, и ничто на свете – не стоит и пытаться применить силу – ничто на свете не может заставить меня отказаться от той, которую я люблю. Если, отчаявшись во всех других средствах, вы решитесь прибегнуть к хитрости, я отомщу и, будьте уверены, отомщу жестоко. Мне известна одна ваша тайна, и я ее раскрою. Я жил при дворе короля Франции, и мне стали известны подробности одного дела, которое касается лично вас.

– Какого дела? – с беспокойством спросил барон.

– Сейчас не время пускаться в долгие объяснения по этому поводу: довольно будет вам знать, что я держу в памяти имена тех презренных англичан, которые предполагали отдать свою родину под иноземное иго. (Лорд Фиц-Олвин побледнел.) Сдержите обещание, которое вы мне дали, милорд, и я забуду, что вы повели себя подло и предательски по отношению к своему королю.

– Рыцарь, вы оскорбляете старика, – прервал его барон, принимая возмущенный вид.

– Я говорю правду, и ничего больше. Еще один отказ, милорд, еще одна ложь, еще одна увертка, и королю Англии будут представлены доказательства вашей преданности отечеству.

– Вам повезло, Аллан Клер, – как можно мягче сказал барон, – что Небо одарило меня спокойным и терпеливым нравом; если бы я был по природе своей гневлив и раздражителен, вы бы жестоко поплатились за вашу дерзость: я приказал бы бросить вас в крепостной ров.

– Такой поступок был бы чистым безумием, милорд, потому что он не спас бы вас от королевской мести.

– Ваша молодость служит извинением вашим дерзким речам, рыцарь; я проявлю снисходительность, хотя мне было бы просто наказать вас за них. Зачем же прибегать к угрозам, еще не зная, действительно ли я собираюсь отказать вам в руке своей дочери?

– Потому что я достоверно знаю о нашем намерении отдать руку леди Кристabelle презренному и жалкому старику сэру Тристраму Голдсборо.

– Да неужели? Кто же, скажите на милость, этот болтливый дурак, поведавший вам такую дурацкую историю?

– Это не важно, весь город Ноттингем только и говорит, что о приготовлениях к этой богатой и смехотворной свадьбе.

– Я не могу отвечать, рыцарь, за все глупые и лживые слухи, которые обо мне распространяют.

– Значит, вы не обещали сэру Тристраму руку вашей дочери?

– Позвольте мне не отвечать на этот вопрос. До завтрашнего дня я волен в своих мыслях и желаниях; вот завтра уже воля ваша: приходите, и я полностью удовлетворю ваши требования. Прощайте, рыцарь Клер, – вставая, закончил старик, – я желаю вам всего доброго и прошу оставить меня одного.

– До счастливого свидания, барон Фиц-Олвин. И помните, что у дворянина только одно слово.

– Прекрасно, прекрасно, – проворчал старик, поворачиваясь к гостю спиной.

Аллан вышел из покоев барона с тяжелым сердцем. Он не мог не видеть, что старый лорд опять замышляет какую-то подлость. Его полный угрозы взгляд провожал рыцаря до порога комнаты; потом, не желая отвечать на последний поклон молодого человека, старик отошел к окну.

Как только Аллан вышел (он отправился на встречу с Робин Гудом), барон яростно зазвонил в колокольчик, стоявший на столе.

– Пришлите мне Черного Питера, – отрывисто сказал он вошедшему слуге.

– Сию минуту, милорд.

Через несколько минут солдат, которого вызвал Фиц-Олвин, уже стоял перед ним.

– Питер, – обратился к нему барон, – у тебя под началом есть несколько храбрых и неболтливых парней, которые выполняют без обсуждения данный им приказ?

– Да, милорд.

– Они смелы и умеют забывать об услугах, которые могут быть ими оказаны?

– Да, милорд.

– Прекрасно! Отсюда только что вышел рыцарь в богатом красном камзоле; иди за ним следом с двумя крепкими парнями и сделай так, чтобы он больше мне не мешал. Ты меня понял?

– Отлично понял, милорд, – ответил Черный Питер с омерзительной улыбкой и наполовину вытащил из ножен огромный кинжал.

– Я вознагражу тебя, храбрый Питер. Не бойся ничего, но действуй скрыто и осторожно. Если этот мотылек полетит к лесу, идите за ним, и под сенью деревьев вам будет легче обделать это дельце. Отправив его в мир иной, заройте его под каким-нибудь старым дубом, а могилу прикройте терном и листвой, и никто не найдет его труп.

– Ваши приказания будут в точности выполнены, и когда я снова увижу вас, этот кавалер будет спать под зеленым травяным ковром.

– Я жду тебя; немедленно идите следом за этим наглым щеголем.

Питер Черный в сопровождении двух своих товарищей покинул замок и вскоре напал на след Аллана Клера.

Молодой человек медленно, опустив голову, шел печальный и задумчивый в сторону Шервудского леса. Увидев, что он дошел до опушки, убийцы, шедшие за ним по пятам, вне себя от зловещей радости ускорили шаг и спрятались за кустами, ожидая подходящей минуты, чтобы броситься на него.

Аллан Клер поискал глазами проводника, которого обещал прислать Робин Гуд, и, продолжая внимательно осматривать окрестности, принялся размышлять о том, каким образом вырвать Кристабель из рук ее недостойного отца.

Из этих тягостных раздумий рыцаря вывел треск ветвей; он повернул голову и увидел, что к нему быстрым шагом приближаются трое мужчин с обнаженными мечами и зловещим выражением на лицах.

Аллан прислонился спиной к дереву, вытащил меч из ножен и спросил твердым голосом:

– Негодяи, что вам от меня нужно?

– Твою жизнь, нарядный мотылек! – воскликнул Черный Питер и бросился на рыцаря.

– Назад, презренная тварь! – вскричал Аллан, нанося противнику удар в лицо. – Все назад! – продолжал он, с невероятной ловкостью выбивая оружие из рук второго нападающего.

Черный Питер удвоил усилия, но задеть молодого человека так и не смог; тот не только вывел из строя одного из нападавших, закинув его меч на ветви дерева, но еще и раскроил голову третьему.

Обезумев от ярости, Черный Питер вырвал с корнем молодое деревце, снова бросился на Аллана и с такой силой ударил его по голове, что тот выронил меч и без чувств упал на землю.

– Добыча наша! – радостно закричал Питер, помогая подняться и встать на ноги своим раненым товарищам. – Ковыляйте в замок и оставьте меня одного, я этого парня прикончу. Ваше присутствие здесь небезопасно, да и наши стоны мне надоели. Убирайтесь, я сам вырою яму для этого молодого вельможи, только оставьте лопату, которую вы принесли с собой.

– Вот она, – ответил один из его товарищей и добавил: – Питер, я едва жив, я не смогу идти.

– Проваливай, или я тебя прикончу, – грубо ответил Питер.

И убийцы, полумертвые от боли и страха, с трудом потащились сквозь заросли.

Оставшись один, Питер принялся за свое страшное дело; он уже вырыл яму почти до половины, как вдруг получил такой удар палкой по плечу, что растянулся во весь рост на краю могилы.

Немного придя в себя от боли, негодяй повернулся к тому, кто вознаградил его по заслугам, и увидел над собой румяное лицо огромного парня, одетого в рясу доминиканского монаха.

– Ах ты нечестивец, мерзавец черномордый, – громовым голосом вопил монах, – ты ударил дворянина по голове и, чтобы спрятать концы в воду, подло зарываешь несчастную жертву! А ну, отвечай, разбойник, кто ты есть?

– За меня ответит меч, – произнес Питер и вскочил на ноги, – он тебя отправит в мир иной, и там ты сможешь спросить у Сатаны мое имя, если тебе так хочется его узнать.

– Если мне не повезет и я умру раньше тебя, наглый плут, мне все равно не придется этого делать, я и так по твоей роже вижу, что ты исчадие ада. И позволь мне посоветовать твоему мечу помолчать, а то, если он пошевелит языком, моя палка заставит его умолкнуть навеки. Самое лучшее, что ты можешь сделать, это убраться отсюда.

– Сначала я покажу тебе, как я владею мечом, – сказал Питер, нанося монаху удар.

Удар был таким быстрым и сильным, что до кости рассек монаху три пальца на левой руке.

Монах вскрикнул, обрушился на Питера, согнул его пополам и стал осыпать ударами палки.

И тут с убийцей стало происходить что-то странное: он выронил меч, в глазах у него помутилось, он перестал соображать и утратил возможность защищаться.

Когда монах прекратил наносить удары, Питер был мертв.

– Негодяй! – бормотал монах, задыхаясь от усталости и боли. – Проклятый негодяй! Он решил, что пальцы бедному Туку даны для того, чтобы их кусал норманнский пес? Ну, полагаю, я дал ему хороший урок; к сожалению, на пользу он ему не пойдет, потому что он уже дух испустил! Ну что же! То его вина, а не моя: зачем он убил этого красивого малого? Ах, Бог ты мой! – воскликнул добрый брат Тук, положив здоровую руку на грудь рыцаря. – Он ведь дышит, и сердце бьется, правда, слабо, но видно, что жизнь в нем еще теплится. Взвалю-ка я его на плечи

и отнесу в наше убежище. Бедный малый, да он и не тяжелый! А ты, подлый убийца, – закончил брат Тук, пиная ногой тело Питера, – оставайся здесь, и пусть волки, если они не отобедали, разорвут твои останки.

Произнеся все это, монах твердой походкой со всей возможной скоростью двинулся к жилищу веселых лесных братьев.

Теперь нам нужно сказать несколько слов, чтобы объяснить, каким образом был схвачен Красный Уилл. Человек, который встретил Уилла в компании Робин Гуда и Маленького Джона в харчевне в Мансфилде, по высочайшему повелению разыскивал беглеца. Увидев его в сопровождении пяти крепких парней, которые могли прийти к нему на помощь, осторожный сыщик решил отложить его арест на некоторое время. Он вышел из трактира, послал в Ноттингем за солдатами, а потом ночью привел их в Барнсдейл.

На следующий день по роковой случайности Уилл вышел из замка и попал прямо в их руки, не успев оказать ни малейшего сопротивления.

Сначала Уильямом овладело бурное отчаяние, но встреча с Мачем вселила в него некоторую надежду. Он сразу понял, что, узнав о его положении, Робин Гуд не пожалеет ничего на свете, чтобы прийти ему на помощь, и если уж не сумеет его спасти, то не остановится ни перед чем, чтобы отомстить за его смерть. Он знал также, и это служило ему большим утешением в его жестокой судьбе, что он будет горько оплакан и что Мод, так радовавшаяся его возвращению, прольет потоки слез над их погибшим счастьем.

Запертый в темной камере, Уилл с тоской и страхом ожидал казни, и каждый час приносил ему надежду и боль. Бедный узник с беспокойством прислушивался к любому шуму, доносившемуся снаружи, надеясь различить отдаленный звук рога Робин Гуда.

Когда блеснули первые лучи солнца, Уильям молился; он благоговейно исповедался накануне доброму старику-пилигриму и с чистой душой, вручив свое сердце Богу, последней своей надежде и опоре, приготовился к приходу стражников, которые должны были явиться за ним на рассвете.

Солдаты взяли Уильяма в кольцо и двинулись по дороге в город.

Когда отряд вошел в Ноттингем, его окружила огромная толпа: большая часть жителей города с раннего утра ожидала этого мрачного шествия.

Как ни велики были надежды несчастного, он невольно пошатнулся, не увидев в толпе ни одного знакомого лица. Сердце его дрогнуло, и долго сдерживаемые слезы набежали на глаза, но надежда все же не до конца покинула его, потому что внутренний голос шептал ему: «Робин Гуд недалеко, Робин Гуд сейчас придет».

Подойдя к подножию отвратительной виселицы, сколоченной по приказу барона, Уильям смертельно побледнел: он не думал, что умрет такой позорной смертью.

– Я хочу поговорить с лордом Фиц-Олвином, – сказал он.

В качестве шерифа барон должен был присутствовать при казни.

– Что вы хотите от меня, несчастный? – спросил он.

– Я не могу надеяться на помилование, милорд?

– Нет, – холодно ответил старик.

– Тогда, – спокойно продолжал Уильям, – я прошу о милости, в которой великодушный человек не может мне отказать.

– О какой милости?

– Милорд, я принадлежу к благородной саксонской семье, и имя, которое я ношу, – синоним чести; ни один из членов этой семьи не заслужил презрения сограждан. Я солдат и дворянин и должен умереть как солдат.

– Вы будете повешены, – грубо ответил барон.

– Милорд, я рисковал жизнью на поле брани и не заслуживаю того, чтобы меня повесили как вора.

– Ах, вот как, – усмехнулся старик, – а как же вы хотите искупить ваше преступление?

– Дайте мне меч, и прикажите вашим солдатам нападать на меня с копьями; я хочу умереть как честный человек, со свободными руками и с лицом, обращенным к Небу.

– Вы что, считаете меня дураком? Стану я рисковать жизнью своих людей, чтобы исполнить вашу последнюю прихоть! Вовсе нет, вы будете повешены.

– Милорд, заклинаю вас, умоляю, сжальтесь надо мной, я даже уже не прошу дать мне меч, я не буду защищаться, пусть наши солдаты изрубят меня в куски.

– Презренный! – воскликнул барон. – Ты убил норманна и просишь милости у норманна! Глупец! Прочь! Ты умрешь на виселице, и вскоре, я надеюсь, разбойник, сделавший Шервудский лес пристанищем для своих негодяев, составит тебе компанию.

– Если бы тот, о ком вы отзываетесь с таким презрением, мог меня услышать, я бы только смеялся над вашей похвальбой, жалкий вы трус! Запомните, барон Фиц-Олвин: если я умру, Робин Гуд отомстит за меня. Берегитесь, барон: не пройдет и недели, как Робин Гуд будет в Ноттингемском замке!

– Пусть явится хоть со всей своей шайкой, я прикажу сколотить двести виселиц! Палач, исполняйте свой долг, – добавил барон.

Палач положил руку на плечо Уильяма. Молодой человек в отчаянии огляделся, но, увидев вокруг только молчаливую и объятую жалостью толпу, препоручил свою душу Господу.

– Остановитесь! – воскликнул дрожащий старческий голос пилигрима. – Остановитесь! Я хочу дать этому бедному грешнику последнее благословение.

– Вы выполнили свой долг по отношению к этому негодяю, – разъяренно вскричал барон, – и незачем затягивать казнь!

– Нечестивец! – воскликнул пилигрим. – Вы хотите лишить этого несчастного помощи религии?

– Поторопитесь, – нетерпеливо ответил лорд Фиц-Олвин, – я устал от всех этих проволочек.

– Солдаты, отойдите немного, – сказал старик, – молитвы умирающего не должны быть услышаны нечестивыми ушами.

По знаку барона солдаты отошли на несколько шагов от осужденного.

У подножия виселицы остались только Уильям и пилигрим.

Палач почтительно слушал распоряжения барона.

Склонившись перед Уильямом, пилигрим сказал:

– Не шевелитесь, Уилл, я Робин Гуд: я перережу веревку, которой вы связаны, мы вместе бросимся в гущу солдат, и они от неожиданности потеряют голову.

– Будьте благословенны, милый Робин Гуд, будьте благословенны, – прошептал бедный Уильям, задыхаясь от счастья.

– Уильям, наклонитесь и сделайте вид, что говорите со мной; прекрасно! Ну вот, веревки перерезаны; а теперь вытащите из-под моей рясы меч. Нашли?

– Да, – прошептал Уильям.

– Отлично! Становимся спина к спине и покажем лорду Фиц-Олвину, что вы не для того появились на этот спет, чтобы вас повесили.

И в одно мгновение Робин Гуд скинул рясу и предстал перед изумленными собравшимися в знакомом платье лесника.

– Милорд, – воскликнул он звонким голосом, – Уильям Гэмвелл – один из веселых лесных братьев. Вы у меня его похитили, я пришел забрать его обратно, и взамен я пришлю вам труп негодяя, которому вы поручили подло убить рыцаря Аллана Клера.

– Пятьсот золотых тому, кто схватит этого разбойника! – прокричал барон. – Пятьсот золотых храбрецу, который задержит его!

Сверкающим взглядом Робин Гуд оглядел толпу, застывшую в ужасе:

– Я никому не советую рисковать жизнью, сейчас здесь будут мои товарищи.

С этими словами Робин затрубил в рог, и в ту же минуту из леса вышел отряд лесных братьев; в руках они держали луки с натянутыми тетивами.

– К оружию! – закричал барон. – К оружию! Верные норманны, уничтожьте этих разбойников!

Но в солдат полетели тучи стрел. Обезумев от страха, барон вскочил на лошадь и, что-то

громко выкрикивая, понесся к замку. Испуганные жители Ноттингема бросились за своим сеньором, а солдаты, поддавшись всеобщей панике, понеслись за бароном.

– Лес и Робин Гуд! – кричали веселые лесные братья, со смехом преследуя врагов.

Горожане, лесники и солдаты вперемешку пронеслись по городу, причем первые онемели от ужаса, вторые смеялись, а третьи были в бешенстве. Барон первым влетел во двор замка, а все остальные за ним. Снаружи остались только лесные братья, громкими веселыми возгласами провожавшие своих малодушных противников.

Когда Робин Гуд и его люди возвращались в лес, горожане, ни один из которых не был ранен и нисколько не пострадал в этой необычайной стычке, единодушно признали, что молодой предводитель разбойников смел и в несчастье верен другу.

К этому дружному хвалебному хору присоединились и нежные девичьи голоса, а одна из девушек даже заявила, что лесники кажутся ей такими приветливыми и доброжелательными, что отныне она не побоится идти лесом совсем одна.

III

Убедившись, что Робин Гуд не намеревается осаждать замок, разбитый физически лорд Фиц-Олвин, в голове которого теснились невыполнимые планы – один фантастичнее другого, удалился в свои покои.

Там барон стал размышлять об удивительной смелости Робин Гуда: среди белого дня, не имея другого оружия, кроме меча, обнаженного им только для того, чтобы перерезать веревки осужденного, с замечательным присутствием духа он сумел держать на почтительном расстоянии большой отряд солдат. Ему вспомнилось постыдное бегство солдат, и, забыв, что он первый подал тому пример, барон проклял их трусость.

– Какой непристойный страх! – восклицал он. – Какой нелепый испуг! Что подумают горожане? Им позволительно было бежать, ведь им нечем было защищаться, но солдаты, дисциплинированные, вооруженные до зубов! Это неслыханное происшествие навсегда испортило мою репутацию человека доблестного и храброго.

От этих размышлений, весьма тягостных для его самолюбия, барон перешел к совершенно другим. Он настолько преувеличивал позор поражения, что в конце концов всю вину за него взвалил на солдат; в его воображении он не возглавил паническое бегство, а прикрыл отступление и только благодаря собственному мужеству проложил себе дорогу сквозь ряды окруживших его разбойников. И как только он окончательно подменил действительность своими измышлениями, его ярость достигла крайнего предела, он выскочил из комнаты во двор, где солдаты стояли группками и с огорчением говорили о своем позорном бегстве, обвиняя в нем своего господина. Барон влетел в толпу как бомба, приказал всем встать вокруг него и произнес длинную речь об их подлой трусости. После этого он привел солдатам несколько вымышленных примеров беспочвенной паники, прибавив, что память человеческая не упомнит трусости, сравнимой с той, какую они ставят себе в упрек. Барон говорил так горячо и возмущенно, так умело напустил на себя вид непоколебимого и недооцененного мужества, что солдаты, поддавшись чувству уважения к своему господину, в конце концов поверили в свою полную и неоспоримую виновность. Ярость барона показалась им благородным гневом. Они опустили головы и признали себя робкими людьми, боящимися собственной тени. Когда барон наконец кончил свою напыщенную речь, один из солдат предложил преследовать разбойников до их тайного убежища. Все остальные радостными криками приветствовали это предложение; солдат, высказавший столь воинственную идею, стал умолять храброго красноречиво возглавить отряд. Но тот вовсе не был расположен поддаваться на эти неуместные просьбы и ответил, что он благодарен за оказанное ему доверие, но в настоящую минуту ему куда более приятно оставаться дома.

– Мои храбрецы, – добавил барон, – осторожность требует, чтобы мы дождались более благоприятного случая для захвата Робин Гуда. Я полагаю, что мы должны воздержаться, по крайней мере, в эту минуту, от любых необдуманных действий. Сейчас – осторожности, а в час битвы – смелости – вот все, что я от вас требую.

Сказав это, барон, опасаясь настойчивости своих солдат, оставил их строить планы победы. Успокоившись относительно своей репутации храброго вояки, барон забыл о Робин Гуде и стал думать о своих личных интересах и о претендентах на руку своей дочери. Само собой разумеется, что лорд Фиц-Олвин полагался на испытанную не раз ловкость Черного Питера; по его мнению, Аллан Клер уже не существовал на свете. Правда, Робин Гуд сообщил ему о смерти его кровавого порученца, но барону и дела не было до того, что Питер заплатил жизнью за услугу, оказанную им своему господину и повелителю. Раз он избавился от Аллана Клера, то между леди Кристabelle и сэром Тристрамом больше не стояло никаких преград, а этот последний был настолько близок к могиле, что новобрачная должна была, так сказать, со дня на день сменить свадебные одежды на темное вдовье покрывало. Молодая и необыкновенно красивая, совершенно свободная, сказочно богатая леди Кристabelle тогда нашла бы себе партию, достойную ее красоты и богатства. И барон спрашивал себя, кто это будет. Горю неумным честолюбием, он мысленно искал такого супруга для дочери, который соответствовал бы его высоким притязаниям. Старому гордецу уже мерещилось великолепие королевского двора и он стал подумывать о сыновьях Генриха II. В то время, когда непрестанная борьба враждующих партий раздираала Английское королевство, постоянная нехватка денег превратила их в огромную силу, и возвышение леди Кристabelle до ранга члена королевской семьи не было невозможным. И эта пленительная надежда в мозгу лорда Фиц-Олвина приняла очертания замысла, уже близкого к осуществлению. Барон уже видел себя дедом короля Англии и думал о том, на принцессах каких королевских дворов было бы выгодно женить своих внуков и правнуков, как вдруг он вспомнил слова Робина, и весь его воздушный замок рухнул. А вдруг Аллан Клер еще жив?!

– Надо немедленно нее выяснить! – вскричал барон, выведенный из себя самой этой мыслью.

Он яростно стал звонить в колокольчик, день и ночь стоявший у него под рукой. Пришел слуга.

– Черный Питер в замке?

– Нет, милорд, он вчера ушел с двумя своими людьми, и они вернулись без него, причем один из них серьезно ранен, а другой полумертв.

– Пришлите ко мне того, кто еще стоит на ногах.

– Слушаюсь, милорд.

Вскоре человек, которого спрашивал барон, предстал перед ним: голова его была забинтована, а левая рука висела на перевязи.

– Где Черный Питер? – спросил барон, не удостоив беднягу даже сочувственным взглядом.

– Не знаю, милорд; я оставил его в лесу, он рыл могилу молодому дворянину, которого мы убили.

Лицо барона слегка покраснело, он попытался что-то сказать, но с губ его срывались нечленораздельные звуки; он отвернулся и сделал убийце знак выйти из своих покоев.

Тот ничего другого и не желал; держась за стены, он вышел.

– Мертв! – прошептал барон с непередаваемым волнением и повторил: – Мертв! – Побледнев как смерть, он продолжал бормотать слабым голосом: – Мертв, мертв!

Теперь оставим Фиц-Олвина мучаться тайными угрызениями взбудораженной совести и поищем того человека, которого он предназначил в супруги своей дочери.

Сэр Тристрам не покидал замка и собирался оставаться в нем до самого конца недели.

Барон желал, чтобы венчание его дочери состоялось в часовне замка, а сэр Тристрам, хотя и боялся какого-нибудь коварного покушения на свою особу, непременно хотел пышно венчаться в Линтонском аббатстве, расположенном примерно в миле от Ноттингема.

– Дорогой друг, – сказал лорд Фиц-Олвин не допускающим возражения тоном, когда обсуждался этот вопрос, – вы глупец и упрямец, потому что не видите ни моих добрых намерений, ни собственных интересов. Не стоит думать, что моя дочь жаждет вам принадлежать и что она с радостью пойдет к алтарю. Не могу вам сказать почему, но я предчувствую, что в Линтонском аббатстве произойдет некое событие, губительное для исполнения наших взаимных обязательств. Мы здесь в опасной близости от шайки разбойников, и они под началом своего реши-

тельного атамана вполне способны окружить и ограбить нас.

– Я возьму с собой свою охрану, – ответил сэр Тристрам, – она многочисленна, и это испытанные и храбрые люди.

– Как нам будет угодно, – сказал барон. – Но если случится несчастье, не жалуйтесь.

– Оставьте беспокойство, я беру на себя всю вину за свою ошибку, если она будет совершена мною при выборе места брачной церемонии.

– А кстати, – заметил барон, – не забудьте, прошу вас, что накануне этого торжества вы должны вручить мне миллион золотых.

– Сундук, в котором заперта эта огромная сумма, Фиц-Олвин, находится в моей комнате, – тяжело вздыхая, ответил сэр Тристрам, – и в день свадьбы его перенесут в ваши покои.

– Накануне, – возразил барон, – накануне, как мы условились.

– Хорошо, накануне.

С этим старики и расстались: один пошел ухаживать за леди Кристабель, а другой погрузился в мечты о своем будущем величии.

В замке Барнсдейл царила великая печаль: старый сэр Гай, его жена и дочери днем, как могли, утешали друг друга, пытались смириться с исчезновением бедного Уилла, а ночью оплакивали его.

На следующее утро после чудесного спасения Уилла вся семья сидела в зале и грустно беседовала о том, что же случилось с Уильямом, как вдруг у ворот замка громко и радостно затрубил охотничий рожок.

– Это Робин! – воскликнула Марианна, подбежав к окну.

– И конечно, с добрыми вестями, – подхватила Барбара. – Ну же, милая Мод, крепитесь и надейтесь, Уильям скоро вернется!

– Увы! Вы говорите неправду, дорогая сестрица!

– Я правду сказала, правду! – закричала Барбара. – Это Уилл и Робин, а с ними еще какой-то молодой человек, наверное, их друг.

Мод бросилась к дверям; Марианна узнала брата (Аллан уже оправился от удара и чувствовал себя превосходно), побежала вместе с Мод и упала в его объятия.

Мод, словно безумная, повторяла одно и то же:

– Уилл! Уилл! Милый Уилл!

А Марианна, обвив руками шею брата, не могла вымолвить ни слова.

Не станем даже пытаться изобразить радость этой счастливой семьи. Господь еще раз вернул этим людям целым и невредимым человека, которого они не надеялись больше увидеть и горько оплакивали.

Улыбки стерли даже воспоминания о слезах, и все дети, обменявшись объятиями и поцелуями, были по очереди прижаты к материнской груди. Сэр Гай благословил Уилла и его спасителя, а леди Гэмвелл с улыбкой обняла прелестную Мод.

– Ну разве я была не права, когда говорила, что Робин привез хорошие вести? – спросила Барбара, целуя Уилла.

– О, вы были безусловно правы, дорогая Барбара, – ответила Марианна, сжимая руки Аллана.

– Хотелось бы мне, – продолжала шалунья Барбара, – перепутать Уилла и Робина и поцеловать Робина от всей души.

– Такой способ выражать признательность послужит нам дурным примером, дорогая Барби, – со смехом подхватила Марианна, – мы все будем вынуждены поступить как вы, и Робин умрет от счастья.

– И это будет для меня блаженная смерть, вам не кажется, леди Марианна?

Девушка покраснела.

По лицу Аллана Клера скользнула едва заметная улыбка.

– Рыцарь, – сказал Уилл, подходя поближе к молодому человеку, – вы видите, какие теплые чувства внушает Робин моим сестрам, и он эти чувства заслужил. Рассказывая вам о наших несчастьях, Робин скрыл от вас, что он спас от смерти моих отца и мать; не поведал вам, с какой

бесконечной преданностью он относится к Барбаре и Уинифред; умолчал о том, что нежно, как лучший друг, заботился о моей невесте Мод. И говоря о леди Марианне, Робин не добавил: «Я заботился о счастье той, что была далеко от вас; в моем лице она имела верного друга, самоотверженного брата...»

– Прошу вас, Уильям, – прервал его Робин, – пощадите мою скромность, хоть леди Марианна и говорит, что я разучился краснеть, я чувствую, как мое лицо начинает пылать.

– Дорогой Робин, – сказал рыцарь и в волнении сжал руки молодого человека, – за мной давно огромный долг признательности по отношению к вам, и я счастлив, что могу теперь его засвидетельствовать. Мне не нужно было слов Уилла, чтобы увидеть, как достойно выполнили вы трудную задачу, доверенную вашей чести, ибо тому порукой были и есть все ваши поступки.

– О милый брат, – воскликнула Марианна, – если бы вы знали, как он был добр и щедр ко всем нам! Если бы вы знали, насколько достойно похвал его поведение по отношению ко мне, вы бы его почитали и любили, как...

– ... как его любишь ты, да? – спросил, нежно улыбаясь, Аллан.

– Да, как я его люблю, – ответила Марианна и на ее лице отразилось чувство огромной гордости, а ее мелодичный голос задрожал от волнения, – и я не боюсь признаться в чувстве к великодушному человеку, разделившему со мной все мои печали. Робин любит меня, дорогой Аллан, и любит меня так же сильно и давно, как я люблю его. Я обещала свою руку Робин Гуду, и мы ждали твоего приезда, чтобы освятить наши чувства перед алтарем.

– Мне приходится краснеть за свой эгоизм, Марианна, – сказал Аллан, – и этот стыд заставляет меня вдвойне ценить безупречное поведение Робина. Твой единственный защитник был далеко от тебя, он тебя забыл, а ты, дорогая сестра, продолжала помнить о нем и ожидать его возвращения, полагая, что без него ты не имеешь права на счастье. Простите мне, и вы и он, мою невольную жестокость; Кристабель будет моей заступницей перед вами. Спасибо, дорогой Робин, – добавил рыцарь, – спасибо, у меня нет слов, чтобы выразить вам мою искреннюю благодарность... Вы любите Марианну, и Марианна любит вас, и я счастлив и горд отдать вам ее руку.

И с этими словами рыцарь взял руку сестры и вложил ее в руки Робина.

Сердце Робина было переполнено радостью, он привлек Марианну к себе и страстно поцеловал.

Уильям, казалось, обезумел от проявлений восторга у окружающих и, искренне желая дать выход своим бурным чувствам, обнял Мод, несколько раз поцеловал ее в шейку, пробормотал что-то нечленораздельное и наконец разразился оглушительным «ура».

– Мы поженимся в один и тот же день, хорошо, Робин? – закричал он радостно. – А точнее, завтра. Ах, нет, нельзя откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, это приносит несчастье! Поженимся сегодня? Что вы на это скажете, Мод?

Девушка рассмеялась.

– Вы уж чересчур торопитесь, Уильям! – воскликнул рыцарь.

– Слишком тороплюсь? Хорошо вам так говорить, Аллан, но если бы вас, как меня, похитили прямо из объятий женщины в ту минуту, когда вы собирались назвать ее своей женой, вы бы не говорили, что я слишком тороплюсь. Разве я не прав, Мод?

– Да, Уильям, вы правы, но все же сегодня нам свадьбу отпраздновать не удастся.

– Почему? Почему, я вас спрашиваю? – нетерпеливо воскликнул Уилл.

– Потому что мне необходимо на несколько часов покинуть Барнсдейл, друг Уилл, – ответил рыцарь, – а мне было бы чрезвычайно приятно присутствовать на вашей свадьбе и свадьбе моей сестры. Я со своей стороны надеюсь на счастье стать мужем леди Кристабель, и три наши свадьбы могли бы быть отпразднованы в один и тот же день. Подождите немного, Уильям, и через неделю все устроится к нашему взаимному удовольствию.

– Ждать еще неделю?! – вскричал Уильям. – Это невозможно!

– Но, Уильям, неделя пройдет быстро, – сказал Робин, – и у вас достанет душевных сил набраться терпения.

– Хорошо, покоряюсь, – расстроенным тоном сказал молодой человек, – все вы против ме-

ня, а мне приходится защищаться одному. Мод должна была бы меня красноречиво поддержать своим нежным голосом, а она молчит. Умолкаю и я. Знаете, Мод, мне кажется, что нам нужно было бы побеседовать о нашей будущей семейной жизни; пойдёмте, погуляем в саду, так часа два и пройдет, и эта бесконечная неделя станет на два часа короче.

И не ожидая согласия девушки, Уильям взял ее за руку и увлек за собой в зеленую тень парка.

Семь дней спустя после свидания Аллана Клера и лорда Фиц-Олвина леди Кристабель одиноко сидела, а точнее – полулежала в кресле в своей комнате.

Поникшая фигура девушки была скрыта тяжелыми складками белого атласного платья, а покрывало английского кружева, спускаясь с белокурой головки, почти целиком укутывало ее. Лицо ее с правильными и чистыми чертами было смертельно бледно, бескровные губы плотно сжаты, а огромные помертвевшие глаза с ужасом безотрывно смотрели на дверь.

Время от времени горячая слеза сбегала по лицу Кристабель, и лишь эта слеза, эта роса печали, свидетельствовала о том, что жизнь еще теплится в этом ослабевшем теле.

Два часа прошло в смертельном ожидании. Кристабель была как неживая: в душе ее теснились пленительные воспоминания о невозвратимом прошлом, и она с непередаваемым ужасом следила за приближением рокового мгновения.

– Он забыл меня! – неожиданно воскликнула девушка, сжимая руки, ставшие блее, чем ее платье. – Он забыл ту, которой клялся в любви, которой говорил, что любит только ее; он женился! О мой Господь! Сжался надо мной, силы оставили меня, сердце мое разбито. Я столько выстрадала! Из-за него я выслушивала горькие упреки, терпела холодные взгляды того, кого обязана любить и почитать! Ради него я без единой жалобы вынесла жестокое обращение, мрачное одиночество в монастыре! (Из груди девушки вырвалось сдержанное рыдание, и слезы хлынули из ее глаз.) Тихий стук в дверь прервал горестные размышления леди Кристабель.

– Войдите, – еле слышно сказала она.

Дверь отворилась, и перед глазами убитой горем девушки появилось сморщенное лицо сэра Тристрама.

– Дорогая леди, – сказал старик с гримасой, которую он считал любезной улыбкой, – наступил час отправляться в путь. Позвольте мне, прошу вас, предложить вам руку: сопровождающие уже ждут нас, и скоро мы станем самыми счастливыми супругами во всей Англии.

– Милорд, – прошептала Кристабель, – я не в состоянии спуститься.

– Что вы такое говорите, любовь моя? Вы не в состоянии спуститься? Ничего не понимаю: вы одеты, нас ждут. Ну же, дайте мне вашу прекрасную ручку.

– Сэр Тристрам, – подняла свой пылающий взор Кристабель, и губы ее задрожали, – заклинаю вас, выслушайте меня; если есть в вашем сердце хоть искра жалости, то вы склонитесь к мольбам бедной девушки и избавите меня от этой ужасной церемонии!

– Ужасной церемонии?! – с весьма удивленным видом повторил сэр Тристрам. – Что это значит, миледи? Я вас не понимаю.

– Избавьте меня от необходимости что-либо объяснять вам, – рыдая, ответила Кристабель, – я благословлю ваше имя, я буду молить Бога за вас.

– Мне кажется, вы очень взволнованы, моя голубка, – сказал старик слащавым голосом. – Успокойтесь, и сегодня вечером или завтра утром, если вам это удобнее, вы поведаете мне свои девичьи тайны. Сейчас нам нельзя терять ни минуты, но после свадьбы все будет иначе, у нас будет уйма времени, и я с утра до вечера буду вас слушать.

– Ради Бога, милорд, выслушайте меня сейчас: если мой отец вас обманывает, то я не хочу обольщать вас напрасными надеждами. Милорд, я не люблю вас, мое сердце принадлежит одному молодому дворянину, которого я знаю с самого детства; подавая вам руку, я думаю о нем: я люблю его, милорд, я люблю его и всей душой привязана к нему.

– Вы забудете этого молодого человека, миледи, и, когда вы будете моей женой, вы о нем и не вспомните, поверьте мне.

– Я никогда его не забуду; его образ навечно запечатлен в моем сердце.

– В вашем возрасте люди всегда думают, что полюбили навеки, любовь моя, но время ухо-

дит и стирает из памяти некогда столь дорогие черты. Идемте же, мы обо всем этом поговорим позднее, и я постараюсь, чтобы мечты о будущем вытеснили из вашего сердца воспоминания о прошлом.

– Милорд, вы безжалостны!

– Я люблю вас, Кристабель.

– Господи, смилуйся надо мной! – вздохнула бедняжка.

– Конечно, Господь смилуется, – сказал старик, беря Кристабель за руку, – и пошлет смирение и забвение. (Сэр Тристрам почтительно, нежно и сочувственно поцеловал холодную руку, которую он держал в своих.) Вы будете счастливы, миледи, – добавил он.

Кристабель печально улыбнулась.

«Я умру», – подумала она.

В Линтонском аббатстве шли последние приготовления к венчанию леди Кристабель и старого сэра Тристрама.

С утра часовня была увешана великолепными драпировками, а благоухающие цветы распространяли в ней сладостные ароматы. Епископ Херефордский, который должен был венчать супругов, во главе монахов в белых стихарях стоял на пороге церкви, ожидая новобрачных. За несколько минут до приезда сэра Тристрама и леди Кристабель к епископу подошел какой-то человек, державший в руке маленькую арфу.

– Ваше преосвященство, – сказал незнакомец, почтительно кланяясь, – вы будете венчать будущих супругов?

– Да, друг мой, – ответил епископ, – а почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Ваше преосвященство, – ответил незнакомец, – я лучший арфист во Франции и Англии, и обычно на всех пышных праздниках пригождается мое искусство. Я слышал о свадьбе богача сэра Тристрама и единственной дочери барона Фиц-Олвина и решил предложить свои услуги его сиятельству.

– Если ты так же талантлив, как на вид уверен в себе и тщеславен, добро пожаловать.

– Спасибо, ваше преосвященство.

– Я очень люблю звучание арфы, – продолжал епископ, – и ты бы доставил мне удовольствие, если бы сыграл что-нибудь до приезда новобрачных.

– Ваше преосвященство, – гордо ответил незнакомец и величественно завернулся в свой длинный плат, – если бы я был обычным бродячим музыкантом, каких вы привыкли слышать, то пошел бы навстречу вашим желаниям; но я играю только в определенное время и в соответствующем месте; скоро я удовлетворю вашу вполне понятную просьбу.

– Ах ты наглец! – разгневанно воскликнул епископ. – Приказываю тебе немедленно играть!

– И до струн не дотронусь, пока не явится свадебный поезд, – с полным хладнокровием возразил незнакомец, – но вот тогда, ваше преосвященство, вам доведется услышать звуки, которые вас удивят, будьте уверены.

– Мы скоро сможем судить, чего ты стоишь: вот и жених с невестой.

Незнакомец отошел на несколько шагов, а епископ двинулся навстречу приехавшим.

На пороге церкви леди Кристабель, почти теряя сознание, повернулась к барону Фиц-Олвину.

– Отец, – сказала она еле слышным голосом, – сжальтесь надо мной, это замужество станет моей смертью.

Барон строго взглянул на дочь, приказывая ей замолчать.

– Милорд, – обратилась она к сэру Тристраму, судорожно вцепившись в его рукав, – не будьте безжалостны, вы еще можете вернуть мне жизнь, смилуйтесь надо мной!

– Поговорим об этом позже, – ответил сэр Тристрам, делая знак епископу, что пора войти в церковь.

Барон взял дочь за руку, намереваясь подвести ее к алтарю, как вдруг громкий голос произнес:

– Стойте!

Лорд Фиц-Олвин вскрикнул, а сэр Тристрам, готовый упасть в обморок, прислонился к

порталу церкви. Незнакомец взял за руку леди Кристabelle.

– Жалкий бродяга! – воскликнул епископ, узнав арфиста. – Кто позволил тебе, наемному музыканту, дотронуться своими грязными руками до этой благородной девицы?

– Провидение, которое послало меня, чтобы я стал ей опорой в ее слабости, – гордо ответил незнакомец.

Барон набросился на арфиста.

– Кто вы? – закричал он. – И почему препятствуете совершению священного обряда?

– Несчастный! – воскликнул незнакомец. – Вы называете священным обрядом заключение омерзительного союза между юной девушкой и стариком! Миледи, – добавил он, почтительно склоняясь перед едва живой от страха Кристabelle, – вы пришли в лом Господень, чтобы взять имя благородного человека, и вы это имя получите... Мужайтесь, Господь в своей божественной доброте хранил вашу невинность.

Арфист одной рукой развязал завязки плаща, а другой поднес к губам охотничий рог.

– Робин Гуд! – воскликнул барон.

– Робин Гуд, друг Аллана Клера, – прошептала леди Кристabelle.

– Да, Робин Гуд и его веселые лесные братья, – ответил наш герой и обвел взглядом отряд лесников, незаметно окруживших людей сэра Тристрама.

И в ту же минуту к ногам леди Кристabelle бросился изящно одетый молодой кавалер.

– Аллан Клер! Мой дорогой Аллан Клер! – воскликнула девушка, складывая руки. – Да благословит вас Бог за то, что вы не забыли меня!

– Ваше преосвященство, – сказал Робин Гуд, подходя к епископу с почтительным видом и обнаженной головой, – вы собирались против всех законов человеческих и божеских соединить два существа, которым Небо не предназначало жить под одним кровом. Посмотрите на эту юную девушку, посмотрите на человека, которого из-за своей ненасытной жадности отец хотел дать ей в мужья. С ранней детства леди Кристabelle помолвлена с рыцарем Алланом Клером. Он, как и она, молод, богат и знатен, он любит ее, и мы смиренно просим вас освятить их союз.

– Я возражаю против этого брака, – крикнул барон, пытаясь высвободиться из рук Маленького Джона, на долю которого выпала забота его удерживать.

– Тихо, жестокосердый человек! – воскликнул Робин Гуд. – Ты еще смеешь что-то говорить в святой церкви и отказываться от своего обещания, которое ты дал!

– Я не давал никаких обещаний, – прорычал лорд Фиц-Олвин.

– Ваше преосвященство, – повторил Робин Гуд, – угодно ли вам обвенчать этих молодых людей?

– Я не могу этого сделать без согласия лорда Фиц-Олвина, – ответил епископ Херефордский.

– А я согласия не дам никогда! – крикнул барон.

– Ваше преосвященство, – продолжал Робин, не обращая ни малейшего внимания на вопли старика, – я жду вашего окончательного решения.

– Я не могу взять на себя ответственность удовлетворить вашу просьбу, – ответил епископ, – оглашение не было сделано, а закон требует...

– Мы исполним закон, – сказал Робин. – Друг Маленький Джон, перелайте сиятельного лорда на время одному из ваших людей, и сделайте оглашение.

Маленький Джон повиновался и трижды объявил о предстоящей свадьбе Аллана Клера и леди Кристабель Фиц-Олвин. Но епископ снова отказался благословить их союз.

– Это ваше окончательное решение, ваше преосвященство? – спросил Робин.

– Да, – ответил епископ.

– Пусть будет так. Я это предвидел, и мы привезли с собой лицо, которое имеет право исполнять священнические обязанности. Отец мой, – продолжал Робин, обращаясь к старику, который скромно держался в стороне, – соблаговолите войти в часовню, супруги последуют за вами.

Пилигрим, который помог освободить Уилла, медленно подошел к Робину.

– Я готов, сын мой, – сказал он, – я буду молить Господа помочь страждущим и простить злым.

Без всякого шума, чему немало способствовало присутствие веселых братьев, свита сэра Тристрама и барона вошла в церковь, и обряд начался. Епископ удалился; лорд Тристрам жалобно стонал, а лорд Фиц-Олвин глухо бормотал какие-то угрозы.

– Кто отдает эту девицу в жены этому мужчине? – спросил старик, простирая дрожащие руки над головой Кристабель, стоявшей перед ним на коленях.

– Угодно вам ответить, милорд? – спросил Робин Гуд.

– Умоляю вас, отец! – сказала девушка.

– Нет, тысячу раз нет! – закричал барон, совершенно вышедший из себя.

– Поскольку отец этой благородной девицы отказывается выполнить данное им клятвенное обещание, его место займу я. Я, Робин Гуд, отдаю в жены рыцарю Аллану Клеру леди Кристабель Фиц-Олвин.

Вся дальнейшая церемония прошла беспрепятственно.

Как только Аллан Клер и леди Кристабель были обвенчаны, в дверях церкви появилось семейство Гэмвеллов.

Робин Гуд пошел навстречу Марианне и подвел ее к алтарю, а за ним подошли Уильям и Мод.

Проходя мимо Робина, благоговейно опустившегося на колени рядом с Марианной, Уилл шепнул ему:

– Наконец-то, друг мой Роб, настал счастливый день! Только взгляните на Мод: до чего же она хороша! А как громко бьется ее сердечко!

– Тише, Уилл, молитесь, и да услышит нас Господь!

– Да, я буду молиться, буду молиться всей душой, – ответил молодой человек.

Пилигрим благословил обе новые пары и, воздев дрожащие руки, просил Господа простереть над ними свою милосердную десницу.

– Мод, милая Мод, – вскричал Уильям, как только они вышли из церкви, – наконец-то ты стала моей женой, моей любимой женой! Я был так огорчен всеми этими задержками, что с трудом могу поверить в свое счастье. Я с ума схожу от радости. Ты моя, только моя! Ты хорошо молилась, Мод? Ты просила Богоматерь, чтобы она подарила нам во все дни нашей жизни такое же счастье, как сегодня?

Мод и смеялась и плакала; сердце ее было переполнено любовью и благодарностью к милому, доброму Уильяму.

Женитьба Робина доставила такую радость веселым лесным братьям, что, выйдя из церкви, они грянули дружное «ура».

– Горлопаны! – проворчал лорд Фиц-Олвин, с большой неохотой шагая за Маленьким Джоном, который самым вежливым образом предложил ему покинуть церковь.

Несколько минут спустя церковь совсем опустела. Лорд Фиц-Олвин и сэр Тристрам, оставленные без лошадей, грустно поддерживая друг друга, в совершенно расстроенных чувствах медленно брели по дороге к замку.

– Фиц-Олвин, – сказал, ковыляя, старик, – вы вернете мне миллион золотых, которые я вам доверил.

– Ну уж нет, сэр Тристрам, я в ваших несчастьях неповинен. Если бы вы послушались моих советов, этой беды бы не случилось. Когда б вы обвенчались в часовне замка, было бы обеспечено и ваше, и мое счастье. Но вы предпочли огласку тайне и яркий свет – темноте, и вот вам итог. Глядите, этот негодяй уводит мою дочь! И мне надо возместить убыток: миллион я оставлю себе!

Возвращаясь в Ноттингем таким же плачевным образом, как и их господа, слуги держались позади них и тихо посмеивались над удивительным происшествием.

Свадебный же поезд в сопровождении веселых лесных братьев быстро исчез в глубине леса. Старый лес как будто помолодел, принимая счастливых новобрачных, и деревья, освеженные утренней росой, склоняли свои зеленые ветви к лицам гостей; между вековыми дубами, раскидистыми вязами и стройными тополями были развешаны длинные гирлянды из цветов и листьев. Время от времени из чащи выскакивал олень с венком из цветов на рогах, как какое-то мифологическое божество, дорогу перебежал олененок, украшенный лентами, а зеленую лужайку пересекала лань с цветочной гирляндой на шее. На большой поляне был накрыт стол, все было подготовлено для танцев и игр – одним слоном, сделано все, чтобы гости могли развлекаться в свое удовольствие.

Из Ноттингема на праздник, устроенный Робин Гудом, пришло много хорошеньких девушек, и среди собравшихся царила полная сердечность.

Мод и Уильям, обнявшись, прогуливались вдвоем по дорожке рядом с площадкой для танцев. На душе у них было радостно, они улыбались друг другу, но тут перед ними предстал брат Тук.

– Ну, так что, храбрый Тук, веселый Джилл, мой толстый брат, – смеясь, воскликнул Уилл, – ты пришел сюда с намерением прогуляться вместе с нами? Добро пожаловать, Джилл, друг мой любезный, и доставь мне удовольствие, взгляни на сокровище души моей, мою любимую женушку, самое дорогое из всего, что у меня есть. Взгляни на этого ангела, Джилл, и скажи мне, существует ли где-нибудь на земле создание, обворожительнее моей милой Мод? Но сдаётся мне, дружище Тук, – добавил молодой человек с интересом вглядываясь в озабоченное лицо монаха, – сдаётся мне, что ты печален. Что с тобой? Расскажи нам о своих печалях, я попробую тебя утешить. Мод, душенька, поговори с ним ласково; идем с нами, Джилл, ты мне расскажешь, что с тобой, а я тебе расскажу о моей жене, и, слушая мои сердечные тайны, ты и сам помолодеешь сердцем.

– Мне нечего рассказывать тебе, Уилл, – ответил монах, слегка запинаясь, – и я счастлив, что ты получил все, что желал.

– Это не мешает мне, дружище Тук, с искренней грустью видеть, что лицо твое омрачено печалью. И все же скажи мне, что с тобой?

– Да ничего, – ответил монах, – ничего, просто одна мысль взбрела мне и голову; то искорка тлеет в моем мозгу, кошка скребет на сердце. Уж не знаю, Уилл, должен ли я тебе об этом говорить: несколько лет тому назад я питал надежду, что маленькая колдунья, которая так нежно прижимается сейчас к тебе, будет моим лучиком солнца, радостью моей жизни, самой большой моей драгоценностью.

– Как, бедняга Тук, ты так сильно любил мою красавицу Мод?

– Да, Уильям.

– Ты же знал ее еще до того, как с ней познакомился Робин, если я не ошибаюсь?

– Да, до того.

– И ты ее любил?

– Увы! – вздохнул монах.

– Да разве могло быть иначе? – нежно сказал Уилл, целуя руку своей жены. – И Робин любил ее с первого взгляда, и я боготворю ее с того дня, как увидел; и теперь, наконец-то, Мод, наконец-то ты моя!

За этими словами последовало молчание; монах опустил голову, а Мод, покраснев, улыбалась мужу.

– Надеюсь все же, дружище Тук, – сердечно продолжал Уильям, – что мое счастье не причиняет тебе страданий. Да, сегодня я счастлив, но я дорогой ценой купил великое счастье называть Мод своей любимой женой. Ты же не знал мук отвергнутой любви, не знал изгнания, не изнывал каждый день от тоски вдали от любимой, не потерял на этом и силы, и здоровье, и покой!

Перечисляя все постигшие его горести, Уилл поднял глаза на красное лицо монаха, и им овладел неудержимый смех.

Брат Тук весил по меньшей мере двести фунтов, а его круглое лицо напоминало полную луну.

Мод поняла причину хохота мужа и присоединилась к нему, а брат Тук простодушно разделил их веселье.

– Да, я чувствую себя прекрасно, – сказал он с милым добродушием, – но это не значит... короче, я знаю, о чем я говорю. Клянусь милостью Матери Божьей, добрые друзья мои, – добавил он, беря огромными ручищами сплетенные руки новобрачных, – что я вам желаю самого большого счастья. Но, если правду говорить, ваши газельи глаза, прелестная Мод, уже давно перевернули мою душу. Ну, что уж теперь об этом думать! Я сам себе по этому поводу сделал строгое внушение, постарался найти утешение в своих жестоких горестях и нашел его.

– Нашли утешение? – в один голос воскликнули Уильям и Мод.

– Да, – с улыбкой ответил Тук.

– Юную черноглазую девушку, которая сумела вас оценить по заслугам, мастер Джилл? – кокетливо спросила Мод.

Монах расхохотался.

– Да, у моей утешительницы, – ответил он, – глазки и вправду блестят, а губки розовые. Вы спрашиваете меня, милая Мод, сумела ли она оценить меня по достоинству? Трудно сказать, ведь это особа легкомысленная, и не мне одному она отвечает поцелуем на поцелуй.

– И вы ее любите! – воскликнул Уилл с жалостью и осуждением.

– Да, люблю, – ответил монах, – хотя, как я уже сказал, она ни с кем не скупится на милости.

– Но это недостойная женщина! – покраснев, воскликнула Мод.

– Как, Тук, – добавил Уилл, – такое храброе сердце, такой честный человек, как ты, мог привязаться к подобной особе? Чем любить такую женщину, я бы скорее...

– Тсс! Потихе, потихе, – прервал его брат Тук, – осторожнее, Уилл.

– Осторожнее? Почему?

– Потому что не следует отзываться дурно об особе, которую сам ты не раз целовал.

– Вы целовали эту женщину?! – с упреком воскликнула Мод.

– Мод, это ложь, это ложь, Мод! – закричал Уильям.

– Вовсе не ложь, – спокойно продолжал монах, – целовали и не раз или два, а двадцать раз!

– О! Уилл! Уилл!

– Не слушайте его, Мод, он обманывает вас. Ну, Тук, говорите правду: я целовал ту, которую вы любите?

– Да, и я могу вам это доказать.

– Слышите, Уилл? – сказала чуть не плача Мод.

– Слышу, но ничего не понимаю, – ответил молодой человек. – Джилл, во имя нашей старой дружбы, заклинаю вас привести сюда эту девушку, посмотрим, хватит ли у нее дерзости подтвердить ваши слова.

– Лучшего и не надо, Уилл, и я готов спорить с тобой, что ты не только вынужден будешь признаться в своей привязанности к ней, но и дать ей новые доказательства своих чувств, и поцелуешь ее.

– Я не хочу, – сказала Мод, вцепившись обеими руками в руку Уилла, – не хочу, чтобы он разговаривал с этой женщиной!

– Он будет говорить с ней, и он ее поцелует, – со странной настойчивостью заявил монах.

– Это невозможно, – возразил Уилл.

– Совершенно невозможно, – добавила Мод.

– Покажите мне вашу возлюбленную, мастер Джилл, где она?

– Ну зачем вам это, Уилл? – сказала Мод. – У вас не может быть желания ее видеть, и к тому же... к тому же, Уильям, мне кажется, что особа, о которой идет речь, неподходящее знакомство для вашей жены.

– Ты права, милая моя женушка, – сказал Уилл, целуя Мод в лоб, – она недостойна даже один миг смотреть на тебя. Дорогой Тук, – продолжал Уилл, – ты очень обяжешь меня, если

прекратишь свои шутки, они неприятны Мод; у меня нет ни желания, ни даже любопытства встретиться с той, которую ты любишь, поэтому давай не будем больше говорить об этом.

– И все же, я дал честное слово, и ты должен увидаться с ней, Улл.

– Не надо, не надо! – воскликнула Мод. – Уильям вовсе не жаждет этой встречи, и мне она неприятна.

– А я хочу вам ее показать, – упрямо возразил Джилл, – вот она!

И с этими словами Тук вытащил из-под рясы серебряную флягу и, поднеся ее к глазам Уилла, сказал:

– Ну, взгляни на мою красавицу-бутылку, на мое утешение, и посмей только сказать, что ты ее ни разу не целовал!

Новобрачные рассмеялись от души.

– Каюсь, грешен, брат Тук, – воскликнул Уилл, беря бутылку, – и прошу мою милую же-нушку разрешения поцеловать свою старую подружку.

– Разрешаю, Уилл, выпей за наше счастье и благоденствие веселого брата Тука!

Уилл слегка отпил ярко-красного напитка и вернул флягу брату Туку, а тот в своем восторге опустил ее.

Друзья еще несколько минут гуляли втроем, держась за руки; потом их позвал Робин, и они присоединились к остальным.

Робин представил Барбаре Мача и сказал, что это и есть тот жених, о котором он уже давно говорил, но Барбара с самым лукавым видом встряхнула белокурыми локонами и сообщила, что она пока замуж не собирается.

Маленький Джон, от природы очень сдержанный, был весь день любезен и предупредителен со своей двоюродной сестрой Уинифред, и было видно, что у них есть о чем поговорить вдвоем: они перешептывались, танцевали только друг с другом и, казалось, ничего вокруг не замечали.

Нежное лицо Кристабель сияло от счастья, но она была еще так взволнована своим внезапным разрывом с отцом, так ослаблена выпавшими на ее долю страданиями, что не могла принять участие в играх и танцах. Она сидела рядом с Алланом Клером на пригорке, покрытом сукном и украшенном цветами, и казалась юной королевой, которая дает праздник своим подданным.

Марианна, с нежностью опершись на руку мужа, ходила среди танцующих.

– Я хотела бы жить вместе с вами, Робин, – говорила она, – и до того счастливого дня, когда король помилует вас, я буду делить с вами все тяготы вашей жизни изгнанника.

– Было бы разумнее, друг мой, остаться жить в Барнсдейле.

– Нет, Робин, сердце мое с вами, а жить без сердца я не могу.

– Я с гордостью принимаю твое мужественное самопожертвование, любимая моя, ненаглядная моя жена, – с волнением ответил Робин, – и сделаю все, что от меня зависит, чтобы ты в своей новой жизни была счастливой и довольной.

Поистине, день свадьбы Робин Гуда был счастливым и радостным.

IV

Марианна сдержала свое слово и, несмотря на слабое сопротивление Робина, поселилась в старом Шервудском лесу. Аллан Клер, у которого, как мы уже сказали, был прекрасный дом в долине Мансфилда, не смог уговорить сестру поселиться там вместе с Кристабель, потому что Марианна твердо решила не расставаться со своим мужем.

Сразу после свадьбы рыцарь предложил Генриху II продать короне свои поместья в Хантингдоншире за две трети их стоимости, при том условии, что король подтвердит жалованной грамотой его брак с леди Кристабель Фиц-Олвин. Алчный Генрих II, никогда не упускавший случая присоединить к королевским владениям самые богатые поместья Англии, согласился на это предложение и подтвердил особым указом законность брака молодых людей. Аллан Клер действовал так ловко и быстро, а король так обрадовался возможности заключить сделку бесповоротно, что, когда епископ Херефордский и барон Фиц-Олвин прибыли ко двору, все уже было

кончено.

Само собой разумеется, что прелат и норманнский вельможа сделали все от них зависящее, чтобы гнев короля пал на Робин Гуда. По их настоятельной просьбе Генрих II даровал епископу право схватить отважного разбойника и без промедления и пощады казнить его.

Пока эти два норманна строили козни против Робин Гуда, сам он, достигнув вершины своих желаний, спокойно и беззаботно жил в тени зеленых деревьев Шервудского леса.

Красный Уилл, добившийся наконец руки своей обожаемой Мод, чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Наделенный от природы пылким воображением, Уильям простодушно полагал, что высшее счастье – это обладание такой женщиной, как Мод, которую он в своем простодушии наделял ангельскими совершенствами. Мод понимала, насколько велика и лестна для нее любовь мужа, и старалась удержаться на пьедестале, куда он ее вознес. Так же как и Робин Гуд с Марианной, Уилл с женой жили в лесу, и жизнь их там протекала в радости и счастье.

Робин Гуд боготворил прекрасный пол и по природной склонности, и в честь прелестного создания, носившего его собственное имя. Товарищи Робина также относились к женщинам с уважением и симпатией, а потому любая девушка из окрестных селений могла без всякого страха ходить по лесным тропам. Если случалось какой-нибудь из хорошеньких путниц встретить одного из веселых лесных братьев, ее любезно приглашали отобедать в их обществе, а после трапезы давали ей сопровождающих, чтобы она могла спокойно пройти по лесу, и ни одна из девушек никогда на них не жаловалась. Скоро слухи о любезном отношении лесных братьев к слабому полу широко распространились в округе, и немало юных девиц с блестящими глазками, с легкой походкой и столь же легким нравом отваживались ходить по лесным чащам и долинам Шервуда.

В день свадьбы Робин Гуда на празднике присутствовало множество молодых девушек с нежными и прелестными лицами, и сердца их воспламенялись при виде прекрасной четы. Во время танцев белокурые дочери Евы бросали беглые взгляды на своих любезных кавалеров и, казалось, сами удивлялись, как могли они их хоть мгновение бояться, признаваясь себе в душе, что приятно было бы разделить с такими смелыми парнями их полную приключений жизнь. По наивности своих юных сердец они не сумели скрыть своих мыслей, а восхищенные лесные братья поспешили немедленно извлечь из этого всю возможную пользу. И хорошеньким горожанкам Ноттингема пришлось убедиться, что речи людей Робин Гуда не менее выразительны, чем их взгляды.

Результатом же этого открытия стало то, что у брата Тука оказалось очень много работы, и он с утра до вечера благословлял все новые и новые пары. В конце концов у доброго монаха зародилось подозрение, что это своего рода заразная болезнь, и ему все хотелось узнать, сколько еще молодых падет ее жертвой. Но на его вопрос никто не мог ответить. Достигнув высшей точки, тяга к свадьбам стала ослабевать, они случались уже реже; тем не менее любопытно, что симптомы заболевания оставались все такими же бурными, и такими же они сохранились и по сей день.

Итак, небольшая лесная колония жила весело. Подземелье, о котором мы рассказывали, было разделено на отдельные комнаты, которые служили, впрочем, только спальнями. Гостиной и столовой были зеленые лужайки, и лишь зимой их устраивали в подземном убежище. Трудно представить себе, насколько тихой и приятной была жизнь этих людей. Почти все саксы, они были привязаны друг к другу как члены одной семьи, а породнила их жестокость норманнских захватчиков.

Данниками веселых лесных братьев были два слоя общества – богатые норманнские сеньоры и церковники: первые – потому, что они отняли у саксов титулы и наследство отцов; вторые – потому, что они изо всех сил старались увеличить за счет народа свои богатства, и без того уже немалые. Робин Гуд облагал норманнов данью, но эта дань, надо правду сказать, достаточно большая, взималась без применения оружия и кровопролития. Приказы молодого вожака строго выполнялись, потому что послушание влекло за собой смертную казнь. Строгая дисциплина создала отряду Робин Гуда добрую славу, а сам он слыл человеком благородным и справедливым.

Несколько раз королевские войска пытались изгнать веселых лесных братьев из их убежища, но напрасно, а потому, устав от бесплодных усилий, власти оставили это дело, и, поскольку Генрих II проявлял к нему полное равнодушие, норманны в конце концов были вынуждены смириться с опасным соседством.

Марианне жизнь в лесу понравилась даже больше, чем она могла предположить: молодая женщина словно была создана для того (и она сама со смехом это признавала), чтобы стать возлюбленной королевой этого веселого племени. Уважение, преданность и любовь, которые веселые братья выказывали Робин Гуду, чрезвычайно льстили самолюбию Марианны, и она гордилась, что у нее столь доблестный защитник. И если терпением и дружбой Робину удалось завоевать и удержать любовь и искреннюю преданность своих людей, то он умел и заставить их беспрекословно повиноваться.

Прекрасный Шервудский лес давал Марианне возможность выбрать развлечение себе по вкусу: иногда она бродила с мужем по живописным извилистым тропам в лесу, иногда с удовольствием училась играм, которые тогда были распространены. Заботами Робина она собрала редких и ценных ловчих птиц и уверенно и умело обучала их. Но самым любимым ее развлечением была стрельба из лука. С неустанным терпением Робин посвящал жену во все тайны искусства лучников; Марианна оказалась прилежной, внимательной и очень способной ученицей и скоро стала первоклассным стрелком. Робин и его веселые братья любовались, когда, облачившись в куртку из зеленого линкольнского сукна, Марианна стреляет в цель: ее величественный и гибкий стан откидывался назад, левая рука держала лук, а правая, изящно согнувшись и локте, оттягивала стрелу к самому уху. Когда Марианна постигла все секреты искусства, принесшего такую славу Робину, она стала не менее знаменитой лучницей. Несравненная меткость молодой женщины вызывала искреннее восхищение и уважение лесных братьев, а их друзья, жители Мансфилда и Ноттингема, сбегались толпами, чтобы полюбоваться удивительным искусством Марианны.

Так прошел год, полный счастья, веселья и празднеств. Аллан Долинный (теперь мы будем называть рыцаря по имени его поместья) стал отцом: Небо благословило его брак дочерью; у Робина и у Уильяма появилось по чудесному сыну, и все эти счастливые события были достойно отмечены.

В одно прекрасное утро Робин Гуд, Красный Уилл и Маленький Джон сидели под деревом, которое называли Деревом Встреч, потому что под ним в случае надобности собирался весь отряд; вдруг они услышали слабый шум.

– Тише, друзья, – живо сказал Робин, – я слышу, как с прогалины несется топот копыт, сходите посмотрите, не посылает ли нам Бог сотрапезника; вы меня поняли, Маленький Джон?

– Конечно, и я приведу вам этого всадника, если он заслуживает чести разделить с вами трапезу.

– И он будет тем более желанным гостем, – смеясь, добавил Робин, – что я начинаю испытывать голод.

Маленький Джон и Уилл пробрались через кусты к дороге, по которой ехал путешественник, и встали так, чтобы видеть его.

– Клянусь святой мессой! У бедного малого довольно жалкий вид, – сказал, лукаво улынувшись, Уильям, – и готов держать пари, что его кошелек не слишком оттягивает ему карман.

– Да, признаюсь, вид у него и жалкий и подавленный, – ответил Маленький Джон, – но, может быть, эта нищенская внешность просто ловкая игра? Благодаря ей путник рассчитывал безнаказанно проехать через Шервудский лес. Мы покажем ему, что если он умеет притворяться, то и мы хитростью не обижены.

Хотя всадник и был одет как рыцарь, с первого же взгляда он вызывал сочувствие. Ветер развеивал его плащ, капюшон был откинут, голова в глубокой задумчивости опущена на грудь, и весь его вид говорил о глубоком горе, настолько поглотившем его, что ему, по-видимому, было не до одежды. Внезапно низкий и громкий голос вывел путника из задумчивости.

– Здравствуй, сэр чужестранец, – крикнул великан Маленький Джон, появляясь перед ним на дороге, – добро пожаловать и наш зеленый лес, нас с нетерпением ждут.

– Меня ждут? – спросил незнакомец, устремив печальный взгляд на радостное лицо Маленького Джона.

– Да, сударь, – подтвердил Красный Уильям, – наш хозяин приказал искать вас повсюду, и вот уже часа три, как он ждет вас, чтобы сесть за стол.

– Меня никто не может ждать, – встревоженно ответил путник, – вы ошибаетесь, я не тот гость, которого ждет ваш хозяин.

– Прошу прощения, сударь, но он ждет именно вас; ему стало известно, что этим утром вы проедете через Шервудский лес.

– Это невозможно, – повторил незнакомец.

– Мы говорим правду, – подтвердил Уилл.

– И кто же проявляет такую любезность к бедному путнику?

– Робин Гуд, – ответил Маленький Джон, стараясь скрыть улыбку.

– Робин Гуд, знаменитый разбойник? – с явным удивлением спросил незнакомец.

– Он самый, сударь.

– Я давно уже слышу разговоры о нем, – сказал путник, – и присущее его действиям благородство внушает мне искреннее расположение. Я счастлив, что мне представился случай встретиться с ним, это справедливый и честный человек. А потому я с радостью принимаю его любезное приглашение, хотя и не могу понять, каким образом он был предупрежден о моем проезде через его владения.

– Он сам с удовольствием вам все объяснит, – ответил Маленький Джон.

– Тогда да исполнится ваша воля, храбрый лесник, показывайте дорогу, я поеду за вами.

Маленький Джон взял лошадь под уздцы и повел ее по тропинке, ведущей к поляне, на которой их ждал Робин. Красный Уилл замыкал шествие.

Маленький Джон ни на минуту не усомнился, что и горестный вид, и бедность – всего лишь маска, которая должна была послужить путнику своеобразным пропуском в случае опасной встречи, а Уильям полагал, и, может быть, более справедливо, что путник – бедный человек и ничего от него не получить, кроме удовольствия хорошо накормить его.

Вскоре незнакомец и его спутники увидели Робин Гуда. Тот поклонился путнику и, пораженный его жалким видом, стал не без удивления рассматривать его, пока тот приводил как мое и порядок свою бедную одежду. Но движения незнакомца носили печать врожденного изящества, и постепенно Робин Гуд склонился к мнению Маленького Джона, а именно: путник притворяется грустным и озабоченным и нарочно оделся как можно беднее, чтобы сохранить свой кошелек.

Тем не менее, молодой атаман принял печального незнакомца с великой благожелательностью: он предложил ему спешиться и приказал своим людям позаботиться о его лошади.

На траве накрыли великолепную трапезу, и, как говорится в старой балладе, В достатке были там и хлеб, и мясо, и вино, И Робин гостя принимал, а с ним уж заодно На пир явились птицы из полей и из лесов, И все вокруг звенело там от птичьих голосов.

Как мы видим, несмотря на жалкий вид гостя, Робин оправдал свою славу гостеприимного хозяина. И если горе способствует аппетиту, то мы должны признать, что незнакомец был в большом горе. Он набрасывался на блюда так, как будто сутки не ел, и запивал их огромными глотками вина, что доказывало превосходное качество напитка, но скорее все же жажду гостя усиливало горе.

Окончив трапезу, Робин и его гость растянулись в тени высоких деревьев, и между ними завязалась чистосердечная беседа. Мнения, которые рыцарь высказывал о людях и вещах, Робину были близки, и, несмотря на жалкий вид сотрапезника, молодой атаман не мог поверить, что нищета его была истинной. Из всех пороков больше всего Робин ненавидел притворство, его честная и открытая натура не выносила хитрости. Поэтому, хотя рыцарь и внушал ему настоящее уважение, он решил заставить его щедро расплатиться за гостеприимство. И вскоре случай ему представился, потому что, разбранив людскую неблагодарность, незнакомец добавил:

– Я так глубоко презираю этот порок, что он меня даже не удивляет, но могу утверждать, что в нем я не был и не буду повинен. Позвольте мне, Робин Гуд, от всего сердца поблагодарить

вас за дружеский прием, и, если когда-нибудь счастливый случай приведет вас в окрестности аббатства Сент-Мэри, не забудьте, что в Равнинном замке вы найдете теплый и сердечный прием.

– Сэр рыцарь, – ответил молодой человек, – люди, которых я принимаю у себя в зеленом лесу, никогда не испытывают докуки от моих ответных посещений. Тем, кто действительно нуждается в еде и питье, я охотно даю место за моим столом, но по отношению к тем, которые могут оплатить мое гостеприимство, я менее великодушен. Я побоялся бы оскорбить гордость человека, к которому Фортуна была щедра, если бы бесплатно угостил его дичью и вином. Я нахожу более достойным нас обоих сказать ему: «Этот лес – харчевня, а я ее хозяин, мои же веселые лесные братья – здешние слуги. Как человек благородный, заплатите щедро за то, что вы получили». Рыцарь рассмеялся.

– Вот, – сказал он, – довольно занятный взгляд на вещи и остроумный способ взимать налоги. Несколько дней назад мне с похвалой отзывались о том, как любезно вы избавляете путешественников от избытка их доходов, но никогда не слышал таких понятных разъяснений на этот счет.

– Ну что же, сэр рыцарь, я дополню эти объяснения. С этими словами Робин Гуд взял свой рог и поднес его к губам. На его зов прибежали Маленький Джон и Красный Уилл.

– Сэр рыцарь, – сказал Робин, – гостеприимство кончилось, соблаговолите заплатить по счету, мои казначеи готовы принять деньги.

– Поскольку вы рассматриваете лес как постоянный двор, то счет расходов, несомненно, соответствует обширности леса? – спокойно спросил рыцарь.

– Точно так, сударь.

– И вы за одну цену потчуете рыцаря, барона, герцога и пэра Англии?

– Одинаково, – ответил Робин Гуд, – и это справедливо; не хотите же вы, чтобы такой бедный крестьянин, как я, даром кормил обладающего гербом рыцаря, графа, герцога или принца: это нарушило бы правила этикета.

– Вы совершенно правы, дорогой хозяин, но вы составите себе довольно скверное мнение о своем сотрапезнике, когда он признается вам, что все его состояние состоит из десяти золотых.

– Позвольте мне поставить под сомнение это утверждение, сэр рыцарь, – ответил Робин.

– Дорогой хозяин, я прошу ваших товарищей обыскать мою одежду и убедиться, что это суровая истина.

Маленький Джон, который редко упускал возможность показать, какое место он занимал в обществе, поспешил воспользоваться этим предложением.

– Рыцарь сказал правду! – разочарованно воскликнул он. – У него в самом деле всего десять золотых.

– Эта сумма в настоящую минуту представляет все мое состояние, – добавил незнакомец.

– Вы промотали наследство? – со смехом спросил Робин Гуд. – Или оно было невелико?

– Нет, я унаследовал значительное состояние, и я его не растратил, – ответил рыцарь.

– Как же тогда случилось, что вы столь бедны? Ведь, признайтесь, ваше теперешнее положение очень напоминает следствие расточительства.

– Видимость обманчива, и, чтобы вы поняли мое горе, мне нужно рассказать вам одну плачевную историю.

– Сэр рыцарь, я слушаю вас с глубоким вниманием, и, если могу быть вам полезен, располагайте мной.

– Я знаю, благородный Робин Гуд, что вы защищаете всех угнетенных и все они пользуются вашим добрым вниманием.

– Оставим это, сударь, – прервал его Робин, – и вернемся к вашим делам.

– Меня зовут Ричард, – продолжал незнакомец, – и мой род ведет свое происхождение от короля Этельреда.

– Значит, вы сакс? – спросил Робин.

– Да, и мое благородное происхождение послужило причиной многих моих несчастий.

– Позвольте пожать вашу руку как своему брату, – сказал, весело улыбаясь, Робин Гуд, – саксов, богаты они или бедны, в Шервудском лесу принимают бесплатно.

Рыцарь ответил на рукопожатие и продолжал:

– Меня прозвали сэр Ричард Равнинный, потому что замок мой лежит в обширной низине, примерно в двух милях от аббатства Сент-Мэри. Еще в молодости я женился на девушке, которую любил с раннего детства. Небо благословило наш союз и ниспослало нам сына. Никогда еще отец и мать не любили так нежно своего ребенка, а тот не был настолько достоин их любви, как наш Герберт. Мы поддерживали добрососедские отношения с монастырем Сент-Мэри, и я был дружен со многими монахами. Однажды один послушник, к которому я питал искреннюю приязнь, попросил у меня разрешения побеседовать со мной несколько минут.

«Сэр Ричард, – сказал он мне, – я не сегодня-завтра приму постриг и навсегда отрешусь от мирских дел, но я оставляю в мире могилу жены и дочь-сироту, без средств к существованию, без всякой защиты. Я посвятил себя Богу и надеюсь, что строгость монастырского существования позволит мне вынести тяготы жизни еще несколько лет. Я пришел просить вас во имя божественного Провидения проявить сочувствие к моей бедной дочери».

«Дорогой брат, – ответил я этому несчастному, – благодарю вас за доверие, и, поскольку вы на меня понадеялись, я вашей надежды не обману и наша дочь станет моей».

Этот человек был растроган до слез; он горячо поблагодарил меня за великодушие и по моей просьбе послал за своей дочерью.

Никогда мне не приходилось испытывать такое волнение, как в ту минуту, когда я увидел это дитя.

Девочке было двенадцать лет, она была высокой и стройной, чрезвычайно изящной, и на ее хрупкие плечики падали шелковистые белокурые локоны. Войдя в зал, где я ее ждал, она изящно поклонилась и посмотрела мне прямо в лицо огромными синими печальными глазами. Вы сами понимаете, любезный мой хозяин, что эта прелестная девочка сразу завладела моим сердцем; я взял ее ручки в свои и отечески поцеловал ее в лоб.

«Вы видите, сэр Ричард, – сказал мне монах, – что это дитя достойно защиты любящего человека».

«Да, брат мой, признаюсь, что в жизни не видел более очаровательного создания».

«Лили очень похожа на свою бедную мать, – ответил монах, – и, когда я вижу ее, горе мое усиливается, удаляя мой дух от всего Небесного и заставляя думать снова и снова о той, что спит вечным сном под холодной могильной плитой. Удочерите мое дитя, сэр Ричард, вы не раскаетесь в своем милосердии: Лили обладает редкими душевными качествами, у нее прекрасный характер, она благочестива, ласкова и добра».

«Я буду ей отцом, и отцом нежным», – взволнованно ответил я.

Бедная девочка, изумленно слушала нас, беспокойно переводя взор с одного на другого, а потом сказала:

«Отец, вы хотите...»

«Я хочу твоего счастья, мое любимое дитя, – ответил монах, – настало время нам расстаться».

Не стану описывать, мой любезный хозяин, душераздирающую сцену, последовавшую за этими словами; ребенок был в отчаянии, монах плакал вместе с ним, а потом по знаку этого несчастного я взял Лили из его объятий и увез из монастыря.

Первые дни своей жизни в замке Лили казалась грустной и задумчивой, но постепенно время и общество моего сына Герберта умили ее печаль. Дети выросли вместе, и, когда Лили сравнялось шестнадцать, а Герберту – двадцать лет, я понял, что они любят друг друга нежнейшей любовью.

«Их юные сердца, – сказал я моей жене, сделав это открытие, – еще не ведали горя, и избавим их от него. Герберт обожает Лили, а Лили нежно любит нашего дорогого сына. Не важно, что Лили незнатного происхождения, пусть отец ее был прежде бедным саксонским земледельцем, ныне он святой человек. Благодаря нашим заботам Лили приобрела все качества, которые составляют достояние ее пола; она любит Герберта и будет ему верной супругой».

Моя жена от всего сердца одобрила мое решение, в тот же день мы обручили детей.

Приближался уже и день, на который была назначена свадьба, как вдруг в аббатство прие-

хал один норманнский рыцарь, чье небольшое имение было расположено неподалеку в Ланкашире. Этот норманн видел мое поместье, и оно ему очень понравилось. Ему тут же захотелось завладеть им. Никак не проявляя своих намерений, он разузнал, что у меня есть приемная дочь на выданье. Справедливо предполагая, что часть своего имения я дам в приданое за Лили, норманн явился к воротам замка и под тем предлогом, что он хочет осмотреть его, познакомился со всей семьей. Как я вам уже сказал, Робин, Лили была очень хороша собой и пленила воображение моего гостя; он приехал вторично и поведал мне, что любит невесту моего сына. Не отклоняя лестных предложений норманна, я ответил, что девушка уже обещала свою руку, но по-прежнему вольна распоряжаться собой.

Тогда он обратился прямо к ней.

Лили отказала ему в самых любезных выражениях, но бесповоротно: она любила моего сына.

Придя в отчаяние, норманн покинул замок, поклявшись отомстить нам, как он выражался, за нашу наглость.

Сначала мы просто посмеялись над его угрозами. Но последующие события показали нам, насколько эти угрозы были серьезны.

Два дня спустя после его ухода старший сын одного из моих вассалов прибежал и сообщил мне, что милях в четырех от замка он встретил незнакомца, приезжавшего до того ко мне в гости, а теперь увозившего мою заплаканную дочь. Новость повергла нас в отчаяние, я не мог этому поверить, но мальчик подтвердил свои слова:

«Сэр Ричард, – сказал он мне, – к сожалению, я говорю правду, и вот каким образом я узнал, что мисс Лили похищена: я сидел на обочине дороги, когда в нескольких шагах от меня остановился всадник, державший в объятиях рыдающую женщину; за ним ехал оруженосец. Что-то разладилось в сбруе, и он с угрозами потребовал, чтобы я ему помог. Подойдя к ним, я увидел, что мисс Лили в отчаянии ломает руки. „Приведи в порядок удила“, – грубо приказал мне всадник. Я повиновался, но незаметно перерезал подпругу седла, а потом, наклонившись якобы для того, чтобы посмотреть, не потеряла ли лошадь подкову, сумел сунуть камешек ей в копыто. После этого я побежал со всех ног предупредить вас».

Мой сын Герберт не стал и слушать дальше; он побежал в конюшню, оседлал лошадь и понесся вдогонку за похитителем.

Хитрость парня удалась. Когда Герберт догнал норманна, тот уже вынужден был спешиться.

Этот негодяй и мой сын долго и жестоко сражались, но справедливость победила, и мой сын убил похитителя.

Как только о смерти норманна стало известно, за моим сыном был послан отряд солдат. Я спрятал Герберта и отправил слезное прошение королю. Я сообщил его величеству о недостойном поведении норманна и объяснил, что мой сын сражался со своим врагом и убил его, лишь подвергаясь риску быть убитым самому. Король даровал помилование Герберту, заставив нас заплатить большой выкуп. Я был так счастлив спасению сына, что постарался тут же удовлетворить желание короля. Моя казна была почти пустая, я обратился к вассалам, продал посуду и мебель. Я исчерпал все свои возможности, но мне все же не хватало четырехсот золотых. Тогда настоятель аббатства Сент-Мэри предложил мне одолжить нужную сумму под залог моего недвижимого имущества; я, разумеется, согласился на его любезное предложение. Условия займа были таковы: фиктивная продажа моего имения должна была обеспечить ему получение дохода с него в течение года. Если в последний день двенадцатого месяца этого года я не верну ему четыреста золотых, моя собственность перейдет в его владение. Вот каково мое положение, любезный хозяин, – закончил рыцарь, – день платежа приближается, а у меня всего только и есть, что десять золотых.

– И вы полагаете, что настоятель аббатства Сент-Мэри не согласится дать вам отсрочку? – спросил Робин Гуд.

– К несчастью, я уверен, что он не даст мне ни одного часа и ни одной минуты. Если я не вручу ему в срок всю сумму до последней монеты, он сохранит мое имение за собой. Увы! Я

очень несчастен: у моей жены не будет крова, не будет хлеба у моих бедных детей. Если бы мне пришлось страдать одному, я бы еще набрался мужества, но видеть страдания тех, кого я люблю, выше моих сил. Я просил помощи у людей, которые в дни моего благоденствия называли себя моими друзьями, но одни отказали мне ледяным тоном, а другие проявили полное равнодушие. У меня нет больше друзей, Робин Гуд, я один.

Сказан это, рыцарь закрыл лицо руками, и Робин Гуд услышал судорожные рыдания.

– Сэр Ричард, – сказал Робин, – ваша история печальна, но не следует никогда терять надежду на Господне милосердие; Господь хранит нас, и я думаю, что и нам Небо вот-вот pošлет помощь.

– Увы! – вздохнул рыцарь. – Если бы мне удалось получить отсрочку, я, быть может, сумел бы расплатиться. К несчастью, я ничего не могу предложить в обеспечение, кроме обета Пресвятой Деве.

– Я принимаю это обеспечение, – ответил Робин Гуд, – во имя Божьей Матери, нашей Небесной защитницы, я одолжу вам четыреста золотых, которые нам нужны.

Рыцарь вскрикнул.

– Вы, Робин Гуд? О, да будет над вами благословение Господне! И клянусь вам со всей искренностью признательного сердца, а оно никогда не солгало, я вам честно верну все эти деньги.

– Надеюсь, сэр рыцарь. Маленький Джон, – сказал Робин, – вы знаете, где лежат деньги, потому что вы наш казначей, принесите мне четыреста золотых, а вы, Уилл, сделайте мне одолжение и посмотрите, не найдется ли в моем гардеробе одежды, достойной нашего гостя.

– Вы чересчур добры, Робин Гуд! – воскликнул рыцарь.

– Помолчите, помолчите, – смеясь, прервал его Робин Гуд, – мы с вами заключили соглашение, и оно мне делает честь, потому что в моих глазах вы посланец Божьей Матери. Уилл, добавьте к одежде несколько локтей хорошего сукна, а потом наденьте новую сбрую на серую лошадь, которую доверил нашим заботам епископ Херефордский, и, наконец, Уилл, друг мой, добавьте к этим скромным дарам все, что ваше изобретательное воображение вам подскажет и что, по вашему мнению, сможет пригодиться рыцарю.

Маленький Джон и Уилл поспешно кинулись выполнять поручение.

– Братец, – сказал Джон, – ваши руки половчее моих; вы отсчитайте деньги, а я отмерю ткань, и мой лук будет меркой.

– Ну, – со смехом ответил Уилл, – можно быть спокойным, мера будет полной.

– Конечно, вот сейчас сами увидите.

Маленький Джон взял лук, развернул штуку сукна и принялся для видимости мерить отрез. Уильям расхохотался.

– Давайте, давайте, дружище Джон, глядишь, штука и кончится: ваш локоть идет, считай, за три.

– Помолчите, болтун! Вы что, не знаете, что Робин был бы еще щедрее, если бы он отмерял сам?

– Ну, тогда и я добавлю несколько золотых, – решил Уильям.

– Несколько пригоршней золотых, братец; мы их получим назад с норманнов.

– Готово!

Видя щедрость Джона и великодушие Уилла, Робин улыбнулся и поблагодарил их взглядом.

– Сэр рыцарь, – сказал Уилл, подавая золото гостю, – в каждом свертке сотня монет.

– Но их здесь шесть, мой юный друг!

– Вы ошиблись, любезный гость, – их только четыре, – возразил Робин. – А впрочем, какое это может иметь значение? Спрячьте деньги в кошелек, и не будем больше об этом говорить!

– А когда я должен их вернуть? – спросил рыцарь.

– Через год, день в день, если вас этот срок устраивает и если я буду еще на этом свете, – ответил Робин.

– Согласен.

– Под этим деревом.

– Я явлюсь на свидание точно, Робин Гуд, – сказал рыцарь, с признательностью пожимая руку разбойника, – но, прежде чем мы расстанемся, позвольте сказать вам, что все похвалы, которые люди расточают вашему благородству, ничто по сравнению с теми, которые переполняют мое сердце: вы спасли больше чем мою жизнь – вы спасли мою жену и детей.

– Сударь, – ответил Робин Гуд, – вы сакс, и уже поэтому имеете все права на мою дружбу, а кроме того, у вас есть всемогущий заступник передо мной – ваше несчастье. Я тот, кого люди называют разбойником и вором, пусть так, но если я вытряхиваю кошельки богатых, я ничего не беру у бедняков. Я ненавижу насилие, не проливаю крови; я люблю свою родину, а норманны мне омерзительны, потому что они не только обездолили нас, но и тиранят. Не благодарите меня: я дал вам то, чего вы не имели, – это только справедливо.

– Что бы вы ни говорили, вы вели себя по отношению ко мне благородно и великодушно; вы сделали для меня, чужого вам человека, больше тех, кто называет себя моими друзьями. Да благословит вас Бог, Робин, за то, что вы вернули моему сердцу радость. Всегда и повсюду я буду с гордостью говорить, как я обязан вам, и молю Небо ниспослать мне случай в один прекрасный день выказать вам свою признательность. Прощайте, Робин Гуд, прощайте, мой настоящий друг, через год я приеду сюда вернуть вам долг.

– До свидания, сэр рыцарь, – ответил Робин Гуд, дружески пожимая руку гостя, – если когда-нибудь обстоятельства сложатся так, что мне потребуется ваша помощь, я попрошу вас о ней с полным доверием и не стесняюсь.

– Да услышит вас Бог! Самое большое мое желание – отплатить вам добром за добро.

Сэр Ричард пожал руку Уиллу и Джону и вскочил на серого в яблоках коня епископа Херефордского. Собственную же лошадь, нагруженную подарками Робин Гуда, он вел на поводу.

Глядя, как его гость исчезает за поворотом дороги, Робин Гуд сказал своим товарищам:

– Мы помогли человеку обрести счастье: день прошел не даром.

V

Марианна и Мод уже месяц жили в замке Барнсдейл, и к прежнему образу жизни они должны были вернуться только полностью восстановив свои силы: читатель, вероятно, помнит, что обе молодые женщины стали матерями.

Робин Гуд не мог долго выносить отсутствие любимой супруги. В одно прекрасное утро он с частью своих людей обосновался в Барнсдейлском лесу. Уильям, который, естественно, последовал за своим атаманом, вскоре заявил, что подземное убежище, наспех сооруженное в окрестностях замка, куда лучше убежища в Шервудском лесу, и если в нем чего-то и не хватает для удобства обитания, то это с лихвой возмещается близостью к поместью Барнсдейл.

Итак, Робин и Уильям были чрезвычайно довольны переменой жилья, и еще двое наших старых знакомцев разделяли их чувства. Этих молодых людей звали Маленький Джон и Мач Кекл, сын мельника. Робин скоро заметил, что они оба постоянно и без видимых поводов отлучаются и ночью и днем. Это стало таким частым явлением, что Робин решил выяснить его причины; он расспросил кого мог, и ему рассказали, что его двоюродная сестра Уинифред очень любит прогулки, а потому просила Маленького Джона показать ей самые живописные уголки Барнсдейлского леса. «Прекрасно, – сказал Робин, – с Маленьким Джоном все ясно, а что же Мач?» Ему ответили, что мисс Барбара, разделяя интерес сестры к красотам природы, хотела вместе с нею погулять по окрестностям, но Маленький Джон проявил достойную всяческих похвал осторожность и заявил девушке, что ответственность за одну женщину и так достаточно велика, и потому он не может согласиться взять с собой двух и принять на себя сопряженные с этим обязательства. Вследствие этого Мач предложил сполу защиту мисс Барбаре, и мисс Барбара согласилась. И теперь обе парочки бродили по лесу, по самым тенистым и таинственным его уголкам, и, ведя беседы Бог весть о чем, забывали полюбоваться красотами природы, на которые они пришли смотреть, и не обращали никакого внимания ни на старые корявые дубы, ни на раскидистые буки, ни на вековые вязы. И еще более странным было то, что обе парочки не только не уделяли должного внимания великолепию леса, но и постоянно уклонялись от торных троп, а

потому встречались только у ворот замка, когда на вечернем небе проступали первые звезды.

Эти ежедневные прогулки объяснили Робину постоянное отсутствие обоих его товарищей.

Однажды вечером, после жаркого дня, когда подул освежающий ветерок, Марианна и Мод, об руку с Робинем и Уиллом, вышли подышать душистым лесным воздухом на поляну, Уинифред и Барбара составили им компанию, а Маленький Джон и его неразлучный Мач следовали за сестрами как тени.

– Здесь хоть дышать можно, – сказала Марианна, подставляя ветру побледневшее лицо, – мне кажется, что в комнатах недостает воздуха, и мне не терпится снова очутиться в лесу.

– Значит, в лесу жить приятно? – спросила мисс Барбара.

– Да, – ответила Марианна, – там много солнца и света, много тени, много листьев и цветов!

– Мач говорил мне вчера, – продолжала Барбара, – что Шервудский лес намного красивее, чем Барнсдейлский; наверное, это просто чудо какое-то, ведь и здесь у нас есть прелестные места.

– Значит, Барбара, вы считаете, что Барнсдейлский лес очень красив? – спросил Робин, пряча улыбку.

– Очарователен, – живо ответила девушка, – здесь есть просто волшебные уголки.

– И какая же часть леса больше всего привлекает ваш взор, сестрица?

– Я не могу точно ответить на ваш вопрос, Робин. Однако, кажется, мне особенно запомнилась одна долина, равную которой вы вряд ли найдете в старом Шервудском лесу.

– И где же она находится?

– Далеко отсюда; но вы никогда не видели более свежего, тихого и благоуханного уголка. Представьте себе, братец, большую лужайку, а вокруг зеленые склоны, на вершине которых растут разные деревья. Листва их в солнечном свете кажется волшебной: то перед вашими глазами изумрудный занавес, то многоцветная драпировка. Трава похожа на зеленый ковер, и на нем нет ни складки. Под деревьями и по склонам растут красные, лиловые и золотистые цветы, на дне оврага журчит прозрачный ручеек – вот такой оазис есть в Барнсдейлском лесу. И потом, – продолжала девушка, – в этом райском уголке так тихо, а воздух там так чист, что сердце переполняет радость. В жизни я не видела такого восхитительного места.

– И где же эта волшебная долина, Барбара? – наивно спросила Уинифред.

– А разве вы не вместе всегда гуляете? – смеясь, спросил Робин.

– Да, конечно, – ответила Уинифред, – но только мы вечно теряем друг друга... я хотела сказать часто... точнее, иногда. И вообще, я хочу сказать, что Маленький Джон ошибается дорогой, и мы остаемся одни; мы ищем друг друга, но я уж не знаю, как это получается, однако только нам никогда не удастся друг друга найти, пока мы не вернемся в замок. Но я вас уверяю, что все это происходит по чистой случайности.

– Конечно, по чистой случайности, кто же думает иначе? – насмешливо откликнулся Робин. – А потому, отчего вы краснеете, Барбара? А вы почему опустили глаза, Уинифред? Поглядите-ка, ни Джон, ни Мач ничуть не смущены, они-то хорошо знают, что вы сами не заметили, как заблудились в лесу.

– Бог ты мой, да, – ответил Мач, – и, зная любовь мисс Барбары к уединенным и тихим местам, я и отвел ее в ту долину, которую она вам описала.

– Придется предположить, что Барбара очень наблюдательна, – заметил Робин, – если она с первого раза запомнила все, о чем нам сейчас рассказывала. Но скажите, Барбара, не встретилось ли вам в этом Барнсдейлском оазисе, как вы изволили назвать открытую Мачем долину, чего-либо более привлекательного, чем пестрые листья, зеленая трава, говорливый ручеек и яркие цветы?

Барбара покраснела.

– Не знаю, о чем вы говорите, братец.

– Да неужели? Я надеюсь, Мач лучше поймет меня. Ну-ка, Мач, скажите честно, не забыла ли Барбара рассказать нам об одном интересном случае, происшедшем во время вашего пребывания в этом земном раю?

– О каком случае, Робин? – сказал, чуть улыбаясь, молодой человек.

– Мой скромный друг, – ответил Робин, – а вы знали о том, что двое молодых людей, влюбленных друг в друга, ходили одни в прелестный уединенный уголок, о котором так тепло вспоминает Барбара?

Мач сильно покраснел.

– Так вот, – продолжал Робин, – двое хорошо знакомых мне молодых людей несколько дней тому назад посетили этот зеленый рай. Придя на цветущий берег прелестного ручейка, они сели рядышком. Сначала они любовались природой, слушали пение птиц и несколько минут сидели молча; потом молодой человек, которому уединенность места и легкий трепет, пробежавший по телу его спутницы, придали смелости, взял ее белые ручки в свои. Девушка не подняла на него глаза, она просто покраснела, и этого ее спутнику было достаточно. И тогда голосом, который звучал для девушки слаще пения птиц и нежнее шелеста ветерка, юноша сказал ей: «В целом мире нет никого, кого бы я любил так, как вас; и лучше мне умереть, чем потерять вашу любовь; если вы согласитесь стать моей женой, я буду счастливейшим из смертных». Скажите-ка, Барбара, – с улыбкой спросил Робин, – вы не знаете, благосклонно ли девушка приняла просьбу своего поклонника?

– Не отвечайте на нескромные вопросы, Барби! – воскликнула Марианна.

– Ответьте вы за Барбару, Мач, – предложил Робин.

– Вы задаете нам очень странные вопросы, – ответил Мач, которому казалось, что Робин присутствовал при его объяснении с Барбарой, – и я совершенно не могу понять зачем.

– Клянусь честью, Мач, – сказал Уильям, – мне кажется, что Робин сказал чистую правду; во всяком случае, если судить по вашему смущенному виду и яркому румянцу моей сестрицы, вы и есть влюбленные из той долины. О Боже, Барбара, меня называют Красным Уиллом из-за цвета волос, а тебя скоро будут называть Красной Барби, потому что щеки твои так и пылают. Ведь правда, Мод?

– Сэр Уильям, – весьма недовольно сказала Барбара, – если бы я могла до тебя дотянуться, я с удовольствием вырвала бы клоч твоих мерзких волос!

– Ты бы имела на это право, если бы они росли на другой голове, – ответил Уильям, взглянув на Мача, – а голова твоего брата не твое достояние, у нее свой собственный хозяин, ведь так, Мод?

– Да, Уилл, но я вас никогда за волосы не таскала.

– Ну, и до этого дойдем, дорогая женушка!

– Никогда, – со смехом ответила Мод.

– Так значит, Мач, вы не хотите говорить, что ответила девушка?

– Если вы эту девушку где-нибудь случайно встретите, Робин, нужно будет у нее самой спросить.

– Не премину. А вы, Маленький Джон, разве не знакомы с одним любезным молодым человеком, который очень любит оставаться наедине с некоей очаровательной особой?

– Нет, Робин, но если вы хотите познакомиться с этой влюбленной парочкой, я постараюсь ее найти, – простодушно ответил Маленький Джон.

– Мне пришла в голову одна мысль, Джон, – со смехом вмешался Уилл. – Эту парочку, о которой говорил Робин, вы прекрасно знаете, и готов биться об заклад, что тот парень, о ком идет речь, это мой двоюродный брат, а девушка – прелестная особа, что идет с ним рядом.

– Это неправильная мысль, Уилл, – ответил Джон, – речь идет не обо мне.

– И правда, я не тот след взял, – согласился с улыбкой Уилл, – о вас речь идти не может, брат: вы же никогда не были влюблены.

– Прошу прощения, – спокойно возразил великан, – но я давно и всем сердцем люблю одну красивую, очаровательную девушку.

– А-а! – воскликнул Уилл. – Маленький Джон влюблен, это что-то новенькое!

– А почему бы и нет? – добродушно спросил Джон. – Мне думается, в этом нет ничего необыкновенного.

– Конечно, мой храбрый друг; я люблю, чтобы все вокруг были счастливы, а счастье – это

любовь. Но, клянусь святым Павлом, я хотел бы познакомиться с дамой вашего сердца.

– С дамой моего сердца? – воскликнул молодой человек. – Но кто же это может быть, как ни ваша сестра Уинифред, братец Уилл? Ваша сестра, которую я с детства люблю, как вы любите Мод, как Мач любит Барбару!

Искреннее признание Джона было встречено взрывом всеобщего смеха; все стали поздравлять Уинифред, а девушка с нежным упреком смотрела на своего жениха.

– Видите, Мач, – вновь заговорил Робин, – рано или поздно, но истина всплывает. Я правильно угадал в вас героя сцены, происшедшей в Барнсдейлском лесу.

– Так вы были ее свидетелем? – спросил Мач.

– Да нет, догадался, а точнее, вспомнил собственные впечатления. Год назад со мной случилось то же самое: Марианна увлекла меня...

– Как, это я вас увлекла? – воскликнула молодая женщина. – Это вы сделали, Робин, и если бы я тогда могла хотя бы предположить, что вы так будете обращаться со мной после свадьбы...

– То что бы вы сделали, Марианна? – прервала ее вопросом Барбара.

– Я бы вышла замуж раньше, – ответила молодая женщина, улыбаясь Робину.

– Вот ответ, который должен, я надеюсь, подтолкнуть вас к признанию, тем более что вы и так его невольно сделали, шалунья Барби. Давайте говорить откровенно, ведь здесь только свои. Скажите нам, что вы любите Мача, а Мач нам признается в том же.

– Да, признаюсь! – взволнованно воскликнул Мач. – И громко скажу: я люблю всей душой Барбару Гэмвелл. И скажу всем, кто хочет знать: ее глаза для меня – это свет дня, а голос – сладостное пение птиц. Я предпочту ее общество радостям пиршества и упоению танцами на майском лугу; за ее улыбку, за нежный взгляд и пожатие белой ручки я готов отдать все сокровища мира; я ей предан душой и телом и скорее сам попрошу шерифа Ноттингема меня повесить, чем доставлю ей хоть какую-нибудь неприятность. Я люблю эту белокурую девочку, друзья мои, и молю ежечасно Небо благословить ее. Если она разрешит мне защищать ее и принести в дар мою преданность и мое имя, я обещаю ей счастье и нежную любовь.

– Ура! – закричал Уилл, подбрасывая в воздух шапку. – Прекрасно сказано! Сестричка, вытрите ваши прелестные глазки, и – я вам это разрешаю – подставьте поцелуям вашего славного жениха свои розовые румяные щечки. Если бы я был не храбрым парнем, а нежной девушкой и если бы уши мои услышали столь приятные признания, я бы уже оказался в объятиях своего жениха. Разве ты бы не так сделала, Мод? Ведь так, правда?!

– Да нет же, Уилл, скромность...

– Мы здесь в кругу семьи, и, следовательно, незачем стесняться столь естественных поступков. Я уверен, Мод, что ты тоже так думаешь. Если бы я был Мачем, а ты – Барби, ты бы уже была в моих объятиях и поцеловала бы меня от всего сердца.

– Я склоняюсь на сторону Уильяма, – сказал Робин, лукаво улыбаясь. – Барбара должна дать нам доказательства своих чувств к Мачу.

Девушка вошла в середину веселого круга и робко произнесла:

– Я искренне верю в любовь Мача, я очень ему благодарна, и должна признаться, что и я...

– ...что и ты любишь его, как он тебя, – живо добавил Уилл. – Тебе сегодня, видимо, трудно говорить, сестрица; я тебя уверяю, мне меньше времени понадобилось, чтобы объяснить Мод, как я сильно ее люблю. Правда, Мод?

– Да, правда, Уилл, – ответила молодая женщина.

– Мач, – уже серьезно продолжал Уильям, – я отдаю вам в жены милую Барбару, у нее доброе сердце, и вы будете с ней счастливы. Барби, любовь моя, Мач – порядочный человек, храбрый сакс, надежный, как сталь; он не обманет твоих надежд и всегда будет любить тебя.

– Всегда! Всегда! – говорил Мач, беря свою невесту за руки.

– Поцелуйте свою будущую жену, друг Мач, – предложил ему Уилл.

Молодой человек повиновался и, несмотря на притворное сопротивление мисс Гэмвелл, коснулся губами ее разругавшихся щек.

Баронет согласился на замужество дочерей, и тут же был назначен день этих двух свадеб.

На следующее утро Робин Гуд, Маленький Джон и Красный Уилл, а с ними еще человек

сто веселых братьев расположились на поляне под большими деревьями в Барнсдейлском лесу, как вдруг появился молодой человек, проделавший, казалось, неблизкий путь, и, подойдя к Робину, сказал:

– Мой благородный хозяин, у меня для вас есть хорошие новости.

– Прекрасно, Джордж, – ответил Робин, – рассказывайте скорее, в чем дело.

– А дело в том, что его преосвященство епископ Херефордский с двумя десятками слуг собирается сегодня проехать по Барнсдейлскому лесу.

– Прекрасно! Новость и в самом деле добрая. А не знаешь ли ты, в каком часу его преосвященство собирается оказать нам честь своим присутствием?

– Около двух часов, атаман.

– Превосходно! А как ты узнал о поездке его преосвященства?

– Один из наших людей был в Шеффилде, и там ему сказали, что епископ Херефордский собирается посетить аббатство Сент-Мэри.

– Ты славный малый, Джордж, и я благодарю тебя за то, что в голову тебе пришла такая прекрасная мысль – известить меня о поездке его преосвященства. Ребята, – продолжал Робин, – слушать внимательно мою команду! Сейчас мы с вами славно посмеемся. Красный Уилл, ты возьмешь два десятка человек и пойдешь с ними наблюдать за дорогой, которая проходит около замка твоего отца. Ты, Маленький Джон, возьмешь столько же людей и пойдешь к дороге, проходящей по северному краю леса. А вы, Мач, с остальными отправляйтесь к восточному краю. Я же устроюсь на большой дороге. Мы не должны упустить его преосвященство, я хочу его пригласить на королевский пир; мы угостим его на славу и счет выставим соответственный. Ну а ты, Джордж, выбери лань поудачнее и косулю пожирнее, и пусть они будут главным угощением на моем столе.

Когда все три его помощника со своими отрядами ушли, Робин приказал своим людям нарядиться пастухами (на случай переодеваний у лесных братьев был целый склад разнообразной одежды), а сам надел неприметную блузу. После этого над костром подвесили лань и косулю, в костер подбросили сухого хвороста, и скоро мясо зашипело на огне, распространяя вокруг соблазнительный запах.

Около двух часов, как и предупреждал Джордж, епископ Херефордский и его свита показались на той дороге, которую занимал Робин и переодетые пастухами лесные братья.

– Вот и добыча на подходе, – смеясь, сказал Робин, – ну-ка, друзья веселые, полейте жаркое жиром: наш сотрапезник явился.

Епископ и его свита продвигались быстро, и скоро вся эта компания оказалась рядом с пастухами.

Увидев гигантский вертел, медленно вращавшийся над костром, прелат гневно воскликнул:

– Это еще что? Негодяи, что это значит?

Робин Гуд поднял глаза, поглядел на епископа с непонимающим видом и ничего не ответил.

– Вы слышите меня, негодяи? – повторил епископ, – я спрашиваю, кому вы готовите такое великолепное угощение?

– Кому? – переспросил Робин, великолепно изображая из себя глупца.

– Да, кому? Олени в этом лесу принадлежат королю, и вы отъявленные наглецы, раз осмелились посягнуть на них. Отвечайте на мой вопрос: кому предназначена эта дичь?

– Нам, ваше преосвященство, – со смехом ответил Робин Гуд.

– Вам, болваны?! Вам?! Хорошенькие шутки! Я думаю, вы не станете убеждать меня, что эта прорва мяса предназначена в пищу вам?!

– Я сказал правду, ваше преосвященство, мы очень проголодались, и, как только мясо прожарится, сядем есть.

– Из какого вы имения? Кто вы?

– Мы простые пастухи, пасем стада. А сегодня нам захотелось оглохнуть от грудой и поразвлечься. Вот мы и убили двух прекрасных косуль, которых вы видите.

– Ах вот как, поразвлечься хотели! Честный ответ! А скажите-ка мне, кто разрешил вам охотиться на королевскую дичь?

– Никто.

– Ах, никто, презренный! И вы надеетесь спокойно съесть так нагло украденную вами до-

бычу?

– Безусловно, ваше преосвященство, но если и вы согласитесь ее отведать, мы будем польщены такой честью.

– Ваше предложение оскорбительно для меня, дерзкий пастух, и я с негодованием отвергаю его. Вы разве не знаете, что браконьерство карается смертной казнью? Ну, хватит пустых слов. Сейчас вы будете препровождены в тюрьму, а оттуда на виселицу.

– На виселицу?! – воскликнул Робин, всем своим видом изображая отчаяние.

– Да, мой мальчик, на виселицу!

– Но у меня нет желания быть повешенным, – жалобно простонал Робин Гуд.

– Убежден в этом; но это не столь важно, ты и твои товарищи заслуживаете петли. Ну же, придурки, собирайтесь и идите за мной, нет у меня времени с вами разговаривать.

– Простите, ваше преосвященство, тысячу раз простите, мы согрешили по неведению, будьте снисходительны к несчастным беднякам, они достойны жалости, а не осуждения.

– Несчастные бедняки, которые едят такое славное жаркое, не заслуживают жалости. Вы, молодчики, лакомитесь королевской дичью; хорошо, очень хорошо! Мы вместе предстанем перед королем и посмотрим, дарует ли его величество вам прощение, в котором отказываю я.

– Ваше преосвященство, – умоляюще сказал Робин, – у нас ведь есть жены, дети, будьте милосердны, заклиная вас слабостью женщины и невинностью детей; что с ними станет без нас?

– Меня не волнуют ваши жены и дети, – жестко сказал епископ. – Схватить этих негодяев, – приказал он, повернувшись к сопровождавшим его людям, – а если они попробуют скрыться, убить без пощады.

– Ваше преосвященство, – сказал Робин Гуд, – позвольте дать вам добрый совет: возьмите назад эти несправедливые слова, от них веет насилием, и нет в них христианского милосердия. Поверьте мне, куда благоразумнее принять мое предложение и разделить с нами трапезу.

– Я запрещаю вам обращаться ко мне! – гневно воскликнул епископ. – Солдаты, схватить этих разбойников!

– Не подходить! – закричал Робин Гуд громовым голосом. – Или, Божьей Матерью клянусь, вы в этом раскаетесь!

– Хватайте этих подлых рабов! – повторил епископ. – Не щадите никого!

Слуги прелата бросились на лесных братьев, и, если бы Робин не затрубил в рог, пролилась бы кровь, но по этому сигналу с разных сторон появились остальные разбойники: предупрежденные о том, что епископ уже здесь, они понемногу подтянулись к этому месту.

И первое, что они сделали, – разоружили людей епископа.

– Ваше преосвященство, – сказал Робин епископу, который онемел от страха, поняв, в чьи руки он попал, – вы были неумолимы, и мы тоже будем безжалостны. Что мы сделаем с человеком, который хотел отправить нас на виселицу? – обратился он к своим товарищам.

– Одевание, которое он носит, заставляет меня смягчить строгость приговора, – спокойно ответил Маленький Джон, – не надо причинять ему страданий.

– Вы проявили себя как честный человек, храбрый лесник.

– Вы полагаете, ваше преосвященство? – с прежней невозмутимостью отозвался Маленький Джон. – Ну что же, я окончу свои миролюбивые речи: вместо того чтобы подвергать страданиям вашу душу и тело и жечь вас на медленном огне, мы просто отрубим вам голову.

– Просто отрубите голову? – еле слышно прошептал епископ.

– Да, готовьтесь к смерти, ваше преосвященство.

– Сжальтесь надо мной, Робин Гуд, заклиная вас! – стал умолять епископ. – Дайте мне хоть несколько часов, я не хочу умереть без покаяния...

– Ваша прежняя заносчивость сменилась смирением; но оно меня не трогает. Вы сами себя приговорили: готовьте вашу душу предстать перед Господом. Маленький Джон, – добавил Робин, делая своему другу условный знак, – проследи, чтобы все произошло с подобающей случаю торжественностью. Соблаговолите следовать за мной, ваше преосвященство, сейчас вы предстанете перед судом.

Полумертвый от страха епископ, шатаясь, поплелся за Робин Гудом.

Когда они дошли до Древа Встреч, Робин Гуд усадил своего пленника на поросший травой пригорок и приказал одному из своих людей принести воды.

– Не угодно ли вам, ваше преосвященство, освежить лицо и руки?

Хотя епископа подобное предложение и удивило, он подобострастно согласился. Когда омовение было закончено, Робин продолжил:

– Не окажите ли вы мне любезность разделить со мной трапезу. Я собираюсь пообедать, потому что не могу вершить правосудие натощак.

– Я пообедаю, раз вы этого требуете, – покорно ответил епископ.

– Я не требую, ваше преосвященство, а прошу.

– Тогда я соглашаюсь удовлетворить вашу просьбу, сэр Робин.

– Ну, что ж, прошу за стол, ваше преосвященство.

И с этими словами Робин отвел своего гостя в пиршественный зал, то есть на поросшую цветами лужайку, где все уже было приготовлено к трапезе.

Стол ломился от яств, радуя взор, и это зрелище направило мысли священнослужителя в более радостную сторону. Он ничего не ел со вчерашнего дня, а потому почувствовал, что очень голоден, и от запаха дичи у него потекли слюнки.

– Прекрасно поджаренное мясо, – сказал он, усаживаясь за стол.

– И очень вкусное, – добавил Робин, выбирая для гостя кусок получше.

К середине обеда епископ забыл все свои страхи, а к десерту уже видел в Робине просто приятного сотрапезника.

– Дорогой друг, – сказал он, – вино у вас восхитительное, оно согрело мне сердце; только что я был болен, обеспокоен, опечален, а теперь я спокоен и радостен.

– Рад слышать от вас такие слова, ваше преосвященство, потому что это похвала моему гостеприимству. Обычно мои сотрапезники бывают довольны тем, как их здесь принимают. Однако наступают неприятные минуты, когда нужно платить по счету: все любят брать, но никто не любит давать.

– Это правда, истинная правда, – подтвердил епископ, даже не догадываясь, о чем идет речь. – Да, так оно и есть на самом деле. Пожалуйста, налейте мне еще, мне кажется, что у меня огонь в жилах. Ах, знаете ли, любезный хозяин, вы здесь живете очень счастливо.

– Потому-то нас и называют веселыми лесными братьями.

– Ах, да, верно, верно. А теперь, сударь... не знаю вашего имени... позвольте попрощаться с вами: мне нужно продолжить путь.

– Совершенно справедливо, ваше преосвященство. Расплатитесь по счету, прошу вас, и выпейте на дорожку.

– Заплатить по счету?! – проворчал епископ. – Разве я в харчевне? Я думал, что я в Барнсдейлском лесу.

– В харчевне, ваше преосвященство, я хозяин заведения, а люди вокруг – мои слуги.

– Как, это все ваши слуги? Но их, по меньшей мере, человек сто пятьдесят – двести.

– Да, ваше преосвященство, это не считая отсутствующих. Вы же понимаете, что с таким количеством челяди мне приходится взимать с гостей как можно большую плату.

Епископ тяжело вздохнул.

– Дайте счет, – сказал он, – и отнесите ко мне как к другу.

– Как к вельможе, любезный гость, как к знатному вельможе, – весело ответил Робин. – Маленький Джон, – позвал он. – Представьте счет его преосвященству епископу Херефордскому.

Прибежал Джон. Прелат взглянул на него и рассмеялся.

– Ну и ну! – воскликнул он. – Маленький?! И это маленький?! Да это же целая жердь! Ну ладно, любезный казначей, давайте ваш счет!

– Не стоит, ваше преосвященство, скажите, куда вы кладете деньги, и я рассчитаюсь с собой сам.

– Наглец! – воскликнул епископ. – Я запрещаю тебе запускать руку в мой кошелек!

– Я хотел избавить вас от труда считать деньги, ваше преосвященство.

– Труд считать деньги! Вы думаете, что я пьян? Пойдите принесите мой сундук с вещами, я дам вам золотой.

Маленький Джон и не подумал повиноваться приказу прелата; он открыл сундук и нашел в нем кожаный мешочек. Джон вытряхнул его: в нем было триста золотых.

– Дорогой Робин, – радостно закричал Джон, – благородный епископ заслуживает благодарности: он нас сделал богаче на триста золотых!

Епископ Херефордский, полузакрыв глаза, слушал эти радостные восклицания Джона, не понимая их смысла, а когда Робин сказал ему: «Ваше преосвященство, мы благодарим вас за щедрость» – он и вовсе смежил веки и пробормотал нечто нечленораздельное, так что Робин сумел разобрать лишь:

– Аббатство Сент-Мэри, немедленно...

– Он хочет уехать, – сказал Джон.

– Прикажи подать ему лошадь, – ответил Робин.

По знаку Джона один из лесных братьев подвел епископу оседланного коня, на голове которого красовались цветы.

Сонного епископа с трудом посадили в седло, привязали, чтобы он не свалился, ибо падение могло бы стать роковым для него, и в сопровождении своих людей, возвеселившихся духом от вина и хорошей еды, он отбыл по дороге, ведущей в аббатство Сент-Мэри.

Несколько человек из лесных братьев, по-дружески смешавшихся с людьми прелата, проводили их до ворот обители.

Само собой разумеется, позвонив в привратный колокол, они пустили лошадей галопом и скрылись в лесу.

Не будем даже и пытаться описать изумление и ужас, охватившие святую братию при виде епископа Херефордского: лицо его пылало, походка была неустойчива, а одежда пребывала в страшном беспорядке.

На следующий день достойный священнослужитель чуть не сошел с ума от стыда, бешенства и унижения; он много часов провел в молитвах, прося Господа простить его прегрешения и защитить от презренного Робин Гуда.

По просьбе оскорбленного епископа настоятель вооружил полсотни человек и предоставил их в распоряжение гостя. И вот, кипя сердцем от гнева, епископ во главе своего маленького войска двинулся на розыски знаменитого разбойника.

А Робин Гуд в этот день решил своими глазами убедиться, каковы дела сэра Ричарда Равнинного, и потому шел в одиночестве по тропинке, которая должна была вывести его на большую дорогу. Тут его внимание привлек стук копыт множества лошадей; он поспешил в том направлении, откуда доносился шум, и оказался лицом к лицу с епископом Херефордским.

– Робин Гуд! – воскликнул епископ, мгновенно узнав его. – Это Робин Гуд! Сдавайтесь, изменник!

Понятно, что у Робина не было ни малейшего желания поступить согласно приказу. Он был окружен со всех сторон и не мог ни защищаться, ни позвать на помощь лесных братьев; тем не менее он бесстрашно проскользнул между двумя всадниками, которые делали вид, что хотят преградить ему путь, и быстрее лани побежал к маленькому домику, видневшемуся в четверти мили от места его встречи с епископом.

Солдаты поскакали за ним вдогонку, но ехать напрямик они не могли и потому добрались до дома, где Робин явно хотел скрыться, позже, чем он.

Дверь хижины была открыта. Робин вошел и принялся закладывать чем попало окна, не смотря на крики старушки, сидевшей за прялкой.

– Не бойтесь ничего, матушка, – сказал Робин, заложив окна и дверь, – я не вор, а попавший в беду человек, которому вы можете помочь.

– Как помочь? И кто вы? – спросила старушка не очень-то успокоенным тоном.

– Я изгнанник, матушка, зовут меня Робин Гуд; меня преследует епископ Херефордский, покушаясь на мою жизнь.

– Как? Вы Робин Гуд?! – воскликнула крестьянка, молитвенно складывая руки. – Благородный и великодушный Робин Гуд? Да будет благословен Господь за то, что он позволил мне, бедной женщине, оплатить свой долг щедрому изгнаннику. Посмотрите на меня внимательно, мой мальчик, вспомните тех, кого вы благодетельствовали, и, может быть, вы меня узнаете. Года два назад вас привел сюда случай или, вернее, как с благодарностью скажу я, благое Провидение. Я была одна, больна и без средств; я только что потеряла мужа, и мне оставалось лишь умереть. Ваши ласковые слова утешили меня, вернули мне мужество, силы и здоровье. На следующий день от вас пришел посланец и принес мне припасы, одежду и деньги. Я спросила его, кто мой благодетель, и он ответил: «Его зовут Робин Гуд». С этого дня я поминаю вас во всех своих молитвах. Мой дом – ваш дом, моя жизнь принадлежит вам, располагайте мной как своей служанкой.

– Спасибо, матушка, – сказал Робин Гуд, сжимая дрожащие руки старушки. – Я прошу вашей помощи не потому, что боюсь опасности, а потому, что не желаю напрасного кровопролития. С епископом полсотни людей, и, как видите, борьба невозможна, я один.

– Если ваши враги найдут вас, они вас убьют, – сказала старушка.

– Не беспокойтесь, матушка, до этой крайности дело не дойдет. Мы придумаем, как этого избежать.

– Избежать? Говорите, дитя мое, я вас слушаю.

– Не поменяетесь ли вы со мной одеждой?

– Поменяться с вами одеждой? – воскликнула старушка, – боюсь, что эта хитрость не удастся; как вы превратите женщину моего возраста в молодого кавалера?

– Я так переодену вас, матушка, – ответил Робин, – что мы сможем обмануть солдат, ведь они, может быть, не знают моего лица. Вы сделаете вид, что пьяны, а его преосвященство епископ Херефордский так торопится схватить меня, что увидит только платье.

Превращение свершилось быстро. Робин надел серое платье и чепец старой женщины и помог ей натянуть свои штаны, куртку и сапоги. Потом он старательно убрал седые волосы старушки под свою изящную шляпу и опоясал ее своим оружием.

Когда солдаты подскакали к двери хижины, переодевание было закончено. Они стали колотить в дверь, потом один из них предложил ее вышибить задними копытами своей лошади.

Епископ отнесся к этой мысли благосклонно. Всадник развернул лошадь и, чтобы заставить ее пятиться, уколол ее копьём. Но это произвело на бедное животное действие совершенно обратное тому, которое он ожидал: лошадь встала на дыбы и выбросила его из седла. Падение солдата (а он летел со скоростью стрелы) имело печальные последствия. Епископ, подошедший поближе, чтобы в тот миг, когда упадет дверь, преградить дорогу Робин Гуду, если тот попытается бежать, получил сильнейший удар шпорой в лицо.

Боль привела старика в такую ярость, что, ни на секунду не задумавшись о несправедливости и жестокости такого деяния, он поднял посох, который носил в руке как символ своего пастырского достоинства, и добил им несчастного, распростертого на траве у ног взбунтовавшейся лошади.

Пока он предавался этому доблестному занятию, дверь хижины внезапно отворилась.

– Сомкнуть строй! – повелительно воскликнул епископ. – Сомкнуть строй!

Всадники беспорядочно толклись перед дверью.

Епископ стал спешиваться, но при этом одной ногой споткнулся об окровавленное тело солдата и головой вперед влетел прямо в открытую дверь. Всеобщее замешательство, последовавшее за этим происшествием, как нельзя лучше послужило планам Робина. Оглушенный и задыхающийся епископ едва различил человека, стоявшего неподвижно в самом темном углу комнаты.

– Схватить негодяя! – закричал он своим солдатам, указывая на старушку. – Заткнуть ему рот кляпом, привязать к лошади, вы мне жизнью за него отвечаете; если он сбежит, я вас всех повешу без всякого милосердия.

Солдаты бросились на человека, на которого с такой яростью указывал их предводитель, и, не найдя, чем заткнуть пленнику рот, завязали ему лицо попавшимся им под руку большим

платком.

Отважный до дерзости Робин Гуд дрожащим голосом умолял пощадить пленника, но епископ оттолкнул его и вышел из хижины, испытывая огромное удовлетворение от того, что видит своего врага со связанными руками и ногами на спине лошади.

Жестоко страдая и почти ослепнув от раны, рассекшей ему лицо, его преосвященство снова сел на коня и приказал своим солдатам следовать за ним к разбойничьему Дереву Встреч, на самой высокой ветви которого он хотел вздернуть Робина. Достойный епископ жаждал показать разбойникам, какая ужасная участь их ожидает, если они будут продолжать вести тот же образ жизни, что и их презренный атаман.

Как только всадники скрылись в чаще леса, Робин Гуд вышел из хижины и побежал к Дереву Встреч. Проходя через одну поляну, он заметил, хотя и довольно далеко от себя, Маленького Джона, Красного Уилла и Мача.

– Посмотрите-ка туда, на поляну, – сказал Джон друзьям, – к нам приближается какое-то странное существо, прямо колдунья старая, да и только. Клянусь Пречистой Девой, если бы я думал, что у этой старой чертовки враждебные намерения, я бы в нее всадил стрелу.

– Да твоя стрела в нее и не попала бы, – смеясь, сказал Уилл.

– Почему это, позволь узнать?! Ты что, сомневаешься в моей меткости?

– Ничуть, но если эта женщина, как ты полагаешь, колдунья, она твою стрелу в полете остановит.

– Черт возьми, – проговорил Мач, все это время пристально следивший за необыкновенной фигурой, – я склоняюсь к мнению Маленького Джона: эта особа мне кажется очень странной: роста она огромного и ходит не так, как обычно ходят женщины, а делает просто какие-то невероятные скачки; она меня страшит, и если вы позволите, Уилл, мы посмотрим, настолько ли сильны ее колдовские чары, как это представляется с виду.

– Не надо поступать легкомысленно, Мач, – ответил Уилл, – это жалкое создание носит женское одеяние и, следовательно, требует к себе уважительного отношения, да и я сам, вы это знаете, женщине вреда причинять не могу. Ну кто вам сказал, что эта уродина колдунья? Не следует судить по внешнему виду; часто кожа у плода грубая, а мякоть превосходная. Несмотря на смешной вид, эта старушка, может быть, добрая женщина и благочестивая христианка. Пощадите ее и, чтобы вам это было проще сделать, вспомните приказ Робина: он запретил нам всякие враждебные и даже просто неуважительные действия по отношению к женщинам.

Маленький Джон сделал вид, что натягивает тетиву и собирается пустить стрелу в предполагаемую колдунью.

– Стойте! – раздался сильный повелительный голос. (Трое молодых людей удивленно вскрикнули.) – Я Робин Гуд, – добавил человек, так долго занимавший их внимание; назвав свое имя, Робин сорвал с головы чепец, почти целиком скрывавший его лицо. – Меня, значит, совсем нельзя было узнать? – спросил он, подходя к товарищам.

– Вы были просто уродом, друг мой, – ответил Уилл.

– А зачем вам понадобилось такое малоприятное переодевание? – спросил Мач.

В нескольких словах Робин рассказал друзьям о том, какое неприятное происшествие с ним приключилось.

– А теперь, – закончил он свой рассказ, – подумаем о том, как мы будем защищаться. Но для начала надо бы раздобыть мне какую-нибудь одежду. Мач, дорогой, сделайте мне одолжение, сбегайте поскорее к нам на склад и принесите мне что-нибудь подходящее. А вы, Джон и Уилл, за это время соберите к Дереву Встреч всех, кто сейчас в лесу. Торопитесь, ребята: я обещаю вам, что мы с лихвой отплатим епископу Херефордскому за все неприятности, которые он нам причиняет.

Маленький Джон и Уилл скрылись в лесу в противоположных направлениях, а Мач пошел за одеждой для Робина.

Через час, одетый в живописный костюм лучника, Робин стоял под деревом Встреч.

Джон привел шестьдесят человек, а Уилл – сорок.

Робин спрятал своих людей в густой поросли, со всех сторон окружавшей поляну, а сам

уселся под высоким деревом, на котором его преосвященство хотел его повесить.

Не успел он все это проделать, как послышался стук копыт: епископ появился в сопровождении всего своего отряда.

Когда солдаты доскакали до середины поляны, в чистом воздухе разнеслось звонкое пение рога, листва молодых деревьев задрожала и из-за этой зеленой изгороди появились вооруженные до зубов люди.

Лесные братья возникли мгновенно и по знаку своего предводителя, которого епископ пока не видел, изготовились к бою; епископ оцепенел от страха, с ужасом огляделся и тут заметил молодого человека в красной куртке, отдающего приказы и командующего отрядом разбойников.

– Кто этот человек? – указывая на Робина, спросил епископ у солдата, который ближе всего стоял к пленнику, привязанному к лошади.

– Этот человек – Робин Гуд, – дрожащим голосом ответил пленник.

– Это Робин Гуд? – воскликнул епископ. – Тогда кто же ты, презренный?

– А я просто женщина, ваше преосвященство, бедная старуха.

– Горе тебе, мерзкая колдунья! – выведенный из себя закричал епископ. – Горе тебе! Ну же, ребята, – сказал он, обращаясь к отряду, – вперед, не бойтесь ничего; пробейтесь мечами через ряды этих подонков; вперед, храбрецы, вперед!

Храбрецы, по-видимому, сочли, что приказ напасть на разбойников отдать легче, чем выполнить; ни один из них не двинулся с места.

По знаку Робина лесные братья наложили стрелы и дружно, все как один, подняли луки; меткость их была столь известна и ее так боялись, что солдаты епископа не только не подумали нападать, но как можно ниже пригнулись в седлах.

– Долой оружие! – крикнул Робин Гуд. – Развяжите пленника!

Солдаты повиновались приказу разбойника.

– Матушка, – сказал Робин Гуд старухе, уводя ее с поляны, – возвращайся домой, а завтра я пришлю тебе награду за доброе дело. Иди скорее, сегодня у меня нет времени отблагодарить тебя как следует, но помни, что моя признательность тебе велика.

Добрая старушка поцеловала руки Робин Гуд и ушла в сопровождении одного из лесных братьев.

– Господи, смилуйся надо мной! Смилуйся! – причитал епископ, ломая руки.

Робин Гуд подошел к своему врагу.

– Добро пожаловать, ваше преосвященство, – сказал он ласково, – разрешите поблагодарить вас за то, что вы пришли. Я вижу, что мое гостеприимство так очаровало вас, что вы еще раз решили от души повеселиться.

Епископ тяжело вздохнул и в отчаянии взглянул на Робина.

– Вы, кажется, чем-то опечалены, ваше преосвященство? – осведомился Робин. – У вас какое-то горе? Вы не рады снова видеть меня?

– Не могу сказать, что я доволен, да и вряд ли это возможно в моем положении. Вы ведь догадываетесь, зачем я сюда явился, и, естественно, с чистой совестью отомстите мне, потому что видите во мне противника. И все же вот что я хочу вам сказать: позвольте мне уехать, и я никогда, ни при каких обстоятельствах не буду пытаться причинить вам вред; позвольте мне уехать с моими людьми, и вам не придется отвечать перед Богом за смертный грех, каковым является покушение на жизнь слугителя святой Церкви.

– Я ненавижу убийство и насилие, ваше преосвященство, – ответил Робин Гуд, – и мои каждодневные действия это доказывают. Я никогда не нападаю, а довольствуюсь тем, что защищаю свою жизнь и жизнь тех храбрых людей, которые мне доверились. Если бы в сердце моем, ваше преосвященство, было хоть малейшее чувство ненависти к вам или жажда мести, вас бы ждала та же участь, какую вы уготовили мне. Но это не так, и я никогда не мщу за зло, которое мне не сумели причинить. Итак, я верну вам свободу, но с одним условием.

– Говорите, сударь, – учтиво ответил епископ.

– Вы дадите мне обещание уважать мою независимость, свободу моих людей и покляне-

тесь мне, что никогда в будущем ни при каких обстоятельствах не будете способствовать посягательству на мою жизнь.

– Я ведь по своей собственной воле обещал не причинять вам никакого зла, – тихо ответил епископ.

– Обещание для человека без совести мало что значит, ваше преосвященство; я хочу, чтобы вы поклялись.

– Клянусь святым Павлом, что не буду мешать вам жить так, как вы сами того хотите.

– Прекрасно, ваше преосвященство, теперь вы свободны.

– Тысячу раз благодарю вас, Робин Гуд. Прикажите собрать моих людей: они разошлись и уже братаются с вашими.

– Повинуюсь, ваше преосвященство, через несколько минут солдаты будут на лошадях. А пока не угодно ли вам будет в ожидании отъезда что-нибудь выпить?

– Нет, нет, я ничего не хочу, – поспешил ответить епископ, который пришел в ужас только оттого, что услышал это опасное предложение.

– Вы ведь уже давно ничего не ели, ваше преосвященство, и ломтик пирога...

– Ни кусочка, любезный хозяин, ни одного кусочка!

– Тогда кубок вина?

– Нет, нет, сто раз нет!

– Так вы не хотите разделить со мной ни еды, ни питья, ваше преосвященство?

– Я не голоден и не испытываю жажды; я хочу только уехать отсюда. Не пытайтесь задерживать меня здесь далее, умоляю вас.

– Пусть исполнится ваша воля, ваше преосвященство. Маленький Джон, – обратился к другу Робин, – его преосвященство желает нас покинуть.

– Его преосвященство в том полностью волен, – насмешливо ответил Джон, – сейчас я ему представлю счет.

– Счет?! – удивился епископ. – Что вы этим хотите сказать? Ведь я не пил и не ел.

– О, это ничего не значит, – спокойно ответил Джон, – с той минуты, как вы попадаете на постоянный двор, вы несете расходы. Ваши люди голодны, просят снабдить их припасами, а ваши лошади уже поели, да и нельзя же, чтобы из-за вашего воздержания мы тоже были обречены голодать только потому, что вы не хотите ни есть, ни пить. Мы просим заплатить людям, обслуживавшим людей и животных.

– Возьмите, что сочтете нужным, – нетерпеливо ответил епископ, – и отпустите меня.

– А кошель на прежнем месте? – спросил Маленький Джон.

– Вот он, – ответил епископ, указывая на кожаный мешочек, подвешенный к ленчику седла его лошади.

– Мне кажется, что он тяжелее, чем был в ваш первый приезд, ваше преосвященство.

– Думаю, что тяжелее, – ответил епископ, прилагая отчаянные усилия, чтобы казаться спокойным, – в нем и денег гораздо больше.

– Я в восторге, ваше преосвященство; могу я спросить, сколько же монет в этом прелестном кошельке?

– Пятьсот золотых...

– Превосходно! Как это великодушно с вашей стороны явиться сюда с такими деньгами! – насмешливо заметил молодой человек.

– Но, – запинаясь, проговорил епископ, – я надеюсь, мы эти деньги поделим? Вы же не посмеете отнять у меня все, ограбить меня!

– Ограбить?! – презрительно переспросил Маленький Джон. – Какое слово вы сказали? Вы, значит, не понимаете, какая разница существует между грабежом и тем, чтобы забрать у человека то, что ему не принадлежит? Вы выманивали эти деньги обманом и ложью, вы взяли их у тех, кто в них нуждался, а я хочу их вернуть им. Согласитесь, ваше преосвященство, что я вас не граблю.

– Мы называем наши действия лесной философией, – смеясь, сказал Робин Гуд.

– Весьма сомнительная философия с точки зрения закона, – возразил епископ. – Поскольку

защищаться я не в состоянии, придется подчиниться всем вашим требованиям. Берите кошельки.

– У меня к вам есть еще одна просьба, ваше преосвященство, – продолжал Джон.

– Какая? – обеспокоенно спросил епископ.

– Нашего духовника сейчас нет в Барнсдейле, – ответил Джон, – и, поскольку мы давно были лишены его благочестивых наставлений, мы хотим просить вас, ваше преосвященство, отслужить для нас мессу.

– Как вы смеете обращаться ко мне с такой нечестивой просьбой! – воскликнул епископ. – Я предпочту смерть такому святотатству!

– А ведь это ваш долг, ваше преосвященство, – заметил Робин, – во всякое время помогать людям служить Господу; Маленький Джон прав, вот уже несколько недель мы не имели счастья слушать мессу, и мы не можем упустить счастливый случай, который нам сегодня представился; соблаговолите, прошу вас, выполнить нашу законную просьбу.

– Это было бы смертным грехом, преступлением, и я должен быть готов к тому, что десница Господня покарает меня, если я совершу подобное святотатство! – ответил епископ, багровый от гнева.

– Ваше преосвященство, – торжественно проговорил Робин, – мы с христианским смирением почитаем божественные символы католической веры, и, поверьте мне, в стенах ни одного из ваших огромных соборов вы никогда не встретите более благочестивой паствы, чем в Шервудском лесу.

– Я могу верить вашим словам? – с большим сомнением спросил епископ.

– Да, ваше преосвященство, и вы скоро убедитесь в их полной правдивости.

– Ну что ж, мне хочется поверить вам: проводите меня в часовню.

– Пойдемте, ваше преосвященство.

Робин в сопровождении епископа направился к высокой изгороди, расположенной неподалеку от Дерева Встреч. Там в небольшой лощине был сооружен земляной алтарь, прикрытый слоем мха и украшенный цветами. На нем с большим вкусом было разложено все необходимое для службы, и его преосвященство пришел в восторг от такой природной ризницы.

Эти две сотни человек с непокрытыми головами, коленопреклоненные, благочестиво молящиеся и устами и сердцем, являли собой весьма трогательное зрелище.

После мессы лесные братья горячо поблагодарили епископа, и тот, в высшей степени удивленный их скромным поведением во время службы, не мог удержаться от желания задать Робину множество вопросов о том, как он и его люди живут в старом лесу.

Пока Робин любезно отвечал на его расспросы, лесные братья накрыли для солдат обильную трапезу, и Мач самолично наблюдал за приготовлениями к самому утонченному пиршеству, которое когда-либо устраивалось под лесными сводами.

Сам того не заметив, епископ подошел с Робинем к пирующим и с завистью взглянул на них – при виде всеобщего веселья остатки его дурного настроения улетучились.

– Неплохо ваши люди проводят время, – сказал Робин, показывая епископу на нескольких особенно прожорливых солдат.

– Они и вправду едят с большим аппетитом.

– Они, вероятно, очень проголодались, наше преосвященство. Уже два часа, и я сам с удовольствием бы перекусил. Не угодно ли и вам без всяких церемоний отобедать?

– Спасибо, любезный хозяин, спасибо, – ответил епископ, стараясь оставаться глухим к настойчивым просьбам своего желудка. – Я ничего не хочу, решительно ничего, хотя я и немного голоден.

– Не следует насиловать свою природу, ваше преосвященство, от этого страдают ум и сердце и теряется здоровье. Давайте-ка сядем на этом зеленом ковре; вам подадут, и вы съедите хотя бы кусок хлеба, если так уж боитесь задержаться.

– Я всенепременно обязан вам повиноваться? – спросил епископ с плохо скрытой радостью.

– Я не принуждаю вас, ваше преосвященство, – лукаво ответил Робин, – и если вам не хочется вместе со мной отведать этого прекрасного пирога из дичи и чудесного вина из этой бу-

тылки, то тогда, прошу вас, воздержитесь, потому что насильно есть еще вреднее для желудка, чем отказываться от пищи в течение нескольких часов.

– О, я свой желудок не насирую, – смеясь, ответил епископ, – аппетит у меня завидный, и поскольку я уже давно голоден, то приму ваше любезное приглашение и окажу честь вашему столу.

– Тогда прошу к столу, ваше преосвященство, и приятного аппетита!

Епископ Херефордский хорошо пообедал; вино он любил, а то вино, которое подливал в его кубок Робин Гуд, было таким крепким, что к концу трапезы его преосвященство совершенно опьянел; к вечеру достойный священнослужитель вернулся в аббатство Сент-Мэри в таком состоянии, что благочестивая братия снова преисполнилась негодования и ужаса.

VI

– Хотел бы я знать, как себя чувствует сегодня епископ Херефордский, – говорил Красный Уилл своему двоюродному брату Маленькому Джону, вместе с Мачем сопровождавшему Уилла в Барнсдейл.

– Должно быть, голова у бедняжки немного тяжелая, – отозвался Мач, – хотя по всему видно, что его преосвященство привык злоупотреблять вином.

– Совершенно верно замечено, друг мой, – ответил Джон, – его преосвященство епископ Херефордский умеет выпить немало, не теряя разума.

– Робин с ним обошелся очень любезно, – продолжал Мач, – он обращался так со всеми церковниками, которые ему попадались?

– Да, когда эти церковники злоупотребляют своей духовной и светской властью, чтобы обирать саксов, как это делает епископ Херефордский. Случалось, что Робин не просто поджидал этих благочестивых служителей Божьих, но и сворачивал со своего пути, чтобы преградить им дорогу.

– Что вы подразумеваете под словами «сворачивать со своего пути»? – спросил Мач.

– Я вам расскажу, пока мы идем, одну историю, которая пояснит вам мои слова.

Однажды утром Робин Гуд узнал, что два монаха несут в свое аббатство немалые деньги и должны пройти через Шервудский лес. Новость эта очень обрадовала Робина, потому что казна у нас опустела и деньги эти были нам очень кстати. Никому ничего не сказав (взять двух монахов – дело нетрудное), Робин оделся пилигримом и встал на дороге, по которой они должны были пройти.

Ждал он недолго, монахи скоро появились; Робин увидел двух рослых молодцов, крепко сидевших и седлах.

Робин пошел им навстречу, поклонился до земли, потом, выпрямившись, схватил под уздцы лошадей и жалобно произнес:

«Да благословит вас Бог, святые братья; какая удача, что я встретил вас. Это большая радость для меня, и я благодарю за нее Небо».

«Что означает этот словесный поток?» – спросил один из монахов.

«Святой отец, я просто выразил свою радость. Вы ведь посланцы Бога милостивого и воплощение божественного милосердия. Мне нужна помощь, я несчастен, я голоден; братья мои, я умираю с голоду, дайте мне что-нибудь поесть».

«У нас нет с собой ничего съестного, – ответил тот монах, который говорил с Робинем прежде. – Потому перестаньте просить понапрасну и дайте нам спокойно проехать дальше».

Но Робин, крепко державший поводья лошадей, не дал монахам пуститься в бегство.

«Братья мои, – снова заговорил он еще более жалобным и угасающим голосом, – сжальтесь надо мной, несчастным, и раз у вас нет с собой хлеба, подайте мне мелкую монетку. Я со вчерашнего утра брожу по лесу и еще не ел и не пил. Дорогие братья, ради Пресвятой Девы, прошу вас, сделайте это скромное подаяние».

«Послушайте-ка, болтливый дурак, отпустите поводья лошадей, оставьте нас в покое, мы даже не хотим тратить время на такого недоумка, как вы».

«Да, – повторил слово в слово второй монах, – мы даже не хотим тратить время на такого недоумка, как вы».

«Бога ради, добрые братья, подайте всего несколько пенсов, чтобы не дать мне умереть с голоду!»

«Да если бы даже я и хотел подать нам милостыню, попрошайка упрямый, я все равно не мог бы этого сделать, у нас нет ни пенни».

«А с виду, братья мои, не скажешь, что у вас денег нет: кони под вами добрые, одеты вы хорошо, и лица у вас сытые и счастливые».

«Еще несколько часов назад у нас были деньги, но нас ограбили разбойники».

«И не оставили нам ни пенни», – добавил второй монах, видимо считавший своим долгом как эхо повторять слова начальствующего брата.

«Сдается мне, – сказал Робин, – что вы оба совершенно нагло лжете».

«Ты нас обвиняешь во лжи, презренный негодяй!» – воскликнул монах.

«Да, во-первых, вас никто не грабил, потому что в старом Шервудском лесу нет грабителей, а во-вторых, вы лжете мне, утверждая, что вы без денег. Я ненавижу ложь и хочу знать правду. Потому вам покажется естественным, что я сам хочу убедиться в вашей лживости».

Произнеся эти полные угрозы слова, Робин отпустил поводья лошадей и схватился за мешок, подвешенный к седлу первого монаха. Монах испугался, пришпорил лошадь и пустился галопом; второй последовал за ним. Но Робин, как вам известно, бежит быстрее оленя; он догнал монахов и выбил их из седла.

«Добрый нищий, пощадите нас, – запричитал толстый монах, – пожалейте ваших братьев; я уверяю вас, нет у нас ни денег, ни еды, нечего нам вам дать, и совершенно неразумно ждать от нас сейчас помощи!»

«Нет у нас ничего, добрый нищий, – как эхо повторил второй; этот был худ, и от страха побледнел как мертвец. – Мы не можем дать то, чего у нас нет».

«Ну что же, отцы мои, – сказал Робин, – мне хочется верить в очевидную искренность ваших слов. А еще я хочу указать вам средство, как можно раздобыть немного денег. Мы сейчас преклоним колени все трое и попросим Пресвятую Деву прийти нам на помощь. Наша Владычица Небесная никогда меня в нужде не покидала и сейчас, думаю, не оставит своей милостью. Когда вы появились на дороге, я как раз молился и, думая, что это Небо мне вас послало, обратился к вам с моей нижайшей просьбой. Ваш отказ меня в отчаяние не привел, просто я понял, что вы не посланцы божественного Провидения, вот и все; но вы люди благочестивые или должны таковыми быть; мы сейчас будем молиться, и наши голоса вместе скорее донесут нашу просьбу до Господа».

Монахи отказались опуститься на колени, и, чтобы заставить их подчиниться, Робину пришлось пригрозить им, что он обшарит их карманы.

– Как, – прервал рассказчика Красный Уилл, – они все трое опустили на колени, чтобы просить Небо послать им денег?

– Да, – ответил Джон, – и стали, по приказу Робина, громко и внятно молиться.

– Забавная, должно быть, была картина, – заметил Уилл.

– Очень забавная. Робин сумел сохранить серьезный вид и слушал молитву монахов: «Пресвятая Дева, – говорили они, – пошли нам денег, чтобы избавить нас от опасности». Не стоит и говорить, что деньги не появлялись. Голоса монахов звучали все печальней и жалобней; Робин Гуд уже не мог сохранять спокойствие при виде этого странного зрелища и весело расхохотался.

Монахи, услышав этот неуместный смех, приободрились и хотели было подняться с колен, но Робин поднял палку и спросил:

«Получили деньги?»

«Нет, – ответили они, – нет».

«Тогда продолжайте молиться».

Монахи выдержали эту пытку еще час, а потом дошли до того, что стали в отчаянии ломать себе руки, вырывать клочья волос с головы и рыдать от бешенства. Они изнемогали от усталости и унижения, но продолжали утверждать, что денег у них нет. «Святая Дева никогда не покидала

меня, – говорил им в качестве утешения Робин, – и, хотя пока у меня нет доказательств, что она нас услышала, они не замедлят явиться. Так не отчаивайтесь, братья мои, напротив, молитесь еще усерднее». Монахи запричитали так, что Робину надоело их слушать. «Ну теперь, дорогие братья, посмотрим, сколько денег послало вам Небо».

«Ни пенни!» – воскликнул толстяк.

«Ни пенни? – переспросил Робин. – Как это? Дорогие братья, можете ли вы быть совершенно уверены, что у меня нет денег, хотя я и утверждал, что карманы мои пусты?»

«Нет, – ответил один из монахов, – мы не можем быть в этом уверены».

«А ведь есть способ в этом удостовериться».

«Какой?» – спросил толстый монах.

«Самый простой, – ответил Робин, – нужно меня обыскать. Но, поскольку вам не важно, есть у меня деньги или их у меня нет, и интересно это лишь мне, я позволю себе заглянуть в ваши карманы».

«Мы не переживем такого оскорбления!» – в один голос завопили монахи.

«Какое же тут оскорбление, братья мои? Я просто желаю доказать вам, что Небо вняло моим молитвам и помогло мне вашими благочестивыми руками».

«Но у нас ничего нет!»

«Вот в этом я и хочу убедиться. Какая бы сумма вам обоим ни перепала, мы ее разделим пополам – одну половину мне, а другую вам. Поищите сами хорошенько, прошу вас, и скажите, сколько у вас есть».

Монахи повиновались, каждый пошарил у себя в кармане и ничего оттуда не вынул.

«Я вижу, братья мои, – сказал Робин Гуд, – что вы хотите доставить мне удовольствие вас обыскать. Ну что же? Пусть будет по-вашему».

Монахи отчаянно возражали, но Робин с таким серьезным видом пригрозил им отколотить их своей страшной палкой, что они согласились на тщательный обыск.

Через несколько минут, поискав хорошенько, Робин Гуд уже держал в руках пятьсот золотых.

В отчаянии от того, что он потерял свои деньги, толстый монах с беспокойством спросил:

«А разве мы эти деньги не поделим между нами?»

«А вы разве думаете, что Небо послало их вам с тех пор, как мы вместе? – ответил строго Робин, но монахи промолчали. – Вы солгали, и у вас в карманах были деньги, отобранные у честных людей; вы отказали в милостыне человеку, который сказал вам, что он умирает с голоду, и вы оба считаете, что такое поведение достойно христианина? И все же я прощаю вас, и в какой-то мере выполню свое обещание. Вот, я даю каждому из вас по пятьдесят золотых. Идите, и если встретите на дороге бедняка, просящего милостыню, помните, что Робин Гуд оставил вам возможность прийти ему на помощь».

Услышав это имя, монахи вздрогнули и испуганно посмотрели на нашего друга.

Не обращая ни малейшего внимания на их растерянный вид, Робин помахал им рукой и скрылся в лесу.

Не успел стихнуть шум его шагов, как монахи вскочили на лошадей и умчались, ни разу не оглянувшись.

– Здорово же Робин сумел переодеться, раз монахи его не узнали, – заметил Мач.

– Робин вообще в лом очень ловок, а впрочем, вы сами могли в этом убедиться, когда он переоделся старухой. Я могу порассказать вам о сотне его проделок, когда он так переоделся, что его до самого конца не узнавали; вот, к примеру, с шерифом Ноттингема он сыграл прекрасную шутку.

– Да, шутка была превосходная, – подтвердил Мач, – и о ней долго говорили, и все смеялись над шерифом и восхищались Робинсом.

– А что это за история? – спросил Уильям. – Я никогда о ней ничего не слышал.

– Как? Вы не знаете о том, как Робин переоделся мясником?

– Нет, расскажите-ка, Маленький Джон.

– Охотно. Года четыре тому назад в графстве Ноттингем стал остро ощущаться недостаток мяса; мясники так подняли на него цены, что только богатым оно было по карману. Робин Гуд, которому все новости всегда становятся сразу известны, узнал об этом и решил помочь несчастным и страждущим. Однажды в базарный день он устроил засаду на дороге, по которой через Шервудский лес гнал скот один скототорговец, поставлявший его более чем кто-либо еще в город Ноттингем. Вскоре торговец появился; он восседал на чистокровной лошади и гнал перед собой огромное стадо крупного рогатого скота. Робин купил у него все: стадо, кобылу, одежду и его молчание в придачу, а в обеспечение последней из этих сделок поручил его нашим заботам, пока он сам не вернется в лес.

Робин собирался продать мясо очень дешево, но ему подумалось, что если он не заручится чьим-нибудь покровительством, например шерифа, то мясники могут сговориться и свести на нет все его добрые намерения по отношению к бедным.

Шериф держал большой постоялый двор, где останавливались все торговцы округи, когда они наезжали в Ноттингем. Робин это знал и, чтобы избежать столкновения с собратьями по ремеслу, отвел свое стадо на рыночную площадь, выбрал самого жирного бычка и повел на посто-

ялый двор шерифа.

Тот как раз стоял на пороге, и бычок, которого привел Робин, ему чрезвычайно понравился. Наш друг, в восторге от этого пусть и небескорыстного приема, сказал шерифу, что у него лучшее стадо из всех, какие сюда пригнали, и что он будет счастлив, если шериф согласится принять от него в подарок этого бычка.

Шериф для виду запротестовал против такого щедрого дара.

«Сэр шериф, – сказал тогда Робин, – я незнаком со здешними обычаями, не знаю своих со-братьев по ремеслу и боюсь, что они станут искать повод для ссоры со мной. Так что прошу вас оказать мне покровительство, а я уж в долгу перед вами не останусь».

Шериф тут же поклялся (в эту минуту его признательность соответствовала упитанности бычка), что повесит наглеца, который осмелится побеспокоить нашего друга, и добавил, что Робин – любезный малый и к тому же самый красивый из всех, кто когда-либо торговал мясом.

Успокоившись на этот счет, Робин вернулся на рыночную площадь. Когда торговля началась, целая толпа бедняков стала прицениваться к мясу, но, к несчастью для их тощих кошельков, цена по-прежнему держалась очень высоко.

Когда Робин увидел, что цены установились, он стал продавать на один пенс столько, за сколько другие просили по три.

Весть об этой удивительной дешевизне мгновенно облетела весь город, и со всех сторон понабежали бедняки. И Робин на пенс давал им столько мяса, сколько другие торговцы на пять. Скоро весь рынок загудел, что Робин продает только беднякам. Все о нем говорили только хорошее, а его собратья по ремеслу, отнюдь не склонные следовать его примеру, решили, что он мот, который в приступе безумной щедрости расточает свое состояние. Утвердившись в этом мнении, мясники стали посылать к нему людей, которым сами они ничего не хотели продавать.

К середине дня торговцы скотом собрались и дружно решили, что с новеньким следует завязать знакомство. Один из них подошел к Робину и сказал:

«Дорогой друг и брат, ваше поведение нам кажется странным, потому как, не в обиду вам будет сказано, нашей торговле оно сильно вредит. Но, раз намерения у вас прекрасные, нам остается только поздравить вас с вашим редким великодушием и рукоплескать ему. Мои товарищи, придя в восторг от вашей сердечной доброты, просят вас принять их восхищение и предлагают отобедать с нами».

«От всего сердца принимаю ваше приглашение, – весело ответил Робин, – и готов следовать за вами, куда вам угодно».

«Обычно мы собираемся на постоялом дворе шерифа, – ответил мясник, – и если вы ничего не имеете против...»

«Да что вы?! – прервал его Робин. – Напротив, счастлив буду побывать у человека, которого вы почтили своим доверием».

«Ну, если так, сударь, мы весело проведем вечер».

– Так вы были вместе с Робинем? – спросил Мач, удивленный тем, что рассказчику известны такие подробности.

– Ну, само собой разумеется, неужели вы думаете, что я позволил бы Робину пойти туда одному, без защиты, раз существовала опасность быть узнанным? Он приказал мне держаться в стороне, но я не считал нужным слушаться его и все время был рядом. Он вдруг заметил, что я тут, схватил меня за руку и стал сердито упрекать за неповиновение. Я вполголоса объяснил ему, какие причины заставили меня нарушить его приказ. Он тут же успокоился и, поглядев на меня со своей обычной доброй улыбкой, сказал: «Смешайся с толпой, Джон, и, следя за моей безопасностью, не забывай о своей. Если с тобой случится несчастье, я себе никогда не прощу». Я повиновался и растворился в толпе. Когда Робин в сопровождении развеселившихся мясников направился к постоялому двору шерифа, я пошел за ним и уселся в обеденном зале.

Заказав себе хороший обед, я занял место в проеме окна.

Робин был в тот день очень весел, он уселся за стол со своими новыми знакомыми и в конце обеда приказал подать всем лучшего вина, какое было в погребе, добавив, что платить будет он. Как вы сами понимаете, щедрое предложение Робина было встречено с восторгом; вино по-

дали всем в зале, и мне досталось тоже.

Когда веселье гостей стало всеобщим, на пороге зала появился шериф.

Робин пригласил его к столу. Тот принял предложение и, поскольку Робин по праву казался ему героем праздника, решил о нем поговорить.

«Хитрый малый! – воскликнул один из мясников. – Тонкая бестия, редкого ума, но парень добрый!»

И тут шериф заметил меня. Я не был пьян, и спокойствие на моем лице внушило ему желание порасспросить меня.

«Должно быть, этот молодой человек, – сказал он, показывая глазами на Робина, – большой мот; он, наверное, продал земли, дом или замок и теперь без толку тратит деньги».

«Возможно», – равнодушно ответил я.

«А может, у него еще кое-что осталось?» – снова принялся за расспросы шериф.

«Наверное, сударь».

«Как вы думаете, не расположен ли он продать задешево скот, который у него остался?»

«Я не знаю, но есть очень простой способ это узнать».

«Какой?» – с глупым видом спросил шериф.

«Черт возьми! Да спросить у него».

«Вы правы, сэр незнакомец».

Сказав это, шериф подошел к Робину и в пышных выражениях стал превозносить его щедрость, а потом похвалил его за то, что он нашел такое достойное применение своему состоянию. «Нет ли у вас, мой юный друг, – добавил шериф, – еще какого-нибудь скота на продажу? Я бы нашел вам покупателя и, оказывая вам эту услугу, я все же позволю себе сказать, что человек вашего состояния и вашей внешности не может, не унизив своего достоинства, сделаться ското-торговцем».

Робин прекрасно понял, что крылось за этими тонкими рассуждениями, он рассмеялся и ответил услужливому шерифу, что у него еще около тысячи голов крупного рогатого скота и он охотно избавился бы от него за пятьсот золотых.

«Я могу вам предложить триста», – сказал шериф.

«По той цене, по которой идет скот, я могу его продать по два золотых за голову», – возразил Робин.

«Если вы мне согласитесь продать оптом все стадо, я вам дам триста золотых и замечу, что для вас лучше иметь три сотни монет в кошельке, чем тысячу голов скота на пастбище. Ну, решайтесь же, продаете за триста?»

«Это очень мало», – ответил Робин, украдкой поглядывая на меня.

«Такой широкий человек, как вы, милорд, – настаивал шериф, решивший прибегнуть к лести, – не станет торговаться из-за нескольких монет. Ну, сторговались?! По рукам! Где скот? Я хотел бы посмотреть все стадо».

«Все стадо?!» – переспросил Робин и засмеялся, потому что в голову ему пришла занятная мысль.

«Конечно, мой друг, и если место, где находится ваш великолепный скот, отсюда недалеко, мы можем поехать туда верхом и заключить сделку на месте. Я возьму с собой деньги, и, если вы будете благоразумны, мы покончим с этим делом еще до возвращения в Ноттингем».

«Примерно в миле от города у меня есть несколько акров земли, и мой скот сейчас там, в загоне, – ответил Робин, – и вы можете без труда его посмотреть».

«В миле от Ноттингема, – переспросил шериф, – несколько акров? Я знаю окрестности, но и представить себе не могу, где ваше имение».

«Тише, – прошептал Робин, наклоняясь к шерифу, – я хочу, по очень важным причинам, чтобы мое имя и звание остались неизвестными. Одно слово о том, где находится мой скот, и мое имя будет раскрыто, а от этого пострадают мои интересы. Вы понимаете меня?»

«Прекрасно понимаю, мой юный друг, – ответил шериф, хитро подмигивая Робину, – друзей следует бояться, родным – не доверять; понимаю, понимаю».

«У вас очень проницательный ум, – продолжал Робин с таинственным видом, – и я начи-

наю думать, что мы отлично поладим. Ну, что же? Если хотите, мы воспользуемся тем, что мясники не обращают на нас никакого внимания и потихоньку ускользнем. Вы готовы идти за мной?»

«Ну, конечно! Пойду распоряжусь, чтобы поскорее оседлали лошадей, и буду ждать вас».

«Идите, я сейчас присоединюсь к вам».

Шериф вышел из зала, а я по приказу Робина нашел наших людей, которых спрятал на всякий случай на таком расстоянии, чтобы они могли слышать звук рога, и объявил им, что нас собирается навестить шериф.

Через несколько минут после того как я ушел, шериф пригласил Робина подняться в его личные покои, представил своей жене, прелестной юной женщине лет двадцати, предложил ему присесть и сказал, что пойдет отсчитает деньги.

Когда шериф вернулся в комнату, где Робин оставался наедине с его женой, он нашел молодого человека у ее ног.

Это зрелище разгневало подозрительного супруга, но надежда обмануть Робина на сделке заставила его сдержаться. Он закусил губу и сказал Робину:

«Я готов следовать за вами, сударь».

Робин послал красивой даме воздушный поцелуй и, к полной ярости ревнивого мужа, пообещал ей скоро вернуться.

Вскоре шериф с Робинем уже выезжали верхом из ворот Ноттингема.

Самыми глухими тропками они добрались до развилки в лесу, где мы должны были их ждать.

«Вот, – сказал Робин, протягивая руку в сторону одной из прекрасных долин старого Шервудского леса, – одна часть моих земель».

«То, что вы говорите, нелепо и лживо, – ответил шериф, решивший, что его разыгрывают. – Этот лес и все, что в нем, – собственность короля».

«Возможно, – ответил Робин, – но раз я этим завладел, то оно мое».

«Как ваше?»

«Конечно, мое, а как – вы скоро узнаете».

«Мы с вами сейчас в безлюдном и небезопасном месте, – продолжал шериф, – лес кишит разбойниками, упаси Господь попасться в руки презренного Робин Гуда! Если с нами произойдет такое несчастье, мы с вами быстро лишимся всего, что у нас есть».

«Посмотрим, что он сделает, – со смехом сказал Робин Гуд, – готов биться об заклад на что угодно, что мы сейчас с ним встретимся лицом к лицу».

Шериф страшно побледнел и стал испуганно озиаться по сторонам.

«Было бы лучше, если бы наши владения находились в менее опасном месте, – сказал он, – если бы вы меня предупредили, где они, я бы, уж конечно, сюда не поехал».

«Я утверждаю, мой дорогой господин, – прервал его Робин, – что мы с вами находимся на моих землях».

«Что вы хотите сказать? О каких землях вы говорите?» – с беспокойством спросил шериф.

«Мне кажется, – ответил Робин, – что слова мои совершенно ясны. Я показал вам на эти поляны, долины, развилки и сказал: „Вот мое имение“. Ведь говорите же вы о своей жене: „Это моя жена“?»

«Да, да, конечно, – пробормотал шериф. – Но прошу вас, скажите, как вас зовут? Мне не терпится узнать имя такого богатого землевладельца».

«Я скоро удовлетворю ваше законное любопытство, – смеясь, ответил Робин Гуд. (В эту минуту тропинку пересекло большое стадо оленей.) – Глядите скорее, сударь, вправо глядите: вот сотня голов из моего стада, откормленные и приятные видом твари, что вы на это скажете?»

Шериф трясся всем телом.

«Уж лучше бы мне сюда не приезжать», – произнес он, тревожно вглядываясь в чащу.

«Почему же? – спросил Робин. – Старый Шервудский лес – одно из прекраснейших мест на земле, уверяю вас. Да и чего вам бояться? Разве я не с вами?»

«Вот это-то меня как раз и тревожит, сэр незнакомец, уже несколько минут как ваше обще-

ство мне крайне неприятно».

«К счастью для меня, немного людей придерживаются вашего мнения, сэр шериф, – смеясь, ответил Робин, – но раз уж вы, к великому моему огорчению, относитесь к их числу, то нам лучше нарушить наше уединение».

Сказав это, Робин насмешливо поклонился своему спутнику и поднес к губам свой рог.

(Я забыл вам сказать, дорогие друзья, что мы шли за ними по пятам и явились по первому же зову.) Шериф от страха чуть не свалился с лошади.

«Что вам угодно, мой благородный хозяин? – спросил я у Робина. – Соболаговолите, прошу вас, отдать приказ, и он будет тотчас же исполнен».

– А вы всегда так говорите с Робинем, Маленький-; Джон? – поинтересовался Красный Уилл.

– Да, Уилл, ибо таков мой долг и мое желание, – добродушно ответил молодой человек.

«Я привез сюда могущественного ноттингемского шерифа, – ответил Робин, – и его светлость желает посмотреть мой скот и отужинать со мной. Проследите, прошу вас, чтобы с нашим гостем обошлись со всем возможным почтением и оказали ему все знаки уважения, приличествующие его должности».

«Ему подадут самые изысканные блюда, – ответил я, – потому что он, я уверен, щедро заплатит за ужин».

«Заплачу?! – воскликнул шериф. – Что вы под этим подразумеваете?»

«Все объяснится в свое время, сударь, – ответил Робин, – а теперь позвольте мне ответить на вопрос, который вы оказали честь мне задать, когда мы въезжали в лес».

«Какой вопрос?» – прошептал шериф.

«Вы спросили у меня мое имя».

«Увы!» – простонал хозяин постоялого двора.

«Меня зовут Робин Гуд, сударь».

«Я сам это вижу», – сказал шериф, обводя глазами отряд лесных братьев.

«Что же до оплаты, то мы имеем в виду нот что: бедных мы кормим бесплатно, но тех, у кого кошелек туго набит, мы заставляем возместить наши расходы».

«И каковы же ваши условия?» – жалобным голосом спросил шериф.

«У нас нет условий, и цен мы не назначаем, а просто забираем у нашего гостя все деньги, которые находим при нем. Так, например, в вашем кармане сейчас триста золотых».

«О Боже! Боже!» – простонал шериф.

«Значит, ваши расходы и составят триста золотых».

«Триста золотых!?»

«Да, и я предлагаю вам съесть сколько сможете, и выпить сколько выдержите, чтобы отдать эти деньги не даром».

Прямо на траве был накрыт прекрасный ужин. Шериф не был голоден и ел мало, но зато выпил много. Мы решили, что эта неумеренная жажда вызвана отчаянием.

Он нам отдал триста золотых и, как только последняя монета исчезла в моем кошельке, заторопился покинуть нас. Робин приказал привести его лошадь, помог ему сесть в седло, пожелал доброго пути и настойчиво просил передать привет его очаровательной супруге.

Шериф ничего не ответил на эти любезные слова; он так спешил выбраться из лесу, что пустил лошадь галопом и исчез, не сказав ни единого слова.

Так и кончилось приключение Робин Гуда с ноттингемскими мясниками.

– Хотел бы я, – сказал Красный Уилл, – хоть раз попробовать кем-нибудь переодеться. А вы пробовали, Маленький Джон?

– Да, по приказу Робина.

– Ну, и как вы с этим справились? – спросил Уилл.

– В том случае, о котором идет речь, довольно хорошо, – ответил Джон.

– А о каком случае вы говорите? – спросил Мач.

– Вот о каком. Однажды утром Робин Гуд собрался навестить Хэлберта Линдсея и его прелестную женушку, но тут я ему напомнил, что для него опасно открыто появляться в городе. По-

сле той истории с мнимой продажей скота шерифу мы опасались мести с его стороны. Робин Гуд только посмеялся над моими опасениями и ответил, что для большей безопасности он переоденется норманном. С этой целью он надел великолепное рыцарское платье, зашел к Хэлберту, а от него отправился на постоянный двор шерифа. Там он потратил кучу денег, сделал множество комплиментов жене хозяина по поводу ее изящества и красоты, побеседовал с шерифом, который был к нему в высшей степени предупредителен, а за несколько минут до ухода отвел его в сторону и сказал, смеясь:

«Тысячу раз благодарю вас, любезный хозяин, за радушный прием, который вы оказали Робин Гуду».

И не успел шериф очнуться от оцепенения, в которое его повергли слова Робина, как тот уже исчез.

– Прекрасно! – воскликнул Уильям. – Но это доказывает еще раз ловкость Робина, и совершенно ничего не говорит о том, кем переоделись вы, Маленький Джон.

– Я переоделся нищим.

– Но при каких обстоятельствах?

– Я же вам сказал, что я выполнял приказ Робина. Он хотел проверить мою ловкость, узнать, смогу ли я в этом хоть как-то сравниться с ним. Право выбора оставалось за мной, и, поскольку я узнал о смерти одного богатого норманна, чьи владения были расположены по соседству с Ноттингемом, я решил смешаться с толпой нищих, сопровождавших похоронную процессию. На голову я надел старую шляпу, обшитую ракушками, взял в руки большую палку, оделся как пилигрим и прихватил с собой мешок для съестного и маленький кошелек, предназначенный для денежного подаяния. Одежда моя имела такой жалкий вид и я так походил на нищего, что даже наши веселые братья чуть не подали мне милостыню.

Приблизительно в миле от нашего убежища я встретил несколько нищих: они, как и я, направлялись к замку покойного. Один из этих проходивцев казался слепым, другой ужасно хромотал, а еще двое были просто одеты в страшные лохмотья.

«Вот молодцы, – сказал я себе, поглядывая на них краешком глаза, – с которых я должен брать пример; сейчас я присоединюсь к ним и попробую у них кое-чему поучиться».

«Здравствуйте, братья мои, – любезно произнес я, – счастлив, что случай свел нас. По какой дороге вы идете?»

«По большой», – сухо ответил парень, к которому я обратился.

Остальные смерили меня взглядом с головы до ног, и на лицах их появилось выражение боязливого удивления.

«Этого парня можно принять за одну из башен Линтонского аббатства», – сказал, попятившись, один из них.

«Ну, во всяком случае, меня безошибочно можно принять за человека, который ничего не боится», – с угрозой ответил я.

«Ну-ну, мир!» – проворчал один нищий.

«Согласен, мир, – ответил я, – но что такого привлекательного ждет нас в конце дороги, раз туда отовсюду стекается святая братия оборванцев? Почему так скорбно звонят колокола Линтонского аббатства?»

«Потому что умер один норманн».

«Так вы идете на его похороны?»

«Мы хотим получить свою долю милостыни, которую раздают на похоронах таким бедолагам, как мы. Вы вольны идти с нами».

«Я это прекрасно знаю и не собираюсь благодарить вас за разрешение», – насмешливо ответил я.

«Слушай ты, длинная ручка от грязной метлы! – закричал самый крепкий из этих парней. – Раз дело обстоит так, мы не хотим больше терпеть в своем обществе такого дурака. На вид ты настоящий негодяй, и твое присутствие нам противно. Убирайся, а на прощание я тебя поглажу по голове».

И с этими словами нищий изо всех сил ударил меня по макушке.

Такое неожиданное нападение привело меня в ярость, – продолжал Маленький Джон. – Я прыгнул на негодея и осыпал его ударами.

Этот жалкий трус защищаться не мог и запросил пощады.

«Ну, теперь ваша очередь, грязные собаки!» – закричал я, потрясая палкой перед носом остальных. Как бы вы смеялись, если бы увидели, что слепой внезапно прозрел и с ужасом следил за моими действиями, а хромой со всех ног кинулся бежать к лесу! Я приказал этим крикунам замолчать, потому что они совсем оглушили меня своими воплями, и хорошенько прогулялся палкой по их широким плечам. У одного из них от моих ударов лопнул мешок, и из него выпали несколько золотых; их владелец тут же рухнул на колени, стараясь телом прикрыть от меня свое сокровище.

«О-о! Это меняет дело, – воскликнул я, – вы оказывается, не жалкие нищие, а просто-напросто воры! Сейчас же отдайте мне все деньги, что у вас есть, до последнего гроша, иначе я вас в крошево превращу!»

Эти трусы снова запросили пощады, и, поскольку у меня руки устали их бить, я проявил великодушие.

Когда я расстался с этими нищими, набив карманы тем, что удалось у них отобрать, бедолаги едва могли держаться на ногах.

В восторге от своих подвигов, поскольку отнять награбленное – значит восстановить справедливость, я быстро вернулся в лес тем же путем, что пришел.

Робин Гуд в окружении лесных братьев упражнялся в стрельбе из лука.

«Что случилось, Маленький Джон? – спросил он, увидев меня. – У вас не достало мужества до конца сыграть роль нищего?»

«Простите, дорогой Робин, но я выполнил свой долг и собрал немало. Я принес шестьсот золотых».

«Шестьсот золотых?! – удивился он. – Вы что, отобрали их у какого-нибудь князя Церкви?»

«Нет, атаман, эти деньги я отобрал у людей из нищей братии».

Робин Гуд помрачнел.

«Объяснитесь, Джон, – сказал он мне, – я не могу поверить, что вы обокрали бедняков».

Я рассказал Робину о своих приключениях и заметил, что нищие, чьи мешки набиты золотом, не могут быть никем, кроме профессиональных воров.

Робин согласился со мной, и на лице его снова появилась улыбка.

– День был удачным, – со смехом сказал Мач, – один раз забросили сеть, и сразу шестьсот золотых!

– В тот же вечер, – добавил Джон, – я половину этих денег раздал окрестным беднякам.

– Вы молодец, Джон! – сказал Уилл, пожимая ему руку.

– Вы хотите сказать: «Какой великодушный человек Робин», потому что, поступив так, я всего лишь выполнил его волю.

– Вот мы и в Барнсдейле, – сказал Мач, – и путь мне не показался длинным.

– Я скажу это моей сестре, – смеясь, пообещал Уилл.

– А я добавлю, – сказал Мач, – что ни на одну минуту не переставал думать о ней.

VII

Вот уже целых семь дней Уильям, Мач и Маленький Джон жили в замке Барнсдейл, и счастливое семейство готовилось пышно отпраздновать замужества Уинифред и Барбары. Под руководством Красного Уилла парк и сады замка были превращены в бальные залы; этот славный малый хотел, чтобы на празднике было хорошо всем и каждому в отдельности. Он, казалось, не ведал усталости, ко всему прикладывал руку, заботился обо всем и наполнял весь дом весельем и радостью.

Он работал, не переставая болтать и смеяться, и при этом успевал переговариваться с Робинем и поддразнивать Мача. Вдруг ему взбрела в голову одна сумасшедшая мысль, и он расхо-

хотался во все горло.

– Что с вами, Уильям? – спросил Робин.

– Дорогой друг, предоставляю вам самому догадаться о причинах моего веселья, – ответил Уильям, – и готов спорить, что вам это не удастся.

– Должно быть, это что-то уж очень забавное, раз вы сами смеетесь.

– И вправду, это забавно. Вы ведь знаете моих братьев, всех шестерых? Да они все будто на один лад вылеплены: золотоволосые, характером мягки и спокойны, а сердцем храбры и честны.

– Ну и что из всего этого следует, Уильям?

– А вот что: эти славные парни не знают любви.

– Ну, и что же? – улыбаясь, спросил Робин.

– А то, – продолжал Красный Уилл, – что мне пришла в голову мысль, которая нас очень развлечет.

– Какая мысль?

– Как вам известно, я пользуюсь большим влиянием на братьев: вот я сегодня же и постараюсь их убедить, что все они должны жениться.

Робин расхохотался.

– Я сейчас соберу их тут в уголочке, – продолжал Уильям, – и вобью им в голову фантазию жениться в тот же день, что Мач и Маленький Джон.

– Ну, это просто невозможно, дорогой Уилл, – возразил Робин, – ваши братья уж слишком смирны и спокойны по природе своей, чтобы ваши слова их воспламенили. А к тому же, насколько я знаю, они ни в кого не влюблены.

– Тем лучше, значит, им придется ухаживать за подружками моих сестер, и это будет прелестное зрелище. Вы только представьте себе лицо Грегори, этого размеренного доброго увальня, Грегори, который старается очаровать женщину. Пойдемте со мной, Робин, не будем терять время, мы ведь можем дать им всего три дня на выбор невесты. Сейчас я позову братьев и с самым серьезным видом произнесу перед ними отеческое наставление.

– Женильба – дело серьезное, Уилл, и не надо относиться к этому легкомысленно. Если вы преуспеете и благодаря вашему красноречию они согласятся жениться, а потом окажется, что из-за необдуманного выбора они будут несчастны всю свою жизнь, вам же самому придется горько пожалеть о своем участии в этом деле.

– Будьте спокойны на этот счет, Робин. Я сумею найти своим братьям девушек, которые достойны их любви сейчас и будут достойны ее в будущем. Для начала я знаю одну весьма миленькую особу, которая страстно любит моего брата Герберта.

– Этого еще недостаточно, Уилл. А эта особа достойна стать сестрой Уинифред и Барбары?

– Без сомнения, и более того, я уверен, что она будет прекрасной женой.

– А Герберт уже видел эту барышню?

– Конечно, видел, но бедный мальчик так наивен, что не может даже представить себя предметом чьей-либо любви. Я много раз пытался объяснить ему, что в доме мисс Энн Мейдоу он всегда желанный гость. Напрасный труд! Герберт меня просто не понимал: он совсем ребенок, хотя ему уже двадцать девять лет! Теперь, когда с этим все ясно, перейдем к другому. Я подружился с очаровательной девушкой, которая во всех отношениях подойдет Эгберту, кроме того, вчера Мод говорила мне, что тут одна девушка, живущая по-соседству, находит Харолда очень красивым парнем. Таким образом, вы сами видите, Робин: часть того, что нам нужно для осуществления моих планов, мы уже имеем.

– К несчастью, этого мало, Уилл, вам же нужно женить шестерых.

– Не беспокойтесь, я поищу и найду еще трех девиц.

– Прекрасно! Но, если вы их найдете, будет ли у вас уверенность, что ваши братья им подойдут?

– Будет: братья мои молоды, сильны, лицом приятны – в общем, внешне похожи на меня, – сказал Уилл с некоторым оттенком самодовольства, – и если они не так привлекательны, как вы, Робин, и у них не такой уж веселый и любезный нрав, то, во всяком случае, в них нет ничего та-

кого, что могло бы отвратить благоразумную и воспитанную девушку, которая хочет найти себе хорошего мужа. А вот и Герберт, – добавил Уилл, увидев брата, идущего по аллее сада, – сейчас я его позову. Герберт, подойди ко мне, мой мальчик!

– Что тебе надо, Уилл? – спросил, подходя, молодой человек.

– Желаю побеседовать с тобой, друг мой.

– Слушаю тебя, Уилл.

– То, что я собираюсь тебе сказать, касается и братьев, сходи за ними.

– Бегу, Уилл.

Герберта не было несколько минут. Все это время Уилл о чем-то размышлял.

Молодые люди явились на его зов оживленные и улыбающиеся.

– Вот и мы, Уилл, – радостно доложил старший, – что заставило тебя собрать нас всех вместе?

– Очень важное дело, милые братья. Можно я сначала задам вам один вопрос?

Молодые люди утвердительно кивнули.

– Вы ведь нежно любите нашего отца, правда?

– А кто осмелится в этом усомниться? – спросил Грегори.

– Никто, я просто так спросил для начала. Итак, вы нежно любите отца и считаете, что этот достойный старик всегда вел себя как человек чести, как истинный сакс?

– Конечно, – воскликнул Эгберт, – но скажите, ради Бога, Уилл, что значат ваши слова? Кто-нибудь оклеветал нашего отца? Назовите мне имя этого презренного человека, и я берусь отомстить за честь Гэмвеллов.

– Честь Гэмвеллов неприкосновенна, дорогие братья, и если бы кто-либо посмел запятнать ее ложью, он бы уже смыл это оскорбление кровью. Я хочу поговорить с вами кое о чем менее важном, но все же очень серьезном, только не надо меня перебивать, а то я и до вечера не успею закончить свою речь. Выражайте свое одобрение или неодобрение кивая или отрицательно качая головой; итак, внимание, я начинаю сначала. Поведение нашего отца, человека чести, должно служить нам образцом.

– Да, – дружно закивали в знак согласия шесть белокурых голов.

– И наша мать, – продолжал Уилл, – шла тем же путем: ее жизнь была образцом для добродетельных женщин, верных долгу.

– Да, да.

– Наш отец и наша нежная мать всегда любили друг друга, они прожили вместе всю жизнь и были счастливы друг с другом. Если бы наш отец не женился, не было бы нас и, следовательно, мы бы не познали счастья жить. Вам все ясно?

– Да, да.

– Так вот, мои мальчики, мы должны быть признательны отцу и матери за то, что они поженились, родили нас на свет, дали нам жизнь.

– Да, да.

– Как же тогда вышло, что созерцание картины столь великого счастья не открыло вам глаза? Почему вы проявили неблагодарность Провидению? Отчего не дали нашим родителям свидетельства уважения, нежности и признательности?

Молодые слушатели Уилла широко открыли от изумления глаза, ничего не поняв в словах брата.

– Что ты хочешь сказать, Уильям? – спросил Грегори.

– А то, господа, что по примеру отца вы должны жениться, и этот поступок докажет ваше восхищение отцом, ведь он тоже женился.

– Боже мой! – с недовольным видом воскликнули молодые люди.

– Брак – это счастье, – продолжал Уилл, – сами подумайте, как вы будете счастливы, если на вашей руке, как цветок на ветке, повиснет прелестное создание, что будет вас любить, думать о вас, чьей радостью вы будете. Поглядите вокруг себя, и вы увидите, сколь сладостны плоды брака. Во-первых, Мод и я, которым, я уверен, вы завидуете, когда мы играем с нашим малышом. Во-вторых, Робин и Марианна. Подумайте о Маленьком Джоне и последуйте примеру это-

го достойного человека. Нужны вам еще доказательства того, что Небо посылает счастье молодым супругам? Сходите в гости к Хэлберту Линдсею и его красотке Грейс; спуститесь в долину Мансфилд и навестите Аллана Клера и леди Кристабель. Вы страшные эгоисты, раз вам ни разу не пришла в голову мысль, что в вашей власти сделать женщину счастливой. И не качайте головами, все равно вам никого не удастся убедить, что вы добрые и щедрые парни. Я краснею за вас, ибо у вас черствые сердца и мне горько слышать, как кругом говорят: «Сыновья у старого баронета – люди недобрые». Я решил положить этому конец и прошу считать мои слова предупреждением о моем намерении вас женить.

– Да ну?! – воскликнул Руперт, и в голосе его прозвучала непокорность. – А я вовсе не хочу иметь жену. Может быть, женитьба и приятна, но сейчас меня это мало интересует.

– Ты не хочешь иметь жену? – переспросил Уильям. – Возможно, но ты женишься, потому что я знаю одну девушку, которая тебя заставит отказаться от этого решения.

Руперт отрицательно покачал головой.

– Мы ведь здесь все свои, скажи мне правду: ты какую-нибудь женщину любишь больше, чем других?

– Да, – серьезно ответил Руперт.

– Bravo! – воскликнул Уилл, не ожидавший такого признания, потому что Руперт обычно общества юных девиц избегал. – Так кто она? Скажи нам ее имя.

– Моя мать, – наивно ответил юноша.

– Мать?! – переспросил Уильям, и в голосе его прозвучала легкая насмешка. – Ну, тут для меня нет ничего нового. Я давно знаю, что ты любишь, уважаешь и почитаешь нашу мать. Но я-то тебе говорю не о любви детей к родителям, я говорю тебе совсем о другой любви. Это такое чувство... такая нежность... ну, в общем, это такое ощущение, что, когда ты видишь любимую, у тебя сердце трепещет в груди. Можно одновременно обожать мать и лелеять прелестную девушку, одно другому не мешает.

– Я тоже не хочу жениться! – заявил Грегори.

– А ты думаешь, ты волен поступать как тебе вздумается? – спросил Уилл. – Сейчас ты увидишь, что ошибаешься. Ну, скажи, ты можешь мне объяснить, почему ты отказываешься жениться?

– Нет, – с опаской прошептал Грегори.

– Ты что, хочешь жить только для себя? Грегори молчал.

– Может, ты посмеешь сказать, – воскликнул Уилл, изображая возмущение, – что разделяешь мнение негодяев, презирающих женское общество?

– Я этого не говорю и вовсе так не думаю, но...

– Нет таких «но», которые бы устояли против тех доводов, что я вам привел. Итак, мальчики, готовьтесь к семейной жизни, потому что ваши свадьбы мы отпразднуем вместе со свадьбами Уинифред и Барбары.

– Ты что, – закричал Эгберт, – это же через три дня! Ты с ума сошел, Уилл, мы и невест себе найти не успеем!

– Доверьтесь мне, я справлюсь с этим даже лучше, чем это сделали бы вы со своей природной скромностью.

– Ну а я все же решительно не хочу расставаться со своей свободой, – сказал Грегори.

– Я не думал, что сын моей матери может быть таким эгоистом! – оскорбленным тоном заявил Уилл.

Бедняга Грегори покраснел.

– Да ладно, Грегори, – вмешался Руперт, – пусть Уилл поступает как считает нужным, ведь, в конце концов, он желает нам всем счастья и, если он уж будет так добр, что найдет мне невесту, я на ней женюсь. Да ведь ты и сам знаешь, брат, сопротивляться бесполезно. Уильям всегда вертел нами как хотел.

– Ну, раз уж Уильяму хочется непременно нас женить, – сказал Стивен, – я могу с равным успехом обвенчаться через три дня, как и через три месяца.

– И я того же мнения, – робко вставил Харолд.

– Что же, уступаю силе, – заключил Грегори, – Уилл – сущий дьявол, все равно рано или поздно, а в свои сети он меня поймает.

– Ты сам же поблагодаришь меня за то, что я тебя убедил, и твое счастье будет мне наградой.

– Я женюсь, чтобы сделать тебе одолжение, Уилл, – добавил Грегори, – и надеюсь, что ты, чтобы сделать мне одолжение, найдешь для меня красивую девушку.

– Я всех вас представлю юным и очаровательным девицам, и, если они вам не понравятся, можете всем рассказать, что Красный Уилл ничего не понимает в женской красоте.

– Для меня стараться не нужно, – сказал Герберт, – я жену себе уже нашел.

– А-а! – со смехом воскликнул Уилл. – Вы увидите, Робин, что ребята уже обеспечили себя, и их отвращение к женитьбе просто игра. Ну и как же зовут твою возлюбленную Герберт?

– Энн Мейдоу. Мы с ней условились, что обвенчаемся в тот же день, когда и мои сестры.

– Ах ты хитрец! – сказал Уилл, хлопая брата по плечу. – Мы же позавчера с тобой о ней говорили, и ты мне ничего не сказал.

– Моя дорогая Энн только сегодня ответила мне согласием.

– Хорошо, но, когда я намекал на то, что она тебя любит, ты мне ничего не ответил.

– А мне нечего тебе было ответить. Ты говорил: «Мисс Энн красавица, и нрав у нее очень приятный, из нее получится прекрасная жена». Но я и сам все это давно знаю, ты мне ничего нового не сообщил. Ты еще добавил: «Мисс Энн тебя очень любит». Я тоже так думал, а раз мы оба это знали, мне тебе нечего было сказать.

– Прекрасный ответ, мой скромный Герберт, но остальные молчат, и, видно, ты один стоишь моего уважения.

– Я тоже решил жениться, – сообщил Харолд, – мне это желание внушила Мод.

– А жену тебе тоже Мод выбрала? – со смехом спросил Уилл.

– Да, брат; Мод мне сказала, что жить с такой очаровательной женщиной одно удовольствие, и я с ней согласился.

– Ура! – в восторге закричал Уильям. – Дорогие братья, а вы согласны добровольно и от всего сердца венчаться в один день с Уинифред и Барбарой?

– Согласны, – решительно ответили два голоса.

– Согласны, – еле слышно ответили остальные четверо, не имевшие никого на примете.

– Да здравствует женитьба! – воскликнул Уилл и подбросил шляпу в воздух.

– Да здравствует! – дружно грянули шесть мощных глоток.

– Уилл, – сказал Эгберт, – давай подумаем о невестах. Нужно нас поскорее им представить, они ведь, наверное, захотят поговорить с нами до свадьбы?

– Возможно. Идемте со мной; для Эгберта у меня есть прелестная девушка, и, думаю, что знаю трех девушек, которые совершенно подойдут Грегори, Руперту и Стивену.

– Добрый Уилл, – сказал Руперт, – я хочу, чтобы это была худенькая блондинка, я не желаю жениться на толстушке.

– Твои романтические вкусы мне известны, и я их учту. Твоя невеста будет тонка, как тростинка, и хороша, как ангел. Пойдемте, мальчики, я вас всех сейчас представлю девушкам, вы за ними поухаживаете, а если вы не знаете, что нужно, чтобы понравиться женщине, я вам дам совет или, еще лучше, объяснюсь с вашей милой сам.

– Жаль, что ты и жениться на них не можешь, Уилл, дело бы пошло куда скорее.

Уильям погрозил брату, взял Грегори под руку, и вышел из Барнсдейла во главе отряда женихов.

Вскоре братья пришли в деревню; там Герберт от них отделился и отправился к своей милой; Харолд тоже исчез через несколько минут, а Уилл с остальными двинулся к дому девушки, которую он выбрал для Эгберта.

Дверь им открыла сама мисс Люси. Она была прелестна; кожа у нее была розовая, глаза лукавые и черные, улыбка добрая, а улыбалась она всегда.

Уилл представил мисс Люси своего брата и стал расхваливать Эгберта; он говорил так красноречиво и убедительно, что девушка с согласия матери дала понять Уиллу, что его желание

будет исполнено.

Уильям, очарованный благожелательством мисс Люси, оставил Эгберта с ней наедине продолжать так интересно начатую беседу, а сам с братьями пошел дальше.

Не успели молодые люди выйти из дому, как Стивен сказал Уиллу:

– Хотел бы я уметь говорить так остроумно, весело и любезно, как ты!

– Друг милый, нет ничего проще быть любезным с женщиной, слова сами по себе мало значат, да и придумывать ничего не надо; говори только правду и по-доброму.

– А девушка, которую ты мне подобрал, хорошенькая?

– А ты скажи мне: каков твой вкус, какого рода красоту ты любишь?

– О, – ответил Стивен, – мне угодить нетрудно; девушка, похожая на Мод, меня полностью устроит.

– Девушка, похожая на Мод, тебя устроит? – возмущенно переспросил Уилл. – Но говоря по правде, позволь заметить, милый, что ты в своих желаниях не очень-то скромн! Клянусь святым Павлом! Стивен, такая женщина, как Мод, – большая редкость, если вообще есть на свете еще хоть одна такая. Да знаешь ли ты, жалкий честолобец, что ни одна женщина на земле не может сравниться с моей дорогой женой?!

– Ты так думаешь, Уилл?

– Уверен, – ответил супруг Мод тоном, не терпящим возражений.

– Но я и вправду этого не знал, извини меня за невежество, Уилл. Я же еще нигде не был, – простодушно пояснил молодой человек, – но если бы ты мог найти мне жену, красота которой была бы такого же типа, как красота Мод...

– На свете нет никого, кто мог бы хоть чем-нибудь сравниться с Мод, – сказал Уилл, которого желание брата почти рассердило.

– Ну, что же, тогда, Уилл, выбери мне жену на свой вкус, – упавшим голосом произнес Стивен.

– Ты будешь ею доволен. Прежде всего я скажу тебе ее имя: ее зовут Минни Мидоуроз.

– Я ее знаю, – улыбаясь, сказал Стивен. – Это такая кудрявенькая, черноглазая девушка. У Минни есть привычка посмеиваться надо мной: она говорит, что у меня вид глупый и сонный. Однажды мы оказались одни, и она спросила меня, целовал ли я хоть одну девушку.

– И что ты ей ответил?

– Ответил, что да, конечно, целовал своих сестер. Минни расхохоталась и снова спросила: «А других женщин вы не целовали?» – «Простите, мисс, – ответил я, – матушку целовал».

– Матушку, дурачина ты эдакая! Ну и что же она сказала, услышав твой чудный ответ?

– Засмеялась еще громче. А потом спросила, не хочу ли я поцеловать какую-нибудь другую женщину. А я ответил: «Нет, мисс».

– Ну и бестолковый! Нужно было поцеловать Минни, вот так отвечают на такие вопросы.

– Мне и в голову это даже не пришло, – спокойно ответил Стивен.

– Ну, и как вы расстались после этого любезного разговора?

– Минни назвала меня дураком, а потом, смеясь, убежала.

– Совершенно согласен с мнением твоей будущей жены. Она тебе в самом деле подходит?

– Да. А что я ей скажу, когда мы останемся с ней вдвоем?

– Ну, разные приятные вещи.

– Понимаю. Ты только скажи, Уилл, с чего начать, а то первое слово самое трудное.

– Когда вы останетесь вдвоем, ты скажешь Минни, что хотел бы поучиться целовать девушек, и с этими словами ее поцелуешь. Ну а дальше у тебя затруднений не будет, первый шаг уже будет сделан.

– Я никогда не осмелюсь на такую дерзость, – опасливо возразил Стивен.

– Никогда не осмелишься?! – насмешливо переспросил Уилл. – Душой своей клянусь, Стивен, если бы я не знал, что ты смелый и мужественный воин, я бы решил, что ты переодетая девушка.

Стивен покраснел.

– Но, – с сомнением спросил он, – если девушка обидится?

– Ну, тогда ты поцелуешь ее еще раз и скажешь: «Милая, прелестная Минни, я буду до тех пор целовать вас, пока вы меня не простите!» А впрочем, знай и при случае всегда вспоминай, что девушка никогда не сопротивляется всерьез поцелуям того, кого она любит. Конечно, если кавалер ей не нравится, тогда дело другое: она защищается решительно, и так, что второй раз к ней с поцелуями не подступишься. Тебе нечего бояться, что Минни тебе по-настоящему откажет. Мне из достоверных источников известно, что славная девочка на тебя смотрит с удовольствием.

Стивен вооружился мужеством и обещал Уильяму преодолеть свою робость. Минни была дома одна.

– Здравствуйте, очаровательная Минни, – сказал Уилл, беря девушку за руку. (Минни покраснела и присела перед гостем.) – Я привел вам своего брата Стивена, он хочет вам сказать нечто важное.

– Он?! – воскликнула девушка. – Да что он такого важного может мне сообщить?!

– Я хочу вам сказать... – быстро ответил Стивен, побледнев так, что на него было страшно смотреть, – я хочу, чтобы вы дали мне несколько уроков...

– Тише, тише ты! – прервал его Уильям. – Не так быстро, мой мальчик! Дорогая Минни, Стивен вам сейчас объяснит, на что он надеется, принимая во внимание вашу доброту. А пока позвольте мне сообщить о свадьбе моих сестер.

– Я уже слышала, что и замке готовятся к пышным праздникам.

– Надеюсь, дорогая Минни, что вы окажете нам честь споим присутствием?

– С удовольствием, Уилл; все девушки в деревне уже готовят наряды, а я очень хочу поплясать на свадебном балу.

– Вы придете с вашим кавалером, Минни?

– Да нет же, нет, – вмешался Стивен, – ты забываешь Уилл...

– Ничего я не забываю, – ответил Уилл. – Доставь мне удовольствие, помолчи немного. Так вы с кавалером придете, Минни? – повторил он свой вопрос.

– У меня нет кавалера, – ответила девушка.

– Это правда, Минни? – спросил Уилл.

– Конечно, правда, во всяком случае, я не знаю, кого бы я могла считать своим кавалером.

– Если вы хотите, вашим кавалером буду я! – воскликнул Стивен и дрожащей рукой прикоснулся к руке девушки.

– Молодец, Стивен! – подбодрил его Уилл.

– Да, – продолжал молодой человек, осмелевший от похвалы брата, – да, Минни, я хочу быть вашим кавалером; я зайду за вами в день праздника, и мы поженимся заодно с моими сестрами.

Изумленная столь неожиданным признанием, девушка не нашлась, что ответить.

– Послушайте меня, дорогая Минни, – сказал Уилл, – мой брат давно вас любит, и если он хранил молчание, то не потому, что сердце у него холодное, а просто нрав у него робкий. Честью клянусь, что Стивен искренне любит вас. У вас нет никаких обязательств, а Стивен – красивый, – да мало того! – добрый, чудесный парень. Он будет вам достойным мужем. Если вы и ваша семья дадите нам свое согласие – свадьба будет отпразднована одновременно со свадьбами моих сестер.

– По правде говоря, Уилл, я настолько не готова к вашему вопросу, он настолько для меня неожиданный, – ответила девушка, смущенно опуская глаза, – что я не знаю, как на него ответить.

– Отвечайте: «Я согласна взять Стивена в мужья», – подсказал ей Стивен, совершенно воспрявший духом под нежным взглядом хорошенькой барышни. – Я испытываю к вам огромное чувство, – продолжал он, – и был бы Счастлив, если бы вы согласились отдать мне свою руку.

– Я не могу сегодня ответить на ваше предложение, хотя оно и лестно для меня, – ответила девушка, грациозно и шаловливо приседая перед своим робким поклонником.

– Я оставляю вас вдвоем, дорогие друзья, – решил Уильям, – мое присутствие вас только стесняет, но я уверен: если Минни немного любит Уинифред и Барбару, она не откажется

назвать их своими сестрами.

– Я всей душой люблю Уинифред и Барбару, – нежно ответила девушка.

– Но тогда я могу надеяться, Минни, что из дружбы к сестрам вы снисходительно отнесетесь и ко мне, – сказал Стивен.

– Посмотрим, – кокетливо ответила юная особа.

– До свидания, прелестная Минни, – сказал с улыбкой Уильям. – Прошу вас будьте снисходительны к этому доброму и славному малому, который вас нежно любит, хотя и не умеет красноречиво об этом сказать.

– Вы слишком строги, Уилл, – серьезно ответила девушка, – мне кажется, трудно говорить лучше, чем Стивен.

– Ну, – заметил Уилл, – теперь я вижу, что вы просто прелесть, любезная Минни. Позвольте поцеловать вам ручки и сказать: «До свидания, милая сестрица».

– Я должна отвечать Уильяму: «До свидания, братец»? – спросила девушка, повернувшись к Стивену.

– Да, милая барышня, да! – закричал Стивен радостно. – Скажите ему: «До свидания, братец», лишь бы он ушел поскорее!

– Ты делаешь успехи, мой мальчик, – сказал, рассмеявшись, Уилл, – кажется, мои уроки пошли тебе на пользу.

Сказав это, Уильям поцеловал Минни и удалился в сопровождении Грегори и Руперта.

– Теперь наша очередь, Уилл? – спросил Грегори. – Мне не терпится увидеть свою будущую жену.

– И мне тоже, – отозвался Руперт.

– Где она живет? – спросил Грегори.

– Я свою невесту сегодня увижу? – осведомился Руперт.

– Я сейчас удовлетворю ваше естественное любопытство. Ваши будущие жены – двоюродные сестры, их зовут Мейбл и Эдит Хэроуфилд.

– Я их обеих знаю, – сказал Грегори.

– И я тоже, – отозвался Руперт.

– Это красивые девушки, – продолжал Уильям, – и я не удивлен тем, что вы на их милые личики уже поглядывали. Нет еще и полутора лет, как я вернулся в Барнсдейл, а во всем графстве нет ни такой брюнеточки, ни такой блондиночки, которую я бы не знал. Я, как и вы, уже обратил внимание на Мейбл и Эдит.

– В первый раз нижу такого молодца, как ты, Уилл, – заметил Грегори, – ты знаешь всех женщин, нее ходы и выходы; сказать по правде, мы на тебя вовсе не похожи.

– К несчастью для вас, мои мальчики: если бы вы хоть чуточку были похожи на меня, мне не пришлось бы искать вам невест и учить вас ухаживать за теми, кто вам нравится.

– О, – с решительным видом возразил Грегори, – за Мейбл и Эдит нам ухаживать будет нетрудно. Руперт находит Мейбл очаровательной, а я убежден, что Эдит – девушка добрая, значит, я просто спрошу у нее, не хочет ли она стать женой Грегори Гэмвелла.

– Не нужно только сразу задавать такие вопросы, милый мальчик, а то ты рискуешь получить отказ.

– Тогда скажи мне, как мне сообщить Эдит о своих намерениях. Я не умею вертеть да хитрить, я хочу взять ее в жены, и мне казалось совершенно естественным сказать ей: «Эдит, я готов на вас жениться».

– Ты поставишь ее в очень затруднительное положение, если вот так, ни с того, ни с сего, сделаешь такое заявление.

– Так что же тогда делать? – в отчаянии спросил Грегори.

– Нужно понемногу, незаметно подвести к этому беседу: поговорить сначала о празднике, который будет в замке через три дня, о счастье Маленького Джона, о радости Мача, ловко намекнуть, что сам ты скоро собираешься жениться, и в связи с этим спросить у Эдит, как я у Минни, не подумывает ли она о замужестве и придет ли в Барнсдейл одна или с кавалером.

– А если Эдит ответит: «Да, приду с кавалером»?

– Ну, тогда ты скажешь: «Вашим кавалером буду я, мисс».

– Но, – попробовал опять возразить бедный Грегори, – если Эдит откажет мне?

– Тогда ты сделаешь предложение Мейбл.

– А я? – спросил Руперт.

– Да не откажет Эдит, – сказал Уилл, – будьте спокойны, каждому из вас достанется в жены та, что ему нравится.

Молодые люди прошли через деревенскую площадь и остановились у прелестного домика, на пороге которого стояли две девушки.

– Добрый день, черноволосая Эдит и белокурая Мейбл, – сказал Уилл, кланяясь сестрам, – мы с братьями пришли пригласить вас на свадебный бал.

– Добро пожаловать, господа, – ответила Мейбл нежным, как птичье щебетание, голосом. – Пройдите в комнаты, прошу вас, и выпейте чего-нибудь.

– Тысячу благодарностей за приглашение, прелестная Мейбл, – ответил Уильям, – от такого вежливого и любезного приглашения нельзя отказаться. Мы выпьем по кружке эля за ваше здоровье и счастье.

Эдит и Мейбл были девушки веселые и умные, они с улыбкой выслушали любезности братьев; после часа такой беседы Грегори, наконец, собрался с мужеством и робко спросил у Эдит, придет ли она в замок одна или с кавалером.

– Зачем мне один кавалер? Я возьму с собой человек шесть приятных парней, – весело ответила кокетка Эдит.

Этот неожиданный ответ смешал все мысли в голове бедного Грегори. Он тяжело вздохнул и, повернувшись к брату, вполголоса сказал:

– Плохо мое дело, а, как ты думаешь? С шестерыми ее поклонниками мне не справиться. Видно, не повезло, и придется мне остаться холостяком!

– Ну, раз ты не хотел жениться, тебя, наверное, это устраивает? – поддразнил его Уилл.

– Да я просто не думал о женитьбе, вот и все; но раз уже мне захотелось этого, то меня очень мучит мысль, что я не найду себе жены.

– Эдит будет твоей; дай-ка я примусь за это дело. Мисс Эдит, – сказал Уильям, – мы зашли к вам с двойной целью: во-первых, пригласить вас на наш семейный праздник, во-вторых, я хотел вам представить, но не кавалера для танцев, не поклонника на один день, у вас их и так шестеро, и седьмой вам ни к чему, а честного парня, спокойного, благоразумного, богатого, что тоже не лишнее, который был бы горд и счастлив предложить вам руку, сердце и имя.

Мисс Эдит призадумалась.

– Вы все это серьезно говорите, Уилл? – спросила она.

– Совершенно серьезно, мисс. Грегори любит вас; да ведь он и сам здесь, и, если вы не видите, как красноречиво он на вас смотрит, прислушайтесь хоть к моим словам, они совершенно искренни. Я доставлю ему удовольствие самому защищать дело, которое уже и так наполовину выиграно, – закончил Уильям, увидев, что Эдит радостно улыбается.

Молодой человек подтолкнул Грегори к Эдит и поискал глазами Руперта, чтобы, если нужно, прийти ему на помощь. Но Руперту помощь Уилла не нужна была: юноша уже о чем-то беседовал с Мейбл: стоя перед ней на одном колене, он держал ее за руки и, казалось, за что-то горячо благодарил.

«Прекрасно, – подумал Уилл, – этот сам разобрался, я могу его предоставить самому себе».

С секунду Уильям внимательно смотрел на обе парочки, потом вышел из дома и бегом помчался к замку.

Придя в Барнсдейл, Уилл увидел Робина, Марианну и Мод. Он рассказал им, что произошло, описав и боязливое смущение женихов вначале, и их дальнейшее храброе поведение.

К вечеру новые женихи появились в замке. Лица их сияли радостью, потому что каждый из них добился согласия своей милой.

Конечно, родители их невест считали, что выходить замуж с такой поспешностью – чистое безумие. Но честь породниться с благородным семейством Гэмвеллов перевесила все возражения.

Сэр Гай, которого Робин умело подготовил, одобрил выбор сыновей и благосклонно принял шестерых хорошеньких невесток. Все восемь свадеб были с величайшей торжественностью отпразднованы в назначенный день, и каждый был счастлив тем, что дала ему судьба.

VIII

Месяц спустя после событий, о которых мы только что рассказали, Робин Гуд, его жена и весь отряд веселых лесных братьев в полном своем составе вновь расположились, в старом Шервудском лесу.

Приблизительно в это время большое число норманнов, которым Генрих II, не скупясь, платил за военную службу, приехали в эти края, чтобы вступить во владение поместьями, которыми их щедро наградил король. И кое-кому из них, кто вынужден был проезжать через Шервудский лес по дороге в свои новые имения, пришлось немало заплатить за проезд веселым лесным братьям. Новоприбывшие сильно возмущались и приносили жалобы судьям города Ноттингема. Но их рассказы сочли преувеличением, и они не получили никакого ответа. И вот почему шерифы и другие могущественные особы в городе хранили благоразумное молчание.

Большое число людей Робин Гуда имело родственные связи с жителями Ноттингема, и, совершенно естественно, горожане использовали все свое влияние на гражданские и военные власти, чтобы против лесных жителей не принимались слишком уж строгие меры. Эти достойные люди боялись, что если лесных братьев одолеют и изгонят из их зеленого обиталища, то в одно прекрасное утро они испытают грустное удовольствие лицезреть кого-либо из своих родственников болтающимися на городской виселице.

Однако, поскольку следовало в глазах жалобщиков создать хотя бы видимость возмущения и правосудия, награда, обещанная за поимку Робин Гуда, была вдвое увеличена. Любой, изъявивший желание схватить знаменитого разбойника, немедленно получал разрешение на это. Несколько человек недюжинной силы и решительного нрава попытались это сделать, но произошло нечто уж совсем неожиданное: они по своей собственной воле присоединились к веселым лесным братьям.

Однажды утром Робин и Красный Уилл вдвоем прогуливались по лесу, и вдруг перед ними появился Мач, взмокший и запыхавшийся.

— Что с вами случилось, Мач? — с беспокойством спросил Робин. — За вами кто-то гнался? С вас пот ручьями льёт.

— Не беспокойтесь, Робин, — сказал Мач, вытирая покрасневшее лицо, — слава Богу, не было у меня никакой опасной встречи. Я просто померился силами на палках с Артуром Тихим. И будь я проклят, руки у этого парня сильные, как у великана!

— Это правда, дорогой Мач; с Артуром нелегко драться, когда он берется за деле всерьез.

— Артур никогда не теряет хладнокровия, — продолжал Мач, — но правила самого искусства ему неведомы, так что победой он обязан своей огромной природной силе.

— Он заставил вас просить пощады?

— Конечно, иначе бы я совсем задохнулся; а сейчас он дерется с Маленьким Джоном, но с таким противником он, несомненно, потерпит поражение, потому что, стоит ему начать бить слишком сильно, Маленький Джон отнимает у него палку и несколько раз дает ему как следует по плечам, чтобы тот научился умерять свою мощь.

— А из-за чего вы ввязались в драку с этим неукротимым Артуром? — спросил Робин.

— Да без всякого повода и причины, просто, чтобы приятно время провести и поразмять мышцы в полезных упражнениях.

— Артур — грозный боец, — сказал Робин, — однажды он и меня победил на палках.

— Вас?! — воскликнул Уилл.

— Да, милый братец, отделал почти так же, как Мача; этот парень пользуется дубиной как стальным прутом.

— При каких обстоятельствах и где это было? — с любопытством спросил Уилл.

— Боролись мы в лесу, и вот как я познакомился с Артуром. Я был один и шел по пусты-

ной тропе, как вдруг увидел великана Артура: он стоял, опершись на свою окованную палку, и с вытаращенными глазами и широко открытым ртом смотрел на стадо ланей, пробежавшее в ста шагах от него. Его огромный рост и сиявшее на его широком лице простодушие внушили мне желание посмеяться над ним. Я неслышно зашел ему за спину и как следует ударил его кулаком между лопаток. Артур вздрогнул, обернулся и гневно взглянул мне в лицо.

«Ты кто? – спросил я. – И с какой целью бродишь по лесу? Ты ужасно похож на вора, который собирается утащить лань. Ну-ка, доставь мне удовольствие, убирайся отсюда побыстрее – я стерегу здешний лес и не люблю, когда здесь появляются такие парни, как ты».

«Ну что же, – беззаботно ответил мне он, – попробуй заставить меня уйти силой, потому что самому мне этого делать не хочется. Зови помощников, если тебе так нравится, я не против».

«Я ни в ком не нуждаюсь, милый друг, чтобы заставить уважать закон и мою волю, – ответил я, – и привык рассчитывать на свои силы, а вы видите, что силы у меня немалые: руки крепки, есть меч, лук и стрелы».

«Лесничок, – сказал Артур, смерив меня презрительным взглядом с головы до ног, – если я хоть раз огрею вас палкой по пальцам, вы уже ни за меч, ни за лук не возьметесь».

«Говорите повежливее, мой мальчик, – ответил я, – если только не хотите быть избитым».

«Да, дружок, попробуйте-ка отхлестать дуб розгами. Что вы о себе думаете, чудо доблести? Так знайте же, что вы меня интересуете меньше всего на свете. Но если вы хотите побороться, я готов».

«Да у вас и меча нет» – заметил я.

«А зачем мне он, если палка при мне?»

«Тогда я возьму такую же длинную палку, как ваша».

«Будь по-вашему».

И Артур изготовился к бою.

Я первым нанес ему удар, рассек ему до крови лоб, и она побежала у него по щекам. Оглушенный ударом, он отступил. Я опустил палку, но ему, видно, показалось, что я счел себя победителем, и он снова стал необыкновенно сильно и ловко размахивать дубиной. Он дрался с такой яростью, что мне с трудом удавалось отводить удары; я едва держал палку, так у меня свело руки. Отпрыгнув назад, чтобы избежать выпада, я забыл прикрыться; он немедленно воспользовал-

ся этим и нанес мне по голове удар такой силы, какого я еще никогда не получал. Я повалился навзничь, будто пронзенный стрелой, но сознания не потерял и сумел быстро вскочить на ноги. Борьба, на мгновение остановившаяся, возобновилась; Артур с такой силой наносил удары, что мне едва удавалось защищаться. Так мы дрались часа три-четыре, от наших ударов гудел старый лес, а мы кружились один вокруг другого, как разъяренные вепри. Наконец, я подумал, что ничего не выиграю в этом деле, даже не получу удовольствия побить соперника, и бросил палку.

«Ну все, хватит, – сказал я ему. – Окончим на этом ссору; мы так до завтра будем друг из друга пыль выколачивать и ничего на этом не выиграем. Я даю вам право свободно ходить по лесу, потому что вы храбрый малый».

«Нижайшее вам спасибо за столь великую милость, – презрительно ответил он, – я получил право поступать как хочу благодаря моей палке и ей, а не вам скажу спасибо».

«Ты прав, храбрец, но, если свои права ты собираешься защищать только палкой, тебе будет нелегко. В лесу есть хорошие борцы, и тебе придется сохранять свою вольность ценой разбитых черепов и покалеченных рук. Поверь мне, что уж лучше жить в городе, чем вести такое существование в лесу».

«А все же я хочу жить в лесу», – возразил Артур.

– Его ответ заставил меня призадуматься, – продолжал Робин. – Я посмотрел на его немалый рост, на его дружелюбное и открытое лицо, и решил, что нам неплохо было бы заполучить такого молодца.

«Так тебе не нравится городская жизнь?» – спросил я у него.

«Нет, – ответил он, – я устал быть невольником у проклятых норманнов, мне надоело, что меня называют собакой, рабом и холуем. Мой хозяин обозвал меня сегодня самыми оскорбительными словами, но ему показалось мало изводить меня своим гадским языком, и он захотел меня ударить. Я не стал ждать, палка была у меня под рукой, я ею и воспользовался и так ударил его по плечам, что он потерял сознание. А потом я убежал».

«А какое у тебя ремесло?» – спросил я.

«Я кожевник и уже много лет живу в Ноттингемшире».

«Прекрасно, мой храбрый друг, – сказал я ему, – если вы не слишком дорожите своим ремеслом, то можете распрощаться с ним и остаться здесь. Меня зовут Робин Гуд. Вам знакомо это имя?»

«Конечно! Так вы Робин Гуд? Но вы ведь сказали мне, что стережете здешний лес!»

«Я Робин Гуд и даю вам в том честное слово!» – ответил я, протягивая руку бедняге, который от удивления не мог прийти в себя.

«Это правда?» – спросил он.

«Душой и совестью клянусь!»

«Тогда я скажу, что и в самом деле счастлив встретить вас, – явно обрадовавшись, сказал Артур, – потому что я пришел сюда искать вас, благородный Робин Гуд. Когда вы сказали, что вы из тех, кто стережет лес, я поверил и не стал вам рассказывать, с какой целью явился и Шервудский лес. Я хочу присоединиться к вашим людям, и, если вы меня примете, у вас не будет более преданного и верного слуги, чем Артур Тихий, дубильщик кож из Ноттингема».

«Мне нравится твоя искренность, Артур, – заявил я, – и я согласен принять тебя в число веселых лесных братьев. Законы наши просты и немногочисленны, но их нужно соблюдать. А во всем остальном – полная свобода. Кроме того, я обещаю тебе еду, одежду и хорошее обращение».

«Когда я вас слушаю, Робин Гуд, у меня сердце в груди трепещет от радости, что я буду одним из ваших людей. Я не совсем вам чужой: Маленький Джон – мой родственник. Мой дядя со стороны матери женился на матери Джона, одной из сестер сэра Гая Гэмвелла. Я ведь скоро увижу Маленького Джона? Горю желанием обнять его».

«Сейчас он сюда примчится», – ответил я Артуру и затрубил в рог.

Через несколько мгновений Маленький Джон появился на поляне.

Увидев наши лица, все в пятнах крови, Джон остановился как вкопанный.

«Что случилось, Робин? – с ужасом воскликнул он. – У вас жуткий вид!»

«Случилось то, что меня побили, – спокойно ответил я, – и виновник перед вами».

«Если этот парень вас побил, он должен прекрасно владеть палкой! – воскликнул Маленький Джон. – Ну, я ему с лихвой верну то, что вы ему должны. Подойди-ка поближе, дружище».

«Постой, не торопись, друг Джон, и пожми лучше руку нашему верному союзнику и твоему родственнику. Этого молодого человека зовут Артур».

«Артур из Ноттингема, по прозвищу Тихий?» – спросил Джон.

«Он самый, – ответил Артур. – Мы не виделись с самого детства, и все же я тебя узнал, братец Джон».

«Не могу сказать то же самое, – ответил Джон со своей обычной безыскусной искренностью, – я тебя совсем не помню, но это не важно, раз ты так говоришь, братец, то добро пожаловать. Обитатели Шервудского леса встретят тебя с радостью в сердце и с улыбкой на губах».

Артур и Джон обнялись, и остаток дня прошел в веселье и радости.

– А с тех пор вы с Артуром мерились силами на палках? – спросил Уилл у Робина.

– Да случая все как-то не было; впрочем, очень вероятно, что я снова буду побежден, и это будет уже в третий раз.

– Как в третий раз? – воскликнул Уилл.

– Да, Гаспар-лудильщик задал мне хорошую взбучку!

– В самом деле? А когда? Наверное, еще до того как он пришел к нам.

– Да, – ответил Робин, – я взял себе за правило самому испытывать силу и храбрость человека, прежде чем доверюсь ему. Я не хочу, чтобы у меня люди были слабы сердцем и уступчивы разумом. Однажды утром я встретил Гаспара-лудильщика на ноттингемской дороге. Вы знаете, каким крепким выглядит этот молодец, и мне нет нужды его вам описывать. Он мне понравился; походка у него была твердая, и он насвистывал что-то веселое.

Я пошел ему навстречу.

«Здравствуйте, приятель, – приветствовал я его, – вижу, вы путешествуете. Говорят, есть плохие новости, это правда?»

«А о каких новостях вы спрашиваете? – спросил он меня. – Я не знаю ни одной, о которой стоило бы говорить. А впрочем, я иду из Бэмбурга. Я медник и ничем, кроме своего ремесла, не интересуюсь».

«Ну, эта новость для вас должна быть интересна, храбрый чужестранец. Я слышал, что десятиртых бродячих лудильщиков заковали в кандалы за то, что они напились».

«Ваша новость ни гроша не стоит, – ответил он, – если бы всех, кто пьет, заковывали в кандалы, вы были бы одним из первых, потому как по вашему лицу сразу видно, что вы вино любите».

«Да, конечно, я не прочь выпить бутылку, и не думаю, что найдется на свете хоть один веселый человек, который не любит вина. А что привело вас из Бэмбурга в наши места? Ведь не ваше же ремесло?»

«Конечно, не ремесло, – ответил Гаспар. – Я ищу разбойника по имени Робин Гуд. За его поимку назначена награда в сто золотых, и я хотел бы ее получить».

«А как вы собираетесь его схватить?» – спросил я лудильщика, потому что спокойный и серьезный вид, с которым он мне сделал это признание, меня очень удивил.

«У меня есть разрешение на арест, подписанное королем», – ответил Гаспар.

«По всей форме?»

«По всей форме: мне разрешено арестовать Робина, и мне обещана награда».

«Вы так об этом говорите, как будто арестовать его – самое легкое на свете дело, а ведь столько раз пытались, и все бесполезно».

«Ну, для меня-то это не будет трудно, – ответил лудильщик, – я парень крепкий, мышцы у меня стальные, я смел и терпелив и ничего не боюсь. Как видите, я могу надеяться на удачу».

«Ну, а если вы его случайно встретите, вы его узнаете?»

«Я его никогда не видел; если бы я знал его в лицо, дело было бы наполовину сделано. Может, вам в этом больше повезло?»

«Да, я раза два встречал Робин Гуда и, быть может, сумею вам помочь в вашем деле».

«Приятель, если вы окажете мне эту услугу, я отдам вам изрядную часть денег, которую должен буду получить».

«Я укажу вам место, где вы можете его встретить, – ответил я ему. – Но, прежде чем мы окончательно договоримся, я хотел бы видеть приказ об аресте; он действителен, только если составлен по всей форме».

«Премного обязан вам за предусмотрительность, – вызываяще оборвал меня лудильщик, – но бумагу я никому не дам. Я уверен, что она составлена по всей форме и действительна, и мне этого достаточно, а если вы этой уверенности не разделяете, тем хуже для вас. Этот приказ я покажу Робин Гуду, когда захвачу его и свяжу ему руки и ноги».

«Вы, может быть, и правы, дружище, – равнодушно ответил я, – мне не так уж и хочется удостовериться в подлинности приказа, как вам это кажется. Я иду в Ноттингем из любопытства и от нечего делать, потому как слышал, что Робин Гуд собирался сегодня быть в городе; если хотите пойти со мной, я покажу вам этого знаменитого разбойника».

«Ловлю тебя на слове, парень, – живо ответил лудильщик, – но если на месте я увижу, что ты хитришь, придется тебе познакомиться с моей палкой».

Я презрительно пожал плечами.

Он это увидел и рассмеялся.

«Ты не пожалеешь об услуге, которую мне окажешь, – сказал он, – я человек благодарный».

Мы пришли в Ноттингем, остановились на постоялом дворе у Пэта, и я попросил у хозяина подать нам бутылку пива, а пиво у него было превосходное. Лудильщик был с утра в пути и буквально умирал от жажды; пиво исчезло быстро. После пива я заказал вино, а потом опять пиво, и так в течение целого часа. Лудильщик и сам не заметил, как опустошил все бутылки, стоявшие перед ним на столе; я же сам, от природы не склонный злоупотреблять вином, выпил лишь несколько стаканов. Не нужно и говорить, что наш молодец совсем опьянел. Он расхвастался спяну своими будущими подвигами, которые он совершит, чтобы захватить Робин Гуда, и договорился до того, что, поймав атамана, возьмет в плен всех лесных братьев и отведет их в Лондон. Король вознаградит его за эти подвиги и пожалует ему состояние и привилегии знатного вельможи; но в ту минуту, когда рассказ приближался к тому, что великий победитель женится на английской принцессе, он упал со скамьи и уснул под столом.

Я взял кошелек лудильщика; помимо денег, в нем действительно был приказ на арест. Я заплатил по счету и сказал хозяину:

«Когда этот человек проснется, вы у него потребуете заплатить за выпивку, а потом, если он у вас спросит, кто я и где меня найти, скажите, что я живу в старом лесу и зовут меня Робин Гуд».

Хозяин был прекрасный человек, и я ему полностью доверял. Он весело рассмеялся и ответил:

«Будьте спокойны, мастер Робин, я в точности выполню ваши приказания, и, если этому лудильщику захочется еще раз с вами повидаться, ему останется только вас разыскать».

«Вы правильно меня поняли, приятель, – подтвердил я и взял мешок лудильщика. – А впрочем, надо думать, что этот парень недолго заставит себя ждать».

С этими словами я дружески простился с хозяином и вышел из трактира.

Проспав несколько часов, Гаспар проснулся и сразу же увидел, что меня нет и его кошелек тоже исчез.

«Трактирщик! – громовым голосом позвал он. – Меня обворовали, я разорен! Где этот грабитель?»

«О каком грабителе вы говорите?» – совершенно спокойно спросил трактирщик.

«Да о моем собутыльнике! Он обокрал меня!»

«Это мне совсем не нравится, – недовольно сказал хозяин, – вы же по счету не заплатили, а он немалый».

«Не заплатили по счету?! – простонал Гаспар. – Но у меня ничего нет, совсем ничего, этот негодяй все унес! У меня в кошельке был приказ об аресте, подписанный королем, и я мог на

этом сделать себе состояние, мог схватить Робин Гуда. Этот разбойник-незнакомец обещал мне помочь, он должен был показать мне главаря шайки. Ах, негодяй! Он обманул мое доверие и похитил мою драгоценную бумагу!»

«Как, – спросил трактирщик, – вы рассказали этому молодому человеку, с какими дурными намерениями вы явились в Ноттингем?»

Лудильщик искоса взглянул на хозяина.

«Сдается мне, вы не станете помогать храбрецу, который взялся бы поймать Робин Гуда?»

«Черт возьми! – ответил трактирщик. – Робин Гуд мне не сделал ничего худого, и его дела с властями меня не касаются. Но какого же черта, – продолжал он, – вы с ним вместе пили и рассказывали ему об этой бумажке, вместо того чтобы его схватить?»

Лудильщик испуганно на него уставился.

«Что вы хотите сказать?» – спросил он.

«Я хочу сказать, что вы упустили случай схватить Робин Гуда».

«Да как так?»

«Глупый же вы человек! Робин Гуд только что был здесь, вы вместе вошли, вместе пили, и я думал, что вы из его людей».

«Я пил с Робин Гудом?! Я чокался с Робин Гудом?!» – ошеломлено закричал лудильщик.

«Ну да, да!»

«Ну это уже слишком! – воскликнул бедняга, падая на стул. – Да не будет сказано, что он безнаказанно подшутил над Гаспаром-лудильщиком! Ах, негодяй, ах, разбойник! – рычал он. – Ну подожди, я тебя разыщу!»

«Я хотел бы получить то, что с вас причитается, прежде чем вы уйдете», – сказал хозяин.

«А сколько там?» – сердито спросил Гаспар.

«Десять шиллингов», – ответил хозяин, веселясь в душе при виде кислого лица несчастного лудильщика.

«Я не могу дать вам ни пенни, – сказал Гаспар, выворачивая карманы, – но я вам в залог этого несчастного долга оставляю свои инструменты: они стоят в три или четыре раза дороже, чем вы просите. Вы не можете сказать, где мне найти Робин Гуда?»

«Сегодня вечером – не знаю, а завтра вы найдете его охотящимся на королевских ланей».

«Ну хорошо, значит, поимку разбойника отложим на завтра», – заявил лудильщик с уверенностью, которая заставила хозяина призадуматься.

Рассказывая мне это, – добавил Робин, – трактирщик признался, что испугался за меня, увидев ярость Гаспара.

На следующее утро я пошел искать, но не ланей, а встречи с лудильщиком; искать мне пришлось недолго.

Как только мы встретились, он дико вскрикнул и бросился на меня, потрясая огромной палкой.

«Что это за грубиян, – вскричал я, – который осмеливается появляться передо мной и таком непристойном виде?»

«Не грубиян, – ответил лудильщик, – а человек, которого обидели и который твердо решил за это отплатить».

И с этими словами он накинулся на меня с палкой; я отошел подальше и вынул меч.

«Стойте, – сказал я ему, – так мы будем сражаться неравным оружием: мне тоже нужна палка», Гаспар спокойно смотрел на то, как я выбирал себе дубину, а потом снова начал наступать.

Палку он держал обеими руками и удары наносил так, как дровосек рубит дерево. У меня стали слабеть пальцы и запястья, и я запросил передышки, поскольку победа в подобном поединке никакой чести не делала.

«Хотел бы я повесить тебя на первом попавшемся суку», – сказал он мне гневно, отбросив палку.

Я отпрыгнул назад и затрубил в рог; этот парень мог меня и на тот свет отправить.

На мой зов прибежал Маленький Джон с людьми.

Разбитый усталостью, я уселся под деревом и, ни слова не говоря, рукой показал Гаспару на подкрепление, явившееся мне на помощь.

«Что случилось?» – спросил Джон.

«Дорогой мой, – ответил я, – вот лудильщик, который меня хорошенько поколотил, и я вам рекомендую его, он заслуживает нашего внимания. Ну, приятель, – сказал я, обращаясь к Гаспару, – если вы хотите присоединиться к нам, добро пожаловать».

Лудильщик согласился, и с тех пор он стал одним из веселых лесных братьев.

– Ну, я всем палкам в мире предпочту лук и стрелы, – отозвался Уильям, – как для развлечения, так и в качестве оружия, оборонительного и наступательного. Уж лучше, во всяком случае на мой взгляд, отправиться на тот свет сразу, чем по частям, и рана от стрелы в тысячу раз предпочтительнее, чем муки от удара палки.

– Дорогой друг, – возразил Робин, – палка может оказать огромную услугу там, где лук бессилён. И результаты не зависят от того, полон или пуст ваш колчан, а когда вы не хотите смерти врага, то добрая взбучка оставит у него более тягостные воспоминания, чем рана отстрелы.

Беседуя таким образом, трое друзей шли по направлению к ноттингемской дороге, как вдруг перед ними появилась заплаканная девушка.

Робин побежал к ней навстречу.

– Почему ты плачешь, милое дитя? – участливо спросил он.

Девушка разрыдалась.

– Я хотела бы видеть Робин Гуда, – ответила она, – и если у вас есть в душе милосердие, сударь, отведите меня к нему.

– Я Робин Гуд, красавица, – ласково ответил молодой человек. – Кто-нибудь из моих людей нарушил уважение, которое он должен оказывать чистой шестнадцатилетней девушке? Твоя мать заболела? Ты пришла просить меня о помощи? Говори, я в твоём распоряжении.

– Сударь, с нами случилось страшное несчастье: ноттингемский шериф схватил трёх моих братьев, которые входят в ваш отряд.

– Скажи мне их имена, дитя мое.

– Адальберт, Эдельберт и Эдройн, веселые лесные братья, – рыдая, ответила девушка.

У Робина вырвалось горестное восклицание.

– Дорогие мои товарищи, – сказал он, – самые доблестные, самые смелые из всех моих людей! Как они попали в руки шерифа, дружок мой? – спросил Робин.

– Они освободили молодого парня, которого вели в тюрьму за то, что он защитил свою мать от напавших на неё солдат. И сейчас, господин Робин Гуд, у ворот города сколачивают вивиселицу, на которой собираются повесить моих братьев.

– Утри слезы, прекрасное дитя, – ласково сказал Робин, – твоим братьям нечего бояться: в старом Шервудском лесу нет ни одного человека, который не отдал бы свою кровь, чтобы спасти этих храбрецов. Мы сейчас пойдем в Ноттингем, а ты иди домой, своим нежным голоском утешь своего убитого горем старого отца и скажи своей матушке, что Робин Гуд вернет ей сыновей.

– Пусть Небо благословит вас, сударь, – прошептала девушка, улыбаясь сквозь слезы. – Я и раньше слышала, что вы всегда приходите на помощь несчастным и защищаете бедняков. Но, Бога ради, господин Робин, поспешите, потому что мои милые братья в смертельной опасности.

– Доверься мне, милое дитя, я приду в нужное время. Быстро возвращайся в Ноттингем и никому не говори, где ты была.

Девушка стала целовать руки Робин Гуда.

– Всю жизнь я буду молиться за вас, сударь, – взволнованно сказала она.

– Да сохранит тебя Господь! И до свидания. Девушка пошла по дороге в город и вскоре скрылась за деревьями.

– Ура! – закричал Уилл. – Вот и дело нам нашлось, а я развежусь хоть немного. Теперь я слушаю наши распоряжения, Робин.

– Отправляйтесь к Маленькому Джону, скажите ему, чтобы он собрал всех, кого сможет, и привел их, разумеется приказав им оставаться невидимыми, на опушку леса около Ноттингема.

Как только вы услышите рог, прорывайтесь ко мне, обнажив мечи или взяв на изготовку луки.

– На что вы рассчитываете? – спросил Уилл.

– Я сейчас пойду в город и посмотрю, нельзя ли как-нибудь отсрочить казнь. Не забывайте, друзья, что действовать нужно очень осторожно, поскольку, если шериф узнает, что я предупрежден о том, в каком опасном положении находятся мои люди, он постарается пресечь всякую попытку освободить их и повесит наших товарищей во дворе замка. Это относительно пленников. Что же до нас, то вы же знаете, как его светлость во весь голос похвалялся вздернуть нас на городской виселице, если мы когда-либо попадем ему в руки. Шериф решил дело лесных братьев так быстро, опасаясь лишь одного: что я узнаю об участии, которую он им уготовил; следовательно, он повесит наших товарищей прилюдно, дабы внушить смиренный страх гражданам Ноттингема. Я побегу в город, а вы побыстрее соберите людей и в точности следуйте моим указаниям.

И с этими словами Робин Гуд поспешно удалился. Не успел он расстаться с друзьями, как ему встретился странник из нищенствующей братии.

– Какие новости в городе, почтенный старец? – спросил Робин.

– Горестные, молодой человек, – ответил странник, – и несут они стоны и слезы. Три товарища Робина будут повешены по приказу барона Фиц-Олвина.

И тут внезапно в голову Робину пришла одна мысль.

– Отец, – сказал он, – я один из лесных братьев и хотел бы присутствовать при казни браконьеров, оставаясь неузнанным. Ты можешь поменяться со мной одеждой?

– Вы шутите, молодой человек?

– Нет, отец мой, я просто хочу отдать тебе свое платье и натянуть твое. Если ты согласен, я дам тебе сорок шиллингов, которыми ты сможешь располагать по своему усмотрению.

Старик с любопытством посмотрел на человека, обратившегося к нему с такой странной просьбой.

– Ваша одежда красива, – сказал он, – а моя вся рваная. Трудно поверить, что вы хотите поменять свои прекрасные вещи на мои жалкие лохмотья. Оскорбляющий старика совершает великий грех, ибо он оскорбляет Господа и несчастье.

– Отец мой, – ответил Робин, – я уважаю твою седину и прошу Святую Деву взять тебя под свое божественное покровительство. Я обратился к тебе с этой просьбой без всякой мысли оскорбить тебя. Мне твоя одежда нужна для доброго дела. Вот, держи, – добавил Робин, протягивая старику двадцать золотых монет, – вот тебе в счет нашей сделки.

Старик бросил на золото жадный взгляд.

– Молодости свойственны безумства, – сказал он, – и если вам в голову взбрела мысль поразвлечься, не вижу, почему бы мне вам не уступить.

– Хорошо сказано, – ответил Робин, – так не хочешь ли раздеться?.. Да, штаны твои побывали в переделках, – весело заметил он, – они из стольких кусков, что тут можно найти материю на любое время года.

Странник рассмеялся.

– Мои штаны, – ответил он, – как совесть норманна, – все в заплатах, а ваша куртка, как сердце сакса, – крепкая и незапятнанная.

– Золотые слова, отец мой, – сказал Робин, натягивая на себя лохмотья старика со всей поспешностью, на какую он был способен, – и если я хочу отдать должное твоему уму, то мне следует вознести хвалу твоему очевидному презрению к богатству, потому что одежда твоя свидетельствует о чисто христианской скромности.

– Я должен оставить у себя ваше оружие? – спросил странник.

– Нет, отец мой, оно мне самому понадобится. Теперь, когда наше взаимное перевоплощение совершилось, позволь дать тебе один совет. Поскорее уходи из здешнего леса, а в особенности, ради своей безопасности, не вздумай следовать за мной. На тебе моя одежда, в карманах – мои деньги, ты богат, хорошо одет – иди искать счастья куда-нибудь подальше от Ноттингема.

– Спасибо за совет, добрый юноша, он отвечает моим сокровенным желаниям. Если то, что ты хочешь совершить, честно, то я благословляю тебя и желаю тебе успеха.

Робин любезно попрощался со странником и поспешно направился к городу.

В ту минуту, когда Робин в чужом платье и вооруженный только дубиной вошел в Ноттингем, из замка выехала группа верховых, одетых по-военному, и направилась к окраине города, где были воздвигнуты три виселицы.

Вдруг по толпе из уст в уста пронеслась неожиданная новость: палач болен, и, будучи сам на краю могилы, он не может никого отправить на тот снег. По приказу шерифа было объявлено, что человек, который согласится выполнить дело палача, получит приличное вознаграждение.

Робин, стоявший в первых рядах толпы, подошел к барону Фиц-Олвину.

– Благородный шериф, – гнусавым голосом произнес он, – что ты мне дашь, если я соглашусь заменить палача?

Барон отъехал от него на несколько шагов, будто боясь его коснуться.

– Мне кажется, – ответил благородный лорд, смерив взглядом Робина с головы до ног, – что, если я предложу тебе одежду, тебя это должно устроить. Итак, попрошайка, если ты выручишь нас из затруднения, я дам тебе шесть новых платьев и, кроме того, положенную палачу награду в тринадцать пенсов.

– А сколько вы мне дадите, милорд, если я и вас в придачу повешу? – спросил Робин, подходя к барону.

– Держись от меня на почтительном расстоянии, попрошайка, и повтори, что ты хочешь мне сказать, я не расслышал.

– Вы предложили мне шесть новых платьев и тринадцать пенсов, – ответил Робин, – чтобы я повесил этих бедных парней, а я спросил, что вы мне дадите, если я повешу вас и еще дюжину ваших норманнских псов в придачу.

– Наглый негодяй! Что значат твои слова? – закричал шериф, изумленный смелостью странника. – Да знаешь ли ты, с кем говоришь?! Дерзкий холоп! Еще одно слово, и Ты будешь четвертой птичкой болтаться на виселичной ветке.

– Вы заметили, милорд, что я человек бедный и одежонка на мне жалкая?

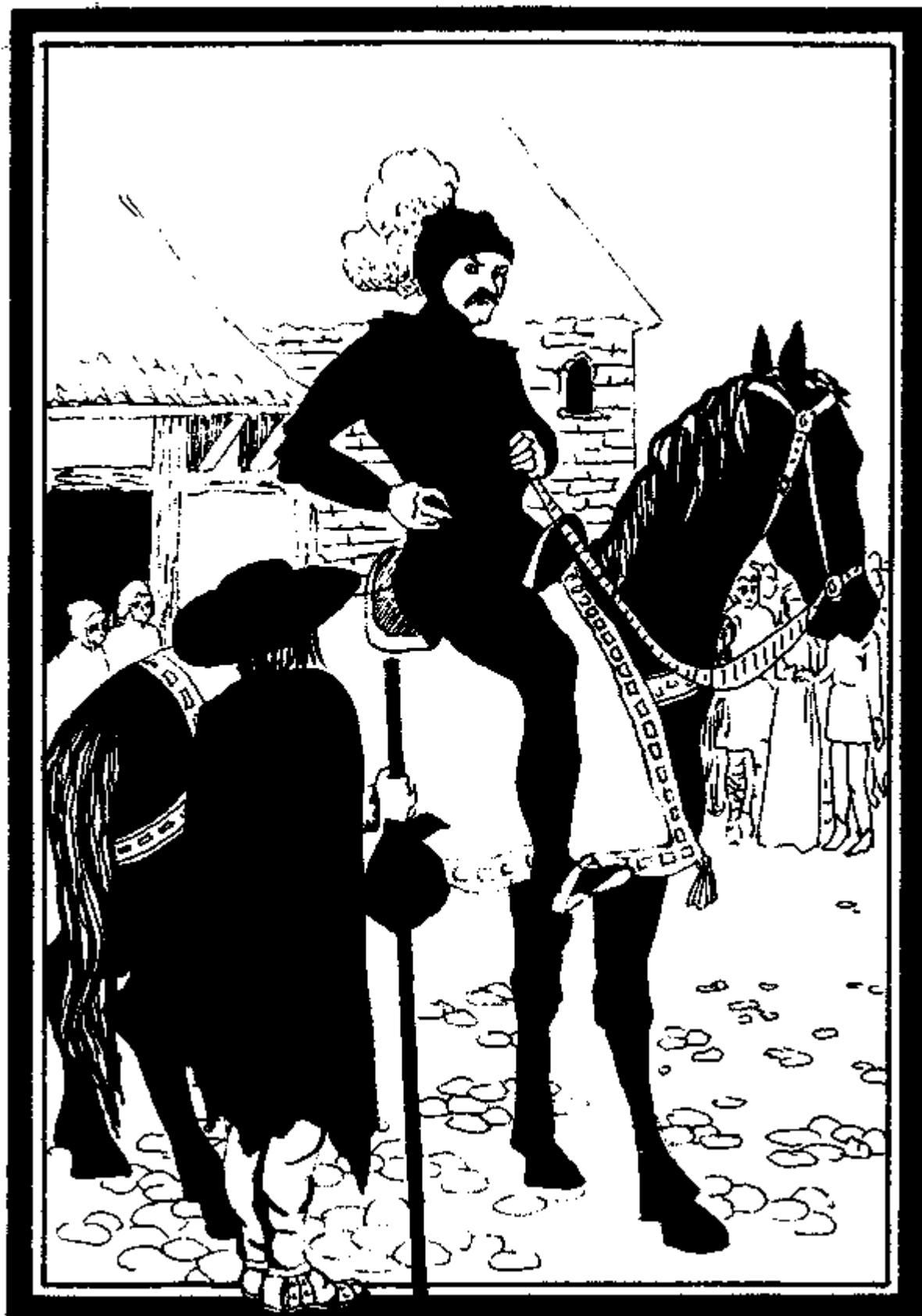
– Уж и в самом деле жалкая, – сказал шериф, изобразив на своем лице отвращение.

– Ну так вот, – продолжал наш герой, – под этой жалкой внешностью прячется большое сердце и впечатлительная душа. Я очень чувствителен к оскорблениям и ощущаю их едва ли не острее, чем вы, благородный барон. Вы же не постеснялись принять мои услуги, а оскорбляете мою нищету.

– Да замолчи ты, болтливый попрошайка! Как ты смеешь сравнивать себя со мной, – с самим лордом Фиц-Олвином? Нет, ты и вовсе спятил!

– Я просто бедный, несчастный человек, – ответил Робин.

– Я не для того сюда явился, чтобы слушать болтовню такого нищего, как ты, – нетерпеливо прервал его барон. – Если ты отказываешься от моего предложения, убирайся, если принимаешь – готовься исполнить свое дело.

— Я в точности не знаю, в чем это дело состоит, — тянул с ответом Робин, стараясь выгадать время и дать своим людям выйти на поляну. — Я никогда не был палачом, за что и благодарю Святую Деву. Да будет проклято это подлое ремесло и презренный человек, который за него берется!

— Ах вот как, нищий, ты смеешься надо мной?! — закричал барон, выведенный из себя смелостью Робина. — Послушай, или ты тотчас же берешься за дело, или я прикажу тебя избить.

– А это вам поможет, милорд? – возразил Робин. – Вы что, от этого скорее найдете человека, готового исполнить ваш приказ? Нет. Вы же велели огласить во всеуслышание ваше предложение, и только я один вызвался исполнить ваши желания.

– Вижу, куда ты клонишь, презренный негодяй! – вне себя от гнева воскликнул шериф. – Ты хочешь увеличения награды, обещанной тебе за то, чтобы отправить на тот свет этих троих бездельников.

Робин пожал плечами.

– Пусть их вешает тот, кому это угодно! – ответил он, изображая полное равнодушие.

– Ну-ну, – уже мягче сказал шериф, – я тебя уговорю. Я удваиваю вознаграждение, и, если ты не сделаешь свое дело как надо, смогу с полным правом сказать, что ты самый недобросовестный палач на свете.

– Если бы я хотел повесить этих несчастных, то удовлетворился бы той наградой, которую ты предложил, но я твердо отказываюсь осквернить руки прикосновением к виселице.

– Что это значит, негодяй? – прорычал барон.

– Постойте, милорд, я сейчас позову людей, которые под моим руководством навсегда избавят вас от вида этих ужасающих преступников.

С этими словами Робин извлек из рога радостный зов и схватил испуганного барона в свои железные объятия.

– Милорд, – сказал он ему, – ваша жизнь зависит от одного движения: если вы пошевелились, я всажу нож вам в сердце. Запретите слугам подходить к нам, – добавил Робин, потрясая над головой старика огромным охотничьим ножом.

– Солдаты, оставаться на местах! – громким голосом крикнул барон.

Солнце отражалось от блестящей глади клинка и слепило старика, внушая ему уважение к силе противника, а потому он счел всякое сопротивление бесполезным и, застонав, покорился.

– Чего ты хочешь от меня, добрый странник? – спросил он, стараясь придать своему голосу примирительный тон.

– Жизнь троих людей, которых вы хотите повесить, милорд, – ответил Робин Гуд.

– Я не могу оказать тебе эту милость, храбрый человек, – ответил старик, – эти несчастные убили королевских ланей, и это карается смертью. Весь Ноттингем знает, в чем они виновны и к чему приговорены, и если по преступной слабости я сдамся на твои просьбы, то об этой непростительной снисходительности сразу же узнает король.

Тут в толпе произошло какое-то движение и где-то просвистела стрела.

Робин понял, что подоспели его люди, и радостно вскрикнул.

– Ах, так вы Робин Гуд?! – жалобно воскликнул барон.

– Да, милорд, – ответил наш герой. – Я Робин Гуд.

Под дружеским прикрытием жителей города со всех сторон подходили веселые лесные братья. Красный Уилл и его люди быстро окружили своих товарищей.

Когда пленники были освобождены, барон Фиц-Олвин понял, что единственный способ самому уйти целым и невредимым из такого тяжелого положения – это помириться с Робин Гудом.

– Быстро уведите осужденных, – сказал он ему, – а то мои солдаты, вспомнив о недавнем поражении, могут помешать осуществлению ваших замыслов.

– Ваша учтивость продиктована страхом, – смеясь, сказал Робин Гуд. – Не мне бояться ваших солдат, – число и доблесть моих людей делают их неуязвимыми.

Сказав это, Робин Гуд насмешливо поклонился старику, повернулся к нему спиной и приказал своим людям уходить в лес.

Мертвенно-бледное лицо барона дышало одновременно страхом и яростью. Он собрал отряд, сел на коня и поспешно удалился.

Жители города, которые не считали браконьерство таким уж большим преступлением, приветственно крича, окружили веселых лесных братьев. Знатные горожане, которым бегство барона развязало руки, выражали Робин Гуду самые теплые чувства, а родители пленников обнимали колени освободителю своих сыновей.

И смиренная и искренняя благодарность этих бедных людей была дороже сердцу Робин Гуда, чем чувства, выраженные в цветистых речах.

IX

Прошел целый год с того дня, когда Робин столь великодушно пришел на помощь сэру Ричарду Равнинному, и вот снова уже несколько недель веселые лесные братья жили в Барнсдейлском лесу.

С раннего утра в тот день, когда должен был прибыть рыцарь, Робин Гуд готовился к его приему, но настал назначенный час, а должник все еще не появился.

– Не придет он, – сказал Красный Уилл, сидевший вместе с Робинем и Маленьким Джоном под деревом и с некоторым нетерпением поглядывавший на дорогу.

– Неблагодарность сэра Ричарда послужит нам уроком, – отозвался Робин, – и научит нас не доверять обещаниям; но ради любви к людям, не хотел бы я быть обманутым сэром Ричардом, потому что редко мне встречался кто-нибудь, на чьем лице бы так ясно читались честность и искренность, и, признаюсь, если мой должник нарушит слово, уж не знаю, по каким внешним признакам можно определить честного человека.

– А я с уверенностью жду приезда доброго рыцаря, – заявил Маленький Джон, – солнце еще не спряталось за деревьями, и часу не пройдет, как сэр Ричард будет здесь.

– Да услышит вас Господь, дорогой мой Джон, – ответил Робин Гуд, – хочется мне надеется, что слову сакса можно доверять. Я буду здесь до первых звезд, и, если рыцарь не приедет, для меня это будет траур по другу. Возьмите оружие, друзья, позовите Мача и пойдите втроем пройдите по дороге в аббатство Сент-Мэри. Может быть, вы увидите сэра Ричарда, а если этот неблагодарный не появится, то, возможно, вы встретите богатого норманна или изголодавшегося бедняка. Я хотел бы видеть новое лицо, пойдите поищите приключений и приведите мне какого-нибудь сотрапезника.

– Вот уж странная у вас манера утешаться, дорогой Робин, – со смехом сказал Уилл, – но пусть будет так, как вы хотите. Пойдемте поищем мимолетных развлечений.

Молодые люди позвали Мача, и, когда он отозвался, они все вместе отправились туда, куда указал Робин.

– Робин сегодня очень грустен, – задумчиво заметил Уилл.

– Почему? – удивленно спросил Мач.

– Да он опасается, что ошибся, доверившись сэру Ричарду Равнинному, – ответил Маленький Джон.

– Не вижу, чем эта ошибка может уж так огорчить Робина, – сказал Уилл, – в деньгах мы не нуждаемся и четырьмя сотнями золотых больше или меньше...

– Робин не о деньгах думает, – почти сердито оборвал его Джон, – и то, что вы сказали, братец, просто глупо. Робин горюет, что доверился человеку с неблагодарным сердцем.

– Я слышу стук копыт, – сказал Уилл, – остановимся.

– Я пойду навстречу путнику, – крикнул Мач и побежал вперед.

– Если это рыцарь, позовите нас, – сказал Джон. Уильям и его двоюродный брат остановились и стали ждать. Скоро в конце тропы показался Мач.

– Это не сэр Ричард, – сказал он, подходя ближе, – это два монаха-доминиканца в сопровождении дюжины человек.

– Ну, если у этих доминиканцев такая большая охрана, – заметил Джон, – то, будьте уверены, и деньги при них немалые. Значит, нужно пригласить их разделить с Робинем трапезу.

– Позвать кого-нибудь из наших людей? – спросил Уилл.

– Не стоит, у лакеев сердце в пятках, и они полностью рабы страха, а потому в случае опасности только и смогут, что бежать. Сами сейчас увидите, прав ли я. Внимание, вот и монахи. Не забудьте, их обязательно нужно отвести к Робину: он скучает и его это развлечет. Приготовьте луки и встаньте так, чтобы преградить этим всадникам путь.

Уильям и Мач точно выполнили приказ командира.

Выехав из-за поворота дороги, прихотливо петлявшей между двумя рядами деревьев, путешественники увидели, что их ожидают лесные братья, причем с явно враждебными намерениями.

Слуги, испугавшись этой опасной встречи, придержали лошадей, а монахи, до этого ехавшие впереди, попытались спрятаться за их спинами.

– Ни с места, святые отцы! – повелительно крикнул Джон. – А не то быть вам битыми до смерти.

Монахи побледнели, но, чувствуя себя во власти лесных братьев, решили покориться приказу, отданному столь грозно.

– Любезный незнакомец, – сказал один из них, пытаясь изобразить на лице вежливую улыбку, – что вам угодно от бедного служителя Церкви?

– Мне угодно, чтобы вы ехали побыстрее. Мой хозяин ждет вас уже три часа, и обед сейчас остынет.

Доминиканцы с беспокойством переглянулись.

– Смысл ваших слов для нас загадка, друг мой; соблаговолите объясниться, – сладким голосом ответил монах.

– Я повторяю, и объяснять тут нечего: мой хозяин ждет вас.

– А кто же ваш хозяин, друг мой?

– Робин Гуд, – коротко ответил Маленький Джон. Люди, сопровождавшие монахов, услышав это имя, вздрогнули как под порывом ледяного ветра. Они испуганно озирались, по-видимому думая, что знаменитый разбойник вот-вот появится из-за дерева или из кустов.

– Робин Гуд!? – повторил монах, и теперь в его голосе не было ничего мелодичного. – Я осведомлен о Робин Гуде: это вор и за его голову назначена награда.

– Робин Гуд не вор, – возмущенно ответил Маленький Джон, – и я никому не советую повторять наглые обвинения, которые вы выдвинули против моего благородного хозяина. У меня нет времени рассуждать с вами на столь тонкую тему. Робин Гуд приглашает вас отобедать, следуйте за мной и не сопротивляйтесь. Что же до ваших слуг, то пусть бегут побыстрее отсюда, пока целы. Уилл и Мач, стреляйте в первого же, кто вознамерится остаться здесь вопреки моей воле.

Лесные братья, уже опустившие было луки во время разговора Маленького Джона и монаха, снова подняли их и изготовились пустить свои смертоносные стрелы.

Увидев, что они под прицелом, слуги доминиканцев прищипорили лошадей и исчезли со скоростью, делавшей честь их осторожности.

Монахи вознамерились было последовать их примеру, но Маленький Джон схватил их лошадей под уздцы и заставил стоять на месте. Позади монахов Джон увидел грума, которому, по-видимому, было поручено вести на поводу вьючную лошадь, а рядом с грумом стоял, онемев от страха, мальчик, одетый пажом.

Дети оказались мужественнее, чем охрана, и не оставили своего поста.

– Присмотрите-ка за этими юнцами, – сказал Джон Красному Уиллу. – Я разрешаю им сопровождать хозяев.

Робин продолжал сидеть под Деревом Встреч; как только он увидел Джона с товарищами, он встал, пошел им навстречу и любезно поклонился монахам.

Такая вежливость не позволила доминиканцам предположить, что это и есть Робин Гуд, и они на поклон не ответили.

– Не обращайте внимания на этих грубиянов, Робин, – сказал Джон, рассерженный невежливостью монахов, – их плохо воспитали: у них нет ни добрых слов для бедных, ни учтивости ко всем прочим.

– Не важно, – ответил Робин, – я монахов знаю и не жду от них ни добрых слов, ни ласковой улыбки. Это для меня вежливость – долг. Но что это у вас там, Уилл? – спросил он, глядя на пажей и вьючную лошадь.

– Остатки отряда из дюжины человек, – со смехом ответил Уилл.

– А что вы сделали с этим доблестным войском?

– Ничего, вид наших луков посеял среди них страх и обратил их в бегство, они даже не оглянулись.

Робин расхохотался.

– Ну что же, достойные братья, вы, должно быть, голодны после довольно долгой дороги; не угодно ли разделить со мной трапезу?

Доминиканцы с таким ужасом смотрели на веселых лесных братьев, прибежавших на зов рога, что Робин, желая их успокоить, ласково сказал:

– Добрые монахи, не бойтесь ничего, вам не причинят никакого зла; садитесь и ешьте досыта.

Монахи повиновались, но видно было, что доброжелательные слова молодого атамана их не успокоили.

– Где находится ваше аббатство? – спросил Робин. – И как оно называется?

– Я принадлежу к братии аббатства Сент-Мэри, – ответил старший из монахов, – и я главный келарь монастыря.

– Добро пожаловать, брат келарь, – сказал Робин, – рад встретить человека с таким положением, как у вас. Вы скажете мне ваше мнение о моем вине, ибо я думаю, что уж в этом-то вы превосходно разбираетесь; надеюсь, оно придется вам по вкусу, потому что сам я привередлив и пью вино только лучшего качества.

Монахи почувствовали себя увереннее; они отменно поели, келарь признал блюда превосходными, а вино – чудесным, добавив, что отобедать на свежем воздухе и в такой веселой компании – одно удовольствие.

– Дорогой брат, – сказал Робин Гуд, когда трапеза подходила к концу, – вы, кажется, были удивлены тем, что вас ждал к обеду совершенно незнакомый вам человек. Сейчас я в немногих словах объясню вам тайну моего приглашения. Год тому назад я одолжил некую сумму одному другу вашего настоятеля, а поручительницей должника я согласился признать мать нашего Господа Иисуса, нашу святую покровительницу. Непокоримая вера в доброту Святой Девы вселила в меня надежду, что, когда придет срок платежа, я, не важно каким способом, получу назад деньги, которые я дал в долг. Ну, я и послал троих своих товарищей поискать путников; они встретили вас и привели ко мне. Вы принадлежите монастырю, и я не сомневаюсь в том, что Матерь Божья великодушно и предусмотрительно доверила это дело нам. Вы явились вернуть мне от ее имени деньги, которые я дал бедняку, как добро пожаловать.

– Я ничего не знаю о долге, о котором вы говорите, сударь, и денег вам не привез.

– Ошибаетесь, отец мой; уверен, что в сундуках, навьюченных на лошадь, которую ведут ваши пажи, как раз есть такая сумма. Сколько золотых у вас в маленьком кожаном сундуке, навьюченном на спину этого несчастного четвероногого?

Монах, застигнутый врасплох вопросом Робин Гуда, ужасно побледнел и невнятно проормотал:

– У меня их мало, сударь: самое большое – двадцать золотых.

– Только двадцать золотых? – переспросил Робин, пристально и жестко глядя на монаха.

– Да, сударь! – ответил монах, и бледность на его лице внезапно сменилась ярким румянцем.

– Если вы говорите правду, брат мой, – дружески продолжал Робин, – я ни гроша не возьму из них. И более того, дам вам столько денег, сколько вам нужно. Но зато, если вы злонамеренно солгали мне, я вам и пенни не оставляю. Маленький Джон, – добавил Робин, – осмотрите сундучок, о котором шла речь; если в нем только двадцать золотых, отнесите к собственности нашего гостя с полным уважением, а если там вдвое или втрое больше, возьмите все целиком.

Маленький Джон поспешил выполнить приказ Робина. Лицо монаха побледнело, на глазах выступили слезы бешенства, руки судорожно сжались, а из горла вырвалось глухое восклицание.

– А-а! – сказал Робин, глядя на доминиканца. – Сдается мне, что двадцать золотых живут в сундучке в многочисленной компании. Ну как, Джон, – спросил Робин, – так ли беден наш гость, как он говорит?

– Уж не знаю, беден ли он, – ответил Джон, – но в чем я уверен, так это в том, что в сун-

дучке я нашел восемьсот золотых.

– Оставьте мне эти деньги, сударь, – сказал монах, – они мне не принадлежат, я за них отвечаю перед настоятелем.

– А кому вы везли восемьсот золотых? – спросил Робин.

– Попечителям аббатства Сент-Мэри, от нашего аббата.

– Попечители злоупотребляют щедростью вашего настоятеля, и с их стороны очень дурно брать столь высокую плату за несколько снисходительных слов. На этот раз они ничего не получают, а вы им скажете, что Робин Гуду нужны были деньги, и он забрал то, что им причиталось.

– Тут есть еще один сундук, – сказал Джон, – его тоже открыть?

– Не надо, – ответил Робин, – удовлетворюсь восьмьюстами золотых. Сэр монах, вы можете продолжать свой путь. С вами обошлись любезно, и я надеюсь, что вы вполне удовлетворены.

– Я не считаю любезностью насильственное приглашение и открытый грабеж, – гневно ответил монах. – Вот теперь я вынужден вернуться в монастырь, а что я скажу приору?

– Поклонитесь ему от меня, – смеясь, ответил Робин Гуд. – Этот достойный брат меня знает, и дружеские воспоминания ему будут чрезвычайно приятны.

Монахи сели на лошадей и, горя гневом, галопом понеслись по дороге в аббатство Сент-Мэри.

– Да будет благословенна Святая Дева! – воскликнул Маленький Джон. – Она вернула нам деньги, которые вы одолжили сэру Ричарду, и если рыцарь изменил слову, мы утешимся тем, что ничего на этом не потеряли.

– Не так легко меня утешить в том, что я потерял доверие к честному слову сакса, – ответил Робин. – Я предпочел бы, чтобы сэр Ричард вернулся, пусть бедным и вовсе разоренным, чем прийти к убеждению, что он неблагодарен и нечестен.

– Мой благородный хозяин, – раздался вдруг радостный голос с поляны, – по большой дороге едет рыцарь, а с ним сотня человек верхами, вооруженных до зубов. Приготовьтесь остановить их?

– Это норманны? – живо спросил Робин.

– Не часто встретишь саксов, одетых так богато, как эти путники, – ответил юноша, доложивший о приближении этого внушительного отряда.

– Тогда тревога, братья мои! – воскликнул Робин. – Возьмите луки, спрячьтесь по тайникам, приготовьте стрелы, но, не получив приказа, не стреляйте.

Люди исчезли, и на поляне остался один Робин.

– А вы что, с нами не идете? – спросил Джон, увидев, что Робин улегся в тени дерева.

– Нет, – ответил молодой человек, – я их подожду и узнаю, с кем мы имеем дело.

– Тогда и я остаюсь с вами, – сказал Джон, – одному здесь быть опасно: стрелу пустить недолго. Если на вас нападут, я хоть смогу вас защитить.

– Тогда я тоже превращаюсь в вашего телохранителя, – сказал Уилл и сел рядом с Робин, небрежно растянувшись на траве.

Робина немного беспокоил столь неожиданный приезд отряда, такого большого по сравнению с числом его людей, по большей части рассеянных по лесу, и он не хотел начинать враждебных действий, не удостоверившись, что победа все же возможна.

Всадники быстро приближались вдоль опушки; когда они оказались на расстоянии одного полета стрелы оттого места, где находился Робин, тот, кто, по-видимому, был их предводителем, пустил лошадь галопом, направляясь к Робину.

– Это сэр Ричард! – радостно закричал Джон, взглядевшись в стремительно мчавшегося всадника.

– Благодарю тебя, святая Матерь Божья! – воскликнул Робин, вскакивая на ноги. – Сакс слова не нарушил!

Сэр Ричард поспешно спрыгнул с коня, подбежал к Робину и бросился ему в объятия.

– Да сохранит тебя Господь, Робин Гуд, – сказал он, отечески целуя молодого человека, – и да пошлет он тебе радость и здоровье до самого твоего смертного часа!

– Добро пожаловать в зеленый лес, милый рыцарь, – с волнением ответил Робин, – я счаст-

лив, что ты верен своему обещанию и что сердце твое полно добрых чувств к своему верному слуге.

– Я явился бы даже с пустыми руками, Робин Гуд, просто потому что пожать тебе руку – слава и честь для меня; но, к счастью для моей души, я могу вернуть тебе деньги, которые ты с такой добротой и непринужденной любезностью мне одолжил.

– Значит, ты снова вступил в полное владение своим имуществом? – спросил Робин Гуд.

– Да, и пусть Господь сторицей вернет тебе все, что я тебе должен.

Внимание Робина привлекли всадники, богато одетые по последней моде и блестящим кольцом окружавшие сэра Ричарда.

– Этот прекрасный отряд принадлежит тебе? – спросил молодой человек.

– Сейчас – да, – с улыбкой ответил рыцарь.

– Я в восторге от выправки твоих людей; вид у них воинственный, – продолжал Робин Гуд с неподдельным удивлением. – Они кажутся весьма дисциплинированными.

– Да, это храбрые и верные ребята, и все они саксы; преданность – их характерная черта, и эти их качества мне уже пришлось испытать. Ты мне окажешь большую услугу, дорогой Робин, если прикажешь твоим людям приютить их; они проделали длинный путь и, должно быть, нуждаются в нескольких часах отдыха.

– Сейчас они узнают, что такое лесное гостеприимство, – с готовностью ответил Робин. – Братья мои, – сказал он, обращаясь к своим людям, которые один за одним выходили из тайников, – эти ребята наши братья-саксы, они голодны и хотят пить. Покажите им, прошу вас, как мы принимаем друзей, когда они приходят к нам в гости в зеленый лес.

Лесные братья повиновались Робину с такой поспешностью, что сэр Ричард испытал невольное удовлетворение: не успел он отойти с хозяином и сторону, как на траве появилась еда, кувшины с элем и бутылки с вином.

Робин Гуд, сэр Ричард, Маленький Джон и Уилл приступили к сытному угощению, и за десертом рыцарь начал свой рассказ о том, что произошло со дня их последней встречи.

– Не стану описывать вам, дорогие друзья, с каким чувством благодарности, с какой радостью я уезжал из этого леса год тому назад. У меня сердце трепетало в груди, и я так спешил увидеть жену и детей, что доехал до замка быстрее, чем смогу рассказать эту историю.

«Мы спасены!» – воскликнул я, прижимая к сердцу свою бедную семью.

Жена расплакалась и чуть не упала без чувств от волнения и великого удивления.

«Кто же этот великодушный друг, пришедший нам на помощь?» – спросил Герберт.

«Дети мои, – ответил я, – напрасно я стучал во все двери, умолая о помощи тех, что называли себя нашими друзьями, и сочувствие ко мне проявил лишь человек, дотоле мне совершенно незнакомый. Этот благодетель – благородный изгнанник, защитник бедных, опора несчастных, мститель за угнетенных; этот человек – Робин Гуд».

Дети вместе с матерью стали на колени и набожными голосами вознесли Господу искреннюю благодарность и глубочайшую признательность.

Утолив потребность сердца, Герберт стал умолять меня разрешить ему навестить тебя, но я объяснил сыну, что тебя это скорее стеснит, чем обрадует, потому что ты не любишь, когда говорят о твоих добрых делах.

– Дорогой рыцарь, – прервал его Робин, – опусти, прошу тебя, эти подробности, и поведай нам, как ты уладил дела с аббатом обители Сент-Мэри.

– Терпение, милый хозяин, терпение, – с улыбкой сказал сэр Ричард, – я не собираюсь расхваливать вас, не беспокойтесь, я уже знаю вашу удивительную скромность; и все же я должен сказать, что нежная Лили присоединилась к мольбам Герберта, и мне пришлось применить всю отцовскую власть, чтобы как-то умерить порыв этих юных сердец. Я пообещал моим детям от нашего имени, что они будут иметь счастье принять нас и замке.

– Вы хорошо сделали, сэр Ричард, – с теплотой к голосе сказал Робин, – обещаю вам, что на днях воспользуюсь вашим гостеприимством.

– Спасибо, дорогой хозяин. Я сообщу Герберту и Лили об обещании, которое вы дали, и надежда поблагодарить вас лично доставит им огромное удовольствие. На следующий день по

приезде, – продолжал сэр Ричард, – я отправился в аббатство Сент-Мэри.

Позже я узнал, что как раз тогда, когда я ехал в монастырь, аббат и приор, сидя в трапезной, говорили обо мне.

«Сегодня ровно год, – говорил аббат приору, – как один рыцарь, чьи владения соседствуют с монастырскими, одолжил у меня четыреста золотых. Или он должен вернуть мне эти деньги с процентами, или я вступаю в безраздельное владение всем его имуществом. По моему мнению, начавшийся день заканчивается в полдень; значит, час уплаты уже наступил, и я могу считать себя полновластным хозяином всего его имения».

«Брат мой, – возмущенно сказал приор, – вы жестоки; всякий бедолага, который должен заплатить долг, по справедливости может иметь последнюю отсрочку на двадцать четыре часа. Стыдно вам требовать собственности, на которую вы пока не имеете никакого права. Действуя таким образом, вы разорите несчастного, доведете его до нищеты, а ваш долг как человека святейшей Церкви облегчать, насколько это в ваших силах, груз печалей, который несут наши несчастные братья».

«Поберегите ваши советы для других, – гневно ответил аббат, – я сделаю, как мне угодно, не принимая во внимание ваши лицемерные рассуждения».

В это время в трапезную вошел главный келарь.

«Есть новости от сэра Ричарда Равнинного?» – спросил у него аббат.

«Нет, но это и не важно. Зато я знаю, господин аббат, что имение теперь ваше».

«Королевский судья здесь, – продолжал аббат. – Пойду узнаю у него, могу ли я потребовать замок сэра Ричарда как принадлежащий мне».

Аббат пошел к судье, и тот, подкупленный им, ответил:

«Если сэр Ричард сегодня не приедет, ты можешь счи-т тать себя владельцем всего его имения».

Только он произнес это несправедливое решение, как я подъехал к воротам монастыря.

Чтобы окончательно испытать щедрость моего заимодавца, я оделся похуже, и те люди, что меня сопровождали, сделали то же самое.

Меня встретил привратник монастыря. В дни своем благоденствия я был добр к нему, и он сохранил об этом благодарную память. Он мне передал содержание разговора между приором и аббатом. Я этому не удивился, ибо знал, что от этого святого отца не могу ждать пощады.

«Добро пожаловать, – продолжал привратник. – Ваше появление приятно удивит приора. Милорд аббат наверняка будет меньше доволен, он уже чувствует себя хозяином вашего прекрасного замка. В большом зале собралось много людей – дворяне, несколько лордов. Я надеюсь, сэр Ричард, что вы не поверили сладким речам нашего настоятеля и привезли деньги», – добавил участливо и обеспокоено славный человек.

Я успокоил на сей счет доброго монаха и вошел один в зал, где собрался большой совет графства, чтобы подписать акт о передаче моих земель.

Мое появление произвело на благородное собрание впечатление столь уж неприятное, как если бы я был жутким выходцем с того света, нарочно явившимся, чтобы отнять у них такую неслыханную добычу.

Я скромно поклонился почтенному собранию и притворно-униженным голосом сказал аббату:

«Вы видите, сэр аббат, я сдержал слово, и вот явился».

«Вы привезли мне деньги?» – тут же спросил святой отец.

«Увы! Ни пенни...»

Радостная улыбка озарила лицо моего великодушного заимодавца.

«Тогда зачем же ты приехал, если не в состоянии отдать долг?»

«Я приехал умолять вас дать мне отсрочку еще на несколько дней».

«Это невозможно, по нашему уговору ты должен заплатить сегодня. Если ты этого сделать не можешь, твое имение принадлежит мне, впрочем, так и судья решил. Ведь так, милорд?»

«Да, – ответил судья. – Сэр Ричард, – добавил он, презрительно взглянув на меня, – земли ваших предков отныне переходят в собственность нашего достойного аббата».

Я изобразил полное отчаяние, умолял аббата сжалиться надо мной, дать мне отсрочку еще на три дня и описывал жалкую участь, которая ждет мою жену и детей, если их выгонят из дома. Аббат остался глух к моим мольбам, он устал от моего присутствия и надменно приказал мне выйти из зала.

Раздраженный его недостойным обращением со мной, я гордо поднял голову, вышел на середину зала и выложил на стол мешок с деньгами.

«Вот четыреста золотых, которые вы мне дали в долг, стрелка на часовом диске еще не указывает на полдень, следовательно, я выполнил все условия договора и, несмотря на ваши уловки, мои земли остаются за мной».

– Ты даже представить себе не можешь, Робин, – со смехом добавил рыцарь, – ярость и бешенство аббата, он вертел во все стороны головой, что-то невнятно бормотал, тарашил глаза и вообще был похож на сумасшедшего. Полубовавшись с минуту на его немую ярость, я вышел из зала, зашел к привратнику, переоделся в приличное платье, передел слуг и в сопровождении, достойном моего звания, вернулся в зал.

Перемена в моем внешнем облике, по-видимому, всех чрезвычайно удивила; я спокойно подошел к месту, где сидел судья.

«Обращаюсь к вам, милорд, – твердо и громко произнес я, – чтобы спросить вас в присутствии всего этого почтенного собрания, которое вас окружает, остаются ли Равнинный замок и прилегающие к нему земли в моем владении, если я выполнил все условия договора?»

– Да, остаются, – нехотя ответил судья.

Я склонился перед столь справедливым решением и с радостным сердцем покинул монастырь.

По дороге домой я встретил жену и детей.

«Будьте счастливы, мой дорогие, – сказал я, целуя их, – и молитесь за Робин Гуда: если бы не он, быть бы нам нищими. И постараемся показать этому великодушному человеку, что мы не забываем услуг, которые нам оказали».

Со следующего же дня мы взялись за работу, и наша земля, хорошо обработанная, скоро принесла нам столько, что мы смогли выручить owedенную тобой сумму. Я привез тебе пятьсот золотых, Робин, сотню луков из лучшего тиса, столько же колчанов со стрелами, а кроме того, я дарю тебе отряд воинов, которыми ты только что восхищался. Они хорошо вооружены и под каждым из них прекрасный боевой конь. Пусть они будут твоими слугами, ты увидишь, что они верны и признательны.

– Я перестану сам себя уважать, дорогой рыцарь, если приму от тебя такой ценный подарок. – взволнованно сказал Робин. – Я и денег, которые ты привез, не хочу брать. Сегодня заезжал ко мне позавтракать главный эконо аббатства Сент-Мэри, и его траты здесь составили во семьсот золотых. Я никогда не получаю денег дважды за день, и раз я взял золото монаха вместо твоего, ты со мной и расчете. Я знаю, милый рыцарь, что твое состояние сильно пострадало из-за требований короля, и его следует поберечь. Подумай о своих детях: я теперь богат, норманны толпами приезжают в наши края, а у них карманы набиты золотом. Не будем больше говорить об услуге, о признательности, разве только о том, чем я могу поспособствовать твоему благополучию и счастью твоих близких.

– Твои поступки так благородны и великодушны, – в умилении ответил сэр Ричард, – что мне неловко настаивать, чтобы ты взял подарки, от которых ты отказываешься.

– Да, не будем больше говорить об этом, сэр рыцарь, – ответил Робин, – расскажите лучше, почему вы так поздно явились на наше свидание.

– По дороге сюда я проезжал через деревню, – ответил сэр Ричард, – где собрались лучшие йомены из западных краев; они состязались в силе. Победителю предназначались в награду белый бык, лошадь, седло и сбруя с золотыми заклепками, пара перчаток, серебряное кольцо и бо-чонок старого вина. Я на минуту остановился посмотреть на это соревнование. Один йомен, довольно обыкновенного роста, показал такую замечательную силу, что все награды должны были достаться ему: он победил всех соперников, а сам остался стоять. Ему собирались отдать все, что он законно завоевал, но тут он сказал, что входит в число твоих людей.

– А это действительно так? – живо спросил Робин.

– Да, его звали Гаспар Лудильщик.

– Так он выиграл награды, наш храбрый Гаспар?

– Выиграл все, но под тем предлогом, что он принадлежит компании веселых лесных братьев, его права оспаривали. Гаспар смело их отстаивал, но тут двое или трое его соперников принялись поносить тебя. Нужно было видеть, как Гаспар бросился тебя защищать всей мощью своей глотки и всей силой своих мышц; он так громко кричал и так умело работал руками, что вдело пошли ножи, и твой бедный Гаспар был бы побежден не числом, так хитростью, но тут вмешался я с моими людьми и заставил всех разбежаться. Оказав храброму малому эту услугу, я дал ему на вино пять золотых, а беглецов пригласил ознакомиться с содержимым бочки. Как ты понимаешь, они не отказались, а Гаспара я увез, чтобы они не вздумали потом на нем отыграться.

– Благодарю тебя за то, что ты защитил одного из моих храбрых слуг, дорогой рыцарь, – промолвил Робин. – Тот, кто приходит на помощь моим товарищам, имеет право на мою вечную дружбу. Если я тебе когда-нибудь понадобится, смело проси у меня чего только хочешь: моя рука и мой кошелек в твоём распоряжении.

– Я всегда буду относиться к тебе как к настоящему другу, Робин, – ответил рыцарь, – и надеюсь, что и ты ко мне будешь относиться так же.

Вторая половина дня прошла весело, а ближе к вечеру сэр Ричард отправился с Робинем, Уиллом и Маленьким Джоном в замок Барнсдейл, где собрались все члены семейства Гэмвеллов.

Сэр Ричард не мог сдержать улыбку, любуясь десятью очаровательными молодыми женщинами, которых ему представили. Обратив особое внимание рыцаря на свою нежно любимую Мод, Уилл отвел его в сторону и спросил у него шепотом, видел ли тот еще когда-нибудь в жизни такое прелестное лицо.

Рыцарь рассмеялся и тихо ответил Уиллу, что выразить вслух свои мысли о несравненной Мод было бы невежливо по отношению к прочим дамам.

Уильям, очарованный этим любезным ответом, отправился поцеловать жену в полном убеждении, что он счастливейший из всех мужей на свете.

Когда наступила ночь, сэр Ричард покинул Барнсдейл и в сопровождении нескольких человек, которые должны были провести его через лес, вернулся со своими слугами в Равнинный замок.

Х

Шериф Ноттингема (мы говорим о блаженной памяти лорд де Фиц-Олвине), узнав, что Робин Гуд с частью своих людей находится в Йоркшире, решил, что будет возможно, взяв сильный отряд храбрых солдат, очистить Шервудский лес от разбойников: по его мнению, оставшись без главаря, защищаться они бы не смогли. Замыслив этот хитроумный поход, барон намеревался установить наблюдение на опушках старого леса для того, чтобы остановить Робина, когда тот будет возвращаться. Солдаты его, как известно, не были храбрецами и героями, а потому он вызвал из Лондона отряд хороших бойцов и стал сам обучать их для предстоящей охоты на разбойников.

Но у веселых лесных братьев было столько друзей в Ноттингеме, что они узнали об участии, которую уготовил им расположенный к ним барон, задолго до того, как тот назначил день кровавого побоища.

Выигрыш во времени позволил лесным братьям принять меры к своей защите и приготовиться к встрече с отрядом благородного шерифа.

Возбужденные обещанием богатой награды, люди барона с видом неукротимой храбрости двинулись в поход. Но как только они вошли в лес, на них обрушилась такая страшная лавина стрел, что половина этих бойцов устала землю своими телами.

За первым залпом последовал второй, еще более сокрушительный, еще более смертонос-

ный; каждая стрела попадала в цель, а стрелки оставались невидимыми.

Посеяв ужас и смятение в рядах противника, лесные братья появились из укрытия, испуская воинственные крики и сокрушая всех, кто пытался сопротивляться их мощному натиску.

Людьми барона овладела страшная паника, и в неопишемом беспорядке отряд вернулся в Ноттингемский замок.

В этой странной битве не был ранен ни один из веселых братьев, а к вечеру, отдохнув от бранных трудов, такие же свежие и полные сил, как и до нападения, они положили тела убитых солдат на носилки и отнесли их к наружным воротам замка Фиц-Олвина.

В ярости и отчаянии барон всю ночь стонал и жаловался на свои несчастья, обвинял своих людей, жаловался, что Небесный покровитель его покинул, упрекал всех на свете за поражение своего отряда, а под конец заявил, что он доблестный полководец, но его губит злая воля подчиненных.

На следующий вечер после этого горестного дня к лорду Фиц-Олвину приехал в гости один его друг-норманн в сопровождении пятидесяти человек. Барон рассказал ему о своем печальном приключении и добавил, несомненно для того чтобы объяснить свои постоянные неудачи, что люди Робин Гуда невидимы.

– Дорогой барон, – спокойно ответил сэр Гай Гисборн (таково было имя гостя), – да будь Робин Гуд хоть самым чертом, захоти я ему рога обломать, мне это удастся сделать.

– Говорить-то легко, друг мой, – едко ответил старый лорд. – Даже очень легко сказать: «Стоит мне захотеть, и я бы сделал то или это»; держу с вами пари, что вы Робин Гуда не захватите.

– Если бы такова была моя воля, меня не надо было бы подхлестывать, – безмятежно ответил норманн. – Я чувствую в себе достаточно силы, чтобы укротить льва, а ваш Робин Гуд в конце концов всего лишь человек; человек ловкий, допускаю, но вовсе не какая-то неуловимая демоническая личность.

– Вы можете говорить что угодно, сэр Гай, – возразил барон, по-видимому решивший уговорить норманна выступить против Робин Гуда, – но во всей Англии не найдется человека, будь он крестьянин, солдат или знатный вельможа, который заставил бы этого отважного разбойника склонить голову. Он ничего не боится, ничто не может его утешить: он бы не испугался и целой армии.

Сэр Гай Гисборн презрительно улыбнулся.

– Я ничуть не сомневаюсь в доблести этого храброго изгнанника, – сказал он, – но согласитесь, барон, что до сих пор Робин Гуду приходилось сражаться лишь с призраками.

– Как?! – воскликнул барон, жестоко уязвленный и своим полководческим самолюбием.

– Да, с призраками, повторяю, мой старый друг. Ваши солдаты не люди, а мешки с грязью. Да виданы ли где-нибудь еще такие трусы: они бегут перед стрелами разбойников, и одно имя Робин Гуда повергает их в трепет! О, если бы я был на вашем месте!

– А что бы вы сделали? – с жадным нетерпением спросил барон.

– Я повесил бы Робин Гуда.

– Нельзя сказать, чтобы у меня не хватало желания и доброй воли поступить так же, – сумрачно отозвался барон.

– Замечу, барон, что у вас просто не хватало сил. Эх! Счастье для вашего врага, что он не встретился со мной лицом к лицу.

– Ах, вот как! – со смехом воскликнул барон. – Вы бы его копьем проткнули, правда? Вы меня смешите, мой друг, своим хвастовством. Оставьте, вы бы задрожали всем телом, если бы я сказал вам: «Вот Робин Гуд!»

Норманн подпрыгнул на стуле.

– Да будет вам известно, – в ярости возразил он, – я не боюсь ни людей, ни черта, ни вообще кого бы то ни было, и в свою очередь бросаю вам вызов: попробуйте поставить меня в положение, в котором мне не достало бы мужества. Поскольку с имени Робин Гуда началась наша беседа, прошу вас об одолжении: наведите меня на след этого человека, которого вам угодно считать непобедимым, потому что вы не сумели его одолеть. Я схвачу его, обрежу ему уши и

повешу за ногу, совсем как поросенка. Где я могу встретить этого могучего человека?

– В Барнсдейлском лесу.

– А далеко ли этот лес от Ноттингема?

– В двух днях пути проселочными дорогами; и поскольку я был бы в отчаянии, дорогой сэр Гай, если бы с вами произошло несчастье по моей вине, я прошу у вас разрешения присоединить своих людей к вашим, и мы вместе отправимся на поиски этого негодяя. Мне из достоверного источника стало известно, что лучшая часть его людей сейчас не с ним. Если мы будем действовать осторожно, нам будет несложно окружить это разбойничье гнездо, захватить главаря, а остальных предоставить мести наших солдат. Мои люди жестоко пострадали от него в Шервудском лесу и будут счастливы отплатить за все.

– От всего сердца принимаю ваше великодушное предложение, дорогой друг, – ответил норманн, – потому что оно дает возможность доказать вам, что Робин Гуд вовсе не дьявол и невидимка, а чтобы уравнивать наши возможности и показать, что я не собираюсь действовать исподтишка, я оденусь йоменом и буду сражаться с Робин Гудом.

Барон постарался скрыть удовольствие, доставленное ему горделивыми словами гостя, и позволил себе высказать несколько робких замечаний относительно опасности, которой подвергает себя его дорогой друг, и по поводу того, что было бы неосторожно переодеваться и вступать в рукопашную борьбу с человеком, прославленным своей силой и ловкостью.

Но норманн, преисполненный тщеславной самоуверенностью, оборвал притворные предостережения барона, и тот со скоростью, делавшей честь его возрасту, побежал отдавать распоряжения о подготовке к выступлению.

Спустя час сэр Гай Гисборн и лорд Фиц-Олвин в сопровождении сотни солдат с самым воинственным видом вступили на дорогу, которая должна была привести их к Барнсдейлскому лесу.

Барон и его новый союзник условились, что Фиц-Олвин поведет свой отряд в заранее условленное место леса, а там сэр Гай, защитой которому от всякого рода враждебных намерений будет служить костюм йомена, отделится от них, разыщет Робин Гуда, так или иначе сумеет сразиться с ним и, разумеется, отправит его на тот свет. Свою победу норманн (в ней добавим мы, он ничуть не сомневался) собирался возвестить барону особой мелодией охотничьего рожка. По этому знаку шериф должен был объявить о победе норманна и прискакать во весь опор со своими людьми на место битвы. Увидев труп Робин Гуда и тем самым убедившись в победе, солдаты должны были обыскать все заросли, пещеры и убить или взять в плен – по своему усмотрению – всех разбойников, какие попадутся им в руки.

Пока отряд в великой тайне продвигался к Барнсдейлскому лесу, Робин Гуд, беззаботно растянувшись в тени густой листвы Дерева Встреч, спал крепким сном.

Маленький Джон, сидя рядом с ним, оберегал его сон и покой, размышляя о том, какая умная, добрая и очаровательная у него жена, прелестная Уинифред, как вдруг ею мечты были прерваны резким криком дрозда: усевшись на одной из нижних ветвей Дерева Встреч, он свистел во весь голос, хлопая крыльями.

Этот резкий звук разбудил Робина; он проснулся и испуганно вскочил.

– Ну-ну, – сказал Джон. – Что случилось, дорогой Робин?

– Да ничего, – ответил тот, немного успокоившись, – мне снился сон, и, уж и не знаю, говорить ли мне тебе об этом, я испугался. Мне снилось, что на меня напали двое йоменов, они меня нещадно били, и я им отвечал с беспримерной щедростью. Но они бы победили меня, и я уже смотрел смерти в глаза, как вдруг появилась птичка и сказала мне на своем птичьем языке: «Держись, сейчас я пошлю тебе помощь». Я проснулся и не увидел ни опасности, ни птицы; а значит, сон всегда ложь, – с улыбкой добавил Робин.

– Я думаю иначе, атаман, – озабоченно возразил Джон, – потому что часть вашего сна осуществилась. Вот на этой ветке, что над вами, сейчас только сидел дрозд и распевал во все горло. Вы проснулись, и это заставило его улететь. Может быть, он хотел вас предупредить.

– Неужто мы настолько суеверны, друг Джон? – весело поинтересовался Робин. – Полно, в нашем возрасте это было бы просто смешно. Пусть в это верят девочки и мальчики, не для нас

эти детские глупости! И все же, – продолжал Робин, – наверное, в нашей полной опасности жизни стоит обратить внимание на все, что происходит вокруг. Кто знает, может быть дрозд нам сказал: «Внимание, часовые, опасность!» А ведь мы – часовые отряда веселых лесных братьев. Итак, вперед: кто предупрежден об опасности, наполовину ее избежал.

Робин затрубил в рог, и на его зов прибежали лесные братья, бродившие по соседним полянам.

Робин послал их на дорогу, ведущую в Йорк, потому что опасаться нападения приходилось только с этой стороны, а сам в сопровождении Джона отправился осматривать другую часть леса. Уильям и еще двое лесных братьев пошли по дороге в Мансфилд.

Оглядев внимательно все тропинки и дороги, Робин и Джон пошли вслед за Красным Уиллом. И там, у поворота в лощину, они встретили йомена, чьи плечи, как плащ, покрывала лошадиная шкура. В то время такое странное одеяние было широко распространено среди йоркширских йоменов, и большинстве своем занимавшихся разведением лошадей.

Повстречавшийся им йомен носил у пояса меч и кинжал, и по жестокому выражению его лица было видно, что человекоубийство для него дело привычное.

– О-о! – воскликнул Робин, увидев его. – Душой клянусь, это отпетый негодяй: от него прямо веет преступлениями. Я сейчас расспрошу его, и если он по чести и совести не ответит на мои вопросы, я попробую узнать, какого цвета у него кровь.

– Он похож на огромного дога с крепкими клыками. Осторожнее, дорогой Робин, оставайтесь здесь, под деревом, я сам спрошу его имя, прозвища и звания.

– Дорогой Джон, – возразил Робин, – что-то в этом парне меня притягивает. Дайте-ка я разберусь с ним по-своему. Я уже давно не бился, и клянусь Матерью Божьей, своей доброй заступницей, что если бы я слушался ваших разумных советов, то никогда бы ни с кем ни одним тумачом не обменялся. Берегись, друг Джон, – с улыбкой добавил Робин, – как бы однажды из-за отсутствия противника я бы на тебя не кинулся, причем просто для того, чтобы поупражнять себе руку; так что тебе все равно придется стать жертвой собственной доброжелательности и великодушия. Иди, догоняй Уилла, а ко мне возвращайся, когда мой рог протрубит победу.

– Ваша воля для меня закон, Робин Гуд, – сердито ответил Джон, – и я обязан ей повиноваться, пусть и нехотя.

Мы оставим Робина продолжать путь навстречу незнакомцу, а сами последуем за Маленьким Джоном: покорный воле атамана, он поспешил, чтобы догнать Уилла и двух его спутников, отправившихся по дороге на Мансфилд.

Метрах в трехстах от того места, где он оставил Робина с йоменом, Джон наткнулся на Красного Уилла и его двух спутников, дравшихся со всей силой своих мускулов с дюжиной солдат. Джон издал воинственный клич и одним прыжком очутился рядом с друзьями. Но тут опасность, и без того трудно преодолимая, увеличилась еще больше: лязг оружия и конский топот привлекли внимание молодого человека к концу дороги.

Там, в тени, отбрасываемой деревьями, появился отряд солдат, впереди которого гарцевала лошадь в богатой сбруе. На лошади, держа копье наперевес, с надменным видом восседал шериф Ноттингема.

Джон кинулся им навстречу, натянул лук и прицелился в барона. Но он действовал с такой поспешностью и горячностью, что слишком сильно натянутый лук лопнул в его руках, как будто он был из стекла.

Джон выбрал ни в чем не повинную стрелу и схватил другой лук: его только что натягивал разбойник, тяжело раненный солдатами, которые сражались с Уильямом.

Барон понял смысл движения и намерения лучника; пригнувшись, он почти слился со спиной лошади, и стрела, предназначенная ему, сбила на землю человека, ехавшего позади него.

Это падение ожесточило весь отряд, и солдаты, твердо решив одержать победу и видя, что они превосходят противника числом, пришпорили лошадей и бросились вперед.

Из двух товарищей Уильяма один уже погиб, а другой еще сражался, но было понятно, что он вот-вот упадет. Джон понял, какая опасность угрожает его двоюродному брату. Он бросился к сражающимся, вырвал Уилла из рук врагов и приказал ему бежать.

– Никогда, – гордо ответил Уилл.

– Бога ради, Уилл, – говорил Джон, продолжая отбиваться от нападающих, – ступай за Робин и приведи лесных братьев! Увы! Сегодня по зеленой траве потекут красные ручьи: Небо предупреждало нас песней дрозда.

Уильям уступил мольбам двоюродного брата, да и было понятно, как это важно, при виде числа солдат, начавших заполнять поляну. Он нанес ужасный удар человеку, который пытался преградить ему путь, и исчез в чаще.

Маленький Джон сражался как лев, но бороться с таким количеством врагов в одиночку было чистым безумием. Джон был побежден; солдаты связали ему руки и ноги и прислонили к дереву.

Тут появился барон, и это решило участь нашего бедного друга.

Привлеченный громкими криками, лорд Фиц-Олвин поспешил подъехать.

Увидев пленника, он свирепо улыбнулся, дав выход давно накопившейся ненависти.

– А-а! – сказал он, с неопишуемым счастьем вкушая радость победы. – Наконец-то ты в моих руках, здоровенная лесная жердь! Я заставлю тебя дорого заплатить за твою наглость, прежде чем отправлю на тот свет.

– Честью клянусь, – спокойно ответил Джон, яростно кусая при этом свою нижнюю губу, – какие бы пытки вам ни вздумалось ко мне применить, они не смогут заставить вас забыть, что я держал вашу жизнь в своих руках, и, если еще у вас есть власть мучить саксов, так это из-за моей доброты. А теперь берегитесь! Сейчас явится Робин Гуд, и его вам не так легко будет победить, как меня.

– Робин Гуд! – с насмешкой ответил барон. – Скоро пробьет и его последний час. Я дал приказ отрезать ему голову, а тело оставить в пищу здешним волкам. Солдаты, – обратился он к двум своим верным слугам, – послушные исполнители моих приказов, привяжите этого негодяя на спину лошади, а мы, не слишком удаляясь от этого места, подождем возвращения сэра Гая. Скорее всего он принесет нам голову этого презренного Робин Гуда.

Солдаты спешили, но были готовы снова сесть на коней, а барон удобно устроился на поросшей травой кочке и стал терпеливо ждать звуков рога сэра Гая.

Оставим его светлость отдыхать от треволнений дня и посмотрим, что произошло между Робин Гудом и человеком, покрытым лошадиной шкурой.

– Доброе утро, сударь, – сказал Робин Гуд, подходя к незнакомцу. – Судя по прекрасному оружию, которое вы держите в руках, вы неплохой лучник.

– Я потерял дорогу, – промолвил путник, ничего не ответив на вопрос, который заключался в этом замечании, – и боюсь, что совсем заблужусь среди этих развилок, полян и троп.

– Я хорошо знаю лесные тропы, сударь, – вежливо ответил Робин Гуд, – и, если вам угодно мне сказать, в какую часть леса вам бы хотелось попасть, я охотно буду вашим проводником.

– Я не иду в какое-либо определенное место, – ответил его собеседник, внимательно разглядывая Робина, – но хочу подойти поближе к самой чаще, потому что надеюсь там встретить человека, с которым мне очень хотелось бы побеседовать.

– Этот человек ваш друг? – любезно спросил Робин Гуд.

– Нет, – гневно возразил незнакомец, – это очень опасный негодяй, разбойник, по которому плачет веревка.

– Вот как! – по-прежнему улыбаясь, сказал Робин. – А позвольте спросить имя этого висельника?

– Конечно; его зовут Робин Гуд, и, знаете ли, молодой человек, я бы, не скупясь, дал десять золотых, чтобы встретиться с ним.

– Дорогой господин, – сказал Робин Гуд, – поздравьте себя с тем, что нас свел случай, так как я могу, не искушая вашей щедрости, отвести вас к Робин Гуду. Позвольте только спросить ваше имя.

– Меня зовут сэр Гай Гисборн, я богат, и у меня много вассалов. Мое платье, как вы понимаете, это просто ловкое переодевание. Робин Гуд вряд ли станет опасаться столь жалко одетого бедняка и подпустит меня к себе. Значит, просто нужно узнать, где он есть. Как только я обна-

ружу его и пределах досягаемости, он умрет, клянусь вам, у него не будет ни времени, ни возможности защищаться: я убью его без всякой пощады.

– Значит, Робин Гуд причинил вам много зла?

– Мне? Никогда! Да я и не знал о его существовании еще несколько часов назад, и если вы отведете меня к нему, то сами убедитесь, что мое лицо ему совершенно незнакомо.

– Тогда какие же причины заставляют вас покушаться на его жизнь?

– А нет никаких причин; таково мое желание, вот и все.

– Странное желание, позвольте вам заметить, и более того, я искренне жалею вас за то, что вам в голову приходят такие кровожадные мысли.

– Ну, тут вы ошибаетесь: не так уж я и зол, и, если бы не этот дурак Фиц-Олвин, я в эту минуту спокойно ехал бы к себе домой. Это он толкнул меня испытать судьбу, поспорив, что я побоюсь вызвать Робин Гуда на поединок. Теперь задето мое самолюбие, и я должен победить во что бы то ни стало. Да, кстати, – добавил сэр Гай, – я сказал вам свое имя, звание и планы, теперь ваша очередь отвечать на вопросы. Кто вы?

– Кто я? – громко повторил Робин Гуд и сурово взглянул на собеседника. – Ты сейчас это узнаешь: я граф Хантингдон, король леса; я тот, кого ты ищешь: я Робин Гуд!

Норманн резко отскочил назад.

– Тогда готовься к смерти! – крикнул он и обнажил меч. – Сэр Гай Гисборн слова на ветер не бросает: он поклялся тебя убить, и ты умрешь! Молись, Робин Гуд, потому что через несколько минут мой рог сообщит моим товарищам, а они здесь, неподалеку, что главарь разбойников уже только труп без головы.

– Победитель получит право и обязанность распоряжаться телом противника, – холодно ответил Робин Гуд. – Ну же, защищайся! Ты поклялся не щадить меня, и, если Пресвятая Дева дарует мне победу, я тоже поступлю с тобой так, как ты того заслуживаешь. Значит, пощады ни одному ни другому! Жизнь и смерть стоят друг против друга!

И они скрестили мечи.

Норманн был не только настоящим Геркулесом, но еще и превосходным фехтовальщиком. Он так яростно бросился на Робина, что заставил его отступить, и тот запутался в корнях дуба. Сэр Гай, взгляд которого был также точен, как быстра его рука, мгновенно заметил, какое преимущество он получил. Он удвоил усилия, и Робин почувствовал, как меч несколько раз дрогнул под сильным натиском противника. Положение Робина становилось все опаснее: узловатые корни дерева стесняли его движения, он цеплялся за них ногами и не мог двинуться ни вперед ни назад. Тогда он решил сделать прыжок и вырваться из невидимого круга; как загнанный олень, он выскочил на откос дороги, но, споткнувшись левой ногой о стелющуюся ветвь, упал прямо в пыль.

Сэр Гай был не тот человек, чтобы упустить подобный случай: он издал победный клич и бросился на Робина с очевидной целью рассечь ему голову.

Робин увидел опасность; он закрыл глаза и с горячей мольбой прошептал:

– Пресвятая Матерь Божья, приди мне на помощь! Всемиловитая заступница, не дай погибнуть мне от руки этого презренного норманна!

И не успел он произнести эти слова, которые сэр Гай не посмел прервать, приняв их за последнее покаяние, как почувствовал, что в тело его вливаются новые силы; он повернул свой меч острием к врагу, и пока тот искал, как бы отклонить его, Робин вскочил на ноги; теперь он был свободен в движениях и стоял на ногах посреди дороги. Битва, прервавшаяся было на мгновение, возобновилась с новой силой, но победа повернулась лицом к Робину. Сэр Гай выронил из рук оружие и упал, не вскрикнув: клинок вошел ему в грудь – он был мертв. Возблагодарив Бога за то, что он послал ему победу, Робин убедился в том, что сэр Гай действительно испустил последний вздох. Разглядывая лицо норманна, Робин вспомнил, что этот человек явился сюда не один, а привел с собой целый отряд и что этот отряд, спрятавшись где-то неподалеку в лесу, ждет сигнала его охотничьего рога.

«Думаю, будет благоразумно, – сказал себе Робин, – пойти посмотреть, не солдаты ли барона Фиц-Олвина эти храбрецы, и своими глазами убедиться, получают ли они удовольствие,

узнав о моей смерти. Я надену наряд сэра Гая, отрублю ему голову и вызову сюда его терпеливых товарищей».

Робин Гуд снял с тела убитого основные части его наряда, не без некоторого отвращения натянул их на себя и, покрыв плечи лошадиной шкурой, стал неотличимо похож на сэра Гая.

Переодевшись и сделав так, чтобы голову сэра Гая с первого взгляда узнать было невозможно, Робин Гуд протрубил в рог.

В ответ раздалась победные кличи, и Робин Гуд бросился в ту сторону, откуда доносились радостные голоса.

– Прислушайтесь, прислушайтесь как следует, – воскликнул Фиц-Олвин, приподнимаясь, – это рог сэра Гая?

– Да, милорд, – ответил один из людей рыцаря, – ошибки тут быть не может, у рога моего хозяина совсем особенный звук.

– Значит, победа! – воскликнул старый лорд. – Храбрый и достойный сэр Гай убил Робин Гуда.

– Целая сотня сэров Гаев не смогла бы убить Робин Гуда, сражаясь с ним честно и один на один, – прорычал бедный Джон, хотя смертельная тревога сжала ему сердце.

– Замолчите, длинноногий дурак! – грубо приказал барон. – И если у вас хорошие глаза, взгляните на тот край поляны и вы увидите, что победитель вашего презренного главаря, доблестный сэр Гай Гисборн, бегом направляется к нам.

Джон приподнялся и, как и говорил барон, увидел йомена, наполовину скрытого под лошадиной шкурой. Робин так хорошо изображал походку рыцаря, что Джон узнал в нем того человека, которого он оставил наедине со своим другом.

Крик бессильного бешенства вырвался из его груди.

– Ах, разбойник, ах, нехристь! – в отчаянии воскликнул Джон. – Он убил Робин Гуда! Он убил самого храброго сакса во всей Англии! Отмщение! Отмщение! Отмщение! У Робин Гуда есть друзья, и в графстве Ноттингем найдется сотня рук, чтобы отомстить его убийце!

– Молись, собака! – закричал барон. – И оставь нас в покое; твой главарь умер, и тебя ждет та же участь. Молись, и постарайся избавить свою душу на том свете от мук, которые на этом ждут твоё тело. Ты что думаешь, мы будем к тебе милостивее от твоих тщетных угроз благородному рыцарю, очистившему землю от бесчестного разбойника? Подойди, храбрый сэр Гай, – продолжал лорд Фиц-Олвин, обращаясь к Робин Гуду, который быстро приближался к ним, – ты заслужил все наши похвалы и всю нашу признательность: ты остановил разбой на нашей земле, ты убил человека, которого внушаемый им ужас объявил непобедимым, ты убил знаменитого Робин Гуда! Проси у меня награду за свою услугу: я согласен пустить для тебя в ход свое влияние при дворе, обещаю тебе поддержку и вечную дружбу. Проси чего хочешь, благородный рыцарь, я все готов тебе отдать.

Робин с одного взгляда оценил положение. Свирепые взгляды, которые бросал на него Джон, еще яснее, чем благодарные речи старого лорда, показывали, что его узнать было просто невозможно.

– Я не заслуживаю такой благодарности, – ответил Робин, стараясь как можно точнее подражать голосу рыцаря. – Я убил в честном бою того, кто напал на меня, и, раз уж вам угодно, дорогой барон, чтобы я сам назвал награду за мою победу, я прошу вас разрешить мне в благодарность за оказанную нам услугу сразиться с тем негодяем, которого вы схватили: он так и пожирает меня глазами, и мне это надоело; а потому я отправлю его на тот свет в общество его милого друга.

– Как вам будет угодно! – ответил лорд Фиц-Олвин, радостно потирая руки. – Убейте его, если хотите, его жизнь принадлежит вам.

Голос Робин Гуда не мог обмануть Маленького Джона. Страшная тяжесть, давившая ему на сердце, исчезла, и он спокойно вздохнул.

Робин подошел к Джону, за ним последовал барон.

– Милорд, – со смехом обратился к нему Робин, – оставьте, прошу вас, меня с этим негодяем одного; я совершенно уверен, что страх постыдной смерти развяжет ему язык и заставит от-

крыть мне тайну лесного убежища их шайки. Отойдите, и людей удалите, а то я обойдусь с любопытными так же, как с тем человеком, которому принадлежит эта голова.

И с этими словами Робин Гуд бросил свою кровавую добычу в руки лорда Фиц-Олвина. Старик в ужасе вскрикнул, а обезображенная голова сэра Гая упала на землю и покатилась в пыль.

Солдаты в страхе поспешили отойти.

Оставшись вдвоем с Маленьким Джоном, Робин Гуд поспешил перерезать веревки, которыми тот был связан, вложил ему в руки лук и стрелы сэра Гая, а потом затрубил в рог.

И не успело его звонкое пение наполнить лесную чащу, как раздались грозные голоса, ветви деревьев с шумом раздвинулись, пропуская сначала Красного Уилла, лицо которого в эту минуту было краснее меди, а за ним – отряд лесных братьев с обнаженными мечами.

Это появление лесных братьев потрясло шерифа подобно грому: ему показалось, что он спит и видит сон. Он ничего не видел и ничего не слышал, а жуткий страх сковал все его члены. Целую минуту, показавшуюся ему вечностью, он ничего не мог понять, потом шагнул к тому, кого принял за норманнского рыцаря, и оказался лицом к лицу с Робинем, который сбросил лошадиную шкуру и, стоя с обнаженным мечом в руке, держал на почтительном расстоянии от себя солдат, потрясенных не менее барона.

Лорд Фиц-Олвин, сжав зубы, не произнес ни слова, круто повернулся и, забыв отдать приказ своим солдатам, вскочил в седло и унесся во весь опор.

Солдаты, увлеченные столь достойным подражания примером, повторили маневр барона и галопом умчались вслед за ним.

– Пусть тебя черти когтями раздерут! – разъяренно воскликнул Джон. – И твоя трусость тебя не спасет: моя стрела летит быстрее!

– Не стреляй, Джон, – сказал Робин, удерживая руку друга, – ты же видишь, что по естественному закону этому человеку осталось мало жить, зачем укорачивать на несколько дней жизнь старика? Пусть он живет со своими угрызениями совести, в тоскливом одиночестве и бесильной ненависти.

– Послушайте, Робин, не могу я так отпустить этого старого разбойника, позвольте мне дать ему добрый урок; пусть у него останется воспоминание об этой прогулке в лес; я его не убью, слово даю.

– Пусть будет по-твоему, но тогда стреляй поскорее, потому что он сейчас скроется за поворотом.

Джон выстрелил, и судя по тому, как барон подпрыгнул в седле и как поспешно стал вытаскивать стрелу из места, куда она вонзилась, стало ясно, что благородный лорд еще долго не сможет сидеть верхом и спокойно отдыхать в кресле.

Маленький Джон признательно пожал руки своего спасителя; Уилл попросил Робина рассказать о его подвигах, и остаток этого памятного дня прошел радостно и беззаботно.

XI

Для барона Фиц-Олвина Робин Гуд был кошмаром его жизни, а настойчивое желание сполна отомстить за все унижения, которые причинил ему этот молодой человек, ни на минуту не переставало мучить его. Каждый раз враг побеждал его, что не мешало барону до нападения и уже после поражения клясться, что он изничтожит всю шайку проклятых разбойников.

Наконец барон вынужден был признать, что силой он никогда Робина не возьмет, и решил прибегнуть к хитрости. После долгих размышлений он составил план, дававший ему надежду найти способ мирным путем заманить Робин Гуда в свои сети. Не теряя ни минуты, он послал за одним богатым торговцем из Ноттингема и поверил ему свои замыслы, посоветовав ни в коем случае ни с кем ими не делиться.

Человек этот, от природы нерешительный и слабый, дал легко себя уговорить и воспылил той же ненавистью, которую барон испытывал к тому, кого он называл грабителем с большой дороги.

На следующий же день после разговора с лордом Фиц-Олвином торговец, верный обещанию, которое он дал гневливому старику, собрал у себя дома именитых горожан и предложил им вместе обратиться к шерифу, дабы тот даровал им милостивое разрешение устроить состязания стрелков из лука, на которых жители Ноттингемшира и Йоркшира могли соревноваться в ловкости.

– Поскольку между жителями наших графств существует давнее соперничество, – добавил торговец, – ради славы нашего города я буду счастлив предоставить нашим соседям возможность показать свою ловкость, а на самом деле дать случай отличиться нашим метким стрелкам; с целью же сделать равными возможности соперников, местом соревнований мы изберем границу между графствами, а наградой победителю будет стрела с серебряным наконечником и золотым оперением.

Горожане, которых созвал союзник лорда Фиц-Олвина, с готовностью приняли это предложение и в сопровождении торговца отправились к барону просить позволения устроить между двумя соперничающими графствами состязание в стрельбе из лука.

Старик пришел в восторг от удачного начала претворения своих замыслов, но постарался скрыть свои чувства и с видом глубочайшего равнодушия дал свое согласие, добавив, что если его присутствие может сделать праздник более привлекательным и блестящим, то он почтет своим долгом и удовольствием руководить играми.

Горожане единодушно заявили, что присутствие их законного сеньора для них благословение Небес, и выказали такое удовольствие от его обещания прибыть на состязание, как будто питали к нему самые нежные чувства. Они вышли из замка в радостном настроении и с невероятным изумлением поведали согражданам о любезности барона, восторженно жестикулируя и прославляя Фиц-Олвина. Эти добрые люди совсем не привыкли, чтобы их сеньор-норманн обходился с ними с подобной вежливостью!

Искусно составленное объявление сообщало, что вскоре состоится состязание между жителями Ноттингемшира и Йоркшира. Был назначен день состязания, а местом его проведения выбрана долина между Барнсдейлским лесом и деревней Мансфилд. Поскольку были приняты все меры к тому, чтобы весть о состязании достигла самых дальних уголков обоих графств, она дошла и до ушей Робин Гуда. Молодой человек тотчас же решил принять в них участие и поддерживать честь города Ноттингема. До Робина донеслись также слухи, что сам барон Фиц-Олвин должен руководить этими играми. Подобная снисходительность так мало согласовывалась с мрачным и нелюдимым нравом старика, что Робину тут же стали понятны тайные замыслы благородного лорда.

«Ну что же, – решил наш герой, – пойдем на риск, но примем все необходимые меры для достойной защиты».

Накануне соревнования Робин собрал всех своих людей и объявил им, что он намеревается принять участие в играх и получить награду в честь города Ноттингема.

– Ребята, – добавил Робин, – запомните хорошенько: на состязании будет присутствовать барон Фиц-Олвин, и у него, несомненно, есть особые причины, по которым он так хочет понравиться йоменам. Я думаю, что знаю эти причины: это очередная попытка захватить меня. Так что я возьму с собой сто сорок человек: шесть из них примут участие в соревновании, а остальные смешаются со зрителями и в случае предательства будут готовы действовать по первому же зову. Оружие держите наготове и постарайтесь выдержать борьбу не на жизнь, а на смерть.

Все приказания Робин Гуда были точно выполнены, и в назначенный час его люди небольшими группками отправились в Мансфилд, куда добрались без всяких приключений и где уже собралась многочисленная толпа.

В состязаниях должны были принять участие Робин Гуд, Маленький Джон, Красный Уилл, Мач и еще пять человек. Одеты они все были по-разному и друг с другом почти не разговаривали, чтобы их не узнали.

Местом, выбранным для соревнований, была большая поляна на краю Барнсдейлского леса, немного в стороне от большой дороги. Огромные шумные толпы окрестных жителей теснились в огороженном пространстве, в середине которого стояли ратные щиты. Напротив стрель-

бища был воздвигнут помост, ожидавший барона, на которого была возложена честь судить игры и вручать награды.

Вскоре явился и сам шериф в сопровождении солдат. Еще человек пятьдесят солдат, принадлежавших ему и переодетых йоменами, смешались с толпой – им было приказано хватать всех подозрительных и доставлять их самому шерифу.

Приняв эти меры предосторожности, лорд Фиц-Олвин надеялся, что Робин Гуд, чья страсть к приключениям заставляла его пренебрегать опасностью, явится один, и лорду, наконец, повезет – ему удастся отомстить разбойнику, чего он так долго ждал со сверхчеловеческим терпением.

Начались состязания: трое стрелков из Ноттингема снесли щиты, но ни один не попал в середину. Затем вышли три йоркширских йомена: они стреляли с тем же исходом. Потом появился Красный Уилл и с необычайной легкостью попал и самую середину щита.

Зрители прокричали «ура» в честь него, а затем его место занял Маленький Джон. Молодой человек послал стрелу точно в отверстие, которое проделала в щите стрела Уильяма; и не успел слугитель вытащить стрелу Джона, как выстрелил Робин Гуд: его стрела расщепила ее и стала на ее место.

Толпа пришла в восторг, зашумела, а ноттингемские горожане стали биться об заклад на немалые деньги.

Появились три лучших йоркширских стрелка и, твердой рукой пустив стрелу, попали прямо в глазок щита.

Настала очередь северян кричать от восторга и заключать ставки в спорах.

Барона мало интересовало, какая из сторон возьмет верх, но он внимательно следил за лучниками. Робин Гуд привлек его внимание, но, поскольку зрение его давно стало слабым, он не мог на таком расстоянии распознать лицо своего врага.

Мач и остальные лесные братья, которых Робин выбрал для участия в стрельбе по мишеням, попали в цель без всякого труда; за ними стреляли четыре йомена, легко сделавшие то же самое.

Почти все лучники имели такой навык в стрельбе по мишеням, что победа могла достаться всем и никому; тогда было решено установить прутья и стрелять в них, а для этой цели отобрать по семь сильнейших стрелков от каждого из соперничающих графств.

Защищать честь своего графства жители Ноттингема назначили Робин Гуда и его людей, а йоркширцы выбрали йоменов, показавших себя лучшими стрелками.

Начали йомены; первый расщепил прут, второй его слегка коснулся, а стрела третьего пролетела совсем рядом: казалось, что соперники не смогут их превзойти в меткости.

Но вышел Красный Уилл, небрежно вскинул лук, пустил стрелу и расщепил ивовый прут пополам.

– Ура Ноттингемширу! – закричали горожане Ноттингема, кидая в воздух шапки и меньше всего думая о том, что найти эти шапки в такой толпе будет невозможно.

Поставили новые прутья; все люди Робина, от Маленького Джона до последнего лучника, с легкостью расщепили их. Наступила очередь Робина: он пустил одну за одной три стрелы, причем с такой скоростью, что, если бы люди не видели расщепленные прутья, они бы ни за что не поверили в подобную ловкость.

Были придуманы и другие испытания, и во всех Робин легко одолевал своих соперником, хотя они и были умелыми стрелками.

В толпе раздались голоса, что сам Робин Гуд не смог бы бороться с йоменом в красной куртке (так зрители прознали Робина).

Это предположение, столь опасное для Робина, быстро превратилось в уверенность, и пробежал слух, что победитель игр и есть сам Робин Гуд.

Йоркширцы, униженные поражением, принялись тут же кричать, что если в борьбе участвует такой стрелок, как Робин Гуд, то шансы сторон заведомо неравны. Они жаловались, что чести их стрелков нанесен урон и что они проспорили деньги (а для них это было самое существенное), и в надежде отобрать их обратно попытались от слов перейти к драке.

Как только лесные братья поняли, что их соперники питают враждебные намерения, они, как бы случайно, собрались в одном месте и составили отряд в восемьдесят шесть человек.

Пока среди спорщиков разгоралась ссора, Робин Гуда под радостные крики жителей Ноттингема подвели к шерифу.

– Дорогу победителю! Слава меткому стрелку! – кричало две сотни голосов. – Он выиграл приз!

Робин Гуд, скромно опустив голову, в самой почтительной позе стоял перед лордом Фиц-Олвином.

Тот во все глаза всматривался в него, пытаясь разглядеть черты его лица. Что-то в фигуре, а может быть, и в одежде молодого человека заставляло его заподозрить, что перед ним неуловимый разбойник, но уверенность эта была слаба, а сомнения велики, и барон не решался на поспешные действия из страха все испортить. Он протянул Робину стрелу, надеясь узнать его по голосу, но молодой человек обманул надежды барона: он взял стрелу, вежливо поклонился и заткнул ее за пояс.

Несколько мгновений оба молчали, потом Робин сделал вид, что собирается уходить, и в ту минуту, когда отчаявшийся барон решил предпринять какие-то действия, поднял голову, пристально посмотрел на него и со смехом сказал:

– Милейший друг, нет таких слов, которые бы смогли выразить всю мою благодарность за дар, который вы сейчас мне поднесли. Вернувшись под зеленую сень моего уединенного жилища, я бережно сохраню в сердце это драгоценное свидетельство вашей доброты ко мне. От всей души желаю вам всего самого хорошего, о благородный сеньор города Ноттингема.

– Арестуйте его! Арестуйте! – прорычал барон. – Солдаты, выполняйте свой долг. Этот человек – Робин Гуд, хватайте его!

– Подлый трус! – ответил Робин. – Вы же объявили, что игры будут публичными и открытыми для всех, чтобы любой без всякого исключения мог получить удовольствие, ничего не опасаясь.

– Изгнанник лишен всех прав, – сказал барон. – Приглашены были честные граждане, а ты не входишь в их число. Хватайте этого разбойника, солдаты!

– Первого, кто сделает хоть шаг, я убью! – закричал Робин Гуд громовым голосом и направил свой лук на одного молодца, который двинулся к нему; однако, увидев, что ему угрожает, солдат отступил и исчез в толпе.

Робин протрубил в рог, и его веселые лесные братья, готовые к кровавой схватке, стали стремительно пробиваться через толпу, чтобы его защитить. Робин встал посередине, приказал всем изготовить луки к стрельбе и медленно отступать, потому что солдат барона было слишком много, чтобы вступать с ними в борьбу, не рискуя пролить потоки крови.

Разъяренный барон возглавил своих людей и отдал приказ, чтобы они задержали разбойников; солдаты повиновались, а йоркширцы, обозленные своим поражением, в отчаянии оттого, что они проиграли столько денег, бившись об заклад, присоединились к солдатам и вместе с ними кинулись преследовать лесных братьев. Но горожане Ноттингема питали к Робин Гуду искренние дружеские чувства и признательность и не желали отдавать его на расправу беспощадным солдатам своего сеньора. Они расступались, пропуская лесных братьев, и, приветствуя их самыми теплыми словами, вновь смыкались за ними.

К несчастью, защитники Робин Гуда были недостаточно сильны и многочисленны, чтобы долго прикрывать его отступление, и солдаты, разогнав их, кинулись по той дороге, по которой быстрым шагом отступали лесные братья.

Началось ожесточенное преследование; время от времени лучники оборачивались и осыпали солдат стрелами; те отвечали как могли и, хотя терпели большой урон, мужественно продолжали преследовать беглецов.

Такая перестрелка продолжалась уже час, как вдруг Маленький Джон, который вместе с Робином шел во главе лесных братьев, резко остановился и сказал своему главарю:

– Дорогой друг, пришел мой час; я серьезно ранен, силы мои на исходе, и идти я больше не могу.

– Как! – воскликнул Робин. – Ты ранен?

– Да, – ответил Джон, – у меня прострелено колено, и за полчаса я потерял столько крови, что не в состоянии идти. Я не смогу больше стоять на ногах.

И с этими словами Джон упал навзничь.

– Боже мой! – воскликнул Робин, опускаясь на колени рядом со своим храбрым другом. – Джон, храбрый мой Джон, мужайся, обопрись на меня, попробуй приподняться, я совсем не устал, я помогу тебе идти, еще несколько минут, и мы будем в безопасности. Дай я перевяжу рану и тебе сразу станет легче.

– Нет, Робин, это бесполезно, – слабым голосом ответил Джон, – нога у меня словно отнялась, я не могу даже двинуться; не останавливайся, оставь несчастного, который хочет только умереть.

– Мне оставить тебя! – воскликнул Робин. – Ты же знаешь, что я неспособен на такой скверный поступок.

– Это не скверный поступок, Роб, а долг. Ты перед Богом отвечаешь за жизнь людей, преданных тебе душой и телом. Оставь же меня здесь, но, если ты любишь меня, если ты когда-либо любил меня, не дай этому подлому шерифу захватить меня живым: ударь меня в сердце охотничьим ножом, пусть я умру как честный и храбрый сакс. Внемли моей мольбе, Робин, убей меня, избавь меня от жестоких страданий и боли, не дай попасть живым в руки врагов: эти норманны настолько подлы, что им доставит удовольствие оскорблять меня в мой последний час.

– Послушай, Джон, – ответил Робин, вытирая набежавшую слезу, – не проси меня о невозможном; ты знаешь, что я никогда не оставляю тебя умирать без помощи и вдали от себя, ты знаешь, что я пожертвую своей жизнью и жизнью своих людей, чтобы спасти твою. Ты знаешь и то, что я скорее отдам последнюю каплю своей крови, защищая тебя, чем оставляю одного. И если я умру, Джон, то рядом с тобой, и в лучший мир, как было и здесь, мы войдем рука об руку, и наши сердца будут и там как одно целое.

– Если Небо отвернется от нас, – сказал Уилл, обнимая своего двоюродного брата, – мы

будем сражаться и умрем рядом с тобой, и ты увидишь, что есть еще храбрые парни на этой земле. Ребята, – сказал Уилл, обернувшись к остановившимся лесным братьям, – вот лежит ваш друг, товарищ и командир, он смертельно ранен; как вы думаете, мы должны его оставить, чтобы негодяи, которые нас преследуют, надругались над ним?

– Нет, сто раз нет! – в один голос ответили лесные братья. – Встанем вокруг и умрем, защищая его.

– Позвольте, – подойдя к ним, сказал силач Мач, – но мне кажется, нам незачем рисковать своей шкурой. Джон ранен и колено, следовательно, его можно нести, не опасаясь кровотечения. Я возьму его на плечи и понесу, пока идут мои ноги.

– И если ты упадешь, Мач, – сказал Уилл, – я тебя заменю, а после меня другой. Ведь так, ребята?

– Да, да! – дружно ответили лесные братья.

Несмотря на попытки Джона противодействовать этому, Мач с помощью Робина поднял раненого и взвалил себе на плечи. После этого беглецы с поспешностью возобновили отступление. Но вынужденная остановка дала возможность солдатам сократить расстояние, и они уже стали видны. Лесные братья выстрелили в них залпом и удвоили скорость, надеясь достичь своего убежища, ибо были уверены в том, что у солдат не хватит ни сил, ни мужества, чтобы преследовать их так далеко. Вдруг на одном из ответвлений дороги, терявшемся вдаль, веселые братья увидели сквозь листву деревьев башни какого-то замка.

– Кому принадлежит поместье? – спросил Робин. – Может быть, кто-нибудь из вас знает владельца?

– Я знаю, атаман, – ответил человек, недавно примкнувший к отряду.

– Как ты думаешь, этот сеньор хорошо примет нас? Если он не откроет нам ворот замка, мы погибли.

– Я отвечаю за благожелательность сэра Ричарда Равнинного, – ответил разбойник. – Это храбрый сакс.

– Сэр Ричард Равнинный! – воскликнул Робин. – Ну тогда мы спасены. Вперед, ребята, вперед. Слава Пречистой Деве, – продолжал Робин, с благодарностью осеняя себя крестным знаменем, – она никогда не покидает нуждающихся в час опасности! Красный Уилл, иди вперед и скажи сторожу у подъемного моста, что Робин Гуд и часть его людей, преследуемых норманнами, просят у сэра Ричарда Равнинного разрешения войти в его замок.

Уилл со скоростью стрелы помчался к поместью сэра Ричарда.

Робин и его товарищи двинулись за ним.

Вскоре над стенами замка взвился белый флаг, из крепостных ворот выехал всадник и в сопровождении Уилла галопом поскакал навстречу Робин Гуду. Доскакав до него, он спрыгнул на землю и протянул ему обе руки.

– Сударь, – сказал молодой человек, в волнении сжимая руки Робина, – я Герберт Гоуэр, сын сэра Ричарда. Отец поручил мне сказать вам, что в нашем доме вы желанный гость и что он будет счастливейшим из людей, если вы предоставите ему случай хоть как-то отблагодарить вас за нее, чем мы вам обязаны. Я принадлежу вам душой и телом, сэр Робин, – добавил юноша и порыве благодарности, – располагайте мной так, как вам будет угодно.

– Благодарю вас от всего сердца, мой юный друг, – ответил Робин, обнимая Герберта, – ваше предложение очень заманчиво, потому что я был бы счастлив иметь в помощниках такого любезного кавалера. Но сейчас подумаем об опасности, которая угрожает моим людям. Они падают от усталости, а мой самый дорогой друг ранен в ногу норманнской стрелой, и уже почти два часа нас преследуют по пятам солдаты барона Фиц-Олвина. Вот они, мальчик мой, – продолжал Робин, показывая Герберту на появившихся на дороге солдат, – если мы не поспешим укрыться за стенами замка, они нас догонят.

– Подъемный мост уже опущен, – сказал Герберт, – поспешим, и через десять минут вам уже не придется бояться нападения врагов.

Шериф и его солдаты как раз подоспели к замку, чтобы увидеть, как веселые братья проходят по подъемному мосту. Придя в отчаяние от нового поражения, барон Фиц-Олвин тут же

принял смелое решение требовать у сэра Ричарда именем короля выдачи людей, которые, без сомнения, злоупотребив его доверчивостью, воспользовались его защитой. По требованию лорда Фиц-Олвина рыцарь появился на крепостном валу.

– Сэр Ричард Равнинный, – обратился к нему барон, узнав у своих солдат имя владельца замка, – знаете ли вы людей, только что вошедших в ваш замок?

– Я знаю их, милорд, – холодно ответил рыцарь.

– Как, вы знаете, что их предводитель – негодяй, разбойник и враг короля, и даете ему приют? Знаете ли вы, что вы подвергнетесь наказанию как изменник?

– Я знаю, что этот замок и прилежащие к нему земли – моя собственность, я знаю, что могу действовать здесь как хочу и принимать у себя тех, кого посчитаю нужным. Вот мой ответ, сударь; соблагovolите же немедленно удалиться, если вы не хотите вступить в сражение, преимущество в котором не будет на вашей стороне, потому что в моем распоряжении сотня вооруженных людей и самые острые в этом краю стрелы. Желаю вам всего доброго, сударь.

И произнес эти насмешливые слова, рыцарь ушел с крепостного вала.

Барон, чувствовавший, что на его солдат надежды мало, не решился напасть на замок и отступил. С яростью в душе он со своими людьми двинулся к Ноттингему.

– Добро пожаловать в мой дом, дорогой Робин Гуд. Ведь тем, что я его имею, я обязан твоей доброте, так тысячу раз будь благословен твой приход, – произнес сэр Ричард, обнимая гостя.

– Спасибо, рыцарь! – ответил Робин. – Но, ради Бога, не говори об этой незначительной услуге, которую я имел удовольствие тебе оказать. Ты стократно отплатил мне за нее своей дружбой, а сегодня спас меня от настоящей опасности. Знаешь, я привел тебе раненого и хотел бы, чтобы ты отнесся к нему со всем возможным вниманием.

– Я с ним буду обращаться как с тобой, милый Робин.

– Тебе этот достойный малый знаком, рыцарь, – продолжал Робин. – Это Маленький Джон, мой первый помощник, самый дорогой и верный из моих товарищей.

– Моя жена и Лили сейчас им займутся, – ответил сэр Ричард, – они будут хорошо за ним ухаживать, ты можешь быть спокойным на этот счет.

– Если вы говорите о Маленьком Джоне, а точнее, о самом большом из всех Джонов, когда-либо управлявшихся с палкой, – сказал Герберт, – то его уже смотрит один опытный лекарь из Йорка, который здесь в замке со вчерашнего вечера. Он перевязал рану и пообещал, что больной скоро поправится.

– Слава Богу! – воскликнул Робин Гуд. – Мой дорогой Джон вне опасности! Ну а теперь, рыцарь, – добавил он, – я весь к вашим услугам и к услугам вашей милой семьи.

– Моя жена и Лили с нетерпением ждут тебя, дорогой Робин, – сказал рыцарь. – Они в соседней комнате.

– Дорогой отец, – со смехом сказал Герберт, – я сказал своему другу, – и с этими словами Герберт показал на Красного Уилла, – что я счастливый муж самой красивой женщины на свете, и знаете, что он мне ответил?

Сэр Ричард и Робин с улыбкой переглянулись.

– Он утверждает, – продолжал Герберт, – что красота его жены не имеет себе равных. Но я ему сейчас покажу Лили, и тогда...

– Ах, если бы вы видели Мод, вы бы так не говорили... Ведь правда, Робин?

– Конечно, Герберт бы нашел, что Мод очень красива, – примирительно сказал Робин.

– Безусловно, безусловно, – ответил Герберт, – но Лили волшебной-хороша собой, – сказал Герберт, – и, на мой взгляд, ни одну женщину нельзя с ней сравнить.

Красный Уилл выслушал эти слова, нахмурясь. Бедняга чувствовал, что его самолюбие мужа несколько уязвлено.

Но надо отдать ему справедливость: увидев жену Герберта, он вскрикнул от восхищения.

Лили не обманула надежд, которые на нее возлагали в детстве: красивая девочка из монастыря Сент-Мэри превратилась в восхитительную женщину. Высокая, гибкая и изящная, как молодая лань, Лили встретила гостей, скромно опустив голову, с божественной улыбкой на розовых губках. Она робко подняла на Робина огромные синие глаза и протянула ему руку.

– Наш спаситель для меня не чужой человек, – сказала она мелодичным голосом.

Онемев от восхищения, Робин Гуд поднес к губам белую руку Лили.

Герберт, стоявший рядом с Робинем, сказал Уиллу с горделивой нежностью:

– Друг Уильям, представляю вам мою жену...

– О, она очень хороша, – тихо сказал Красный Уилл, – но Мод... – добавил он еще тише.

Больше он ничего сказать не успел, потому что Робин Гуд взглядом приказал ему не высказывать более никаких суждений о прелестной жене Герберта.

После того как супруга сэра Ричарда и его гости обменялись любезностями, рыцарь оставил Уилла и своего сына беседовать с дамами и, отведя Робина Гуда в сторону, сказал ему:

– Дорогой Робин, я хочу дать тебе доказательство, что люблю тебя больше всех людей на свете, и снова заверяю тебя в своей дружбе, чтобы ты действовал в моем доме как сочтешь нужным и удобным. Пока этот дом может тебя защищать, ты будешь здесь в безопасности, и я с оружием в руках буду противостоять всем шерифам королевства. Я дал приказ закрыть ворота и не впускать никого в замок без моего разрешения. Все мои люди вооружены и готовы дать отпор самому мощному нападению. Твои люди отдыхают; дай им неделю спокойно пожить, а потом мы обсудим, что тебе следует предпринять.

– Я охотно останусь здесь на несколько дней, но с одним условием, – ответил Робин.

– С каким?

– Мои люди вернутся завтра в Барнсдейлский лес; Красный Уилл отправится с ними и вернется сюда со своей ненаглядной Мод, Марианной и женой бедного Джона.

Сэр Ричард согласился с этим предложением от всего сердца, и все устроилось к обоюдному удовольствию обоих друзей.

Две недели в Равнинном замке пролетели весело и незаметно, а затем Робин, Маленький Джон, полностью оправившийся от раны, Красный Уилл со своей несравненной Мод, Марианна и Уинифред вернулись под сень Барнсдейлского леса.

Ну а барон Фиц-Олвин на следующий день после своего возвращения в Ноттингем отправился в Лондон, добился аудиенции у короля и рассказал ему о своих неудачах.

– Вашему величеству без сомнения покажется странным, – сказал он, – что рыцарь, у которого Робин Гуд попросил убежища, отказался выдать мне этого преступника, хотя я и потребовал этого вашим именем.

– Как? Рыцарь до такой степени пренебрег уважением к своему монарху!? – с гневом воскликнул Генрих II.

– Да, ваше величество, рыцарь Ричард Гоуэр Равнинный отклонил мои справедливые требования; он мне ответил, что в своих владениях он сам себе король и его очень мало заботит могущество вашего величества.

Как мы видим, для пользы дела достойный барон не стеснялся нагло лгать.

– Ну что же! – ответил король. – Мы сами разберемся с этим дерзким негодяем. Через две недели мы будем в Ноттингеме. А пока возьмите с собой столько солдат, сколько сочтете необходимым, чтобы дать сражение, и, если какое-либо досадное препятствие помешает нам с вами соединиться, сделайте все, что будет в ваших силах; постарайтесь сами захватить этого неуловимого Робин Гуда и рыцаря Ричарда, заключите их в самую мрачную из ваших темниц и, когда они будут надежно упрятаны, обратитесь к нашему правосудию. Тогда мы и подумаем, как нам следует поступить дальше.

Барон Фиц-Олвин выполнил лишь часть приказов короля. Он собрал многочисленное войско и двинулся во главе его на замок сэра Ричарда. Но бедного барона преследовали неудачи, и к замку он прибыл на следующий день после того, как Робин оттуда уехал.

Старому сеньору и в голову не пришло напасть на Робина в лесном убежище. Неприятные воспоминания и боль пониже спины, все еще затруднявшая лорду прогулки верхом, охлаждали его пыл на этот счет. Он не нашел лучшего выхода, чем захватить сэра Ричарда; но, так как приступом взять его замок было нелегко и опасно, он решил прибегнуть к хитрости, рассудив, что это будет надежнее.

Барон распустил своих людей, оставив при себе только два десятка самых крепких из них,

и устроил засаду неподалеку от замка.

Ожидание было недолгим: на следующее утро сэр Ричард с сыном и несколькими слугами попались в расставленную ловушку и, несмотря на их доблестное сопротивление, были скручены, привязаны к лошадям и увезены в Ноттингем.

Один из слуг сэра Ричарда сумел убежать и, весь израненный, явился к своей хозяйке с этим печальным известием.

Леди Гоуэр, обезумев от горя, хотела отправиться к мужу, но Лили сумела объяснить несчастной женщине, что это ничем не облегчит участь обоих мужчин, и посоветовала свекрови обратиться к Робин Гуду, потому что он один мог здраво оценить положение сэра Ричарда и способствовать его освобождению.

Леди Гоуэр сдалась на доводы молодой женщины и, не теряя ни минуты, взяла с собой двух верных слуг, села на коня и стремглав поскакала в Барнсдейлский лес.

Один из лесных братьев, оставшийся в замке из-за болезни, нашел в себе силы проводить леди Гоуэр к Дереву Встреч.

По счастливой случайности, Робин Гуд был на своем обычном месте.

– Благослови вас Бог, Робин! – воскликнула леди Гоуэр, с лихорадочной поспешностью спрыгнув с лошади. – Я приехала к вам как просительница, я приехала умолять вас, во имя Святой Девы, о новой милости.

– Вы меня пугаете, леди, ради Бога, что с вами? – в крайнем изумлении отозвался Робин. – Скажите, что вам угодно, я к вашим услугам.

– Ах, Робин, – рыдая, ответила бедная женщина, – мой муж и сын похищены вашим врагом, шерифом Ноттингема. Ах, Робин, спасите моего мужа, спасите моего ребенка, остановите негодяев, которые хотят их увезти; их немного, и они только что выехали из замка.

– Успокойтесь, сударыня, – сказал Робин Гуд, – ваш муж вскоре вернется к вам. Вспомните также о том, что сэр Ричард – рыцарь, и поэтому подсуден лишь королевскому суду. Сколь бы ни был могуществен барон Фиц-Олвин, он не может отправить на смерть благородного сакса. Чтобы решиться на такое, сэра Ричарда нужно судить, если только проступок, в котором его обвиняют, дает повод для суда. Успокойтесь, утрите слезы, скоро вы обнимете и сына и мужа.

– Да услышит вас Бог! – сказала леди Гоуэр, молитвенно складывая руки.

– А теперь, сударыня, позвольте дать вам совет: возвращайтесь в замок, закройте ворота и прикажите не впускать к вам никого постороннего. Я же соберу своих людей и во главе их буду преследовать барона до Ноттингема.

Леди Гоуэр, несколько успокоенная словами молодого человека, отправилась обратно.

Робин Гуд же объявил своим людям, что сэр Ричард арестован, и потому он собирается догнать шерифа. Лесные братья дружно издали воинственный клич, выражая этим отчасти свое возмущение предательством барона, отчасти радость, потому что им снова представлялась возможность пострелять из лука, и стали поспешно готовиться к выступлению.

Робин стал во главе своих доблестных бойцов и в сопровождении Маленького Джона, Красного Уилла и Мача начал преследование шерифа.

После долгого и утомительного перехода они достигли города Мансфилда, и там Робин узнал у одного трактирщика, что солдаты барона после короткого отдыха продолжили свой путь к Ноттингему. Робин Гуд предложил своим людям передохнуть, оставил с ними Мача и Маленького Джона и вместе с Красным Уиллом галопом понесся к Дереву Встреч в Шервудском лесу. Доехав до подземного убежища, Робин Гуд затрубил в охотничий рог, и на этот знакомый зов сбежалось около сотни лесных братьев.

Робин повел этот новый отряд так, чтобы солдаты барона оказались зажатыми в клещи, потому что отряд из Барнсдейлского леса после часового отдыха должен был выступить в направлении Ноттингема.

Вскоре Робин со своими людьми был уже не遠далеке от города и, к своему великому удовлетворению, узнал, что шериф здесь еще не проходил. Робин выбрал удобное место, половину своих людей спрятал, а другую поставил у обочины дороги.

И вот на дороге появилось человек шесть солдат, а это свидетельствовало о том, что барон

со своим отрядом уже близко. Сохраняя безмолвие, лесные братья приготовились оказать им теплую встречу. Дозорных они беспрепятственно пропустили вперед, и, когда барон уже решил, что его отряду ничто не угрожает, раздался звук рога, и первый залп стрел скосил переднюю шеренгу солдат, двигавшихся сомкнутым строем.

Шериф приказал остановиться и послал десятка три солдат прочесать кустарник. Это значило послать их на верную гибель.

Разделившиеся на две группы, солдаты были немедленно окружены и принуждены сложить оружие и сдаться на милость победителя.

Разделавшись с ними, лесные братья напали на стражу барона; она была прекрасно вооружена, да и владела оружием лучше, а потому яростно защищалась.

Робин Гуд и его люди хотели освободить сэра Ричарда и его сына, а прибывшие из Лондона кавалеристы старались захватить самого Робин Гуда, чтобы получить за него обещанную королем награду.

Поэтому борьба была ожесточенной, и победа склонялась то на одну, то на другую сторону, но тут раздался боевой клич – это подходил второй отряд лесных братьев, и положение резко изменилось. Маленький Джон и его люди, подошедшие со стороны Барнсдейла, яростно и неукротимо бросились в самую гущу схватки.

Около дюжины лучников пробившись к сэру Ричарду и его сыну, развязали их, дали им оружие и бесстрашно вступили в рукопашный бой с закованными в латы и облаченными в кольчуги норманнами.

С порывистостью и легкомыслием юности Герберте несколькими лесными братьями врезался в строй охранников барона. Храбрый юноша сражался со всадниками уже четверть часа, но их было много, и он уже мог поплатиться за свое безрассудство, как вдруг один из лучников, то ли желая ему помочь, то ли надеясь этим предрешить исход битвы, быстро прицелился в барона и выстрелил; стрела пронзила насквозь шею лорда, и лучник, сбросив его под копыта лошади, отрубил ему голову. Подняв эту голову на острие меча, он крикнул громовым голосом:

– Посмотрите на вашего вождя, норманнские псы, взгляните последний раз на мерзкое лицо вашего гордеца-шерифа и сдавайтесь, или вас ждет та же су...

Он не закончил: один из норманнов рассек ему голову, и он упал на землю.

И все же смерть лорда Фиц-Олвина принудила норманнов сложить оружие и запросить пощады.

По приказу Робина часть лесных братьев повела побежденных в Ноттингем, а сам он с небольшим отрядом остался, чтобы позаботиться о раненых, предать земле мертвых и уничтожить все следы битвы.

– Прощай навсегда, кровавый железный старик! – сказал Робин, с горечью взглянув на тело барона. – Наконец-то ты нашел смерть и теперь тебе воздастся за все твои дурные дела. Сердце твое было ненасытным и не знало жалости, а рука твоя была бичом для несчастных саксов; ты издевался над своими вассалами, ты предал своего короля, ты покинул свою дочь; ты заслужил все муки ада. И все же я молю Бога в его бесконечном милосердии простить твои грехи и пожалеть над твоей душой. Сэр Ричард, – обратился Робин к рыцарю, когда солдаты подняли тело старого барона и понесли его по направлению к Ноттингему, – сегодня грустный день. Мы спасли тебя от смерти, но не от разорения, потому что имущество твое будет конфисковано. Лучше бы тебе никогда не знать меня, мой добрый Ричард.

– Почему? – удивленно спросил рыцарь.

– Потому что ты и без моей помощи сумел бы отдать долг аббату Септ-Мэри, и тогда признательность не вынудила бы тебя оказать мне услугу. Я невольно оказался виновником твоего несчастья: ты будешь изгнан из королевства, твой дом перейдет к какому-нибудь норманну, твоя семья будет терпеть лишения, и все из-за меня... Видишь, сэр Ричард, как опасна дружба со мной!

– Дорогой Робин, – с невыразимой нежностью ответил рыцарь, – моя жена и дети живы, ты мой друг, так о чем мне жалеть? Если король приговорит меня к изгнанию – я уйду из замка своих отцов с пустыми руками, но все же буду чувствовать себя счастливым и благословлять тот

час, когда я встретил благородного Робин Гуда!

Молодой человек медленно покачал головой.

– Давай поговорим серьезно о твоём положении, Ричард, – возразил он. – Весть о происшедшем достигнет Лондона, и король будет неумолим. Мы напали на его собственных солдат, и он заставит тебя заплатить за их поражение не изгнанием, а позорной смертью. Покинь свой дом, едем со мной, и я даю тебе свое честное слово, что до последнего моего вздоха ты будешь в безопасности под охраной моих людей.

– От всего сердца принимаю твое великодушное предложение, Робин Гуд, – ответил сэр Ричард, – принимаю с радостью и признательностью; но, прежде чем поселиться в лесу, я попробую (и я должен это сделать ради будущего моих детей) смягчить гнев короля. Может быть, большая сумма денег, которую я ему предложу, заставит его пощадить жизнь благородного рыцаря.

В тот же вечер сэр Ричард послал письмо в Лондон, чтобы попросить одного своего могущественного родственника заступиться за него перед королем. Гонец во весь опор прискакал обратно из Лондона и сообщил своему хозяину, что Генрих II чрезвычайно разгневан из-за смерти барона Фиц-Олвина и послал отборный отряд своих солдат в замок сэра Ричарда с приказом повесить его вместе с сыном на первом попавшемся дереве. Командир отряда, один небогатый норманн, получил от короля в качестве вознаграждения для себя и своего потомства Равнинный замок во владение.

Родственник сэра Ричарда сообщал также приговоренному, что в Ноттингемшир, в Дербишир и в Йоркшир послан королевский указ, согласно которому тот, кто сумеет живым или мертвым доставить Робин Гуда к шерифу одного из трех перечисленных выше графств, получит необычайно высокое вознаграждение.

Сэр Ричард немедленно известил Робин Гуда об угрожающей ему опасности и сообщил, что он незамедлительно отправляется к нему вместе с семьей.

С помощью своих вассалов рыцарь вывез из замка все, что можно было, и послал мебель, посуду и оружие к Дереву Встреч в Барнсдейлском лесу.

Как только последний тяжело груженный воз проехал по подъемному мосту, сэр Ричард, его жена, Герберт и Лили верхом выехали из ворот родного дома и без всяких приключений добрались до леса.

Когда посланный королем отряд подошел к замку, оказалось, что ворота его широко открыты, а залы совершенно пусты.

Новый владелец имения, никого и ничего не обнаружив, сильно огорчился, но, поскольку большую часть жизни ему пришлось провести, сражаясь с прихотями судьбы, он устроился так, чтобы не слишком страдать в этой обстановке. А потому он отослал солдат и, к великому огорчению вассалов, занял Равнинный замок на правах хозяина.

ХII

За событиями, о которых мы только что рассказали, последовали три спокойных года. Отряд Робин Гуда вырос необычайно, а слава его неустрашимого предводителя распространилась по всей Англии.

Смерть Генриха II возвела на трон его сына Ричарда, и тот, растратив королевскую казну, отправился в крестовый поход, оставив регентом своего брата принца Джона, человека распущенного и крайне скупого, небольшой ум которого оказался явно недостаточным для того, чтобы должным образом справляться со столь высокой миссией.

Нищета, в которой пребывал народ уже в царствование Генриха II, за долгое время этого кровавого регентства достигла крайней степени. С неистощимой щедростью старался Робин Гуд облегчить тяжкие страдания бедняков Ноттингемшира и Дербишира, а потому эти несчастные люди просто молились на него. Но, давая бедным, он брал у богатых, и таким образом норманны, прелаты и монахи, к своему великому сожалению, весьма содействовали благотворительности благородного изгнанника.

Марианна по-прежнему жила в лесу, и супруги любили друг друга столь же нежно, как и в первые дни после свадьбы.

Время не охладило и страсти Уильяма к его очаровательной жене, и в глазах нерного сакса красота Мод, как алмаз чистой воды, никогда не могла потускнеть.

Маленький Джон и Мач продолжали благодарить судьбу за то, что она одному дала в жены нежную Уинифред, а другому – шалунью Барбару, да и братья Уилла не имели никаких причин раскаиваться в своей поспешной женитьбе. Они были счастливы, и будущее представлялось им в розовом свете.

Прежде чем навсегда расстаться с двумя действующими лицами, которые играли в нашем рассказе важную роль, заглянем по-дружески к ним в гости в Долинный замок неподалеку от Мансфилда.

Аллан Клер и леди Кристабель по-прежнему счастливо жили вместе. Их дом, построенный в основном по распоряжениям самого рыцаря, был образцом удобства и хорошего вкуса. Старые деревья опоясывали сад, скрывая его от нескромных взглядов, и казалось, что этот полный поэзии уголок отделен от всего остального света крепкой стеной.

Спокойствие и тишину огромного поместья нарушали своими играми и шумом только прелестные дети, живые цветы в этом оазисе любви. Их веселые голоса будили эхо, а на песчаных дорожках парка оставались легкие следы их быстрых и маленьких ножек. Аллан и Кристабель по-прежнему были молоды и сердцем, и душой, и телом, и неделя им казалась одним днем, а день – одним часом.

Со дня своего венчания с Алланом Клером в Линтонском аббатстве Кристабель не видела больше отца, потому что злобный старик упорно сопротивлялся всем попыткам к примирению, которые предпринимали его дочь и зять. Смерть барона причинила глубокое горе Кристабель, но, если бы она потеряла в нем не просто человека, давшего ей жизнь, а настоящего отца, она оплакивала бы его, несомненно, еще больше.

Аллан вознамерился было предъявить свои права на титул и имения барона и графа Ноттингемского и, по настоянию Робина, советовавшего ему не медлить с этими законными притязаниями, уже собирался написать королю, но тут он узнал, что Ноттингемский замок со всеми его доходами и угодьями отошел в собственность принца Джона.

Аллан был слишком счастлив, чтобы рисковать покоем и счастьем в борьбе с соперником, положение которого делало эту борьбу не только опасной, но и бесполезной. А потому он не предпринял никаких действий и даже не пожалел о потере столь великолепного наследства.

Нападения людей Робин Гуда на норманнов и церковников стали столь часты и наносили такой урон состоятельным людям, что они привлекли к себе внимание Лоншана, великого канцлера Англии, епископа Элийского.

Епископ решил положить конец существованию лесных братьев и подготовил против них настоящий поход. Пятьсот человек, во главе которых стоял сам принц Джон, прибыли в Ноттингемский замок, откуда, отдохнув несколько дней, они собирались отправиться на захват Робин Гуда. Однако предводитель разбойников, мгновенно узнав о намерениях многочисленного отряда, только посмеялся и решил расстроить его планы так, чтобы не подвергать своих людей опасностям битвы.

Он спрятал основную часть лесных братьев, а человек двенадцать передел на разный лад и отправил в замок, где они предложили свои услуги и пообещали провести отряд по запутанным лесным дорогам.

Их предложение командиром отряда было принято с радостью, а поскольку лес простирался почти на тридцать квадратных миль, легко понять, сколько пришлось в нем поблуждать несчастным солдатам, ведомым такими проводниками. То весь отряд шел какими-то оврагами, то бродил по колено в грязной воде по болоту, а то пробирался кочками и пригорками по несколько человек, проклиная горькую солдатскую долю и посылая ко всем чертям великого канцлера и Робин Гуда с его стрелками-невидимками, потому что, разумеется, они так и не увидели ни одного человека в зеленой куртке йомена.

К закату отряд каждый раз оказывался в семи-восьми милях от Ноттингемского замка, и

нужно было или возвращаться, или ночевать под открытым небом. Солдаты возвращались, полумертвые от голода и усталости, так и не найдя ничего, что свидетельствовало бы о присутствии лесных братьев.

Две недели продолжались эти изнурительные походы, но результат был всегда один и тот же. Принц Джон, которого развлечения манили обратно в Лондон, оставил дальнейшие попытки поймать Робин Гуда и во главе своего отряда направился в столицу.

Два года спустя после этого похода Ричард вернулся в Англию, и принц Джон, небезосновательно опасаясь гнева брата, решил укрыться от него за стенами старого Ноттингемского замка.

Ричард Львиное Сердце, узнав о подлом поведении брата, пробыл в Лондоне всего три дня и в сопровождении немногочисленного отряда решительно пошел на мятежника.

Ноттингемский замок был осажден и после трех дней сопротивления сдался на милость победителя, но принц Джон сумел бежать.

Сражаясь наравне со своими солдатами, Ричард заметил, что ему на помощь пришел отряд крепких молодцов-йоменов и благодаря их содействию он и одержал победу.

Когда битва закончилась и отряд короля расположился в замке, Ричард попытался разузнать, что это за меткие лучники пришли ему на помощь, но, поскольку никто ничего не смог ему ответить, он вынужден был обратиться за разъяснениями к шерифу Ноттингема.

Это был тот самый шериф, над которым когда-то подшутил Робин Гуд, отправившись с ним в лес и заставив его заплатить за это триста золотых.

Под влиянием этих мучительных воспоминаний шериф ответил королю, что лучники, о которых тот спрашивает, это несомненно лесные братья ужасного Робин Гуда.

– Этот Робин Гуд, – добавил злопамятный трактирщик, – отъявленный негодяй; он кормит свою шайку за счет путников, грабит порядочных людей, охотится на королевских оленей и ежедневно занимается разбоем.

Хэлберт Линдсей, молочный брат красотки Мод, которому посчастливилось сохранить должность привратника в замке, во время этого разговора случайно оказался рядом. Исполненный чувством признательности к Робину и увлеченный порывом, которые свойственны благородному сердцу, он, забыв о своем скромном положении, сделал шаг к королю и сказал проникновенным голосом:

– Государь, Робин Гуд – честный сакс, несчастный изгнанник. И если он избавляет богатых от излишков их состояния, то взамен всегда помогает беднякам, и в Ноттингемшире и Йоркшире они произносят его имя с неизменной признательностью и уважением.

– А вы сами знаете этого храброго лучника? – спросил король у Хэлберта.

Этот вопрос заставил Хэлберта прийти в себя, он побагровел и с трудом ответил:

– Да, я видел Робин Гуда, но это было давно, я просто повторяю вашему величеству то, что рассказывают бедняки о человеке, который не дает им умереть с голоду.

– Ну-ну, храбрый парень, – с улыбкой сказал король, – подними голову и не отрекайся от друга. Клянусь Святой Троицей, если он ведет себя так, как ты нам рассказал, то это человек, чьей дружбой следует дорожить. Мне и самому, признаюсь, было бы очень интересно увидеть этого изгнанника, который оказал мне такую услугу. Да не будет сказано, что Ричард Английский оказался неблагодарным даже по отношению к человеку, объявленному вне закона. Завтра утром я отправлюсь в Шервудский лес.

Король сдержал свое слово: на следующий же день, взяв с собой несколько рыцарей, солдат и шерифа, отнюдь не находившего в этой прогулке ничего приятного, в качестве проводника, он обыскал тропинки, дороги и поляны старого леса; но поиски были совершенно напрасны: Робин Гуд не появился.

Крайне недовольный этой неудачей, Ричард приказал позвать к себе человека, выполнявшего обязанности лесничего в Шервудском лесу, и спросил его, не знает ли он способа отыскать главаря разбойников.

– Ваше величество может целый год обшаривать лес, – ответил этот человек, – и не увидеть даже тени хоть одного разбойника, если вы будете это делать в сопровождении солдат. Ро-

бин Гуд, насколько это возможно, избегает сражения, и не из страха, поскольку он настолько хорошо знает лес, что бояться ему нечего, даже если на него нападут пять или шесть сотен человек, а из благоразумия и осторожности. Если ваше величество желает видеть Робин Гуда, то соблаговолите одеться монахом, переоденьте пять-шесть рыцарей, и я буду вам проводником. Святым Дунстаном клянусь, что это совершенно безопасно. Робин Гуд останавливает священнослужителей, кормит их и отбирает у них деньги, но не обращается с ними грубо.

– Клянусь распятием, лесничий, золотые слова! – воскликнул король. – И я последую твоему хитроумному совету. Не очень-то мне пойдет монашеское одеяние, но все равно принесите мне рясу.

Нетерпеливый король переоделся аббатом, выбрал четырех рыцарей, также облачившихся в рясы, и, следуя замыслу лесничего, приказал так навьючить трех лошадей, чтобы казалось, будто они везут казну.

Когда они отъехали мили три от замка, лесничий, служивший проводником мнимым монахам, приблизился к королю и сказал:

– Ваше величество, гляньте вон туда, на опушку, и вы увидите Робин Гуда, Маленького Джона и Красного Уилла. Это главари шайки.

– Хорошо, – весело ответил король.

И, прищипорив лошадь, Ричард сделал вид, что хочет ускакать.

Робин Гуд выбежал на дорогу, схватил лошадь под уздцы и остановил ее.

– Тысячу извинений, сэр аббат, – сказал он, – не угодно ли вам ненадолго задержаться, чтобы я смог поздравить вас с благополучным прибытием?

– Святотатец и грешник! – воскликнул Ричард, стараясь подражать языку, которым обычно говорили служители Церкви. – Да кто ты такой, что смеешь задерживать святого человека, идущего исполнить священный долг?

– Я йомен в этом лесу, – ответил Робин Гуд, – и вместе с моими товарищами живу охотой и щедростью служителей Церкви.

– А ты, клянусь спасением моей души, смелый плут, – пряча улыбку, сказал король, – если осмеливаешься мне прямо в лицо признаться, что ешь моих... – я хотел сказать королевских – оленей и грабишь духовенство. Клянусь святым Губертом, по крайней мере в искренности тебе не откажешь!

– Искренность – это достояние тех, у кого ничего нет, – ответил Робин Гуд. – Тем, у кого есть доходы, имения, золотые и серебряные монеты, она ни к чему, и они обходятся без нее. Я полагаю, благородный аббат, – насмешливо продолжал Робин, – вы как раз принадлежите к тем счастливицам, о которых я сказал. А потому я позволю себе попросить вас посылить помощь в наших нуждах нам и беднякам – нашим друзьям и подопечным. Вы часто забываете, братья мои, что совсем рядом с вашими богатыми жилищами много домов, где и хлеба нет, а ведь золота у вас больше, чем прихотей, которые с его помощью вы можете удовлетворить.

– Может быть, ты и прав, йомен, – ответил король, почти забыв о своем религиозном облике, – а твое лицо дышит искренностью и честностью, что мне чрезвычайно нравится. Вид у тебя куда более честный, чем твои поступки; тем не менее, ради твоей славной улыбки и христианского милосердия я дарю тебе все деньги, что у меня сейчас при себе – сорок золотых. Я очень огорчен, что их у меня с собой так мало, но король, который, как тебе без сомнения известно, уже несколько дней живет в Ноттингемском замке, совершенно опустошил мои карманы. Итак, этими деньгами ты можешь располагать, потому что мне нравится твое лицо и решительные лица твоих товарищей.

И с этими словами король протянул Робин Гуду маленький кожаный мешочек, в котором лежало сорок золотых.

– Вы редкость среди священников, господин аббат, – со смехом сказал Робин, – и если бы я не дал обет брать хоть что-нибудь у каждого служителя святой Церкви, я бы не принял вашего великодушного подношения, но, дабы никто не сказал, что вы слишком пострадали, проезжая Шервудским лесом, ваши сопровождающие и ваши лошади проедут даром, и более того, позвольте мне получить с вас только двадцать золотых.

– Ты действуешь благородно, лесник, – ответил Ричард, которого, казалось, тронула любезность Робина, – и мне доставит удовольствие поговорить о тебе с нашим государем. Его величество уже немного тебя знает, потому что он поручил мне приветствовать тебя от его имени, если мне посчастливится тебя встретить. Между нами говоря, мне кажется, что король Ричард, который ценит храбрость в любом человеке, не имел бы ничего против того, чтобы поблагодарить лично йомена, который помог ему отворить ворота Ноттингемской крепости, и спросить у него, почему он вместе со своими храбрыми товарищами исчез сразу после битвы.

– Если в один прекрасный день мне бы посчастливилось увидеть его величество, то я, не колеблясь, ответил бы на последний вопрос, ну а сейчас, сэр аббат, поговорим о другом. Я очень люблю короля Ричарда, потому что душой и сердцем он англичанин, хотя кровные узы связывают его с норманнами. Мы все здесь, священники и миряне, верные слуги его всемилостивейшего величества, и, если вы соблаговолите принять мое предложение, сэр аббат, мы вместе выпьем за здоровье благородного Ричарда. Лесные братья умеют быть гостеприимными безвозмездно, когда им посчастливится принимать в старом Шервудском лесу саксов и щедрых монахов.

– С удовольствием принимаю твое любезное предложение, Робин Гуд, – ответил король, – и готов следовать за тобой туда, куда тебе угодно будет меня повести.

– Благодарю за доверие, добрый брат, – сказал Робин и повел лошадь Ричарда по тропинке, заканчивавшейся у Древа Встреч.

Маленький Джон, Красный Уилл и четверо рыцарей, переодетых монахами, последовали за ними.

И едва они выехали на тропинку, как ее стремительно пересек испуганный шумом олень, но стрела Робина летела быстрее, и бедное животное упало с пронзенным сердцем.

– Прекрасный выстрел! Прекрасный! – весело воскликнул король.

– Ничего особенного, сэр аббат, – сказал Робин, глядя на Ричарда с некоторым удивлением, – любой из моих людей без исключения может так же убить оленя, и даже моя жена умеет стрелять из лука и показывать куда более впечатляющие примеры меткости, чем тот, которому вы сейчас были свидетелем.

– Твоя жена? – переспросил король. – У тебя есть жена? Клянусь мессой, мне интересно познакомиться с той, что разделяет все превратности твоего беспокойного существования.

– Моя жена не единственная представительница своего пола, сэр аббат, которая предпочла верное сердце и жизнь на лоне природы вероломной любви и городской роскоши.

– Я тебя познакомлю со своей женой, сэр аббат, – крикнул Красный Уилл, – и если ты не признаешь, что ее красота достойна трона, позволь считать, что ты или слеп, или вкус у тебя и вовсе скверный.

– Клянусь святым Дунстаном, – заметил Ричард, – права народная молва, называя вас веселыми лесными братьями; у вас здесь есть все: красивые женщины, королевская дичь, свежая листва и полная свобода.

– А потому мы и счастливы, сударь, – смеясь, сказал Робин.

Вскоре они выехали на лужайку, где все уже было приготовлено к трапезе и ожидало гостей; один вид и запах свежезажаренной дичи пробудил недюжинный аппетит Ричарда Львиное Сердце.

– Клянусь совестью моей матери! – воскликнул он (поспешим заметить, что у благородной дамы Алиеноры было очень мало совести и произнести подобную клятву можно было только в шутку). – Воистину, королевский обед!

Потом король сел за стол и с большим удовольствием стал есть. Когда обед подошел к концу, Ричард сказал своему хозяину:

– Ты пробудил у меня желание познакомиться с красивыми женщинами, которые живут в твоём обширном поместье; представь их мне: хотелось бы посмотреть, в самом ли деле они достойны, как утверждал твой рыжий товарищ, украшать двор короля Англии.

Робин послал Уилла за прекрасными лесными обитательницами и приказал своим людям приготовить все к состязаниям, которыми они развлекались по праздникам.

– Мои люди попробуют вас немного развлечь, сэр аббат, – сказал Робин, снова садясь ря-

дом с королем, – и вы сами увидите, что ни наши развлечения, ни наш несколько странный образ жизни не таят в себе ничего предосудительного; прошу вас как о милости, когда вы увидите доброго короля Ричарда, скажите ему, что веселые братья из Шервудского леса не опасны для честных саксов и не злы по отношению к тем, кто сочувствует неизбежным горестям их трудной жизни.

– Будь спокоен, храбрый йомен, его величество узнает обо всем, что здесь происходит, как если бы он сам на моем месте отобедал у тебя.

– Вы, сударь, самый любезный аббат, который мне встречался в жизни, и я счастлив, что могу обращаться с вами как с братом. Теперь соблаговолите обратить внимание на моих лучников: меткость у них ни с чем не сравнимая, и, чтобы вас развлечь, я уверен, они покажут чудеса.

Люди Робина начали стрелять из лука, причем рука их была настолько тверда, а глаз так меток, что король похвалил их с истинным удивлением.

Стрельба длилась уже около получаса, когда появился Красный Уилл, сопровождаемый Марианной и Мод; обе они были одеты в амазонки из зеленого линкольнского сукна, и при каждой были лук и колчаны со стрелами.

Вслед за ними появились Барбара, Уинифред, прекрасная Лили и очаровательные жены молодых Гэмвеллов.

Король широко открыл глаза и, не говоря ни слова устремил свой взгляд на прекрасные лица, покрасневшие под его взглядом.

– Сэр аббат, – сказал Робин, беря за руку Марианну, – представляю вам царицу моего сердца, мою любимую жену.

– Ты можешь смело добавить – королеву твоих веселых лесных братьев, славный Робин, – воскликнул король, – и ты прав, гордясь тем, что внушил любовь этому очаровательному созданию! Милая дама, – продолжал король, – позвольте мне в вашем лице приветствовать владычицу большого Шервудского леса и выразить вам поклонение вашего верного подданного.

Сказав это, король опустился на одно колено, взял белую ручку Марианны и почтительно коснулся ее губами.

– Вы очень любезны, сэр аббат, – скромно ответила Марианна, – но соблаговолите вспомнить, прошу вас, что человеку в святом обличье не пристало склоняться перед женщиной, только Богу вы можете принести подобное свидетельство покорности и уважения.

«Она прочла мне мораль, достаточно сложную для жены простого лесника», – прошептал король, возвращаясь на свое место под деревом Встреч.

– Сэр аббат, а вот и моя жена! – закричал Уилл, увлекая Мод вслед за Ричардом.

Король посмотрел на Мод, а потом с улыбкой сказал:

– Эта прелестная особа и есть, несомненно, та дама, которая оказала бы честь королевскому дворцу?

– Да, сударь, – сказал Уилл.

– Ну что же, милый друг, – продолжал Ричард, – я разделяю твое мнение, и, если тебе угодно мне это позволить, я поцелую прекрасные щечки твоей любимой.

Уильям улыбнулся, король принял это за разрешение и галантно поцеловал молодую женщину.

– Позвольте сказать вам на ухо одно слово, сэр аббат, – сказал Уилл, подходя к королю, который охотно склонился к нему. – Вы человек со вкусом, – продолжал Уилл, – и отныне вам нечего бояться в Шервудском лесу. С сегодняшнего дня, когда бы случай не забросил вас к нам, вам всегда будет оказан сердечный прием.

– Спасибо за любезность, добрый йомен, – весело ответил король. – Ах, но кого же это еще я вижу? – воскликнул Ричард, увидев сестер Уилла, подходивших к нему в сопровождении Лили. – Ну, ребята, ваши дриады – настоящие феи. (Король взял за руку юную Лили.) Святой Девой клянусь, – прошептал он, – вот уж не думал, что может быть на свете женщина, столь же красивая, как моя нежная Беренгария, но, душой клянусь, я вынужден признать, что эта девочка не уступает ей чистотой и красотой. Милая моя, – сказал король, пожимая крошечную ручку, – ты выбрала суровую жизнь, лишив себя всех развлечений, столь свойственных твоему возрасту. Ты

не боишься, бедное дитя, что бурные ветры в этом лесу задуют слабый огонек твоей жизни, как они ломают хрупкие цветы?

– Отец мой, – спокойно ответила Лили, – ветер принаравливается к величине кустов; самые слабые он щадит. Здесь я счастлива: человек, который мне дорог, живет в этом старом лесу, и рядом с ним я беды не знаю.

– Ты права, не скрывая любви, если твой любимый достоин тебя, нежное дитя, – ответил Ричард.

– Он и большей любви достоин, чем моя, отец мой, – ответила Лили, – но я тоже люблю его как только могу.

Сказав это, молодая женщина покраснела; большие голубые глаза Ричарда смотрели на нее так пламенно, что ей стало невыразимо страшно, она потихоньку отняла у него руку и села рядом с Мод.

– Признаюсь тебе, мастер Робин, – сказал король, – что во всей Европе не найдется королевского двора, который может похвалиться тем, что вокруг его трона собралось столько красивых молодых женщин, сколько я вижу вокруг нас. Я видел женщин разных стран, но нигде не встречал такой полной сладостного спокойствия красоты, как у саксонских женщин. Будь я проклят, если свежие лица, которые окружают меня, не стоят сотни красавиц Востока или любых других стран.

– Счастлив слышать это, сэр аббат, – ответил Робин, – вы еще раз доказываете мне, что в ваших жилах течет чистая английская кровь. Я не могу быть судьей в столь деликатном вопросе, ибо мало путешествовал и дальше Дербишира и Йоркшира почти ничего не знаю. И все же я вместе с вами склоняюсь к мнению, что саксонские женщины – самые красивые в мире.

– Ну, конечно, самые красивые, – решительно подтвердил Уилл. – Я проехал по большей части французского королевства и могу подтвердить, что не встретил ни одной девушки или женщины, которую можно было бы сравнить с Мод. Мод – идеал английской красоты, вот мое мнение.

– Вы служили? – спросил король, внимательно глядя на молодого человека.

– Да, сударь, – ответил Уильям, – я служил в войсках короля Генриха в Аквитании, Пуату, Арфлёре, Эврё, Бове, Руане и во многих других местах.

– Ах, вот как! – воскликнул король, отворачиваясь из опасения, что молодой человек может его в конце концов узнать. – Робин Гуд, – обратился он к своему хозяину, – ваши люди приготовились продолжать состязания; мне бы очень хотелось посмотреть на их упражнения.

– Как вам угодно, так мы и сделаем, сударь; я покажу вам, как я обучаю своих лучников. Мач, – крикнул Робин, – повесьте на прутья стрельбища гирлянды из роз.

Мач исполнил приказ, и теперь концы прутьев торчали из цветочных кружков.

– Ну, а теперь, ребята, – воскликнул Робин, – цельтесь в прут; кто промахнется – отдаст мне одну стрелу и получит пощечину! Будьте внимательны, потому что, клянусь Матерью Божьей, простофилей я не пощажу; само собой разумеется, что я стреляю вместе с вами и, если промахнусь, то понесу то же наказание.

Некоторые из лесных братьев промахнулись и спокойно получили увесистую оплеуху. Робин Гуд расщепил прут и на его место поставил новый; Уилл и Маленький Джон промахнулись и под всеобщий хохот понесли заслуженное наказание.

Последним выстрелил опять Робин и, желая показать мнимому аббату, что он не делает различия между собой и своими людьми, намеренно промахнулся.

– Ах, атаман, – воскликнул один из йоменов в сильном изумлении, – вы не попали в цель?

– Ей-Богу, правда, и заслужил наказание. Ну, кто из вас желает погладить меня по щеке? Может быть, ты, Маленький Джон, ты ведь у нас самый сильный и ударить сумеешь крепко.

– Меньше всего на свете мне бы хотелось тебя ударить, – ответил Джон, – уж очень это неприятное поручение, оно навсегда рассорит меня с моей правой рукой.

– Ну что же, Уилл, тогда ты.

– Спасибо, Робин, но я от всего сердца отказываюсь от такого удовольствия.

– Я тоже отказываюсь, – сказал Мач.

– Я тоже! – крикнул один из йоменов.

– И мы все тоже! – в один голос закричали лесные братья.

– Ну, это пустое ребячество, – строго сказал Робин, – я же, не колеблясь, наказал провинившихся, и вы должны ко мне отнестись как к равному и, следовательно, так же строго. Ну, раз никто из моих людей не смеет поднять на меня руку, это дело следует завершить вам, сэр аббат. Вот моя лучшая стрела, и прошу вас, сударь, оказать мне эту услугу с такой же щедростью, с какой я оказал ее своим провинившимся лучникам.

– Не могу осмелиться оказать тебе эту услугу, дорогой Робин, – со смехом сказал король, – рука у меня тяжеловата, и быю я крепко.

– Я не неженка, сэр аббат, делайте как вам удобно.

– Ты настаиваешь? – спросил король, засучив рукав и обнажив мускулистую руку, – ну, что ж, получи, что просил.

Удар был так силен, что Робин упал навзничь, но тут же поднялся.

– Свидетельствую перед Господом, – сказал он, улыбаясь, хотя лицо его горело, – вы самый сильный монах в веселой Англии. У вас слишком сильная рука для человека, безмятежно исполняющего священнические обязанности, и я готов голову заложить (а она оценена в четыреста золотых), что вы лучше управляетесь с луком и палкой, чем с крестом.

– Возможно, – смеясь, сказал король, – добавь еще, если тебе угодно, с мечом, копьем и щитом.

– И ваши слова и все ваши повадки обличают в вас скорее человека, привыкшего к беспокойной жизни солдата, а не к благочестивому существованию служителя святой Церкви, – добавил Робин, внимательно рассматривая короля, – мне бы очень хотелось узнать, кто вы, потому что мне в голову приходят странные мысли.

– Прогони эти мысли, Робин Гуд, и не пытайся понять, тот ли я, за кого себя выдаю сейчас, – живо отозвался король.

В это мгновение к Робину подошел сэр Ричард Равнинный, который с самого утра был в отлучке. Увидев короля, рыцарь вздрогнул, потому что отлично знал его в лицо. Рыцарь посмотрел на Робина: тот, казалось, не догадывался, какого высокого гостя он принимает.

– Ты знаешь того, кто одет аббатом? – шепотом спросил рыцарь у Робина.

– Нет, – ответил Робин, но вот уже несколько минут мне кажется, что эти рыжие полосы и большие голубые глаза могут принадлежать единственному человеку на свете...

– И этот человек – Ричард Львиное Сердце, король Англии! – невольно воскликнул рыцарь.

– Ах, вот как?! – произнес, подходя к ним, мнимый монах.

Робин Гуд и сэр Ричард упали на колени.

– Теперь я узнал величественный облик моего короля, – сказал главарь разбойников, – облик нашего доброго короля Ричарда Английского! Благословит Господь ваше величество за отвагу!

На лице короля появилась благожелательная улыбка.

– Ваше величество, – продолжал Робин, по-прежнему смиренно стоя на коленях, – теперь вы знаете, кто мы такие: бедные изгнанники, вынужденные покинуть дома своих предков из-за жестокости и несправедливого притеснения. Лишенные крова и имущества, мы искали прибежища в глухом лесу; мы жили охотой и милостыней, которую взимали как дань, но без насилия и самым вежливым способом; нам давали и охотно, и не очень, но если, как нам становилось известно, тот, кто отказывался помочь нашей нужде, вез в своем кошельке деньги на выкуп рыцаря, мы никогда не брали их у него. Ваше величество, прошу у вас пощады себе и своим товарищам.

– Встань, Робин Гуд, – сказал король, и в голосе его прозвучала доброта, – и скажи мне, по какой причине ты со своими храбрыми лучниками пришел мне на помощь, когда я осаждал Ноттингемский замок?

– Государь, – ответил Робин Гуд, послушно поднимаясь по приказу короля с колен, но склоняясь перед ним в почтительном поклоне, – вы божество всех истинных англичан. Ваши поступки заслужили вам всеобщее уважение и снискали славу храбрейшего из храбрейших, чело-

века с львиным сердцем, который, оставаясь честным рыцарем, всегда побеждает в бою своего врага и простирает свою великодушную длань над несчастными. Принц Джон заслужил немилость вашего величества, и, когда я узнал, что вы стоите под стенами Ноттингемского замка, я тайне встал под ваши знамена. Ваше величество взяли замок, где укрывался мятежный принц, моя задача была выполнена, и я, ни слова ни говоря, удалился, поскольку сознания, что я честно послужил своему королю, достаточно для удовлетворения моих самых сокровенных желаний.

– От всего сердца благодарю тебя за искренность, Робин Гуд, – произнес Ричард, – и твоя любовь весьма мне приятна. Ты говоришь и поступаешь как честный человек; я тобой доволен и дарую полное прощение всем веселым братьям Шервудского леса. У тебя в руках великая власть – власть вершить зло, но ты этим опасным могуществом не воспользовался. Ты помогал бедным, а их в Ноттингемшире немало. Ты весьма вежливо взимал дань с богатых норманнов, чтобы изыскать средства к существованию своих людей. Я прощаю твою вину; все твои поступки суть не что иное, как последствия совершенно необычного положения, в какое ты попал. Но, поскольку ты нарушил охотничьи законы, поскольку князья Церкви и владетельные сеньоры были вынуждены оставить у тебя в руках крохи своих огромных сокровищ, твое помилование должно быть оформлено указом, чтобы ты мог жить спокойно, не опасаясь упреков и преследований. Завтра в присутствии своих рыцарей я провозглашу, что постановление об изгнании, ставящее тебя ниже последнего крепостного в этом королевстве, полностью отменяется. Я возвращаю тебе и тем, что разделял с тобой все превратности твоего нелегкого существования, все права и привилегии свободных людей. Я сказал и клянусь, что, милостью Бога всемогущего, сдержу слово.

– Да здравствует Ричард Львиное Сердце! – закричали рыцари.

– Да хранит ваше величество Святая Дева всегда и везде! – взволнованно сказал Робин Гуд и, став на одно колено, почтительно поцеловал руку великодушного короля.

Исполнив долг благодарности, Робин поднялся и протрубил в рог, и лесные братья, занятые до того кто стрельбой из лука, кто состязанием на палках, тотчас же бросили свои занятия и собрались вокруг своего главаря.

– Храбрые мои товарищи, опуститесь все на одно колено и обнажите головы: вы находитесь в присутствии нашего законного государя, любимого короля веселой Англии, Ричарда Львиное Сердце! Окажите почести нашему благородному хозяину и господину!

Разбойники повиновались, и, пока все они стояли перед Ричардом на коленях, склонив голову, Робин поведал им о монаршей милости.

– А теперь, – добавил Робин, – пусть своды старого леса огласит наше дружное «ура». Настал для нас великий день: милостью Божьей и благородного Ричарда вы свободны!

Веселых братьев не нужно было еще раз просить выразить переполнявшую их радость. Они так дружно грянули «ура», что их было слышно за две мили от Дерева Встреч.

Когда шум стих, Ричард Английский пригласил Робина вместе со всеми его людьми сопровождать его в Ноттингемский замок.

– Ваше величество, – ответил Робин, – ваше лестное приглашение переполняет мое сердце невыразимой радостью. Душой и телом я принадлежу моему государю, и, если вы позволите, я отберу из своих людей сто сорок лучников, которые всецело будут преданы вашему всемилостивейшему величеству и будут вашими верными слугами.

Король был в равной степени польщен и удивлен почтительным поведением героического

разбойника; он сердечно поблагодарил его и, предложив ему отпустить людей, чтобы они продолжили свои на минуту прерванные игры, взял со стола чашу, наполнил ее до краев, выпил залпом, а затем сказал весело и по-дружески заинтересованно:

– Ну а теперь, друг Робин, скажи мне, прошу тебя, кто этот великан: мне трудно назвать иначе огромного парня, которого Небо одарило такой славной физиономией. Душой клянусь, до сегодня я считал себя человеком необыкновенного роста, а сейчас вижу, что рядом с ним я просто жалкий цыпленок. Какая ширина плеч! Какая сила! А как сложен!

– Он удивительно добр тоже, государь, – ответил Робин, – а сила у него сказочная: он один может остановить целую армию, и при этом он, как наивный и чистый ребенок, умиляется, слушая трогательную историю. Этот человек, имевший честь привлечь внимание вашего величества, – мой брат, товарищ и лучший друг; у него золотое сердце, верное, как сталь его непобедимого меча. Он так удивительно владеет палкой, что его никто никогда еще не одолел, к тому же он самый меткий лучник в нашем краю и самый храбрый парень на земле.

– Мне приятно слышать твои слова, Робин, – ответил король, – потому что тот, кто смог тебе их внушить, достоин быть моим другом. Я хочу немного поговорить с этим славным йоме-ном. Как его зовут?

– Джон Нейлор, ваше величество, но, из-за его скромного роста, мы обычно его называем Маленьким Джоном.

– Клянусь мессой! – со смехом воскликнул король. – Отряд подобных Маленьких Джонов навел бы ужас на неверных собак! Эй, роскошный лесной дуб, Вавилонская башня, Маленький Джон, мальчик мой, подойди ко мне, я хочу тебя получше рассмотреть!

Джон подошел и, обнажив голову, со спокойной уверенностью стал ждать приказаний короля.

Король задал ему несколько вопросов о его необыкновенной силе, попробовал бороться с ним, но был со всей почтительностью побежден своим противником-великаном. После этого, король присоединился к играм веселых братьев, причем сделал это так естественно, как будто был одним из них, и наконец заявил, что давно не проводил дня так весело.

В эту ночь король Англии спал под охраной разбойников Шервудского леса, а на следующее утро, отдав дань прекрасному завтраку, собрался обратно в Ноттингем.

– Мой храбрый Робин, – сказал король, – не можешь ли ты мне подыскать такую же одежду, какую носят твои люди?

– Могу, ваше величество.

– Прекрасно! Тогда предоставь мне и моим рыцарям наряд, похожий на твой, и при въезде в Ноттингем мы разыграем занимательную сцену. Наши должностные люди всегда необычайно усердствуют, когда они чувствуют, что рядом находится начальник и он может их видеть; вот я и уверен, что наш бравый шериф и его доблестные солдаты докажут нам свою непобедимую храбрость.

Король и его рыцари переоделись в наряды, подобранные Робин-ом, и Ричард, галантно поцеловав Марианну и в ее лице всех дам, в окружении Робин Гуда, Маленького Джона, Красного Уилла, Мача и еще ста сорока лучников весело направился к замку.

У ворот Ноттингема Ричард приказал своей свите громко крикнуть победное «ура».

Этот грозный клич заставил горожан появиться на пороге домов, и при виде вооруженных до зубов лесных братьев они решили, что разбойники убили короля, после чего, вдохновленные своим кровавым подвигом, явились в город, чтобы уничтожить его жителей. Обезумев от ужаса, бедные люди в беспорядке бросились – кто прятаться по тайным углам домов, а кто прямо навстречу разбойникам. Кто-то зазвонил в набат, сзывая городской гарнизон, и стал искать шерифа, который чудесным образом превратился в невидимку.

Личное войско Ричарда уже собралось произвести вылазку, которая могла представить серьезную опасность для разбойников, но тут его командиры сдержали воинственный пыл солдат, не желая без причины вступать в бой.

– Ну и воины! – сказал Ричард, насмешливо глядя на боязливых защитников города. – Мне кажется, что и горожане и солдаты очень дорожат жизнью. Шериф отсутствует, командиры дро-

жат; Богом клянусь, эти трусы заслуживают примерного наказания!

Но не успел король договорить эти слова, весьма нелестные для граждан Ноттингема, как его личный отряд под предводительством капитана поспешно вышел из замка в полном боевом строю и с копьями наизготове.

– Клянусь святым Дионисием! Мои ребята не шутят! – воскликнул король и поднес к губам рог, который ему дал Робин.

Он два раза протрубил сигнал, о котором было заранее условлено с капитаном его телохранителей, и тот велел убрать оружие и почтительно стал ждать, пока подъедет король. Новость о возвращении Ричарда Английского в триумфальном сопровождении короля разбойников разнеслась с той же быстротой, с какой до этого разнеслась весть о кровожадно настроенных лесных братьях. Горожане, до этого осторожно решившие отсидеться по домам, появились бледные, но улыбающиеся, а уверившись в том, что Робин Гуд и его люди получили прощение короля, они дружески окружили лесных братьев, приветствуя их, пожимая им руки и наперегонки клянясь в вечной приязни и дружбе. В толпе раздались радостные крики, поздравления, и отовсюду только и слышалось: «Слава благородному Робин Гуду, слава храброму йомену, слава великодушному изгнаннику! Слава доброму Робин Гуду!» Голоса становились все громче и смелее, и Ричард, которому в конце концов надоели эти жаркие приветствия главарю разбойников, воскликнул: «Клянусь моей короной и скипетром, мне кажется, что здесь король ты, Робин Гуд!»

– Ах, государь, – ответил, с горечью улыбаясь, молодой человек, – не придавайте значения этой видимой дружбе, она всего лишь отражение той бесценной милости, которой вашему величеству было угодно одарить бедного изгнанника. Одно слово короля Ричарда способно изменить в крики ненависти эти жаркие приветствия, вызванные моим здесь присутствием, и те же люди, без всяких размышлений и угрызений совести перейдут от хвалы к порицанию, от восхищения к презрению.

– Правду ты говоришь, дорогой Робин, – со смехом ответил король, – эти мошенники повсюду одинаковы, и я уже имел случай убедиться в полном отсутствии мужества у горожан Ноттингема. Когда я явился сюда с намерением наказать принца Джона, они приняли мое возвращение в Англию со сдержанностью и осторожностью. Для них существует только право сильного, и они не ведают, что это с твоей помощью мне было легко овладеть замком и изгнать из него моего брата. Теперь они нам показывают лучшую часть своей подлой натуры и осыпают нас мерзкой лезть. На том мир стоит. Оставим их и подумаем о себе. Я обещал тебе, дорогой Робин, достойную награду за услугу, которую ты мне оказал. Так говори, чего же ты хочешь, у короля Ричарда только одно слово, и он всегда выполняет обещанное.

– Ваше величество, – ответил Робин, – вы оказываете мне великую милость, предлагая ваше великодушное заступничество; я принимаю его для себя, для своих людей и одного рыцаря, который попал в немилость у короля Генриха и вынужден был искать убежища в Шервудском лесу. Этот рыцарь, ваше величество, человек мужественный, достойный отец семейства, храбрый сакс; если ваше величество окажет мне честь выслушать историю сэра Ричарда Гоуэра Равнинного, я уверен, что вы не откажете мне в моей скромной просьбе.

– Мы дали тебе королевское слово не отказывать тебе ни в одной твоей просьбе, друг Робин, – тепло ответил король, – говори без опасения и расскажи нам какое стечение обстоятельств привело этого рыцаря к тому, что он попал в немилость у моего отца.

Робин поспешил удовлетворить любопытство короля и рассказал ему как можно короче историю сэра Ричарда.

– Клянусь Божьей Матерью! С этим рыцарем поступили жестоко, и ты действовал благородно, придя ему на помощь. Но да не будет сказано, что ты, храбрый Робин Гуд, превзошел короля Англии в благородстве и великодушии и в этот раз. Я желаю в свою очередь оказать покровительство твоему другу; подведи его ко мне.

Робин позвал рыцаря, и тот почтительно предстал перед королем с сердцем, исполненным самых радужных надежд.

– Сэр Ричард Равнинный, – милостиво сказал король, – твой доблестный друг Робин Гуд только что рассказал мне о несчастьях, постигших твою семью, и об опасностях, которым ты

подвергался. Я счастлив восстановить правосудие и тем самым засвидетельствовать Робин Гуду искреннее восхищение и глубокое уважение, которые вызывает у меня его поведение. Я снова ввожу тебя во владение твоими поместьями, и в течение года ты будешь освобожден ото всех налогов и обложений. Кроме того, я отменяю указ о твоём изгнании, чтобы даже память об этом несправедливом деянии изгладилась из памяти твоих сограждан. Отправляйся в свой замок, тебе будут доставлены грамоты о твоём полном и безоговорочном помиловании. А ты, Робин Гуд, проси еще чего хочешь от того, кто, даже удовлетворив все твои желания, не будет считать себя полностью свободным от долга признательности.

– Ваше величество, – сказал рыцарь, становясь на колени, – как я могу выразить вам признательность, переполняющую мое сердце?

– Сказав мне, что ты счастлив, – весело ответил король, – и пообещав больше не оскорблять служителей святой Церкви.

Сэр Ричард почтительно поцеловал руку великодушного государя и скромно смешался с одной из групп, стоявших вокруг короля.

– Ну, храбрый мой лучник, – продолжал король, поворачиваясь к Робин Гуду, – чего еще ты хочешь от меня?

– Сейчас больше ничего, ваше величество; позже, если ваше величество позволит, я попрошу его о последней милости.

– И ты ее получишь. А теперь идем в замок; Шервудский лес был очень гостеприимен к нам, и надо надеяться, что в Ноттингемском замке тоже кое-что найдется, чтобы устроить королевский пир. Твои люди превосходно готовят дичь, и свежий воздух и усталость придали нам необычайный аппетит, ибо поели мы с отменным удовольствием.

– Ваше величество могли есть сколько душе было угодно, – со смехом ответил Робин, – ведь дичь-то была ваша.

– Наша или первого пришедшего поохотиться, – весело возразил король. – И даже если все будут делать вид, что верят, будто олени Шервудского леса – наша исключительная собственность, то найдется один йомен, близко тебе знакомый, дорогой Робин, и триста парней, входящих в его отряд, которых права короны всегда мало заботили.

Беседуя таким образом, Ричард направлялся к замку, и, до самых ворот старинного владения, короля и знаменитого разбойника провожали радостные приветствия жителей Ноттингема.

Великодушный король в тот же день сдержал обещание, которое он дал Робин Гуду: он подписал акт, отменивший указ об изгнании, и вернул молодому человеку все титулы, права и имущества семьи графов Хантингдонов.

На следующий день после этого счастливого события Робин Гуд собрал своих людей в одном из дворов замка и объявил им о неожиданных переменах в своей судьбе. Эта новость искренне обрадовала славных йоменов; они так любили Робин Гуда, что дружно отказались от свободы, которую он хотел им вернуть. Поэтому было тут же решено, что веселые братья больше не будут взимать дань с норманнов и священнослужителей, а кормить и одевать их будет их благородный хозяин, Робин Гуд, ставший графом Хантингдоном и богачом.

– Ребята, – добавил Робин Гуд, – раз вы хотите остаться со мной и сопровождать меня в Лондон, если я вынужден буду туда отправиться по приказу нашего обожаемого государя, то вы должны мне поклясться никогда и никому не открывать местоположения нашего убежища. Оно может стать для нас драгоценным в случае новых несчастий.

Лесные братья громко произнесли клятву, которую требовал их главарь, и Робин предложил им немедленно готовиться к отъезду.

Тридцатого марта 1194 года, накануне своего отъезда в Лондон, Ричард держал совет в Ноттингемском замке, и, среди прочих важных решений, были подтверждены права Робин Гуда на графство Хантингдон. Король выразил настойчивое желание вернуть Робину поместья, находившиеся в руках аббата Рамсея, и советники Ричарда твердо обещали ему вынести в пользу Робина судебный приговор, который бы возместил несчастья, столь стойко перенесенные благородным изгнанником за долгие годы.

XIII

Покидая, и, быть может, навсегда, старый лес, который столько лет служил ему убежищем, Робин Гуд испытывал столь острое сожаление о прошедшем, а также некоторое опасение за будущее, столь мало соответствовавшее щедрым обещаниям Ричарда, что он решил подождать под спасительной сенью своего лесного обиталища окончательного исполнения взятых на себя королем обязательств.

Это было очень удачное решение – задержаться в Шервуде, потому что коронация Ричарда, происходившая в Винчестере вскоре после его возвращения в Лондон, настолько сильно заняла всех, что были бы совсем некстати напоминания о правах молодого графа Хантингдона, которые король признал, но не провозгласил публично.

Едва только окончились коронационные торжества, как Ричард уехал на континент, куда его призывало острое желание отомстить Филиппу Французскому, и, понадеявшись на слово своих советников, он оставил на них дело восстановления в правах храброго Робин Гуда.

Барон Бротон (аббат Рамсей), во владении которого находилось имение Хантингдонов, пустил в ход все свое влияние и огромное состояние, чтобы отсрочить исполнение указа короля о возвращении этого богатого графства истинному наследнику; но, поступая крайне предусмотрительно в отношении друзей и покровителей, осторожный барон и виду не показывал, что он собирается открыто воспротивиться воле Ричарда, а просто просил повременить немного, задаривая канцлера, и таким образом продолжал спокойно пользоваться огромным состоянием, которое он присвоил.

Пока Ричард сражался в Нормандии, а аббат Рамсей перетянул на свою сторону все ведомство канцлера, Робин Гуд с доверием ждал известии о том, что он может вступить во владение имуществом своего отца.

Одиннадцать месяцев сломили свойственное ему терпение: он набрался мужества, которое ему придало благожелательное отношение к нему короля во время пребывания его в Ноттингеме, и послал запрос Хьюберту Уолтеру, архиепископу Кентерберийскому, хранителю печати и верховному судье Английского королевства. Прошение Робин Гуда дошло по назначению, и архиепископ был о нем осведомлен; эта справедливая просьба не была открыто отклонена, на нее просто никто не ответил, и считалось, что ее, как бы не было.

Эта бездеятельность людей, которые должны были по долгу службы способствовать восстановлению его в правах наследства, говорила об их недобросовестности, и молодой человек легко догадался, какая подспудная борьба затевается против него. К несчастью, аббат Рамсей, ставший бароном Бртоном и графом Хантингдоном, был слишком могущественным противником, чтобы предпринять против него в отсутствие Ричарда хоть какие-либо враждебные действия. Поэтому Робин решил закрыть глаза на несправедливость, жертвой которой он стал, и спокойно ждать возвращения короля Англии.

Приняв это решение, Робин Гуд отправил верховному судье второе послание. В нем он выразил неудовольствие тем, что аббату Рамсею оказывается очевидное покровительство, и заявлял, что в надежде на скорое возвращение Ричарда в Англию и его правосудие он снова становится главарем разбойников и будет жить, как и прежде, в Шервудском лесу.

Хьюберт Уолтер не проявил никакого видимого внимания к этому письму, но, наводя порядок во всей Англии и принимая строгие меры против наводнивших королевство многочисленных шаяк, Робин Гуда и его веселых братьев, как находящихся под покровительством Ричарда, не трогал.

Четыре года прошли в том обманчивом спокойствии, которое обычно предшествует небесным бурям и революционным потрясениям. Однажды Англию словно громом поразила внезапная весть о смерти Ричарда, повергнув в ужас всех его подданных. Восшествие на престол принца Джона, который словно поставил себе целью возбудить всеобщую к нему ненависть, послужило сигналом к целой череде преступлений и постыдных насилий.

Как раз в это злосчастное время аббат Рамсей в сопровождении многочисленной свиты проезжал по дороге в Йорк через Шервудский лес и был остановлен Робин Гудом. Попад в плен,

так же как и сопровождавшие его люди, аббат мог получить свободу, лишь заплатив значительный выкуп. Бранясь, он заплатил, однако пообещал себе жестоко отомстить и не замедлил сдержать обещание.

Аббат Рамсей обратился к королю, и Джон, в это время крайне нуждавшийся в поддержке знати, внял жалобам барона и тут же послал сотню человек под командованием сэра Уильяма Грея, старшего брата Джона Грея, своего любимца, начать преследование Робин Гуда, приказав разбить отряд лесных братьев наголову.

Рыцарь Грей был норманн и ненавидел саксов; движимый этим чувством ненависти, он поклялся положить вскоре к ногам аббата Рамсея голову его дерзкого соперника.

Внезапное прибытие в Ноттингем солдат в кольчугах и крайне воинственного вида посеяло в городке всеобщую панику, но, когда стало известно, что они направляются в Ноттингемский лес, чтобы уничтожить отряд Робин Гуда, ужас уступил место недовольству и несколько человек, преданных разбойникам, побежали предупредить их о готовящемся против них походе.

Робин Гуд встретил эту новость как человек и без того постоянно державшийся настороже и опасавшийся мести жестоко оскорбленного противника; он ни на минуту не усомнился в том, что аббат Рамсей содействовал этому столь быстро организованному походу. Робин, собрав своих людей, приготовился оказать норманнам мощное сопротивление и тут же подослал врагу ловкого лучника, который, переодевшись крестьянином, должен был предложить солдатам провести их к дереву, известному во всей округе как место встречи веселых лесных братьев.

Эта простая хитрость, уже не раз выручавшая Робина, удалась и на этот раз, и рыцарь Грей без всяких колебаний принял предложение посланца Робина. Услужливый лесник встал во главе отряда и часа три водил его по кустам, колючим зарослям и завалам, казалось, не замечая того, что солдатам в кольчугах было очень тяжело проделывать этот переход. Наконец, когда солдаты под тяжестью доспехов стали буквально валиться с ног от усталости, проводник вывел их, но не к Дереву Встреч, а на широкую поляну, со всех сторон окруженную вязами, буками и вековыми дубами. На поляне, свежей и зеленой, как лужайка на парадном дворе замка, лежали и сидели веселые лесные братья – весь отряд.

Вид противника, на первый взгляд безоружного, прибавил силы солдатам; забыв о проводнике, незаметно затерявшемся среди разбойников, они с победным кличем без всяких предосторожностей бросились на лесных братьев.

К огромному удивлению норманнов, те, почти не меняя небрежной позы, подняли над головами огромные палки и стали с хохотом вращать их.

Придя в отчаяние от этой насмешки, солдаты, обнажив мечи, беспорядочно кинулись на разбойников, но те, несколько не смутившись, отклонили палками угрожавшие им мечи и молниеносно обрушили страшные удары на головы и плечи норманнов. Глухой шум, какой издавали каски и кольчуги, смешался с криками поверженных наземь солдат и возгласами йоменов, которые, казалось, не защищали свою жизнь, а отрабатывали свою ловкость на чучелах.

Сэр Уильям Грей, руководивший передвижением отряда, в ярости видел, как падали вокруг него его лучшие бойцы, и проклинал минуту, когда в голову ему пришла мысль так тяжело вооружить солдат. Чтобы одолеть людей, чья чудесная сила делала их и так почти непобедимыми, ловкость и свобода движений были первейшими условиями, а норманны с трудом могли шевелиться.

Испугавшись полного поражения, более чем вероятного, рыцарь остановил сражение, и, благодаря великодушию Робина, остатки королевского отряда вернулись в Ноттингем.

Само собой разумеется, что признательный норманн в душе дал обещание на следующий же день вернуться в лес с менее тяжело вооруженными солдатами.

Робин Гуд догадался о враждебных замыслах сэра Грея; он построил своих людей в боевом порядке на том же месте, что и накануне, и стал спокойно ждать появления солдат, которых один из его людей, посланных в разведку во все примыкавшие к Ноттингему части леса, встретил в двух милях от Деревя Встреч.

На этот раз норманны оделись в легкие костюмы лучников, они были вооружены луками и стрелами, небольшими мечами и щитами.

Робин Гуд и его люди уже около часа стояли на прежнем месте, ожидая солдат, но те не появлялись. Молодой человек уже решил было, что враги переменяли планы, как вдруг со своего поста примчался один из лучников, стоявших в дозоре, и сообщил, что норманны, заблудившись по дороге, идут прямо к Дереву Встреч, где по приказу Робина собрались все женщины.

Эта новость пробудила в душе Робина тягостное предчувствие; он побледнел и сказал:

– Бежим, постараемся опередить норманнов, нужно остановить их; горе нам и горе им, если они доберутся до наших женщин!

Лесные братья все как один бросились в ту сторону, откуда наступали норманны, надеясь преградить им путь или успеть первыми оказаться у Деревя Встреч, но солдаты сильно опередили их, и остановить их или прийти раньше, чтобы предотвратить несчастье, уже было невозможно. Нравы, а точнее, полная распущенность той варварской эпохи заставляли Робина и его товарищей бояться, что по отношению к незащищенным женщинам будет учинено жестокое насилие.

Норманны скоро добрались до Деревя Встреч. Увидев их, женщины в ужасе закричали и бросились, обезумев, бежать куда только можно было. Сэр Уильям сразу же понял, что его ненависть к саксам может найти выход, если он захватит слабых и растерявшихся женщин и предаст их смерти, чтобы отомстить за свое первое поражение.

По его приказу солдаты остановились, и сэр Уильям с минуту следил за лихорадочным бегством охваченных ужасом женщин. Одна из них бежала впереди, а остальные старались, одновременно прикрывая ее, следовать за ней. Эта явная заботливость их по отношению к подруге дала понять рыцарю, что она у них самая главная; он тут же решил, что разумно подстрелить ее первой, поднял лук и спокойно прицелился. Он был хорошим стрелком; стрела вонзилась точно между плечами, и несчастная женщина, обливаясь кровью, упала на землю; другие, забыв об опасности, с горестными криками опустили около нее на колени.

Один человек видел, как презренный норманн поднял лук, и этот человек, надеясь предупредить выстрел, прицелился ему в лоб. Стрела его попала в цель, но слишком поздно: прежде чем умереть от руки Робин Гуда, сэр Уильям смертельно ранил Марианну.

– Леди Марианна ранена! Смертельно ранена! – эта ужасная новость мгновенно облетела ряды саксов, и у многих на глазах показались слезы, потому что эти мужественные люди с безграничной нежностью любили свою молодую королеву. Горе же Робина граничило с безумием: он не говорил, не плакал, он сражался. Маленький Джон и Робин бросились на норманнов, как жаждущие крови тигры, и, молча, не разжимая побелевших губ, сеяли вокруг себя смерть. Казалось, в них вселилась сверхъестественная сила: они мстили за Марианну, и мстили жестоко!

Кровавое сражение длилось два часа; норманны были разбиты наголову, и ни один из них не получил ни пощады, ни прощения, только один солдат сумел бежать; он-то и принес брату сэра Уильяма Грея роковую весть о разгроме отряда.

Марианну перенесли на поляну подальше от поля битвы; около нее, заливаясь слезами, стояла на коленях Мод и тщетно пыталась остановить кровь, хлеставшую из страшной раны.

Робин бросился на колени рядом с Марианной; сердце его разрывалось от горя, он не мог ни говорить, ни шевелиться, из груди его вырывался хрип, он задыхался.

Когда Робин приблизился, Марианна открыла глаза и нежно взглянула на него.

– Ты ведь не ранен, мой друг? – спросила слабым голосом молодая женщина, немного помолчав.

– Нет, нет, – прошептал Робин: он едва мог шевелить губами.

– Слава Божьей Матери! – сказала с улыбкой Марианна. – Я молила ее за тебя, и она снизошла к моей мольбе. Эта ужасная битва кончилась, дорогой Робин?

– Да, милая Марианна, наши враги исчезли, они больше не вернутся... Но поговорим о тебе, подумаем о тебе, ты... я... Пресвятая Мать Божья! – воскликнул Робин. – Это горе выше моих сил!

– Ну же, мужайся, милый мой, любимый Робин, подними голову, посмотри на меня, – сказала Марианна, сиюсь улыбнуться, – рана неглубокая, она заживет, стрелу вытащили. Ты же знаешь, мой друг, если бы существовала какая-то опасность, я бы первая поняла, что мой час пришел. Ну же, взгляни на меня, милый Робин.

Произнеся эти слова, Марианна попыталась притянуть голову Робина к себе, но эта попытка лишила ее последних сил: когда молодой человек поднял на нее заплаканные, глаза, Марианна была без сознания.

Однако она быстро пришла в себя; нежно утешив мужа, она выразила желание немного отдохнуть и вскоре глубоко уснула.

Как только Марианна уснула на затененном ложе из мха, которое ей устроили подруги, Робин Гуд пошел выяснить, в каком состоянии находится его отряд. Джон, Мач и Уилл заботились о раненых и подсчитывали мертвых; раненых среди изгнанников было немного, человек двенадцать из них – опасно, убитых не было ни одного. Норманны же, как уже говорилось, погибли все, и по краям поляны вырыли большие ямы, которые должны были принять их тела.

Проснувшись после глубокого сна через три часа, Марианна увидела мужа рядом с собой, и это ангельское создание, желая поддержать того, кого она так нежно любила, стала ласково говорить, что не чувствует никакой слабости и скоро поправится.

Марианна страдала, Марианна ощущала предсмертную тоску и знала, что надеяться ей больше не на что, но горе Робина разрывало ей сердце, и она старалась, насколько это было и ее власти, облегчить мужу роковой удар.

На следующий день состояние ее ухудшилось, рана воспалилась, и последняя надежда на спасение жены угасла даже в сердце Робина.

– Дорогой Робин, – сказала Марианна, вкладывая свои пылающие руки в руки мужа, – приближается мой последний час; наше расставание будет жестоким, но у сердец, верящих в Божью милость, достанет сил его перенести.

– О Марианна, любимая моя Марианна! – воскликнул Робин, рыдая. – Неужели Матерь Божья совсем покинула нас, раз она позволяет погибнуть нашим сердцам?! Я не переживу тебя, Марианна, я не смогу без тебя жить.

– Да будет тебе опорой вера и долг, любимый Робин, – нежно ответила Марианна, – ты смиришься с этим несчастьем, потому что такова воля Неба, и будешь жить, пусть не счастливо, но спокойно среди людей, все существование которых зависит от тебя. Я скоро покину тебя, мой друг, но прежде чем глаза мои закроются, чтобы не видеть более дневного света, позволь мне сказать, как я люблю и любила тебя. Если бы это чувство, переполняющее все мое существо, могло принять видимую форму, ты бы понял, сколь оно сильно и необъятно. Я любила тебя, Робин, со всей доверчивостью преданного сердца, всю свою жизнь я молила Бога о единственной милости – всегда нравиться тебе.

– И Бог был милостив к тебе, Марианна, – ответил Робин, стараясь умерить волнение своей печали, – поскольку и я могу сказать в свою очередь, что ты, ты одна царила в моем сердце; когда я был рядом с тобой и вдали от тебя, ты была моей единственной надеждой, моим единственным утешением.

– Если бы Небо позволило нам состариться рядом друг с другом, дорогой Робин, – заговорила опять Марианна, – если бы оно послало нам длинную вереницу счастливых дней, может быть, расставание наше было бы еще более жестоким, потому что у тебя не осталось бы сил перенести такую страшную боль. Но мы оба молоды, и я оставляю тебя на земле в таком возрасте, когда одиночество наполняется воспоминаниями, а может быть, и надеждой... Обними меня, милый Робин... вот так... позволь я прижмусь щекой к твоей щеке. Я хочу, чтобы ты услышал мои последние ласковые слова, я хочу, чтобы душа моя, отлетая, улыбалась, я хочу, чтобы ты принял мой последний вздох...

– Марианна, любимая моя, не говори так! – душераздирающим голосом воскликнул Робин. – Я не могу слышать, как ты говоришь о расставании. О Матерь Божья, заступница скорбящих! Ты всегда внимала моим смиренным мольбам! Подари мне жизнь той, которую я люблю, подари мне жизнь моей жены, на коленях молю тебя!

И Робин, лицо которого было залито слезами, с мольбой воздел к Небу руки.

– Ты напрасно просишь божественную мать Спасителя, любимый мой, – сказала Марианна, прижимаясь побелевшим лбом к плечу Робина. – Дни мои – да что я говорю?! – часы мои сочтены. Бог послал мне сон, чтобы меня предупредить.

– Сон?! Что ты говоришь, дорогое дитя?

– Да, сон. Вот послушай. Я видела тебя; ты в кругу лесных братьев сидел на большой поляне в Шервудском лесу. Наверное, ты давал праздник своим храбрым товарищам, потому что ветви старых деревьев были увиты гирляндами роз, и красные ленты весело развевались от дуновений благоуханного ветерка. Я сидела рядом с тобой, держала тебя за руку и чувствовала невыразимую радость, но тут вдруг между нами возник незнакомец с бледным лицом и в черной одежде и сделал мне рукой знак следовать за ним. Я встала вопреки своей воле и вопреки своей воле пошла за мрачным незнакомцем. Однако, прежде чем уйти, я вопросительно посмотрела на тебя, потому что не могла проронить ни слова и меня душила печаль; ты спокойно и с улыбкой посмотрел на меня; я показала тебе на незнакомца, но ты, повернув голову в его сторону, продолжал улыбаться; я постаралась объяснить тебе, что он уводит меня от тебя; ты слегка побледнел, но улыбка не сошла с твоих губ. Я впала в отчаяние, задрожала и горько заплакала, обхватив голову руками.

А незнакомец все вел меня за собой. Когда мы отошли на несколько шагов от поляны, передо мной предстала женщина в покрывале; незнакомец отступил назад, женщина подняла покрывало, прятавшее от меня ее лицо, и я узнала нежные черты своей матери.

Я вскрикнула и, дрожа от удивления и счастья, смешанного с испугом, протянула к ней руки.

«Милое дитя, – сказала она, и голос ее звучал мелодично и нежно, – не плачь, смиренно, по-христиански прими участь, общую для всех смертных. Умри с миром, без горечи, оставь этот свет, который может дать тебе только суетные удовольствия и скоропреходящие радости. За его пределом есть обитель вечного блаженства, приходи сюда жить со мной; но, прежде чем идти за мной, взгляни!» И с этими словами моя мать дотронулась до моего лба рукой, холодной и белой, как мрамор. При этом прикосновении, мой взор, который застилали слезы, прояснился, и я увидела вокруг себя блистающий хоровод юных девушек. Все они были ангельски Красины, и на устах у них играла божественная улыбка. Они ничего не говорили, просто смотрели на меня и, казалось, старались, чтобы я поняла, как я буду счастлива жить среди них. Пока я любовалась своими будущими подругами, мать, наклонившись ко мне, ласково сказала: «Дитя мое милое, взгляни, взгляни еще раз». Я последовала ее совету. Вокруг меня благоухали цветы, ветви деревьев клонились под тяжестью плодов: румяные яблоки и золотистые груши прятались среди белых маргариток. В воздухе был разлит чудесный аромат, и вокруг порхали и пели яркие птички. Я пришла в восторг, горе потихоньку ушло из моего сердца, и моя мать, радостно улыбнувшись, еще раз ласково и нежно повторила мне: «Взгляни, дитя мое, взгляни».

Тут за мной раздались легкие шаги. Они были едва слышны, но прозвучали для меня как дивная музыка, сердце мое забилося чаще, и я обернулась.

И тогда – о Робин! – я почувствовала беспредельное счастье, ибо увидела тебя, ты бежал ко мне по лужайке, глаза твои блестели, и ты протягивал мне руки.

«Робин! Робин!» – закричала я и хотела броситься тебе навстречу, но мать меня удержала.

«Он придет, – сказала она мне, – вот он, уже здесь». И взяв наши руки, она соединила их, а потом, поцеловав меня в лоб, сказала: «Вы, мои дети, там, где счастье вечно, любовь никогда не кончается, вы в обители избранных. Будьте счастливы!»

Конец сна я не запомнила, милый Робин, – помолчав, сказала Марианна. – Я проснулась и поняла, что Небо послало мне предупреждение и надежду. Я должна расстаться с тобой на долгие годы, да, но не навсегда. Бог соединит нас в ином мире...

– Дорогая Марианна!

– Любимый мой, – продолжала молодая женщина, – последние силы оставляют меня, положи мою голову себе на грудь, обними меня покрепче, и я усну последним сном, как засыпает усталое дитя на груди матери.

Робин лихорадочно целовал умирающую жену, и на ее лицо падали его жгучие слезы.

– Да благословит тебя Бог, любимый мой, – продолжала Марианна слабым голосом, – и в настоящем и в будущем, и да ниспошлет он свою благодать тебе и всем, кого ты любишь. Вокруг меня все темнеет, а я хотела бы еще раз видеть твою улыбку, прочесть в твоих глазах, как

я тебе дорога. Робин, я слышу голос матери, она меня зовет, прощай!..

– Марианна! Марианна! – закричал Робин, падая на колени рядом с постелью жены. – Поговори еще со мной. Я не хочу, чтобы ты умирала! Боже всемогущий, помоги мне! Сжался над нами, Матерь Божья!

– Милый Робин, – прошептала Марианна, – я хочу, чтобы меня похоронили под деревом Встреч... а на могиле посадили цветы...

– Да, дорогая, да, мой нежный ангел, ты будешь спать под благоуханным зеленым ковром, и, когда придет мой последний час, который я зову всей душой, я попрошу того, кто будет мне закрывать глаза, похоронить меня рядом с тобой...

– Спасибо, любимый, последнее биение моего сердца – тебе, я умираю счастливой, потому что умираю в твоих объятиях... Прощай, про...

Вместе с поцелуем с губ Марианна сорвался вздох, руки ее слабо сжали шею Робина, и больше она не шевелилась.

Робин долго еще вглядывался в это нежное лицо, надеясь, что глаза еще раз откроются, он долго ждал, что эти бледные губы еще заговорят, но – увы! – ждал напрасно: Марианна была мертва.

– Пресвятая Матерь Божья! – воскликнул Робин, опуская на ложе неподвижное тело жены. – Ушла, ушла навсегда! Любимая моя, счастье мое, жена моя!

И, обезумев от горя, он бросился вон из шатра с криком:

– Марианна умерла! Марианна умерла!

XIV

Робин Гуд свято выполнил последнюю волю жены: он приказал вырыть могилу под Деревом Встреч и останки той, кто была светочем и утешением его жизни, были погребены там и прикрыты цветочным ковром. Юные девушки графства, во множестве явившиеся на похороны, украсили могилу гирляндами из роз и оплакали Марианну вместе с Робинем.

Аллан и Кристабель были извещены о роковом событии и приехали на рассвете; они были в отчаянии и горько оплакивали смерть горячо любимой сестры.

Когда все было окончено и тело Марианны скрылось в могиле, Робин Гуд, до тех пор занимавшийся всем, что было связано с погребением, пронзительно вскрикнул, вздрогнул с головы до ног, как человек, смертельно раненный в сердце стрелой, и, не слушая Аллана, не отвечая Кристабель, испуганной таким страшным отчаянием, вырвался из их рук и исчез в лесу. Бедный Робин хотел остаться наедине со своим горем, наедине с Богом.

Время, смягчающее самые великие горести, не залечило сердечной раны Робин Гуда. Он продолжал оплакивать ту, что своим нежным ликом освещала для него старый лес, ту, что нашла счастье в его любви и была единственной радостью его жизни.

Вскоре пребывание в лесу стало для него невыносимо, и он уехал в поместье Барнсдейл, но там воспоминания мучили его еще больше, и Робин впал в мрачную апатию: все чувства его заледенели. Казалось, в нем умерло все – дух, мысль и даже воспоминания.

Эта постоянная тоска погрузила всех веселых братьев в глубокую печаль. Слезы предводителя затушили в них последние искры веселья, и по тропинкам старого леса разбойники бродили задумчиво, не находя себе места, словно неприкаянные души. Не слышно было в тени зеленых деревьев громкого смеха брата Тука, не стучала палка о палку, не разносились громкие крики во время состязаний в ловкости и силе, стрелы не покидали колчанов, и никто не соревновался в стрельбе из лука.

Бессонница и отвращение к пище сильно изменили внешность Робина: он побледнел, под глазами появились темные круги, он стал кашлять и медленная лихорадка довершила то, что начало горе. Маленький Джон, молча наблюдавший за этими переменами, сумел в конце концов убедить друга, что ему следует уехать не просто из Барнсдейла, но и вообще из Йоркшира, и попробовать развеять свою печаль путешествием. Посопротивлявшись с час, Робин согласился с мудрыми доводами Маленького Джона и, прежде чем расстаться со своими людьми, поручил

ему командование ими.

Чтобы путешествовать неузнанным, Робин переоделся крестьянином и в таком скромном виде явился в Скарборо. Он остановился у порога бедной хижины, в которой жила вдова рыбака, и попросил у нее приюта. Старушка приняла нашего героя приветливо и, собирая на стол, рассказала ему о своих каждодневных горестях. Она сообщила ему, что у нее есть лодка с экипажем из трех матросов, которых ей тяжело содержать, хотя такого числа людей и мало, чтобы вести лодку и грести к берегу, когда улов большой.

Желая хоть как-нибудь убить время, Робин Гуд предложил старушке наняться к ней матросом за весьма скромную плату, и крестьянка, которой гость очень понравился, от всей души согласилась.

– Как вас зовут, милый мальчик? – спросила старушка, когда они договорились, на каких условиях новый работник будет у нее жить.

– Меня зовут Саймон Ли, добрая женщина, – ответил Робин Гуд.

– Ну что же, Саймон Ли, завтра вы начнете работать, и, если работа вас устроит, мы долго проживем вместе.

На следующее утро Робин Гуд вместе со своими новыми товарищами вышел в море, но мы вынуждены сказать, что, никогда прежде не управлявший судном, Робин Гуд, несмотря на все старания, мало чем смог быть полезен умелым рыбакам. К счастью для него, это были люди незлые, и они не стали издеваться над его неумением, а просто посмеялись над тем, что ему в голову пришла мысль взять с собой в море лук и колчан со стрелами.

«Если бы мы были в Шервудском лесу, – думал Робин Гуд, – я не позволил бы им вот так смеяться надо мной, но у каждого – свое ремесло, и в их деле я ничего не стою».

Наполнив лодку рыбой вровень с бортами, рыбаки распустили паруса и направились к причалу. Но тут они заметили небольшой французский корвет, который шел прямо на них. На борту корвета людей было, по-видимому, немного, однако рыбаки не на шутку испугались и заявили, что они пропали.

– Пропали? Почему же? – спросил Робин.

– Почему? Ну, ты и дурак! – ответил один из рыбаков. – Да потому что на корвете наши враги, мы с ними в состоянии войны, и если они возьмут нас на abordage, то мы попадем в плен.

– Надеюсь, им это не удастся, – ответил Робин, – мы попробуем защищаться.

– Да как мы можем защищаться? Их ведь человек пятнадцать, а нас – всего трое.

– А меня вы в расчет не берете, храбрый человек? – спросил Робин.

– Нет, приятель. Руки у тебя слишком белые, и ты вряд ли когда-либо обдирал их о весло. Ты моря не знаешь, и, если упадешь в воду, на земле одним дурнем станет меньше. Не сердись по пустякам, ты парень славный, и я к тебе очень расположен, но ты не стоишь того хлеба, что съедаешь.

Легкая улыбка скользнула по губам Робина.

– Я не слишком самолюбив, – сказал он, – и все же хочу вам доказать, что и я на что-нибудь годе в минуту опасности. Мой лук и стрелы выручат нас. Привяжите меня к мачте; рука у меня не должна дрожать, и дадим корвету приблизиться к нам на расстояние полета стрелы.

Рыбаки повиновались. Робина крепко привязали к мачте, он поднял лук и стал ждать.

Как только корнет приблизился, Робин прицелился, и тотчас же человек, стоявший на носу судна, покатылся по палубе со стрелой в шее. Второго матроса постигла та же участь. Рыбаки, на секунду застывшие в полном восторге и изумлении, радостно закричали, и тот, кто был у них за старшего, показал Робину на человека, стоявшего у руля корвета. Робин тут же его убил, как двух других.

Суда сошлись бортами, на корвете оставалось десять человек, но скоро стараниями Робина несчастных французов стало только трое. Как только рыбаки заметили, что силы равны, они решили захватить судно, и это было им тем более легко, что французы, считая всякое сопротивление опасным и бесполезным, сдались на милость победителей. Матросам оставили жизнь и предоставили возможность вернуться во Францию на рыбацкой лодке.

Французский корвет был хорошей добычей, поскольку он вез королю Франции крупную

сумму – около двенадцати тысяч ливров.

Само собой разумеется, что завладев таким неожиданным богатством, славные рыбаки извинились перед тем, над кем за несколько часов до того насмехались; потом, преисполнившись бескорыстия, они заявили, что добыча целиком принадлежит Робину, поскольку самой победой они обязаны его бесстрашию и меткости.

– Добрые мои друзья, – сказал Робин, – вопрос этот могу решить я один, и вот как я хочу уладить это дело: половина корвета и его содержимого станет собственностью бедной вдовы, которой принадлежит лодка, а остальное будет разделено между вами тремя.

– Нет, нет, – ответили рыбаки, – мы не потерпим, чтобы ты лишил себя имущества, которое было приобретено тобой без чьей-либо помощи. Судно принадлежит тебе, и, если ты хочешь, мы будем твоими слугами.

– Благодарю вас, вы славные ребята, – ответил Робин, – но мне не нужны доказательства вашей преданности. Корвет будет разделен, как я того хочу, а двенадцать тысяч ливров я употреблю на то, чтобы построить для вас и для самых бедных жителей бухты Скарборо более здоровые жилища, чем те, что у вас есть.

Напрасно рыбаки пытались изменить планы Робина; они стремились доказать ему, что, отдав вдове, бедным и им самим четверть от этих двенадцати тысяч ливров, он все равно поступит очень великодушно, но Робин не захотел ничего слушать и в конце концов заставил своих товарищей замолчать.

Несколько недель Робин Гуд прожил среди добрых людей, которых его великодушие осчастливило, но в одно прекрасное утро, устав от моря и соскучившись по своим товарищам и старому лесу, он собрал рыбаков и объявил им о своем отъезде.

– Друзья мои, – сказал Робин, – я расстаюсь с вами, глубоко признательный за ваши заботы обо мне. Вероятно, мы никогда больше не увидимся, но мне бы хотелось, чтобы вы сохранили доброе воспоминание о вашем госте и друге Робин Гуде.

И прежде чем ошеломленные рыбаки снова обрели дар речи, Робин Гуд исчез.

И сегодня еще маленькая бухта, рядом с которой под крышей одной из скромных хижин жил знаменитый изгнанник, носит имя Робин Гуда.

До опушки Барнсдейлского леса Робин дошел ранним июньским утром. В глубоком волнении вступил он на узкую просеку, где столько раз встречала его с улыбкой на губах и радостью в душе любимая женщина, чью смерть он теперь должен будет оплакивать до конца своих дней. Несколько минут Робин в молчании созерцал те места, что были свидетелями его минувшего счастья, и грудь его задышала спокойнее; он чувствовал, как в нем оживает прошлое, и тень Марианны заскользила по темным просекам, цветущим лужайкам и полянам, затененным от солнца густой листвой вековых дубов; Робин Гуд последовал за этим сладостным видением и прошел до того места, где обычно собирались веселые братья.

Но в этот день здесь никого не было. Робин поднес к губам охотничий рог, и его мощный звук поплыл в глубину леса.

И тут же в ответ раздался мощный крик: ветви деревьев, окружавших поляну, раздвинулись, и в объятия Робин Гуда кинулся Красный Уилл в сопровождении всех лесных братьев.

– Роб, друг милый, – прошептал красавец Уилл прерывающимся голосом, – наконец-то ты вернулся! Слава Богу! Мы все так ждали, так ждали, правда, Маленький Джон?

– Правда, – ответил Джон, горестно глядя полными слез глазами на бледное лицо пришедшего. – Робин почувствовал, как мы волнуемся, и пришел.

– Да, дорогой Джон, и надеюсь, что больше не покину тебя.

Джон схватил руку Робин Гуда и с силой сжал ее, но так нежно, что Робин не посмел пожаловаться на боль.

– Добро пожаловать к нам, Робин Гуд! – радостно закричали лесные братья. – Тысячу раз приветствуем тебя!

Эти проявления радости, вызванные его приходом, пролили целительный бальзам на неизлечимую рану нашего героя. Он понял, что не должен больше уходить и свое горе и оставлять без поддержки людей, до такой степени преданных ему и его несчастью.

Это мужественное решение заставило Робин Гуда покраснеть. Увы! Его сердце было не в ладу с его волей, но воля победила; мысленно простившись с тенью Марианны, он протянул руку своим верным друзьям и сильным и спокойным голосом сказала:

– Отныне, милые мои товарищи, я всегда буду вашим другом, вожаком и начальником, изгнанником Робин Гудом, атаманом Робин Гудом!

– Ура! – закричали лесные братья, бросая вверх шапки. – Ура! Ура!

– Теперь будем веселиться, – сказал Робин Гуд, – и пусть повсюду у нас царит радость; сегодня мы отдыхаем, а завтра охотимся, и горе норманнам!

О новых подвигах Робин Гуда скоро заговорили по всей Англии, и богатым сеньорам Ноттингемшира, Дербишира и Йоркшира пришлось платить немалую дань на нужды бедняков и содержание отряда.

Так прошли долгие годы, не принеся в существование изгнанников никаких перемен, но, прежде чем читатель закроет эту книгу, мы должны ему сообщить судьбу некоторых ее действующих лиц.

Сэр Гай Гэмвелл и его жена умерли в очень преклонном возрасте, оставив своим сыновьям поместье Барнсдейл, в котором те и поселились, выйдя из отряда Робин Гуда.

Красный Уилл последовал примеру братьев; он жил в чудесном доме со своей дорогой Мод, которая к этому времени стала матерью нескольких детей и была любима мужем столь же нежно, как и в первые дни после свадьбы. Мач и Барбара поселились неподалеку от Мод, но у Маленького Джона, к несчастью потерявшего Унифред, не было никаких причин покидать лес, и он остался под началом Робина; к тому же, поспешим добавить, слишком любил он Робина, чтобы ему хоть на мгновение пришла мысль оставить его, и оба товарища продолжали жить бок о бок, убежденные, что только смерть может их разлучить.

Не забудем сказать несколько слов о храбром Туке, благочестивом монахе, благословившем столько свадеб. Тук остался верен Робину; он по-прежнему был духовным наставником лесных братьев и ничего не потерял из своих замечательных качеств: это был достойный священнослужитель, пьяница, задира и хвастун.

Хэлберт Линдсей, молочный брат Мод, назначенный приказом Ричарда Львиное Сердце старшим конюшим Ноттингемского замка, прекрасно справлялся со своей должностью, которую ему удалось сохранить. Жена Хэла, красotka Грейс Мей, оставалась по-прежнему очаровательной, а ее малышка Мод обещала со временем стаи» точным портретом матери.

Сэр Ричард Равнинный жил спокойно и счастливо со своей женой и детьми Гербертом и Лили. Честный сакс был привязан к Робин Гуду до последнего дыхания; когда Робин, которого привлекала эта любовь и нежность, приезжал в замок вместе с Маленьким Джоном отдохнуть от трудов, там всегда был настоящий праздник.

Вскоре после того как была подписана Великая Хартия, король Джон, совершив ряд чудовищных деяний, кинулся лично преследовать юного короля Шотландии, отступавшего под его натиском, и двинулся прямо на Ноттингем, сея на своем пути отчаяние и ужас. Джон двигался в сопровождении нескольких генералов, которые за свои подвиги получили весьма выразительные прозвища: одного звали Халео Без Потрохов, другого – Молеон Кровавый, третьего – Уолтер Мач Убийца, четвертого – Соттим Жестокий, пятого – Годешаль Бронзовое Сердце. Эти негодяи были командирами отрядов иностранных наемников, и они оставляли своими следами насилия, смерть и пожарища. Слух о приближении этого разбойничьего войска отзывался погребальным звоном в ушах испуганных жителей – они в ужасе бежали, оставляя свои опустевшие дома на милость норманнов.

Робин Гуд узнал о жестоком поведении солдат и решил заставить их испытать такие же муки, как те, что из-за них испытывали бедные жители.

Лесные братья отозвались на призыв своего командира с таким воодушевлением, что, знай об этом солдаты короля Джона, они бы невольно задрожали, столько в нем было ненависти побежденных к победителям, саксов – к норманнам.

Когда отряд приготовился к битве, Робин Гуд стал ждать.

При приближении к Шервудскому лесу командиры норманнов выслали вперед разведчи-

ков, и когда основные силы войска вошли в лес, они увидели лежащими мертвыми на дороге, повешенными на деревьях, испускающими дух на земле тех, возвращения кого они напрасно ждали. Это чудовищное зрелище несколько охладило пыл норманнов, но, поскольку их было много, они продолжали продвигаться вперед.

В планы Робина не входило открыто нападать на целую армию, он мог победить только хитростью; вот почему он положился на ловкость и бесподобную меткость своих людей. Солдаты падали один за другим, раненные стрелами, причем лучинки оставались невидимыми; люди Робина шли за ними по пятам, убивая отставших и безжалостно закалывая тех, кто попадал к ним в руки. Ужас скопал армию, люди поняли, что они погибли, а суеверие того времени заставило их приписать свои несчастья силам ада. Один из военачальников-иностранцев, Соттим Жестокий, хотел положить конец этим убийствам, которые грозили разложить армию; он приказал сделать привал, призвал своих людей во имя их же собственного спасения обуздать свой ужас и, встав во главе пятидесяти решительных норманнов, пошел обследовать ближайшие заросли. Но не успел маленький отряд вступить на заглохшую тропинку, как его осыпал град стрел с вершин деревьев и из гущи кустарников, и сам Соттим Жестокий и все пятьдесят солдат пали мертвыми.

Исчезновение этого отряда разведчиков и их неустрашимого начальника усилило безотчетный страх норманнов, и они будто на крыльях пронеслись через Шервудский лес и спрятались в Ноттингемском замке. Разбитые усталостью и возбужденные гневом и бешенством, они с новой яростью предались кровавому разбою, которым был отмечен их поход по Мансфилдской долине.

На следующий день армия, по-прежнему ведомая королем Джоном, вступила в Йоркшир, сжигая и убивая по дороге беззащитных сельских жителей.

Норманны, таким образом, проложили за собой кровавую борозду, политую слезами, и жители – кто лишившись имущества, кто потеряв жену и детей, – присоединились, горя мщением и жадной убийства, к отряду Робина, и наш герой во главе восьмисот храбрых саксов бросился преследовать жестокого врага.

Счастливый случай уберег от нашествия норманнов мирные жилища Аллана Клера и сэра Ричарда Равнинного. Оба замка оказались в стороне от пути грабителей. Джон не щадил богатых саксов: он изгонял их и поселял в их жилищах своих фаворитов как хозяев. Но являлся Робин Гуд со своими грозными товарищами, и новый владелец вместе с солдатами, которых он нанимал, попадал в руки изгнанников, которые безжалостно его убивали.

Из слухов и из жалоб своих людей король узнал о победном марше мести саксов и послал небольшую часть армии, надеясь, что она окружит Робин Гуда, расположившегося, как говорили, в небольшом лесу. Бесплезно говорить, что солдаты не вернулись к королю, даже чтобы сообщить о своем поражении, потому что они погибли, не дойдя до предполагаемой стоянки Робин Гуда.

Подвиги нашего героя прославили его на всю Англию, и имя его стало грозой норманнов, как в царствование Генриха II для них было грозой имя Херварда Уэйка.

Джон дошел до Эдинбурга, но, не сумев захватить короля Шотландии, направился в Дувр, приказав своим разрозненным отрядам присоединиться к нему. Однако большая часть этих отрядов была остановлена людьми Робина – часть в Дербишире, а часть в Йоркшире. В это время король Джон умер, оставив престол своему сыну Генриху.

При этом новом царствовании жизнь Робин Гуда не была столь деятельной и полной приключений, как в кровавые времена правления короля Джона, поскольку граф Пембрук, опекун малолетнего короля, приложил серьезные усилия к тому, чтобы улучшить жизнь народа, и ему удалось поддерживать мир по всем королевству.

Внезапное прекращение физической и духовной деятельности произвело на Робин Гуда угнетающее впечатление и подорвало его силы. Правда и то, что он уже не был молод: ему шел пятьдесят пятый год, а Маленький Джон потихоньку достиг почтенного шестидесятишестилетнего возраста. Как мы уже говорили, время не принесло облегчения Робин Гуду, и воспоминание о Марианне, такое же живое, как в день разлуки, не позволило ему полюбить ни одну другую женщину.

Могила Марианны, за которой лесные братья заботливо ухаживали, каждую весну покрывалась новыми цветами, и не раз, с тех пор как вернулись мирные дни, разбойники заставляли своего главаря с бледным и печальным лицом стоявшим на коленях на зеленом ковре у Древа Встреч.

День ото дня печаль Робина становилась все тяжелее, лицо мрачнее, улыбка его исчезла совсем, и даже терпеливый и преданный Джон нередко не мог добиться от своего друга никакого ответа на свои тревожные вопросы.

Однако случилось так, что Робин, тронутый заботами товарища, сдался на его просьбы и отправился в женский монастырь неподалеку от Шервудского леса получить у его аббатисы религиозное утешение.

Аббатиса уже видела Робин Гуда, и ей были известны особенности его частной жизни. Она приняла его очень любезно и предложила ему любую помощь, которую была в состоянии оказать.

Робин Гуда, по-видимому, тронула любезность монахини, и он попросил ее пустить ему кровь. Аббатиса согласилась; она привела больного в келью, где очень ловко сделала то, о чем просил ее пациент, затем, как опытный врач, она умело наложила ему на руку повязку и оставила его обессиленного лежать в постели.

Странная, жестокая улыбка появилась у нее на лице, когда она вышла из кельи, затворила дверь и заперла ее на дна оборота ключа, который унесла с собой.

Скажем несколько слов об этой монахини.

Это была родственница сэра Гая Гисборна, норманнского рыцаря, который вместе с лордом Фиц-Олвином предпринял поход против лесных братьев и погиб от руки Робина той смертью, которую он сам готовил ему. Однако в голову этой женщины вряд ли бы пришла мысль отомстить за своего родственника, если бы его брат, сам слишком большой трус, чтобы рисковать жизнью в честном бою, не убедил ее, что она одновременно свершит правосудие и сделает доброе дело, избавив Английское королевство от знаменитого изгнанника. Аббатиса была слабой женщиной и дала презренному норманну себя убедить: она перерезала лучевую артерию доверчивого Робин Гуда.

Оставив больного около часу спать тем неодолимым сном, который обязательно следует за большой потерей крови, монахиня тихо подошла к нему, сняла повязку с его руки и, когда кровь потекла снова, на цыпочках удалилась.

Робин Гуд проспал до утра, не испытывая никаких неприятных ощущений, но открыв глаза, он попытался подняться и не смог; он чувствовал такую слабость, что понял: настал его последний час. Кровь, лившаяся из артерии, залила всю постель, и Робин Гуд осознал смертельную опасность своего положения. Сверхчеловеческим усилием он заставил себя дотащиться до двери и попробовал открыть ее; поняв, что она заперта, он усилием воли преодолел слабость, добрался до окна, отворил его и хотел из него вылезти, но не смог; тогда он обратился с последней молитвой к Богу и, словно вдохновленный свыше, взял охотничий рог и слабо, еле слышно протрубил в него.

Маленький Джон, который не мог надолго расстаться со своим любимым товарищем, провел ночь под стенами монастыря. Он только что проснулся и думал, как бы ему повидать Робин Гуда, но тут услышал слабые звуки рога.

– Предательство! Предательство! – крикнул Джон и побежал как безумный к небольшому лесочку, где остановился на ночь отряд лесных братьев. – В аббатство, ребята, в аббатство! Нас зовет Робин Гуд, Робин Гуд в опасности! – призывал он своих товарищей.

Лесные братья в одно мгновение поднялись, бросились за Маленьким Джоном. Маленький Джон забарабанил в ворота аббатства. Привратница отказалась открыть, но Джон не стал терять ни минуты на бесполезные уговоры: он вышиб дверь огромным гранитным валуном и, ведомый звуком рога, добежал до кельи, где в луже крови лежал Робин Гуд. Увидев, что его друг умирает, могучий Джон почувствовал, что силы отказывают ему, по его загорелому лицу покатались слезы; печалься и негодуя, он упал на колени, схватил в объятия своего старого друга и, рыдая, сказал:

– Робин, любимый Робин, кто же поднял свою подлую руку на больного? Какой нечестивец попытался совершить убийство в Божьем доме? Отвечайте, Бога ради, отвечайте!

Робин тихо покачал головой.

– Какая разница, – сказал он, – теперь, когда для меня все кончено, когда вся кровь до последней капли вытекла из меня?..

– Робин, – заговорил Джон, – скажи мне правду, я должен это знать, нужно, чтобы я это знал! Тебя убила рука предателя? (Робин Гуд утвердительно кивнул.) Дорогой мой, – продолжал Джон, – подари мне последнее утешение: дай отомстить за твою смерть, позволь мне посеять смерть и боль там, где было совершено убийство. Скажи только слово, подай только знак, и завтра от этого нечестивого дома камня на камне не останется: я чувствую еще в себе великие силы и у меня есть пятьсот храбрецов, которые придут мне на помощь.

– Нет, Джон, нет, я не хочу, чтобы ты, честный человек, поднял руку на женщин, посвятивших себя Богу. Это было бы святотатством. Та, что убила меня, видимо, повиновалась чувству более сильному, чем религиозный долг. Если она раскается, ее замучают угрызения совести, а если Небо не простит ей, как я ей прощаю, она понесет наказание на том свете. Ты знаешь, Джон, я никогда не позволял причинять зла ни одной женщине, а монахиня для меня вдвойне неприкосновенна. Не будем больше говорить об этом, друг мой, дай мне лук и стрелы, поднеси меня к окну, я хочу умереть там, где упадет моя последняя стрела.

Поддерживаемый Маленьким Джоном, он прицелился, натянул тетиву и стрела, птицей взвившись над вершинами деревьев, упала далеко от монастырской стены.

– Прощай, мой верный лук, прощайте, мои меткие стрелы, – нежно прошептал Робин Гуд, роняя их на пол. – Джон, друг мой, – уже спокойнее сказал Робин, – отнеси меня на то место, где я хочу умереть.

Маленький Джон поднял Робина и спустился во двор монастыря, где, по его распоряжению, спокойно ждали лесные братья. Но, увидев своего атамана, смертельно бледного, которого Маленький Джон нес как ребенка, они страшно закричали, желая немедленно отомстить за него.

– Тише, ребята, – сказал Джон, – оставим Господу вершить правосудие, сейчас нас должно занимать только состояние нашего любимого господина. Идем, поищем то место, куда упала последняя стрела Робина.

Отряд стал в дна ряда, пропуская старика, и Джон твердым шагом прошел между ними до того места, где воткнулась в землю стрела Робина.

Там, постелив на траву куртку, принесенную лесными братьями, Джон с бесконечной осторожностью уложил на нее умирающего.

– А теперь, – слабым голосом сказал Робин, – позови всех; я хочу еще раз оказаться в окружении храбрецов, которые верно служили мне с любовью и преданностью. Я хочу испустить среди моих доблестных товарищей свой последний вздох.

Джон трижды протрубил в рог, и каждый раз по-разному: этот сигнал говорил о наступившей опасности и торопил лесных братьев прийти туда, откуда он разносился.

Среди людей, услышавших призыв Джона, был и Красный Уилл, поскольку, живя теперь в другом месте, он чуть ли не каждую неделю навещал своих бывших товарищей, чтобы подстрелить оленя, пожать руку друзьям или поделиться с ними своей добычей.

Мы даже не будем пытаться описать оцепенение и отчаяние славного Уильяма, когда он увидел, в каком состоянии был Робин Гуд, когда он увидел изменившееся лицо своего друга, которого он так нежно и верно любил.

– Матерь Божья! – воскликнул Уилл. – Что с тобой случилось, мой бедный друг, мой бедный брат? Чем ты болен? Ты ранен? Он еще жив, этот проклятый убийца, поднявший на тебя руку? Скажи хоть слово, и завтра он искупит свое злодеяние.

Робин Гуд с трудом приподнял голову с плеча Джона, посмотрел на Уилла с глубокой нежностью и отвечал, слабо улыбаясь:

– Спасибо, добрый Уилл, не надо за меня мстить. Погаси в своем сердце ненависть к убийце того, кто умирает если не без сожалений, то, во всяком случае, без страданий. Я достиг конца своей жизни, раз Матерь Божья, моя Небесная заступница, покинула меня в эту роковую минуту.

Я жил долго, Уилл, и все, кого я знал, меня любили и почитали. И хотя мне тяжело расставаться с вами, милые мои друзья, – продолжал Робин, долго и нежно глядя на Маленького Джона и Уилла, – эта боль умеряется христианской надеждой, уверенностью, что наша разлука не будет вечной, что Бог соединит нас в лучшем мире. Твое присутствие у моего смертного одра для меня большое утешение, дорогой Уилл, дорогой брат, ведь мы были друг для друга добрыми и нежными братьями. Благодарю тебя за все знаки внимания, устами и сердцем благословляю тебя и прошу у Божьей Матери послать тебе все счастье, которого ты заслуживаешь. Ты скажешь своей любимой жене Мод, что я не забыл ее в своих молитвах, поцелуешь ее от имени ее брата Робин Гуда. (Уильям неудержимо рыдал.) Не плачь так, Уилл, – помолчав, продолжал Робин, – не мучь меня, разве твое сердце стало слабым, как у женщины, что ты не можешь мужественно перенести несчастье? (Уильям не отвечал, рыдания душили его.) А вы, старые товарищи, друзья моего сердца, – обратился Робин к лесным братьям, молча стоявшим вокруг него, – вы, делившие со мной труды и тревоги, радости и горести с редкой преданностью и верностью, примите мое последнее благословение и мою благодарность. Прощайте, братья, прощайте, храбрые саксы! Вы навели ужас на норманнов, вы навсегда заслужили любовь и признательность бедняков; будьте счастливы, будьте благословенны и молитесь иногда нашей Небесной заступнице за вашего Робин Гуда.

В ответ на слова Робина раздались только приглушенные стоны; обезумев от горя, йомены, казалось, не понимали смысла его прощальных слов.

– А ты, Маленький Джон, – снова заговорил умирающий, и голос его слабел с каждой минутой, – ты, благородное сердце, ты, кого я любил всеми силами своей души, что с тобой станется? Кому ты подаришь любовь, которую питал ко мне? С кем будешь жить в старом лесу? О мой Джон! Ты будешь так одинок, так несчастен! Прости, что я так тебя покидаю; я надеялся на иную смерть, я надеялся, что мы умрем с тобой вместе, бок о бок, с оружием в руках, защищая свой край. Но Господь судил иначе, да святится имя его! Мой час приближается, Джон, в глазах у меня мутится, дай мне руку, я хочу умереть, сжимая ее. Джон, ты знаешь мое желание, ты знаешь, где захоронить мои останки, – там, под Деревом Встреч, рядом с той, что ждет меня, – рядом с Марианной.

– Да, – вздохнул, плача, бедный Джон, – да ты будешь...

– Спасибо, старый друг, я умираю счастливым. Я иду к Марианне, и навсегда. Прощай, Джон...

Голос утих, и лица Джона коснулось теплое дыхание: это душа того, кого он так любил, отлетела к Небу.

– На колени, дети мои! – сказал старик, осеняя себя крестным знаменiem. – Благородный и великодушный Робин Гуд умер!

Все головы склонились, и Уильям прочел над телом Робина короткую, но горячую молитву; затем, с помощью Маленького Джона он перенес тело к тому месту, где оно должно было найти последнее упокоевание.

Двое лесных братьев вырыли могилу рядом с той, в которой покоилось тело Марианны, и тело Робина уложили на ложе из цветов и листьев. Маленький Джон положил рядом с ним лук и стрелы, а любимую собаку покойного, чтобы она больше никому не служила, убили и похоронили вместе с хозяином.

Так окончилась жизнь человека, оставившего совершенно необыкновенный след в истории его края.

Мир праху его!

Все имущество лесных братьев было разделено поровну между ними Маленьким Джоном; сам он хотел окончить последние дни своей жизни, отныне горестной, в какой-нибудь мирной обители. Разбойники разошлись – одни остались жить в Ноттингеме, другие ушли в соседние графства, но ни у кого из них не хватило духу остаться в старом лесу: слишком жестокой скорбью окутала это место смерть Робин Гуда.

И только Маленький Джон не мог решиться покинуть старый лес: несколько дней он, словно неприкаянная душа, бродил по пустынным лесным дорогам, напрасно обращаясь к тем,

кто уже не мог ему ответить. Наконец он решился поселиться у Красного Уилла. Уилл принял его с распростертыми объятиями и пытался хоть как-то облегчить его горе, хотя и сам был очень печален, но Джон не хотел утешения.

Однажды утром Уилл, искавший Маленького Джона, нашел его в саду: он стоял, опершись о ствол старого дуба и повернув голову в сторону леса. Лицо Джона было бледно, а его невидящие глаза уставились в одну точку. Уилл испугался, схватил старика за руку, позвал по имени: но Джон не ответил – он был мертв.

Этот неожиданный удар страшно опечалил славного Уилла. Он отнес тело умершего в дом, и nasledующий день вся семья Гэмвеллов провожала своего любимого брата на кладбище в Хатерсейдже, расположенном в шести милях от Кастлтона, в Дербишире.

Гробница храброго Маленького Джона существует до сих пор, и ее можно узнать по удивительной величине надгробной плиты. Внимательный взгляд еще может различить на ней инициалы «Д» и «Н», умело вырезанные на твердом граните.

Предание рассказывает, что некий антиквар, большой любитель редкостей, приказал вскрыть огромную гробницу, вытащил находившиеся в ней кости и поместил их как достойный обозрения экспонат в свой кабинет анатомических редкостей. Но, к несчастью для достойного ученого, как только он перенес в свой дом эти человеческие останки, он потерял всякий покой: в его жилище поселились разорение, болезни и смерть, да и могильщик, принимавший участие в осквернении гробницы, также потерял близких себе людей. Тогда они оба поняли, что тяжко оскорбили Небо, потревожив немую могилу, и благочестиво захоронили останки старого лесника в освященной земле.

И с этих пор антиквар и могильщик живут счастливо и спокойно: Бог, прощающий покаившемуся любой грех, простил и этих святотатцев.

КОММЕНТАРИИ

Роман Дюма «Робин Гуд» («Robin des Bois»), состоящий из двух частей: «Король разбойников» («Le prince des voleurs») и «Отверженный» («Le proscrit»), – это детище его фантазии, порожденное английскими народными балладами, а не историческими сочинениями. Робин Гуд – персонаж легенды, а не истории. Некоторые современные историки считают, что прообразом его был некий мелкий рыцарь Роберт Локсли, который участвовал в гражданской войне в Англии в 1265 г. на стороне тех, кто стремился ограничить королевскую власть государственным органом, представлявшим все сословия страны, – парламентом. После поражения своей партии он не сложил оружие и вел жизнь полупартизана, полуразбойника. Но даже если считать это предположение верным, Робин Гуд народной памяти имеет мало общего с Робертом Локсли. Это классический добрый разбойник, но также и символ весны и обновления жизни. Связанные с именем Робин Гуда празднества были приурочены к посадке Майского дерева, а баллады – к пляскам вокруг него. Робин Гуд в народном творчестве носит явные черты Майского короля – персонажа весенних обрядов в Англии и Шотландии. В этих обрядах с ним соседствует его пара – Майская королева, по прозвищу Безумная Марианна (ср. имя возлюбленной героя в данном романе). Первое упоминание о Робин Гуде мы находим в поэме Уильяма Ленгленда (ок. 1330–1400) «Видение о Питере Пахаре» (1377), следующее – в «Подлинной хронике Шотландии» (ок. 1420) некоего Эндрю Уитонского. По мнению фольклористов, первые баллады о Робин Гуде датируются нач. XIV в., а основной их свод – XV в. С XVI в. начинается запись этих баллад, в нач. XVII в. появляются первые жизнеописания Робин Гуда, в XVIII в. возникает его генеалогия, связывающая нашего героя с графами Хантингдонскими, а также датирующая его деяния сер. XII – нач. XIII в. Вальтер Скотт и историки нач. XIX в. (а вслед за ними и Дюма) связывали деятельность Робин Гуда с борьбой саксов с норманнами (см. примеч. к с. 7). Читателю следует помнить, что почти все рассказанное ниже – вымысел, поэтому мы сочли нужным комментировать только бесспорные исторические факты и имена лишь реально существовавших персонажей.

Время действия романа – 1162–1216 гг.

Сверка перевода была проведена по изданию: Paris, Editions «J'ai lu», 1996. подготовленному Д. Циммерманом.

... одни считают, что он был знатного рода, другие же оспаривают, что он носил титул графа Хантингдона. – Графство Хантингдон (Хантингдоншир) находится в Средней Англии; главный его город – Хантингдон, расположенный в 60 км к северу от Лондона. Еще до норманнского завоевания на это графство претендовали графы Нортумбрии (ныне основная часть этого древнего графства входит в современное графство Нортумберленд), находившееся на севере Англии у шотландской границы, и уже после завоевания эти претензии унаследовали шотландские короли, несмотря на то что Хантингдоншир вовсе не граничил с Шотландией; в XII–XIII вв. Хантингдоншир был яблоком раздора между шотландской короной и семейством Сент-Лиц; в описываемое время претендентами на графство были король Шотландии Уильям (Вильгельм) I Лев (1143–1214; правил 1165 г.) и Симон III де Сент-Лиц (1138–1184).

... Робин Гуд был последний сакс, пытавшийся противостоять норманнскому владычеству. – В 1066 г. герцог Нормандский Вильгельм Незаконнорожденный (ок. 1027–1087; герцоге 1035 г.) высадился в Англии и покорил ее, став королем Вильгельмом I и получив прозвище Завоеватель. Захват страны привел к тому, что английское общество оказалось расколото на две части: основную долю правящих сословий составили франкоязычные выходцы из Нормандии (хотя среди дворянства и духовенства встречались и представители местного населения), а социальные низы были потомками завоеванных англосаксов. Языком двора, культуры, общения высших слоев стал французский, английский же был низведен до говора простонародья. Значительная часть англосаксов благородного происхождения потеряла свои привилегии и земли, ухудшилось и положение зависимого крестьянства. Борьба наследников победителей и потомков побежденных продолжалась до кон. XII в., и только со второй пол. XIV в. началось слияние двух народов, только с этого времени английский начинает становиться языком культуры и государственного управления.

... Кардан, церковный писатель четырнадцатого века... – Сведений о писателе с именем Кордан (Cordun) найти не удалось. Возможно, здесь опечатка в оригинале.

... Мейджор дает ему титул «человеколюбивейшего короля разбойников»... – Мейджор, Джон (1470–1550) – шотландский историк и теолог, автор весьма популярной «Истории Великобритании, как Англии, так и Шотландии, от Рождества Христова» (1521).

... Автор одной прелюбопытнейшей латинской поэмы, датированной 1304 годом, сравнивает его с Уильямом Уоллесом, шотландским героем. – Это ошибка (или вымысел?), поскольку подобной поэмы не существует. Ошибка эта могла быть связана с тем, что хроника Мейджора написана на латинском языке, причем в ней сказано, что Робин Гуд является героем песен (из контекста ясно, что эти песни сложены на народных языках – английском и, может быть, шотландском), как и Уильям Уоллес; но в указанной хронике не говорится ни о латинской поэме, ни, тем более, о дате ее создания. Уоллес, Уильям (ок. 1270–1305) – шотландский национальный герой.

В 1286 г. король Англии Эдуард I (1239–1307; правил 1272 г.) вмешался в спор о престолонаследии в Шотландии, возвел в 1292 г. на престол своего ставленника, а в 1296 г. сместил его и возложил шотландскую корону на себя. Население Шотландии, однако, не приняло завоевателей; одним из вождей борьбы на независимость стал Уильям Уоллес, поднявший в 1297 г. восстание против англичан. Вокруг его имени сложилось множество легенд, посвященных в основном партизанской войне, которую вели Уоллес и его соратники. В итоге Уоллес попал в плен и был казнен. Однако в 1306 г. вспыхнуло новое восстание, и независимость Шотландии была восстановлена.

... знаменитый Кэмден, говоря о нем, замечает... – Скорее всего, и оригинале опечатка (должно быть Camden, а не Gamden) и имеется в виду Уильям Кэмден (1551–1623) – английский историк и антикварий.

... великий Шекспир в комедии «Как вам это понравится», желая описать образ жизни Герцога и дать представление о его счастье, выражается так... – Шекспир, Уильям (1564–1616) – великий английский поэт и драматург. В комедии «Как вам это понравится» («As you like it»,

1599) воспеваётся простая и счастливая жизнь на лоне природы, которую ведут в Арденнском лесу несправедливо изгнанный из своих владений Старый Герцог и его приближенные. В английском оригинале комедии отрывок, приведенный Дюма во французском переводе, звучит так: «They say he is already in the forest of Arden, and a many merry men with him; and there they live like old Robin Hood of England: they say many young gentlemen flock to him every day, and fleet the time carelessly, as they did in the golden world».

... он уже в Арденнском лесу, а с ним вместе много веселых людей... – Арденнский лес – большой лесной массив на границе Франции и Бельгии; основная часть его расположена во французском департаменте Арденны, меньшая – на юге бельгийской провинции Эно. Однако некоторые современные шекспироведы полагают, что упомянутый в комедии лес («the forest of Arden») не имеет отношения к Арденнскому (Ardenne) и назван автором по имени его матери – Мэри Арден.

... проводят время беззаботно, как это делали в золотом веке. – Золотой век – существовавшее в античном мире и сохранившееся в новое время мифологическое представление о счастье и беззаботном состоянии первобытного человечества, когда земля давала урожай сама, когда не было распри между людьми, не было горя, бед и болезней, когда люди жили долго, а умирали, засыпая, и когда даже бытовые предметы делали из золота.

... был горячо любим не только своими товарищами... но всеми жителями графства Ноттингем. – Графство Ноттингем (Ноттингемшир) расположено в Центральной Англии, по берегам реки Трент; главный город – Ноттингем.

Следует отметить, что в Англии со времен норманнского завоевания власть короля была больше, чем на континенте. Крупные вассалы короля Англии не имели обширных компактных владений, и их поместья были разбросаны по всей стране. Графство в Англии описываемых времен – это не полунезависимое княжество, а административный округ (подобные округа в Великобритании и США называются графствами доныне), управляемый не наследственным графом (в Англии, в отличие от континентальных стран Западной Европы, этот высокий титул не давал прав феодального государя), а назначаемым королевским чиновником – шерифом.

... Робин Гуд являет собой единственный пример человека, который, не будучи канонизирован, все же имел свой день поминовения. Вплоть до конца шестнадцатого века простой народ, короли, князья, городские власти как в Шотландии, так и в Англии отмечали этот день играми, учрежденными в его честь. – Канонизация – причисление к лику святых. День поминовения Робин Гуда отмечался 1 мая (ср. введение к комментариям). Победившая в Англии и Шотландии Реформация относилась к народным празднествам столь же отрицательно, как и к культу снятых, поэтому почитать народного героя к кон. XVI в. было запрещено.

... «Всеобщая биография» сообщает, что во Франции Робин Гуд стал известен благодаря прекрасному роману сэра Вальтера Скотта «Айвенго». – «Всеобщая биография» (La Biographie universelle; 1810–1828) – издание, одним из основателей которого был французский литератор и историк Жозеф Франсуа Мишо (1767–1839), автор «Истории крестовых походов».

Вальтер Скотт (1771–1832) – английский писатель, уроженец Шотландии. Его творчество оказало огромное влияние не только на европейскую литературу, но и на историческую мысль. Реформатор жанра исторического романа, он своим стремлением воссоздать колорит эпохи, представить мысли и чувства героев соответствующими их времени, обогатил историческое знание, ибо до периода романтизма историки, так же как и писатели, переносили представления своего века на все времена и народы. Вальтер Скотт, родившийся в семье стряпчего, был пожалован титулом баронета в апреле 1820 г., что давало ему с этого времени право именоваться «сэр».

Роман Вальтера Скотта «Айвенго» («Ivanhoe») вышел из печати в декабре 1819 г., и первое его издание было распродано за одну неделю, вознеся писателя на вершину популярности. Французский историк Жан Никола Огюстен Тьерри (1795–1856) в предисловии к «Истории завоевания Англии норманнами» (1825), популярной не только в научных кругах, но и среди рядовых читателей, писал, что к идее представить историю средневековой Англии как эпоху столкновения и взаимодействия двух народов – норманнов и саксов – его привело чтение романа

«Айвенго». Надо отметить, что Дюма был горячим поклонником и пропагандистом творчества Огюстена Тьерри.

В 1862 г. Дюма издал роман Вальтера Скотта «Айвенго» в переводе на французский язык (Paris, Calmann-Levy, 2 v.).

...со времен завоевания Англии Вильгельмом норманнские законы об охоте наказывали браконьеров ослеплением и кастрацией. – В средние века охота считалась исключительной привилегией благородного сословия. Дворянин мог преследовать дичь на земле крестьян, а те считались браконьерами, даже если они охотились на собственных угодьях. Это вызывало недовольство низших сословий, поскольку при скудости питания простолюдина охота нередко была для него единственной возможностью получить мясную пищу. Подобное право охоты распространилось в Англии со времен норманнского завоевания, причем борьба за его соблюдение приняла на острове особо острый характер, так как лесные угодья были объявлены исключительной собственностью короны. Жестокие законы против браконьерства с применением увечающих наказаний были приняты в царствование сына Завоевателя, Вильгельма II Рыжего (см. примеч. к с. 182), и подтверждены и даже усилены в 1184 г., в царствование Генриха II (см. примеч. к с. 9).

... в царствование Генриха II, в год 1162-й от Рождества Христова. – После пресечения династии Вильгельма Завоевателя в 1135 г. в Англии начались гражданские смуты. Борьбу за престол выиграл Генрих Плантагенет (1113–1189), граф Анжуйский, Менский и Туренский по наследственному праву, получивший от матери, внучки Завоевателя, герцогство Нормандское и сюзеренные права на графство Бретань, а по браку – герцогство Аквитанское и графство Пуатье. В 1154 г. он стал королем Англии Генрихом II. Новый государь стремился усилить королевскую власть, ослабленную смутами, утвердить господство над аристократией и духовенством и обезопасить свои владения на континенте – они составляли две трети территории Франции – от притязаний французских королей... по узким тропам Шервудского леса в графстве Ноттингем – Шервудский лес – лесной массив в Центральной Англии, к северу от города Ноттингем (см. примеч. к с. 8), основное место действия баллад о Робин Гуде.

... не стоит тягот пути из Хантингдоншира в Ноттингемшир. – Расстояние между графствами Хантингдон и Ноттингемшир составляет ок. 100 км.

Мансфилд – город в Ноттингемшире, в 15 км к северу от Ноттингема, на западной окраине Шервудского леса.

... Начало царствования нашего славного короля Генриха Второго мы вместе с ним провели во Франции – то в Нормандии, то в Пуату, то в Аквитании... – Нормандия – историческая область на северо-западе Франции (нынешние департаменты Приморская Сена, Эр, Кальвадос, Ла-Манш и Орн); в 912 г. викинги, они же норманны (т. е. «северные люди»), выходцы из Скандинавии, захватили эту территорию и передали ей свое имя; в 1066 г. офранцузенные норманны завоевали Англию (см. примеч. к с. 7); в 1202–1204 гг. Нормандия была отвоевана французским королем Филиппом II Августом (см. примеч. к с. 473).

Пуату – историческая область в Средней Франции (нынешние департаменты Дё-Севр, Вандея и Вьенна), главный город – Пуатье; с 880 г. – графство Пуатье; в 1154–1259 гг. находилась под властью английских королей.

Аквитания – историческая область на юго-западе Франции (нынешние департаменты Дордонь, Жиронда, Ланды, Ло-и-Гаронна и Атлантические Пиренеи); с VII в. – отдельное герцогство, с 864 г. – наследственное, в 1036 г. было объединено с известным с 602 г. и наследственным с 872 г. герцогством Гасконь, после чего название Аквитания, как правило, прилагалось к объединенному герцогству (собственно Аквитания с XIII в. обычно называлась Гиень); с 1154 г. находилась под властью английских королей; с XIII в. французские короли стремились отвоевать Аквитанию, что им и удалось сделать к 1453 г.

Следует отметить, что, хотя указанными территориями владели английские короли, они считались ленными владениями французской короны, и английские монархи приносили за них вассальную присягу французским королям. Так что Генрих II был французским князем в не меньшей (если не в большей) степени, чем английским королем. Подсчитано, что из 35 лет свое-

го царствования он провел в Англии только 13 лет, лишь трижды оставался там два года подряд, а с 1158 по 1163 гг. непрерывно оставался в своих французских владениях; он стремился обезопасить их от притязаний французской короны, подчинить местную феодальную аристократию, гораздо менее, нежели в Англии, зависимую от монархов, а также расширить пределы своих земель – так, в указанное пятилетие непрерывного присутствия на континенте он добился подчинения Бретани.

.. встретились снова в Уэльсе. – Уэльс – историческая область на западе Великобритании (ныне – автономная область в составе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии), на одноименном полуострове, населенная народом валлийцев; попытки завоевать Уэльс начались с норманнского завоевания, в царствование Генриха II был захвачен Южный Уэльс, при Эдуарде I (см. примеч. к с. 7) – Северный (с 1301 г. наследник британского престола носит титул принца Уэльского).

... клянусь святым Петром... – Петр, святой (ок. 10–69) – апостол, один из первых учеников Христа, согласно традиции – первый епископ Рима (поэтому папы римские именуют себя преемниками святого Петра, папский престол – престолом святого Петра и т. п.); по преданию, погиб в Риме во время гонений на христиан.

... не меньшую радость доставит тебе звон гинеи... – Забавный анахронизм автора: гиней – английская золотая монета (стоимостью в 21 шиллинг), которую впервые начали чеканить в 1663 г. из золота, привезенного из Гвинеи, отсюда и ее название; находилась в обращении до 1817 г.; в качестве ценовой единицы употреблялась до второй пол. XX в.

... залог моего слова. Он вытащил из-за пояса одну из своих перчаток и бросил ее на стол. – Средневековые были эпохой скорее жеста, нежели зафиксированного в письменном виде слова. Многие акты скреплялись не письменными документами, а определенными ритуалами. Передача некоему лицу определенного предмета – чаще всего перчатки или кольца – знаменовало либо поручение, знак того, что человек действует от имени и по поручению давшего эти кольцо или перчатку, либо клятву, и в этом случае взявший на себя обязательство вручал тому, кому эта клятва приносилась, один из упомянутых предметов в знак выполнения обещания; кольцо или перчатка заменяли здесь письменное соглашение.

... ехал... через Шервудский лес по дороге, которая вела в живописную деревеньку Мансфилд-Вудхауз. – Мансфилд-Вудхауз – селение в 3 км к северу от Мансфилда.

... не отказывал в куске хлеба и кружке эля... – Эль – известная в Англии с древнейших времен разновидность пива; при изготовлении эля не используется хмель, который, впрочем, в пиво стали добавлять только с нач. XIV в.

... Клянусь святым Дунстаном... – Дунстан, святой (924–988) – архиепископ Кентерберийский с 960 г., один из самых популярных национальных святых в Англии.

... куртка из зеленого линкольнского сукна... – Линкольн – город на востоке Англии, административный центр графства Линкольншир; расположен в 40 км к востоку от Мансфилда. Линкольнское сукно ткали (не обязательно в Линкольне) из шерсти особой породы длинношерстных линкольнских овец.

... как говорится у Эзопа, чьи басни тебе рассказывает капеллан, разве человек имеет право развлекаться такими играми, которые могут повлечь за собой смерть другого человека? – Эзоп (VI в. до н. э.) – полубогатый древнегреческий поэт; считался создателем жанра басни, и почти все известные в средние века произведения этого жанра приписывались ему. Сюжеты басен Эзопа обрабатывались европейскими баснописцами вплоть до Ж. Лафонтена и И.А. Крылова. Капеллан – здесь: помощник приходского священника.

... тебе следует явиться в канцелярию шерифа Ноттингема... – Шериф – назначаемый королевской властью главный чиновник графства (ср. примеч. к с. 8). Шерифы известны еще в англосаксонской Англии, где они были представителями короны и смотрителями королевских имуществ при графах (эрлах), принадлежавших к местной знати. После норманнского завоевания шерифы стали полновластными наместниками графств, обладавшими административной, финансовой (сбор налогов), судебной, полицейской и военной властью. Как раз при Генрихе II началось ограничение власти шерифов, судебная власть в 1194 г. была отделена от полицейской

и передана особым судьям (окончательно шерифы лишились права даже и административного суда в 1242 г.); на рубеже XII и XIII вв. английская корона ограничила также и военную власть шерифов, т. е. право командовать ополчением графства. Шерифы обычно назначались из низшего дворянства либо состоятельных представителей неблагородных сословий (впрочем, в Англии, в отличие от стран континента, между этими двумя категориями населения не было жесткой грани).

... в нескольких туазах от него... – Туаз – старинная единица длины во Франции, равная 1,949 м.

... предпочел бы бродить по этим лесам, имея жилищем хижину какого-нибудь йомена... – Йомен (англ. yeoman от староангл. yung man – «молодой человек») – в Англии времен средневековья и начала нового времени свободный крестьянин; иногда, впрочем, йоменами называли крестьян вообще.

... жилище лесника в этот вечер могло бы служить моделью для одной из картин голландской школы, в которых художник поэтизирует сцены домашней жизни. – Здесь, скорее всего, имеются в виду картины т. н. «малых голландцев» – голландских художников эпохи великого Рембрандта; наиболее известны из них Ян Стен (ок. 1626–1670), братья Адриан (1610–1685) и Исаак (1621–1649) ван Остаде, а также некоторые другие. Для этих художников характерны жанровые картины, изображающие быт горожан и крестьян.

... Два монаха из ордена святого Бенедикта. – Орден святого Бенедикта – первый и один из самых распространенных монашеских орденов Запада. Основателем этого ордена был святой Бенедикт Нурсийский (ок. 480–ок. 547). В основу устава ордена положено «Правило», написанное самим Бенедиктом для созданного им монастыря Монтекассино в Италии. В 817 г. устав был изменен, в нем были усилены требования к дисциплине монахов, и именно этот измененный устав действует доныне. Реформатором ордена выступил святой Бенедикт Аньанский (750–821), монах из Южной Франции. Бенедиктинский орден, т. е. объединение монастырей, которые приняли устав святого Бенедикта Нурсийского с добавлениями, сделанными святым Бенедиктом Аньанским, требовал от своих членов занятий физическим трудом, к которому относилось и переписывание рукописей; бенедиктинские монастыри являлись центрами хранения и распространения знаний; орден был весьма богат и влиятелен. Первый бенедиктинский монастырь в Англии был основан в 597 г. (в Кентерберии).

... из нашего аббатства, аббатства в Линтоне... – Аббатство – в точном смысле: возглавляемый аббатом (в православии этому сану соответствует архимандрит) крупный монастырь, который, как правило, подчинен непосредственно папе и которому, в свою очередь, подчинены другие, меньшие монастыри во главе с приором (настоятелем); в обыденной речи – просто монастырь. Сведений о монастыре с таким названием найти не удалось. В оригинале он называется то Лейтон (Laiton), то Линтон (Linton). Следует отметить, что Реформация нанесла сокрушительный удар бенедиктинскому ордену: к 1538 г. в Англии было уничтожено 62 бенедиктинских аббатства.

... затянул зычным голосом псалом «Exaudi nos». – Имеется в виду начало католической литургической молитвы «Exaudi nos, sancte Pater, omnipotens aelarne Dens...» («Услышь нас, святой Отец, всемогущий и вечный Боже»).

... В те феодальные времена барон... обладал правом вершить высший и низший суд во всем графстве... – Право феодального суда в средневековой Европе подразделялось на три категории: право высшего суда, т. е. вынесения смертных приговоров; среднего суда, приговаривавшего к телесным наказаниям; и низшего, назначавшего штрафы. Однако такое право существовало в полной мере только на континенте. В Англии же (Дюма здесь неточен) абсолютным оно было для феодальных сеньоров лишь по отношению к несвободному населению – зависимым крестьянам, рыцари же и свободные простолюдины судились равными им по положению присяжными, а представитель короля (не феодального владельца) лишь председательствовал в таком суде. Со времен Вильгельма Завоевателя право высшего суда по отношению ко всему свободному населению принадлежало исключительно королю. С 1176 г. вообще все уголовные дела (ас 1194 г. – и часть гражданских) рассматривались только королевскими разъездными судами с

участием присяжных из местного населения.

... займется в мгновение ока, как костер в ночь на святого Иоанна. – Имеется в виду ночь накануне 24 июня, дня святого Иоанна Крестителя. Во многих странах Европы этот праздник отмечался как день летнего солнцестояния; в праздничные обряды входили прыжки через костры.

... схватил древко алебарды, и его мулине присоединилось к устрашающим ударам его товарищей. – Алебарда – холодное оружие XIV–XVIII вв. (в XII в. алебард еще не было!): длинное копье, поперек которого к древку крепились топорик или секира. Мулине (от фр. moulin – «мельница», moulinet – «маленькая мельница», «вертушка») – фехтовальный прием: быстрое вращение оружия вокруг себя.

... огромный, как Геркулес... – Геркулес (латинская форма имени, исконная греческая – Геракл) – персонаж древнегреческой мифологии, знаменитый герой, освободитель мира от чудовищ, непобедимый силач, сын бога Зевса и земной женщины Алкмены.

... Сам архангел Гавриил, сражающийся с дьяволом, не был более грозен! – В христианских представлениях главным борцом с силами ада, с самим Сатаной выступает архангел Михаил, архангел Гавриил же является божественным вестником.

... опершись на палку, застыл в позе Геркулеса-победителя. – Скорее всего, здесь намек на бронзовую греческую статую, датируемую 330–320 гг. до н. э. и находящуюся в Лувре.

... в маленьком городке Лукейс, в Ноттингемшире... – Лукейс (Loockeys) – ошибка или опечатка в оригинале: города с таким или близким названием найти не удалось.

... Меня прошили «врат Тук»... и i-за моего мастерства в палочном бою и еще потому, что я имею привычку подтыкать рясу до колен. – Прозвище «Тук» (Tuck) образовано от английского слова «tuck», одно из значений которого – «барабанный бой»: глагол «to tuck up» переводится как «засучивать рукава» и «подбирать подол».

... со святошами запеваю «Oremus»... – «Oremus» (лат. «Помолимся») – призыв к молитве во время богослужения; в православной литургической практике соответствует возглашению: «Господу нашему Богу помолимся».

... Отец мой был близким другом Томаса Бекеша, первого министра Генриха Второго... – В борьбе Генриха II Английского за подчинение всех сословий королевской власти большую помощь ему оказывал Томас Бекет (1118–1170) – его личный друг, товарищ по увеселениям, блестящий придворный, меценат, образованнейший человек, канцлер Англии с 1155 г. Король, в стремлении провести судебную реформу и упразднить особую церковную юрисдикцию, убедил Бекета принять сан и назначил его в 1162 г. на высшую церковную должность в стране – архиепископа Кентерберийского. Однако, став архиереем, тот резко изменил образ жизни и превратился в строгого аскета, преданного делу благотворительности и умерщвлению плоти, а также ярого защитника церковных привилегий. Между королем и архиепископом завязалась ожесточенная борьба. Однажды, узнав об очередном выпаде Бекета против королевских реформ, Генрих воскликнул: «Неужели не найдется никого, кто бы освободил меня от этого попа!» Несколько придворных отправились в Кентербери и убили архиепископа у алтаря собора. Александр III (папа в 1159–1181 гг.) причислил Бекета к лику святых (святой Фома Кентерберийский; 1173) и отлучил Генриха II от церкви. Освободиться от отлучения королем удалось лишь после унижительной церемонии публичного покаяния, на условии отказа от реформ и обещания (впрочем так и невыполненного) отправиться в крестовый поход.

... под Иерусалимом барон был ранен сарацинской кривой саблей... – Поскольку описываемые события приурочены Дюма к 1178 г., барон Фиц-Олвин мог участвовать во втором крестовом походе (1147–1149), который был вызван тем, что созданное во время первого крестового похода (1096–1099), приведшего к завоеванию Иерусалима христианами, графство Эдесса было в 1144 г. отвоевано мусульманами. Второй поход оказался безрезультатным.

... целуй ее прямо в губки... – В средние века поцелуй был знаком духовной близости, поцелуем в уста обменивались священнослужители и прихожане в церкви, вассал и сюзерен во время принесения присяги; в Англии, как не без удовольствия отмечали прибывавшие с континента, это было обычным приветствием.

...на пороге появился сержант в сопровождении шести солдат. – В средние века «сержант» – не воинское звание, а обозначение старшего слуги, обычно исполнявшего и воинскую службу; так же называли и конного воина неблагородного происхождения.

... широкий плащ из белого сукна, на котором выделялся красный крест рыцарей из Святой земли. – Когда в 1095 г. папа Урбан II (в миру Одо де Шатийон; ок. 1042–1099; папа с 1088 г.) на поместном соборе французской церкви в южно-французском городе Клермон-Ферран призвал христиан отправиться в Святую землю освободить Гроб Господень, присутствующие тут же приняли соответствующий обет и в знак этого стали рвать свои одежды и нашивать на плащи полосы ткани (отсюда появилось выражение «принять крест», т. е. отправится в крестовый поход, хотя само выражение «крестовый поход» в средние века упоминается всего лишь один раз в хронике кон. XIII в., а термином оно становится только в кон. XVIII в.). С этого времени крест на плаще оказывается отличительным знаком крестоносца. Однако форма и цвет крестов для обычных крестоносцев никак не регламентировался. Красный крест с раздвоенными окончаниями на белом плаще – это принятая с 1147 г. орденская одежда тамплиеров (см. примеч. к с. 251), а барон Фиц-Олвин никак не мог принадлежать к ордену храмовников, ибо он имел семью; но даже если бы он и вступил в этот орден после смерти жены, то не мог бы жить в своем замке: ему следовало бы переселиться в т. н. персепторий, нечто вроде монастыря в духовно-рыцарских орденах.

... клянусь святым Иоанном Акрским... – Город Акра, расположенный в Палестине (ныне – Акко в Израиле), на побережье Средиземного моря, был захвачен крестоносцами в 1104 г., отбит арабами в 1187 или 1188 г., снова отвоеван крестоносцами в 1191 г. и стал столицей (точнее – резиденцией королей) Иерусалимского королевства вместо занятого мусульманами в 1187 г. Иерусалима. Тогда же город был поставлен под покровительство святого Иоанна Крестителя и получил название Сен-Жан-д'Акр («Святой Иоанн Акрский»). Пал он в 1291 г.

... жадных обжор, которых называют нищенствующей братией! – Это анахронизм: нищенствующие ордена, т. е. такие, члены которых, кроме обычных монашеских обетов – бедности, целомудрия и послушания, – давали еще и обет абсолютной нищеты, что запрещало им иметь какую-либо собственность даже в общем владении и жить на что-либо, за исключением подаяния (в реальности это далеко не всегда соблюдалось), появились позднее описываемых событий. Первый такой монашеский орден (орден миноритов, или францисканцев) основал в 1209 г. святой Франциск Ассизский (1181/1182–1226).

... вы его на дне бутылки с джином оставили. – Это анахронизм: джин, т. е. можжевельная водка, а точнее – горькая настойка на апельсиновой цедре, кардамоне, кориандре и ряде других компонентов, появился только в XVI в.

... как он поступал с нечестивцами-маврами в Святой земле. – Мавры (лат. mauri от гр. μαυρος – «темный») – в средние века европейское название мусульманского населения Пиренейского полуострова и части Северной Африки.

... с колокольни которой доносился сигнал тушить огни. – Завоеватели-норманны ввели закон, согласно которому по звуку сигнального колокола жители должны были гасить огни в своих домах.

... сказал старый баронет... – Баронет – здесь явно подразумевается низший дворянский титул в Англии, носитель которого не получал права заседать в Палате лордов (в 2000 г. наследственное лордство было в Великобритании вообще упразднено). Однако этот титул появился только в 1611 г. В описываемое время в Англии и Франции баронетами именовали сыновей титулованных аристократов (не обязательно именно баронов), так что старого баронета, главы многочисленной семьи, каким предстает данный персонаж, просто не могло тогда быть.

... влить ему в рот несколько капель виски... – Виски – крепкий алкогольный напиток, получаемый перегонкой перебродившего сусла из ячменного солода и ржаной или кукурузной муки. Однако этот напиток, название которого восходит к ирландскому слову «uisque-batha» – «живая вода», появился лишь в XVI в.

... Клянусь святой Гризельдой... – Святой с таким именем не существовало; однако в средневековых преданиях фигурирует Гризельда, маркиза Салуццо (возможно, реальное истори-

ческое лицо, жившее ок. 1003 г.) – образец верной жены, вошедший в позднейшую европейскую культуру благодаря «Декамерону» (последняя, десятая новелла десятого дня). Дюма либо ошибся, либо – в соответствии с исторической правдой – вложил эту клятву в уста барона потому, что в средние века, особенно в среде мирян, было распространено почитание никогда не существовавших и не признанных церковью святых фольклорного (или даже литературного, например, святой Геркулес) происхождения.

... Клянусь святым Валентином... – Валентин – христианский мученик III в., пострадавший во время гонений при императоре Клавдии II Готском (ок. 214–270; правил с 268 г.); день его поминовения – 14 февраля; в англосаксонских странах считается покровителем влюбленных, и в день святого Валентина принято обмениваться любовными посланиями, преподносить подарки любимым и т. п.

... Клянусь святым псалмом... – Имеется в виду 50-й псалом, который в синодальном русском переводе начинается словами: «Помилуй меня, Боже, по великой милости твоей, и по множеству щедрот твоих изгладь беззакония мои».

... он повиснет у нас на хвосте со своими дурацкими арбалетчиками. – В средние века стрелковое оружие – лук и арбалет (последний появился как раз в XII в.) – считалось оружием неблагородных людей, им были вооружены военные слуги знати. Именно это, по всей видимости, здесь и подразумевается, ибо особые отряды арбалетчиков – нечто вроде мобильной полиции на королевской службе – появились лишь в XIII – нач. XIV в.

... я на тебя ручные кандалы надену! – В средние века ручные кандалы сковывали руки в неудобное положение и применялись не только как гарантия от побега, но и в качестве орудий пытки.

... Ни веры, ни почтения нет с тех пор, как детей стали учить читать всякую писанину и выводить на бумаге каракули! Даже дочь моя заразилась этим пороком: она общается с помощью дьявольских письмён... – Дюма явно преувеличивает действительно существовавшее в средние века опасение перед грамотностью: она считалась необходимой лишь для клириков, но не рыцарей или простолюдинов (монастырские и епископские школы существовали задолго до появления на свет барона Фиц-Олвина), грамотные нередко подвергались обвинениям в чернокнижии, – правда, отношение к знаниям стало меняться в лучшую сторону как раз в XII в. Но в любом случае никто и никогда не мог назвать обычный текст частного письма «дьявольскими письменами». Не забудем, что люди средневековья были христианами, а христианство – религия Писания, к Библии относились не только как к книге, но и как к амулету, буквы алфавита почитались священными, потому что ими были написаны святыя Заветы.

... вы рыдаете, как Магдалина. – Мария Магдалина – и Евангелии последовательница Иисуса Христа; исцеленная им от одержимости бесами, она всюду следовала за ним, стала свидетельницей его крестной смерти и погребения, и именно ей первым явился Христос после своего воскресения. Весьма рано она была отождествлена с грешницей, возлившей на голову Христа миро, омывшей его ноги своими слезами и отершей их своими волосами. Так Мария Магдалина стала образом кающейся блудницы, позднее появились весьма популярные (особенное XII в.) легенды о том, что она жила в пустыни около Марселя в покаянии, предаваясь строжайшей аскезе и непрерывно оплакивая свои грехи.

... удар должен был пасть на филистимлян, но они вознесли мольбы Господу, и меч был убран в ножны. – Филистимляне – индоевропейский народ, в XII в. до н. э. вторгшийся в Палестину (само название страна получила от этого народа) и покоривший ее. Филистимляне вели длительную борьбу с народом Израиля и в Библии выступают как главные враги евреев. В средние века особенно в церковной лексике «филистимляне» – метафора жестокого и беспощадного противника.

Здесь имеется в виду рассказанный в Писании (I Царств, 4–6) эпизод, связанный с ковчегом завета. Когда Господь давал Моисею откровение на горе Синай, он повелел поместить заповеди, высеченные на скрижалях (т. е. каменных пластинах), в ковчег (переносной ларь), причем точно указал, каким должен быть этот ковчег (Исход, 25: 10–21). Ковчег завета, однако, был не просто хранилищем откровения, но и наивысшей святыней, ибо в нем пребывал сам Господь: «Там я

буду открываться тебе и говорить с тобою... о всем, что ни буду заповедывать чрез тебя сынам Израилевым» (Исход, 25: 22). Уже в Святой земле во время сражения израильтян с филистимлянами ковчег завета попал в руки врагов народа Израиля. Но Господь, не желавший, чтобы его святыня находилась у язычников, чудесным образом разрушил идолов филистимлян и поразил жителей города Азот, куда был принесен ковчег, тяжелой болезнью: «и он поражал их, и наказал их мучительными наростами, в Азоте и в окрестностях его» (I Царств, 5: 6). Испуганные филистимляне вернули ковчег израильтянам и принесли им «жертву повинности... пять наростов золотых и пять мышей золотых» (I Царств, 6: 4), после чего болезнь прекратилась.

... *Pater noster qui es in...* – Это начало христианской молитвы «*Pater noster, qui es in coelis...*» (лат. „Отче наш, сущий на небесах!“), текст которой, согласно евангельскому преданию, был составлен самим Христом.

... *Libera nos, quaesumus, Domine!* – Имеется в виду начало католической литургической молитвы «*Libera nos, quaesumus, Domine, ab omnibus malis, praeteritis, praesentibus, et futuris...*» (лат. „Избави нас, молящих, Боже, от всех бед прошлых, настоящих и будущих...“).

... *Domine exaudi orationem meam...* – Это рефрен (лат. «Господи, услышь молитву мою») католической литургической молитвы.

... его сын... был в крестовом походе. – Строго говоря, в описываемое время (1176 г.) крестовых походов не было. Второй поход (см. примеч. к с. 61) давно завершился, а третьему еще предстояло быть объявленным в 1187 г. Но некоторые рыцари совершали вооруженное паломничество в Святую землю, оставались там определенное время, участвуя и стычках с мусульманами, и это тоже могло рассматриваться как участие в крестовом походе.

... превратился в точную копию Вильгельма Рыжего, – Вильгельм II Рыжий (ок. 1063 – 1 КЮ) – король Англии с 1087 г., второй сын Вильгельма Завоевателя. Именно его назвал Завоеватель своим преемником в качестве короля Англии, тогда как Нормандию должен был унаследовать старший брат Вильгельма I, Роберт III Коротконогий (1060–1135). Вильгельм Рыжий принял корону Англии, но ему пришлось вести длительную борьбу со старшим братом, желавшим объединить, подобно отцу, Англию и Нормандию в одних руках. В этой борьбе, закончившейся победой Вильгельма, он пытался, и довольно успешно, опереться на саксонскую знать и вернул ей ряд привилегий, отобранных Завоевателем. Позднее он вступил в конфликт с церковью и значительной частью нормандской знати (враждебно настроенные по отношению к Вильгельму Рыжему хронисты, бывшие сами клириками, обвиняли его в пьянстве, женолюбии и алчности, в том, что он обложил церковь и знать огромными поборами) и был при неясных обстоятельствах убит во время охоты.

... сэр причетник из Копменхерста... – Не совсем ясно, что такое Копменхерст (Cormanhurst), однако этот же топоним упоминается в романе «Айвенго», в сцене встречи Ричарда Львиное Сердце с братом Туком (глава XVI).

... ответил юноша на йоркширском говоре... – Йоркшир – графство в средней части Великобритании; в 1974 г. разделено на три: Северный, Южный и Западный Йоркшир.

Жители северных районов собственно Англии (т. е. к югу от Шотландии) отличаются произношением от жителей юго-восточной Англии, чей диалект считается правильным и положен в основу литературного английского языка (в описываемое время, впрочем, еще не существовавшего).

... Клянусь святым Павлом... – Павел, святой (ок. 5/15 – ок. 62–64) – один из самых почитаемых, наряду с Петром (см. примеч. к с. 15) апостолов. Согласно Писанию, он никогда не был знаком с Христом, в молодости являлся правоверным иудеем (его еврейское имя – Савл) и принимал участие в гонениях на первых христиан; намереваясь начать широкое преследование бежавших из Иерусалима христиан, отправился в Дамаск, но на пути туда испытал чудесное видение – воссиял яркий небесный свет, от которого он упал на землю и на время ослеп, и послышался голос Христа, укорявшего его: «Савл, Савл! Что ты гонишь меня» (Деяния, 9: 4); после этого стал ревностным проповедником христианства и именовал себя только римским именем Павел (он был римским гражданином); по преданию, был казнен в Риме во время гонений на христиан.

... смотрите на этот барбакан... – Барбакан – бойница, амбразура или отверстие для стока воды в стене замка или в крепостной стене.

... старый аркбутан, на него можно встать ногой... – Аркбутан – наружная каменная полуарка, передающая распор свода здания на внешний выступ, каменный столб или стенку – контрфорс.

Руан – город на северо-западе Франции, на реке Сена, в 100 км от ее устья; в описываемое время столица герцогства Нормандия, принадлежавшего английской короне (см. примеч. к с. 14); в настоящее время – административный центр департамента Приморская Сена.

... объявив себя прямым потомком Уолтофа, которому графство Хантингдон пожаловано было Вильгельмом I... – Основателем рода графов Хантингдонских считается Уолтоф(Вальтхеоф), эрл (в саксонской Англии этот титул соответствует титулу графа на континенте) Нортумбрии (Нортумберленда) и Хантингдоншира еще до норманнского завоевания. После норманнского завоевания Уолтоф в 1067 г. попал в плен к Вильгельму Завоевателю, лишился своих владений, в 1070 г. примирился с ним и получил от него Хантингдон (но не Нортумбрию) с титулом графа; умер в 1076 г.

... Капитан подозвал к себе солдат, чтобы согласовать с ними новый план атаки... – Капитан – в средние века так именовался начальник наемного отряда (как в данном случае) либо комендант крепости.

... его записали в полк. – Это анахронизм: рекрутские наборы и членение войска на отряды более или менее одинаковой и постоянной численности – роты, полки и т. п. – появились только в кон. XV в.

... любезно принимали в Барнсдейле... – Возможно, речь здесь идет о деревне Барнсдейл Бар в Йоркшире, расположенной к северу от Ноттингемшира.

... всего несколько месяцев назад вернулся из Иерусалима, куда он попал, участвуя в крестовом походе, так как принадлежал к ордену тамплиеров. – В эпоху крестовых походов в Палестине возникли т. н. духовно-рыцарские, или военно-монашеские, ордена, т. е. такие, члены которых, кроме обычных монашеских обетов – бедности, целомудрия и послушания, – давали еще и обет сражаться с неверными. Воины-монахи воплощали в себе сразу два идеала средневековья – рыцарский и аскетический. Орден тамплиеров, или храмовников (полное название – «Бедные рыцари Христа и Соломонова храма»), был основан в 1118 или 1119 г.; название получил по резиденции ордена, находившейся в Иерусалиме на месте храма (фр. temple) Соломона. Орден был одной из влиятельнейших и богатейших организаций не только в созданном крестоносцами Иерусалимском королевстве, но и в Европе; упразднен в 1312 г.

О крестовом походе в описываемое в романе время (ок. 1182 г.) см. примеч. к с. 175.

... Я могу отказаться от своего обета... – Отказаться от обета тамплиер мог только с личного разрешения папы римского.

... Не выпьешь ли со мной чарку рейнского? – Рейнское вино, или рейнвейн, – высококачественный напиток, получаемый с известных еще в римские времена виноградников в Рейнской области.

... полдюжины бутылок с узким длинным горлом, полных добрым рейнским вином... – Данное описание представляет собой анахронизм. Бутилирование вина, т. е. сцеживание его из бочек, использование пробковых затычек, а также хранение в заткнутых пробками бутылках не было известно в Европе до кон. XVI в. (по мнению ряда исследователей, даже до кон. XVII в.). Сами по себе бутылки известны еще с римских времен, причем уже тогда они были двух видов: цилиндрические с коротким цилиндрическим горлом (не ранее XVII в., а может быть, и XVIII в. они получили название бордосских бутылок) и более или менее конической формы с длинным сужающимся горлом (рейнские бутылки; название дано тогда же). Однако вино в бутылки разливалось перед подачей на стол и никогда в них не хранилось. Насколько можно судить по средневековой живописи, бутылка, более или менее приближающаяся по форме к рейнской, представляла собой стеклянный графин, скорее шарообразный, чем конический, но действительно с длинным узким горлом.

... пять тысяч золотых в день свадьбы... рядом с вашими десятью тысячами могу положить

миллион злотых, — да что я говорю миллион? — два миллиона. — К концу правления Генриха II годовой доход английского казначейства составлял около 30 тысяч крон золотом, так что приведенные здесь цифры — совершенно фантастические.

... какое положение вы занимаете при короле Людовике. — Хронологическая ошибка: действие происходит около 1185 г., когда король Франции Людовик VII (ок. 1120–1160; правил с 1137 г.) уже много лет как умер. Ему наследовал его сын король Филипп II Август (см. примеч. к с. 473), который и правил в указанное время.

... его записали в полк, входивший в войско, которое до сих пор занимает Нормандию. — Напомним, что Нормандия до 1202–1204 гг. принадлежала английским королям.

... я держу в памяти имена тех презренных англичан, которые предполагали отдать свою родину под иноземное иго. — Весьма анахронистическое высказывание: в XII в. еще не было представлений о нации, о национальном отечестве; можно было говорить о верности государю, но не государству.

... лицо огромного парня, одетого в рясу доминиканского монаха. — Это анахронизм: нищенствующий орден (см. примеч. к с. 67) Братьев-проповедников, иначе называемых доминиканцами, по имени его основателя, святого Доминика Гусмана (1170–1221), был создан в 1215 г., т. е. позднее описываемых событий. Заметим, впрочем, что выше брат Тук (а речь здесь идет о нем) был назван монахом бенедиктинского ордена (см. примеч. к с. 36).

... стал подумывать о сыновьях Генриха II. В то время, когда непрерывная борьба враждующих партий раздирала Английское королевство... — У короля Англии Генриха II было четверо сыновей: Генрих (1155–1183), Ричард (1157–1199), Жоффруа (Джеффри; 1160–1186) и Иоанн (Джон; 1167–1216). В 1169 г. Генрих II произвел раздел своих владений между сыновьями: Генрих Молодой стал соправителем отца (с королевским титулом) и получил в управление континентальные владения; будущий (с 1189 г.) король Англии Ричард I Львиное Сердце — Аквитанию и Пуату; Жоффруа — Бретань; младший, впоследствии (с 1199 г.) король Англии Иоанн II, не получил ничего, кроме прозвища Безземельный. Вскоре после этого раздела началась борьба отца с сыновьями и сыновей между собой, особенно усилившаяся ок. 1180 г., когда в распрю вмешался французский король Филипп II Август (см. примеч. к с. 473), искусный политик, стремившийся вернуть Франции континентальные владения английских королей. В распре старого короля с его сыновьями Филипп Август стремился стравить всех со всеми, чтобы ослабить Англию.

... Епископ Херефордский... должен был венчать супругов... — В описываемое время (ок. 1185 г.) епископом Херефордским был или Роберт Фолио (ум. в 1186 г.), или Уильям де Вере (ум. в 1198 г.), но вряд ли здесь имеется в виду конкретное лицо. Херефорд — главный город графства Херефорд-энд-Вустер, расположенного в Средней Англии; с 672 г. резиденция епископа; в городе сохранился великолепный норманнский собор XII в.

... в окрестности аббатства Сент-Мэри... — В Англии существовало множество аббатств, посвященных Деве Марии; здесь, судя по тексту, имеется в виду монастырь, располагавшийся близ Ноттингема.

... род ведет свое происхождение от короля Этельреда. — Неясно (может быть, и самому Дюма или его персонажу), кто из королей саксонской Англии здесь имеется в виду: Этельред I (? — 871; правил с 865 г.) или Этельред II Безрассудный (968–1016; правил с 978 г.).

Послушник — лицо, живущее в монастыре и готовящееся принять постриг; послушник должен во всем подчиняться монастырскому уставу, но может в любое время покинуть обитель.

... имение было расположено неподалеку в Ланкашире. — Ланкашир — графство на западе Англии, на побережье Ирландского моря; главный город — Ланкастер.

... Один из наших людей был в Шеффилде... — Шеффилд — город в центральной части Англии, ныне административный центр графства Саут-Йоркшир.

... подайте всего несколько пенсов... — Пенс — принятое в отечественной (и европейской) литературе неточное (англ. ед. ч. — penny, мн. ч. — pence, что, строго говоря, следует передавать по-русски как «пенни» и «пенсы») название английской (позднее — британской) монеты. Ее название (староангл. pening), как, кстати сказать, и название немецкого пфеннига, произведено от лат. pannus — «кусочек ткани», ибо единицей обмена у древних германцев (напомним: англосак-

сы – выходцы из Германии) была штука холста. Впервые серебряный «пеннинг» упоминается в 790 г. В описываемое время в Англии был в ходу серебряный пенни, именуемый также «пенни с коротким крестом» – по изображению на его реверсе, или «Генрих» (Henricus) – по имени Генриха II, который в 1180 г. повелел чеканить такую монету (она находилась в обращении до 1247 г.) с содержанием 1,35 г серебра. С кон. XVII в. пенни чеканился из меди, с 1860 г. – из бронзы. До 1971 г. денежная единица Англии (и Великобритании) – фунт стерлингов – делилась на 20 шиллингов, а шиллинг – на 12 пенсов, т. е. в фунте было 240 пенсов. Со введением в Соединенном королевстве метрической системы пенни составляет 1/100 фунта.

... надел старую шляпу, обшитую ракушками... – Раковины на головные уборы в средние века нашивали паломники.

... разделяешь мнение негодяев, презирающих женское общество? – В средние века, несмотря на проповедь аскетизма и безбрачия, мирянин, избегающий женщин, мог подвергнуться обвинениям в склонности к однополой любви («нечестивому преступлению», как говорили тогда) либо к ереси, ибо некоторые еретические секты считали плотские отношения даже и в браке абсолютным грехом.

... я иду из Бэмбурга. – Бэмбург – город в графстве Нортумберленд, на северо-востоке Англии, на побережье Северного моря.

... что я скажу приору? – Приор – здесь: заместитель аббата (см. также примеч. к с. 36).

... начавшийся день заканчивается в полдень... – В средние века в обыденной жизни не было общепринятого исчисления времени; сутки отсчитывались и с рассвета, и с полуночи, и с полудня. Однако в церковном обиходе новый день всегда начинался с полуночи, поэтому утверждение аббата говорит о том, что для удовлетворения своей алчности он готов на обман.

... послал их на дорогу, ведущую в Йорк... – Йорк – город на востоке Англии, на реке Уз; возник на месте римского поселения Эборак; в описываемое время и до 1974 г. был центром графства Йоркшир, ныне – графства Северный Йоркшир.

... в Ноттингемшир, в Дербишир и в Йоркшир послан королевский указ... – Дербишир – графство в Центральной Англии, к западу от Ноттингемшира; главный город – Дерби.

... Смерть Генриха II возвела на трон его сына Ричарда, и тот, растратив королевскую казну, отправился в крестовый поход, оставив регентом своего брата принца Джона... – Имеются в виду Ричард Львиное Сердце и его брат, будущий король Иоанн Безземельный (см. примеч. к с. 313). Ричард, снедаемый жаждой славы и мало обращавший внимание на дела своего королевства, взойдя на престол в 1189 г., принял участие в крестовом походе, целью которого было объявлено возвращение христианам захваченного мусульманами в 1187 г. Иерусалима. Для организации этого похода Ричард не только опустошил казну, но и обложил население неподъемными налогами. Брат короля, принц Джон, в отсутствие его тут же принялся забирать власть в свои руки.

Третий крестовый поход (1189–1192) оказался безрезультатным, и Иерусалим остался в руках неверных.

Регент – в монархических государствах лицо (чаще всего ближайший родственник), замещающее монарха в случае малолетства, недееспособности или отсутствия его. Следует отметить, что в описываемое время такое лицо называли наместником, а слово «регент» появилось лишь в XIV в.

... привлекли к себе внимание Лоншана, великого канцлера Англии, епископа Элийского. – Уильям Лоншан (? – 1197), епископ Элийский (Эли, в другой транскрипции Или – город в Англии, в 25 км к северо-востоку от Кембриджа, на правом берегу реки Уз; в нем сохранился великолепный собор XI–XVI вв.), лорд-канцлер и великий юстициарий (верховный судья), был поставлен Ричардом управлять Англией совместно с принцем Джоном на время участия короля в крестовом походе. Лоншан вмешался в борьбу придворных партий, вызвал гнев всех сословий своими вымогательствами и в конце концов был принужден бежать из Англии.

... Два года спустя после этого похода Ричард вернулся в Англию, и принц Джон, небезосновательно опасаясь гнева брата... – Возвращаясь из крестового похода сухопутной дорогой через Германию, Ричард Львиное Сердце попал в 1192 г. в плен к своему старинному недругу Лео-

польду V Бабенбергу (1157–1194), герцогу Австрийскому с 1177 г. Принц Джон стал распускать слухи о том, что Ричард умер, и попытался захватить власть. В нач. 1194 г. Ричард вернулся в Англию, обвинил брата в измене и начал военные действия против него, но вскоре, впрочем, примирился с Джоном.

... клянусь святым Губертом... – Губерт, святой (656–728) – епископ Маастрихтский и Льежский, в средние века считавшийся небесным покровителем охотников.

... Клянусь совестью моей матери!.. поспешим заметить, что у благородной дамы Алиеноры было очень мало совести... – Мать Ричарда, супруга Генриха II Английского Алиенора (Альенор) Аквитанская (ок. 1122–1204), прославилась своей бурной жизнью. Наследница обширного герцогства Аквитания, покровительница поэтов, она была в 1137 г. выдана замуж за короля Франции Людовика VII (см. примеч. к с. 295). Убедившись в наличии у королевы весьма бурного темперамента, Людовик, отправившись во второй крестовый поход, взял Алиенору с собой, но это не помогло – король застиг свою супругу в объятиях сарацинского пленника. Последовал бракоразводный процесс, молодая разведенная владелица обширных и богатых земель оказалась предметом вожделений многих соискателей ее руки, и в 1152 г. молодой граф Анжуйский Анри Плантагенет – будущий английский король Генрих II, – опасаясь соперников, тайно обвенчался с ней. Семейная жизнь их оказалась тяжелой: король постоянно изменял жене, королева не оставалась в долгу и всячески интриговала против мужа, втягивая в интриги сыновей, так что король значительную часть их совместной жизни держал ее в почетном заточении в замке на севере Англии.

... моя нежная Беренгария... – Беренгария Наваррская (ок. 1175–1230) – дочь короля Наварры Санчо, супруга Ричарда Львиное Сердце с 1191 г.

... служил в войсках короля Генриха в Аквитании, Пуату, Арфлёре, Эврё, Бове, Руане... – Аквитания, Пуату – см. примеч. к с. 14. Арфлёр – город в Нормандии, ныне – в департаменте Приморская Сена.

Эврё – город в Нормандии, ныне – административный центр департамента Эр.

Бове – город в Нормандии, не входивший в состав Нормандского герцогства, а являвшийся центром одноименного епископства, глава которого носил графский титул и являлся церковным пэром Франции; ныне – административный центр департамента Уаза. Руан – см. примеч. к с. 224.

Следует отметить, что все указанные земли и города, включая Бове, в описываемое время являлись владениями английских королей.

... Клянусь святым Дионисием/ – Дионисий, святой (ум. ок. 270 г.) – мученик и первосвященитель Галлии, первый епископ Парижский, был чрезвычайно популярен среди французов, а значит, и графов Анжуйских, которые были также королями Англии.

... коронация Ричарда, происходившая в Винчестере вскоре после его возвращения в Лондон... – Неточность: Ричард короновался вскоре после смерти отца 3 сентября 1189 г. в Лондоне, в Вестминстерском аббатстве. В 1194 г. по всей Англии торжественно отмечалось возвращение из плена Ричарда Львиное Сердце. Винчестер (Уинчестер) – старинный город на юге Англии, примерно в 100 км к юго-западу от Лондона, административный центр графства Хэмпшир; его кафедральный собор, сооруженный в XI–XV вв., – второй по высоте в Европе.

... Ричард уехал на континент, куда его призывало острое желание отомстить Филиппу Французскому... – Король Франции Филипп II Август (1165–1223; правил с 1180 г.) ставил своей едва ли не главной целью возвращение под свою руку английских владений на континенте и для этого не брезгал никакими методами. В союзе с Ричардом он боролся с королем Генрихом II Английским (ср. примеч. к с. 313), а после смерти старого короля тут же выступил против своего вчерашнего союзника. В 1190 г. Филипп против своей воли под давлением церкви и общественного мнения (насколько можно говорить об общественном мнении передние века) отправился в крестовый поход. Там он беспрерывно ссорился с Ричардом и в 1191 г. под предлогом болезни вернулся во Францию, где тут же начал захватывать английские владения в Нормандии и Пуату. Вернувшись из плена в 1194 г., Ричард Львиное Сердце начал войну с Филиппом, отправился на континент и к 1198 г. вернул значительную часть своих земель, но в 1199 г. при осаде замка од-

ного из своих вассалов, которого Ричард обвинил в тайных связях с французским королем, король Англии был ранен стрелой и умер (видимо, от заражения крови).

... послал запрос Хьюберту Уолтеру, архиепископу Кентерберийскому, хранителю печати и верховному судье Английского королевства. – Уолтер, Хьюберт (? – 1205) – архиепископ Кентерберийский с 1193 г., великий юстициарий Англии.

... Джон... послал сотню человек под командованием сэра Уильяма Грея, старшего брата Джона Грея, своего любимца... – Джон Грей (7 – 1214) – епископ Норвичский, великий юстициарий Ирландии, соратник Иоанна Безземельного; о его брате практически ничего не известно, неясно даже, звали ли его Уильям (есть данные, что его имя было Уолтер).

... явился в Скарборо. – Скарборо – город в Англии, в Йоркшире, на берегу Северного моря.

... заметили небольшой французский корвет... – Корветы – легкие военные парусные суда, предназначенные для разведки, появились только в XVIII в., так что упоминание их в этом контексте – анахронизм.

... вез королю Франции крупную сумму – около двенадцати тысяч ливров. – Ливр – старинная французская серебряная монета, основная денежная и счетная единица страны до кон. XVIII в.; во время Революции была заменена почти равным ей по стоимости франком; окончательно изъята из обращения в 1834 г. 12 000 ливров серебром в нач. XIII в. составляли приблизительно месячный доход французской казны.

... Вскоре после того как была подписана Великая Хартия, король Джон, совершив ряд чудовищных деяний, кинулся лично преследовать юного короля Шотландии, отступавшего перед его натиском... – Король Иоанн Безземельный не был популярен в Англии. Его обвиняли в нарушении прав аристократии и церкви, введении тяжелейших налогов, убийстве своего племянника Артура (1186–1203), сына Жоффруа Бретонского (см. примеч. к с. 313). Итогом общего недовольства стало восстание, возглавленное высшей аристократией, в котором участвовали также рыцари и горожане. 15 июня 1215 г. Иоанн принял требования мятежников, и подписанный им документ получил название Великой Хартии вольностей. В ней впервые в Европе объем власти короля определялся не обычаем, а законом. Одна из статей Хартии гласила, что ни один свободный человек не может подвергаться наказанию без суда равных ему – это считается одной из первых формулировок принципа гражданской свободы. Иоанн, впрочем, не собирался выполнять Хартию. Воспользовавшись смутами в Англии, юный король Шотландии Александр II (1198–1249; правил с 1214 г.) в декабре 1215 г. вторгся в Англию (английские историки настаивают на том, что это был завоевательный поход, шотландцы утверждают, что Александра пригласили английские бароны, чтобы наказать Иоанна за невыполнение Хартии). Иоанн сумел отбить шотландцев.

... Джон двигался в сопровождении нескольких генералов, которые за свои подвиги получили весьма выразительные прозвища: одного звали Халео Без Потрохов, другого – Молеон Кровавый, третьего – Уолтер Мам Убийца, четвертого – Соттим Жестокий, пятого – Годешаль Бронзовое Сердце. – Здесь или вымысел Дюма, или неточное прочтение не всегда верного написания имен в средневековых хрониках. Из указанных выше персонажей идентифицирован лишь Сэвори де Молеон (годы жизни неизв.), который 14 января 1216 г. в Линкольншире сумел в отчаянной кавалерийской атаке отбить нападение шотландцев во время их похода на Англию (см. пред. примеч.).

... как в царствование Генриха II для них было грозой имя Херварда Уэйка. – Хервард Уэйк (т. е. «Бдительный») жил при Вильгельме Завоевателе, а не при Генрихе II, и вошел в легенды, в которых невозможно отличить правду от вымысла. Хервард был то ли мелким землевладельцем, то ли зависимым крестьянином некоего аббатства. 13 1070–1071 гг. он поднял восстание против норманнских завоевателей, поддержанное высшей саксонской знатью; после подавления восстания скрылся в болотах около города Эли (Или), откуда совершал набеги, грабил – по легенде – богатых норманнов и раздавал все бедным саксам, всегда был настороже (отсюда его прозвище). По одной версии, он был убит в 1073 г., когда капеллан, охранявший сон Херварда, заснул сам, а по другим данным, в 1086 г. он был еще жив.

... Джон дошел до Эдинбурга, но, не сумев захватить короля Шотландии, направился в Дувр... – Эдинбург – город в Шотландии, основанный в X в.; в описываемое время не был столицей Шотландского королевства (тогда ею был Перт) и получил указанный статус лишь в XV в.

Дувр – город в Англии, на берегу пролива Па-де-Кале (в Англии он называется Дуврский пролив) у самого узкого места этого пролива (ок. 29 км ширины); основан норманнами как береговой замок вскоре после их завоевания Англии.

... король Джон умер, оставив престол своему сыну Генриху. – После смерти Иоанна Безземельного на престол взошел его сын Генрих III (1207–1272), которому в год смерти отца в 1216 г. было девять лет.

... граф Пембрук, опекун малолетнего короля... – Имеется в виду Уильям Маршалл, первый граф Пембрук (? – 1219) – видный государственный и военный деятель Англии. Один из баронов, принудивших Иоанна Безземельного подписать Великую Хартию вольностей, он, после отказа Иоанна соблюдать ее, обратился к Филиппу Августу с предложением английской короны для сына и наследника Филиппа, будущего короля Франции Людовика VIII (1187–1226; правил с 1223 г.). Однако после смерти Иоанна граф присягнул Генриху III и выступил против Франции. Фактически сразу же после воцарения Генриха III английские бароны вручили Уильяму Маршаллу регентство с титулом «правитель короля и королевства».

... она перерезала лучевую артерию... – Лучевая артерия проходит по внутренней стороне руки вдоль лучевой кости от локтевого сустава до запястья; в средние века и позднее при кровопускании обычно перерезали именно эту артерию на локтевом сгибе.

... в Хатерсейдже, расположенном в шести милях от Кастлтона, в Дербишире. – Селения Хатерсейдж и Кастлтон в Дербишире расположены: первое – в 15 км к западу от города Шеффилд, второе – в 21 км от него.